

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск

248

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 248 2017**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 248 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 360 с., ил.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-94457-326-1

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки –
пальчатая фибула из могильника у с. Лучистое
(к статье Э. А. Хайрединовой)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-326-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Авторы, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ XIII ЕЖЕГОДНОЙ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОСТОЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» (ИА РАН, 12–14 АПРЕЛЯ 2016 г.)

<i>Кызласов И. Л.</i> XIII Ежегодная Московская конференция «Восточные древности в истории России. Эпоха Средневековья»	7
<i>Антипина Е. Е., Яворская Л. В.</i> Трасологический анализ и интерпретация инструментально обработанных бараньих лопаток из городов Золотой Орды	12
<i>Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р.</i> Поселение гончаров Бабиш-Мулла 7 в низовьях Сырдарьи (раскопки 2015 года)	20
<i>Владимиров С. И.</i> Типология и истоки форм наконечников стрел населения Донско-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X в. (салтово-маяцкая культура)	36
<i>Войтов В. Е.</i> «Тени забытых предков» – к родословной Эльтерес-кагана и его братьев	49
<i>Лопан О. В., Волков И. В.</i> Об одном редком типе зеркал золотоордынского времени	57
<i>Зайцев И. В.</i> Памятники османской эпиграфики в собрании Музея истории города-курорта Сочи	72
<i>Лифанов Н. А.</i> Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке.	79
<i>Малашев В. Ю., Болелов С. Б.</i> 1-е Паласа-сыртское городище в Южном Дагестане.	91

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА «ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ СКВОЗЬ ВЕКА: ИСТОКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ. ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» (ИА РАН, 13–14 ДЕКАБРЯ 2016 г.)

<i>Канторович А. Р.</i> О принципах классифицирования и кодирования изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (на примере мегаобраза хищника)	111
<i>Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б.</i> Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан)	134
<i>Гуляев В. И.</i> Деревянные чаши скифского времени с золотыми обкладками в виде хищных птиц	149
<i>Поллидович Ю. Б.</i> Один из мотивов изображения горного козла в раннескифском искусстве.	166
<i>Миклашевский Е. А.</i> Новые материалы по наскальному искусству скифского времени в горах Оглахты (Хакасия)	185
<i>Дэвлет Е. Г.</i> Конвергентно возникающие созвучия зооморфным персонажам с декорированным туловищем: звериный стиль или свободная стилизация?	198
<i>Дворученский О. В.</i> Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара	207

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Сотникова С. В.</i> Памятники с радиально-круговой планировкой: формирование модели сакрального пространства и реконструкция представлений (от синташтинской традиции к эпохе раннего железного века)	220
<i>Хайрединова Э. А.</i> Детское погребение первой половины VII в. с пальчатými фибулами днепровского круга из могильника у села Лучистое в Юго-Западном Крыму	232
<i>Волкова Е. В., Суханов Е. В.</i> Возможности и пределы применения метода геометрической морфометрии для анализа форм глиняных сосудов.	249
<i>Клемешова М. Е.</i> Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–2012 гг. (по данным технико-технологического анализа)	262
<i>Седов Вл. В.</i> Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н. Н. Воронина)	278
<i>Кудрявцев А. А.</i> Скандинавский амулет из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом	290
<i>Глазунова О. Н., Денисов С. А.</i> Бондарные изделия из комплекса погребов Воскресенского Новоиерусалимского монастыря	298
<i>Державин В. Л.</i> Последние кресты Шпицбергена.	306

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

<i>Завьялов В. И., Терехова Н. Н.</i> Становление кузнечного ремесла в степной Скифии (на примере Каменского городища).	317
<i>Добровольская Е. В., Сорокин А. Н.</i> Археозоологические материалы финально-плейстоценового – раннеголоценового времени из Подмосковья и некоторые вопросы геоархеологии.	332

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Армарчук Е. А., Трунаева Т. Н.</i> О работе Ляйлякской экспедиции ИА РАН	347
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	355
ОТ РЕДАКЦИИ.	359

CONTENTS

TRANSACTIONS OF XIII MOSCOW YEARLY CONFERENCE «ORIENTAL ANTIQUITIES IN THE HISTORY OF RUSSIA. MEDIEVAL EPOCH» (MOSCOW, IA RAS, 2016, APRIL 12–14)

<i>Kyzlasov I. L.</i> XIII Moscow Yearly Conference «Oriental Antiquities in the History of Russia. Medieval Epoch»	7
<i>Antipina E. E., Yavorskaya L. V.</i> Tracewear Analysis and Interpretation of Worked Sheep Shoulder Blades from Golden Horde Towns	12
<i>Bolelov S. B., Utubaev Zh. R.</i> Potters' Settlement of Babish-Mulla 7 in the Lower Reaches of the Syr Darya (2015 Excavations)	20
<i>Vladimirov S. I.</i> Typology and Origins of the Forms of Arrowheads Used by the Population in the Don-Donets Region in the Second Half of the 8 th – Early 10 th Centuries (Saltovo-Mayaki Culture)	36
<i>Voytov V. E.</i> «Shadows of Forgotten Ancestors»: Genealogy of Ilterish Hagan and His Brothers	49
<i>Lopan O. V., Volkov I. V.</i> One Rare Type of Mirrors of the Golden Horde Period	57
<i>Zaytsev I. V.</i> Ottoman Epigraphy from the Historic Museum of the Resort City of Sochi	72
<i>Liphanov N. A.</i> A New Early Saltovo Burial and Memorial Site on the Samara Bend	79
<i>Malashev V. Yu., Bolelov S. B.</i> The 1 st Palasa-Syrt Fortified Settlement in Southern Dagestan.	91

TRANSACTIONS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC SEMINAR «ANIMAL STYLE THROUGH CENTURIES: ORIGINS, TRANSFORMATIONS, REMINISCENCES. ART OF EURASIAN STEPPES NOMADS IN I MILLENNIUM BC – I MILLENNIUM AD» (MOSCOW, IA RAS, 2016, DECEMBER 13–14)

<i>Kantorovich A. R.</i> Basic Principles of Classification and Coding of Images of the Eastern European Scythian Animal Style (on an Example of the Mega-Image of a Predator)	111
<i>Beysenov A. Z., Jumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Duysenbay D. B.</i> Zoomorphic Decoration of the Case from the Early Saka Kurgan (Central Kazakhstan)	134
<i>Gulyaev V. I.</i> Wooden Cups of the Scythian Period with Gold Appliques Featuring Birds of Prey	149
<i>Polidovich Yu. B.</i> One of the Motifs of Ibex Images in Early Scythian Art	166
<i>Miklashevich E. A.</i> New Materials on Rock Art of the Scythian Period in the Oglakhty Mountains (Republic of Khakasia)	185
<i>Devlet E. G.</i> Convergent Similarities to Zoomorphic Characters with a Decorated Body: Animal Style or Free Stylization?	198
<i>Dvurechenskiy O. V.</i> Bronze Arrowheads from the Uzundara Fortress	207

PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Sotnikova S. V.</i> Sites with Radial/Circular Planning: Development of the Model of Sacral Space and Reconstruction of Concepts (from the Sintashta Tradition to the Early Iron Age Period)	220
<i>Khairedinova E. A.</i> The Child's Grave of the First Half of the 7 th Century BC with Bow-shaped Fibulas of the Dnieper Culture Type from the Burial Ground near the Village of Luchistoe in the Southwestern Crimea	232
<i>Volkova E. V., Sukhanov E. V.</i> Possibilities and Limitations in Applying the Geometric Morphometrics Method for Analysis of the Clay Pot Shape.	249
<i>Klemeshova M. E.</i> Results of the Study of Handmade Ceramics from 2010–2012 Excavations at the Vestnik-1 Settlement and Necropolis	262
<i>Sedov Vl. V.</i> The Sarcophagus of the Prince Vsevolod the Big Nest in the Assumption Cathedral (based on N. N. Voronin's data)	278
<i>Kudryavstev A. A.</i> A Scandinavian Amulet from Excavations of the Annunciation Church at Gorodishche near Novgorod	290
<i>Glazunova O. N., Denisov S. A.</i> Cooperage from the Set of Cellars in the Novo-Ierusalimskiy Monastery	298
<i>Derzhavin V. L.</i> Last Crosses of Spitsbergen	306

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES

<i>Zavyalov V. I., Terekhova N. N.</i> Evolvment of Blacksmith Craft in Steppe Scythia.	317
<i>Dobrovolskaya M. V., Sorokin A. N.</i> Archaeozoological Materials on Faunal Assemblages of the Late Pleistocene – Early Holocene Period in the Moscow Region and Some Issues of Geoarchaeology	332

FROM THE HISTORY OR ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

<i>Armarchuk E. A., Trunaeva T. N.</i> On the Activity of the Lyailyak Expedition of IA RAS.	347
--	-----

ABBREVIATIONS.	355
SUBMISSION GUIDE.	359

МАТЕРИАЛЫ
XIII ЕЖЕГОДНОЙ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОСТОЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ.
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»
(ИА РАН, 12–14 АПРЕЛЯ 2016 г.)

И. Л. Кызласов

XIII ЕЖЕГОДНАЯ МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВОСТОЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ.
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

Резюме. В настоящем выпуске журнала представлен ряд материалов ежегодной научной конференции, посвященной изучению восточных древностей эпохи Средневековья. Конференция представляет собой городское академическое мероприятие, направленное на научное общение и объединение московских востоковедов-медиевистов вокруг обсуждения насущных проблем и задач, новых результатов исследований, новых проектов и методов. С 2003 г. конференция ежегодно проводилась Группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, ныне впервые она прошла на базе Отдела средневековой археологии.

Ключевые слова: востоковедение, археология, Средневековье, конференция, Институт археологии РАН.

В Москве существует восемь научных центров, проводящих исследования восточных средневековых древностей. Все эти учреждения работают по собственным планам и самостоятельно реализуют свои изыскательные цели: Институт археологии РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт востоковедения РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (кафедры археологии исторического факультета, НИИ и Музея антропологии МГУ, Института стран Азии и Африки МГУ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Государственный исторический музей, Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ), НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры РФ. Каждый из этих центров организует и проводит разного рода формы коллективного общения, однако они были и поныне остаются направлены на решение задач и планов каждого из этих отдельных научных учреждений.

Конференция «Восточные древности в истории России. Эпоха Средневековья» была задумана как ежегодное городское академическое мероприятие, направленное на систематическое научное общение, объединяющее московских востоковедов-медиевистов всех существующих в столице профильных учреждений ради обсуждения актуальных задач, свежих результатов исследований, новых проектов и методов, апробации обобщающих работ и тому подобной совместной ученой деятельности. С 2003 г. конференция ежегодно проводилась Группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, ныне впервые она прошла на базе Отдела средневековой археологии. До тех пор такой объединительной городской конференции в Москве не существовало, нет ее и сегодня, поскольку это место надежно заняла оказавшаяся весьма жизнеспособной Ежегодная Московская конференция, традиционно проходящая каждую весну (в конце марта, в апреле) перед началом полевых археологических работ. На этот раз XIII ЕМК прошла в стенах института 12–14 апреля 2016 г.

За прошедшие годы значение конференции постоянно возрастало. Увеличилось число ее участников – археологов, антропологов, искусствоведов, музейщиков и иных специалистов. Задуманная как сугубо московское городское мероприятие (и потому не планировавшая средств ни на дорожные, ни на квартирные расходы участников), конференция переросла эти организационные границы. Из года в год на нее приезжают и заинтересованно участвуют в работе ученые Санкт-Петербурга, Самары, Воронежа, Луганска, периодически – Ростова-на-Дону, Волгограда, Саратова, Астрахани, Донецка, Симферополя, заочно и других городов Европейской России, Украины, Болгарии, Польши, Узбекистана.

Если поначалу заседания проходили в один, а долгие годы – в два дня, то прошедшая и отчетная конференция заняла уже три полных рабочих дня. В заседаниях XIII ЕМК в апреле 2016 г. приняло участие 46 человек, в том числе из трех зарубежных учреждений, было заслушано 28 докладов. Особенностью конференции является возможность подробного обсуждения каждого доклада, предоставляемая сразу за его оглашением. Как выясняется, уже одна эта организационная черта постоянно привлекает исследователей и множит число слушателей.

В отчетном году, в зависимости от тематики, число участников ежедневно составляло 20–30 человек. В заседаниях приняли участие доктор и кандидаты исторических наук, шесть заведующих подразделениями, два ученых секретаря трех институтов РАН, пяти университетов, трех музеев, одного института Минкультуры РФ и одного телевизионного канала: девяти подразделений Института археологии РАН (20 человек), двух подразделений Института этнологии и антропологии РАН (3 человека), одного отдела Института востоковедения РАН – два человека, два сотрудника НИИ культурного и природного наследия, три сотрудника Государственного Эрмитажа (СПб.), 7 человек из Музея искусства народов Востока, два человека из Исторического музея и по одному представителю Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина (СОИКМ), Самарского госуниверситета, Воронежского госуниверситета, Российского государственного гуманитарного университета, Первого канала телевидения. Доклады трех ученых из Луганска представил доцент Луганского госуниверситета.

Постепенно расширяется и тематика конференции, углубляя рассмотрение тех процессов Средневековья, которые восходят к предшествующим эпохам –

раннему железному веку, а порой и к эпохе бронзы – или, напротив, продолжают существовать позднее, в новое и новейшее время. В связи с этим в прошлом и в отчетном году подзаголовки конференции были дополнены и приобрел следующий вид: «Восточные древности в истории России. Эпоха Средневековья и ее археологическое окружение».

Наиболее ранний, но очень колоритный материал был представлен П. П. Коваленко и К. И. Красильниковым (Луганский госуниверситет) в докладе «Вислообразный ладьевидный топор колонтаевского типа из степного Подонцовья». Древностям Средней Азии были посвящены доклады трех сотрудников ГМИНВ (Москва) – С. Б. Болелова «Ранние земледельцы в низовьях Сырдарьи (Новые данные к характеристике чирикратской археологической культуры)»; З. С. Галиевой «К истории изучения древнего орошения Средней Азии на примере Приаралья и Самаркандского Согда»; О. Н. Иневаткиной «Ландшафт раннесредневекового Согда (опыт реконструкции)»; а также С. А. Яценко (РГГУ) «Гравировка по кости с “триумфальной” сценой I–II вв. н. э. с усуньского поселения Кызылбулак-IV в Семиречье» и А. И. Торгоева (Отдел Востока ГЭ, СПб.) «Средневековый могильник Сары-Жолга на озере Иссык-Куль (аварийные исследования 2010 г.)».

О культуре раннесредневековых тюркских народов шла речь в докладах В. Е. Войтова (ГМИНВ) «Тени забытых предков: к родословной Эльтерес-кагана и его братьев» и И. Л. Кызласова (ИА РАН) «Категории вечного в эпоху рунического письма (по эпиграфическим и археологическим источникам)»; материалы Дагестана представили два доклада: С. Б. Болелова и В. Ю. Малашева (ГМИНВ, ИА РАН) «1-е Паласа-сыртское городище в Южном Дагестане: предварительные итоги исследований», а также А. В. Кулиша (Отдел Востока ГЭ, СПб.) «К интерпретации двух христианских построек на некрополе городища Чир-Юрт (Дагестан)».

Новые исследования древностей Восточной Европы, принадлежащих к периоду Хазарского каганата, продемонстрировали доклады самарских и воронежских археологов: Д. А. Сташенкова (СОИКМ) «О назначении костяных пластин из Шиловского могильника: вариант реконструкции»; Н. В. Лифанова (СамГУ) «Новые раннесалтовские комплексы на Самарской Луке (раскопки 2015 г.)»; С. И. Владимирова (ВГУ) «Типология и истоки форм наконечников стрел населения Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X в. (салтовомаяцкая культура)»; а также А. В. Сазанова (Историческая библиотека / МГУ / Первый канал РТ) «Хронология керамических комплексов Крыма второй половины VII – первой половины VIII в.».

Два исследователя основывали свои наблюдения на антропологических материалах: И. К. Решетова (ИА РАН) – «Антропологические материалы салтовомаяцкой культуры из одного погребения в горне», и С. Г. Комаров (Институт этнологии и антропологии РАН) – «К вопросу об антропологическом составе кочевого населения степного Прииртышья раннего средневековья».

Сравнения степных и древнерусских материалов произвела Н. В. Жилина (ИА РАН) – «Характерные черты кочевнического убора из украшений в связи с костюмом (на примере сравнительного анализа со славяно-русским IX–X вв.)». Два выступления сотрудников Луганского госуниверситета были посвящены культуре половцев: К. И. Красильникова «Половецкие изваяния степного

Подонцовья в контексте статуйного культуриногенеза тюркских народов», а также доклад Е. К. Апареевой «Признаки возрастной и социально-сакральной персонификации женских половецких изваяний XI–XIII ст.», который был зачитан председателем из-за отсутствия докладчицы.

Итоги раскопок ИА РАН прошлого сезона в Великом Болгаре подробно представили В. Ю. Коваль – «О фортификации Болгарского городища в XIV в.», и Д. Ю. Бадеев – «К вопросу об усадьбах золотоордынского Болгара (по материалам раскопок в 100–160 м к юго-западу от Соборной мечети)».

Древности золотоордынского периода стали предметом исследований О. В. Двуреченского (ИА РАН) – «Новые находки на месте Донского побоища. Работы 2013–2014 гг.», В. Д. Гукина (ГЭ) – «Продолжение раскопок в портовом районе Судака в 2015 г.», О. В. Лопан и И. В. Волкова (НИИ наследия Минкультуры РФ) – «Об одном редком типе зеркал золотоордынского времени», нумизмата Е. Ю. Гончарова (ИВ РАН) – «Ближний Восток и Крым: нумизматические памятники контактов, XIII–XV вв.», и остеологов Е. Е. Антипиной и Л. В. Яворской (ИА РАН) – «Новая интерпретация изделий из бараньих лопаток из городов Золотой Орды».

Весьма редкому в коллекциях России оружию был посвящен доклад А. А. Кроля (НИИ МА МГУ) «Кинжал-кама из коллекции НИИ и Музея антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ», относительно позднему картографическому материалу – И. В. Волкова (НИИ наследия Минкультуры РФ) «Заметки о географических представлениях европейцев о Волге и Каспийском море в XIV–XVI вв.» и эпиграфический этюд И. В. Зайцева (ИВ РАН) «Османские эпитафии в собрании Музея истории города-курорта Сочи».

Ранее рабочие материалы конференции и презентации некоторых докладов размещались лишь на сайте «Археология Средней Азии» (<http://archaeologysa.ru/>) (в настоящее время см. там, например, доклад С. А. Яценко), ныне для восьми докладов XIII ЕМК предоставляют свои страницы «Краткие сообщения Института археологии».

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

I. L. Kyzlasov

XIII MOSCOW YEARLY CONFERENCE «ORIENTAL ANTIQUITIES IN THE HISTORY OF RUSSIA. MEDIEVAL EPOCH»

Abstract. In the present issue of this journal there are presented transactions of the yearly scientific conference, focused on research in the field of Oriental antiquities of the mediaeval epoch. This conference is organized as an all-Moscow academic meeting, focused on joining efforts of Moscow specialists in Oriental mediaeval studies around scholarly discussion of topical problems, tasks, new research results, new projects and

scientific methods. The conference was organized on the base of the Department of Medieval archaeology of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.

Keywords: Oriental studies, archaeology, Middle Ages, conference, Institute of Archaeology RAS.

About the author

Kyzlasov Igor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО ОБРАБОТАННЫХ БАРАНЬИХ ЛОПАТОК ИЗ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Резюме. Обсуждаются результаты трасологического анализа инструментально обработанных лопаточных костей овец из культурных напластований второй половины XIII – начала XIV в. на территории ремесленного квартала Болгара. Установлен технологический процесс обработки этих костей как ручным способом, так и с использованием станка. Обозначены последовательность выполнения отдельных операций и характер используемых при этом инструментов. По соотношению количественных объемов сырья, заготовок и готовых изделий – «табличек» для письма – выдвигается предположение о заметных масштабах их производства в Болгаре. Анализируется также информация об аналогично обработанных бараньих лопатках из других городов Золотой Орды.

Ключевые слова: трасологический анализ, инструментально обработанные бараньи лопатки, костяные «таблички» для письма, города Золотой Орды.

Остеологическая коллекция 2013–2015 гг. из раскопа № СХСХVI в центральной части золотоордынского города Болгара оказалась необычной на фоне материалов из других его кварталов. Главные ее характеристики и отличительные черты уже опубликованы, поэтому здесь мы остановимся на результатах трасологического анализа четырех инструментально обработанных бараньих лопаток (рис. 1), обнаруженных среди указанных материалов и интерпретированных нами как «таблички» для письма и/или нанесения знаков (*Антипина и др.*, 2015). Факты, вскрытые при трасологическом исследовании, и выводы, сделанные на их основе, были представлены в виде доклада на XIII Ежегодной Московской конференции «Восточные древности в истории России...».

Подчеркнем, что главные объекты нашего сообщения – костяные «таблички» – выявлены на фоне значительной концентрации относительно целых овечьих лопаточных костей, число которых достигало почти 3 000 единиц (40 % всех идентифицированных фрагментов костей овец *Ovis aries*). Такая концентрация обсуждаемых элементов скелета не встречается в обычных кухонных костных отбросах; накопление лопаток, несомненно, было целенаправленным. На данном раскопе они были сосредоточены главным образом в заполнении котлованов

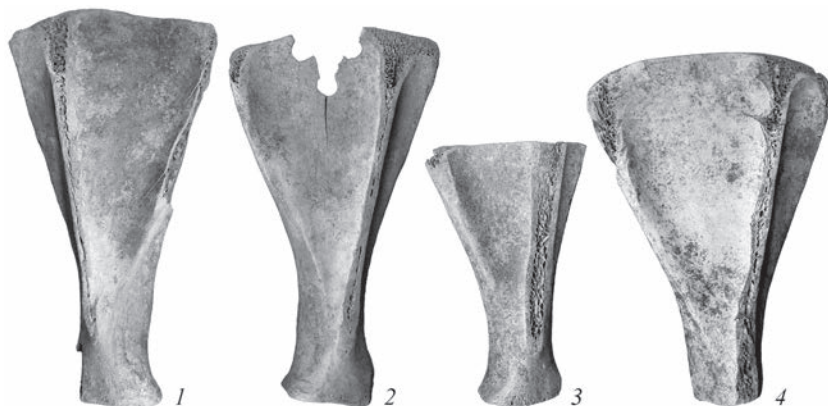

Рис. 1. Золотоордынский Болгар (вторая половина XIII – первое десятилетие XIV в.): инструментально обработанные лопаточные кости овец из раскопа № СХСVI

1–3 – заготовки на разных этапах обработки; 4 – готовое изделие – «табличка» для письма

разных архитектурных сооружений. Понятно, что все эти кости также стали объектами нашего трасологического исследования.

Следует напомнить, что раскоп № СХСVI раскрыл часть существовавшего здесь в конце XIII – начале XIV в. ремесленного квартала с металлургическим, гончарным и кожевенным производствами. Различные варианты использования лопаток копытных животных в качестве подсобных приспособлений и инструментов для этих ремесел хорошо известны по этнографическим и археологическим источникам для самых разных исторических периодов (Усачук, 2011. С. 208; Флерова, 2001. С. 90; Антипина, 2004. С. 225 и др.). Это заставило нас провести трасологический экспресс-анализ всех лопаточных костей на наличие следов того или иного рода манипулирования ими, в том числе и их обработки.

Прежде всего, наше внимание привлекли довольно сходные дефекты на этих костях, которые позволили разделить выборку на три группы: практически целые лопатки с мелкими сломами, лопатки с овальным «отверстием» в центральной части пластины этой кости и лопатки с подтреугольной «вырезкой» там же (рис. 2). Вместе с тем тщательный осмотр границ таких сломов, «отверстий» и «вырезок» при 10-кратном увеличении выявил их естественное происхождение вследствие тафономического разрушения костной ткани. А сходное расположение и конфигурация этих дефектов объясняются тем, что наибольшая хрупкость лопаточной кости наблюдается именно в центре ее довольно тонкой пластины, которая имеет треугольную форму (рис. 3, *d*). Попытки найти следы либо обработки этих лопаток, либо воздействия на них высокой температуры или огня, что типично для ритуальных действий, либо наличия рабочих граней или поверхностей, непременно возникающих на костяных инструментах, не принесли положительных результатов.

Таким образом, остается рассматривать скопления лопаточных костей в ремесленном квартале золотоордынского Болгара как сырьевые запасы для

**Рис. 2. Золотоордынский Болгар (вторая половина XIII – первое десятилетие XIV в.):
скопление лопаточных костей овец**

1 – практически целые кости; *2* – лопатки с «отверстием»; *3* – лопатки с подтреугольной «вырезкой»

производства указанных в начале сообщения специфических изделий – «табличек» для письма и/или нанесения знаков. В рамках высказанной нами гипотезы о подобном назначении четырех инструментально обработанных экземпляров бараньих лопаток из обсуждаемой выборки далее представлена реконструкция технологического процесса их изготовления, а также информация о присутствии аналогично обработанных бараньих лопаток в других городах Золотой Орды.

Результаты трасологического анализа позволяют утверждать, что четыре лопаточные кости овец из Болгара были обработаны с использованием станка, вероятнее всего точильного, а также как минимум трех ручных инструментов из металла: ножа, пилы, тесака или топорика. Удалось выделить последовательность обработки, включавшую четыре операции: 1) удаление гребня лопатки (рис. 3, *a*), 2) удаление верхнего и части боковых краев (рис. 3, *b*), 3) удаление головки лопатки (рис. 3, *c*), 4) шлифовка всей поверхности лопатки мелкозернистым абразивом.

Каждая из этих операций включала несколько разных действий, при которых использовались и ручные инструменты, и станок. Так, гребень лопатки удаляли и подрубкой (рис. 4), и стачиванием (рис. 5, *A*). Верхний край подрезали ножом,

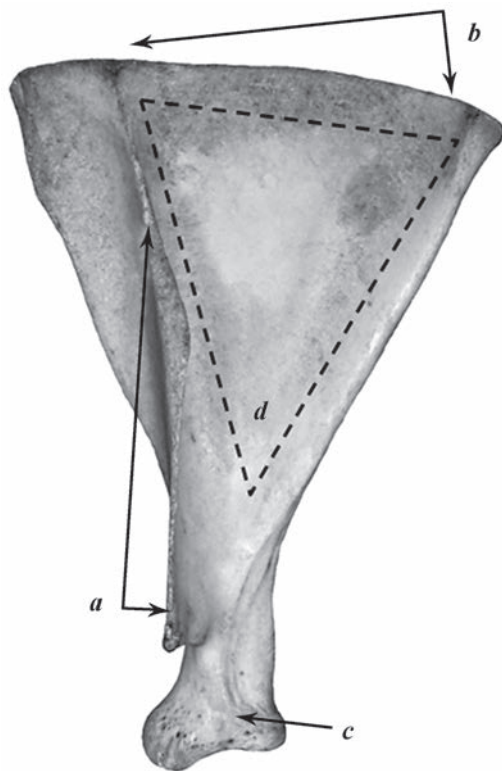

Рис. 3. Современная лопаточная кость овцы. Обозначения элементов, на которых присутствовали обсуждаемые в тексте следы обработки и тафономические дефекты

a – гребень, *b* – верхний край, *c* – головка, *d* – центральная пластина

а также и подпиливали и стачивали на станке (рис. 5, *A*, *B*). Головку лопатки могли подрубать с боков тесаком / топориком или просто стачивать на станке, ее также полностью удаляли поперечным пилением с помощью мелкозубчатой пилы. Даже заключительная операция – шлифовка – выполнялась как на станке, так и вручную.

На одной из обработанных лопаток (рис. 1, 4) сохранились чрезвычайно мелкие следы шабрения, которые оставляет выполнение выравнивания поверхности кости на станке. Именно на этом экземпляре мы смогли распознать следы всех четырех операций, поэтому лишь его можно считать готовым изделием. На остальных же трех обработанных лопатках шлифовки не было. При этом на одной из них (рис. 1, 1) был удален только гребень, еще на одной зафиксированы успешные результаты двух действий – удаления гребня и обточки верхнего края (рис. 1, 2), а также начало третьей операции по уплощению головки. На третьем экземпляре, кроме следов двух первых операций, головка уже была достаточно сильно обточена (рис. 1, 3). Следует подчеркнуть, что и на этих

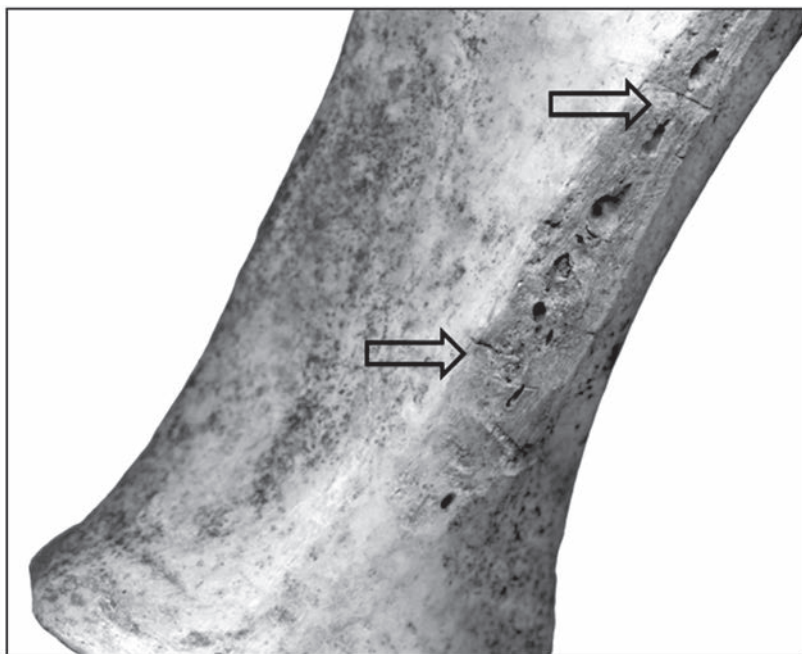
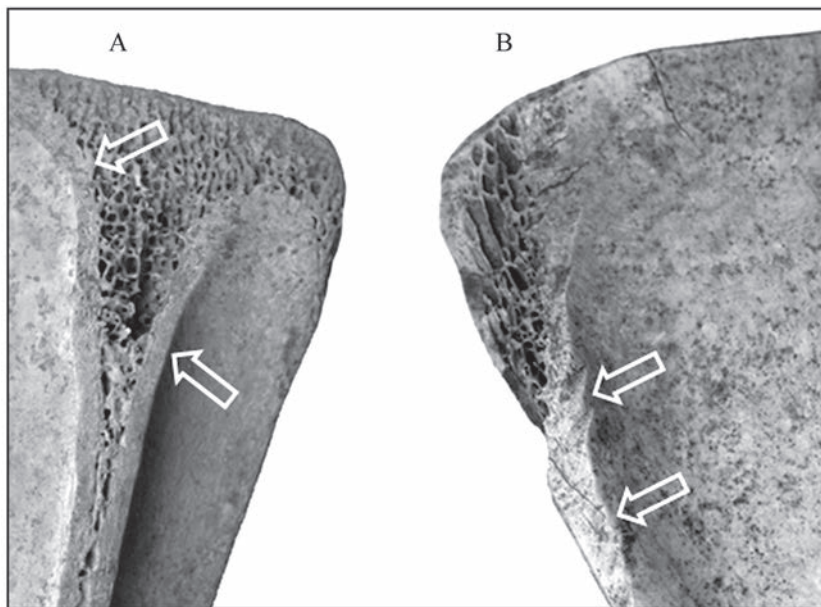

Рис. 4. Золотоордынский Болгар (вторая половина XIII – первое десятилетие XIV в.): следы подрубки гребня на лопаточной кости овцы (экземпляр 2, рис. 1)

четырёх экземплярах не оказалось даже намека на рабочую поверхность, а также на воздействие высокой температуры или огня. Это означает, что они не являются инструментами, а представляют собой специфические плоские костяные изделия на разных стадиях их изготовления.

Именно на удаление резко выступающих и непрочных частей лопаточной кости как раз и были направлены первые три из обозначенных операций, так что в итоге получалась относительно тонкая пластина с сохранением ее естественной подтреугольной формы. Благодаря своеобразному каркасу из оставленных без обработки продольных краев эта пластина получает устойчивость на горизонтальной плоскости, что важно при письме.

Применение точильного станка не только упрощало процесс изготовления таких «табличек», но, по-видимому, переводило его на уровень практически ординарного производства, доступное сырье для которого имелось в любом золотоордынском городе. Установленное по рассматриваемым материалам количественное соотношение между сырьем, заготовками и готовым продуктом – 3 000 : 3 : 1 экз. – позволяет предполагать востребованность этих изделий и вполне значимые объемы их предложения. Впрочем, это соотношение конечно же несколько условно, так как некоторое число обработанных лопаток овец отмечалось и при более ранних раскопках Болгара (Закирова, 1988. С. 224). Одна из них к тому же обозначена как «лопатка со знаком» (Там же.

**Рис. 5. Золотоордынский Болгар (вторая половина XIII – первое десятилетие XIV в.):
следы стачивания (А – экземпляр 2, рис. 1)
и подрезки верхнего края лопаточной кости овцы (В – экземпляр 4, рис. 1)**

Рис. 103, 17). Но их относительная малочисленность в материалах этого города сохраняется.

Поиск подобных изделий по отчетам и публикациям средневековых археологических материалов показал их наличие и в других городах Золотой Орды. Заметное их число (не менее шести) обнаружено на Самосдельском городище, среди них была даже готовая пластина из бараньей же лопатки с процарапанным тамгообразным знаком (*Пальцева, 2011. Рис. 1, 10–12*).

Стоит также обратить внимание, что, кроме наличия этих изделий, присутствие в культурном слое городов скоплений необработанных бараньих лопаток может свидетельствовать о существовании здесь их производства и его масштабах. Однако, к сожалению, в процессе раскопок небольшие скопления, как правило, «уходят» в коллекции кухонных остатков и далее уже не фиксируются. На этом фоне весьма любопытной выглядит информация археологов Азовского музея-заповедника о находке в золотоордынском Азаке при раскопках 2013 г. огромного подвала купеческого дома XIV в. «необычного комплекса находок – несколько сот специально отобранных бараньих лопаток» (*Масловский, 2014*).

И в заключение отметим, что в структуру ремесленного квартала золотоордынского Болгара вполне вписываются и обработка обнаруженных там запасов бараньих лопаток, и изготовление костяных «табличек» для письма. А наша реконструкция технологического процесса их производства и утверждение о его

заметных масштабах в золотоордынских городах с очевидностью подтверждает замечание историков о том, что «...обработанные лопаточные кости животных использовались тюрками-кочевниками, затем – в Джучиевом Улусе как *обычный материал для письма...*» (Давлетшин, 2010. С. 105–106).

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В., Ситдинов А. Г., 2015. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. № 241. С. 402–408.
- Давлетшин Г. М., 2010. «Славы и господства и долгие лета владельцу сего»: Отражение письменной культуры Улуса Джучи в археологических материалах // Гасырлар авазы. Эхо веков. № 1–2. С. 103–110.
- Закирова И. А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 218–241.
- Масловский А., 2014. Гадание на бараньих лопатках. 01.10.2014 [Электронный ресурс]: видеосообщение // Из истории одного предмета. Режим доступа: <http://азовский-музей.рф/news3.php>. Дата обращения: 06.07.2017.
- Пальцева Д. У., 2011. Костяные изделия Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации: сб. науч. ст. / Отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Сорokin Роман Васильевич. С. 119–135.
- Усачук А. Н., 2011. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Гак Е. И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: Изд-во ГИМ. С. 202–214.
- Флерова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетей. 352 с.

Сведения об авторах

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;

Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lilechkayavorska@list.ru

E. E. Antipina, L. V. Yavorskaya

TRACEWEAR ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKED SHEEP SHOULDER BLADES FROM GOLDEN HORDE TOWNS

Abstract. The paper discusses results of tracewear analysis of worked sheep shoulder blades, which come from occupation deposits dating to the second half of the 12th – early 14th centuries found in a craftsmen's quarter in Bolgar. Technological processes used in working sheep bones manually and with a lathe have been identified. Sequence of specific operations and characteristics of relevant tools have been defined. Comparison of bone quantities and the number of blanks and finished goods, which are identified as tablets

for writing, suggests a quite large production scale of these tablets in Bolgar. Information on similarly worked ram shoulder blades from other towns of the Golden Horde is also analyzed.

Keywords: tracewear analysis, worked sheep shoulder blades, bone ‘tablets’ for writing, Golden Horde.

REFERENCES

- Antipina E. E., 2004. Arkheozoologicheskie materialy [Archaeozoological materials]. *Kargaly [Капгалы], III. Selishche Gornyy: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskie issledovaniya [Open settlement Gornyy: archaeozoological materials, technology of mining and metallurgical production? Archaeobiological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 182–239.
- Antipina E. E., Yavorskaya L. V., Sitdikov A. G., 2015. Neobychnye izdeliya iz baran'ikh lopatok iz remeslennogo kvartala Bolgarskogo gorodishcha (raskopki 2013–2015 gg.) [Unusual items made of ram shoulder bone from the craftsmen's quarter at the Bolgar hillfort (2013–2015 excavations)]. *KSIA*, 241, pp. 402–408.
- Davletshin G. M., 2010. «Slavy i gospodstva i dolgie leta vladel'tsu sего»: Otrazhenie pis'mennoy kul'tury Ulusa Dzhuchi v arkheologicheskikh materialakh [«Glory and power and long life to the owner of this»: Reflection of written culture of Juchi Ulus in archaeological materials]. *Gasyrlar avazy. Ekho vekov [Gasyrlar avazy. Centuries echo]*, 1–2, pp. 103–110.
- Flerova V. E., 2001. Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela-Beloy Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha [Carved bone of South-Eastern Europe in IX–XII centuries: Art and craft. Based on materials from arkel-Belaya Vezha from collection of State Hermitage]. St. Petersburg: Aleteyya. 352 p.
- Maslovskiy A., 2014. Gadanie na baran'ikh lopatkakh. 01.10.2014. Elektronnyy resurs: video-soobshchenie [Ram shoulder bone divination. 01.10.2014. Electronic resource: video-information]. *Iz istorii odnogo predmeta [From history of one object]*. URL: <http://азовский-музей.рф/news3.php>
- Pal'tseva D. U., 2011. Kostyanye izdeliya Samosdel'skogo gorodishcha [Bone items of Samosdelka fortified settlement]. *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii: sbornik nauchnykh statey [Samosdelka fortress: problems of investigation and interpretation: collection of scientific articles]*. D. V. Vasil'ev, ed. Astrakhan': Sorokin Roman Vasil'evich, pp. 119–135.
- Usachuk A. N., 2011. Izdeliya iz kosti poseleniy epokhi pozdney bronzy v bassejne Verkhnego Dona [Items of bone from settlements of Late Bronze Age in Upper Don basin]. *Gak E. I. Poseleniya epokhi bronzy na severnoy okraine donskoy lesostepi [Bronze Age settlements in northern periphery of the Don forest-steppe]*. Moscow: GIM, pp. 202–214.
- Zakirova I. A., 1988. Kostoreznoe delo Bolgara [Bolgar bone-carving]. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti [City of Bolgar. Essays on craft activity]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Nauka, pp. 218–241.

About the authors

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;

Yavorskaya Liliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lilechkayavorska@list.ru

С. Б. Болелов, Ж. Р. Утубаев

ПОСЕЛЕНИЕ ГОНЧАРОВ БАБИШ-МУЛЛА 7 В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ* (РАСКОПКИ 2015 ГОДА)**

Резюме. В статье публикуются предварительные результаты первых раскопок на поселении Бабиш-Мулла 7, на территории древней дельты Сырдарьи, где во второй половине I тыс. до н. э. была распространена земледельческая Чирикратская археологическая культура. Бабиш-Мулла 7 – крупный производственный гончарный центр III–II вв. до н. э., снабжавший керамикой население крупного земледельческого оазиса. На поселении открыты двухъярусные керамические обжигательные горны оригинальной конструкции, которые не имеют аналогий на территории Средней Азии в последней трети I тыс. до н. э. Рядом с горнами раскопаны производственные помещения, в которых изготавливалась посуда.

Ключевые слова: древнеземледельческая культура, поселение, производственный центр, двухъярусный обжигательный керамический горн, керамика, гончарная мастерская.

Юго-восточное Приаралье с глубокой древности являлось зоной культурного взаимодействия между скотоводческими племенами Великой степи и древнеземледельческих цивилизаций Средней Азии. Наиболее ранние следы освоения человеком этой территории относятся к эпохе неолита (*Виноградов*, 1963. С. 91–97; 1981. С. 90–94). В эпоху поздней бронзы группами скотоводческого населения была освоена практически вся южная часть древней Сырдарьинской дельты. В настоящее время известно более 50 стоянок, большая часть которых располагается по берегам Инкардарьи, самого южного русла в дельте (*Итина*, 1998. С. 89; *Левина*, 1998. С. 45). Заселение могло происходить как с запада (Амирабадская культура), так и с востока или с северо-востока; на восточных участках русла Инкардарьи обнаружены стоянки с алакульской керамикой (*Итина*, 1977. С. 233). В последние годы в ходе маршрутных исследований на побережье

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект № 2586 ГФ4 «Становление и развитие древнеземледельческой культуры в низовьях Сырдарьи»).

** Доклад прочитан на XIII Ежегодной Московской конференции Института археологии РАН.

Аральского моря и в северной части Сырдарьинской дельты обнаружены новые стоянки эпохи бронзы (*Тажекеев, Дарменов, 2010. С. 438–440; Тажекеев и др., 2014. С. 123–127*). К эпохе поздней бронзы относится и Северный Тагискен – уникальный некрополь, раскопанный в начале 60-х гг. прошлого столетия, где захоронения по обряду кремации производились в наземных мавзолеях, построенных из сырцового кирпича (*Итина, Яблонский, 2001*). В эпоху раннего железного века (VII–V вв. до н. э.) в низовьях Сырдарьи формируется культура сакского типа. Наиболее изученными памятниками этого периода являются курганные могильники Уйгарак (*Вишневская, 1973*) и южный Тагискен (*Итина, Яблонский, 1997*), где захоронения совершались в грунтовых ямах и на древнем горизонте как по обряду кремации, так и обряду ингумации.

В середине I тыс. до н. э. (по-видимому, уже во второй половине V в. до н. э.) изменяется гидрографическая ситуация в дельте Сырдарьи. На всем своем протяжении формируется русло Жаныдарьи, и по нему осуществляется основной сток сырдарьинской воды в Аральское море. Часть отрезков более раннего русла Инкардарьи превращается в старицы и озера (*Андрианов, 1991. С. 110; Вайнберг, Левина, 1993. С. 7–14; Вайнберг, 1999. С. 178–179*). Таким образом, судя по всему, в конце V в. до н. э. в южной части дельты создаются условия, весьма благоприятные для формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой сельского хозяйства которой было ирригационное земледелие. Материалы, полученные в результате исследования античных памятников в бассейне Средней Жаныдарьи, охватывают период от конца V до II в. до н. э. и по ряду существенных общих признаков объединяются в одну компактную группу, которая в археологической литературе в начале 90-х гг. прошлого века получила название чирик-рабатской археологической культуры (*Вайнберг, Левина, 1992. С. 47*). В настоящее время известно более 200 памятников этой культуры – крепости, укрепленные городища, неукрепленные поселения, погребальные сооружения. Вне всякого сомнения, чирик-рабатская культура возникла на базе местной сакской культуры предшествующего периода. Безусловно, формирование ее происходило под сильным влиянием древнеземледельческих культур Средней Азии, о чем красноречиво свидетельствуют археологические материалы, полученные в ходе раскопок городищ Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, поселения и крепости Баланды, а также погребальных памятников (*Толстов, 1962. С. 136–204; Вайнберг, Левина, 1993. С. 91–102; Курманкулов, Утубаев, 2013. С. 79–146*).

В 2015 г. силами Чирик-Рабатской археологической экспедиции были начаты комплексные археологические исследования крупного оазиса в среднем течении Жаныдарьи, который был открыт и обследован Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в конце 40-х гг. (*Толстов, 1962. С. 154–156; Толстов и др., 1963. С. 58–67*). Оазис, возникший между двумя боковыми руслами древней реки, представляет собой комплекс сельских поселений, протянувшийся на 40 км в широтном направлении и на 15–20 км – в меридиональном. Центром оазиса является укрепленное городище Бабиш-Мулла с квадратной цитаделью размерами 100 × 100 м. Основной магистральный канал, снабжавший водой все поселения, брал свое начало из древнего русла в 6 км к югу от городища. На некоторых поселениях, базировавшихся на боковых ответвлениях магистрального

канала и периферийных руслах-старицах, отмечены следы ремесленных производств – гончарного, бронзолитейного, кузнечного (Толстов, 1962. С. 156; Андрианов, 1969. С. 194–198).

Основным объектом исследования в 2015 г. стало поселение Бабиш-Мулла 7, расположенное на восточном берегу сухого русла Жаныдары, в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-Мулла 1 (44°23'19" С и 63°09'17" Ю). Общая площадь поселения приблизительно 1,6 га – 450 × 350 м. Во всяком случае, именно на этой площади отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы обжигательных горнов (рис. 1, А). С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Береговые отвалы до сих пор отчетливо прослеживаются на поверхности такыра (рис. 1, Б).

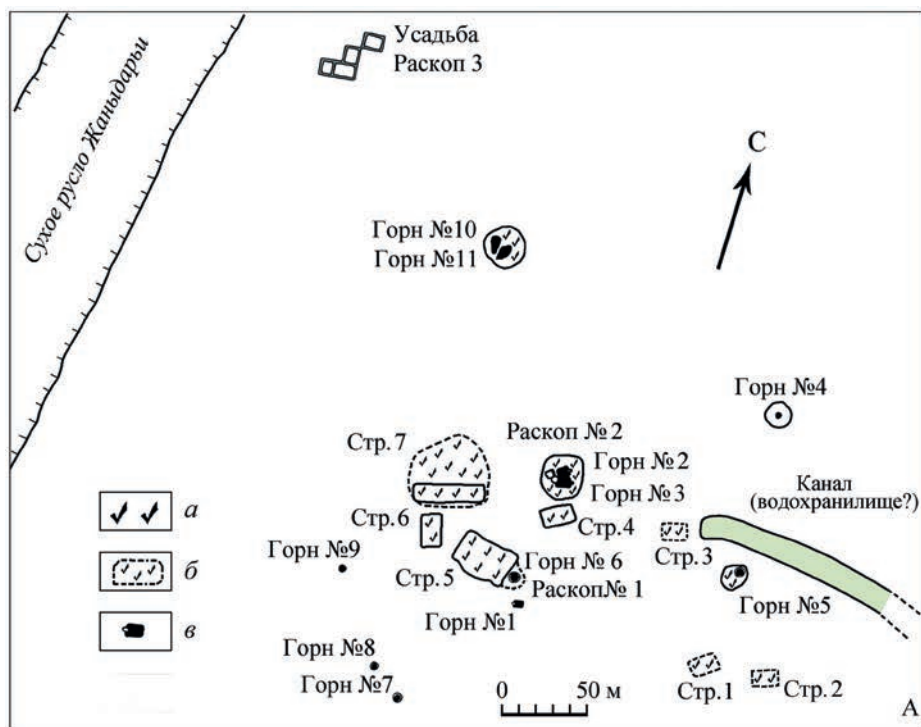
Максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов фиксируется в южной части поселения. Именно сюда был подведен канал-водохранилище. Обжигательные горны, которые на поверхности четко прослеживаются в виде развала керамического шлака и печины, располагались как отдельно, на некотором удалении от предполагаемых построек, так и рядом с ними. Всего в настоящее время в результате визуального обследования поселения выявлено 11 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения, на уровне современной дневной поверхности, также в результате визуального обследования поселения зафиксировано 7 предполагаемых построек, которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими (рис. 1, А). На поверхности они определяются обширными скоплениями керамики, в некоторых случаях, также на поверхности, видны контуры стен из сырцового кирпича. Надо полагать, постройки сильно размыты, но, судя по скоплению керамики и характеру и цвету грунта на уровне поверхности такыра, можно предполагать наличие культурного слоя на объектах.

В северо-западной части поселения на берегу сухого русла (расстояние до берега 50–60 м) обнаружена довольно крупная усадьба. На поверхности четко видны контуры стен помещений, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича.

В ходе работ на поселении полностью раскопан один обжигательный горн № 1; еще два горна – № 2 и № 3 – и производственные помещения рядом с ними вскрыты частично. Кроме того, раскопано три помещения в усадьбе. В данной статье мы подробно остановимся на керамических обжигательных горнах.

Все раскопанные на поселении горны были прямоугольными в плане и относятся к типу двухъярусных с прямым вертикальным ходом горячих газов.

Горн № 1 раскопан полностью. После снятия верхнего слоя, который представлял собой рыхлую супесь с высоким содержанием золы, большого количества кусков обожженной глины и керамического шлака, были выявлены контуры прямоугольного в плане керамического обжигательного горна, который ориентирован по линии ССВ – ЮЮЗ. Вход в топочную камеру был с ЮЮЗ. Направление входа в обжигательную камеру определить в настоящее время невозможно. Сохранился, да и то не полностью, под обжигательной камерой с продухами (рис. 2, А, Л). Размеры камеры определяются лишь приблизительно по крайним продухам. Площадь была, как можно предполагать, немногим менее 10 кв. м – 3,6 × 2,7 м. Под обжигательной камерой, верхний уровень которого зафиксирован

Б

Рис. 1. Поселение Бабиш-Мулла 7

А – план-схема поселения; Б – канал-водохранилище. Вид с юго-запада

а – компактные россыпи керамики; б – границы усадеб с россыпями керамики; в – керамические обжигательные горны

на отметках -5 – -12 от реперной точки¹, представляет собой плотную сильно прокаленную поверхность желто-красно-оранжевого цвета. На поверхности пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются жаропроводящие каналы, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в обжигательную камеру – 8–12 см. Как можно предполагать, они располагались в площади обжигательной камеры в четыре ряда. На уровне пода расчищено 16 продухов, но так как часть перекрытия топочной камеры обвалилась, можно предполагать, что их было больше, не менее 20 (рис. 2, А, I).

Топочная камера расчищена полностью. Дно ее зафиксировано на отметках -132 – 127 от реперной точки. Она была почти овальная в плане, при этом часть, обращенная к входу, была несколько уже, чем ССВ-часть сооружения. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2 м. В ходе раскопок удалось достоверно установить, что крайние жаропроводящие каналы, расположенные по периметру топочной камеры, выходили из топки под углом по отношению к ее вертикальной оси. Таким образом, увеличивалась площадь обжигательной камеры.

Вход в топочную камеру, который с полным основанием можно назвать лазом, был с юга. Это овальная в плане яма (1 × 0,64 м) в пахсовом массиве, которая почти вертикально опущена до уровня топочной камеры. Дно ее зафиксировано на отметке -142 от реперной точки.

Непосредственно на уровне пода топочной камеры залегает тонкий слой золы и пепла серого цвета – не более 10 см. Выше идет слой пылевидной супеси серого цвета с высоким содержанием золы и крупными кусками керамического шлака. Толщина этого слоя – 30–35 см. Он, в свою очередь, был перекрыт натечными глинисто-супесчаными наслоениями толщиной 25–30 см. Выше идет слой комковатой супеси серого цвета с кусками обожженной глины и керамического шлака. Толщина этого слоя – 55–60 см. В верхней части топочной камеры, непосредственно под сохранившимися участками свода, отмечены линзы чистого надувного лесса толщиной до 20 см (рис. 2, А, III).

Стены топочной камеры шириной 0,7–0,8 м были построены из плотной пахсы. Нижняя часть топки немного была заглублена на 30–45 см от уровня древнего такыра, который в северо-западной части раскопа зафиксирован на отметках -100 – -107 от уровня реперной точки (рис. 2, А, III). Таким образом, установлено, что топка горна № 1 возвышалась над древней дневной поверхностью по крайней мере на 1 м. Способ перекрытия топочной камеры остается неясным. Можно с уверенностью говорить, что свода здесь не было; ни одного сырцового кирпича в процессе раскопок не обнаружено. Можно предполагать, что оно было плоским, на деревянном каркасе, который не сохранился. Об этом можно только догадываться, так как в пахсовых стенах с внешней стороны обнаружены округлые в поперечном сечении отверстия диаметром 7–8 см. Возможно, это следы от горизонтальных жердей. Если это действительно так, то перекрытие топочной камеры можно реконструировать следующим образом.

¹ За реперную точку принята поверхность такыра к западу от раскопа.

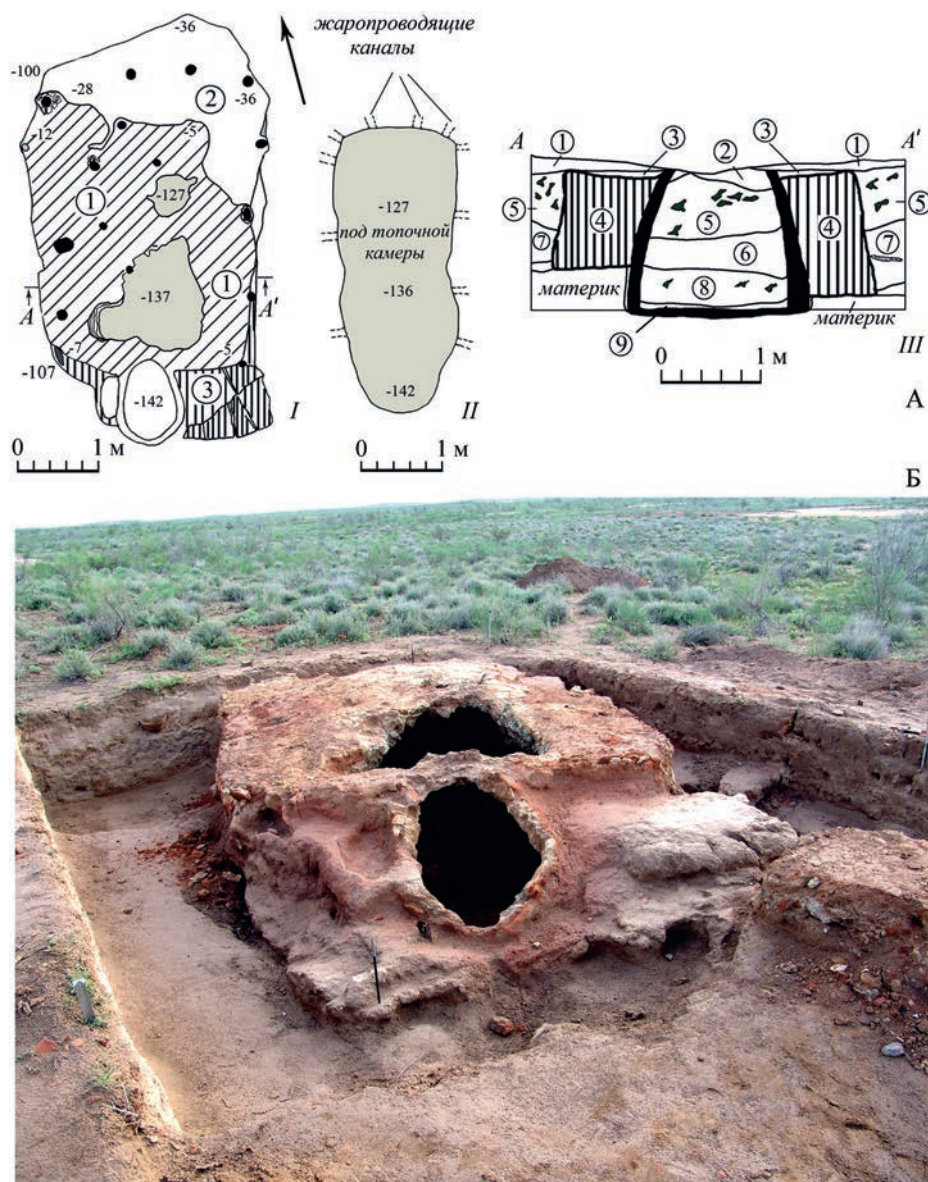

Рис. 2. Бабиш-Мулла 7. Горн № 1

А – план и разрез горна; Б – горн № 1. Общий вид с юга

На стены топки укладывались деревянные жерди каркаса, которые переплетались прутьями. Затем эта конструкция тщательно обмазывалась толстым слоем глины с обеих сторон. В процессе эксплуатации горна глина обжигалась до состояния обожженного кирпича, а прутья и жерди выгорали. Аналогичный прием, применявшийся при сооружении перекрытия топки, зафиксирован в одном из горнов конца V – IV в. до н. э. на поселении Саратепа 2, в окрестностях Самарканда, где в плоском перекрытии выявлены следы деревянной арматуры (Иваницкий, 1992. С. 23).

Остатки горнов № 2 и № 3 обнаружены на холме диаметром не более 40 м, возвышающемся на 1–1,5 м над поверхностью современного такыра. После снятия верхнего слоя надувного лесса, насыщенного кусками керамического шлака, обожженной глины и фрагментами керамики, в том числе бракованной, были расчищены поверхности пода обжигательной камеры двух керамических обжигательных горнов².

Горн № 2 расположен в северо-западной части раскопа. Сохранилась часть пода овальной в плане обжигательной камеры – $2 \times 2,1$ м. Уровень пода зафиксирован на отметках +70 – +68 от реперной точки. Это довольно плотная, хорошо обожженная поверхность красно-оранжевого цвета. Камера ориентирована почти строго по линии ЮС. Вход в нее, шириной 60 см, был с северной стороны (рис. 3, А). На участке сохранившегося пода обжигательной камеры выявлены округлые в плане продухи диаметром 7–10 см, через которые горячие газы проходили в камеру обжига. Судя по расположению сохранившихся продухов, они располагались по периметру обжигательной камеры. В центральной части были два параллельных ряда, ориентированных по длинной оси горна. Обращает на себя внимание отдельно расположенный продух в пределах входа в камеру (рис. 3, А).

Стены топочной камеры шириной 0,7–0,8 м сложены из плотной пахсы серого цвета на древнем уровне, который в виде хорошо утоптанной поверхности зафиксирован на отметках -3 – -43 от репера. Вход в топочную камеру в виде вертикального лаза, округлого в плане, диаметром 40–50 см был расчищен в северной части горна (рис. 3, А). Топочная камера пока не вскрыта, по этой причине мы ничего не можем сказать по поводу способа ее перекрытия. Обращают на себя внимание округлые в плане горизонтальные отверстия в стенах топочной камеры диаметром не более 10 см, которые были расчищены в наиболее сохранившейся западной стене топки (рис. 3, Б). Аналогичные отверстия были обнаружены и в горне № 1. Возможно, это остатки деревянной арматуры плоского перекрытия.

Горн № 3 расположен к востоку от горна № 2, практически вплотную к нему. По всей видимости, их разделяла пахсовая стена шириной не менее 0,7 м (рис. 3, А). Участки пода обжигательной камеры этого горна в виде плотной, хорошо обожженной поверхности красно-оранжевого цвета зафиксированы на отметках +54 – +53 от реперной точки. Судя по сохранившимся участкам пода, горн был прямоугольной или близкой к прямоугольнику формы – $3,8 \times 3$ м. Таким

² Раскопки на поселении еще не завершены, горны на раскопе 2 вскрыты не полностью, по этой причине отсутствуют разрезы горнов.

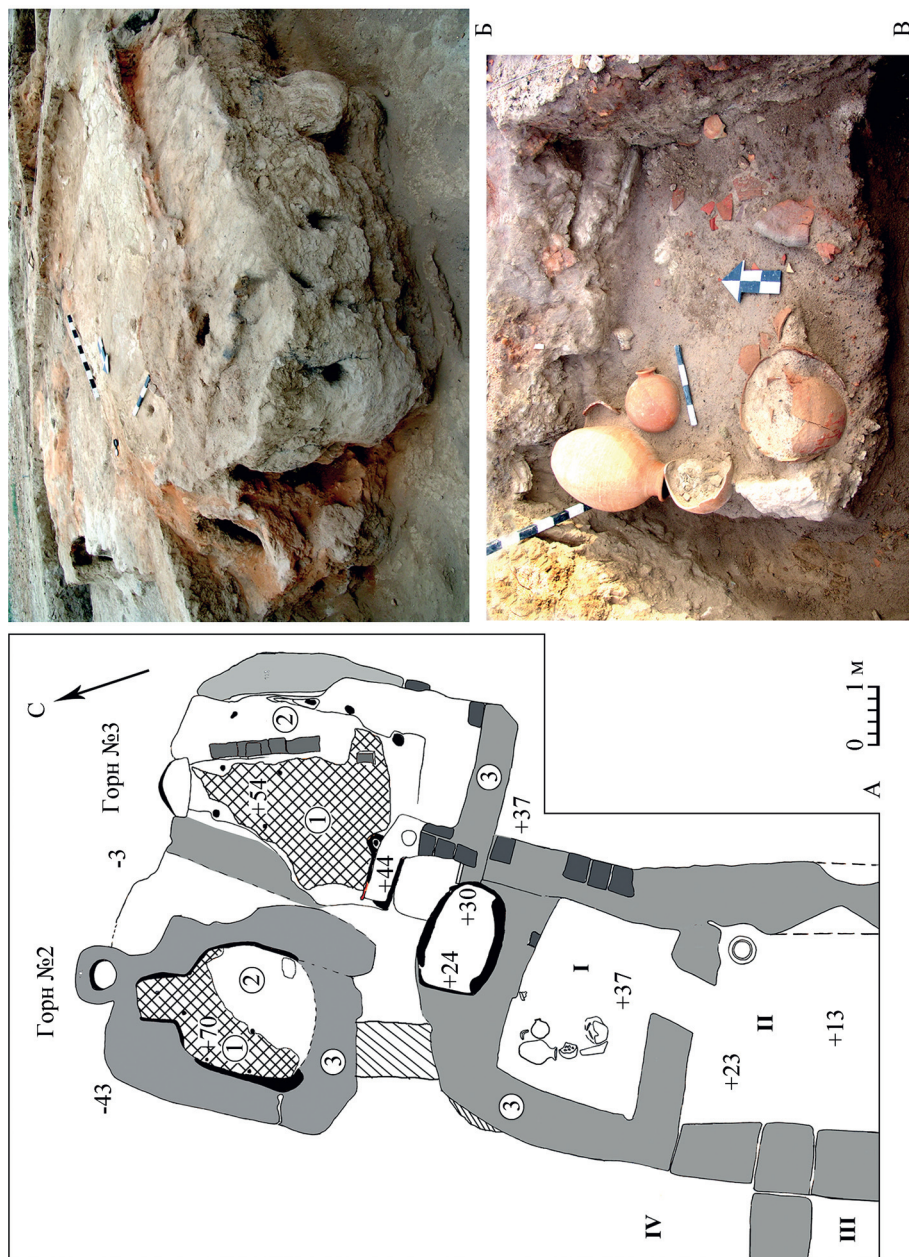

Рис. 3. Бабиш-Мулла 7. Горны № 2, 3. Раскоп № 2

А – раскоп № 2. План; Б – горн № 2. Вид с северо-запада; В – мастерская, помещение I. Вид с юга

образом, можно предполагать, что площадь ее была около 12 кв. м. Горн ориентирован по линии ЮС. На сохранившихся участках пода открыты округлые в плане продухи диаметром 10–20 см, которыми жаропроводящие каналы открывались в топочную камеру. Можно предполагать, что продухи располагались тремя параллельными рядами, ориентированными по длинной оси горна (рис. 3, А), но, возможно, их было четыре. Таким образом, всего продухов могло быть 16. Вход в топочную камеру в виде вертикального, овального в плане лаза ($0,9 \times 0,44$ м) открыт в северной части горна. Топочная камера пока не раскопана, по этой причине мы не можем уверенно говорить о способе ее перекрытия. В восточной части горна, немного ниже уровня пода обжигательной камеры (+33 от реперной точки), расчищен ряд прямоугольных сырцовых кирпичей размерами $44 \times 24 \times 12$ см; $52 \times 24 \times 10$ см; $50 \times 24 \times 12$ см, которые обожжены до красно-оранжевого цвета (рис. 3, А). При этом следует отметить, что изначально это были обыкновенные сырцовые кирпичи, и обожжены они были в процессе эксплуатации горна. В восточной части горна, в разрезе, четко фиксируется, что по крайней мере часть пода обжигательной камеры представляла собой выкладку из сырцовых кирпичей, которые были обожжены в процессе эксплуатации горна. Таким образом, нельзя исключать того, что топка могла быть перекрыта и сводом из сырцового кирпича (?). При этом точно установлено, что нижняя часть топочной камеры горна № 3, сохранившаяся на высоту 0,7–0,8 м, была сложена из плотной пахсы.

К югу от горнов № 2 и № 3 частично раскопаны помещения, где, по всей видимости, была гончарная мастерская.

Помещение I расчищено полностью. Оно было прямоугольным в плане, размерами $2,8\text{--}3 \times 2\text{--}2,20$ м, ориентировано по линии ЮЗ – СВ. Вход шириной 0,8 м был с юга. Стены шириной 0,8 – 1,1 м, которые целиком были сложены из крупных пахсовых блоков размерами $0,7 \times 0,9\text{--}1$ м, сохранились на высоту 0,7–0,9 м. Уровень пола внутри помещения зафиксирован на отметках +21 – +28 от условного репера (рис. 3, А). Заполнение его практически целиком состояло из рыхлой комковатой супеси с достаточно высоким содержанием золы. В верхней части заполнения слой насыщен кусками керамического шлака и обожженной глины. В северо-восточной части помещения, практически на уровне пола обнаружено скопление керамических сосудов. Среди них два целых – выючная фляга и крупный кувшиновидный сосуд без ручки. Здесь же найдена нижняя часть крупного сосуда, заполненная кусками необожженной пластичной глины, среди которой попадаются фрагменты сформованных, но необожженных сосудов, по большей части венчики и фрагменты верхних частей кувшинов (рис. 3, В).

К югу от помещения I вскрыта часть еще одного помещения – II, которое соединялось проходом с первым помещением (рис. 3, А). Видимо, оно также было прямоугольным в плане, шириной $3\text{--}3,3$ м. Часть помещения вскрыта до уровня пола, который зафиксирован на уровне +13 – +17 от условного репера. Заполнение практически полностью состояло из рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с содержанием золы и кусков керамического шлака. В северо-западном углу помещения II *in situ* обнаружен хум, вкопанный по горловину в материк (рис. 3, А). На расстоянии 1 м от хума, в центре помещения на уровне пола найден фрагмент зернотерки, может быть, жернова, одна плоскость которой

была хорошо заглажена, почти отполирована, в процессе эксплуатации. Стены второго помещения также сложены из крупных пахсовых блоков тех размеров, что и стены помещения I. К западу от помещений I и II было еще два помещения – III и IV, однако в пределах раскопа открыты только их восточные части. Установлена ширина пахсовой стены шириной 1 м, которая была приставлена под прямым углом к западной стене помещения II и разделяла помещения III и IV. К востоку от помещений I и II открыта часть (западная) еще одного большого помещения или двора, размеры которого пока не установлены (рис. 3, А). По крайней мере часть западной стены, а также северная стена этого помещения были сложены из прямоугольного кирпича обычных для поселения Бабиш-Мулла 7 размеров: $50\text{--}52 \times 28\text{--}34 \times 8\text{--}10$ см. Таким образом, установлено, что восточные стены помещений I и II были не целиком пахсовые, но здесь применялись приемы комбинированной кладки. Уровень пола помещения или двора зафиксирован на отметках +37 – +40 от условного репера. Примечательно, что северная стена этого помещения практически вплотную приставлена к южной стене горна № 2, таким образом, обжигательные горны отделялись от предполагаемой мастерской.

Основную часть археологической коллекции, полученной в ходе раскопок, составляет керамика. В комплексе значительно преобладает посуда, изготовленная на гончарном круге. Лепная керамика представлена в основном немногочисленными фрагментами крупных горшков и котлов. В группе круговой керамики обращают на себя внимание формы столовой посуды, сформованные в подражание эллинистическим образцам, что в целом характеризует керамику Бабиш-Муллинского оазиса (Толстов, 1962. С. 171. Рис. 96; Вайнберг, Левина, 1993. С. 73–75). Наличие в комплексе сосудов, находящих себе прототипы в комплексах эллинистического времени в южных областях Средней Азии, прежде всего в Согде и в Бактрии, дает основание датировать керамику Бабиш-Мулла 7 не ранее начала III в. до н. э., то есть производственный центр функционировал на заключительном этапе развития чирик-рабатской археологической культуры – III–II вв. до н. э.³

Раскопки поселения Бабиш-Мулла 7 только начались, но сейчас можно с уверенностью говорить, что это был довольно крупный производственный центр, который удовлетворял потребности населения оазиса в керамике. Предварительный анализ состава керамических форм в комплексах дает некоторые основания говорить о специализации различных горнов. В комплексе керамики, полученной в процессе раскопок горна № 1, значительно преобладают крупные кувшиновидные сосуды без ручки, которые в Южном Приаралье использовались как транспортная тара (Калалы-гыр 2... С. 108–109). Среди керамики, найденной в ходе раскопок горнов № 2, 3, также представлены фрагменты тарной посуды, но здесь найдено сравнительно большое количество столовой керамики, в основном открытых форм.

В Южном Приаралье, прежде всего в Хорезме, известно некоторое количество производственных гончарных центров. По объему производства они вполне

³ Публикация керамического комплекса Бабиш-Мулла 7 планируется в отдельной статье в ближайшем будущем.

сопоставимы с поселением Бабиш-Мулла 7. Однако в Хорезме это были сезонные производства (Болелов, 2013а. С. 35–37), тогда как Бабиш-Мулла 7 было постоянным поселением. Об этом красноречиво свидетельствуют остатки построек и довольно крупная усадьба в северной его части. Кроме того, необходимо отметить мастерскую, расположенную рядом с горнами № 2, 3, в которой можно было работать круглый год. На территории Южного Приаралья это второй случай, когда здание мастерской располагалось в непосредственной близости от обжигательного горна. На поселении Хумбузтепа в южном Хорезме, которое также являлось крупным производственным центром, открыт обжигательный горн и часть мастерской рядом с ним, которые датируются не позднее конца VI в. до н. э. Так же как и в мастерской на Бабиш-Мулла 7, на Хумбузтепа найдены хумы с кусками пластичной производственной глины и фрагментами сформованных, но необожженных сосудов (Болелов, 2013б. С. 81).

Несколько подробнее следует остановиться на конструкции обжигательных горнов, открытых на поселении. Это не первые обжиговые устройства, открытые на поселениях чирик-рабатской культуры. При раскопках городища Бабиш-Мулла в начале 60-х гг. XX в. были обнаружены прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны, которые были «врезаны» в стены здания предыдущего периода. Топочная камера шириной 0,6 м и длиной 2 м была обложена поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Перекрытие топки было образовано поставленными наклонно сырцовыми кирпичами (Воробьева, 1961. С. 171; Вайнберг, Левина, 1993. С. 24). Отличие горнов, открытых на городище, от горнов, раскопанных на поселении Бабиш-Мулла 7, помимо небольших размеров и способа перекрытия топочной камеры, состоит еще и в том, что их топка была полностью заглублена ниже древнего уровня. Прямоугольные в плане горны, которые датируются последней третью I тыс. до н. э., неизвестны не только на территории Южного Приаралья, но и всей Средней Азии. Единственная историко-культурная область на Среднем Востоке, где в эпоху античности использовалась прямоугольная двухъярусная конструкция, – это Бактрия. Здесь прямоугольные обжигательные горны со сводчатым перекрытием топочной камеры появляются не ранее рубежа н. э., а до этого времени на территории области, так же как и во всей Средней Азии, были только округлые двухъярусные обжигательные горны (Болелов, 2010. С. 27). При этом следует заметить, что и у прямоугольных и у округлых в плане горнов камера была полностью заглублена ниже уровня древней поверхности. Горны, раскопанные на Бабиш-Мулла 7, являются уникальными по двум причинам. Во-первых, они, так же как и на городище Бабиш-Мулла, были прямоугольными или близкими к прямоугольным в плане. Во-вторых, топочная камера, в отличие от всех остальных среднеазиатских горнов III–II вв. до н. э., была построена из пахсы практически на уровне древней дневной поверхности. Не вызывает сомнения тот факт, что прямоугольные двухъярусные обжигательные горны появляются в низовьях Сырдарьи уже как готовая, полностью сформировавшаяся конструкция, причем привнесенная извне. Во всяком случае, специальных устройств для высокотемпературного обжига керамики, которые можно было бы датировать до III в. до н. э., в низовьях Сырдарьи пока не обнаружено. Вся местная керамика сакского периода лепная и была обожжена в костре. На одной из усадеб

на поселении Баланды обнаружено прямоугольное в плане теплотехническое устройство, в котором предположительно могла обжигаться глиняная посуда, однако конструкция его остается неясной из-за плохой сохранности (*Курманкулов, Утубаев*, 2013. С. 113–115).

Единственной, но отнюдь не прямой и весьма отдаленной территориально аналогией горнам Бабиш-Мулла 7 являются специальные обжиговые устройства, раскопанные в Западном Прикаспии, на территории Кавказской Албании. Они представляли собой двухъярусное прямоугольное в плане сооружение из сырцовых кирпичей. Топочная камера перекрывалась сводом, опиравшимся на прямоугольные выступы на стенках топки. Здесь следует заметить, что стены топочной камеры, независимо от того, сооружалась ли она в специально вырытом котловане или была немного заглублена в грунт, всегда строились из сырцовых кирпичей или пахсы. Самые ранние из этих горнов (Мингечаур) датируются III–II вв. до н. э. (*Ионе*, 1949. С. 42–52). Такая конструкция обжигательных горнов практически без изменений существовала и в более позднее время (*Халилов*, 1965. С. 157–159).

В последней трети I тыс. до н. э. функционировал водный путь по Узбою, который через Каспий связывал Хорезм и области западного и юго-западного Прикаспия (*Болелов*, 2005. С. 229–232). В это же время функционировал торговый сухопутный путь из Хорезма в область древней дельты Сырдарьи. Об этом свидетельствуют находки импортных не только хорезмийских вещей, но и предметов из Северного Причерноморья и Закавказья на памятниках Чирикратской культуры (*Болелов*, 2015. С. 24–25). Учитывая это обстоятельство в качестве предварительной рабочей гипотезы, можно предположить, что по этим торговым путям импортировались не только предметы роскоши, но и новые прогрессивные технологии и идеи. Возможно, именно с этим связано появление не позднее начала III в. до н. э. далеко на Востоке, в низовьях Сырдарьи, совершенно новой производственной конструкции – двухъярусного прямоугольного обжигательного горна с прямым вертикальным движением горячих газов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов Б. В.*, 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука. 253 с.
- Андрианов Б. В.*, 1991. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис / Ред.: Б. В. Андрианов и др. М.: ИЭА РАН. С. 101–122.
- Болелов С. Б.*, 2005. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н. э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс) // Центральная Азия. Источники. История. Культура / Отв. ред.: Е. В. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература. С. 215–234.
- Болелов С. Б.*, 2010. Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на древнем Востоке. М.: ГМВ. С. 26–28.
- Болелов С. Б.*, 2013а. Ремесло Древнего Хорезма на ранних этапах развития государственности // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники / Отв. ред.: П. Б. Лурье, А. И. Торгоев. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 29–44. (Труды ГЭ; LXII.)
- Болелов С. Б.*, 2013б. Ремесло Древнего Хорезма по археологическим данным. Этапы становления // РА. № 2. С. 77–86.
- Болелов С. Б.*, 2015. Древний Хорезм на перекрестке торговых путей во второй половине I тыс. до н. э. // Вестник истории литературы искусства / ОИФН РАН. Т. X. М.: Собрание. С. 7–33.

- Вайнберг Б. И., 1999. Этногеография Турана в древности. М.: Восточная литература. 359 с.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1992. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 47–60. (Археология СССР)
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. Чирикратская культура. М.: ИЭА РАН. 178 с. (Низовья Сырдарьи в древности; вып. 1.)
- Виноградов А. В., 1963. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. 1 / Отв. ред.: С. П. Толстов, А. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР. С. 91–102.
- Виноградов А. В., 1981. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М.: Наука. 172 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; т. XIII.)
- Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи. М.: Наука. 159 с. (Труды ХАЭЭ; т. VII.)
- Воробьева М. Г., 1961. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Т. А. Жданко. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 147–179. (Труды ИЭ АН СССР. Новая серия; т. XLVIII.)
- Иваницкий И. Д., 1992. Саратеpe-2 – поселение керамистов середины I тыс. до н. э. под Самаркандом // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Ташкент: Фан. С. 22–40.
- Ионе Г. И., 1949. Гончарные печи древнего Мингечаура // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 42–54.
- Итина М. А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука. 237 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; т. X.)
- Итина М. А., 1998. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Восточная литература. С. 78–90.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.: РОССПЭН. 187 с.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 2001. Мавзолей Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература. 295 с.
- Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. 285 с.
- Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж., 2013. Баланды (Буланды) – памятник античности. Алматы: Хикари. 148 с.
- Левина Л. М., 1998. К истории исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Восточная литература. С. 42–59.
- Тажекеев А. А., Дарменов Р. Т., 2010. Еримбет-жага – стоянка эпохи бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред.: М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 438–440.
- Тажекеев А. А., Онгар А., Шораев Б. К., 2014. Тапа – памятник эпохи бронзы Северо-Восточного Приаралья // Основные аспекты изучения археологии Приаралья / Отв. ред.: А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов. Алматы: Арыс. С. 123–127.
- Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд. восточной литературы. 324 с.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. 1 / Отв. ред.: С. П. Толстов, А. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР. С. 3–90.
- Халилов Дж. А., 1965. Археологические памятники I тыс. у села Худжбала в Азербайджанской ССР // СА. № 3. С. 154–162.

Сведения об авторах

Болелов Сергей Борисович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бул., 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: bsb1958@ya.ru;

Утубаев Жамбулат Раимкулович, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, ул. Шевченко, 28, пр. Достык, 44, Алматы, 050010, Республика Казахстан; e-mail: utubaev_z@mail.ru

S. B. Bolelov, Zh. R. Utubaev

POTTERS' SETTLEMENT OF BABISH-MULLA 7
IN THE LOWER REACHES OF THE SYR DARYA (2015 EXCAVATIONS)

Abstract. The paper presents preliminary results of first excavations at Babish-Mulla 7, which is a settlement in the ancient Syr Darya delta, where the agricultural Chirikrabat archaeological culture existed in the second half of I mill. BC. Babish-Mulla 7 is a large production pottery center of the 3rd–2nd centuries BC, which supplied ceramics to the population of a large agricultural oasis. Two-tier ceramic roasting kilns of an original design, which have no analogues in Central Asia in the last third of I mill. BC, were found at the settlement. Production premises where pots were made were excavated.

Keywords: ancient agricultural culture, settlement, production center, two-tier ceramic roasting kiln, pottery, pottery workshop.

REFERENCES

- Andrianov B. V., 1969. Drevnie orositel'nye sistemy Priaral'ya [Ancient irrigation systems of the Aral Sea region]. Moscow: Nauka. 253 p.
- Andrianov B. V., 1991. Iz istorii orosheniya v bassejne Aral'skogo morya [From history of irrigation in Aral Sea basin]. *Aral'skiy krizis [Aral crisis]*. B. V. Andrianov, ed. Moscow: IEA RAN, pp. 101–122.
- Bolelov S. B., 2005. K voprosu o yuzhnykh i yugo-zapadnykh svyazyakh Khorezma vo vtoroy polovine I tys. do n. e. po arkhologicheskim dannym (drevnekhorezmiyskiy arkhologicheskii kompleks) [On problem of southern and south-western contacts of Khorezm in second part of I mill. BC according to archaeological data (Ancient Khorezm archaeological complex)]. *Tsentral'naya Aziya. Istochniki. Istoriya. Kul'tura [Central Asia. Sources. History. Culture]*. E. V. Antonova, T. K. Mkrtichev, eds. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 215–234.
- Bolelov S. B., 2010. Goncharnye proizvodstva Baktrii antichnogo perioda [Pottery productions of Bactria of period of Classical antiquity]. *Drevnie tsivilizatsii na drevnem Vostoke Ancient civilizations in the Ancient Near East*. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka, pp. 26–28.
- Bolelov S. B., 2013a. Remeslo Drevnego Khorezma na rannikh etapakh razvitiya gosudarstvennosti [Craft of Ancient Khorezm on early stages of development of statehood]. *Sogdiytsy, ikh predshestvenniki sovremenniki i nasledniki [The Sogdians, their ancestors, contemporaries and descendants]*. P. B. Lur'e, A. I. Torgoev, eds. St. Petersburg: GE, pp. 29–44. (Trudy GE, LXII.)
- Bolelov S. B., 2013b. Remeslo drevnego Khorezma po arkhologicheskim dannym. Etapy stanovleniya [Craft of Ancient Khorezm according to archaeological data. Formation stages] // *RA*, 2, pp. 77–86.
- Bolelov S. B., 2015. Drevniy Khorezm na perekrestke torgovykh putey vo vtoroy polovine I tys. do n. e. [Ancient Khorezm on cross-road of trade routes in second half of I mill. BC]. *Vestnik istorii literatury i iskusstva. Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN [Bulletin of history of literature and art. Department of historical-philological sciences RAS]*, X. Moscow: Sobranie, pp. 7–33.
- Ione G. I., 1949. Goncharnye pechi drevnego Mingechaura [Pottery kilns of ancient Mingechaur]. *KSIMK*, XXIV, pp. 42–54.
- Itina M. A., 1977. Istoriya stepnykh plemen yuzhnogo Priaral'ya [History of steppe tribes of South Aral Sea region]. Moscow: Nauka. 237 p. (Trudy Khorezmskoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii, X.)
- Itina M. A., 1998. K istorii izucheniya bronzovogo veka yuzhnogo Priaral'ya [Toward history of investigations of Bronze Age in South Aral Sea region]. *Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e [Aral Sea region in antiquity and Middle Ages]*. E. E. Nerazik, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 78–90.
- Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki nizhney Syrdar'i [of Lower Syrdarya]. Moscow: ROSSPEN. 187 p.

- Itina M. A., Yablonskiy L. T., 2001. Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdny bronzoovy vek Nizhney Syrdar'i [North Tagisken mausoleums. Late Bronze Age of Lower Syrdarya]. Moscow: Vostochnaya literatura. 295 p.
- Ivanitskiy I. D., 1992. Saratepe-2 – poselenie keramistov serediny I tys. do n. e. pod Samarkandom [Saratepe-2 – potters' settlement of mid I mill. BC near Samarkand]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of material culture of Uzbekistan]*, 26. Tashkent: Fan, pp. 22–40.
- Kalaly-gyr 2. Kul'tovy tsentr v Drevnem Khorezme [Kalaly-gyr 2. Cultic centre in Ancient Khorezm]. B. I. Vaynberg, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 285 p.
- Khalilov Dzh. A., 1965. Arkheologicheskie pamyatniki I tys. u sela Khudzhbala v Azerbaydzhansko SSR [Archaeological sites of I mill. near village Khudzhbala in Azerbaijan SSR]. *SA*, 3, pp. 154–162.
- Kurmankulov Zh. K., Utubaev Zh., 2013. Balandy (Bulandy) – pamyatnik antichnosti [Balandy (Bulandy) – Antique site]. Almaty: Khikar. 148 p.
- Levina L. M., 1998. K istorii issledovaniya Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii v vostochnom Priaral'e [Toward history of investigation of Khorezm archaeological-ethnographic expedition in Eastern Aral Sea region]. *Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e [Aral Sea region in antiquity and Middle Ages]*. E. E. Nerazik, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 42–59.
- Tazhekeev A. A., Darmanov R. T., 2010. Erimbets-zhaga – stoyanka epokhi bronzy [Erimbet-zhaga – Bronze Age station]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories]*. M. M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 438–440.
- Tazhekeev A. A., Ongar A., Shoraev B. K., 2014. Tapa – pamyatnik epokhi bronzy Severo-Vostochnogo Priaral'ya [Tapa – Bronze Age site in North-eastern Aral Sea region]. *Osnovnye aspekty izucheniya arkheologii Priaral'ya [Main aspects of investigation of archaeology of Aral Sea region]*. A. A. Tazhekeev, R. T. Darmanov, eds. Almaty: Arys, pp. 123–127.
- Tolstov S. P., 1962. Po drevnim del'am Oksa i Yaksarta [Over ancient estuaries of Oxus and Yaxartes]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 324 p.
- Tolstov S. P., Zhdanko T. A., Itina M. A., 1963. Raboty Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR v 1958–1961 gg. [Activities of Khorezm archaeological-ethnographic expedition of the AS of the USSR in 1958–1961]. *Materialy Khorezmskoy ekspeditsii [Transactions of Khorezm expedition]*, 6. *Polevyie issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. [Field investigations of Khorezm expeditions in 1958–1961]*, 1. S. P. Tolstov, A. V. Vinogradov, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 3–90.
- Vaynberg B. I., 1999. Etnogeografiya Turana v drevnosti [Ethno-geography of Turan in antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura. 359 p.
- Vaynberg B. I., Levina L. M., 1992. Chirikrabskaya kul'tura v nizov'yakh Syrdar'i [Chirikrabsk culture in lower reaches of Syrdarya]. *Stepnaya polosha Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asiatic part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 47–60. (Arkheologiya SSSR.)
- Vaynberg B. I., Levina L. M., 1993. Chirikrabskaya kul'tura [Chirikrabsk culture]. Moscow: IEA RAS. 178 p. (Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti, 1.)
- Vinogradov A. V., 1963. Novye materialy dlya izucheniya kel'teminskoy kul'tury [New materials for investigation of Kel'temin culture]. *Materialy Khorezmskoy ekspeditsii [Transactions of Khorezm expedition]*, 6. *Polevyie issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. [Field investigations of Khorezm expeditions in 1958–1961]*, 1. S. P. Tolstov, A. V. Vinogradov, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 91–102.
- Vinogradov A. V., 1981. Drevnie okhotniki i rybolovy sredneaziatskogo mezhdurech'ya [Early hunters and fishers of Central Asiatic interfluvium]. Moscow: Nauka. 172 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, XIII.)
- Vishnevskaya O. A., 1973. Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i [Culture of Saka tribes in lower reaches of Syrdarya]. Moscow: Nauka. 159 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, VII.)
- Vorob'eva M. G., 1961. Opyt kartografirovaniya gonchamykh pechey dlya istoriko-etnograficheskogo atlasa Sredney Azii i Kazakhstana [Experience of potters' kilns mapping for historical-ethnographic atlas of Central Asia and Kazakhstan]. *Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu Sredney Azii i Kazakhstana [Materials for historic-ethnographic atlas of Central Asia and Kazakhstan]*.

T. A. Zhdanko, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 147–179. (Trudy IEA AN SSSR. Novaya seriya, XLVIII.)

About the authors

Bolelov Sergey B., State Museum of Oriental Art, Nikitsky bul., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: bsb1958@ya.ru;

Utubaev Zhambulat R., A. Kh. Margulan Institute of Archaeology CS MES RK, pr. Dostyk, 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; e-mail: utubaev_z@mail.ru

С. И. Владимиров

ТИПОЛОГИЯ И ИСТОКИ ФОРМ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ НАСЕЛЕНИЯ ДОНО-ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII – НАЧАЛЕ X в. (САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА)

Резюме. В статье рассматриваются наконечники стрел, обнаруженные в погребениях и поминальных комплексах населения Доно-Донецкого региона второй половины VIII – начала X в. Из учтенных наконечников 150 экземпляров были использованы для построения типологии, которая предваряется кратким историографическим обзором подходов к типологии наконечников стрел. В результате типологии материала удалось выделить отделы, типы, подтипы и варианты. Сопоставление частоты находок наконечников стрел в погребениях, совершенных по различным обрядам, позволило выявить типы, характерные для различных групп населения салтово-маяцкой культуры.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Доно-Донецкий регион, вооружение, наконечники стрел, типология.

Наконечники стрел являются наиболее многочисленной категорией находок, относящихся к стрелковому оружию и обнаруженных в погребениях населения Доно-Донецкого региона второй половины VIII – начала X в.

На данный момент наиболее полной классификацией наконечников стрел Восточной Европы эпохи Средневековья считается классификация, разработанная А. Ф. Медведевым для наконечников VIII–XIV вв. (*Медведев, 1966*). Однако широкие хронологические и географические рамки исследования А. Ф. Медведева не позволяют выявить специфику наконечников стрел салтово-маяцкой культуры, тем более что за время, прошедшее со времени написания работы, появились новые источники, требующие своего осмысления. Также следует отметить, что исследователи, непосредственно занимавшиеся изучением салтово-маяцкой культуры, обращались к наконечникам стрел лишь в рамках обобщающих работ, ограничиваясь перечислением некоторых форм (*Ляпушкин, 1958. С. 119; Михеев, 1985. С. 60*), а также замечаниями о различной степени распространенности форм наконечников стрел у «лесостепного населения» салтово-маяцкой культуры и «степняков» (*Плетнёва, 1967. С. 161*).

В этой связи отдельно следует отметить работы А. В. Крыганова, занимавшегося изучением вооружения населения салтово-маяцкой культуры. В частности, автор приводит достаточно подробную типологию наконечников стрел с памятников салтово-маяцкой культуры, оставленных населением, практиковавшим трупосожжение (Крыганов, 1989. С. 98–99). Однако типология, приведенная в работе А. В. Крыганова, не может быть применена ко всей салтово-маяцкой культуре, так как ограничена памятниками по типу трупосожжения. Другая работа автора, в которой приводится типология наконечников стрел, посвящена военному делу населения Северного Причерноморья конца IV – начала XIII в. (Крыганов, 2012. С. 34–43). Безусловно, широкие хронологические рамки являются одним из достоинств работы А. В. Крыганова, но, на наш взгляд, именно они не позволяют подробно остановиться на салтовском материале с целью выявления особенностей в распространении форм наконечников стрел среди групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего различные погребальные обряды.

Прежде чем перейти к типологии материала, следует отметить, что она затруднена большим разнообразием форм, присущих наконечникам стрел. Подходы к типологии наконечников стрел, близких нашему региону исследования и хронологическому периоду, во многом схожи. В подавляющем большинстве случаев исследователи при типологии данного материала в качестве типобразующих признаков использовали сечение и форму пера (Йотов, 2004. С. 23–25; Козлов, 1998. С. 214; Медведев, 1966. С. 37–38; Могильников, 2002. С. 109; Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 25; Худяков, 1981. С. 123; 1986. С. 143). При этом, в зависимости от объема и разнообразия выборки, учитывался характер насада, материал изготовления, сечение и форма черешка или втулки, переход от пера к насаду. Исследователи, обращавшиеся непосредственно к материалам салтово-маяцкой культуры, также основное внимание уделяли сечению и форме пера наконечников стрел (Крыганов, 1989. С. 98; Мерперт, 1949. С. 9; Плетнёва, 1967. С. 161).

С учетом опыта предыдущих исследований была проведена типология наконечников стрел. Имеющийся в нашем распоряжении материал (155 наконечников стрел, пригодных для типологического анализа) (табл. 1) был разбит на отделы по сечению лезвия, на типы по форме лезвия, на подтипы и варианты по конструктивным особенностям наконечника: форма упора, форма плеч, сечение черешка. Такой признак, как форма насада, при типологии не был учтен в силу того, что все рассмотренные наконечники являются черешковыми. Исключением может быть лишь один наконечник стрелы, обнаруженный в погребении Дмитриевского могильника, однако он играл роль подвески и был отнесен С. А. Плетнёвой к скифскому времени (Плетнёва, 1989. С. 113. Рис. 58).

Отдел I. Трехлопастные (127 экз. – 81 %) (рис. 1).

Тип 1. Треугольные (51 экз. – 40 %) (рис. 1, 1–5).

Подтип А. Со скошенными плечами (46 экз. – 90 %) (рис. 1, 1–4). Выделяется четыре варианта данного подтипа: с небольшим упором в плане четырехугольным; с упором овальной в плане формы (колечко); с вытянутым упором; с вытянутым упором, имеющим расширяющееся окончание (колечко). Первый вариант (29 экз.) (рис. 1, 1). Второй вариант (4 экз.) (рис. 1, 2). Третий вариант (7 экз.) (рис. 1, 3). Четвертый вариант (6 экз.) (рис. 1, 4).

Табл. 1. Распределение учтенных наконечников стрел по памятникам салтово-маяцкой культуры

№	Название могильника/комплекса	Количество
1	Красногоровский могильник	26
2	Маяцкое селище	16
3	комплекс у с. Сухая Гомольша	15
4	Сухогомольшанский могильник	13
5	Дмитриевский могильник	13
6	Нижнелубянский могильник	13
7	комплекс у с. Кочеток	13
8	Нетайловский могильник	9
9	могильник Лысый Горб	9
10	Кочетокский могильник	9
11	Новопокровский могильник	8
12	могильник Кицевка	3
13	комплекс у с. Тополи	3
14	Старосалтовский могильник	2
15	Верхнесалтовский могильник	1
16	Ржевский могильник	1
17	Мандровский могильник	1

Подтип Б. С горизонтальными плечиками. Представлен пятью экземплярами (10 %) из катакомбы в яме 18 Маяцкого селища (рис. 1, 5).

Сама традиция употребления железных трехлопастных треугольных наконечников стрел уходит корнями в сарматскую эпоху (Хазанов, 1971. С. 36–41; Белоусов, 2010. С. 19). Аналогии наконечникам данного типа имеют очень широкую географию. Например, подобные наконечники мы находим в материалах финно-угров раннего железного века и раннего Средневековья (Иванов, 1984. Рис. 3, 4, 5, 7; Генинг, 1953. С. 98. Рис. 33, 9; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 8). Аналогии известны в кочевнических древностях Центральной Азии (Левашова, 1952. Рис. 5, 19–22; Могильников, 2002. Табл. 5; Худяков, 1986. Рис. 64, 5, 7), в материалах волжских болгар¹ (Багаутдинов и др., 1998. Рис. 26, 5, 6; Матвеева, 1997. Рис. 6; Халикова, 1976. Рис. 4, 15), в погребениях дунайских болгар (Иотов, 2004. Табл. XXIII, 334–336). Аналогичные наконечники встречены в погребениях у аула Казазово (Тарабанов, 1983. Рис. 1, 7). В катакомбе могильника Клинь-Яр III, относящейся к концу VII – началу VIII в., также были обнаружены подобные стрелы, но без упора (Флёров, 2000. С. 44. Рис. 37, 16). Аналогичные наконечники обнаружены в погребениях Восточной Европы предсалтовского времени, оставленных кочевниками (Флёрова, 2001. Рис. 6) и населением

¹ Вопрос отнесения подкурганных погребений на Самарской Луке к «ранним болгарам» является дискуссионным, требует отдельного рассмотрения и выходит за рамки темы исследования. В данном случае мы оставляем этническую интерпретацию такой, какой она была дана авторами указанных работ.

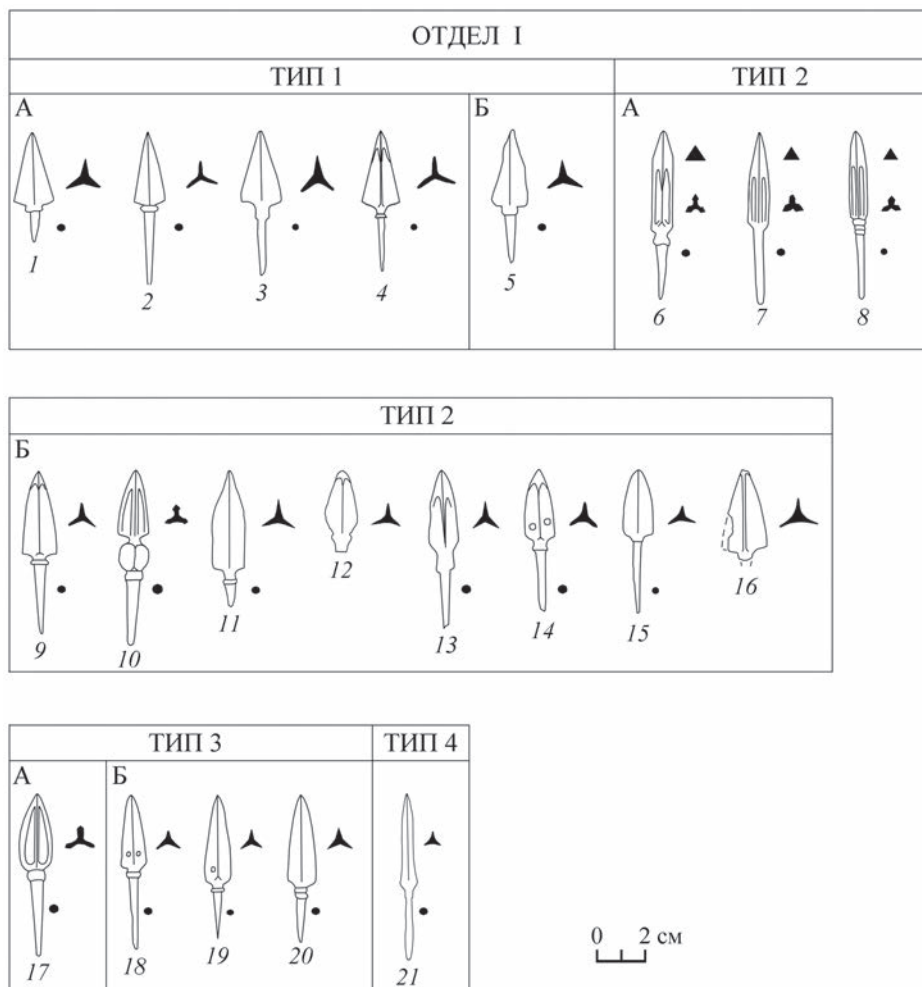

Рис. 1. Наконечники стрел. Отдел I

пеньковской культуры (Приходнюк, 1998. Рис. 61, 5). Также аналогии известны в материалах с памятников салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону и в Крыму (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 180. Рис. 50, 14–17; Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Савченко, 1986. Рис. 7, 11).

Тип 2. Килевидные (58 экз. – 45 %) (рис. 1, 6–16).

Подтип А. С узким пером (21 экз. – 36 %). Внутри данного подтипа выделяется три варианта по форме острия наконечника: «треугольной»; шиповидной; закругленной. Первый вариант (16 экз.) (рис. 1, 6). Второй вариант (3 экз.) (рис. 1, 7). Третий вариант (2 экз.) (рис. 1, 8).

Аналогии первому варианту находятся в материалах с территории Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 16).

Подтип Б. С широким пером (32 экз. – 55 %). По форме плечиков и упора выделяется три варианта: с упором, имеющим расширяющееся окончание; с вытянутым упором; с коротким упором. Первый вариант (23 экз.) (рис. 1, 9–12). Второй вариант (6 экз.) (рис. 1, 13, 14). Третий вариант (3 экз.) (рис. 1, 15, 16).

У пяти наконечников (9 %) отсутствует основание черешка, что делает затруднительным их отнесение к какому-либо варианту.

Аналогии известны в материалах Абхазии IV–VII вв. (Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 17, 18, 24), в погребениях второй половины VIII – начала IX в. могильника Дюрсо (Дмитриев, 1979. Рис. 2, 6). Подобные наконечники встречены в материалах, относящихся к древним тюркам (Худяков, 1986. Рис. 64, 8, 11). Отдельно следует отметить наконечник второго типа с отверстиями в лопастях (рис. 1, 14), аналогии которому известны в погребениях Борисовского могильника (Саханев, 1914. Табл. III, 9), в материалах предсалтовского времени на территории Предкавказья (Магомедов, 1983. Рис. 19, 7) и степей Восточной Европы (Флёрова, 2001. Рис. 4). Наконечник со свистулькой (рис. 1, 10) имеет аналогию в Шиловке (Багаутдинов и др., 1998. Рис. 26, 3). В целом, исходя из разнообразия форм и размеров, можно согласиться с мнением А. В. Крыганова о том, что полностью одинаковых наконечников стрел данного типа практически нет (Крыганов, 2012. С. 35).

Тип 3. Остролистные (15 экз. – 12 %) (рис. 1, 17–20).

Подтип А. С закругленными плечами (4 экз. – 27 %) (рис. 1, 17).

Подтип Б. Со скошенными плечами (11 экз. – 73 %) (рис. 1, 18–20).

Данный подтип может быть разделен на два варианта: с отверстиями в лопастях и без отверстий. Первый вариант (5 экз.) (рис. 1, 18, 19). Второй вариант (6 экз.) (рис. 1, 20).

Аналогии данному подтипу известны в хазарском слое Саркела (Артамонов, 1958. Рис. 29, 2) и в материалах Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964. Табл. XII, 14).

Тип 4. Пламевидные (3 экз. – 2 %) (рис. 1, 21).

Отдел II. Плоские (14 экз. – 9 %) (рис. 2, 1–9).

Тип 1. Килевидные (4 экз. – 29 %) (рис. 2, 1, 2).

Аналогии известны в материалах Верхне-Чирюртовского могильника (Магомедов, 1983. Рис. 19, 10, 14) и Правобережного Цимлянского городища (Ляпушкин, 1958. Рис. 16). Подобные наконечники найдены в погребениях неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXIX, 65) и материалах ломоватовской культуры (Голдина, 1985. Табл. XXVI, 42).

Тип 2. Фигурные (5 экз. – 36 %) (рис. 2, 3–5).

Подтип А. С прорезью (4 экз. – 80 %) (рис. 2, 3, 4).

Подобные наконечники встречены в погребениях Борисовского могильника (Саханев, 1914. Табл. III, 7), Дюрсо (Дмитриев, 1979. Рис. 2, 5, 17) и могильника у аула Казазово (Тарабанов, 1983. Рис. 1, 13). Аналогии известны в материалах Правобережного Цимлянского городища (Ляпушкин, 1958. Рис. 16).

Подтип Б. Без прорези (1 экз. – 20 %) (рис. 2, 5).

Аналогии известны в материалах Верхне-Чирюртовского могильника (Магомедов, 1983. Рис. 19, 5, 6).

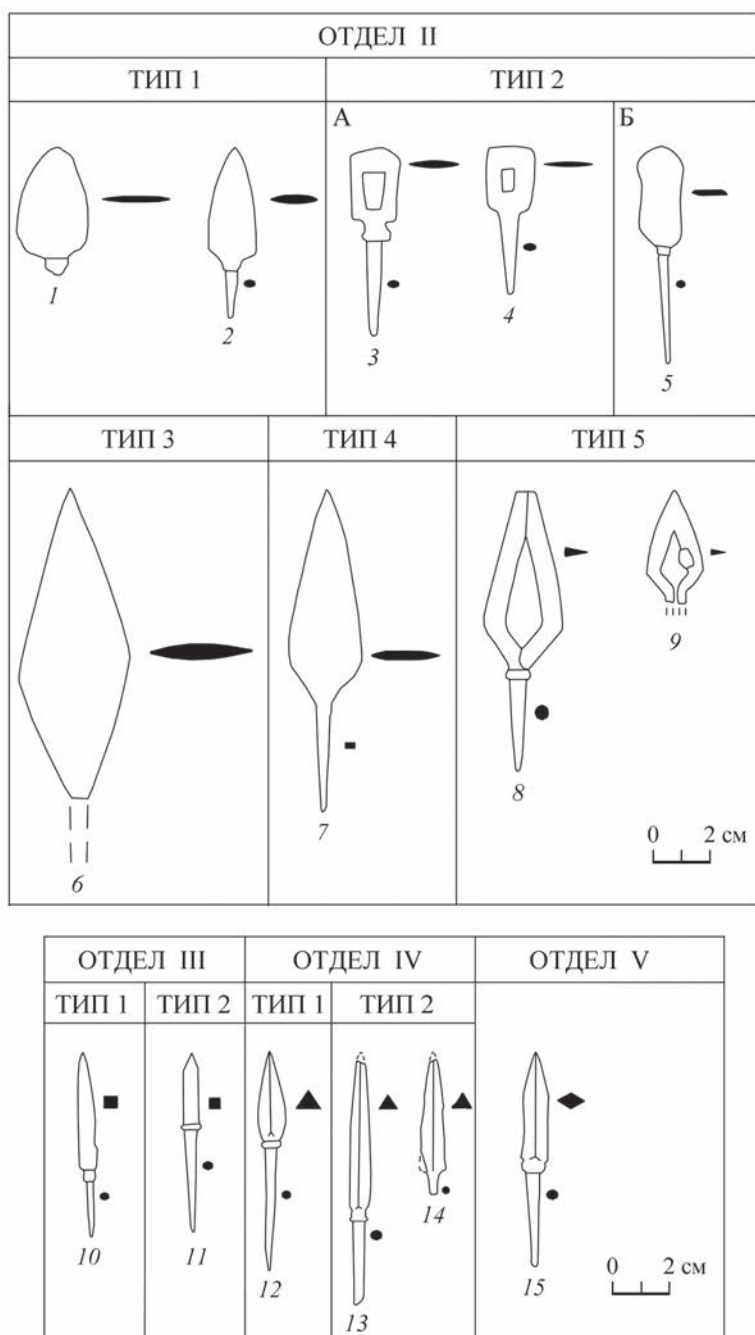

Рис. 2. Наконечники стрел. Отделы II–V

Тип 3. Ромбовидные (1 экз. – 7 %) (рис. 2, 6).

Аналогия известна в погребении Шукинского могильника с территории Верхнего Прикамья (*Голдина, Кананин*, 1989. Рис. 56, 21) и Лядинского могильника в верховьях р. Цны (*Воронина*, 2007. Рис. 21, 3).

Тип 4. Остролистные удлинённые (2 экз. – 14 %) (рис. 2, 7).

Подобные наконечники были найдены в погребениях Аверинского II могильника (*Голдина, Кананин*, 1989. Рис. 56, 26). Похожий экземпляр найден в одном из курганов Южного Урала эпохи раннего Средневековья (*Мажитов*, 1977. С. 32. Табл. I, 292). Аналогии известны в материалах Молдовановского могильника (*Пьянков, Тарабанов*, 2004. Рис. 8, 31, 32).

Тип 5. Ромбические с прорезью и расширением в нижней части (2 экз. – 14 %) (рис. 2, 8, 9).

Несколько подобных наконечников обнаружено в одном из комплексов Молдовановского могильника (*Пьянков, Тарабанов*, 2004. Рис. 8, 22–24, 27–30). Также аналогии известны в погребениях могильника Дюрсо (*Дмитриев*, 1979. Рис. 2, 8).

Отдел III. Квадратные (6 экз. – 4 %) (рис. 2, 10–11).

Тип 1. Шиловидные (4 экз. – 67 %) (рис. 2, 10).

Аналогии имеются в материалах «ранних болгар» Поволжья и памятниках новинковского типа (*Багаутдинов и др.*, 1998. Рис. 26, 12, 13; *Матвеева*, 1997. Рис. 115, 5, 6). Похожий наконечник найден в погребении Больше-Тарханского могильника (*Генинг, Халиков*, 1964. Табл. XII, 17). Подобные наконечники бытовали в среде финно-угорского населения эпохи раннего Средневековья (*Генинг*, 1962. Табл. XI, 11). Также подобные наконечники встречены в материалах дунайских болгар (*Йотов*, 2004. Табл. XXIII, 338, 343, 347). Аналогии известны в материалах с территории Абхазии (*Воронов, Шенкао*, 1982. Рис. 1, 5).

Тип 2. Пятиугольные (2 экз. – 33 %) (рис. 2, 11).

Отдел IV. Треугольные (4 экз. – 3 %) (рис. 2, 12–14).

Тип 1. Остролистные с закругленными плечами (2 экз. – 50 %) (рис. 2, 12).

Аналогия известна в материалах раннесредневековых кочевников северо-западных предгорий Алтая (*Могильников*, 2002. Табл. 5).

Тип 2. Удлиненные (2 экз. – 50 %) (рис. 2, 13, 14).

Подобные наконечники встречены в материалах предсалтовского периода Восточной Европы (*Комар*, 2009. Рис. 2, 7) и в погребениях у аула Казазово (*Тарабанов*, 1983. Рис. 1, 9).

Отдел V. Ромбовидные (4 экз. – 3 %) (рис. 2, 15).

Аналогия известна в материалах Больше-Тиганского могильника (*Халикова*, 1976. Рис. 4, 16).

В целом, говоря о появлении и распространении тех или иных наконечников стрел у населения Доно-Донецкого междуречья второй половины VIII – начала X в., следует отметить, что в процессе сложения форм наконечников стрел основную роль сыграли племена, обитавшие в Предкавказье и на Кавказе. Особое внимание следует обратить на близость, а порой и идентичность форм наконечников, обнаруженных в кремационных погребениях салтово-маяцкой культуры, с наконечниками из погребений Северо-Западного Предкавказья, совершенных по тому же обряду захоронения. Также немало аналогий

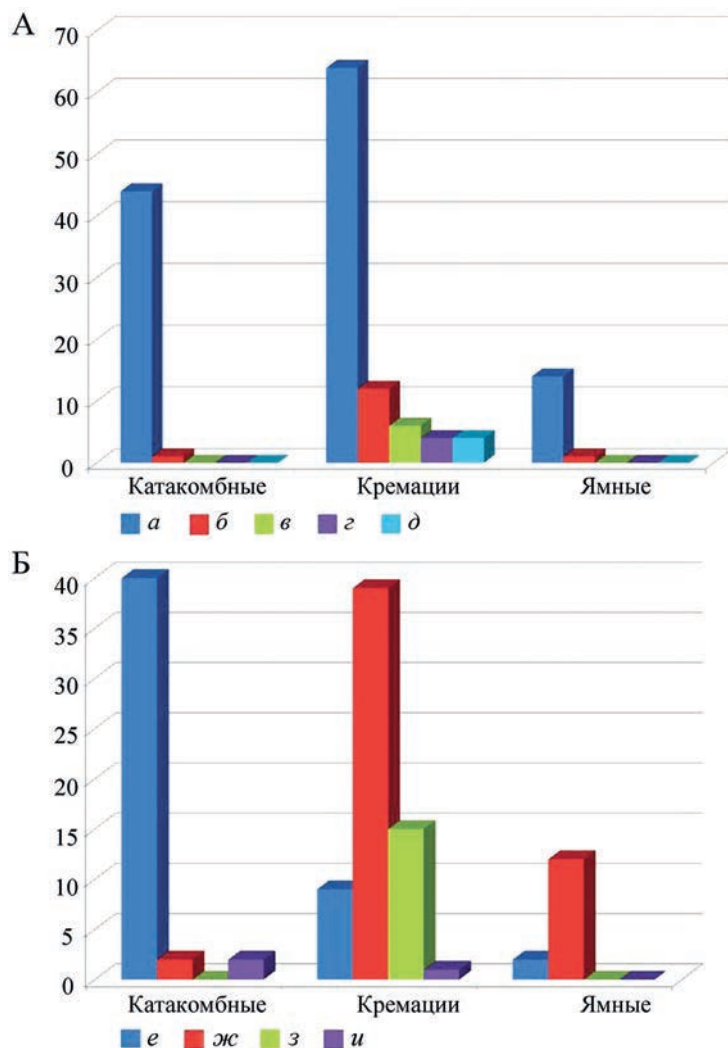

Рис. 3. Распределение наконечников стрел по погребениям

А – распределение наконечников стрел по захоронениям, совершенным по различным обрядам; Б – распределение наконечников стрел первого отдела по захоронениям, совершенным по различным обрядам

а – Отдел I; б – Отдел II; в – Отдел III; г – Отдел IV; д – Отдел V; е – треугольные; ж – килевидные; з – остролистные; и – пламевидные

наконечников салтово-маяцкой культуры имеется в материалах, связываемых с кочевниками Восточной Европы предсалтовского периода (вторая половина VII – первая половина VIII в.). Некоторые из выделенных нами типов наконечников имели очень широкое распространение, например треугольные трехлопастные, поэтому связать их популярность у населения салтово-маяцкой культуры

с влиянием конкретной культурно-исторической общности или определенным регионом весьма затруднительно, если возможно. Следует лишь отметить, что треугольные трехлопастные наконечники стрел были распространены у кавказских алан.

Выделенные нами типы наконечников стрел были неравномерно распространены в памятниках салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкого региона (рис. 3, А, Б). Если брать катакомбные могильники, то здесь преобладали прежде всего трехлопастные треугольные и широкие килевидные наконечники стрел, при отсутствии граненых. В погребениях ямных могильников также преобладали трехлопастные треугольные и килевидные наконечники, однако в ямных погребениях Нетайловского ямного и Красногоровского биритуального могильников попадались плоские и килевидные. Наиболее разнообразными оказались наконечники стрел из погребений по типу трупосожжения, в которых нередко встречались граненые и трехлопастные узкие килевидные. В этих же комплексах встречались плоские наконечники стрел, имеющие практически полные аналогии в материалах Предкавказья.

Таким образом, типологический анализ наконечников стрел позволяет говорить о существовании у носителей различных погребальных обрядов населения Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X в. отличных по составу наборов наконечников стрел.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И., 1958. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–84. (МИА; № 62.)
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский региональный фонд «Полдень. XXII век». 286 с.
- Белоусов В. В., 2010. Вооружение и военное дело сарматов Подонья в I–IV вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Воронеж: Изд-во ВГУ. 22 с.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 203 с.
- Воронина Р. Ф., 2007. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века. М.: Наука. 164 с.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред.: А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 121–165.
- Генинг В. Ф., 1953. Бродовский могильник // КСИИМК. Вып. 52. С. 87–98.
- Генинг В. Ф., 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3 / Отв. ред. Е. Г. Сувор. Свердловск: Удмуртский республиканский краеведческий музей. С. 7–111.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука. 200 с.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 280 с.
- Голдина Р. Д., Водолога Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 176 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 216 с.
- Дмитриев А. В., 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. № 158. С. 52–57.

- Иванов В. А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 88 с.
- Йотов В., 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: Абагар. 356 с.
- Козлов В. И., 1998. К вопросу об относительной хронологии наконечников стрел в Балкано-Дунайской культуре // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе / Отв. ред.: Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: ГЭ. С. 213–215.
- Комар А. В., 2009. Курганы VIII в. у села Астахово // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 295–314.
- Крыганов А. В., 1989. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. С. 98–114.
- Крыганов А. В., 2012. Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII в. Сумы: Сумское обл. о-во «Просвита». 232 с.
- Левашова В. П., 1952. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии Сибири. М.: Изд-во АН СССР. С. 121–136. (МИА; № 24.)
- Ляпушкин И. И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 85–150. (МИА; № 62.)
- Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука. 225 с.
- Мажитов Н. А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука. 240 с.
- Матвеева Г. И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского ун-та. 226 с.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное и метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.; Л.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Мерперт Н. Я., 1949. Верхнее Салтово (салтовская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л. 18 с.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 148 с.
- Могильников В. А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука. 362 с.
- Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 200 с. (МИА; № 142.)
- Плетнёва С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Приходнюк О. М., 1998. Пеньковская культура (культурно-хронологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский ун-т. 170 с.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Гл. ред. В. Б. Виноградов. Армавир: АГПУ. С. 275–292.
- Савченко Е. И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1 / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука. С. 70–101.
- Саханев В. В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. Вып. 56. СПб. С. 75–219.
- Тарабанов В. А., 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. С. 148–155.
- Фёдоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та. 276 с.
- Флёров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа. 164 с.
- Флёрова В. Е., 2001. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 163–190.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.
- Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. С. 158–178.

- Худяков Ю. С., 1981. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 115–132.
- Худяков Ю. С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. 269 с.

Сведения об авторе

Владимиров Сергей Игоревич, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, г. Воронеж, 394018, Россия; e-mail: SergeiHistory@mail.ru

S. I. Vladimirov

TYPOLOGY AND ORIGINS OF THE FORMS OF ARROWHEADS USED
BY THE POPULATION IN THE DON-DONETS REGION
IN THE SECOND HALF OF THE 8th – EARLY 10th CENTURIES
(SALTOVO-MAYAKI CULTURE)

Abstract. The paper examines arrowheads discovered in the graves and funeral assemblages left behind by the population of the Don-Donets Region in the second half of the 8th – early 10th centuries. Out of all recorded arrowheads 150 items were used for working out a typology; the typology section is preceded by a brief historiographical overview of approaches to typologies of arrowheads. This typology of arrowheads singles out series, types, subtypes and variants. Comparison of frequency of arrowhead finds in burials made in accordance with different funeral rites provided an opportunity to identify types common for various population groups of the Saltovo-Mayaki culture.

Keywords: Saltovo-Mayaki culture, Don-Donets region, weapons, arrowheads, typology.

REFERENCES

- Artamonov M. I., 1958. Sarkel – Belaya Vezha [Sarkel – Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Volga-Don archaeological expedition]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 7–84. (MIA, 62.)
- Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E., 1998. Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya) [Pre-Bulgarians on Middle Volga (at the origins of history of the Tartars of Volga-Kama region)]. Samara: Samarskiy regional'nyy fond «Polden'. XXII vek». 286 p.
- Belousov V. V., 2010. Vooruzhenie i voennoe delo sarmatov Podon'ya v I–IV vv.: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Weapons and warfare of Sarmatae of Don region in I–IV cc.: Thesis for a Doctor's degree Abstract]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 22 p.
- Dmitriev A. V., 1979. Mogil'nik epokhi pereseleniya narodov na reke Dyurso [Cemetery of Migration period on Dyurso River]. *KSIA*, 158, pp. 52–57.
- Fedorov-Davydov G. A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde khans]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 276 p.
- Flyorov V. S., 2000. Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ya V–VIII vv.: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh [Alans of the Central Caucasus foothills in the 5th–8th centuries: prophylactic rite directed against the dead]. Moscow: Polimedia. 164 p.
- Flyorova V. E., 2001. Podkurgannye pogrebeniya vostochnoevropeyskikh stepey i puti slozheniya kul'tury Khazarii [Burials under kurgans in East European steppes and paths of formation of

- Khazaria culture]. *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya [European steppes in Medieval epoch]*, 2. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 163–190.
- Gening V. F., 1953. Brodovskiy mogil'nik [Brodovskiy cemetery]. *KSIMK*, 52, pp. 87–98.
- Gening V. F., 1962. Mydlan'-Shay – udmurtskiy mogil'nik VIII–IX vv. [Mydlan'-Shay – Udmurt cemetery of VIII–IX cc.]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of archaeology of Urals]*, 3. E. G. Surov, ed. Sverdlovsk: Udmurtskiy respublikanskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 7–111.
- Gening V. F., Khalikov A. Kh., 1964. Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskiy mogil'nik) [Early Bulgars on Volga (Bol'she-Tarkhanskiy cemetery)]. Moscow: Nauka. 200 p.
- Goldina R. D., 1985. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatovo culture in Upper Kama region]. Irkutsk: Irkutskiy universitet. 280 p.
- Goldina R. D., Kananin V. A., 1989. Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy [Medieval sites of Upper Kama reaches]. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet. 216 p.
- Goldina R. D., Vodolago N. V., 1990. Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e [Cemeteries of Nevolino culture in Ural region]. Irkutsk: Irkutskiy universitet. 176 p.
- Ivanov V. A., 1984. Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ya v epokhu rannego zheleza [Weapons and warfare of Finno-Ugrians of Ural region in Early Iron Age]. Moscow: Nauka. 88 p.
- Khalikova E. A., 1976. Bol'she-Tiganskiy mogil'nik [Bol'she-Tiganskiy cemetery]. *SA*, 2, pp. 158–178.
- Khazanov A. M., 1971. Ocherki voennogo dela sarmatov [Essays of warfare of the Sarmatae]. Moscow: Nauka. 172 p.
- Khudyakov Yu. S., 1981. Vooruzhenie kochevnikov prialtayskikh stepey v IX–X vv. [Weapons of nomads of Altai region steppes in IX–X cc.]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Warfare of ancient tribes of Siberia and Central Asia]*. Yu. S. Khudyakov, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 115–132.
- Khudyakov Yu. S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Weapons of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 269 p.
- Komar A. V., 2009. Kurgany VIII v. u sela Astakhovo [Kurgans of VIII c. near village Astakhovo]. *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya [European steppes in Medieval epoch]*, 7. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 295–314.
- Kozlov V. I., 1998. K voprosu ob otnositel'noy khronologii nakonechnikov strel v Balkano-Dunayskoy kul'ture [On problem of relative chronology of arrowheads in Balkan-Danubian culture]. *Voennaya arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspective [Martial archaeology. Weapons and warfare in historic and social perspective]*. G. V. Vilinbakhov, V. M. Masson, eds. St. Petersburg: GE, pp. 213–215.
- Kryanov A. V., 1989. Vooruzhenie i voysko naseleniya Saltovo-Mayatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Weapons and army of Saltovo-Mayaki culture (based on materials of cremation cemeteries)]. *Problemy arkheologii Podneprov'ya [Problems of archaeology of Dnieper region]*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gos. universitet, pp. 98–114.
- Kryanov A. V., 2012. Voennoe delo kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya kontsa IV – nachala XIII vv. [Warfare of nomads of North Pontic zone in late IV – early XIII cc.]. Sumy: Sumskoe oblastnoe obshchestvo «Prosvita». 232 p.
- Levashova V. P., 1952. Dva mogil'nika kyrgyz-khakasov [Two cemeteries of the Kyrgyz-Khakas]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri [Materials and investigations on archaeology of Siberia]*. Moscow: AN SSSR, pp. 121–136. (MIA, 24.)
- Lyapushkin I. I., 1958. Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v basseynе r. Dona [Sites of Saltovo-Mayaki culture in River Don basin]. *Trudy Volgo-Don'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Volga-Don archaeological expedition]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 85–150. (MIA, 62.)
- Magomedov M. G., 1983. Obrazovanie Khazarskogo kaganata (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pis'mennym dannym) [Formation of Khazar khanate (based on materials of archaeological investigations and written data)]. Moscow: Nauka. 225 p.
- Matveeva G. I., 1997. Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoy Luke [Cemeteries of early Bulgars on the Samara Bend]. Samara: Samarskiy universitet. 226 p.
- Mazhitov N. A., 1977. Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. [South Urals in VII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 240 p.
- Medvedev A. F., 1966. Ruchnoe i metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv. [Hand and throwing weapons. Bow and arrows, mechanic bow of VIII–XIV cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 184 p. (SAI, E1-36.)

- Merpert N. Ya., 1949. Verkhnee Saltovo (saltovskaya kul'tura): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Verkhnee Saltovo (Saltovo culture): Ph. D. Thesis Abstract]. Leningrad. 18 p.
- Mikheev V. K., 1985. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata [Don region in structure of Khazar khanate]. Kharkov, Vishcha shkola, 148 p.
- Mogil'nikov V. A., 2002. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of Altai north-western foothills in IX–XI centuries]. Moscow: Nauka. 362 p.
- Pletneva S. A., 1967. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomad stations to cities. Saltovo-Mayaki culture]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 200 p. (MIA, 142.)
- Pletneva S. A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskiy arkhologicheskiy kompleks) [On Slavic-Khazarian border (Dmitrievskiy archaeological complex)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Prikhodnyuk O. M., 1998. Pen'kovskaya kul'tura (kul'turno-khronologicheskiy aspekt issledovaniya) [Pen'kovka culture (cultural chronological aspect of investigation)]. Voronezh: Voronezhskiy universitet. 170 p.
- P'yankov A. V., Tarabanov V. A., 2004. Voinskiy kompleks 25 iz Moldovanovskogo mogil'nika (raskopki 1989 g.) [Warrior's complex No. 25 from Moldovanovskiy cemetery (excavations of 1989)]. *MIASK*, 3, pp. 275–292.
- Sakhanov V. V., 1914. Raskopki na Severnom Kavkaze v 1911–12 godakh [Excavations in North Caucasus in 1911–12]. *IAK [Proceedings of IAK]*, 56. St. Petersburg, pp. 75–219.
- Savchenko E. I., 1986. Krymskiy mogil'nik [Krymskiy cemetery]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh [Archaeological discoveries in construction zones]*, 1. I. S. Kamenetskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 70–101.
- Tarabanov V. A., 1983. Srednevekovyy mogil'nik u aula Kazazovo [Medieval cemetery near village Kazazovo]. *Istoricheskaya etnografiya: traditsii i sovremennost' [Historical ethnography: traditions and nowadays]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 148–155.
- Veymarn E. V., Aybabin A. I., 1993. Skalistinskiy mogil'nik [Skalistinskiy cemetery]. Kiev: Naukova dumka. 203 p.
- Voronina R. F., 2007. Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi: konets IX – nachalo XI veka [Lyadino antiquities: from history of Mordva-Moksha: end of IX – beginning of XI century]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Voronov Yu. N., Shenkao N. K., 1982. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. [Weapons of Abkhazian warriors in IV–VII cc.]. *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov [Antiquities of Migration period in V–VIII centuries]*. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 121–165.
- Yotov V., 2004. V"or"zhenieto i snaryazhenieto ot b"lgarskogo srednevekovie (VII–XI vek) [Weaponry and equipment of Bulgarian Middle Ages (VII–XI century)]. Varna: Abagar. 356 p.

About the author

Vladimirov Sergey I., Voronezh State University, Universitetskaya ploshch., 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: SergeiHistory@mail.ru

В. Е. Войтов

«ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ» – К РОДОСЛОВНОЙ ЭЛЬТЕРЕС-КАГАНА И ЕГО БРАТЬЕВ

Резюме. Родословная известных деятелей начала Второго Восточнотюркского каганата – Эльтерес-кагана и его братьев Мочжо и Дусифу – имела существенный пробел: не были известны их отец и дед. Тщательно рассмотрев данные общеизвестных публикаций раннесредневековых китайских хроник, а также рунической и китайской надписей на стеле Кюль-тегина, автор установил, что дедом этих братьев был Шиби-каган, правивший в конце Первого Восточнотюркского каганата, а отцом – его старший сын Кутлуг-эркин. Таким образом, генеалогия тюркских каганов из рода Ашина получила непрерывную линию преемственности на протяжении VI–VIII вв.

Ключевые слова: родословная, каган, центральноазиатские тюрки, Восточнотюркский каганат, китайские письменные источники, род Ашина, род Ашидэ.

Генеалогии каганов из рода Ашина – правителей Восточного и Западного тюркских каганатов VI–VIII вв. – сохранились в китайских исторических сочинениях «Чжоушу», «Бэйши», «Суйшу», «Цзю Таншу» (далее ЦТШ), «Синь Таншу» (далее СТШ) и других, касающихся взаимоотношений Китая с Великой Степью в этот исторический отрезок времени. На русском языке об этих людях и их делах впервые узнали в середине XIX в. из ставшего знаменитым труда Н. Я. Бичурина, переизданного в 1950–1953 гг. В 1903 г. аналогичный труд о западных тюрках и их каганах опубликовал на французском языке Э. Шаванн (*Chavannes*, 1903), а в 1958 г. сведения о восточных тюрках с развернутой генеалогической таблицей представил научному миру на немецком языке Лю Маоцай. Несколько позже свои варианты генеалогий тюркских каганов предложили советские ученые Л. Н. Гумилев (*Гумилев*, 1959) и С. Г. Кляшторный (*Кляшторный*, 1985).

История каганского правления восточных тюрков рода Ашина (阿史那) на протяжении 240 лет (с 535 по 745 г.) прослеживается в виде непрерывной линии наследования от отца к сыну, и только в нескольких случаях трон переходил к племяннику или брату правителя. При этом обязательным условием избрания на престол являлась «чистота крови» претендента, определяемая по правилу: отец Ашина + мать Ашина или отец Ашина + мать Ашидэ (последнее сочетание

иногда называют отцовской и материнской фратриями). Род Ашидэ (阿史德) был вторым по значимости после Ашина в древнетюркской номенклатуре фамилий, но его представители в описываемое время ни разу (!) не делали попытки завладеть тюркским тронном. Два самых известных примера насильственного захвата власти в каганате принадлежат принцам-полукровкам, рожденным от отцов Ашина матерями из каких-то других (не Ашидэ) родов, и оба они сопровождались кровавой междоусобицей.

Первой такой попыткой является история побочного сына Мухань-кагана¹ (правил с 553 по апрель 572 г.) по прозвищу Далобянь. Согласно комментарию Лю Маоцяя: «Далобянь обозначало “винный сосуд”: “Weinbehälter”; он напоминал цзюэ (трехногий сосуд для вина), такой же пузатый и низкий, как он, и, таким образом (носитель) [прозвища], выглядел наподобие этого сосуда» (*Liu Mau-tsai*, 1958. II. S. 498. Anm. 49). В начале 580-х гг. он затеял, по словам Л. Н. Гумилева, «Великую распрю» в едином до этого Тюркском каганате (Гумилев, 1961), в результате которой тот разделился на Восточный и Западный каганаты, а сам бунтарь в 587 г. погиб.

Вторым незаконным искателем трона был Кутлуг-ябгу – сын Эльтерес-кагана (правил с 682–693 гг.) от наложницы, единокровный (по отцу) брат Бильге-кагана и Кюль-тегина. В 741 г. он в борьбе за власть жестоко расправился с царственными племянниками, сыновьями Бильге: убил законного кагана Тенгри (правил с 738 по июль 741 г.), затем, под видом соблюдения «законности», одного за другим посадил на престол и также убил еще двух его сыновей, после чего в конце этого года воцарился сам. В августе 742 г. Кутлуг был убит в битве с войском коалиции уйгуров, карлуков и басмылов, а угасающим Восточнотюркским каганатом правили уже его сыновья Озымыш (742–744 гг.) и Баймэй (744–745 гг.).

Непрерывная генеалогическая линия восточнотюркских каганов Ашина имела два пробела – не были известны деды и отцы Эльтерес-кагана и Чеби-кагана. К сожалению, поиски предков Чеби (*кит.* Цзюйби) не привели к положительному результату, зато Эльтерес и его братья Мочжо (Капаган-каган) и Дусифу (Элетмиш-ябгу) наконец-то «обрели» своих родителей, поисками которых, насколько мне известно, ранее никто не занимался.

Вот что пишут о происхождении Эльтереса, до-тронным именем которого было Кутлуг (*кит.* Гудолу 骨咄祿), обе танские истории: «Гудолу был дальним родственником² Сели [каган с января 621 по 630 г.] и также происходил из рода Ашина. Его дед изначально был вождем Шэли Юаньин, [и исполнял должность] дуду (военного губернатора) Юньчжуна³ на правом [западном] (крыле)

¹ В «Истории МНР» (1967. С. 89) и у С. П. Толстова (1948. С. 253–254, 268) – «сын рабыни», у Л. Н. Гумилева (1959. С. 15) – «сын китаянки».

² «В СТШ (215А, 10а) он назван единоплеменником» (*Liu Mau-tsai*, 1958. II. S. 590. Anm. 827); «Гудолу происходил из племени Сели» (*Ibid.*, I. S. 212). В действительности Кутлуг/Эльтерес приходился Сели-кагану внучатым племянником.

³ «В литературе под округом Юньчжун часто подразумевается значительно более обширная территория, включающая часть пров. Шаньси, юго-восток автономного района “Внутренняя Монголия” и часть Ордоса... Эти территории в древности были заселены прототюркскими и другими народами...» (*Малаявкин*, 1981. С. 77, ком. 18).

в (духуфу) Шаньюй. Сам он [Гудулу] был наследственным [после деда и отца] тутунью [др.тюрк. тудун-чор]» (ЦТШ, 194А, 10а; СТШ, 215А, 10а; *Liu Mau-tsai*, Op. cit., I, S 158, 212; II, S. 590, Anm. 828; *Иакинф (Бичурин)*, 1950, I. С. 266; *Малявкин*, 1981. С. 78–79, ком. 21).

На основании этих данных С. Г. Кляшторный пришел к ошибочному выводу, что Кутлуг «принадлежал к боковой (?! – В. В.) ветви каганской династии, провозгласил себя каганом возрожденного “эля тюркского народа” и принял тронное имя Эльтэриш-каган в 682 г.» (*Кляшторный*, 1980. С. 98). Таким образом, «китайские источники сообщают, что титул тутуньюжо (Tudun čor) или тутунь (Tudun) передавался в роду Кутлуга по наследству. Надпись Тоньюкука указывает, однако, что Гудулу до принятия титула Ильтэриш-кагана занимал положение шада» (СТШ, 215А, 10а; *Мори*, 1976. С. 288, прим. 15; *Liu Mau-tsai*, Op. cit. II. S. 591. Anm. 829), что вовсе не противоречит одно другому.

Итак, фамильная родословная Эльтереса упоминает только двух его старших родственников – некоего «деда» и «Сели» (схема 1).

Из тех же танских историй известно, что Сели – это третий сын Кижинь-кагана (правил с января 600 по декабрь 608 г.) и матери из рода Ашина по имени Дуцзи, а его старшим братом был Шиби-каган (правил с декабря 608 по март 619 г.). С весьма подробной биографией Шиби-кагана можно ознакомиться в трудах Н. Я. Бичурина и Лю Маоцзя, где упоминаются его старший сын Кутлуг и младшие – Шибоби (будущий малый каган Тули) и Цзэшэшуай (схема 2), а большая китайская надпись на стеле Кюль-тегина сохранила один из его титулов – Идимишифу (伊地米施匐) (*Васильев*, 1897. С. 6).

«В 10-м месяце [10 ноября – 9 декабря] 649 г.» для проживания пяти племен тюрко-туцзное здесь были учреждены малые округа: Шэли, Ашина, Сыби, Чобу и Байдэн. «Семей 1430, человек 5681» (Там же. С. 28; *Liu Mau-tsai*, Op. cit., I, S. 246; II, S. 584, Anm. 784; S. 587, Anm. 809).

Следует отметить, что авторы танских историй запутались в родословных вышеупомянутых лиц и датах. В них говорится о вожде тюркского племени шэли по фамилии Юаньинь, который принадлежал к роду Ашидэ, тогда как Шиби и Эльтерес происходили из рода Ашина. Скорее всего, начало цитированного предложения должно было звучать: «Его дед изначально [т. е. в начале своей карьеры] был под начальством шэлиского вождя Юаньина» и только позже стал военным губернатором (*кит.* дуду, *тюрк.* тутук, тутунь) округа Юньчжун.

В китайских письменных источниках сын Шиби-кагана Кутлуг впервые упоминается под 618 годом. В 5-м и 8-м месяцах (в июне и сентябре) этого года каган дважды отправлял посольства в Чанъань с дарами императору Гао-цзу, и во главе обоих стоял его юный первенец – тегин Кутлуг. Тем самым каган старался подчеркнуть искреннее намерение заключить дружественные отношения с только что появившейся на свет при его активном участии империей Тан. «Император угощал его [принца] в тронной [зале дворца] Тайцзидянь; посланник при полной музыке посажен на престоле подле императора» (ЦТШ, 194А, 1а; *Иакинф (Бичурин)*, 1828, I. С. 246; II. С. 116; *Грум-Гржимайло*, 1926. С. 242; *Liu Mau-tsai*, 1958. I. S. 133; *Кюнер*, 1961. С. 183). Для гостей «исполнили музыку “девяти родов”»⁴; «император подарил [каждому] в зависимости от их рангов парчу (цзинь), пестрый шелк (цай), холсты (бу) и тонкий шелк (цзюань)» (*Liu Mau-tsai*, 1958. I. S. 133, 182, 420). «Все получили назначения» (*Кюнер*, 1961. С. 328).

В конце марта 619 г. Шиби-каган умер. Дальнейшие 20 лет жизни его сына Кутлуга в письменных источниках отражения не нашли.

В мае 630 г. правивший после Шиби-кагана его брат Сели-каган со всей семьей был схвачен войсками императора Тай-цзуна, оставлен доживать свой век в почетном плену в Чанъане, а его государство – Первый Восточнотюркский каганат – прекратило свое существование. «Тюркские правители сложили свои тюркские имена и, приняв титулы правителей народа табгач [китайцев], подчинились кагану народа табгач [императору Тай-цзуну]» КТб, 7; *Малов*, 1951. С. 37).

Под 630 годом «в ЦТШ (194А, 10а) говорится, что [сын Шиби – **Кутлуг**] **отец** [своего сына] **Кутлуга** [будущего Эльтереса] был вождем [племени Ашина?] и находился в подчинении у [вождя племени] Шэли» (*Малявкин*, 1981. С. 78–79, ком. 21). «Об отце Гудулу [сына] пишет [также энциклопедия] “Тун-дянь” (198, 16) и указывает его титул дуду-вэй (офицер военного губернаторства... Однако СТШ (215А, 10а) сообщает, что сам Гудулу [отец] был вождем под [начальством] Шэли Юаньина» (*Liu Mau-tsai*, 1958. II. S. 590. Anm. 828).

⁴ Концертная программа «девяти родов» в эпоху Суй состояла из: «1. Яньйю (за-стольная музыка). 2. Циншан (китайская классическая музыка). 3. Силян (музыка Западной Лян). 4. Фунань (музыка Камбоджи [тогдашнего Кабула. – В. В.]). 5. Гаоли (музыка Кореи). 6. Цзюцзе (музыка Кучи). 7. Ань (музыка Бухары). 8. Сулэ (музыка Кашгара) и 9. Кан (музыка Самарканда). В 640 г. к ним присоединилась музыка Гаочана, так что стали говорить о десяти родах. При этом СТШ (21, 76) не упоминает музыки Фуна-ни (Камбоджи), а говорит о музыке Тяньчжу (Индии)» (*Liu Mau-tsai*, Op. cit. II. S. 572. Anm. 684).

После поражения страна Сели в пределах современной Внутренней Монголии была разделена на два наместничества (дудуфу) – Динсян (в Ордосе) и Юньчжун (от северной Шаньси до Иньшаня), при этом административный центр последнего находился в городе Датун (ныне Хух-Хото) (Малявкин, 1981. С. 92, ком. 35; С. 77, ком. 18; 1989. С. 16). Правителем (тутуком / дуду) наместничества Юньчжун, с правом передачи этой должности по наследству, был назначен «родственник» Сели-кагана – шэлиский князь Юаньин⁵ (Малявкин, 1981. С. 78–79, ком. 21; 1989. С. 12, 45), а Кутлуг-отец в начале 630-х гг. был всего лишь офицером танской армии, базировавшейся в Юньчжуне. Скорее всего, после смерти Ашидэ Юаньина (дата неизвестна) он был назначен эркином (в других переводах – кигинь, сецзинь; *кит.* цыши) малого округа Шэли, и примерно в 660-х гг. эта должность по наследству перешла к его сыну Кутлугу (будущему Эльтересу).

Точная дата смерти эркина Кутлуга-отца тоже неизвестна. Китайская надпись на стеле **Кюль-тегина** гласит, что «его прадед Идимишифу [Шиб-каган], собрав (оказав) сугубые доблести пред высшим (небом?), тело свое мог довести до конца (умер обычной смертью). Дед Гудулу-сыгинь [Кутлуг-эркин] действовал по глубокой гуманности к низшим...» (пер. В. П. Васильева); «дед Гутулу-кигинь совершал великие подвиги человеколюбия...» (Попов, 1894); «...и не благодаря ли глубокому человеколюбию вашего деда Гутулу-сецзиня по отношению к низшим...» (пер. П. С. Попова см.: Гейкель, 1891) мог появиться на свет столь же человеколюбивый **отец Кюль-тегина – Эльтерес-каган?**

О предках братьев Эльтереса, одного из которых звали Мочжо (т. е. Мо-чур), а другого Дусифу (т. е. Дуси-бег), письменные источники умалчивают. У Мочжо (будущего Капаган-кагана; правил с лета? 693 по июль 716 г.) была дочь Сяньли Бильгя, которая после поражения ее мужа Хоба Шишиби (Ашидэ Мими) под Бешбалыком в 714 г. была вынуждена бежать с ним в Китай, получила там титул Цзиньшань-царевны и умерла в Чанъане. Из эпитафии на ее могиле, случайно найденной еще в начале XIX в., «мы также узнаем, что отец принцессы, упоминаемый здесь как Гудулу (= Кутлуг) Мочо-каган, был каганом тридцати племен. [Но] в начале своей карьеры отец принцессы руководил левым [восточным] крылом империи⁶, “девять фамилий” (цзюсин) [токуз-огузов] находились тогда под его управлением» (ЦТШ, 194А, 7а; Liu Mau-tsai, 1958. I. S. 430).

В результате отчаянно смелой борьбы тюрок за восстановление независимости в начале 680-х гг., возглавляемой представителями родов Ашина и Ашидэ, Кутлуг-сын становится во главе Второго Восточнотюркского каганата под тронным именем-титлом Эльтерес-каган. Получив в 682 г. власть, он «из младших своих братьев дал Мочжо достоинство Ша[шад], а Дусифу достоинство Шеху[ябгу]» (Иакинф (Бичурин), 1950. I. С. 266). Восточным, телиским, крылом каганата стал управлять его младший единокровный (по отцу) брат Дусифу (Элетмиш-ябгу), а западным, тардушским, крылом – средний родной брат Мочжо-шад.

⁵ Родственниками, скорее всего сватами, Ашидэ Юаньин и Ашина Сели могли стать только в результате женитьбы своих детей.

⁶ По-видимому, в текст эпитафии Сяньли Бильгя вкралась ошибка – «в начале своей карьеры» Мо-чур находился на западном, т. е. правом, крыле.

Так началась новая история государства центральноазиатских тюрок – прямых потомков Шиби-кагана и его сына Кутлуга (схема 3).

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В. П., 1897. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 36 с. (Сборник трудов Орхонской экспедиции; вып. III.)
- Гейкель А., 1891. Надписи долины Орхона. Памятник покойному Цюэтэлэ / Пер. П. С. Попова // Восточное обозрение. Иркутск. № 13 (24 марта). С. 7–8.
- Грумм-Гржимайло Г. Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Изд. Ученого комитета Монгольской Народной Республики. 906 с.
- Гумилев Л. Н., 1959. Удельно-лестничная система у тюрок в VI–VIII веках (К вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. № 3. С. 11–25.
- Гумилев Л. Н., 1961. Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников // Византийский временник. Т. XX. С. 75–89.
- Иакинф (Бичурин Н. Я.), 1828. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. I–II. СПб.: Тип. Карла Крайя. 569 с.
- Иакинф (Бичурин Н. Я.), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 382 с.
- История Монгольской Народной Республики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1967. 537 с.
- Кляшторный С. Г., 1980. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М.: Восточная литература. С. 90–102.
- Кляшторный С. Г., 1985. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Илим. С. 164–160.
- Кюннер Н. В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы. 390 с.
- Малов С. Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 116 с.
- Малавкин А. Г., 1981. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) / Отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск: Наука. 336 с.
- Малавкин А. Г., 1989. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука. 432 с.

- Мори М., 1976. Бёгю-каган и Поцзюй // *Turcologica*: К 70-летию академика А. Н. Кононова / Отв. ред.: С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л.: Наука. С. 284–290.
- Попов П. С., 1894. Замечание по поводу нового перевода надписи на памятнике Цюе-тегиню // *Записки Императорской Академии Наук*. Т. 75, кн. I. СПб. С. 1–4. (Отд. отт.)
- Толстов С. П., 1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд. МГУ. 352 с.

- Chavannes E., 1903. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pétersbourg. 378 p. (Сборник трудов Орхонской экспедиции; вып. VI.)
- Liu Mau-tsai, 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 831 S. (Göttingen Asiatischer Forschungen; Bd. 10.)

Сведения об авторе

Войтов Владимир Ефимович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бул., 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: voitov.dedavova3@yandex.ru

V. E. Voytov

«SHADOWS OF FORGOTTEN ANCESTORS»: GENEALOGY OF ILTERISH HAGAN AND HIS BROTHERS

Abstract. Genealogy of well-known personalities of the early Second Eastern Turkic Khanate, i. e. Ilterish Hagan and his brothers Mochuo Hagan (Mojo) and Dusi-fu (Dosupo), had a substantial gap because the names of their father and grandfather were unknown. Having carefully examined data from known publications of early medieval Chinese chronicles as well as runic and Chinese inscriptions on the Kül Tegin stele, the author has established that the grandfather of Ilterish Hagan and his brothers was Shibi Hagan, who had ruled at the end of the First Eastern Turkic Khaganate, while their father was Shibi Hagan's elder son Kutluğ Irkin. Therefore, the genealogy of Turkic khanates had a continuous lineage throughout the 6th – 8th centuries.

Keywords: genealogy, khanate, Central Asian Turkic population, Second Eastern Turkic Khanate, Chinese written sources, Ashina clan, Ashide family.

REFERENCES

- Chavannes E., 1903. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pétersbourg. 378 p. (Sbornik trudov Orkhonskoy ekspeditsii, VI.)
- Geykel' A., 1891. Nadpisi doliny Orkhona. Pamyatnik pokoynomu Tsyuetele / per. P. S. Popova [Inscriptions of Orkhon valley. Monument of the late Tsyuetele / trans. by P. S. Popov]. *Vostochnoe obozrenie [Oriental review]*, no. 13 (24th March). Irkutsk, pp. 7–8.
- Grumm-Grzhimaylo G. E., 1926. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray [Western Mongolia and Uryankhay region], 2. Istoricheskiy ocherk etikh stran v svyazi s istoriey Sredney Azii [Historical essay on these countries in relation with history of Central Asia]. Leningrad: Izdanie Uchenogo komiteta Mongol'skoy Narodnoy Respubliki. 906 p.
- Gumilev L. N., 1959. Udel'no-lestvichnaya sistema u tyurok v VI–VIII vekakh (K voprosu o rannikh formakh gosudarstvennosti) [System of possession staircase among Turks in VI–VIII centuries (On problem of early forms of statehood)]. *SE*, 3, pp. 11–25.

- Gumilev L. N., 1961. Velikaya raspriya v Pervom Tyurkskom kaganate v svete vizantiyskikh istochnikov [Great conflict in First Turk khanate in light of Byzantine sources]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine annals]*, XX, pp. 75–89.
- Iakinf (Bichurin N. Ya.), 1828. Zapiski o Mongolii, sochinennye monakhom Iakinom [Notes on Mongolia composed by monk Hyacinth], I–II. St. Petersburg: Tipografiya Karla Krayya. 569 p.
- Iakinf (Bichurin N. Ya.), 1950. Sbranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena [Corpus of data on peoples inhabiting Central Asia in far off times], I. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 382 p.
- Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki [History of the Mongol People's Republic]. 2-nd ed., revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1967. 537 p.
- Klyashpornyy S. G., 1980. Drevnetyurkskaya nadpis' na kamennom izvayanii iz Choyrena [Ancient Turkic inscription on stone statue from Choyren]. *Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of Orient]*, XXII. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 90–102.
- Klyashpornyy S. G., 1985. Genealogiya i khronologiya zapadnotyurkskikh i tyurgeshskikh kaganov VI–VIII v. [Genealogy and chronology of West Turk and Tyurgesh hagsans of VI–VIII c.]. *Iz istorii dorevolutsionnogo Kirgizstana [From history of pre-revolutionary Kyrgyzstan]*. Frunze: Ilim, pp. 164–160.
- Kyuner N. V., 1961. Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese records on peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 390 p.
- Liu Mau-tsai, 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 831 p. (Göttingen Asiatischer Forschungen, 10.)
- Malov S. E., 1951. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti: Teksty i issledovaniya [Monuments of ancient Turk script: Texts and researches]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 116 p.
- Malyavkin A. G., 1981. Istoricheskaya geografiya Tsentral'noy Azii (materialy i issledovaniya) [Historical geography of Central Asia (materials and investigations)]. Yu. M. Butin, ed. Novosibirsk: Nauka. 336 p.
- Malyavkin A. G., 1989. Tanskije khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noy Azii: Teksty i issledovaniya [Tang chronicles about Central Asiatic states: Texts and investigations]. Novosibirsk: Nauka. 432 p.
- Mori M., 1976. Begyu-kagan i Potszyuy [Begyu-hagan and Potsiui]. *Turcologica: K 70-letiyu akademika A. N. Kononova [Turcologica: Toward 70th anniversary of Academician A. N. Kononov]*. S. G. Klyashpornyy, Yu. A. Petrosyan, E. R. Tenishev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 284–290.
- Popov P. S., 1894. Zamechanie po povodu novogo perevoda nadpisi na pamyatnike Tsyue-teginu [Comment with regard to new translation of the inscription on monument of Tsyue-tegin]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk [Notes of Imperial Academy of Sciences]*, vol. 75, book I. St. Petersburg, pp. 1–4.
- Tolstov S. P., 1948. Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya [Ancient Khorezm. Experience of historic-archaeological investigation]. Moscow: MGU. 352 p.
- Vasil'ev V. P., 1897. Kitayskie nadpisi na Orkhonskikh pamyatnikakh v Kosho-Tsaydame i Karabalgasune [Chinese inscriptions on Orkhon monuments in Kosho-Tsaydam and Karabalgasun]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 36 p. (Sbornik trudov Orkhonskoy ekspeditsii, III.)

About the author

Voytov Vladimir E., State Museum of Oriental Art, Nikitsky bul., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: voytov.dedavova3@yandex.ru

О. В. Лопан, И. В. Волков

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ТИПЕ ЗЕРКАЛ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

Резюме. В статье систематизирована информация об одном редком типе средневековых металлических зеркал – с широкой арабской куфической надписью по краю и с изображением (во втором внутреннем поясе) трех пар зверей, бегущих по кругу на фоне завивающихся растительных побегов. Большие зеркала данного типа (диаметром более 19 см) производились в средневековом Иране. Найденные на восточноевропейских территориях Золотой Орды однотипные зеркала (рис. 2; 3), судя по сглаженному, нечеткому рельефу и уменьшенным диаметрам дисков (18–18,5 см), являются репликами с бронзовых зеркал иранского происхождения. Для этих изделий характерны очень высокие (9 мм) бортики. Значительно более широкое распространение на золотоордынских памятниках получили металлические зеркала «упрощенного» типа: меньшего диаметра (около 14 см), с тонкими бортиками высотой около 5 мм и с идентичным изображением бегущих по кругу зверей, но без орнаментального пояса с надписью (рис. 5). Выдвигается гипотеза о применении кольцевых наборных каменных форм (матриц) для литья зеркал в средневековом Иране.

Ключевые слова: средневековые бронзовые зеркала, Иран, Золотая Орда, куфические надписи, арабская эпиграфика.

Почти три столетия назад близ села Самарово, располагавшегося у слияния Оби и Иртыша и ныне поглощенного г. Ханты-Мансийском, при крещении обитавших там остяков у них было отнято служившее предметом поклонения большое бронзовое зеркало с широкой арабской надписью почерком «процветший куфи» по краю и с изображением в следующем, внутреннем, поясе трех пар зверей, бегущих по кругу на фоне завивающихся растительных побегов (рис. 1, 1) (*Strahlenberg*, 1730a. Tab. IX; 1730b. Tab. IX; 1738. P. 326–330. Tab. IX, X; *Радлов*, 1891. Прил. С. 28. Табл. IX; *Лубо-Лесниченко*, 1975. С. 104. № 287. Рис. 99).

Этот предмет входил в состав привезенной в 1727 г. в Санкт-Петербург коллекции Д. Г. Мессершмидта: описание данного зеркала имеется в дневниках ученого, где был представлен также и рисунок, а несколько позднее изображение этого зеркала было опубликовано в трех изданиях книги Ф. И. Страленберга (*Копанева*, 2006). Гравированные изображения, приведенные во всех изданиях XVIII в., даны без масштаба: можно лишь предполагать, что первоначально

Рис. 1. Зеркала с бегущими животными и разными кувическими надписями

1 – зеркало из Самарово (по: Радлов, 1891); 2 – зеркало из Ирана, опубликованное в работе М. Рено (по: Reinaud, 1828)

рисунок был сделан в натуральную величину. В двух изданиях 1730 г. диаметр изображенного зеркала варьирует в пределах 18,5–18,8 см, что, вероятно, приблизительно соответствует истинному диаметру изделия (*Strahlenberg*, 1730a. Tab. IX; 1730b. Tab. IX). В английском издании 1738 г. размер несколько меньше – 18,2–18,5 см (*Strahlenberg*, 1738. P. 326–330. Tab. IX, X).

Значительно позднее, уже в конце XIX в., В. В. Радлов опубликовал в качестве приложения к тому «Сибирских древностей» выдержки из книги Ф. И. Страленберга в русском переводе, где также было воспроизведено изображение зеркала из Самарово (*Радлов*, 1891. Прил. С. 28. Табл. IX).

Е. И. Лубо-Лесниченко, благодаря монографии которого предмет стал широко известным, указывает, что зеркала с этим сюжетом производились в Иране в XI–XIII вв., но не приводит ссылки на источники информации, касающиеся такой датировки (*Лубо-Лесниченко*, 1975. С. 104). В каталоге Е. И. Лубо-Лесниченко данный тип зеркал представлен единственным экземпляром из Самарово (Там же. Рис. 99. № 287. V 44).

Очень качественный экземпляр зеркала с изображением трех пар бегущих животных и с куфической надписью, аналогичный зеркалу из Самарово, имеется в собрании нью-йоркского музея Метрополитен, на сайте которого размещена информация о данном изделии, атрибутируемом как иранское, XII в. (Роджерс фонд. Инв. № 42, 136)¹. Диаметр составляет 7 $\frac{3}{8}$ дюйма (19,3–19,4 см). Судя по очень большому диаметру этого зеркала (максимальному среди всех известных нам экземпляров) и высокому качеству рельефа, на котором читаются мельчайшие детали, данный экземпляр можно рассматривать как отлитый с использованием оригинальной (вероятнее всего, каменной) формы или матрицы.

Находки зеркал данного типа на территории Восточной Европы крайне редки: нам известна информация всего лишь о нескольких изделиях.

Одно из подобных зеркал, найденное в Симбирской губернии в 1840 г., экспонируется в Эрмитаже, на выставке Золотой Орды (зал 68, 1-й этаж Зимнего дворца): передано из Царскосельского Арсенала, инв. № 30-344м². Бортик – «уступчатый»; диаметр – 18,5 см (Золотая Орда, 2005. № 650).

Почти целое зеркало данного типа хранится в фондах Новороссийского государственного исторического музея-заповедника (НМ 1295): «оно происходит из старой коллекции музея и, судя по запискам Г. Ф. Чайковского, было найдено у с. Владимировка в 1927 г.» (*Шишлов, Колбасина*, 1999). Диаметр изделия – около 182 мм; бортик – высокий, сужающийся кверху, сложнопрофилированный (рис. 2; 3, 1)³.

¹ <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/42.136>; <http://www.metmuseum.org/collections/search-the-collections/140007786>

² Авторы выражают глубокую признательность главному хранителю Государственного Эрмитажа С. Б. Адаксиной за предоставленную информацию о происхождении данного экспоната.

³ Публикуемые в данной статье фотографии этого зеркала предоставлены заведующим отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника А. В. Шишловым и публикуются с его любезного разрешения, за что авторы выражают огромную благодарность.

Рис. 2. Зеркало из Новороссийского музея (фото А. В. Шишлова)

1

Рис. 3. Зеркала «типа Самарово»

1 – зеркало из Новороссийского музея; 2 – зеркало с городища Маджары (рисунок и фото предоставлены Ю. Д. Обуховым)

Фрагмент подобного зеркала также был найден на территории торгово-ремесленного центра Маджарского городища и сейчас находится в фонде формирующегося Маджарского археологического музея⁴. Реконструируемый диаметр изделия составляет около 180 мм. Бортик – очень высокий (около 9 мм), сужающийся к верху, заостренный, сложнопрофилированный (рис. 3, 2).

При сравнении с нью-йоркским экземпляром (рис. 4) становится ясным, что зеркала из Новороссийского музея, из Эрмитажа и из Маджар представляют собой копиянные отливки (в формах, полученных путем оттискивания зеркала-образца), что непосредственно отразилось на качестве рельефа, ставшего нечетким, сглаженным. Указанием на перекопирование является не только размытость

⁴ Сведения об этой находке публикуются здесь благодаря любезному разрешению директора Прасковейского музея Ю. Д. Обухова.

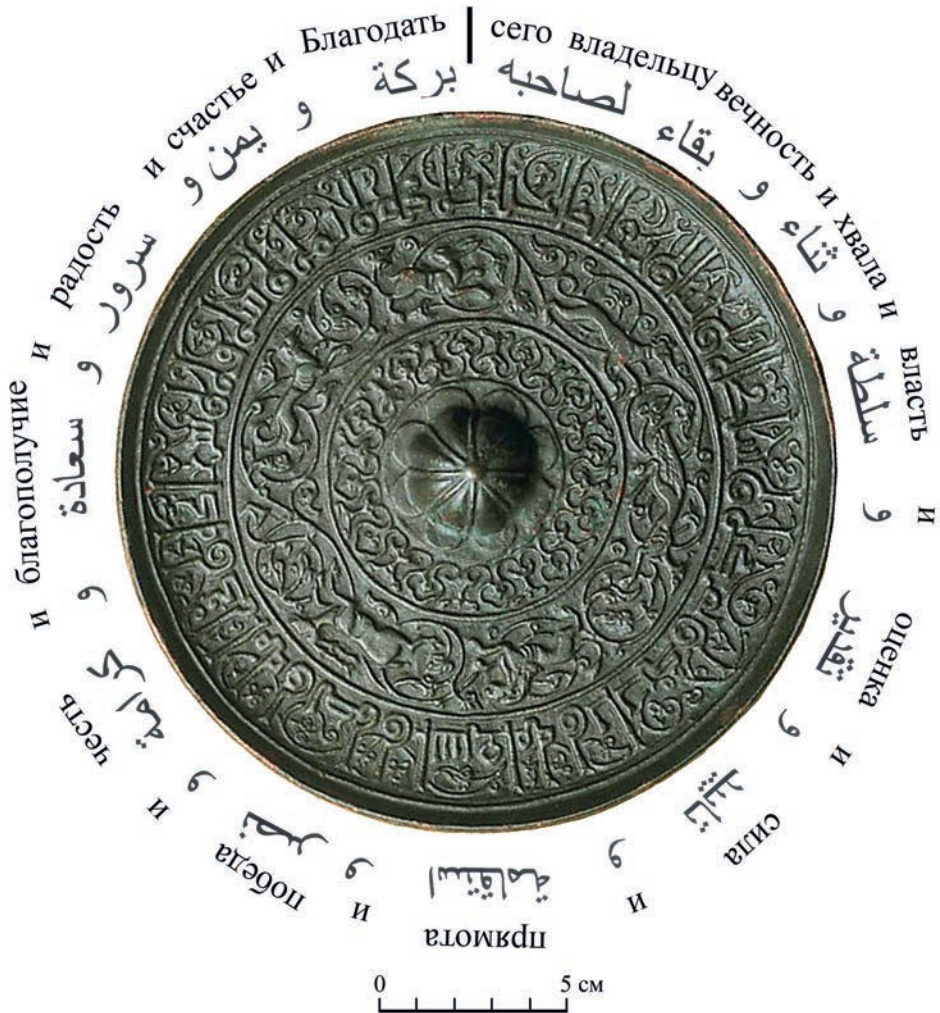

Рис. 4. Перевод и транскрипция надписи на зеркалах «типа Самарово»

и неровность рельефа, но, в первую очередь, последовательное уменьшение диаметров однотипных зеркал, происходившее за счет усыхания глиняной формы после оттискивания и усадки металла при кристаллизации (Волков и др., 2001. С. 130), что и демонстрируют уменьшенные, по сравнению с нью-йоркским экземпляром (19,3–19,4 см), диаметры зеркал из Эрмитажа (18,5 см), из Владимировки (Новороссийский музей) (18,2 см) и из Маджар (около 18 см).

Кроме того, у зеркала из Новороссийского музея отсутствует центральная розетка (такая, как обрамляет шишковидную петлю на зеркале из Нью-Йорка) – вместо розетки здесь находится неорнаментированное кольцо. Отсутствие центральной розетки на зеркале из Новороссийского музея также может

указывать на отливку в форме, полученной по оттиску, центр которой затем был заглажен.

А вот в отношении зеркала из Самарово нельзя полностью исключать вероятность его непосредственно иранского производства, поскольку на сделанном в XVIII в. изображении данного изделия довольно тонко отражены детали рельефа: видны отдельные листочки на растительных побегах и мелкие детали тел животных – глаза, ребра, пряди на гриве льва и т. п.

Все вышеперечисленные зеркала украшены одинаковой благопожелательной надписью в традициях декоративного искусства мусульманского Востока. Попытки чтения надписи на зеркале из Самарово были предприняты вскоре после находки. Ф. И. Страленберг в своей публикации приводит прочтение этой надписи, которое выполнил профессор восточных языков из Лейпцига г-н Кер, но в данном переводе из 13 слов (не считая союзов) правильно опознаны были лишь семь. Позднее Х. М. Френ сделал значительно более удачную транскрипцию, где нераспознанным осталось только одно слово (نصر), но, к сожалению, эта публикация не сопровождалась иллюстрацией (*Fraehn*, 1822. С. 66–67). Оба перевода впоследствии были учтены в книге В. В. Радлова (*Радлов*, 1891. С. 28), но результат не был использован в дальнейшем другими исследователями.

В книге Е. И. Лубо-Лесниченко при описании зеркала из Самарово помещен перевод надписи, приведенный со ссылкой на французский перевод с арабского, выполненный М. Рено. В связи с чем следует отметить, что зеркало, опубликованное в работе М. Рено, относится к иному типу: хотя оно и обладает бесспорным стилистическим и сюжетным сходством с изделием из Самарово, но отличается от него как в композиции сцены с животными (две пары зверей, бегущих *против* часовой стрелки), так и по тексту надписи (*Reinaud*, 1828. P. 397)⁵ (рис. 1, 2).

Надпись на зеркале, опубликованном в труде М. Рено, содержит такое же количество (двенадцать) слов благопожелания, как и надпись на зеркале из Самарово, но 5, 6, 7, 10 и 11-е слова не совпадают (рис. 1, 2; 4). Надпись на зеркале, опубликованном М. Рено, гласит следующее:

بركة و يمن و سرور و سعادة و سلامة و علو و عافية و
تأييد و تقدير و نصر و استقامة و بقا لصاحبه

Благодать и счастье и радость и благополучие и безопасность и высота и здоровье и могущество и победа и прямота и вечность владельцу сего.

⁵ Зеркало, опубликованное М. Рено, происходило из коллекции герцога де Блака, проданной наследниками после его смерти в 1866 г. Британскому музею. Мы можем предполагать (хотя и не имеем возможности уточнить), что это было то зеркало, которое ныне хранится в Британском музее под номером ME OA 1866. 12–29.75 (<https://depts.washington.edu/silkroad/museums/bm/bmmemetal>). Бронзовое зеркало с изображением того же типа, что и помещенное в труде М. Рено, но снабженное маленькой арочной петлей, было также найдено при раскопках средневекового городища Талгар на территории Казахстана (*Маркова*, 2013. Рис. 1).

Воспользовавшись французским переводом, сделанным М. Рено с арабского, и в свою очередь переведя этот текст на русский язык, Е. И. Лубо-Лесниченко поместил его в своей монографии, ошибочно связав его с зеркалом из Самарово. Там же был приведен обрывок неточной транскрипции совершенно другой благопожелательной надписи: [ал-изз ал-да]им вал-л-омр ал-салим ал-алийет вал-са'.... Приблизительно этой транскрипции должна соответствовать надпись «... العزّ الدائم والعمر السالم وعلية والسعادة...» (то есть «Слава вечная и жизнь благополучная и все хорошее и счастье...»). Вероятно, были просто спутаны надписи на зеркалах № 286 и № 287 (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 127–128), но даже при перестановке надписей транскрипция не соответствует арабскому тексту зеркала № 286.

Малочисленность зеркал «типа Самарово» обусловила то, что эти ошибки в чтении и транскрибировании почти не тиражировались. Исключение составляет воспроизведение неправильной транскрипции и перевода в публикации М. Г. Крамаровского (Золотая Орда, 2005. С. 235. № 650) применительно к аналогичному зеркалу из Симбирской губернии (Эрмитаж). Впрочем, отсутствие иллюстрации делает эту ошибку незаметной.

Надпись на зеркалах типа, найденного в Самарово, в целом поддается чтению без особых трудностей (рис. 4):

بركة ويمن و سرور و سعادة و كرامة و نصر و
استقامة و تايد و تقدير و سلطة و ثناء و بقاء لصاحبه

Благодать и счастье и радость и благополучие и честь и победа и прямота и сила и оценка и власть и восхваление и вечность владельцу сего.

Очень большие размеры зеркал из Маджар, из фондов Новороссийского музея (Владимировка) и из Эрмитажа, а также очень большая высота их бортиков резко выделяют эти изделия среди прочей массы золотоордынских зеркал.

В этот период в золотоордынских степях весьма широкое распространение получили зеркала другого, «упрощенного», типа – без надписи, но с идентичным поясом с изображением трех пар бегущих животных, который располагался по краю диска, и с довольно высоким (около 5 мм), тонким, суженным кверху бортиком: тип В-II-10 по Г. Ф. Поляковой, тип А9 по Л. Ф. Недашковскому (рис. 5) (Полякова, 1996. С. 230–232. Рис. 74, 1; Недашковский, 2000. С. 54. Рис. 9, 12). Подробная сводка сведений о местонахождениях подобных зеркал приведена в книге Л. Ф. Недашковского. В последние годы была опубликована информация о находках еще целого ряда зеркал типа В-II-10 со сценой бега зверей (Гармашов, 2002. Рис. 5, 3; Попандопуло, 2002. Рис. 3, 1, 2; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 6, 9; Басов, Нарожный, 2005. Рис. 2, 3⁶; Бабенко, 2009. Рис. 2; Додэ, 2010. Рис. 54; Супруненко, Маевская, 2010. Рис. 2; Валиулина, 2001. Рис. 1, 22; 2004.

⁶ В этой же работе опубликованы два абсолютно одинаковых рисунка зеркал с тем же (но крайне грубо и схематично воспроизведенным) сюжетом, которые, по указанию авторов, происходят из погребений на территории Чеченской Республики (Басов, Нарожный, 2005. Рис. 6, 3; 14). Указанные авторами диаметры зеркал – 15 см.

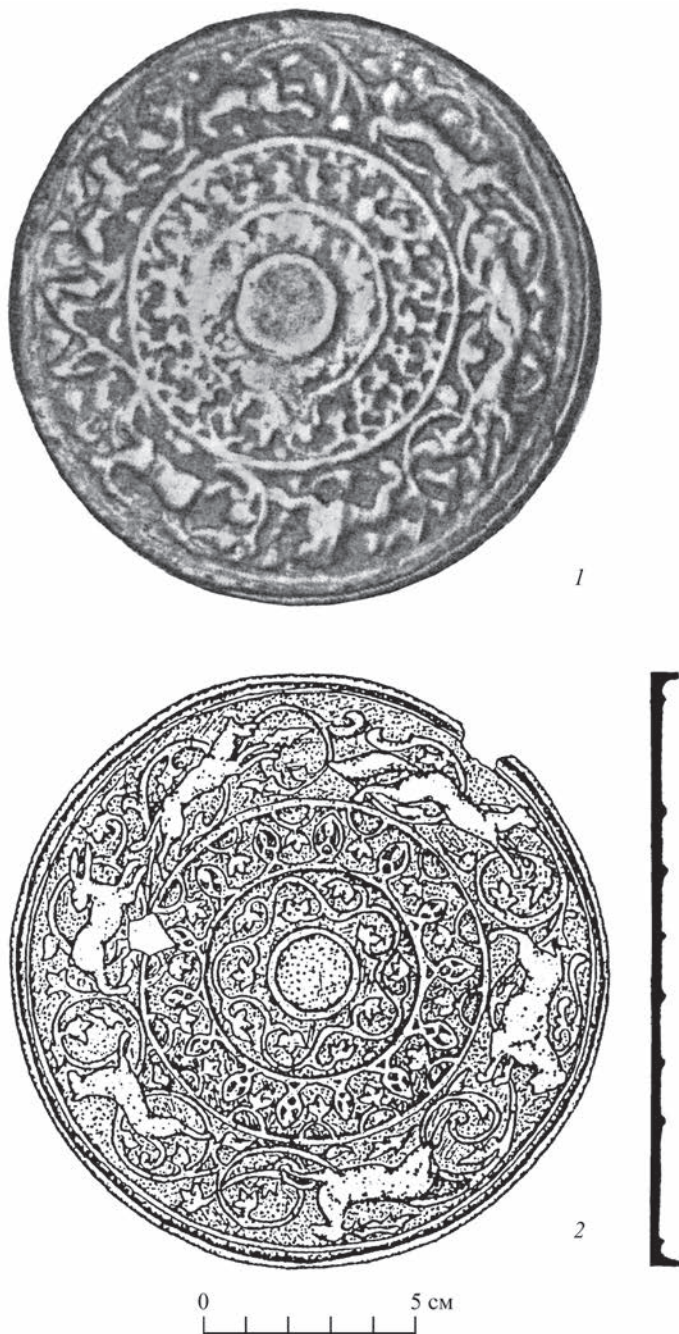

Рис. 5. Зеркала типа В-II-10

1 – Болгарское городище (по: Полякова, 1996); 2 – Увекское городище (по: Недашковский, 2000)

Рис. 5, 3). На этих изделиях пояс со сценой бега зверей, так же как и на больших зеркалах «типа Самарово», включает изображения трех пар животных, бегущих по кругу (по часовой стрелке), спинами к краю зеркала, на фоне растительных побегов. Среди животных узнаваемы: лев, две собаки, заяц, лиса и олень (*Лубо-Лесниченко*, 1975. С. 104; *Полякова*, 1996. С. 232; *Недашковский*, 2000. С. 54). Иногда одного из псов (того, что преследует лису) именуют «волком», но это неверно: как видно по отличного качества нью-йоркскому зеркалу, этот зверь – вислоухий.

Особо следует отметить наблюдаемое при сравнении фотографических изображений полное сходство поясов с бегущими животными как на больших зеркалах с надписью, так и на тех изделиях типа В-II-10, рельеф на которых еще не успел утратить детальность из-за многочисленных переотливок. В то же время на рисованных изображениях зеркал этих типов встречаются расхождения в некоторых мелких деталях, что, надо полагать, объясняется невнимательностью рисовальщиков⁷.

Узкие декоративные пояса, изнутри следующие за зоной с изображением бегущих животных, и у большеформатных зеркал «типа Самарово», и у изделий типа В-II-10 также оформлены идентичным стилизованно-растительным орнаментом. Диаметры зеркал типа В-II-10 составляют обычно около 14 см (*Полякова*, 1996. С. 230; *Недашковский*, 2000. С. 54): то есть они меньше относительно зеркал «типа Самарово» приблизительно на ширину пояса с куфической надписью.

Указанное размерное соответствие и композиционное тождество, казалось бы, допускает «генетическое» родство двух этих типов изделий: можно было бы подумать, что золотоордынские зеркала типа В-II-10 являются укороченными (за счет отсечения эпиграфической зоны) местными репликами больших зеркал «типа Самарово». Однако эти типы отличаются в орнаментации центра: на большеформатных зеркалах (музей Метрополитен, Эрмитаж, Самарово) – это простая гладкая восьмилепестковая розетка, обрамляющая пространство, отведенное для крупной полой шишковидной петли⁸, а на зеркалах типа В-II-10 – розетка пятилепестковая, дополненная в промежутках растительными завитками (рис. 5). Эта центральная розетка с тщательно проработанными побегами-завитками на зеркалах типа В-II-10 выполнена в полном стилистическом единстве с их общим декором, что заставляет предполагать собственно иранское происхождение прототипа, с которого затем и были тиражированы восточноевропейские образцы изделий типа В-II-10.

Учитывая идентичность сразу двух орнаментальных зон у больших зеркал с надписью и у изделий типа В-II-10, чисто гипотетически можно было бы предположить использование при изготовлении бронзовых зеркал в средневековом

⁷ Так, к примеру, на рисованном изображении зеркала из Самарово у оленя отсутствует левая передняя нога (рис. 1, 1), которая хорошо видна на качественных фотографиях однотипных изделий (рис. 2; 3; 4).

⁸ На зеркале из Эрмитажа петля утрачена. Зеркало из Самарово Е. И. Лубо-Лесниченко описывает следующим образом: «Круглое, с шишкой-петлей в центре. Шишка окружена восьмиллопастной розеткой» (*Лубо-Лесниченко*, 1975. С. 104).

Иране наборных каменных форм (или матриц), позволяющих менять отдельные кольца орнамента. Применение устроенных по данному принципу наборных каменных кольцевидных форм было зафиксировано, например, при производстве среднеазиатской или иранской штампованной керамики (Давидович, 1960. С. 109–110).

Находки золотоордынских зеркал типа В-II-10 связаны с комплексами и напластованиями XIV в. Л. Ф. Недашковский со ссылкой на информацию, предоставленную Р. Ф. Шарифуллиным, упоминает, что аналогичное зеркало было найдено на Болгарском городище (раскоп СХ, 1990 г.) в напластованиях, датированных монетами 30–80-х гг. XIV в. (Недашковский, 2000. С. 54). В женском погребении 59 грунтового могильника Гнилище I, расположенного в Ростовской области, обломок зеркала типа В-II-10 встречен совместно с монетой (Гармашов, 2002. Рис. 5, 3), которая, скорее всего, относится к анонимному недатированному типу или к пулам Абдаллаха 1371–1372 гг. (Фомичев, 1981. С. 226, 233. Рис. 6. № 135, 137, 140; Федоров-Давыдов, 2003. С. 21. № 224). При всех сложностях определения монетного типа по небольшой части легенды высока вероятность того, что монета относится к 1360–1370-м гг. Не исключено также, что зеркала типа В-II-10, судя по находке на Торецком поселении, продолжают бытовать вплоть до конца XIV – начала XV в. (Валиулина, 2001; 2004). Зеркала «типа Самарово» в Золотой Орде, вероятно, должны быть более-менее синхронны зеркалам типа В-II-10 и также относиться к XIV в.

Вышеописанные большие зеркала «типа Самарово», происходящие из Симбирской губернии (Эрмитаж), из Маджар и из Владимировки (Новороссийский музей), судя по размытому рельефу и уменьшенным диаметрам, скорее всего, являются уже золотоордынскими репликами иранских изделий, таких как нью-йоркский экземпляр. И это позволяет прогнозировать новые находки зеркал данного типа на золотоордынских памятниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко В. А., 2009. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и в Калмыкии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Междунар. конф., посвящ. памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.) / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 18–25. (Донские древности; вып. 10.)
- Басов В. И., Нарожный Е. И., 2005. Новые позднечеченские комплексы с территории Северного Кавказа (Публикация материалов. Ч. 1) // МИАСК. Вып. 5 / Гл. ред. В. Б. Виноградов. Армавир: Международная академия наук. С. 199–216.
- Валиулина С. И., 2001. Балынгаузское (Торецкое) III селище // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Астрахань: Изд-во Астраханского ГПУ. С. 89–93.
- Валиулина С. И., 2004. Балынгаузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. № 1–2 (12–13). С. 157–191.
- Волков И. В., Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2001. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. № 2. С. 126–131.
- Гармашов А. И., 2002. О некоторых памятниках XIV века в Аксайском районе // Аксайские древности. Ростов-на-Дону: Ростовская обл. инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры МК Ростовской обл. С. 207–223.

- Давидович Е. А., 1960. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи // КСИИМК. Вып. 80. С. 109–113.
- Доде З. В., 2010. Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни. М.: Памятники исторической мысли. 248 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; вып. Х.)
- Золотая Орда. История и культура / Общ. ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: ГЭ, 2005. 264 с.
- Копанева Н. П., 2006. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта [Электронный ресурс] // Наука из первых рук. Т. 11, № 5 (10 сентября). Режим доступа: <https://scfh.ru/papers/vozvrashchenie-arheologicheskoy-kollektsii-messershmidta/>. Дата доступа: 12.07.2017.
- Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Восточная литература. 164 с.; 169 ил.
- Маркова К. Ю., 2013. Бронзовые зеркала северо-восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII – начало XIV вв.) // Вестник КемГУ. № 4 (56). Т. 2. С. 36–40.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература. 224 с.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. С. 154–268.
- Попандопуло З. Х., 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. Х. Запоріжжя: ЗапорізьНУ. С. 226–238.
- Пьянков А. В., Раев Б. А., 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 219–250.
- Радлов В. В., 1891. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. [4], 41–80, [2], 21–52 с., 8 л. цв. ил. (МАР; № 5.)
- Супруненко А. Б., Маевская С. В., 2010. Погребение золотоордынского времени с остатками костюма девочки-кочевницы на Нижнем Псле // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 295–340.
- Федоров-Давыдов Г. А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф. 352 с.; 40 с. илл.
- Фомичев Н. М., 1981. Джучидские монеты из Азова // СА. № 1. С. 219–241.
- Шишлов А. В., Колбасина Л. А., 1999. Археологические фонды Новороссийского государственного исторического музея-заповедника // РА. № 1. С. 197–208.
- Fraehn Ch. M., 1822. Antiquitatis Muhammedanae monumenta varia. Part. II: Inscriptiones. Petropoli: Litteris Academicis. [2], 80 S., [3] f. ill.
- Reinaud M., 1828. Description des Monumens musulmans du Cabinet de M. Le duc de Blacas. Vol. 2. Paris: Imprimerie Royale. 489 p.
- Strahlenberg F. J., 1730a. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula polyglotta Tabula Polyglotta von zwey u. dreyssigerley Arten Tatarischer Volcker Sprachen u. einem Kalmuckischen Vocabulario... Stockholm: Berlegung des Autoris. [24], 454 S., 10 F. Tab. (XXI Tab.).
- Strahlenberg F. J., 1730b. Historie der Reisen in Russland, Siberien, und der Grossen Tartarey: Mit einer Landcharte und Kupferstichen welche die Geographie und Antiquität erläutern, verrichtet und gesammelt von Philipp Johann von Strahlenberg. Leipzig: Kiesewetter. [26], 438, [16] S., 12 S. Ill.
- Sralenberg F. J., 1738. An historico-geographical description of the North and Eastern parts of Europe and Asia; but more particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; both in their ancient and modern state: Together with an entire new polyglot-table of the dialects of 32 Tartarian nations and a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian tongue. London: Innys a. Manby. IX, 463 S., 13 S. Ill., Kart.

Сведения об авторах

Лопан Оксана Витальевна, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366, Россия; e-mail: lopan@heritage-institute.ru;

Волков Игорь Викторович, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366, Россия; e-mail: plany_2010@mail.ru

O. V. Lopan, I. V. Volkov

ONE RARE TYPE OF MIRRORS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

Abstract. The paper systemizes information on one rare type of medieval metal mirrors with a wide Arabic Kufic inscription along the rim with three running pairs of animals against the background of wavy plant shoots (placed on the second inner concentric band). Large mirrors with a diameter exceeding 19 cm of this type were produced in medieval Iran. Judging by a subdued faint relief and a reduced diameter of the disc (18–18.5 cm), the mirrors of the same type found in the Eastern European areas of the Golden Horde (Figs 2 and 3) are replicas of bronze mirrors of Iranian origin. Such items are noted for a very high raised rim (9 mm). Metal mirrors of a simplified type – a smaller diameter (around 14 cm) with thin raised rims around 5 mm high and an identical image of running animals inside a concentric band but without an ornamental band containing an inscription (Fig. 5) – were more widespread at Golden Horde sites. The paper advances a hypothesis concerning the use of ring composite stone forms (moulds) for mirror casting in medieval Iran.

Keywords: medieval bronze mirrors, Iran, Golden Horde, Kufic inscriptions, Arabic epigraphy.

REFERENCES

- Babenko V. A., 2009. Syrtsovye pogrebal'nye sooruzheniya epokhi Zolotoy Ordy v Tsentral'nom Predkavkaz'e i v Kalmykii [Mudbrick burial constructions of Golden Horde epoch in Central Forecaucasus and Kalmykia]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve: materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora MGU G. A. Fedorova-Davydova (2008) [Dialogue of urban and steppe cultures in Eurasian territory: transactions of IV International conference in memory of Professor G. A. Fedorov-Davydov (MGU) (2008)]*. A. A. Gorbenko, ed. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, pp. 18–25. (Donskie drevnosti, 10.)
- Basov V. I., Narozhnyy E. I., 2005. Novye pozднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа (Publikatsiya materialov. Chast' 1) [New complexes of late nomads from territory of North Caucasus (Publication of materials. Part 1)]. *MIASK*, 5, pp. 199–216.
- Davidovich E. A., 1960. Dva samarkandskikh kuvshina s datoy i imenom мастера в nadpisi [Two Samarkand jars bearing inscriptions with date and master's name]. *KSIIMK*, 80, pp. 109–113.
- Dode Z. V., 2010. Kubachinskiy rel'efy: Novyy vzglyad na drevnie kamni [Kubachi reliefs: New look on old stones]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 248 p. (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, X.)
- Fedorov-Davydov G. A., 2003. Denezhnoe delo Zolotoy Ordy [Money minting of Golden Horde]. Moscow: Paleograf. 352 p., 40 p. ill.
- Fomichev N. M., 1981. Dzhuchidskie monety iz Azova [Juchi coins from Azov]. *SA*, 1, pp. 219–241.
- Fraehn Ch. M., 1822. Antiquitatis Muhammedanae monumenta varia, II. Inscriptiones. Petropoli: Litteris Academicis. 2, 80 p., 3 l. ill.
- Garmashov A. I., 2002. O nekotorykh pamyatnikakh XIV veka v Aksayskom rayone [On some sites of XIV century in Aksay district]. *Aksayskie drevnosti [Aksay antiquities]*. Rostov-na-Donu:

- Rostovskaya oblastnaya inspektsiya po okhrane i ekspluatatsii pamyatnikov istorii i kul'tury Ministerstva kul'tury Rostovskoy oblasti, pp. 207–223.
- Kopaneva N. P., 2006. «Vozvrashchenie» arheologicheskoy kollektsii Messerschmidta. Elektronnyy resurs [«Return» of archaeological collection of Messerschmidt. Electronic resource]. *Nauka iz pervykh ruk [Science from first hand]*, vol. 11, no. 5 (September 10th). URL: <https://scfh.ru/papers/vozvrashchenie-arheologicheskoy-kollektsii-messerschmidta/>.
- Lubo-Lesnichenko E. I., 1975. Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny: K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri [Imported mirrors of Minusinsk depression: On problem of foreign relations of ancient population of South Siberia]. Moscow: Vostochnaya literatura. 164 p., 169 ill.
- Markova K. Yu., 2013. Bronzovye zerkala severo-vostochnogo Semirech'ya v epokhu razvitiya gorodskoy kul'tury (konets VIII – nachalo XIV vv.) [Bronze mirrors of North-eastern Semirech'e in epoch of development of urban culture (late VIII – early XIV cc.)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State university]*, no. 4(56), vol. 2, pp. 36–40.
- Nedashkovskiy L. F., 2000. Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga [Golden Horde city of Ukek and its vicinity]. Moscow: Vostochnaya literatura. 224 p.
- Polyakova G. F., 1996. Izdeliya iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Items of non-ferrous and precious metals]. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [City of Bolgar: Craft of metallurgists, smiths, founders]*. Kazan': G. Ibragimov IYaLI of AS of Tatarstan, pp. 154–268.
- Popandopulo Z. Kh., 2002. Srednevekovye zerkala gorodishcha Bol'shie Kuchugury [Medieval mirrors of Bol'shie Kuchugury fortified settlement]. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu [Antiquities of steppe North Pontic zone and Crimea]*, X. Zaporizhzhya: Zaporiz'kiy natsional'niy universitet, pp. 226–238.
- P'yankov A. V., Raev B. A., 2004. Metallicheskie zerkala iz kollektsii Donskogo muzeya (Novocherkassk) [Metal mirrors from collection of the Don museum (Novocherkassk)]. *Materialy po arkeologii Volgo-Donskikh stepey [Materials on archaeology of Volga-Don steppes]*, 2. I. V. Sergatskov, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 219–250.
- Radlov V. V., 1891. Sibirskie drevnosti [Siberian antiquities], vol. I, iss. 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 4, 41–80, 2, 21–52 p., 8 l. ill. (MAR, 5.)
- Reinaud M., 1828. Description des monumens musulmans du Cabinet de M. Le duc de Blacas, 2. Paris: Imprimerie Royale. 489 p.
- Shishlov A. V., Kolbasina L. A., 1999. Arkheologicheskie fondy Novorossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya-zapovednika [Archaeological collections of Novorossiysk State historic museum-reserve]. *RA*, 1, pp. 197–208.
- Strahlenberg Ph. J., 1730a. *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das gantze Rußische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt, Nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwey und dreißigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario*, ... Stockholm, in Verlegung des Autoris. 24, 454 p. 10 l. ill.
- Strahlenberg Ph. J., 1730b. *Historie der Reisen in Russland, Siberien, und der Grossen Tartarey: Mit einer Landcharte und Kupferstichen welche die Geographie und Antiquität erläutern, verrichtet und gesammelt von Philipp Johann von Strahlenberg*. Leipzig: Kiesewetter. 26, 438, 16 p., 12 ill.
- Strahlenberg, Ph. J., 1738. *An Historico-geographical Description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia: But More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in Their Ancient and Modern State: Together with an Entire New Polyglot-table of the Dialects of 32 Tartarian Nations, and a Vocabulary of the Kalmuck-Mungolian Tongue* London: Innys and Manby. IX, 463 p., 13 ill.
- Suprunenko A. B., Maevskaya S. V., 2010. Pogrebenie zolotoordynskogo vremeni s ostatkami kostyuma devochki-kochevnitsy na Nizhnem Psle [Burial of a nomad girl with remains of costume of Golden Horde time on Lower Psel]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch]*, 8. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 295–340.
- Valiulina S. I., 2001. Balyngauzskoe (Toretskoe) III selishche [Balyngauz (Torets) III open settlement]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletiy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Archaeology of Lower Volga region at turn of millennia: transactions*

of All-Russian scientific-practical conference]. Astrakhan': Astrakhanskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 89–93.

Valiulina S. I., 2004. Balyngauzskoe (Toretskoe) III selishche i problema preemstvennosti gorodskoy kul'tury v okruge Bilyarskogo gorodishcha v zolotoordynskiy period [Balyngauz (Torets) III open settlement and problem of continuity of urban culture in vicinity of Bilyar fortress in Golden Horde period]. *Tatarskaya arkheologiya [Tartar archaeology]*, 1–2 (12–13), pp. 157–191.

Volkov I. V., Maslov V. E., Petrenko V. G., 2001. Zolotoordynskie pogrebeniya v Tsentral'nom Predkavkaz'e [Golden Horde burials in Central Forecaucasus]. *RA*, 2, pp. 126–131.

Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura [Golden Horde. History and culture]. M. B. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, 2005. 264 p.

About the authors

Lopan Oksana V., Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev, ul. Kosmonavtov, 2, Moscow, 129366, Russian Federation; e-mail: lopan@heritage-institute.ru;

Volkov Igor V., Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev, ul. Kosmonavtov, 2, Moscow, 129366, Russian Federation; e-mail: plany_2010@mail.ru

И. В. Зайцев

ПАМЯТНИКИ ОСМАНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГОРОДА-КУРОРТА СОЧИ

Резюме. Статья представляет собой публикацию текстов и переводов пяти эпитафий османского времени из собрания Музея истории города-курорта Сочи. Из пяти надгробий четыре датированы 1189/1775–76, 1207/1792–93, 1229/1814 и 1263/1847 гг. Три надгробия в 1968 г. были опубликованы Л. И. Лавровым по эстампам, два публикуются впервые.

Ключевые слова: эпиграфика, Западный Кавказ, Османская империя.

Арабографичная эпиграфика Черноморского побережья Кавказа изучена пока крайне неравномерно. Внимание ученых давно привлекали памятники конца XVII – XVIII в. из музеев края (Лавров, 1968; Зажигина, 1997; 1998; Волков, Пьянков, 2009. С. 48–50; Волков, 2009. С. 50–52; Зайцев, Чхаидзе, 2015). Сохранились тексты нескольких *тарихов* турецких крепостей, таких как Согуджак, Анапа и Сухум (Чедиа, 2017). Однако далеко не все памятники османского времени из музеев Краснодарского края и Абхазии прочитаны. Тем интереснее и важнее введение в оборот новых текстов, а также уточнение прочтений уже опубликованных.

Ниже публикуются надгробия османского времени из коллекции Музея истории города-курорта Сочи. Музей был создан в 1920 г. и до 1980 г. носил название краеведческого. Основой создания музея послужила коллекция Сочинского отделения Кавказского горного клуба, который существовал в посаде Сочи с 1902 по 1917 г. Современная экспозиция создана в 2006 г. после переезда Музея в 2000 г. в новое здание.

В собрании музея ныне хранится пять османских надгробий XVIII–XIX вв., из них три плиты в фондах, две – в экспозиции.

Начало изучению сочинских надгробий положил Л. И. Лавров, опубликовавший в 1968 г. 5 текстов по эстампам, снятым Н. Г. Волковой в 1962 г. (Лавров, 1968. С. 67, 74, 77, 92, 94). Из них только три могут быть безусловно отождествлены с имеющимися ныне в музее. Судьба двух текстов мне неизвестна. Это плита с эпитафией некоего Йакуба б. Абдалла-аги из убыхской общины Ворданэ (1240/1824–25 гг.) и надгробие Йусуфа с датой 1202/1787–88 гг. (Лавров, 1968. С. 74, 94, 163–164, 235, 239).

Вместе с тем два надгробия остались Л. И. Лаврову, видимо, неизвестными. Ниже приводим фото, тексты и переводы всех пяти камней, хранящихся ныне в музее.

1. *Экспозиция*. Навершие стелы утрачено. Текст сохранился полностью. Надпись в 4 строки, почерк *наسخ* (рис. 1, 1).

Рис. 1. Надгробия из Музея истории Сочи

1 – надгробие Хаввы – дочери Барзак-Мехмед-аги, 1207/1792–93 гг.; 2 – надгробие муллы Хусейна, сына ал-хадж Мустафы-аги Мысырлы, 1189/1775–76 гг.

بارزك محمد اغانك

كريمه سى مرحومه

حوّا روحنه

فاتحه سنه ١٢٠٧

Перевод:

«Покойная Хавва – дочь Барзак-Мехмед-аги. Душе ее – Фатиха. Год 1207». Хавва – это мусульманский вариант имени Ева. Год соответствует 1792–93 гг. Как замечал Л. И. Лавров, эта надпись является первым упоминанием об убыхской фамилии Барзиков, из среды которых вышли крупнейшие военные и политические деятели Северо-Западного Кавказа в XIX в. (Лавров, 1968. С. 77, 147–151. Илл. 567 на с. 236).

2. *Экспозиция*. Стела сохранилась целиком, утрачена лишь часть чалмообразного навершия. Текст в 6 строк. Почерк *наسخ* (рис. 1, 2).

Текст:

مرحوم
مصرلى الحاج
مصطفى اغانك
او غلو ملا حسين
روحنه فاتحه
سنه ۱۱۸۹

Перевод:

«Покойный мулла Хусейн сын ал-хадж Мустафы-аги Мысырлы. Душе его – Фатиха. Год 1189». Год соответствует 1775–76 гг.

Нисба (обозначение по месту рождения или проживания) Мысырлы говорит о том, что отец покойного (т. е. ал-хадж Мустафа-ага) был родом или проживал в Египте, к тому же он был хаджи (т. е. совершил хадж). Текст опубликован Л. И. Лавровым в 1968 г. (Лавров, 1968. С. 67. Илл. 534 на с. 234).

3. *Фонды*. Навершие стелы утрачено. Текст расположен в 6 строк, почерк *наسخ*. Левая часть камня утрачена, так что последние буквы слов восстанавливаются по смыслу. (рис. 1, 3).

Текст:

[هو]
الباقى
جنتمکان فردوس
اشيان مرحوم ومغفور
الى ربه الغفور
محمود بك روحنه
فاتحه سنه ۱۲۲۹

Перевод:

«Он вечен! Обитающий в райском саду, умерший, получивший прощение, отправившийся к своему Господу всепрощающему, Махмуд-бек. Душе его – Фатиха. Год 1229».

1229 год хиджры начался 23 декабря 1813 г. и почти полностью укладывается в 1814 г. христианского летоисчисления (Лавров, 1968. С. 92. Илл. 626 на с. 238).

4. *Фонды*. Фрагмент надгробия. Сохранились две строки (не полностью) и одно слово третьей строки. Почерк *наسخ* с элементами *насталика*. Текст располагался на плите наискосок (рис. 2, 1).

1

2

3

Рис. 2. Надгробия из Музея истории Сочи

1 – надгробие Махмуд-бека, 1229/1814 г.;
2 – надгробие Османа-аги; 3 – надгробие Хаджи Ибрахима, 1263/1847 г. Фрагмент

ملا سليمان اوغلو عثمان
اغائك مخدوق ...
.. اغائك

Перевод:

«...Османа-аги, сына муллы Сулеймана...Махдук (?) аги...»

5. *Фонды*. Фрагмент надгробия. Верхняя часть сильно пострадала. Текст, очевидно, написан в рифму, однако восстанавливается далеко не полностью (рис. 2, 3).

...نامراد...
روح...مسكنى جنت اوله
...حم خرکس جوله
حاجى ابراهيم اغائك
روحنه الفاتحه
سنه ١٢٦٣

Перевод:

«...несчастный... Дух его да будет радостным, пристанищем его души да будет рай! ...Хаджи Ибрахим-аги, душе его – ал-Фатиха. Год 1263».

1263 год хиджры начался 19 декабря 1846 г. и полностью укладывается в 1847 г. христианского летоисчисления.

Таким образом, из пяти надгробий четыре датированы 1189/1775–76, 1207/1792–93, 1229/1814 и 1263/1847 гг. Тексты эпитафий и оформление надгробий в целом аналогичны современным им образцам с территории Турции и других уголков бывшего османского мира (см., например, *Giin, Nefes*, 2011).

ЛИТЕРАТУРА

- Волков И. В., 2009. Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 50–52.
- Волков И. В., Пьянков А. В., 2009. Об одном неизданном изваянии из фондов Краснодарского музея-заповедника // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 48–50.
- Зажигина Л. Ю., 1997. Антропоморфные навершия мусульманских надгробий из Анапы // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир: Армавирский краеведческий музей. С. 159–160.
- Зажигина Л. Ю., 1998. Археологические материалы турецкого времени в собрании Анапского музея // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар. С. 37–39.
- Зайцев И. В., Чхаидзе В. Н., 2015. Эпитафия Батыр-Гирея оглу из Таманского археологического музея // РА. № 1. С. 160–163.

- Лавров Л. И., 1968. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. II: Надписи XVIII–XX вв. / Изд. текстов, переводы, комментарии, введение и приложение Л. И. Лаврова. М.: Наука. 248 с.
- Чедия А. Р., 2017. Тарихи как источник по истории османских владений на Западном Кавказе // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. № 1. С. 56–69.
- Gün R., Nefes E., 2011. Çarşamba Kurdahmetli Köyü Mezarlığındaki Tarihi Mezar Taşları // Dinbilimleri Akademik Araştırma Dergisi. Cilt 11, Sayı 2. S. 135–166.

Сведения об авторе

Зайцев Илья Владимирович, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр-т, 51/21, 117997, Москва, Россия; e-mail: ilyaAugust@yandex.ru

I. V. Zaytsev

OTTOMAN EPIGRAPHY
FROM THE HISTORIC MUSEUM OF THE RESORT CITY OF SOCHI

Abstract. The paper is a publication of texts and translations of five epitaphs dating to the Ottoman period preserved in the Historic Museum of the resort city of Sochi. Four of five tombstones date to: 1189/1775–76, 1207/1792–93, 1229/1814 and 1263/1847. Copies (estampage) of the three headstones were published by L. I. Lavrov in 1968; two headstones are published for the first time.

Keywords: epigraphy, Western Caucasus, Ottoman Empire.

REFERENCES

- Chediya A. R., 2017. Tarikhi kak istochnik po istorii osmanskikh vladений na Zapadnom Kavkaze [Tarihs as sources on history of Ottoman possessions in West Caucasus]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie [Bulletin of Moscow university. Ser. 13: Oriental studies]*, 1, pp. 56–69.
- Gün R., Nefes E., 2011. Çarşamba Kurdahmetli Köyü Mezarlığındaki Tarihi Mezar Taşları. *Dinbilimleri Akademik Araştırma Dergisi*, vol. 11, iss. 2, pp. 135–166.
- Lavrov L. I., 1968. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh [Epigraphic monuments of North Caucasus in Arabic, Persian and Turkic languages], II. Nadpisi XVIII–XX v. [Inscriptions of XVIII–XX cc.]. L. I. Lavrov, ed., comp., transl. Moscow: Nauka. 248 p.
- Volkov I. V., 2009. Turetskaya epigrafika iz Tamanskogo arkheologicheskogo muzeya [Turkic epigraphy from Taman' archaeological museum]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Fifth Kuban' archaeological conference: transactions of the conference]*. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 50–52.
- Volkov I. V., P'yankov A. V., 2009. Ob odnom neizdannom izvyanii iz fondov Krasnodarskogo muzeya-zapovednika [On one unpublished statue from collection of Krasnodar museum-reserve]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Fifth Kuban' archaeological conference: transactions of the conference]*. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 48–50.
- Zaytsev I. V., Chkhaidze V. N., 2015. Epitafiya Batyr-Gireya oglu iz Tamanskogo arkheologicheskogo muzeya [Epitaph of Batyr-Girey oglu from Taman' archaeological museum]. *RA*, 1, pp. 160–163.
- Zazhigina L. Yu., 1997. Antropomorfnye navershiya musul'manskikh nadgrobiy iz Anapy [Anthropomorphic terminals of Muslim tombstones from Anapa]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh [Historical-archaeological miscellany]*, 3. Armavir: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 159–160.

Zazhigina L. Yu., 1998. Arkheologicheskie materialy turetskogo vremeni v sobranii Anapskogo muzeya [Archaeological materials of Turkic epoch in collection of Anapa museum]. *Drevnosti Kubani* [*Antiquities of Kuban'*], 7. Krasnodar, pp. 37–39.

About the author

Zaytsev Ilya V., Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky prosp., 51/21, 117997, Moscow, Russian Federation, e-mail: ilyaagust@yandex.ru

Н. А. Лифанов

РАННЕСАЛТОВСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ МОГИЛЬНИКА ВИННОВКА I НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ*

Резюме. Раскопки могильника Винновка I на Самарской Луке в 2015 г. выявили погребально-поминальный комплекс из захоронений, перекрытых конструкцией из рваного известнякового камня. Основную массу находок среди камней составляли следы поминальных обрядов: кости домашних копытных и птицы, а также изделия из керамики – целый горшок и фрагменты сосудов. Рядом с погребениями, будучи, очевидно, связаны с ними, располагались находки бусины и наконечника стрелы. Два из выявленных захоронений принадлежали детям, третье – молодому мужчине. Мужское погребение сопровождалось поясной пряжкой, ножом, сумочкой, содержавшей кресальный набор, а также предметами вооружения: наконечниками стрел и колчанным крюком, кинжалом и саблей. Весь комплекс в целом датируется VIII в., воинское погребение – его первой половиной.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Самарская Лука, салтово-маяцкая культурная общность, «новинковский» культурный тип, VIII век, погребение, вооружение, стрелы, сабля.

В сезоне 2015 г. отрядом Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета были проведены полевые исследования могильника Винновка I, расположенного в центральной части Самарской Луки. Памятник был обнаружен в 2013 г. под руководством С. Э. Зубова в числе 5 крупных могильников так называемого «новинковского» типа (Зубов, 2014).

На площадке могильника открыты шесть курганов с визуально фиксируемыми размерами от $9 \times 9,5$ до 25×35 м и высотой от 0,15 до 1 м. Визуально курганы выглядят как уплотненные возвышения из наносного грунта, накопившегося поверх выкладок из рваного известнякового камня. Насыпи курганов располагаются на пахотном поле, на их поверхности имеются выходы известняковых камней, препятствующих их распашке.

* Данное сообщение было прочитано и обсуждено в качестве доклада на XIII Ежегодной Московской конференции «Восточные древности в истории России. Эпоха Средневековья и ее археологическое окружение» 13.04.2016.

Объектом исследований 2015 г. являлся курган № 2. Насыпь¹ кургана визуально фиксировалась как уплощенная овальной формы «гривка» размерами 12 × 8 м и максимальной высотой от подножия 0,4 м, вытянутая по склону холма в направлении север – юг.

Под задернованной поверхностью «гривки» была расчищена сооруженная на древней поверхности почвы каменная конструкция общими размерами 10 × 4 м (рис. 1, 1). Конструкция имела неоднородную структуру, состояла фактически из трех отдельных выкладок, расположенных последовательно по оси юго-восток – северо-запад вниз по склону холма. Южная выкладка, перекрывавшая погребения № 2 и 3, отличалась наибольшими размерами и мощностью: камни в ней были уложены в три слоя. Севернее ее располагалась выкладка меньших размеров, выложенная из двух слоев камня; следы захоронения под ней отсутствовали. Небольшая выкладка из двух слоев камней перекрывала могильную яму погребения № 1. Отдельные и располагавшиеся небольшими скоплениями камни вокруг конструкции являлись следствием деформации ее краев современной распашкой. Основу визуально фиксировавшегося кургана составляла только южная выкладка, две остальные не выделялись на современной поверхности почвы.

Основную массу находок в раскопе составляли кости животных. Их расположение подчиняется определенной закономерности: подавляющее большинство костей, идентифицированных как конские², сконцентрировано среди камней «безмогильной» выкладки и лишь единожды таковая встречена в выкладке над погребением № 3. Напротив, все известные находки костей крупного и мелкого рогатого скота, а также птицы относятся именно к последней выкладке, концентрируясь в ее восточной части. Большинство остеологически определенных находок представлены костями конечностей животных и в единичных случаях – фрагментами челюстей.

Вокруг выкладки, не содержащей захоронений, сосредоточены все относящиеся ко времени функционирования могильника керамические изделия³. К таковым относятся:

фрагмент красноглиняной ручки, верхняя часть которой переходит непосредственно в срез венчика гончарного сосуда (рис. 2, 2);

миниатюрный лепной горшок с выделенной раструбообразной горловиной и орнаментированным косыми насечками венчиком (рис. 2, 3);

фрагмент горловой части подобного же, но, видимо, более крупного сосуда.

¹ Термин «насыпь» применяется здесь как условный, т. к. ее форма и размеры определялись не замыслом создателей, а процессами плоскостного смыва грунта по склону холма и современной распашкой.

² Археозоологические определения выполнены старшим научным сотрудником лаборатории Палеоэкологии Ин-та экологии растений и животных УрО РАН к. б. н. В. В. Гасилиным.

³ Помимо них, в раскопе были найдены три фрагмента сосудов с «рогожным» орнаментом, характерные для городецкой археологической культуры раннего железного века. Культурно-хронологическая принадлежность еще двух находок: фрагмента неорнаментированной стенки лепного сосуда и корродированного фрагмента железной трубки диаметром по внешнему контуру около 50–55 мм – достоверно не определена.

Ряд обнаруженных в раскопе индивидуальных находок, очевидно, непосредственно связан с конкретными погребальными комплексами:

красная «бородавчатая» пастовая бусина округло-цилиндрической формы с 7 фрагментарно сохранившимися круглыми выпуклыми вставками из желтой пасты (рис. 2, 1), возможно, была смещена землероями из погребения № 1;

наконечник стрелы (рис. 3, 1), обнаруженный рядом с погребением № 3, однотипен содержащимся в составе его инвентаря.

В раскопе было выявлено три комплекса, интерпретированных в поле как погребения.

Погребение № 1 (рис. 1, 4) располагалось в северной части раскопа под небольшой разреженной каменной выкладкой. Находясь за пределами визуально наблюдавшихся перед началом работ очертаний кургана, оно формально являлось грунтовым. В материке фиксировалась лишь придонная часть могильной ямы (кривизна ее длинных стенок, очевидно, связана с деятельностью грызунов-землероев). Судя по уровню залегания камней над могилой, ее глубина от древней поверхности почвы составляла около 25 см.

В могиле сохранились фрагменты черепа и конечностей костяка ребенка возраста 6–7 лет⁴. Инвентарь в захоронении отсутствовал, однако не исключено, что к нему относилась обнаруженная рядом с могилой «бородавчатая» бусина.

Погребения № 2 и 3 располагались под южной, наиболее мощной каменной выкладкой.

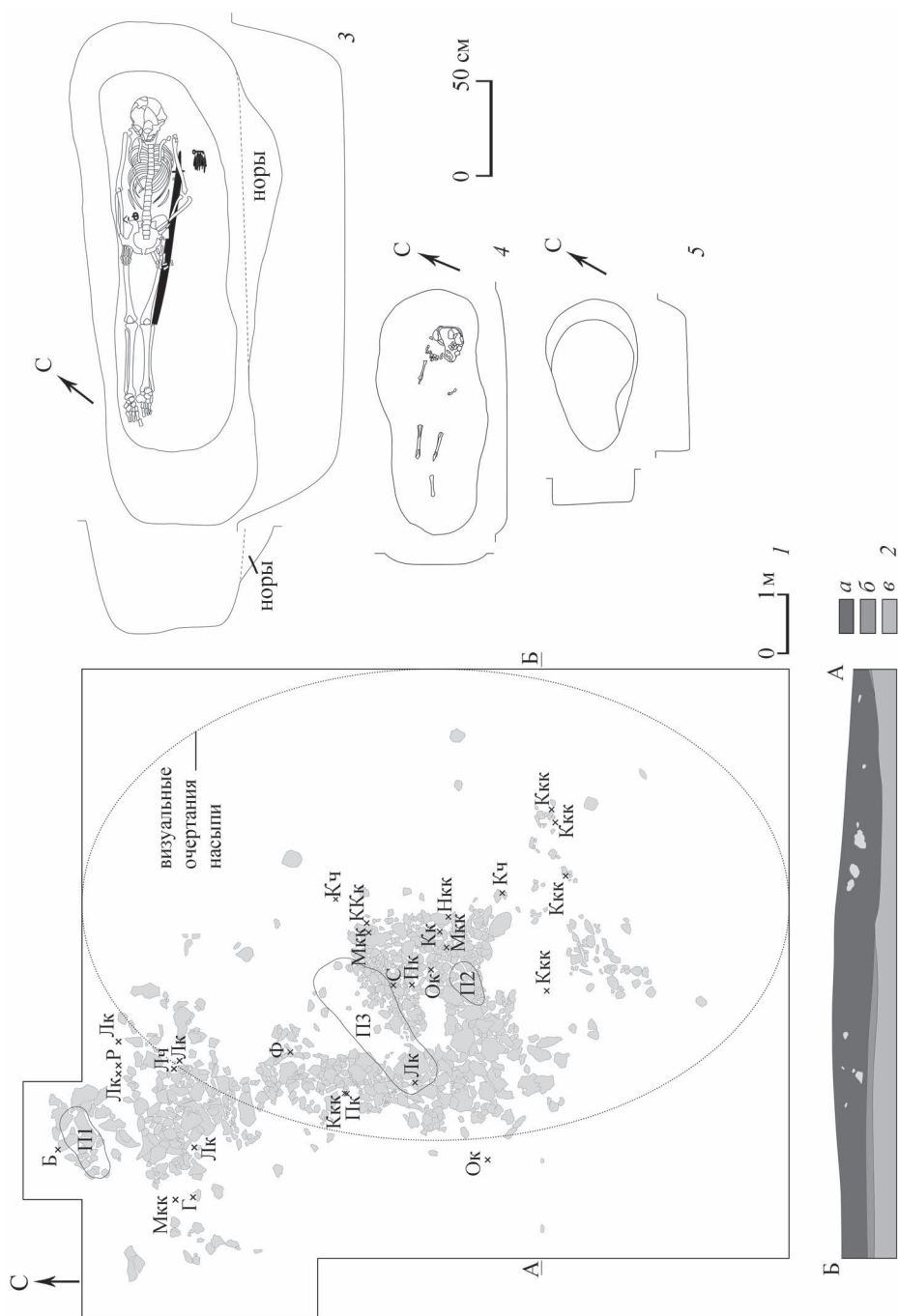
Погребение № 2 (рис. 1, 5). Глубина ямы грушевидной формы от древней поверхности составляла не более 75 см. Какие-либо следы захоронения в ней отсутствовали. Тем не менее некоторые признаки: ориентировка длинной осью, совпадающая с ямами погребений № 1 и 3, ровные стенки и дно – не позволяют однозначно счесть ее результатом деятельности землероев. Не исключено, что яма содержала полностью уничтоженное естественными процессами захоронение младенца.

Могильная яма погребения № 3 (рис. 1, 3) была перекрыта каменной выкладкой лишь частично – вдоль юго-западной и юго-восточной стенок. Не исключено, что такая ситуация явилась следствием попытки вторжения в погребение. В таком случае возможно, что перекрывавшие его камни оказались сдвинуты в сторону, образовав скопление-«перемычку» между выкладками к северу от могилы.

Дно ямы неровное: ее северо-западная половина, куда был уложен покойный, была незначительно (на 3–5 см) глубже юго-восточной, представлявшей собой, таким образом, невысокую слабо выраженную ступеньку. Глубина могилы от уровня древней поверхности почвы составляла ориентировочно 105–110 см.

Костяк погребенного (мужчина-европеоид 17–22 лет грацильного телосложения, ростом 166–168 см) сохранился полностью, за исключением смещенных костей левой кисти. Левая рука покойного была слегка согнута в локте иложена поверх тазовой кости, выпрямленная правая – под тазовую кость. Ноги погребенного были близко сведены, возможно, связаны.

⁴ Палеоантропологические определения выполнены заведующим лаборатории Палеоэкологии Самарского гос. социально-педагогического ун-та д. и. н. А. А. Хохловым.

При покойном находился богатый инвентарь, состоящий преимущественно из железных предметов и условно разделяемый на три группы.

Группа «пояс», концентрирующаяся у правой тазовой кости погребенного, включает в себя пряжку, нож и поясную сумочку, содержимое которой, очевидно, составлял кресальный набор.

Овальнорамчатая пряжка (рис. 2, 11) располагалась в положении, соответствующем прижизненному ношению ее на поясе. Сохранившийся фрагментарно нож (рис. 2, 10) находился под правой тазовой костью погребенного.

Обкладка клапана поясной сумочки представляет собой узкую согнутую пополам вдоль продольной оси пластину, которой придана лирообразная форма (рис. 2, 4). Внутри сгиба пластины сохранился органический тлен.

Корродированный предмет округлой формы (рис. 2, 5) предположительно интерпретируется как пуговица, застегивавшая клапан сумочки. Частью «пуговицы» мог являться обнаруженный рядом с ней продолговатый «штырек» (рис. 2, 6).

Под деталями сумочки были обнаружены железный предмет, судя по форме представляющий собой обломок рамки пряжки (рис. 2, 7), и два мелких камня (халцедон и кремнь) (рис. 2, 8, 9).

Трасологический анализ данных находок показал использование их в качестве кресальных камней⁵. При этом обломок пряжки, очевидно, служил в качестве кресала⁶.

«Колчаный набор» располагался близ левой плечевой кости погребенного, представлен 13 наконечниками стрел различных типов (рис. 3, 2–14) и «колчаным» крюком (рис. 3, 15). Стрелы, судя по древесному тлену на их перьях, находились, по всей видимости, в деревянном колчане. Остатки дерева на насадах наконечников демонстрируют толщину древков стрел 7–8 мм. На «колчанном» крюке следов древесного тлена нет.

Группа находок «клинковое оружие» располагалась у левого бока погребенного. Под левой тазовой костью был обнаружен фрагментарно сохранившийся кинжал (рис. 3, 16), направленный острием к ногам покойного. Вдоль тела

Рис. 1. Могильник Винновка I

1 – план сооружений и находок в раскопе; 2 – стратиграфический профиль (вид с севера): а – рыхлый гумусированный суглинок, б – плотный гумусированный суглинок, в – материковая глина; 3 – погребение № 3; 4 – погребение № 1; 5 – погребение № 2

Б – бусина; Г – горшок; Р – ручка сосуда; С – наконечник стрелы; Ф – фрагмент сосуда; Кк – фрагмент конечности коровы; Кч – фрагмент челюсти коровы; Лк – фрагмент конечности лошади; Лч – фрагмент челюсти лошади; Ккк – фрагмент конечности крупного копытного животного; МКк – фрагмент конечности мелкого копытного животного; Ок – фрагмент конечности овцы; Лпк – фрагмент конечности птицы

⁵ Анализ выполнен начальником отдела археологии ОАО ВолгоНИИгипрозем (г. Самара) к. и. н. И. В. Горашуком.

⁶ Совершенно идентичен винновскому кресальный набор из п. 34 Большетиганского могильника (*Chalikowa, Chalikow*, 1981, Taf. XIX – 14abc).

Рис. 2. Находки из раскопок могильника Винновка I

1 – бусина (стекло); 2 – ручка сосуда (керамика); 3 – горшок (керамика); 4 – обкладка клапана сумочки (железо); 5 – пуговица (?) (железо); 6 – «штырек» (железо); 7 – фрагмент пряжки (кресало?) (железо); 8 – кресальный камень (халцедон); 9 – кресальный камень (кремень); 10 – нож (железо); 11 – пряжка (железо)

1–3 – отдельные находки; 4–11 – погребение № 3

от плеча до колена, частично располагаясь под левой рукой погребенного, была уложена сабля (рис. 3, 19), судя по покрывавшему ее клинок древесному тлену – в деревянных ножнах. Рядом с перекрестием сабли, между ним и костяком находился предмет (по всей вероятности, основа крепления ножен к портупее), состоявший из продетого в петлю кольца (рис. 3, 17).

Аналогии и датировка материалов

Характеристики погребально-поминальной обрядности и инвентаря исследованного кургана № 2 могильника Винновка I находят аналогии среди памятников «новинковского» типа (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998), в культурном отношении тесно связанных с материалами конца VII – начала IX в. степного кочевнического варианта салтово-маяцкой общности (Матвеева, 1997. С. 89–90; Лифанов, 2009. С. 141; Лифанов, Zubov, 2011. С. 55).

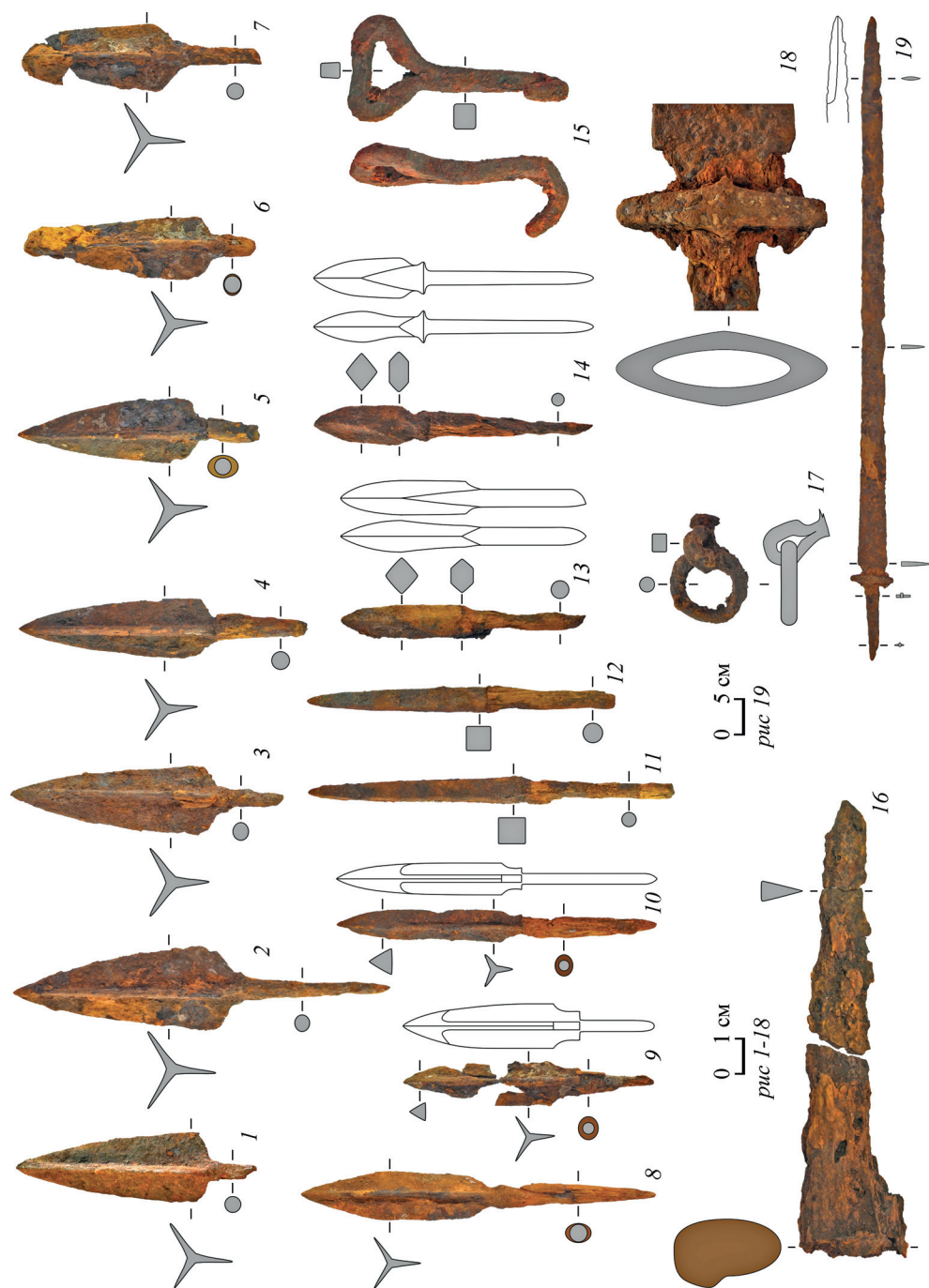
Для «новинковских» памятников характерно перекрытие могил выкладками из рваного известнякового камня (в одном случае среди камней отмечено наличие некогда цементированного их вещества – Бражник и др., 2000. С. 189). Находки среди камней костей домашних животных и фрагментов сосудов, по всей видимости, являются следами проводившихся на поверхности надмогильной конструкции поминальных обрядов (Лифанов, Zubov, 2011. С. 53). Обособленные «безмогильные» выкладки, несшие, вероятно, исключительно меморативную функцию, неоднократно фиксировались исследователями на «новинковских» могильниках (Богачев и др., 1996. С. 86. Рис. 4; Матвеева, 1997. С. 27. Рис. 65; Багаутдинов и др., 1998. С. 194, 202–203, 207–208, 211. Табл. XXI, 1, 5, 7; XXXI, 1; XXXII, 6, XXXVI, 1; LIX, 8; LX, 1, 8). Восточная (с отклонениями к северу и югу) ориентировка погребенных является в этой среде самой распространенной (Лифанов, 2005а. Рис. 2).

Аналогии лепному горшковидному сосуду и идентичному ему по фактуре фрагменту распространены практически на всех «новинковских» памятниках, встречаясь в захоронениях детей и подростков. Одиночные бусины либо функционально идентичные им подвески-амулеты также характерны для детских «новинковских» погребений, где они располагались у нижней челюсти погребенного (Сташенков, 2001. С. 146). «Бородавчатые» бусы нередки в памятниках данного круга, однако узкой датировки не имеют.

Хронологическая позиция погребения № 1 может быть определена его грунтовым характером и находкой вблизи него ручки красноглиняного кругового сосуда (предположительно амфоры). Целых экземпляров амфор на территории средневожской лесостепи известно всего три, однако их фрагменты широко распространены как на погребальных, так и на поселенческих памятниках.

Гончарная керамика появляется на Самарской Луке на этапе IV существования «новинковских» памятников (последняя четверть VIII в.), к тому же периоду относится и распространение на них грунтовых погребений (Лифанов, 2005б. С. 30, 35–37. Табл. I). Интересную аналогию погребению Винновка I 2/1⁷ составляет захоронение Шелехметь VII 11/1, содержавшее останки ребенка на периферии кургана. Вблизи последней могилы, как и в Винновке, были обнаружены бусина из непрозрачного стекла и фрагмент стенки гончарного сосуда (Бражник и др., 2000. С. 189–190).

⁷ Цифры означают номера курганов / погребений.

Основным захоронением, как в к. 11 Шелехмети VII, в к. 2 Винновки I являлось погребение воина, вооруженного стрелковым и клинковым оружием. Содержавшиеся в нем «колчаный» крюк и трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбической в плане формой пера (рис. 3, 1–7) обычны как для средневожских, так и в целом для раннесалтовских памятников.

Более редкими типами наконечников с единичными аналогиями в «новинковских» материалах являются трехлопастные с удлинено-шестиугольной в плане формой пера (рис. 3, 8–10) (два экземпляра выделяются монолитным острием трехгранного сечения) и шиловидные с квадратным сечением пера (рис. 3, 11–12). Двум наконечникам с ромбовидным сечением острия пера (ближе к насаду перо постепенно уплощается, приобретая шестиугольное сечение) (рис. 3, 13–14) аналогий не известно.

Термин «сабля» к оружию из винновского кургана применен условно: незначительный прогиб клинка наблюдается лишь со стороны, противоположной лезвию, режущая кромка совершенно прямая. То есть данная форма клинкового оружия является типологически переходной между палашиком и саблей. Острие клинка расковано для двусторонней заточки. Общая длина оружия – 90,8 см, длина клинка – 77,6 см, максимальная ширина клинка – 4 см, прогиб тыльной стороны клинка – 4 мм. Перекрестие сабли имеет расширение по центру и декорировано инкрустацией из желтого металла в виде завитков (рис. 3, 18). Декор располагается лишь с одной стороны перекрестия. Судя по его расположению относительно лезвия клинка, оружие было предназначено для ношения на левом боку. Рукоять сабли была деревянной, крепилась к черену двумя железными штырями.

Находки клинкового оружия раннесалтовского времени на территории средневожского региона составляют 12 целых и фрагментированных экземпляров (Лифанов, 2007. С. 143). Лишь три из них достоверно представляют собой слабоизогнутые однолезвийные клинки: Шиловка 2/2, Новинки II 13/2, Шелехметь VII 11/4. Ромбовидное перекрестие винновской сабли сближает ее с экземпляром оружия с сильно изогнутым клинком из Новинки II 14/3. Другой аналогией винновскому перекрестию является гарда из собрания музея И. Е. Репина в г. Чугуев, инкрустированная по железной основе золотой проволокой. Автор публикации относит ее к материалам салтово-маяцкой культурной общности (Свистун, 2009. С. 140–144).

Единственную полную аналогию портупейному кольцу (в т. ч. и в расположении в погребении) составляет артефакт из Шелехмети VII 11/4.

В целом инвентарный комплекс погребения Винновка I 2/3 находит более всего соответствий среди раннесалтовских воинских захоронений с территории Среднего Поволжья, характеризующихся сочетанием клинкового и стрелкового вооружения: Шиловка 2/2, Шелехметь VII 11/4, Брусяны IV 2/1, Новинки II 13/2

Рис. 3. Находки из раскопок могильника Винновка I

1–14 – наконечники стрел (железо, дерево); 15 – «колчаный» крюк (железо); 16 – кинжал (железо, дерево); 17 – портупейное кольцо (железо); 18 – перекрестие сабли (железо, золото); 19 – сабля (железо, золото).

1 – отдельная находка; 2–19 – погребение № 3

и 14/3. Кроме последнего, ямы всех этих захоронений имели ступеньки. Все эти погребальные комплексы относятся к первой половине – середине VIII в. (Лифанов, 2005б. С. 36. Табл. 1). Этим периодом предположительно следует датировать и совершение захоронения Винновка I 2/3.

ЛИТЕРАТУРА

- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен. 286 с.
- Богачев А. В., Ермаков С. Ф., Хохлов А. А., 1996. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей II половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. С. 83–98.
- Бражник О. И., Кирсанов Р. С., Лифанов Н. А., 2000. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX / Гл. ред. П. С. Кабытов. Самара: СамВен. С. 188–198.
- Зубов С. Э., 2014. Отчет о проведении археологических полевых работ (археологической разведки) на территории Национального парка «Самарская Лука» в пределах муниципального района Ставропольский Самарской области в 2013 году по Открытому листу № 1401 от 8 ноября 2012 г. Самара // Научный архив ИА РАН.
- Лифанов Н. А., 2005а. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 25–40.
- Лифанов Н. А., 2005б. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 200–306. (Труды ГИМ; вып. 145.)
- Лифанов Н. А., 2007. Вопросы военной организации средневожских кочевников раннехазарского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г.): тез. докл. / Отв. ред. А. В. Кияшко. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 142–146.
- Лифанов Н. А., 2009. О культурной принадлежности населения Средневожской лесостепи раннехазарского времени // Форум «Идель-Алтай»: материалы науч.-практ. конф. «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря 2009 г.) / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ. С. 140–142.
- Лифанов Н. А., Зубов С. Э., 2011. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской Луке // Салтово-маяцка археологична культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць / Упоряд. Г. Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О. О.: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини. С. 50–56.
- Матвеева Г. И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский ун-т. 226 с.
- Свистун Г. Е., 2009. Сабельная гарда из собрания Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в г. Чугуеве // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Л. И. Мачулин. Харьков: Мачулин. С. 140–144.
- Сташенков Д. А., 2001. Половозрастная стратификация новинковского населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. С. 141–165.
- Chalikowa E. A., Chalikow A. H., 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 132 p.

Сведения об авторе

Лифанов Николай Александрович, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия; e-mail: liphanov@gmail.com

N. A. Liphanov

A NEW EARLY SALTOVO BURIAL AND MEMORIAL SITE
ON THE SAMARA BEND

Abstract. Excavations of the Vinnovka cemetery on the Samara Bend in 2015 revealed a funeral and memorial site made up of graves covered with a rubble limestone structure. Most finds found among the rubble represented traces of funeral rites, e. g. bones of the ungulate and birds, and pottery items such as an intact pot and potsherds. A bead and an arrowhead were recorded near burials and were, apparently, linked to them. Two of the graves identified belonged to children; the third grave belonged to a young man. The male burial contained a belt buckle, a knife, a bag with a fire-steel set as well as weapons such as arrowheads and a quiver hook, a dagger and a sabre. The site as a whole dates to the 8th century while the warrior grave is dated to the first half of the 8th century.

Keywords: Middle Volga, Samara Bend, Saltovo-Mayaki cultural community, Novinki cultural type, 8th century, burial, weaponry, arrowheads, sabre.

REFERENCES

- Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E., 1998. Prabolgary na Sredney Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya [Pre-Bulgarians on Middle Volga (at the origins of history of the Tartars of Volga-Kama region)]. Samara: SamVen. 286 p.
- Bogachev A. V., Ermakov S. F., Khokhlov A. A., 1996. Vypolzovskiy I kurgannyi mogil'nik rannikh bolgar na Samarskoy Luke [Vypolzovskiy I kurgan cemetery of early Bulgarians on the Samara Bend]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey II poloviny I tysyacheletiya n. e. [Cultures of Eurasian steppes of II half of I millennium AD]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni P. V. Alabina, pp. 83–98.
- Brazhnik O. I., Kirsanov R. S., Liphanov N. A., 2000. Issledovanie Shelekhmet'skogo II kurganno-gruntovogo mogil'nika v 1999 g. [Investigation of Shelekhmet'skiy II kurgan and ground cemetery in 1999]. *Kraevedcheskie zapiski [Local lore notes]*, IX. P. S. Kabytov, ed. Samara: SamVen, pp. 188–198.
- Chalikowa E. A., Chalikow A. H., 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 132 p.
- Liphanov N. A., 2005a. K voprosam periodizatsii i khronologii pamyatnikov novinkovskogo tipa [On problems of periodization and chronology of sites of Novinki type]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European steppes in Medieval epoch]*, 4. Khazarskoe vremya [Khazarian time]. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiiy natsional'nyy universitet, pp. 25–40.
- Liphanov N. A., 2005b. Sistematika pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti novinkovskogo naseleniya [Systematization of burial and funeral rites of Novinki population]. *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V. A. Gorodtsova v GIM [Gorodtsov II readings: transactions of scientific conference, devoted to centenary of activity of V. A. Gorodtsov in GIM]*. I. V. Belotserkovskaya, ed. Moscow: GIM, pp. 200–306. (Trudy GIM, 145.)
- Liphanov N. A., 2007. Voprosy voennoy organizatsii srednevolzhskikh kochevnikov rannekhazarskogo vremeni [Problems of military organization of medieval nomads in early Khazar time]. *Problemy*

- arkheologii Nizhnego Povolzh'ya: II Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [Problems of archaeology of Lower Volga region: II International Lower Volga archaeological conference: abstracts]. A. V. Kiyashko, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 142–146.
- Liphanov N. A., 2009. O kul'turnoy prinadlezhnosti naseleniya Srednevolzhskoy lesostepi rannekhazarского времени [On cultural attribution of population of Middle Volga forest-steppe of early Khazar time]. *Forum «Idel'-Altay»: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel'-Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey [Forum «Idel'-Altay»: transactions of scientific-practical conference «Idel'-Altai: origins of Eurasian civilization», I International congress of Medieval archaeology of Eurasian steppes]*. F. Sh. Khuzin, ed. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan, pp. 140–142.
- Liphanov N. A., Zubov S. E., 2011. Raskopki mogil'nika Malaya Ryazan' I v 2009–2010 gg. i nekotorye voprosy izucheniya pamyatnikov novinkovskogo tipa na Samarskoy Luke [Excavations of cemetery Malaya Ryazan' I in 2009–2010 and some problems of investigation of sites of Novinki type on the Samara Bend]. *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchennya na Kharkivshchii: zbirnik naukovikh prats' [Saltovo-Mayaki archaeological culture: 110 years from beginning of research in Kharkov region: collection of scientific works]*. G. E. Svistun, comp. Kharkov: Savchuk O. O.: Kharkivs'kiy naukovо-metodichniy tsentr okhoroni kul'turnoy spadshchini, pp. 50–56.
- Matveeva G. I., 1997. Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoy Luke [Cemeteries of early Bulgarians on the Samara Bend]. Samara: Samarskiy universitet. 226 p.
- Stashenkov D. A., 2001. Polovozrastnaya stratifikatsiya novinkovskogo naseleniya [Sex and age stratification of Novinki population]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (iz istorii kostyuma) [Cultures of Eurasian steppes of second half of I millennium AD (from history of costume)]*, 2. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni P. V. Alabina, pp. 141–165.
- Svistun G. E., 2009. Sabel'naya garda iz sobraniya Khudozhestvenno-memorial'nogo muzeya I. E. Repina v g. Chugueve [Sabre guard from collection of I. E. Repin memorial museum of fine arts in Chuguev]. *Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik [Kharkov historic-archaeological collection of articles]*, 5. L. I. Machulin, ed. Khar'kov: Machulin, pp. 140–144.
- Zubov S. E., 2014. Otchet o provedenii arkheologicheskikh polevykh rabot (arkheologicheskoy razvedki) na territorii Natsional'nogo parka «Samarskaya Luka» v predelakh munitsipal'nogo rayona Stavropol'skiy Samarskoy oblasti v 2013 godu po Otkrytomu listu № 1401 ot 8 noyabrya 2012 g. Samara [Report on carrying out archaeological field works (archaeological survey) in territory of National park «The Samara Bend» within municipal district Stavropol'skiy, Samara region in 2013 according to License № 1401 issued 2012, November 8 in Samara city]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

About the author

Liphanov Nikolaj A., Academician S. P. Korolev Samara National Research University, Moskovskoe sh., 34, Samara, 443086, Russian Federation; e-mail: liphanov@gmail.com

В. Ю. Малашев, С. Б. Болелов

1-Е ПАЛАСА-СЫРТСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

Резюме. 1-е Паласа-сыртское городище площадью 1 га находится в 20 км к югу от Дербента. В результате исследований выявлены культурные напластования мощностью до 1,4 м, фиксирующие три этапа функционирования памятника. 1-й период датируется серединой (первой половиной) IV – серединой V в. К этому времени относятся фортификационные укрепления в виде двух рвов. Городище выполняло роль политического центра, на котором могла находиться ставка вождя племенного союза «страны маскутов», и/или являлось культовым центром данного союза. 2-й период синхронизируется со временем возведения Сасанидским Ираном в 440-х гг. сырцово-вой оборонительной системы в Дербенте и со строительством города Шахристан-и Йездигерд (Белиджинское городище Торпах-кала). Перестает функционировать Паласа-сыртский могильник, что может рассматриваться как результат вытеснения Ираном маскуто-аланского населения с территории к югу от Дербента. Городище переоборудуется в крепость, находившуюся в оборонительной системе приграничных областей Сасанидского государства. 3-й период характеризуется превращением фортификационного памятника в бытовую. Верхняя хронологическая граница периода – первая половина VII в. – коррелируется по времени с арабским завоеванием территории Южного Дагестана в 40–50-х гг. VII в.

Ключевые слова: Южный Дагестан, раннее Средневековье, Кавказская Албания, Сасанидский Иран, маскуты.

В 2010–2012, 2015 гг. Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН совместно с ООО «НПЦ туризма и краеведения» и Дагестанская экспедиция ИА РАН (на средства РГНФ (гранты № 10-01-18097е, 11-01-18077е, 15-01-18002), ФЦП «Культура России» и ООО «НПЦ туризма и краеведения») проводили раскопки 1-го Паласа-сыртского городища середины (первой половины) IV – первой половины VII в.¹, выявленного в 2008 г. Ю. К. Гугуевым, М. С. Гаджиевым и Б. Х. Гаджиевым и находящегося в 20 км к югу от Дербента рядом с одноименным курганным могильником середины (второй четверти?) IV –

¹ Предлагаемая ранее датировка городища – IV–V вв. (Малашев и др., 2015. С. 112) – откорректирована по итогам работ 2015 г.

середины V в. Городище площадью 1 га находится на одном из мысов правого высокого коренного берега р. Рубас при выходе ее на равнину (рис. 1). Цитадель (60 × 50 м) треугольной в плане формы занимает оконечность мыса и вписана в окружающий рельеф. По периметру она была защищена оборонительной стеной из сырцового кирпича, которая в настоящее время с напольной стороны выглядит как вал высотой до 1,3 м от современной поверхности внутри цитадели и шириной 10–15 м у основания. Со стороны крутых склонов мыса оплывшая оборонительная стена представляет собой невысокий гребень. На оконечности мыса прослеживается возвышение (до 1,5 м), вписанное в систему укреплений и являющееся, видимо, остатками башни (рис. 1 – Rp). С южной напольной стороны городище защищено двумя рвами. Внутренний ров примыкает к оборонительной стене и в настоящее время имеет ширину 17–20 м, глубину до 1,2 м и протяженность около 70 м. К югу от него расположена территория, названная «жилой», трапециевидной в плане формы протяженностью около 130 м и шириной от 12 (в СЗ части) до 50 м (в ЮВ части). С юга она полностью ограничена внешним рвом, который имеет в настоящее время ширину до 24 м, глубину до 2,1 м и протяженность около 130 м. Превышение современной поверхности «жилой» территории относительно поверхности за пределами внешнего рва составляет около 1 м.

Вплотную к городищу расположены курганы южной группы Паласа-сыртского могильника. В ходе раскопок одного из них, находящегося на расстоянии около 100 м от внешнего рва, выяснилось, что он был возведен на территории усадьбы, вынесенной за пределы городища. Под насыпью обнаружены 17 плотно расположенных хозяйственных ям. Культурный слой незначительный по толщине (до 5 см), что свидетельствует о непродолжительности функционирования данной части памятника и использования ее для размещения здесь хозяйственных сооружений с ямами-зернохранилищами до превращения в участок курганного некрополя.

К комплексу памятника относится также Паласа-сыртское поселение, находящееся на нижней наклонной террасе соседнего мыса правого берега р. Рубас, расположено рядом (к ЗСЗ) с городищем. Данное поселение, выявленное Л. Б. Гмырей, раскапывалось ею в 1985–1987 гг.; исследованная площадь составила 130 м² при мощности культурного слоя до 3 м. Датировка поселения, установленная автором раскопок, – IV–VI вв. н. э. Материалы работ частично опубликованы. Сходство керамического материала, синхронность и близость расположения позволяют считать Паласа-сыртские поселение и 1-е городище разными участками единого комплекса. Мощный культурный слой, следы производства и близость к воде Паласа-сыртского поселения позволяют высказать предположение о том, что, возможно, оно являлось производственным кварталом.

С целью исследования оборонительной стены, рва и определения стратиграфии прилегающих к стене слоев в юго-восточной части цитадели был заложен раскоп 1; общая площадь исследований составила более 200 м². В результате работ выявлены культурные напластования мощностью до 1,4 м. На городище вскрыта часть оборонительной стены из сырцового кирпича, а также остатки сырцово-каменных и каменных бытовых сооружений, с которыми связаны

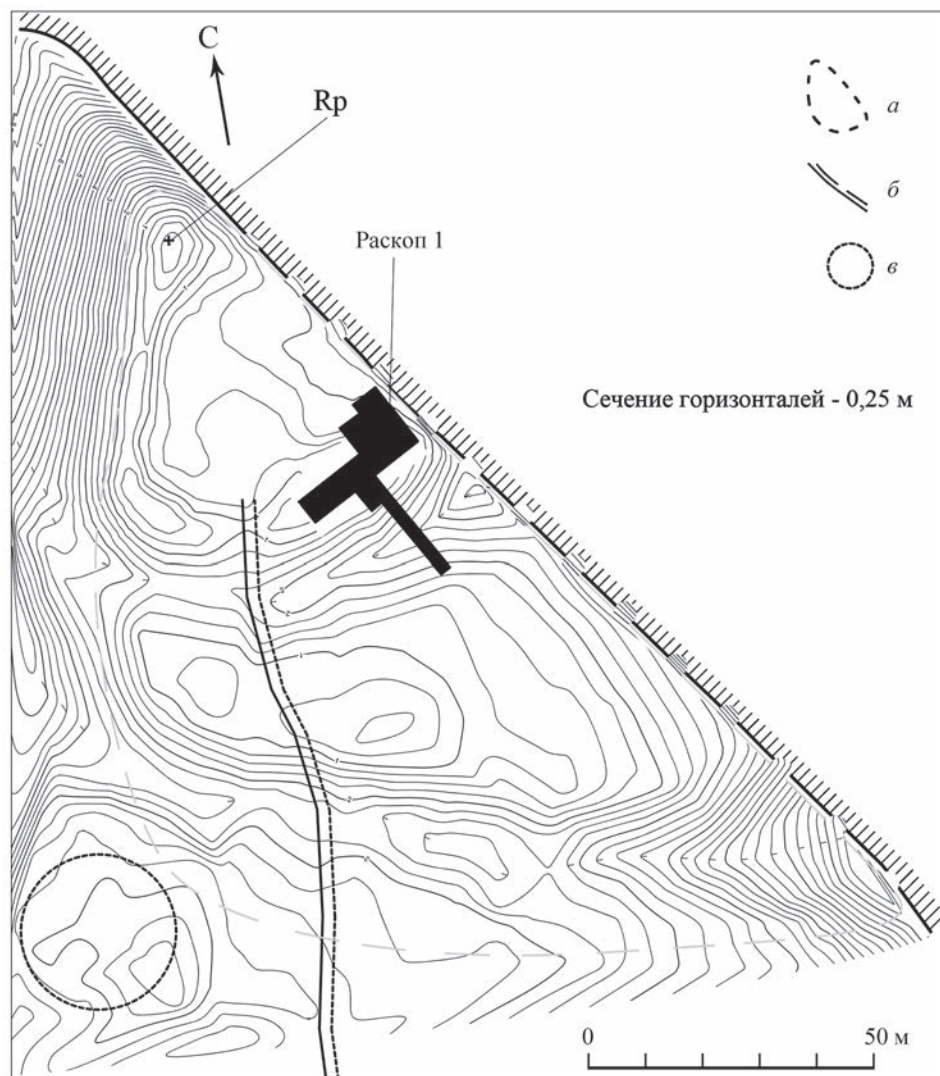

Рис. 1. Топоплан 1-го Паласа-сыртского городища с указанием места раскопа 1

участки глиняных полов, каменных вымосток, печные конструкции, хозяйственные ямы, вкопанные в грунт крупные тарные сосуды.

К началу существования памятника относятся несколько хозяйственных ям, выявленных в центральной и северной частях раскопа; архитектурные остатки, связанные с ними, не обнаружены. Культурный слой этого времени фиксируется на отдельных участках. В частности, оборонительная стена из сырцового кирпича в центральной части раскопа (рис. 3) была возведена на культурном слое толщиной 20–24 см. Можно предположить, что перед строительством стен в более

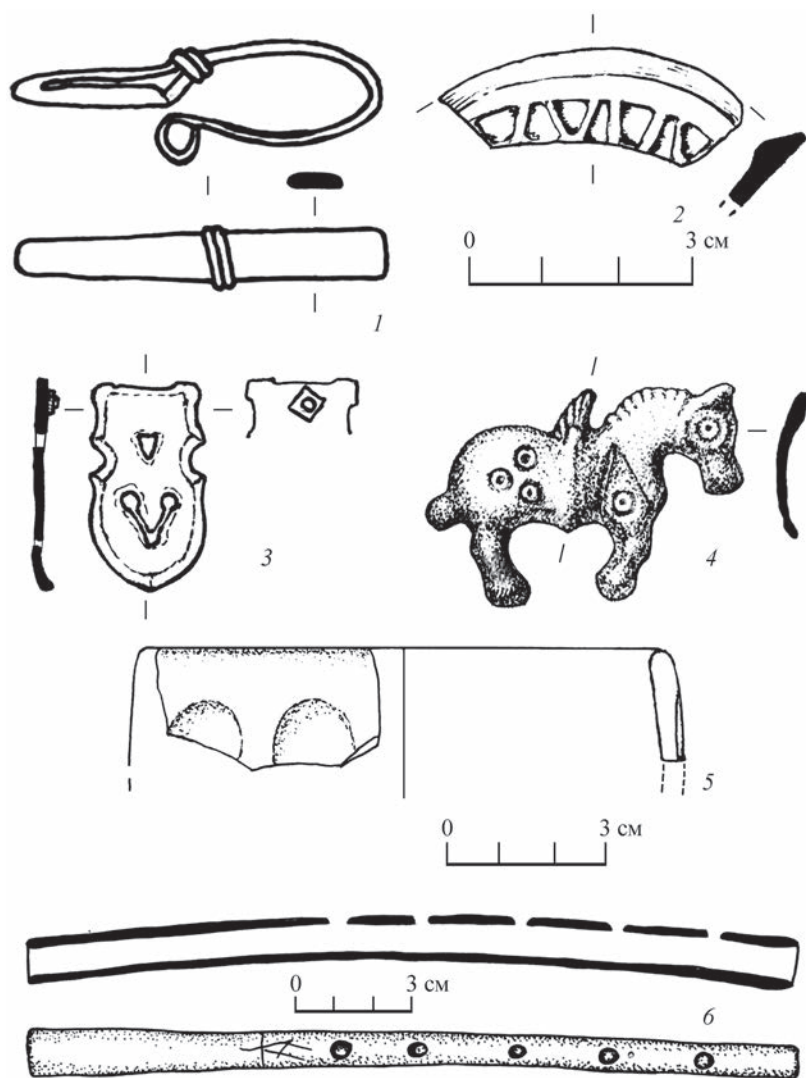

Рис. 2. Индивидуальные находки

1 – бронзовая фибула; 2 – фрагмент бронзового зеркала; 3 – бронзовый наконечник ремня; 4 – бронзовая накладка; 5 – фрагмент стеклянного сосуда; 6 – костяная флейта

позднее время поверхность памятника была частично сnivelирована, в результате чего ранние напластования уничтожены, а ямы перекрыты глиняными обмазками полов и каменными вымостками, связанными с поздними постройками. Наиболее полная стратиграфическая картина была получена в процессе раскопок в юго-восточной части раскопа. Здесь к началу существования городища относится ров, который постепенно заполнялся культурным слоем. Судя по условиям залегания

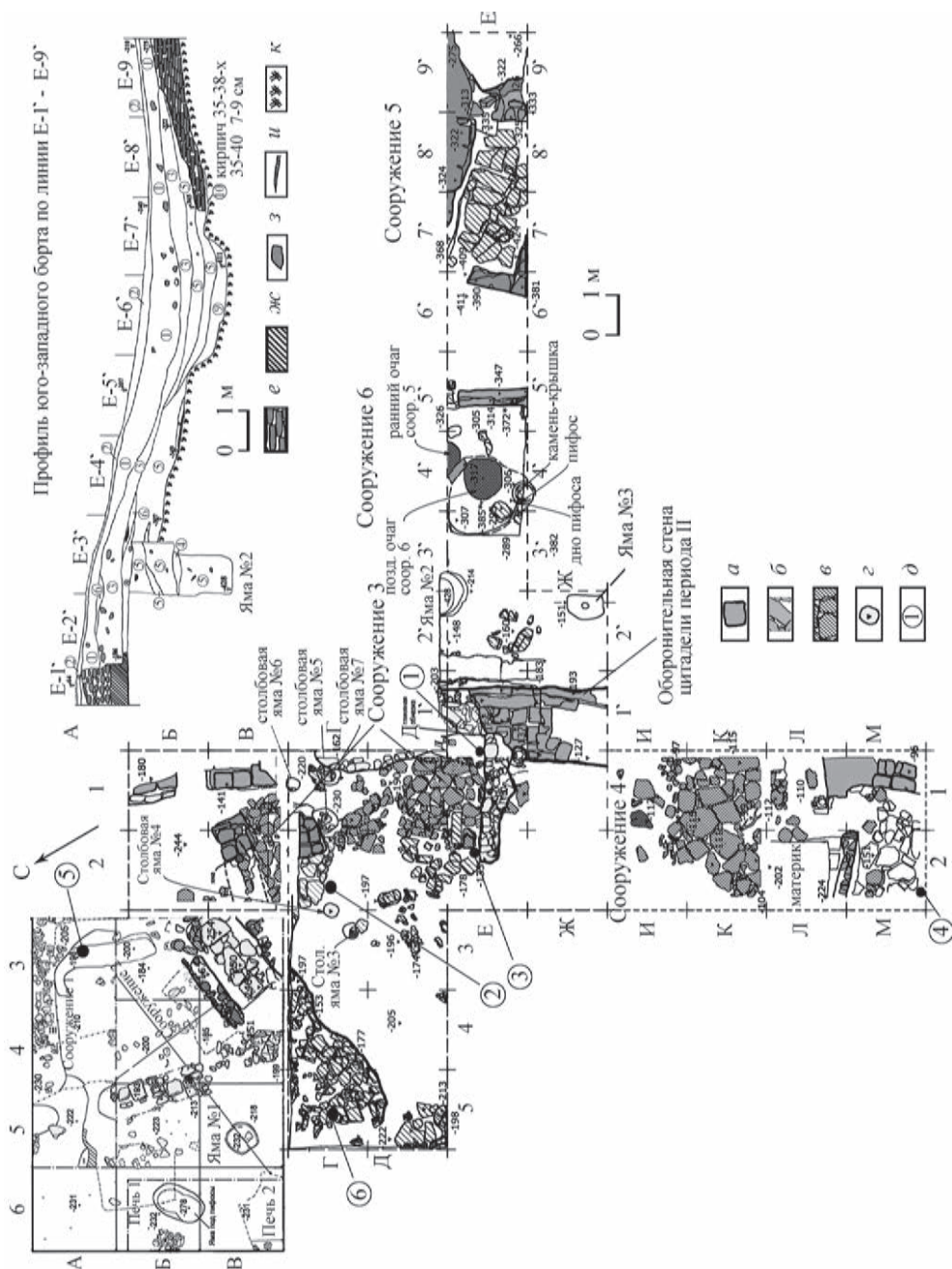
этих напластований, они накапливались в течение времени, предшествующего возведению в пределах рва сооружений финального периода памятника (рис. 3). Возможно, в это время ров, заполненный культурными отложениями предшествующего времени, превращается в улицу, о чем свидетельствует расположение двух сооружений (№ 5 и 6), выявленных в юго-восточной части раскопа.

В результате раскопок городища получен представительный комплекс находок, большую часть которого составляет керамика, в которой выделяются три основных культурных компонента.

1) Сасанидская столовая и тарная керамика, находящая аналогии в слоях Дербента сасанидского времени (*Гаджиев, Будайчиев*, 2013. Рис. 3, 19–24; 6, 11; 7Б, 16; *Гаджиев и др.*, 2016. Рис. 9, 11; 8, 38; 11, 17; 14, 32) и на сасанидских памятниках – городище Торпах-кала V–VI вв. в Южном Дагестане (*Гаджиев, Магомедов*, 2008. Рис. 10, 1–31) и на Гильгильчайской стене, сасанидском оборонительном комплексе, сооруженном в начале VI в. (*Алиев и др.*, 2004. Рис. 18. С. 462). Керамика изготовлена с использованием гончарного круга. Обжиг в окислительной атмосфере: керамика в изломе розового, оранжевого или беловато-бежевого цвета. Наружная поверхность сосудов покрыта белым или бежевым ангобом. Тесто хорошо отмучено, с примесью мелкого песка, шамота и известняковых частиц, пористое, с кавернами от выгоревших примесей. Стационарная тара представлена сосудами сфероконической формы с узким скругленным дном (рис. 4, 9–11); массивные венчики с широкой горизонтальной площадкой украшены валиками с пальцевыми отпечатками или с волнистым оформлением нижнего края (рис. 4, 5–7, 11). Плечики декорированы валиками с пальцевыми отпечатками или косыми оттисками инструмента в виде палочки (рис. 4, 8, 11). Столовые сосуды достаточно разнообразны и представлены рядом специализированных форм. Это – кувшины, орнаментированные по основанию горла и плечикам как поясами желобком и волнистым декором, выполненными инструментом в виде палочки (рис. 5, 3, 5) или многозубчатым штампом (рис. 5, 1, 2, 4), так и оттисками данных инструментов (рис. 5, 2, 5). Встречены также миски (рис. 5, 9, 10), миски с ручкой и сливом (рис. 5, 7), ковш со сливом (рис. 5, 6) и др. Важно подчеркнуть, что в погребениях Паласа-сыртского могильника данная посуда не встречена.

2) Красно- и коричневоглиняная и красноангобированная столовая посуда, а также местная тара с рифлением наружной поверхности (традиции Кавказской Албании). Керамика изготовлена с использованием гончарного круга. Обжиг, как правило, в окислительной атмосфере.

Тарные сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста без видимых примесей или с примесью мелкого песка; стенки в изломе красно-/оранжево-/коричневые, иногда с неравномерным обжигом (середина в изломе – серая). Наружная поверхность покрыта горизонтальным рифлением, выполненным многозубчатым гребнем (рис. 6, 1–5), внутри – сплошное рифление в разных направлениях. Сосуды сфероконической формы, со слабовогнутым дном (рис. 6, 5, 6) и сравнительно массивным подтреугольным в сечении венчиком (рис. 6, 1–4). Плечики декорированы налепными валиками, украшенными оттисками палочки или многозубчатого штампа (рис. 6, 1, 3–6). Фрагменты данной тары происходят из раскопок Дербента (*Гаджиев и др.*, 2016. Рис. 4, 13; 9, 13; 11, 10).

Красноглиняная столовая керамика. Среди данной группы сосудов преобладают кувшины (рис. 7, 1–12). Тесто тонко отмучено, без видимых примесей; наружная поверхность покрыта лощением (рис. 7, 1–3, 10–13). Слив нередко декорирован небольшими круглыми налепами, имитирующими глаза (рис. 7, 1–6); плечики орнаментированы волнистым декором (рис. 7, 10, 11). Этот вид керамики имеет значительное количество аналогий в синхронных слоях Дербента (*Гаджиев, Будайчиев*, 2013. Рис. 6, 17, 18, 20; 9, 33; *Гаджиев и др.*, 2016. Рис. 4, 13–16; 8, 39; 9, 27; 10, 24; 12, 20). Достаточно большое количество фрагментов принадлежит кувшинам, тулово и горло которых покрыто каннелированным орнаментом (рис. 7, 4–9); появление данной разновидности кувшинов можно отнести ко времени не позднее второй половины IV в. (*Малашев и др.*, 2015. С. 112), верхняя граница может опираться на поздние комплексы городища (первая половина VII в.). Фрагменты данных кувшинов хорошо представлены в напластованиях Дербента позднеалбанского и сасанидского времени (*Гаджиев, Будайчиев*, 2013. Рис. 3, 1–7; 6, 20–25, 52; 7Б, 11; 9, 23–31; *Гаджиев и др.*, 2016. Рис. 4, 17–20; 9, 5–7, 28; 11, 2, 3; 12, 23; 14, 27, 31), а также в незначительном количестве на сасанидском городище Торпах-кала (*Гаджиев, Магомедов*, 2008. Рис. 10, 32–36). Красноангобированная столовая посуда (тонкоотмученное тесто без видимых примесей, с лощением поверх ангоба) встречается редко. Это находит соответствие с количеством данной керамики в Дербенте, где ее процент резко уменьшается в напластованиях сасанидского времени (*Гаджиев*, 1984. С. 66).

Сероглиняная столовая посуда, изготовленная из тонкоотмученного теста без видимых примесей, достаточно редка и не унифицирована (рис. 7, 14–16). Сравнительно малочисленная группа – кухонная сероглиняная посуда (рис. 8, 1–5) – отличается более рыхлым тестом и добавками шамота и крупного песка / дресвы. Важные диагностические признаки – покрытие наружной поверхности «расчесами» (рис. 8, 1, 2) или обмазкой жидкой глины (рис. 8, 4, 5). Последний способ обработки наружной поверхности является характерным признаком керамики Дагестана, встречающимся от раннебронзового времени до финала албанской эпохи (*Давудов*, 1996. С. 96).

Рис. 3. Общий план раскопа 1 (2011–2015 гг.)

Условные обозначения к общему плану раскопа: а – сырцовые кирпичи; б – каменная кладка; в – каменная вымостка; г – столбовые ямки; д – индивидуальные находки: 1 – бронзовая накладка в виде крылатого коня; 2 – бронзовый наконечник ремня; 3 – костяная флейта; 4 – бронзовая фибула; 5 – фрагмент бронзового зеркала; б – фрагмент верхней части стеклянного сосуда.

Условные обозначения к профилю: е – фас стены из сырцового кирпича; ж – стена из сырцового кирпича в разрезе; з – камни; и – линза золы; к – материк; 1 – плотный суглинок с супесчаными натеками; 2 – плотный гумусированный суглинок серо-коричневого цвета; 3 – плотный комковатый суглинок серого цвета; 4 – плотный комковатый суглинок коричневого цвета; 5 – рыхлый комковатый суглинок зеленовато-коричневого или коричневого цвета с включениями карбонатов; 6 – плотная супесь серо-зеленого цвета; 7 – плотный комковатый суглинок с большим количеством кусков обожженной глины; 8 – обожженная плотная глина красного цвета; 9 – плотный суглинок зеленовато-коричневого цвета; 10 – рыхлый комковатый суглинок зеленовато-коричневого цвета

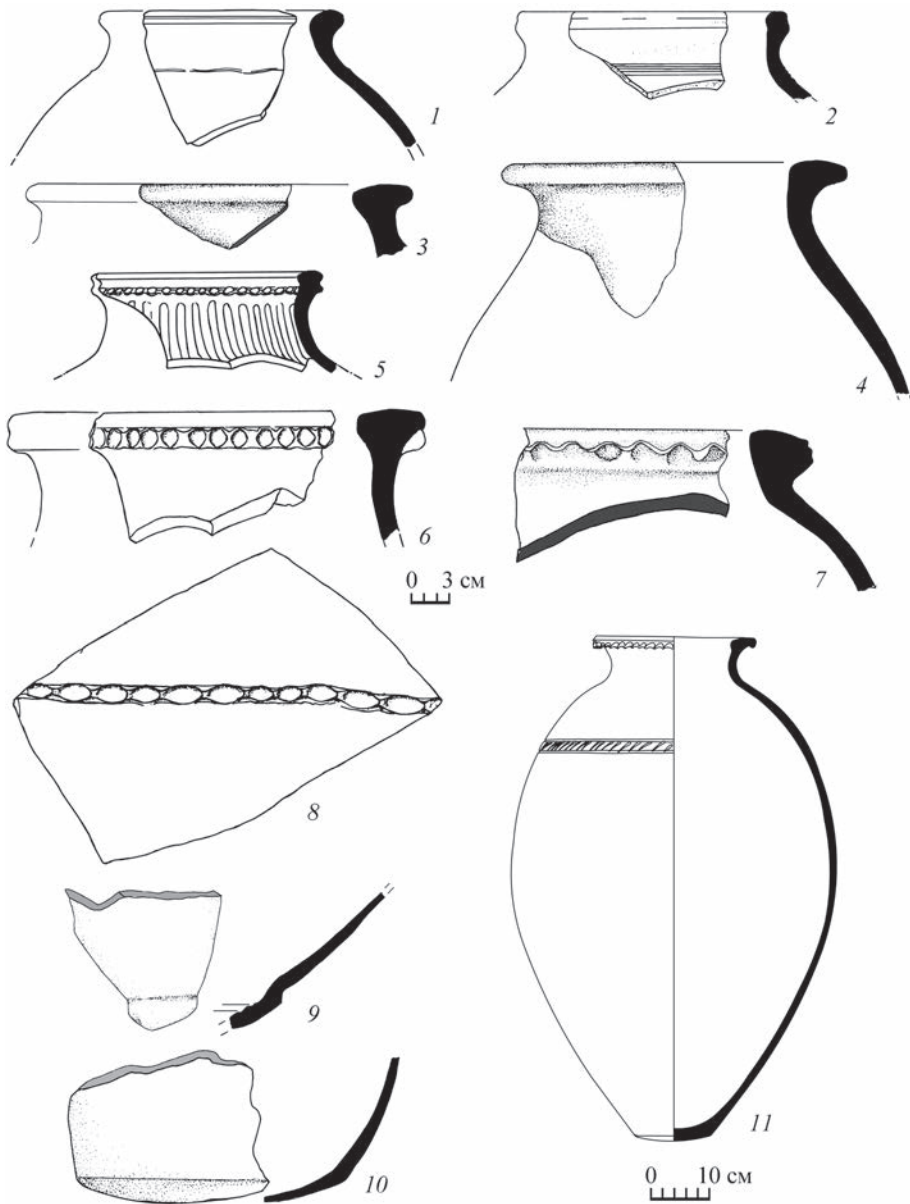

Рис. 4. Тарная керамика 1-го Паласа-сыртского городища сасанидской традиции

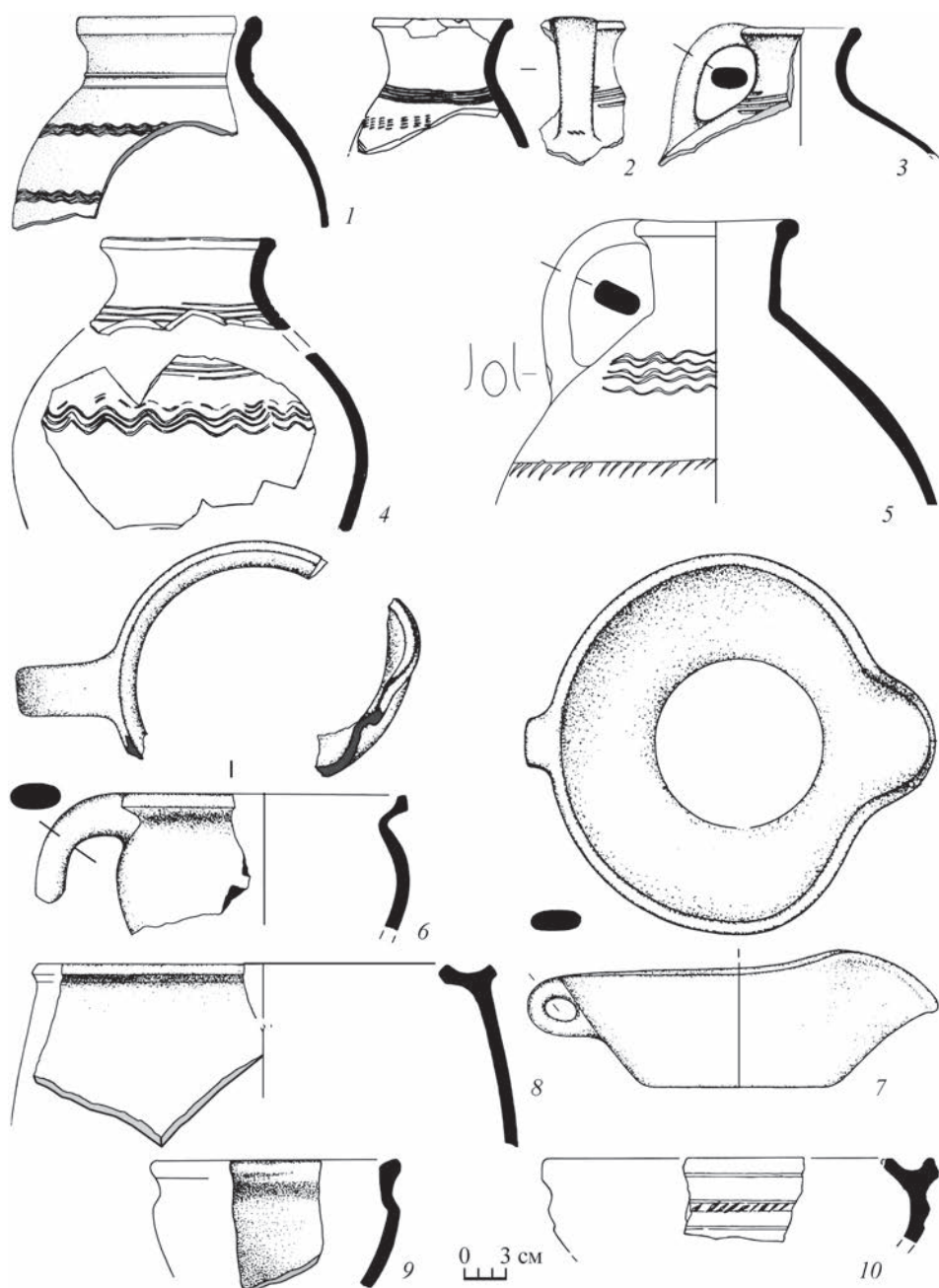

Рис. 5. Столовая посуда 1-го Паласа-сыртского городища сасанидской традиции

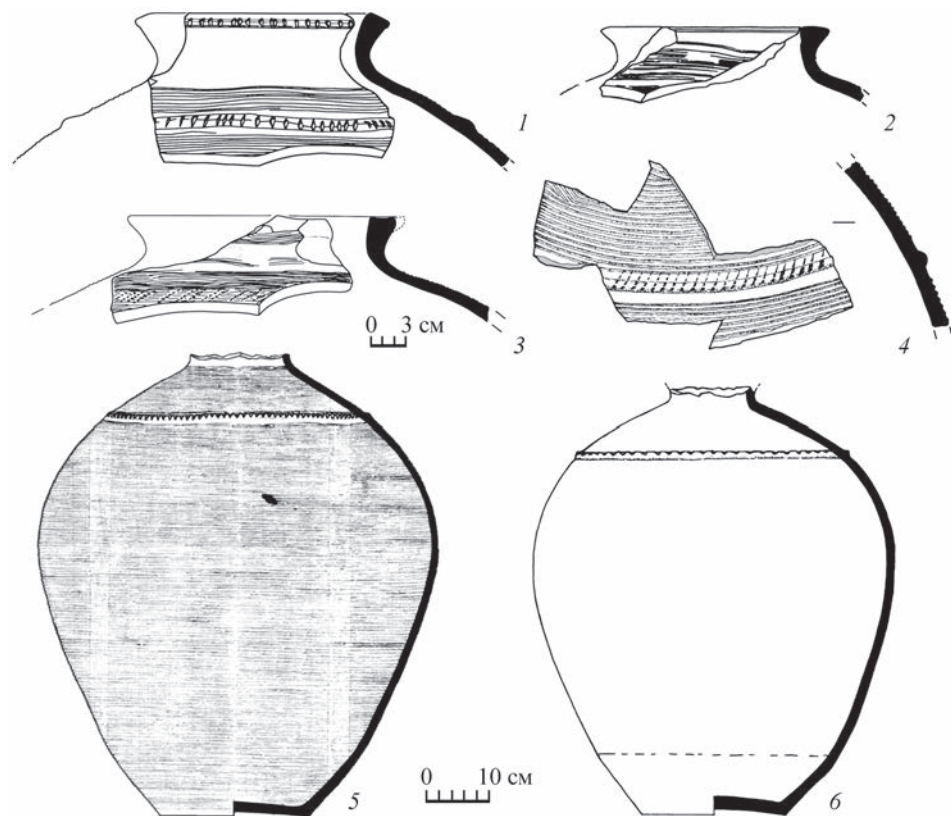
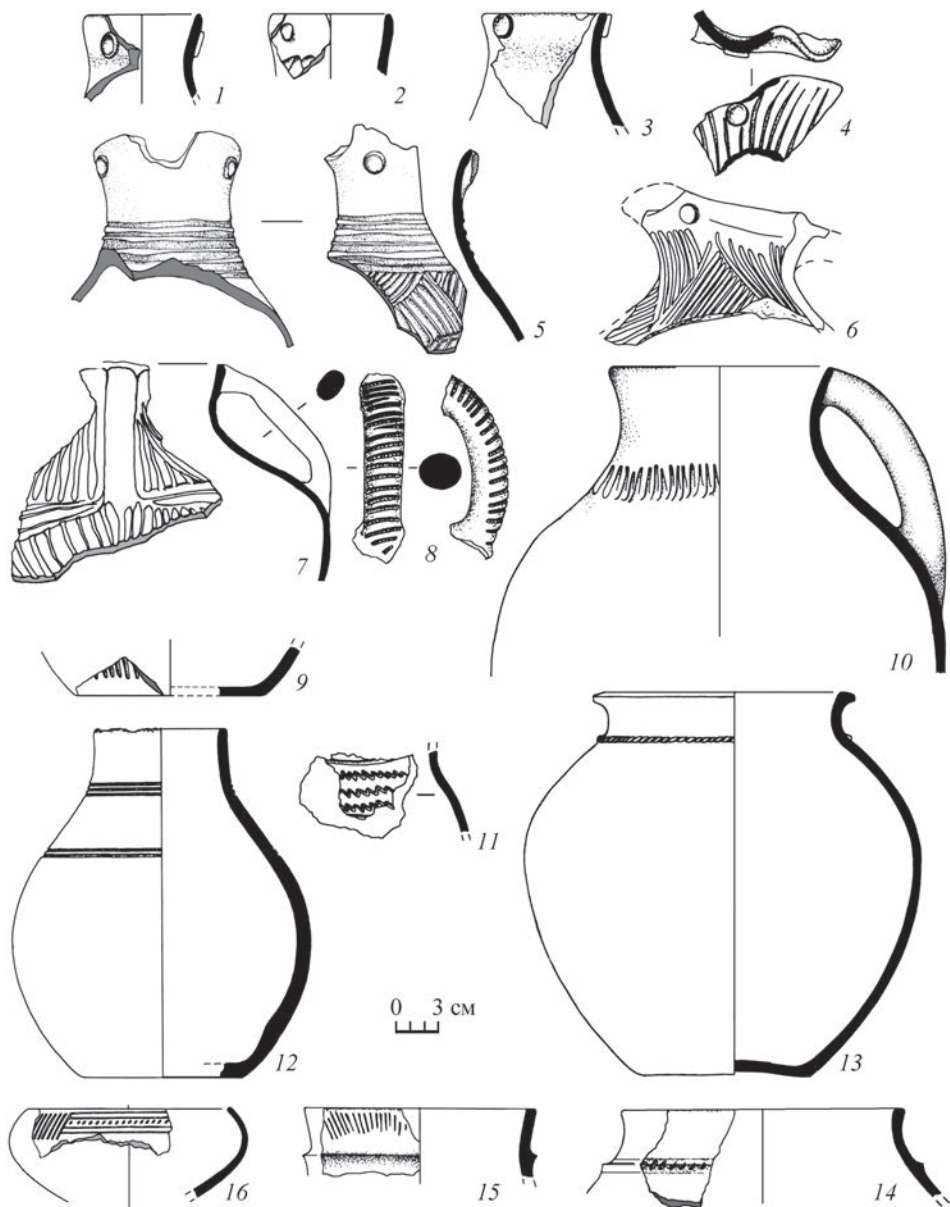

Рис. 6. Тарная керамика 1-го Паласа-сыртского городища
традиции Кавказской Албании

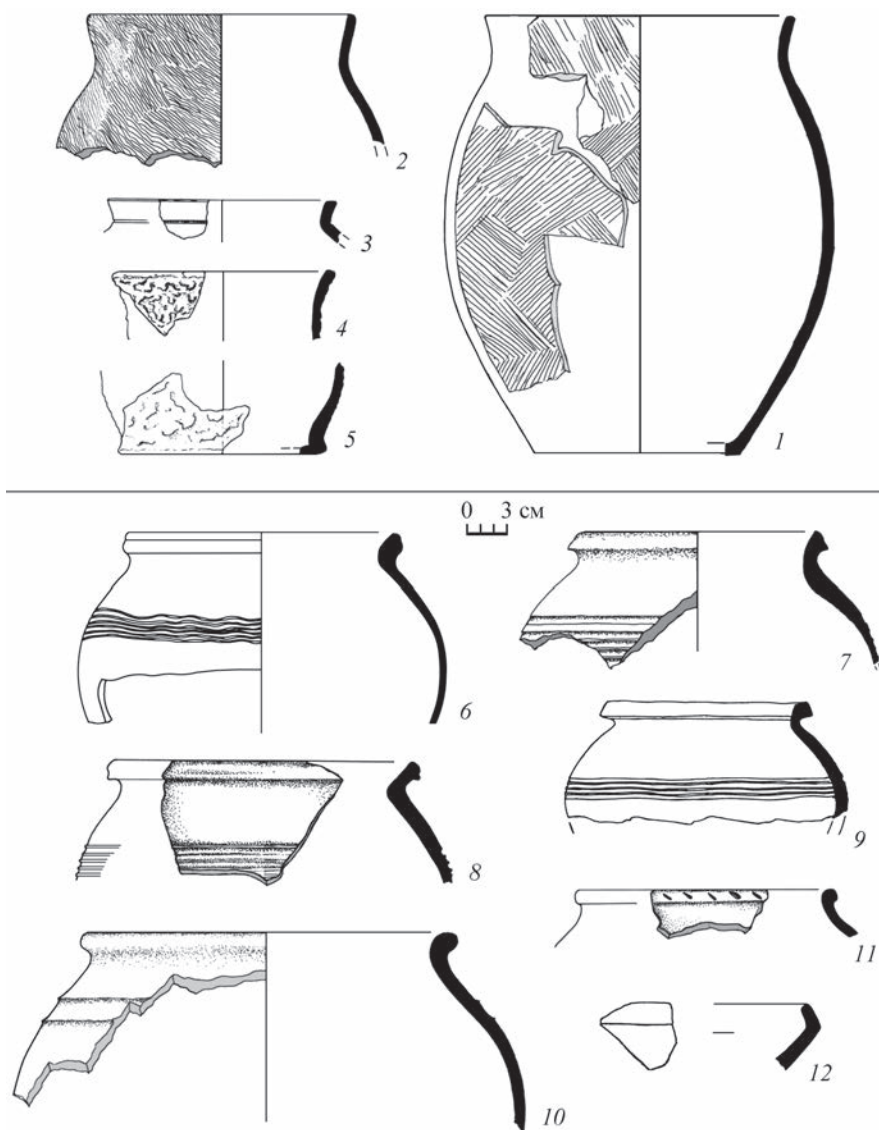
3) Сероглиняная столовая и кухонная керамика, изготовленная с использованием гончарного круга и характерная для памятников типа Андрейаульского городища и аланской культуры Северного Кавказа. Тесто хорошо отмучено; глина столовой керамики (рис. 8, 12) – без видимых примесей или с примесью песка, кухонной – с примесью песка или измельченного ракушечника (рис. 8, 6–11). Технологически (обжиг, состав примесей) и морфологически (форма горшков, декор плечиков в виде пояса желобков или наlepных валиков, а также орнаментация венчиков насечками) данная группа посуды имеет исходные прототипы в памятниках Терско-Сулакского междуречья и в восточных районах аланской культуры (Гмыря, 1980; Малашев и др., 2015. С. 112–113). Надо отметить, что аналогичные горшки встречены в слое Дербента IV–VI вв. (Гаджиев, Будайчиев, 2013. Рис. 5, 1–5).

Отметим также наличие в нижних напластованиях фрагментов керамики каякентско-харачоевской культуры, свидетельствующей об обживании площади городища еще в позднебронзовое время.

0 3 cm

Рис. 7. Столовая посуда 1-го Паласа-сыртского городища традиции Кавказской Албании

**Рис. 8. Кухонная посуда традиции Кавказской Албании
и посуда традиции памятников типа Андрейаульского городища**

1–5 – кухонная посуда 1-го Паласа-сыртского городища традиции Кавказской Албании;
кухонная (6–11) и столовая (12) посуда 1-го Паласа-сыртского городища традиции памятников типа Андрейаульского городища

Индивидуальные находки представлены бронзовой двучленной прогнутой подвязной фибулой (рис. 2, 1), бронзовым литым «геральдическим» наконечником ремня с боковыми вырезами (рис. 2, 3), а также фрагментом бронзового зеркала с рельефным орнаментом (рис. 2, 2), бронзовой накладкой в виде крылатого коня (рис. 2, 4), обнаруженной к контексте финального периода существования памятника и имеющей серию аналогий на территории Дагестана (*Гаджиев, Давудов*, 2012), костяной флейтой (рис. 2, 6), бусами из стекла, фаянса и горного хрусталя, фрагментами каменных зернотерок и жерновов, дисковидными пряслицами из стенок сосудов, костяными проколками с боковым пазом, орудиями из кремня.

Бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула с пластинчатым корпусом, образующим кольцо-держатель для оси пружины (рис. 2, 1), соотносится с застежками серии 16–3–I (конец IV – VI в.) (*Амброз*, 1966. С. 57, 68). И. О. Гавритухиным они были выделены в блок серий I (*Гавритухин*, 2015. С. 217–218). Небольшая, но выразительная серия аналогичных застежек происходит из погребальных комплексов Паласа-сыртского могильника (*Малашев и др.*, 2015. Рис. 199, 1–7). На сегодняшний день нет оснований рассматривать их датировку ранее конца IV в. (Там же. С. 88–89), верхняя граница может уходить во вторую половину VI в. (*Ковалевская*, 2005. Рис. 90, 29; *Гавритухин*, 2001а. С. 43), однако на сегодняшний день на территории Дагестана пока неизвестны находки подобных застежек позже середины V в.

Небольшой бронзовый наконечник ремня с боковыми вырезами (рис. 2, 3). Подобные и близкие ему наконечники выделены И. О. Гавритухиным² в варианты 2 и 3 малых «геральдических» наконечников с боковыми вырезами, распространенными главным образом в Крыму и на Северном Кавказе (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 31. Рис. 43; 44). На Кавказе их хронология специально не изучалась; в Крыму они датировались в рамках VII в. (*Айбабин*, 1990. С. 55. Рис. 2, *пр.* 103). Однако эти комплексы были передатированы И. О. Гавритухиным и отнесены к первым десятилетиям VII в. (*Гавритухин, Обломский*, 1996. Рис. 68а, 103; 72, *зр.* 3; 90). Сейчас появление данных наконечников он датирует более ранним временем. В частности, датировка наконечника варианта 3 из погребения 1 склепа 107 могильника Скалистое (*Веймарн, Айбабин*, 1993. С. 12–13. Рис. 5, 14–15) определяется по пряжке типа Сучидава, основное время производства и использования которых приходится на середину – вторую половину VI в., хотя единично они могли использоваться и позже (*Shulze-Dörrlam*, 2009. S. 149–151; *Гавритухин*, 2009). Нижнюю границу подтверждают находки стилистически близких наконечников в комплексах из Лучистого, датированных второй половиной VI в. (*Хайрединова*, 2003. С. 133). После третьей четверти VII в. «геральдические» гарнитуры, если не считать отдельных регионов и форм (часто локальных), выходят из употребления (*Гавритухин*, 2005), притом что рассматриваемые наконечники относятся не к позднейшим типам. Наиболее близкой аналогией наконечнику из Паласа-сырта является находка из катакомбы 89 Мокрой Балки (*Афанасьев, Рунич*, 2001. Рис. 99, 13), комплекс

² Выражаем глубокую благодарность И. О. Гавритухину за исчерпывающую консультацию по данному вопросу.

из которой датирован около 620/630 – 650/670 гг. (Малашев, 2001. Рис. 58; Гавритухин, 2001а. С. 48).

На памятнике найдено несколько фрагментов стеклянных сосудов. Среди них следует отметить верхнюю часть слегка закрытого сосуда из зеленого стекла, декорированного несмыкающимися шлифованными овалами (рис. 2, 5). Судя по всему, это – часть чаши, форма которой близка усеченно-сферической³. Такие чаши, как и их аналоги, украшенные смыкающимися овалами, шестиугольниками и т. д., связываются с мастерскими Сасанидского Ирана. Данные сосуды, украшенные несмыкающимися овалами, специалистами датируются IV–VI вв. (Whitehouse, 2005. Р. 44), VI–VII вв. или позднесасанидским временем (Simpson, 2005. Р. 148). Целая форма с верхней частью, близкой паласа-сыртской, известна на городище Судаглылан (Мингечаур) в Азербайджане в слое с монетами от Кавада I (484?, 488–496, 499–531 гг.) до Хосрова II (590, 591–628 гг.) (Баудов, 1954. Рис. 59, 5. С. 130–136). Хронологический репер дает также погребение у хут. Дружба, датированное около первой половины VII в. (Гавритухин, 2001б. Рис. 9, 10; 16. С. 36–40, 61). Еще одна находка происходит из кат. 360 Клинья-Яр III (Belinskij, Härke, в печати). В аналитической части к этой публикации данный комплекс отнесен к группе Ша и датирован 620/630 – 670/680 гг. (см. также: Малашев, 2001. Рис. 58; 62; Гавритухин, 2001а. С. 48). В немногочисленных достоверных комплексах IV–V вв. сасанидские сосуды, украшенные шлифовкой, имеют форму, отличную от паласа-сыртской (Simpson, 2007. Р. 64; An Jiayao, 2004. Р. 61). Подобные сосуды упоминаются в контексте находок раннеисламского времени (Джанполадян, 1974. С. 31–32; там литература), однако на этих памятниках присутствуют и более ранние слои, что не исключает примеси раннего материала. Таким образом, чаши, аналогичные рассматриваемой, бытовали в VI – первой половине VII в., но не исключено их появление в V в. Отметим также находку фрагмента аналогичного сосуда на городище Торпах-кала (Гаджиев, Магомедов, 2008. Рис. 11, 3), идентифицируемом с сасанидским городом Шахристан-и Йездигерд (см. ниже).

На основании анализа стратиграфии и комплекса находок выделяются три периода существования памятника.

1-й период городища связан со временем до появления или с началом появления на этой территории носителей культурного комплекса памятников типа «Львовские – Паласа-сырт», что маркируется присутствием в ранних напластованиях посуды, аналогичной керамике могильника, а также стратиграфической позицией усадьбы городища, перекрытой одним из курганов. С этим периодом, очевидно, связана находка бронзовой двучленной прогнутой подвязной фибулы с пластинчатым корпусом, образующим кольцо-держатель для оси пружины (рис. 2, 1). К данному периоду можно отнести фортификационные укрепления в виде рвов, характерных для варварских памятников Северного Кавказа, в частности городищ аланской культуры (Аржанцева, Деоник, 1989. С. 76. Рис. 1). Хронологические рамки 1-го периода – середина (первая половина) IV –

³ Выражаем глубокую благодарность И. О. Гавритухину за помощь в атрибуции данного предмета. В настоящее время им готовится публикация, посвященная анализу хронологии данных сосудов.

середина V в. В это время городище, видимо, являлось политическим центром, на котором могла находиться ставка вождя племенного союза «страны маскутов», и/или являлось культовым центром данного союза, а Паласа-сыртский курганный могильник являлся центральным кладбищем этого союза, где совершались захоронения представителей отдельных родов и др., входивших в данное объединение (*Малашев и др.*, 2015. С. 119).

Наличие поселенческих памятников (Паласа-сыртского поселения и 1-го Паласа-сыртского городища), скорее всего имеющих непосредственное отношение к Паласа-сыртскому могильнику, позволяет ставить вопрос о присутствии оседлого компонента среди населения, оставившего данный некрополь, что может отражать сложную социальную структуру данного общества. Культурная основа компонента оседлого населения точно не ясна. Тем не менее в его составе можно предположить наличие носителей аланской культуры центральных районов Северного Кавказа, для хозяйственно-культурного типа которой характерна оседлая основа большей части населения, о чем свидетельствует наличие крупных городищ («протогородов»), ремесленного производства и др. (*Малашев*, 2014). В пользу данного предположения свидетельствуют находки в составе погребального инвентаря Паласа-сыртских курганов сосудов, представляющих собой реплики центральнокавказской керамики IV – начала V в., а также близкие параллели в погребальной обрядности курганных некрополей центральнокавказских городищ, с одной стороны, и Паласа-сыртского курганного могильника, связанного с одноименным городищем, – с другой.

2-й период относится ко времени возведения Сасанидским Ираном в 440-х гг. сырцовой оборонительной системы в Дербенте и строительства Йездигердом II города Шахристан-и Йездигерд (Белиджинское городище Торпах-кала, находящееся в 5 км от 1-го Паласа-сыртского городища), по М. С. Гаджиеву (*Гаджиев*, 2001; *Гаджиев, Магомедов*, 2008). К этому же времени относится окончание функционирования Паласа-сыртского могильника, что может рассматриваться как результат вытеснения Ираном маскуто-аланского населения с территории к югу от Дербента (*Малашев и др.*, 2015. С. 154). 1-е Паласа-сыртское городище в это время становится крепостью, являвшейся, по всей видимости, частью оборонительной системы приграничных областей Сасанидского государства. Цитадель городища по периметру обносится сырцовой стеной толщиной около 2 м, сложенной из кирпича размерами от 36 (37) × 37 до 39 × 39 (40) см и толщиной 8–9 см. Культурный слой содержит значительное количество сасанидской столовой и тарной керамики.

3-й период характеризуется превращением крепости в бытовой памятник. В это время разбирается верх оборонительной стены, а сырцовые кирпичи, наряду с крупными камнями и речной галькой, используются в строительстве зданий 3-го периода. В сохранившуюся нижнюю часть крепостной стены «врезаются» каменные стены сооружения № 3 (рис. 3). Площадь внутреннего рва, который к тому времени заполняется культурными слоями предшествующего периода, используется для строительства каменных и сырцовых сооружений (№ 5 и 6) (рис. 3). В строительстве используется обожженный кирпич. Количество сасанидской столовой и тарной керамики в слоях 3-го периода достаточно велико. Верхняя граница существования памятника определяется по находке

на полу сооружения № 3 небольшого бронзового наконечника ремня с боковыми вырезами (рис. 2, 3), хронологическая оценка которого (вторая половина VI – первая половина VII в.) корреспондируется по времени с арабским завоеванием территории Южного Дагестана в 40–50-х гг. VII в. или связана с непосредственно предшествующей эпохой.

2-й и 3-й периоды памятника относятся ко времени сасанидского господства на данной территории и суммарно датируются серединой V – первой половиной VII в. Точное время изменения статуса памятника – из крепости в рядовое поселение (граница между периодами 2 и 3) – определить сложно. В качестве предположения, это могло произойти после 60-х гг. VI в., когда в правление Хосрова I Ануширвана было завершено строительство оборонительной системы Дербента в виде каменной цитадели, двух каменных стен, перекрывающих проход, и горной стены и вследствие этого отпала необходимость содержания больших крепостей к югу от данного «укрепрайона».

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.*, 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 1 / Ред. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 3–86.
- Алиев А. А., Алиев И. Н., Гаджиев М. С., Гейтнер М. Г., Кол Ф. Л., Магомедов Р. Г.*, 2004. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. № 14. С. 441–465.
- Амброз А. К.*, 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. 139 с. (САИ; Вып. Д1–30.)
- Аржанцева И. А., Деоник Д. В.*, 1989. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (археологические источники) / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.*, 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. М.: Научный мир. 250 с.
- Вайдов Р. М.*, 1954. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // КСИА. Вып. 54. С. 127–139.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И.*, 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 204 с.
- Гавритухин И. О.*, 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // *Малашев В. Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. С. 40–49.
- Гавритухин И. О.*, 2001б. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма) / Ред.: Д. А. Сташенков, А. Ф. Кочкина, Л. В. Кузнецов. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей. С. 31–86.
- Гавритухин И. О.*, 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата // Хазары. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры. С. 378–426. (Евреи и славяне; т. 16.)
- Гавритухин И. О.*, 2009. Элементы «Юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава) // *Studia antiqua et medievalia: Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata* / Ed. D. Aparaschivei. București: Editura Academiei Române. С. 153–183.
- Гавритухин И. О.*, 2015. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240. (PCM; вып. 16.)
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. 296 с. (PCM; вып. 3.)

- Гаджиев М. С., 1984. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала: ДФ АН СССР. С. 47–72.
- Гаджиев М. С., 2001. Городище Торпах-кала // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред.: А. З. Винников, Т. И. Макарова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. С. 32–40.
- Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., 2013. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 108–129.
- Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдуллаев А. М., 2016. Раскопки Дербентского поселения в 2013 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 144–173.
- Гаджиев М. С., Давудов Ш. О., 2012. Образ крылатого коня на зооморфных бляшках из Дагестана // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ. С. 295–298.
- Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г., 2008. Торпах-кала – куро-аракское поселение и сасанидское городище в Южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока / Ред.: Н. Я. Мерперт, С. Н. Корневский. М.: Таус. С. 276–297.
- Гмыря Л. Б., 1980. Кухонные горшки Андрейаульского городища // СА. № 1. С. 306–313.
- Давудов О. М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала: ДНЦ РАН. 428 с.
- Джанполадян Р. М., 1974. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. 76 с. (Археологические памятники Армении; 7). (Средневековые памятники; вып. II).
- Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 397 с.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 149 с.
- Малашев В. Ю., 2014. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. // КСИА. Вып. 234. С. 72–83.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганские могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.
- Хайрединова Э. А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь: Таврия. С. 125–160.
- An Jiayao, 2004. The art of glass along the silk road // China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD. New York: Metropolitan Museum of Art. P. 57–65.
- Belinskij A., Härke H. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar: excavations 1994–96. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut. (Forschungen in Eurasien series). (In print.)
- Shulze-Dörrlamm M., 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 258 S. (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer; Bd. 30, 1.)
- Simpson St. J., 2005. Sasanian glass from Nineveh // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London, 2003). Nottingham: AIHV. P. 146–151.
- Simpson St. J., 2007. From San Marco to South Arabia: Observations on Sasanian Cut Glass // Facts and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on his 65th Birthday / Ed. by A. Hagedorn, A. Shalem, S. Heidemann. Leiden; Boston: Brill. P. 59–88.
- Whitehouse D., 2005. Sasanian and post Sasanian glass in the Corning Museum of glass. Corning, N. Y.: Corning Museum of Glass et al. 112 p.

Сведения об авторах

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru;

Болелов Сергей Борисович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бул., 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: bsb1958@ya.ru

V. Yu. Malashev, S. B. Bolelov

THE 1st PALASA-SYRT FORTIFIED SETTLEMENT IN SOUTHERN DAGESTAN

Abstract. The 1st Palasa-syrt settlement with an area of one hectare is 20 km south of Derbent. The excavations revealed occupation layers up to 1.5 m thick reflecting three stages of the site occupation. The first period is dated to the middle (the first half) of the 4th–mid-5th centuries. Fortifications in the form of two ditches date back to this period. The fortified settlement played the role of a political center, which, probably, functioned as a residence of the tribal union chieftain of the Maskut country and/or a cult center of this union. The second period coincides with the period when Sasanian Iran built a mud-brick defensive system in Derbent in 440s and constructed the city of Shakhriston-i Yazdegerd (Belindzhi fortified settlement (Torpakh-kala)). The Palasa-Syrt burial ground was not used anymore, probably, because Iran had squeezed out the Maskut-Alan population from the area south of Derbent. The fortified settlement was reconstructed into a fortress that formed part of a defensive system built in the frontier areas of the Sasanian state. During the 3rd period the fortification site was turned into a residential site. The upper chronological boundary of the period, which is the first half of the 7th century, corresponds to the time when Arabs conquered Southern Dagestan in 740s–750s.

Keywords: Southern Dagestan, early medieval period, Caucasian Albania, Sasanian Iran, Maskuts.

REFERENCES

- Afanas'ev G. E., Runich A. P., 2001. Mokraya Balka [Mokraya Balka], 1. Moscow: Nauchnyy mir. 250 p.
- Aliev A. A., Aliev I. N., Gadzhiev M. S., Geytner M. G., Kohl F. L., Magomedov R. G., 2004. Novye issledovaniya Gil'gil'chayskoy oboronitel'noy steny [New investigations of Gil'gil'chay defensive wall]. *PIFK*, 14, pp. 441–465.
- An Jiayao, 2004. The art of glass along the Silk road. *China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD*. New York: Metropolitan Museum of Art, pp. 57–65.
- Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of South of European part of the USSR. II c. BC – IV c. AD]. Yu. V. Kukharenskiy, ed. Moscow: Nauka. 139 p. (SAI.)
- Arzhantseva I. A., Deopik D. V., 1989. Zilgi – gorodishche nachala I-go tysyacheletiya n. e. na styke stepi i predgoriy v Severnoy Osetii [Zilgi – fortified settlement of early Ist millennium AD in contact zone of steppe and foothills in North Ossetia]. *Uchenye zapiski Komissii po izucheniyu pamyatnikov tsivilizatsiy drevnego i srednevekovogo Vostoka Vsesoyuznoy assotsiatsii vostokovedov (arkheologicheskie istochniki)* [Scientific notes of Commission for investigation of sites of civilizations of ancient and medieval Orient, All-Union association of specialists in Oriental studied (archaeological sources)]. G. A. Koshelenko, S. A. Uzyanov, eds. Moscow: Nauka, pp. 75–107.
- Aybabin A. I., 1990. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean cemeteries of Late Roman and Early medieval time]. *MAIET*, 1, pp. 3–86.
- Belinskij A., Härke H. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar: excavations 1994–96. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut. (Forschungen in Eurasien series). (In print.)
- Davudov O. M., 1996. Material'naya kul'tura Dagestana albanskogo vremeni [Material culture of Dagestan in Albanian time]. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN. 428 p.
- Dzhanpoladyan R. M., 1974. Srednevekovoe steklo Dvina IX–XIII vv. [Medieval glass of Dvin, IX–XIII cc.]. Erevan: AN Armyanskoy SSR. 76 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Armenii, 7). (Srednevekovye pamyatniki, II).

- Gadzhiev M. S., 1984. Stolovaya keramika Yuzhnogo Dagestana rubezha albanskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Fine ware of South Dagestan of the turn of Albanian and early medieval time]. *Drevnie promysly, remeslo i trgovlya v Dagestane* [Ancient trades, craft and commerce in Dagestan]. M. M. Mammaev, ed. Makhachkala: Dagestanskiy filial AN SSSR, pp. 47–72.
- Gadzhiev M. S., 2001. Gorodishche Torpakh-kala [Fortress Toprakh-kala]. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy lesostepi* [Archaeology of East European forest-steppe], 15. *Srednevekovye drevnosti evraziyskikh stepey* [Medieval antiquities of Eurasian steppes]. A. Z. Vinnikov, T. I. Makarova, eds. Voronezh: Voronezhskiy universitet, pp. 32–40.
- Gadzhiev M. S., Budaychiev A. L., 2013. Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2012 g. [Excavations of Derbent settlement in 2012]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of Institute of History, archaeology and ethnography], 4. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 108–129.
- Gadzhiev M. S., Budaychiev A. L., Abdullaev A. M., 2016. Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2013 g. [Excavations of Derbent settlement in 2013]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of Institute of History, archaeology and ethnography], 1. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 144–173.
- Gadzhiev M. S., Davudov Sh. O., 2012. Obraz krylatogo konya na zoomorfnykh blyashkakh iz Dagestana [Image of winged horse on zoomorphic plaques from Dagestan]. *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: researches and interpretations. XXVII Krupnov readings: transactions of international scientific conference]. Makhachkala: Mavraev, pp. 295–298.
- Gadzhiev M. S., Magomedov R. G., 2008. Torpakh-kala – kuro-arakskoe poselenie i sasanidskoe gorodishche v Yuzhnom Dagestane [Torpakh-kala – Kura-Araxes settlement and Sasanian fortress in Southern Dagestan]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [Archaeology of Caucasus and Near East]. N. Ya. Merpert, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 276–297.
- Gavritukhin I. O., 2001a. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodization of early medieval antiquities of Kislovodsk depression based on pottery in light of investigation of metal items]. *Malashev V. Yu. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka* [Pottery of early medieval cemetery Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN, pp. 40–49.
- Gavritukhin I. O., 2001b. Evolyutsiya vostochnoevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of East European pseudo-buckles]. *Kul'tura evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (iz istorii kostyuma)* [Culture of Eurasian steppes of second half of I millennium AD (from history of costume)]. D. A. Stashenkov, A. F. Kochkina, L. V. Kuznetsov, eds. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 31–86.
- Gavritukhin I. O., 2005. Khronologiya epokhi stanovleniya khazarskogo kaganata [Chronology of Khazar khanate on formation stage]. *Khazary* [The Khazars]. Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty kul'tury, pp. 378–426. (Evrei i slavyane, 16.)
- Gavritukhin I. O., 2009. Elementy «Yustinianovskogo» voinskogo stilya u severnykh varvarov (pryazhki tipa Suchidava) [Elements of «Justinian» military style among northern barbarians (buckles of Sucidava type)]. *Studia antiqua et medievalia: Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata*. D. Aparaschivei, ed. București: Editura Academiei Române, pp. 153–183.
- Gavritukhin I. O., 2015. Fibuly epokhi Velikogo pereseleniya narodov, naydennye v Ksizovo [Fibulae of Great Migration period found in Ksizovo]. *Ostraya Luka v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [The past of Ostraya Luka of the River Don: Archaeological complex of sites of Hun period near village Ksizovo (late IV – V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 212–240. (RSM, 16.)
- Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural-historical context]. Moscow: IA RAN, 296 p. (RSM, 3.)
- Gmyrya L. B., 1980. Kukhonnye gorshki Andreyaul'skogo gorodishcha [Kitchen pots of Andrey aul fortified settlement]. *SA*, 1, pp. 306–313.
- Khayredinova E. A., 2003. Obuvnye nabory V–VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Footwear sets of V–VII cc. from South-western Crimea]. *MAIET*, X, pp. 125–160.

- Kovalevskaya V. B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Caucasus – Scythians, Sarmatae, Alans. I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 397 p.
- Malashev V. Yu., 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Ceramics of early medieval cemetery Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN. 149 p.
- Malashev V. Yu., 2014. Alanskaya kul'tura Severnogo Kavkaza: problema ranney gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II–IV vv. n. e. [Alanian culture in the Northern Caucasus: the question of the early state formations among the population of the region in the 2nd – 4th cc. AD]. *KSIA*, 234, pp. 72–83.
- Malashev V. Yu., Gadzhiev M. S., Il'yukov L. S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n. e. [Land of Maskuts in West Caspian region. Kurgan cemeteries of Caspian Dagestan of III–V cc. AD]. Makhachkala: Mavraev". 452 p.
- Shulze-Dörrlamm M., 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 258 p. (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer, 30, 1.)
- Simpson St. J., 2005. Sasanian glass from Nineveh. *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (2003)*. Nottingham: Association internationale pour l'histoire du verre, pp. 146–151.
- Simpson St. J., 2007. From San Marco to South Arabia: Observations on Sasanian Cut Glass. *Facts and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on his 65th Birthday*. A. Hagedorn, A. Shalem, S. Heidemann, eds. Leiden; Boston: Brill, pp. 59–88.
- Vaidov R. M., 1954. Rannesrednekovoe gorodishche Sudagylan (Mingechaur) [Early medieval fortified settlement Sudagylan (Mingechaur)]. *KSIA*, 54, pp. 127–139.
- Veymarn E. V., Aybabin A. I., 1993. Skalistinskiy mogil'nik [Skalistoe cemetery]. Kiev: Naukova dumka. 204 p.
- Whitehouse D., 2005. Sasanian and post Sasanian glass in the Corning Museum of glass. Corning, New York: Corning Museum of Glass et al. 112 p.

About the authors

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: malashev@yandex.ru;

Bolelov Sergey B., State Museum of Oriental Art, Nikitsky bul., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: bsb1958@ya.ru

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
СЕМИНАРА «ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ СКВОЗЬ ВЕКА:
ИСТОКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ.
ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.»
(ИА РАН, 13–14 ДЕКАБРЯ 2016 г.)

А. Р. Канторович

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ И КОДИРОВАНИЯ
ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ МЕГАОБРАЗА ХИЩНИКА)

Резюме. Актуальной является задача систематизации и классификации нарастающего массива изображений скифо-сибирского звериного стиля, создания единого языка для его описания. В статье представлен алгоритм классифицирования данного источника и обоснована таксономия и иерархия классификационных уровней. Показано, каким образом совокупность изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (в пределах скифской археологической культуры) может быть формализована с помощью буквенно-цифрового кода (на примере мегаобраза хищника). Предлагается применить данные принципы классифицирования и кодирования к остальным локальным вариантам скифо-сибирского звериного стиля, что позволит вести сравнение между ними на единой основе.

Ключевые слова: восточноевропейский скифский звериный стиль, классификация, кодирование изображений, таксономия, иерархия, хищник.

По мере накопления археологического материала особенно актуальным стало решение проблем систематизации и классификации нарастающего массива изображений скифо-сибирского звериного стиля (далее ССЗС). Историография данной проблемы, от классических работ Г. И. Боровки (*Borovka*, 1928) и М. И. Ростовцева (*Rostovtzeff*, 1929) до современности, была представлена автором в специальной статье (*Канторович*, 2014).

С учетом существующего опыта в данной сфере автором ранее был предложен алгоритм классифицирования и обоснована иерархия классификационных

уровней посредством применения искусствоведческих терминов «образ», «сюжет» и «мотив», соотносимых друг с другом как общее и частное (*Канторович*, 1994; 2002; 2011а; 2012).

Понятие образа в этой иерархической цепочке является наиболее общим и имеет два уровня классифицирования в соответствии с природными коннотациями. Первый образный уровень – надвидовой. Именно репертуар ССЗС ограничен четырьмя основными тематическими группами, или мегаобразами: копытные звери, хищные звери, птицы и синкретические животные (грифоны и др.). Остальные крупные таксоны биологического царства животных либо не входят на тематической периферии ССЗС и воплощаются крайне редко (как зайцы, рыбы и др.), либо никогда не изображаются.

Второй образный уровень – конкретно-видовой (или, как максимум, конкретно-родовой).

Следующей ступенью иерархии было предложено считать понятие сюжета (в искусствоведении – конкретное художественное воплощение какого-либо события), в данном случае обозначающее характер действия (или бездействия) изображаемого персонажа: в первую очередь его позу, определяемую, прежде всего, по положению ног (или крыльев у птиц) относительно туловища (1-й сюжетный уровень) и, на следующем уровне классификационного деления, по позиции головы относительно туловища (2-й сюжетный уровень).

Понятие «мотив» применяется, прежде всего, для обозначения элементов логической оппозиции «полнофигурные – редуцированные изображения», хотя данный термин имеет в искусствоведении более широкое значение.

На основании этих принципов автором была осуществлена классификация и типология всех изображений звериного стиля в пределах степной Скифии, опубликованных на тот момент (более 20 лет назад) (*Канторович*, 1994).

Позднее автором был проанализирован и систематизирован (с учетом значительного прироста материала) более широкий массив изображений – в пределах всей скифской археологической культуры Северного Причерноморья и Северного Кавказа, т. е. в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля как локального варианта ССЗС (*Канторович*, 2015б). Предпринятая в ходе этой работы классификация отразила современное состояние источника и позволила осуществить статистический анализ этого массива изображений (Там же. Табл. 2), в ходе которого, помимо прочего, было подтверждено сложившееся в науке представление об абсолютном господстве в изобразительной системе ССЗС четырех мегаобразов, а именно: хищников, копытных, птиц и синкретических животных (их совокупная доля в общем массиве восточноевропейского скифского звериного стиля, по имевшимся на тот момент данным, составляла около 97%). Остальная часть корпуса изображений составлена в основном отображениями зайцев и рыб, а также единичными образами верблюдов¹ и дельфинов.

¹ В данном случае мы основываемся на той версии современной биологической классификации, по которой Семейство верблюдовые не принадлежит ни к Отряду парнокопытных, ни к Отряду непарнокопытных, а относится к Отряду мозолоногих.

Происшедшее в последние годы накопление материала не изменило этого статистического соотношения, доля мегаобразов осталась той же – около 97% (табл. 1; более подробную статистику см.: Канторович, 2016. С. 91. Табл. 1). В настоящее время источниковой основой для нас является 2201 оригинальное зооморфное изображение, без включения в подсчеты зеркальных отображений и копий, рассматриваемых как вариации одного и того же изображения (далее будет указываться только количество **оригинальных** изображений). Эти изображения происходят из памятников скифской археологической культуры VII – начала III в. до н. э. (ареал: степное Северное Причерноморье и Приазовье, Крым, лесостепное Среднее Поднепровье, лесостепное Среднее Подонье, Северный Кавказ) и соответствуют обоснованным нами ранее диагностическим признакам скифского звериного стиля². Конечным итогом классифицирования было распределение этого массива изображений по 345 морфологическим типам.

В данной статье будет показано, как эта совокупность изображений может быть формализована с помощью буквенно-цифрового кода.

Классификация, как уже сказано, осуществлялась нами по иерархическому принципу. Изначально весь массив изображений разделялся по мегаобразам и образам. На следующем уровне дифференцировались полнофигурные и редуцированные изображения (как известно, одной из важнейших особенностей ССЗС является большая доля изображений обособленных частей тела).

Далее полнофигурные и редуцированные изображения классифицировались по двум разным таксономическим линиям.

Классифицирование **полнофигурных** изображений осуществлялось по трем обязательным (универсальным для разных образов) таксономическим уровням.

По позиции ног (для птиц – крыльев) относительно оси туловища полнофигурные изображения разделялись на **сюжетные группы**.

При этом с учетом значительного композиционного разнообразия в трактовках животных определенные сюжетные группы до разделения по сюжетным отделам могли дополнительно дифференцироваться по индивидуальным классификационным уровням – подгруппам, и далее по классам и подклассам (это будет продемонстрировано ниже на примере мегаобраза хищника).

² Это три группы признаков: 1) специфические пропорции животного – преувеличенность определенных частей тела (в ущерб остальным): глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра; кроме того, гипертрофированность рогов и копыт – у копытных; зубов и когтей – у хищников; клюва и крыльев – у птиц; всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) – у синкретических животных; 2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или «зооморфного превращения» этой детали, т. е. трансформации в другой зооморфный мотив; 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов. При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного – достаточно первых двух.

Таблица 1. Статистика репертуара и морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля
(указано количество оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений)

Образно-видовая принадлежность	Количество оригинальных изображений	%	Количество типов
Хищники	590	26,8	108
Копытные	791	35,7	127
Птицы	556	25,3	55
Синкретические животные	206	9,4	46
Зайцы	21	0,95	3
Верблюды	6	0,27	1
Дельфины	4	0,18	2
Рыбы	27	1,23	3
ИТОГО	2201	100	345

По позиции головы относительно туловища каждая сюжетная группа (или, при наличии, подгруппа/класс/подкласс) разделялась на **2 сюжетных отдела**:

отдел I – изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II – изображения животных с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков каждый сюжетный отдел разделялся на изобразительные (морфологические) **типы**; далее типы, включающие большое количество изображений, при необходимости дробились на варианты.

Каждый выделенный тип полнофигурных изображений обозначался кодом, содержащим информацию о сюжетной группе и сюжетном отделе, к которому этот тип относится (таксоны группы и отдела – универсальные для полнофигурных изображений – обозначались римскими цифрами), а также (при наличии таковых) – о подгруппе, классе и подотделе (таксоны подгруппы, класса и подотдела обозначались арабскими цифрами и кириллическими буквами) и, наконец, о порядковом номере самого типа в рамках его таксона (арабской цифрой). Данный код типа дополнялся его словесным обозначением по названиям тех изображений (соответственно памятникам, из которых они происходят), которые были наиболее характерны для данного типа (составляли его «иконографическое ядро») или же являлись предельными для данного типа в хронологическом или пространственном отношении.

Редуцированные изображения до распределения по морфологическим типам дифференцировались исходя из тех модулей, в рамках которых они реализовывались, а именно: обособленная голова, обособленная конечность (нога, лапа, копыто, коготь), их сочетания в едином изображении, протома (передняя часть тела), обособленные рога и др. Также в ряде случаев в качестве критериев дифференцирования учитывались ракурсы отображения головы (профиль,

фас, объемный ракурс). Для конечностей хищников удалось до распределения по типам выявить сюжетные группы и подгруппы (Канторович, 2012. С. 5–8).

Соответственно, для редуцированных изображений кодирование состояло в присвоении порядкового номера морфологического типа в рамках соответствующих таксонов – голов, протом, конечностей и т. д., однако при возникающей возможности их предварительного классифицирования по ракурсам или сюжетам перед номером типа (арабская цифра) указывался цифровой индекс соответствующей группы или отдела (римской цифрой).

В данной статье, в силу ограниченности объема публикации, результаты классифицирования и соответствующего кодирования будут представлены на примере одного из крупнейших мегаобразов скифского звериного стиля – **хищника**. Итоги классифицирования также проиллюстрированы в графических таблицах (рис. 1–9), где каждый из 108 типов изображений хищника (объединяющих в совокупности 590 полнофигурных и редуцированных изображений) представлен на примере одного – наиболее характерного. Здесь же указаны индексы групп (и при наличии – подгрупп, классов, подклассов) и, далее, отделов и типов. Каждому таксону на уровне отдела соответствует ограниченная ячейка. Арабские номера под изображениями в рамках каждой ячейки соответствуют номерам морфологических типов в пределах соответствующих вышестоящих иерархических таксонов; вербальные индексы типов в целях краткости здесь не приводятся³.

К таксону мегаобраза хищника я отношу изображения, наделенные вышеуказанными характерными признаками скифского звериного стиля и природными особенностями отряда хищные (Carnivora), семейств кошачьи (Felidae), волчьи или псовые (Canidae) и медвежьи (Ursidae), т. е. прежде всего наличием: лап хищника (у медведя – пятипалых); круглой (или подквадратной) головы кошачьего хищника с короткой мордой (как правило, с отображением зубов) с коротким, относительно широким овальным (или овально-треугольным) ухом, либо более длинной широколобой головы волка (род *Canis*) или медведя (род *Ursus*) с заушенной мордой (как правило, с отображением зубов) с длинным, относительно узким подтреугольным ухом у волка и более коротким овальным у медведя, – при непременно отсутствии копыт, клюва и крыльев, т. е. важнейших признаков других мегаобразов скифского звериного стиля.

В восточноевропейском скифском зверином стиле мегаобраз хищника реализуется как полнофигурно (рис. 1–6), так и редуцированно – в виде обособленных голов (в т. ч. с шеями), протом и конечностей (рис. 7–9).

Известна сложность изначального дифференцирования хищников в изображениях скифского звериного стиля по семействам, родам и видам. По мнению Е. В. Переводчиковой, это обусловлено частым стремлением мастера отобразить некоего «хищника вообще», воплотить идею хищника как такового

³ В графических таблицах (рис. 1–9) представлены исключительно опубликованные изображения. В силу объективной ограниченности объема данной статьи в списке иллюстраций не приводятся отсылки на литературу, содержащую публикации соответствующих изображений, указана только привязка предметов с изображениями к археологическим комплексам. Источники публикаций см.: (Канторович, 2015в. С. 1083–1276).

(Переводчикова, 1986. С. 8–11). Это заставляет нас, в противовес систематизации мегаобраза копытного, в рамках которого (с той или иной степенью эффективности) дифференцируются образы оленя, лося, горного козла, горного барана, лошади и т. д. (см.: Канторович, 2016. С. 91, табл. 1), классифицировать изображения хищников изначально в едином массиве, невзирая на семейственно-родовую атрибуцию. Соответствующую спецификацию удастся осуществить в большинстве случаев (хотя и не всегда) уже на уровне выделения типов, прибегая к вышеупомянутым природным критериям, определяющим кошачьих (см., например, рис. 1, 1, 7; 2, А: 10, В: 1, 2; 3, А: 1, В: 1, 5, В: 1; 4, А: 2, Г: 1, Е: 1, 2; 5, А: 2–7, В: 1, 4–8, 10, В: 1; 6, А: 1, 2, 4, В: 1, 2; 7, 1–3; 8, А: 1, 2, 5–7, В: 3, 7, В: 2, 4, 6), волчьих (см., например: рис. 1, 2, 4; 7, 6; 8, В: 5) и медвежьих (рис. 5, А: 5, В: 2; 8, В: 5; 9, Г: 1, 2). Для полнофигурных изображений дополнительным индикатором такой атрибуции в некоторых случаях служат специфические позы животных, соответствующие этологии, например: «припадение на лапы» перед прыжком – для кошачьих; стойка на прямых ногах с низко опущенной головой – для медведей (рис. 5, А: 5) и т. д.

В тех случаях, когда автору удавалось осуществить зоологическую атрибуцию изображений хищников на уровне семейства, чаще фиксировалось отображение кошачьих, несколько реже – волчьих, гораздо реже (и почти всегда в связи с локальными, преимущественно среднедонскими типами) – медведей. Но целый ряд полнофигурных (и, еще чаще, редуцированных) изображений невозможно атрибутировать в семейственно-родовом (и тем более – в видовом) отношении. Причем далеко не всегда этому причиной недоработки и огрехи мастера: встречаются и вполне качественные образцы, что говорит либо в пользу вышеупомянутой концепции Е. В. Переводчиковой («обобщенный хищник»), либо же отсылает нас к неизвестной нам «народной классификации», отождествляющей хищников разных видов, родов и даже семейств.

Далее представлены результаты классифицирования и кодирования мегаобраза хищника в полнофигурном и редуцированном воплощении.

Полнофигурные отображения хищников (рис. 1–6)

По вышеприведенному универсальному критерию – вариативности позиции ног относительно оси туловища – полнофигурные изображения хищника разделяются на 3 сюжетные группы:

группа I – лежащие и летящие в прыжке (рис. 1–3; 4, А–Д);

группа II – стоящие, идущие, присевшие (рис. 4, Е; 5);

группа III – полулежащие-полустоящие (рис. 6); как правило, хищники с низко опущенной грудной частью, опирающейся на передние ноги, направленные вперед. Задняя часть зверей, напротив, приподнята, показаны обе задние ноги в шаге.

В силу значительного композиционного разнообразия в рамках I группы изображения хищника дополнительно дифференцируются по взаимоположению передних и задних ног на 4 сюжетные подгруппы:

подгруппа 1: передняя и задняя ноги – вперед (рис. 1–3);

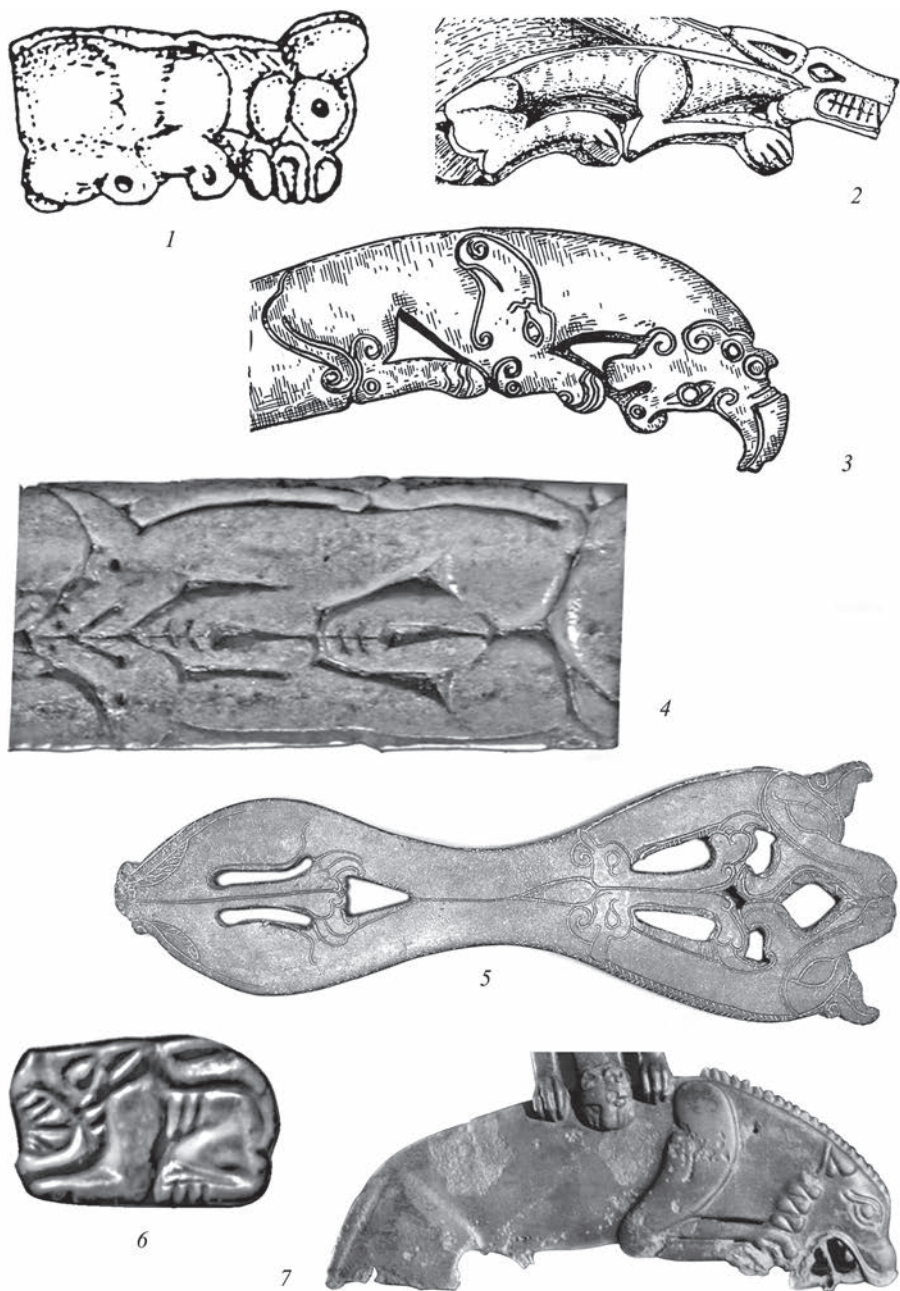

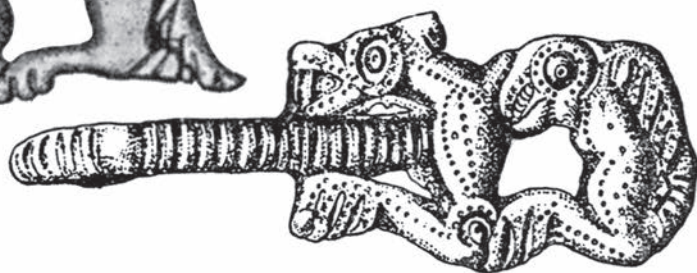
Рис. 1. Полнофигурные изображения.

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел I (начало). Типы 1–7

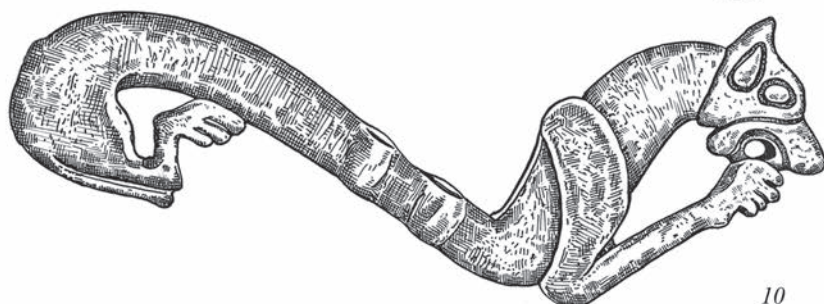
1 – Новозаведенное-II, к. 7; 2 – Новозаведенное-II, к. 13; 3 – Ульские к-ны, к. № 2, раскопки 1909 г.; 4 – Западное Бельское г-ще; 5 – Кужорская, к. 1; 6 – Любимовка, к. 45; 7 – Семибратние к-ны, к. 4

8

9

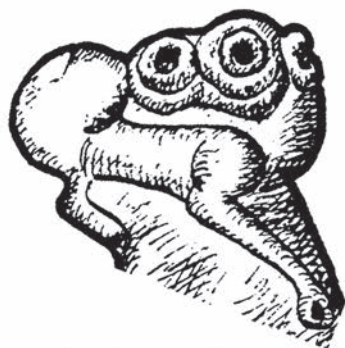

10

А

1

3

2

4

Б

подгруппа 2: передняя нога назад, задняя вперед (рис. 4, А);
подгруппа 3: передняя нога вперед, задняя назад (рис. 4, Б, В, Г);
подгруппа 4: передняя и задняя ноги – назад (рис. 4, Д).

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

По взаимоположению передней и задней части туловища изображения I (по 1-й и 3-й подгруппам) и II сюжетных групп разделяются на 2 сюжетных класса:

класс А – передняя и задняя части туловища даны в едином ракурсе (рис. 1; 2; 3, Б, В; 4, Б, В, Е; 5, А, Б);

класс Б – задняя часть туловища вывернута относительно передней на 180 градусов (рис. 3, В; 4, Г; 5, В).

В рамках III группы, а также 2-й и 4-й подгрупп I группы такое деление нецелесообразно, т. к. все ныне известные изображения данных таксонов соответствуют классу А.

По степени изогнутости туловища изображения класса А I группы дополнительно разделяются на 2 сюжетных подкласса:

подкласс а – туловище прямое или слабоизогнутое (рис. 1; 2);

подкласс б – туловище согнуто в кольцо или полукольцо (свернувшиеся хищники⁴) (рис. 3, А, Б).

Такое деление на данный момент актуально только для изображений 1-й подгруппы I группы, т. к. все ныне известные изображения 2–4-й подгрупп I группы, равно как и II и III групп, соответствуют подклассу а.

Далее изображения хищника в рамках соответствующих таксонов разделяются по вышеприведенному критерию – вариативности позиции головы относительно туловища – на 2 сюжетных отдела:

отдел I – хищники с головой, однонаправленной с туловищем (рис. 1; 2, А; 3, А, В; 4, Б, Г, Е; 5, А, В; 6, А);

отдел II – хищники с повернутой головой (рис. 2, Б; 3, Б, В; 4, А, В, Д; 5, Б; 6, Б).

Затем в рамках отделов изображения хищника дифференцируются на изобразительные (морфологические) типы (в отдельных случаях в рамках типов выделяются варианты). Ниже приводятся данные о количестве типов и относимых

Рис. 2. Полнофигурные изображения

А (группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел I (окончание). Типы 8–10):
8 – Частые к-ны, к. 11/11, раскопки 1954 г.; 9 – Нижнее Подонье, случайная находка;
10 – Псенафа, к. 1;

Б (группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел II. Типы 1–4): 1 – Архангельская слобода, к. 5, п. 1; 2 – Ульские к-ны, к. № 2, раскопки 1909 г.; 3 – Новозаведенное-II, к. 5;
4 – Аксютинцы – Стайки Верх, к. 3, впускное погребение

⁴ Еще А. И. Шкурко обосновывал правомерность рассмотрения свернувшихся хищников в едином массиве вместе с лежащими, указав, что «любую из келермесских свернувшихся пантер можно “разогнуть” и получить обычное изображение припавшего к земле хищника» (Шкурко, 1969. С. 34; см. также: Членова, 1967. С. 127; Королькова, 2006. С. 73).

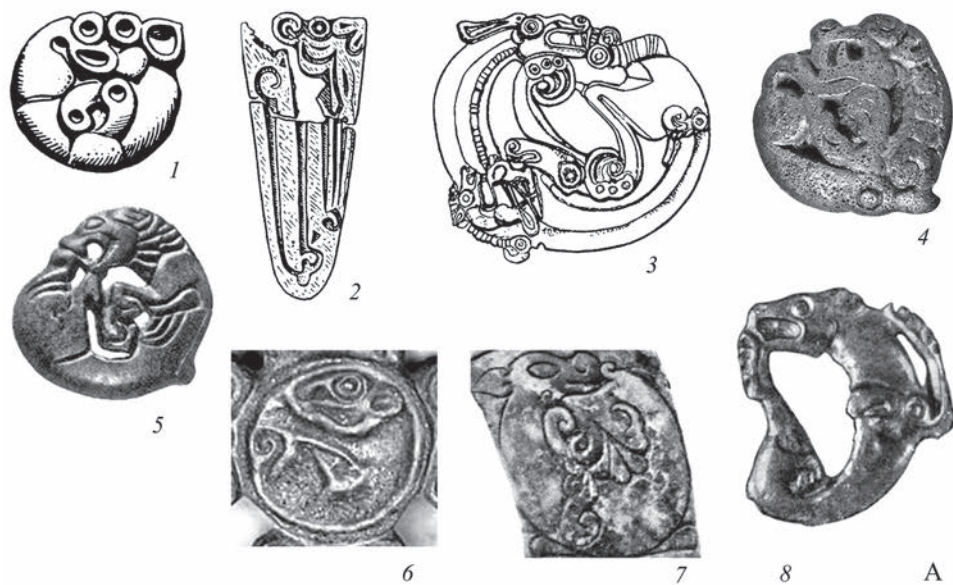

Рис. 3. Полнофигурные изображения
(расшифровку к рис. см. на с. 123)

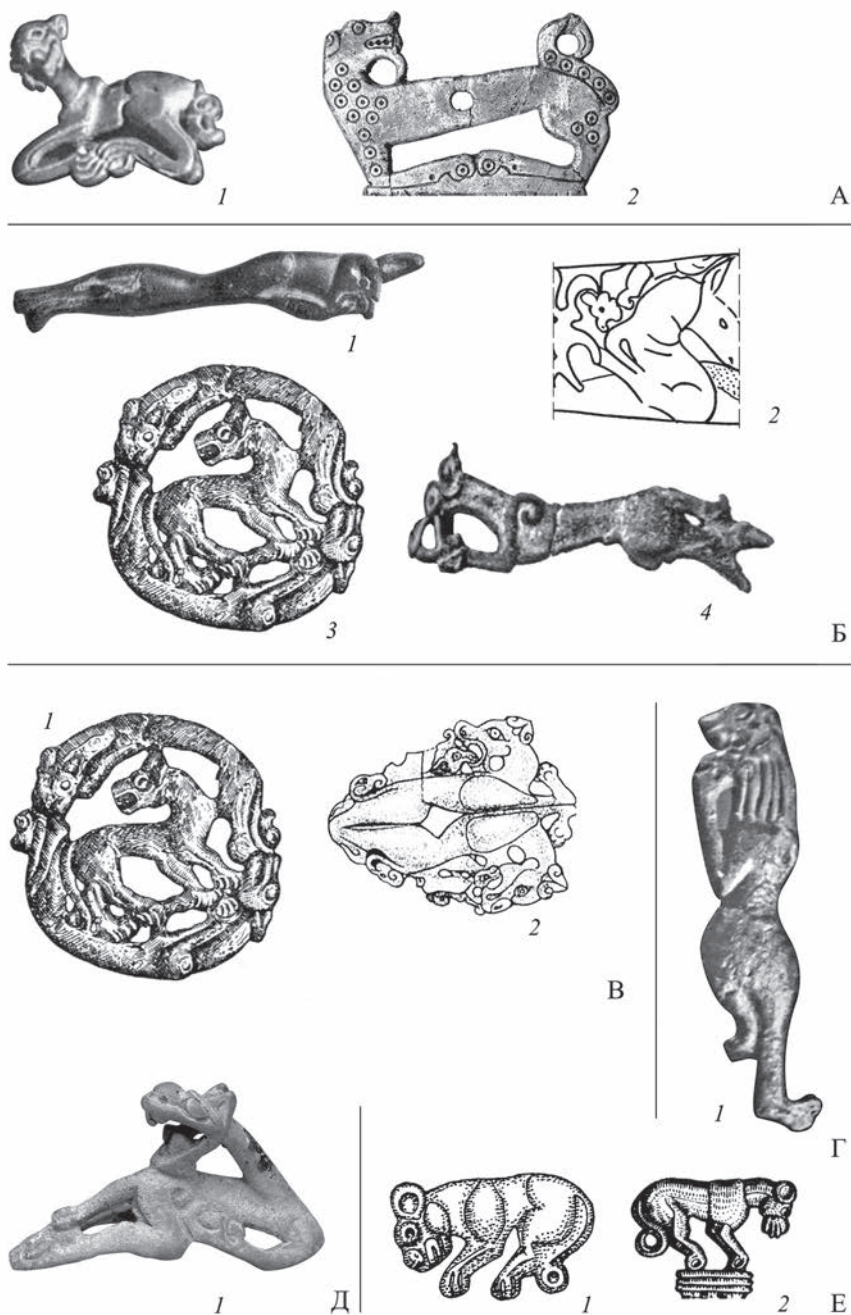

Рис. 4. Полнофигурные изображения
(расшифровку к рис. см. на с. 123)

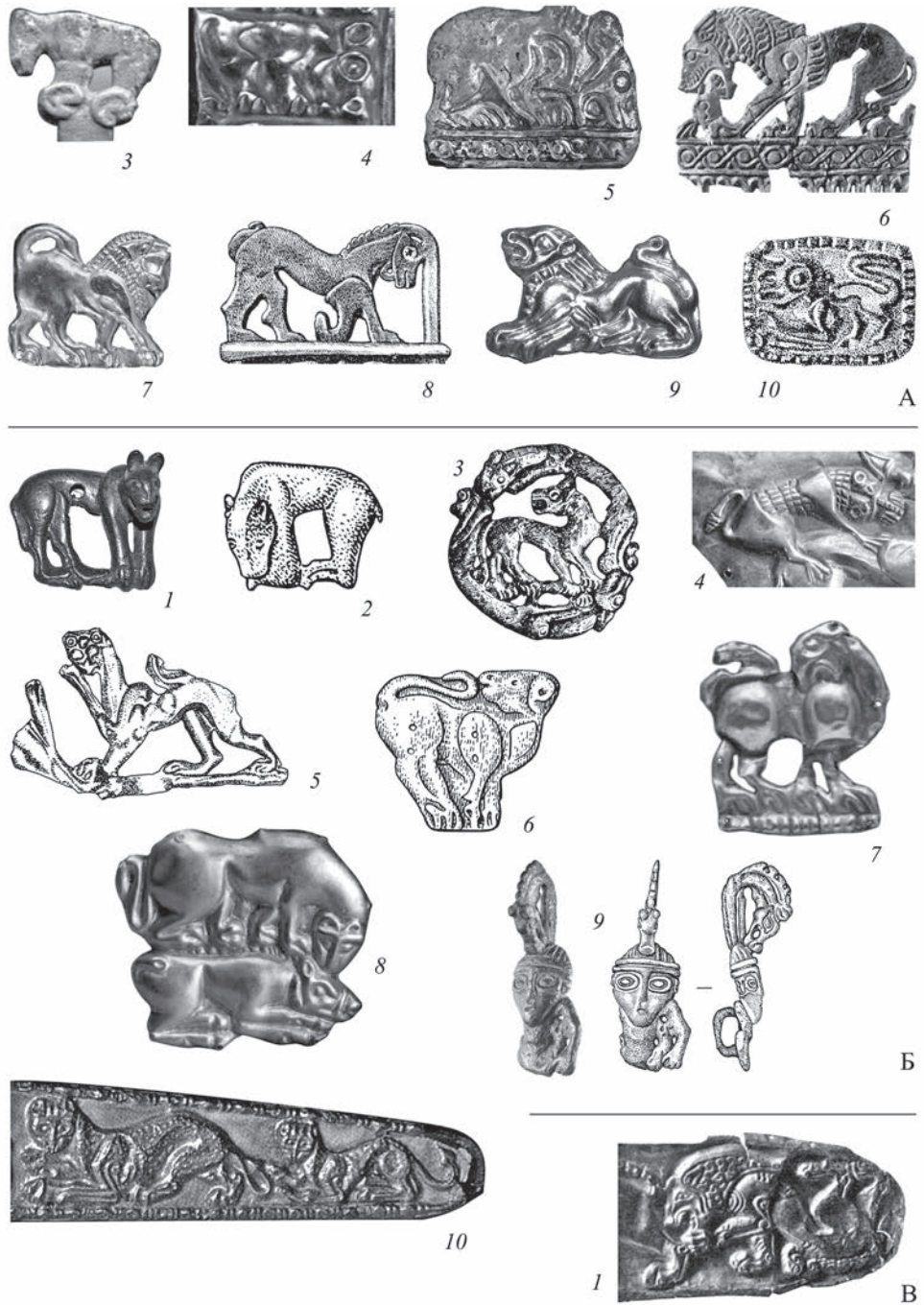

Рис. 5. Полнофигурные изображения
(расшифровку к рис. см. на с. 123)

Рис. 3. Полнофигурные изображения

А (группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел I. Типы 1–8):

1 – Келермесские к-ны, к. 2/В, набор коня 7; 2 – Старшая могила; 3, 8 – Долинное, к. 2, п. 3 (к-н Кулаковского); 4 – Кумбулта; 5 – к-н у мыса Ак-Бурун, раскопки 1862 г. («Пятый к-н»); 6 – некрополь Ольвии, п. 12 (раскопки 1910 г.); 7 – к-ны Роменского уезда, раскопки Мазараки;

Б (группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел II. Тип 1):

1 – некрополь Ольвии, п. 15 (раскопки 1912 г.);

В (группа I – подгруппа 1 – класс Б – подкласса нет – отдел I. Типы 1–2):

1 – Уляп, к. 2, ритуальная площадка, конь 14; 2 – Кужорская, к. 1, конск. могила, уздечный набор 4

Рис. 4. Полнофигурные изображения

А (группа I – подгруппа 2 – класса нет – подкласса нет – отдел II. Типы 1–2):

1 – Журовка, к. 401; 2 – Терновое-I, к. 8;

Б (группа I – подгруппа 3 – класс А – подкласса нет – отдел I. Типы 1–4):

1 – находка близ с. Пастырское; 2 – Константиновск-на-Дону; 3 – находка в р-не Майкопа; 4 – Елизаветинская, к. 7 (раскопки 1917 г.);

В (группа I – подгруппа 3 – класс А – подкласса нет – отдел II. Типы 1–2):

1 – находка в р-не Майкопа; 2 – Елизаветинская, к. 4 (раскопки 1913 г.);

Г (группа I – подгруппа 3 – класс Б – подкласса нет – отдел I. Тип 1):

1 – Семибратние к-ны, к. 4;

Д (группа I – подгруппа 4 – класса нет – подкласса нет – отдел II. Тип 1):

1 – Кужорская, к. 1, конск. могила, уздечный набор 4;

Е (группа II – подгруппы нет – класс А – подкласса нет – отдел I (начало). Типы 1–2):

1 – Новозаведенное-II, к. 16; 2 – Братышев, к. IV

Рис. 5. Полнофигурные изображения

А (группа II – подгруппы нет – класс А – подкласса нет – отдел I (окончание). Типы 3–10):

3 – Майкоп, случайная находка; 4 – Гусарка; 5 – Желтокаменка, центральная гробница, дромос, конь 2; 6 – Бердянский к-н, центральная могила; 7 – Уляп, к. 1, ритуальн. площадка; 8 – Чертомлык, насыпь; 9 – к-н у г. Плавни; 10 – Гайманова могила, северн. гробница (№ 1), конь 8;

Б (группа II – подгруппы нет – класс А – подкласса нет – отдел II. Типы 1–10):

1 – Пантикапей; 2 – Частые к-ны, раскопки ВУАК, к. 8; 3 – находка в р-не Майкопа; 4 – Семибратние к-ны, к. 2; 5 – Уляп, к. 8, ритуальн. компл. 1; 6 – Нартан-I, к. 9; 7 – «Майкопский клад»; 8 – аул Нечерзий, к. 3а, п. 3; 9 – некрополь II Тенгинского г-ща, к. 1, конь 12; 10 – Великая Белозерка;

В (группа II – подгруппы нет – класс Б – подкласса нет – отдел I. Тип 1):

1 – Елизаветовский м-к, Ушаковский к-н

к ним оригинальных изображений в рамках соответствующих классификационных таксонов.

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел I. 10 типов (рис. 1; 2, А), 30 изображений (по типам соответственно $13 + 1 + 3 + 3 + 1 + 4 + 1 + 2 + 1 + 1$).

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел II. 4 типа (рис. 2, В), 9 изображений ($2 + 5 + 1 + 1$).

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел I. 8 типов (рис. 3, А), 65 изображений ($27 + 1 + 20 + 5 + 3 + 7 + 1 + 1$).

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел II. 1 тип (рис. 3, В), 1 изображение.

Группа I – подгруппа 1 – класс Б – подкласса нет – отдел I. 2 типа (рис. 3, В), 6 изображений ($5 + 1$).

Группа I – подгруппа 1 – класс Б – подкласса нет – отдел II. Нет изображений, пустая классификационная ячейка.

Группа I – подгруппа 2 – класса нет – подкласса нет – отдел I. Нет изображений, пустая классификационная ячейка.

Группа I – подгруппа 2 – класса нет – подкласса нет – отдел II. 2 типа (рис. 4, А), 9 изображений ($2 + 7$).

Группа I – подгруппа 3 – класс А – подкласса нет – отдел I. 4 типа (рис. 4, Б), 6 изображений ($1 + 1 + 1 + 3$).

Группа I – подгруппа 3 – класс А – подкласса нет – отдел II. 2 типа (рис. 4, В), 7 изображений ($1 + 6$).

Группа I – подгруппа 3 – класс Б – подкласса нет – отдел I. 1 тип (рис. 4, Г), 5 изображений.

Группа I – подгруппа 3 – класс Б – подкласса нет – отдел II. Нет изображений, пустая классификационная ячейка.

Группа I – подгруппа 4 – класса нет – подкласса нет – отдел I. Нет изображений, пустая классификационная ячейка.

Группа I – подгруппа 4 – класса нет – подкласса нет – отдел II. 1 тип (рис. 4, Д), 1 изображение.

Группа II – подгруппы нет – класс А – подкласса нет – отдел I. 10 типов (рис. 4, Е; 5, А), причем в рамках 2-го типа выделяются 2 варианта. 79 изображений ($6 + 22 + 1 + 4 + 24 + 15 + 1 + 1 + 3 + 2$).

Группа II – подгруппы нет – класс А – подкласса нет – отдел II. 10 типов (рис. 5, Б), 19 изображений ($4 + 1 + 1 + 4 + 1 + 1 + 1 + 1 + 4$).

Группа II – подгруппы нет – класс Б – подкласса нет – отдел I. 1 тип (рис. 5, В), 1 изображение.

Группа II – подгруппы нет – класс Б – подкласса нет – отдел II. Нет изображений, пустая классификационная ячейка.

Группа III – подгруппы нет – класса нет – подкласса нет – отдел I. 4 типа (рис. 6, А), 5 изображений ($1 + 1 + 1 + 2$).

Группа III – подгруппы нет – класса нет – подкласса нет – отдел II. 2 типа (рис. 6, Б), 2 изображения ($1 + 1$).

Итого выявлено 62 типа, объединяющих 245 полнофигурных изображений хищников.

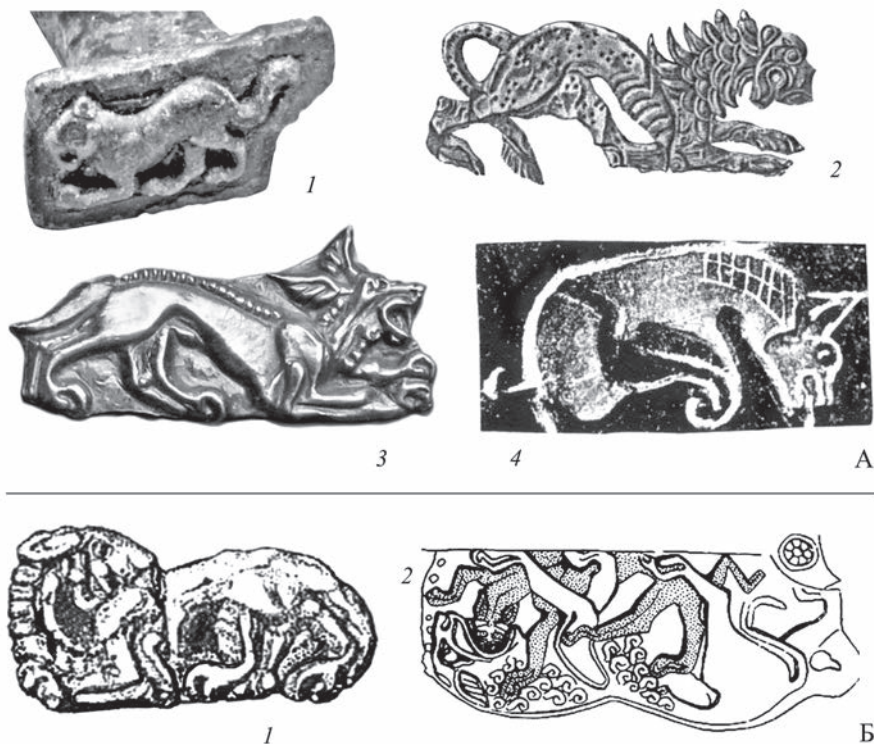

Рис. 6. Полнофигурные изображения

А (группа III – подгруппы нет – класса нет – подкласса нет – отдел I. Типы 1–4):
1 – Уляп, к. 5, ритуальн. площадка; 2 – Александропольский к-н; 3 – Архангельская слобода, к. 5, п. 1; 4 – Березань, культурный слой г-ща;

Б (группа III – подгруппы нет – класса нет – подкласса нет – отдел II. Типы 1–2):
1 – Скифская могила, боковая гробница; 2 – Солоха, боковая гробница

Редуцированные отображения хищников (рис. 7–9)

Головы хищников (рис. 7; 8) в зависимости от ракурса изображения до разделения на типы дифференцируются по трем группам:

Группа I. Головы в профиль (рис. 7).

Группа II. Головы анфас (рис. 8, А).

Группа III. Головы, рассчитанные на объемное восприятие (рис. 8, Б).

Далее в рамках групп изображения дифференцируются на изобразительные (морфологические) типы.

Группа I. 13 типов (рис. 7), 95 изображений (5 + 22 + 6 + 5 + 36 + 5 + 6 + 4 + 1 + 1 + 1 + 1 + 2).

Группа II. 7 типов (рис. 8, А), 43 изображения (22 + 3 + 3 + 4 + 1 + 9 + 1).

Группа III. 9 типов (рис. 8, Б), 44 изображения (2 + 1 + 11 + 16 + 3 + 1 + 1 + 7 + 2).

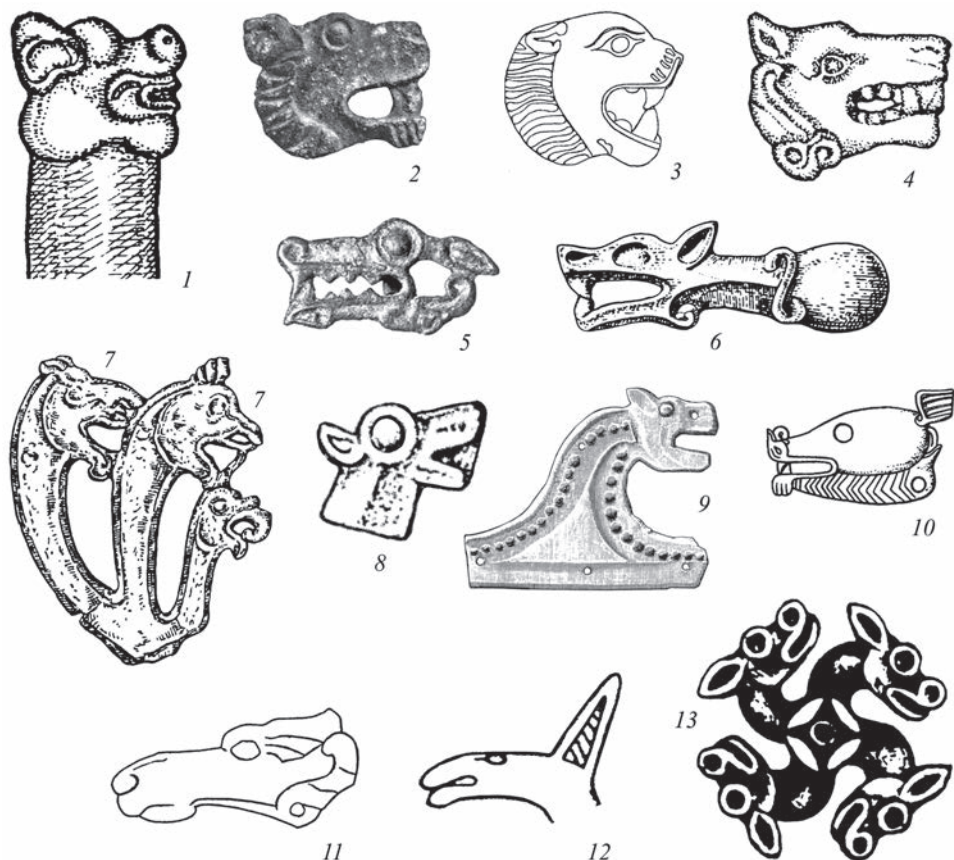

Рис. 7. Головы. Группа I (головы в профиль). Типы 1–13

1 – Новозаведенное-II, к. 16; 2 – Нимфейский некрополь, к. 32; 3 – Берестняги, к. 4; 4 – покупка в Майкопе в 1903 г.; 5 – «Майкопский клад»; 6 – Дуровка, к. 9; 7 – Елизаветинская, к. 7 (раскопки 1917 г.); 8 – покупка в Майкопе; 9 – Александропольский к-н; 10 – г-ще у с. Полковная Никитовка; 11 – Краснодарский музей; 12 – пос. у станции Шелковая; 13 – Хаджох, к. 1

Всего выявлено 29 типов, объединяющих 182 изображения обособленной головы хищника.

Протомы хищников (рис. 8, В), как правило, реализуются в объемном ракурсе, поэтому дополнительное деление на группы в данном случае нецелесообразно. Следовательно, классифицирование протом производится непосредственно по типам.

Всего выявлено 6 типов, объединяющих 30 протом хищников (4 + 11 + 3 + 5 + 6 + 1).

Конечности хищников (рис. 9). Весь массив изображений обособленных конечностей хищников может быть разделен по степени редуцированности на две сюжетные группы – отображение пары ног или одной ноги.

Критерием принадлежности к группе I (рис. 9, А, Б) является наличие в изображении двух голеней / предплечий (в соответствии с тем, какие именно ноги отображаются – задние или передние, что не всегда однозначно определимо) и/или двух лап – даже если изображено единственное бедро / плечо (второе в этом случае остается как бы закрытым от зрителя).

Критерием принадлежности к группе II (рис. 9, В, Г) следует считать наличие в изображении единственной лапы. Изображения обособленных преувеличенных загнутых когтей (один из которых, как правило, противопоставлен остальным) на уздечных бляхах типа бляхи из Берестняг (к. 4) (*Петренко*, 1967. Табл. 30, 12) и на окончаниях или щитках S-видных и Г-образных псаливов (см., например: *Могилов*, 2008. Рис. 72, 1–6; 73, 1–4; *Канторович*, 2010. С. 302. Рис. 51) из-за отсутствия изображения каких-либо голеней / предплечий и бедер / плеч расцениваются нами как птичьи и рассматриваются в рамках соответствующего образа.

В пределах каждой из этих групп можно дифференцировать два сюжетных отдела по композиционному критерию – взаиморасположению пальцев (т. е. собственно лапы) и остальной части ноги (т. е. по наличию / отсутствию изогнутости лапы по отношению к ноге в целом). Это во многом определяет сюжетное содержание изображения, характер действия подразумеваемого персонажа. Если воспринимать обособленные конечности как ориентированные вертикально, то изогнутость лапы по отношению к остальной части ноги будет означать опору на землю, типичную для пальцеходящих хищников (к которым относятся семейства кошачьих и собачьих, и соответствующий признак резко отличает их от стопоходящих, в частности – от семейства медвежьих), – т. е. опору той частью стопы, которую образуют фаланги пальцев. Это может быть опора полностью (с пальцами, перпендикулярными остальной части ноги) или частично (с пальцами, отходящими наискось вниз, что вполне нормально для пальцеходящих в природе – именно так они опираются окончаниями лап при быстром движении). Соответственно, отсутствие изогнутости верхней, пястной / плюсневой, части лапы по отношению к остальной части ноги (даже при некоторой изогнутости самих пальцев или когтей) означает свисание конечностей вниз при статичном положении передних ног – с прямыми или изогнутыми пальцами, отходящими вниз и продолжающими линию ноги (в природе это возможно при условии опоры на задние ноги). Иначе говоря, дифференцируются изображения обособленных стоящих / идущих ног (отдел I) и «свисающих» ног (отдел II). Если же трактовать обособленную конечность (в качестве элемента подразумеваемого полнофигурного изображения) как ориентированную горизонтально и лежащую на земле, следует дифференцировать изображения горизонтально направленных ног: с изогнутыми лапами (отдел I) и с выпрямленными лапами (отдел II).

Ниже приводятся данные о количестве типов и относимых к ним оригинальных изображений конечностей хищников в рамках соответствующих классификационных таксонов.

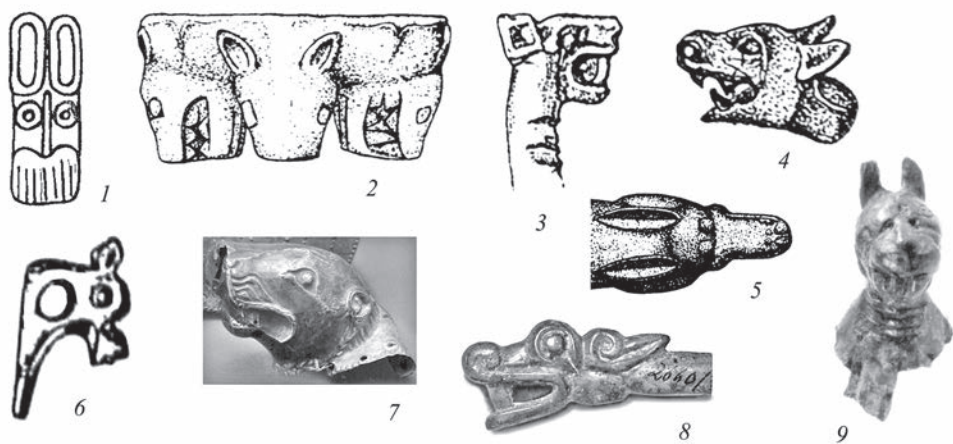
Группа I – отдел I. 3 типа (рис. 9, А), 14 изображений (4 + 6 + 6).

Группа I – отдел II. 2 типа (рис. 9, Б), 12 изображений (3 + 9).

Группа II – отдел I. 3 типа (рис. 9, В), 28 изображений (16 + 8 + 4).

А

Б

В

Группа II – отдел II. 3 типа (рис. 9, Г), 79 изображений (20 + 25 + 34).

Всего выявлено 11 типов, объединяющих 133 изображения конечностей хищников⁵.

Итого выявлено 46 типов, объединяющих 345 редуцированных изображений хищников.

В общем итоге выявлено 108 типов, объединяющих 590 полнофигурных и редуцированных изображений хищников.

Аналогичный алгоритм классифицирования и кодирования был применен автором для систематизации остальных изображений восточноевропейского варианта скифского звериного стиля (Канторович, 2015б). Результаты этой работы в рамках соответствующих образов (кабана, лося, лошади, мегаобраз синкретических существ и др.) частично представлены в ряде публикаций (Канторович, 2011б; 2013; 2015а; 2016).

В этом контексте дальнейшими задачами исследования скифского звериного стиля, как представляется, могли бы стать:

1) универсальная систематизация массива изображений всего ССЗС с учетом предложенной классификационной основы и разработанного кода обозначения типов изображений в соответствии с принятой таксономией;

2) создание на этой основе единой базы данных по изображениям ССЗС.

Это даст возможность осуществлять сравнение изображений в зверином стиле скифо-сибирского мира на единой основе, что особенно актуально в силу высоких темпов прироста материала, а также непреходящих дискуссий о хронологии археологических культур данной общности и о направлении миграций и взаимодействий образующих ее народов.

Рис. 8. Головы (А, Б) и протомы (В)

А (группа II – головы анфас. Типы 1–7):

1 – Берестяги, к. 4; 2 – Уляп, к. 2, ритуальн. площадка; 3 – Перещепино, к. 23; 4 – покупка в Майкопе в 1903 г.; 5 – Елизаветовский м-к, к. 10 (раскопки 1909 г.); 6 – к-н Козел; 7 – Толстая могила, боковое погребение;

Б (группа III – головы, рассчитанные на объемное восприятие. Типы 1–9):

1 – Будки; 2 – к-н у хут. Краснодворский у станицы Старочеркасской; 3 – Скифская могила, боковая гробница; 4 – с. Аллерой; 5 – Новозаведенное-II, к. 17; 6 – Кошеватое; 7 – Солоха, боковая гробница; 8 – с. Шалушка, случайная находка; 9 – «Майкопский клад»;

В (протомы. Типы 1–6):

1 – с. Новопетровка, случайная находка; 2 – Огуз; 3 – Семибратние к-ны, к. 4; 4 – Краснодарский музей; 5 – с-ще у с. Люботин, случайная находка; 6 – Александропольский к-н

⁵ Относительно полную (на момент публикации) сводку классифицированных изображений обособленных конечностей хищников в восточноевропейском скифском зверином стиле см.: (Канторович, 2012).

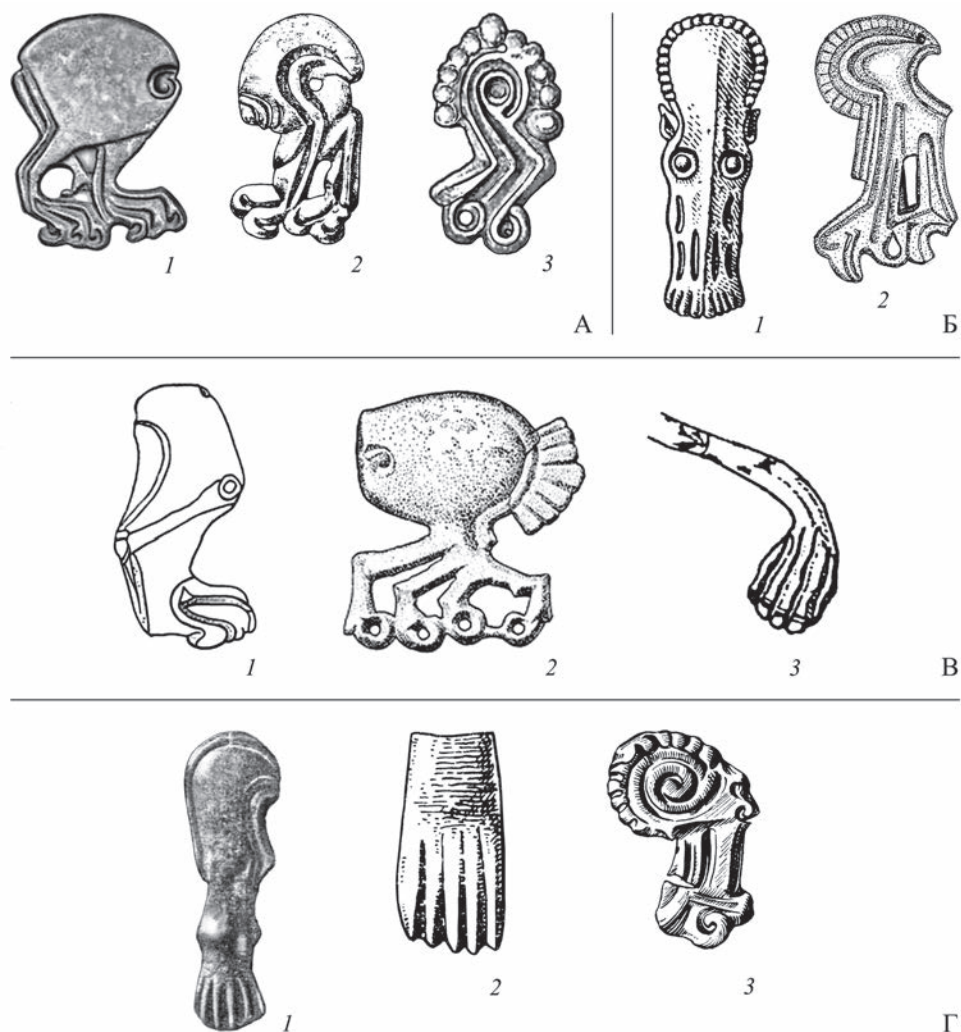

Рис. 9. Конечности

А (группа I – отдел I. Типы 1–3):

1 – Тузлинский некрополь; 2 – Первомаевка– I, к. 4, п. 1; 3 – Колбино–I, к. 26;

Б (группа I – отдел II. Типы 1–2):

1 – Аксютинцы, уроч. «Стайкин Верх», к. 2; 2 – к-н у г. Арциз, п. 13;

В (группа II – отдел I. Типы 1–3):

1 – к-н у мыса Ак-Бурун, раскопки 1862 г. («Пятый к-н»); 2 – I Завадская могила; 3 – с. Первомаевка Херсонской обл., к. 2, п. 1;

Г (группа II – отдел II. Типы 1–3):

1 – к-н у мыса Ак-Бурун, раскопки 1862 г. («Пятый к-н»); 2 – Журовка, к. 398; 3 – Солоха, боковая гробница, конь 3

ЛИТЕРАТУРА

- Канторович А. Р., 1994. Звериный стиль степной Скифии VII–III вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.
- Канторович А. Р., 2002. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1 / Отв. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 77–130.
- Канторович А. Р., 2010. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII – начало III в. до н. э.) // Античное наследие Кубани: в 3 т. Т. 1. М.: Наука. С. 286–314.
- Канторович А. Р., 2011а. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: Исторический факультет МГУ. С. 29–38.
- Канторович А. Р., 2011б. Кабан в восточноевропейском скифском зверином стиле: типы изображений и истоки образа // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Отв. ред.: Д. В. Васильев, Ю. А. Зеленева, А. Г. Ситдилов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 34–42.
- Канторович А. Р., 2012. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции (монография в журнале) // SP. № 3: Эллинство и иранство. С. 17–71.
- Канторович А. Р., 2013. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 3: К 70-летию Э. В. Ртвеладзе / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание. С. 423–480.
- Канторович А. Р., 2014. Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк) // РА. № 3. С. 156–164.
- Канторович А. Р., 2015а. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования: журнал Исторического факультета МГУ. № 3. С. 113–218.
- Канторович А. Р., 2015б. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 69 с.
- Канторович А. Р., 2015в. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... докт. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф. Р-2. М. 1724 с.
- Канторович А. Р., 2016. Образ лошади в искусстве восточноевропейского скифского звериного стиля // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой / Отв. ред.: А. С. Балахванцев, С. В. Куланда. М.: Институт востоковедения РАН. С. 89–114.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
- Могилев О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ. 439 с.
- Переводчикова Е. В., 1986. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. Вып. 186. С. 8–13.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. М.; Л.: Наука. 180 с. (САИ; вып. Д 1-4.)
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.
- Шкурко А. И., 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. № 1. С. 31–39.
- Borovka G., 1928. Scythian Art. London: Ernest Benn. 185 p.
- Rostovtzeff M., 1929. The Animal Style in South Russia and China. Princeton; New York: Hacker Art Books. 112 p.

Сведения об авторе

Канторович Анатолий Робертович, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 31/1, Москва, 119992, Россия; e-mail: kantorovich@mail.ru

A. R. Kantorovich

BASIC PRINCIPLES OF CLASSIFICATION AND CODING OF IMAGES OF
THE EASTERN EUROPEAN SCYTHIAN ANIMAL STYLE
(ON AN EXAMPLE OF THE MEGA-IMAGE OF A PREDATOR)

Abstract. Systematization and classification of the increasing array of images of the Scythian-Siberian animal style is very actual so as the creation of a single language for its description. The issue presents the algorithm for classifying this source and substantiates the taxonomy and hierarchy of classification levels. It is demonstrated by what way a set of images of the Eastern European Scythian animal style (within the Scythian archaeological culture) can be formalized with the help of alphanumeric code (on the example of mega-image of predator). It is proposed to apply these principles of classification and coding to other local variants of the Scythian-Siberian animal style, which will enable a comparison between them on a unified basis.

Keywords: Eastern European Scythian animal style, classification, coding of images, taxonomy, hierarchy, predator.

REFERECES

- Borovka G., 1928. Scythian Art. London: Ernest Benn. 185 p.
- Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origins and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 300 p.
- Kantorovich A. R., 1994. Zverinyy stil' stepnoy Skifii VII–III vv. do n. e.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Animal style of steppe Scythia, VII–III cc. BC: Ph. D. Thesis Abstract]. Moscow. 24 p.
- Kantorovich A. R., 2002. Klassifikatsiya i tipologiya elementov «zoomorfnykh prevrashcheniy» v zverinom stile stepnoy Skifii [Classification and typology of elements of «zoomorphic transformations» in animal style of steppe Scythia]. *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii* [Structural-semiotic investigations in archaeology], 1. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 77–130.
- Kantorovich A. R., 2010. Meoto-skifskoe iskusstvo Prikuban'ya (VII – nachalo III v. do n. e.) [Maeotian-Scythian art of Kuban' region (VII – early III c. BC)]. *Antichnoe nasledie Kubani* [Antique heritage of Kuban'], 1. Moscow: Nauka, pp. 286–314.
- Kantorovich A. R., 2011a. K voprosu ob osnovnykh printsipakh klassifikatsii izobrazheniy skifskogo zverinogo stilya [On problem of basic principles of classification of images in Scythian animal style]. *Ot paleolita do srednevekov'ya* [From Palaeolithic to Middle Ages]. V. L. Egorov, ed. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, pp. 29–38.
- Kantorovich A. R., 2011b. Kaban v vostochnoevropeyskom skifskom zverinom stile: tipy izobrazheniy i istoki obraza [Wild boar in East European Scythian animal style: types of images and sources of image]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve: materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G. A. Fedorova-Davydova* [Dialogue of urban and steppe cultures in Eurasian area: transactions of V International conference in memory of G. A. Fedorov-Davydov]. D. V. Vasil'ev, Yu. A. Zeleneev, A. G. Sitdikov, eds. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan, pp. 34–42.

- Kantorovich A. R., 2012. Izobrazheniya obosoblennykh konechnostey khishchnikov v iskusstve skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy: tipologiya, khronologiya, analiz istokov i evolyutsii (monografiya v zhurnale) [Images of separate extremities of predators in art of Scythian animal style of Eastern Europe: typology, chronology, analysis of origins and evolution (monograph in journal)]. *SP*, 3, pp. 17–71.
- Kantorovich A. R., 2013. Izobrazheniya losya v vostochnoevropeyskom skifskom zverinom stile: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya [Images of elk in East European Scythian animal style: classification, typology, chronology]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta antiqua. Problems of ancient history, philology, art and material culture*], 3. M. D. Bukharin, ed. Moscow: Sobranie, pp. 423–480.
- Kantorovich A. R., 2014. Problema klassifikatsii izobrazheniy skifo-sibirskogo zverinogo stilya (istoriograficheskiy ocherk) [Problem of classification of images of Scythian Siberian animal style (historiographic essay)]. *RA*, 3, pp. 156–164.
- Kantorovich A. R., 2015a. Obrazy sinkreticheskikh sushchestv v vostochnoevropeyskom skifskom zverinom stile: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, ikonograficheskaya dinamika [Images of syncretic beings in East European Scythian animal style: classification, typology, chronology, iconographic dynamics]. *Istoricheskie issledovaniya: zhurnal Istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Historic researches: journal of History faculty of Moscow State university*], 3, pp. 113–218.
- Kantorovich A. R., 2015b. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Abstract]. Moscow. 69 p.
- Kantorovich A. R., 2015v. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Manuscript]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Kantorovich A. R., 2016. Obraz lozhadi v iskusstve vostochnoevropeyskogo skifskogo zverinogo stilya [Horse image in art of East European Scythian animal style]. *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati M. N. Pogrebovoy* [*Caucasus and steppe at turn of Late Bronze and Early Iron ages: transactions of international scientific conference in memory of M. N. Pogrebova*]. A. S. Balakhvantsev, S. V. Kullanda, eds. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 89–114.
- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. Art of tribes of Lower Volga and South Urals regions in Scythian epoch (VII–IV cc. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Mogilov O. D., 2008. Sporyadzhennaya konya skifs'koi dobi u Lisostepu Skhidnoi Evrope [Horse equipment of Scythian epoch in forest-steppe of Eastern Europe]. Kiev; Kam'yanets'-Podil's'kiy: IA NANU. 439 p.
- Perevodchikova E. V., 1986. Vosproizvedenie vida zhivotnogo v skifskom zverinom stile [Representation of animal species in Scythian animal style]. *KSIA*, 186, pp. 8–13.
- Petrenko V. G., 1967. Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n. e. [Middle Dnieper right bank region in V–III cc. BC]. Moscow; Leningrad: Nauka. 180 p. (SAI, D 14.)
- Rostovtzeff M., 1929. The Animal Style in South Russia and China. Princeton; New York: Hacker Art Books. 112 p.
- Shkurko A. I., 1969. Ob izobrazhenii svernuvshegosya v kol'tso khishchnika v iskusstve lesostepnoy Skifi [On image of coiled predator in art of forest-steppe Scythia]. *SA*, 1, pp. 31–39.

About the author

Kantorovich Anatoliy R., M. V. Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prosp. 31/1, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru

А. З. Бейсенов, Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева, Д. Б. Дуйсенбай

ЗООМОРФНЫЙ ДЕКОР ФУТЛЯРА ИЗ КУРГАНА РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

Резюме. В статье анализируется новая находка с зооморфным декором из Центрального Казахстана, выявленная в ходе раскопок на могильнике Байке-2 (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) в полевом сезоне 2015 г. (рис. 1). Работы проводились Сарыаркинской археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова. В композиции на костяном футляре из Байке-2 прослеживаются изображения 16 животных и вихревой знак. Памятник относится к тасмолинской археологической культуре сакского времени. Футляр из Байке-2, судя по характеру декора, датируется VII в. до н. э. Он относится к раннескифскому этапу и демонстрирует наличие композиции и сюжета. Набор устойчивых стилистических и композиционных признаков, который выявляется для изображений из Байке-2, находит определенные параллели в восточных регионах скифского мира. Новая находка, возможно, дополняет круг памятников с территории Казахстана, относящихся к наиболее раннему пласту древних кочевников наряду с Шиликты и Бесшатыром. Они демонстрируют сложившееся искусство (Шиликты, Байке-2). В то же время мы понимаем некоторую условность вывода о датировке Байке-2.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, футляр, зооморфный декор, искусство.

Введение

Предлагаемая статья представляет собой вторую часть исследования уникального произведения искусства древних косторезов, куда включен более подробный аналитический материал, а также прорисовка предмета, выполненная профессиональным художником Д. Джанабаевым. Первая часть, состоящая из подробного описания находки и предварительного анализа и снабженная тремя фотографиями, уже опубликована (см.: *Бейсенов и др.*, 2016).

В раннесакскую эпоху племена Центрального Казахстана составляли ядро большой тасмолинской историко-культурной общности. Наряду с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, в эту общность включают улубай-тасмолинскую и бобров-тасмолинскую культуры, локализирующиеся соответственно

в Северном Казахстане и степях Южного Зауралья (Кадырбаев, 1966; 1968; Хабдулина, 1994; Таиров, 2007; Бейсенов, 2014а; 2014б; 2015в; 2015г; Beisenov, 2013; Beisenov, 2015).

Находка, анализу которой посвящена статья, происходит из кургана № 7 мог. Байке-2, находящегося в Карагандинской области. Могильник состоит из 13 курганов, насыпи которых содержат следы интенсивной выборки камней, и восьми округло-овальных жертвенных выкладок (Бейсенов, Дуйсенбай, 2015). Курган № 7 представляет собой комплекс с каменными грядами и является основным погребальным сооружением. К нему с восточной стороны примыкает курган-спутник (№ 7а), от которого в свою очередь на юго-восток отходят две плохо сохранившиеся каменные гряды («усы»). В кургане № 7а находок не выявлено; в кургане № 7 (параметры сохранившейся части насыпи: диаметр – 12,5 м, высота – 0,35 м) вскрыто ограбленное захоронение. На дне грунтовой могилы (глубина – 1,7 м) расчищена часть скелета человека, уложенного вытянуто, на спине, головой на запад. В области шеи и грудной клетки найдены: жертвенник, изготовленный из песчаника, зеркало с ручкой, две пастовые ворворки. Анализируемый предмет найден в заполнении могильной ямы.

Краткое описание предмета

Футляр изготовлен из диафиза трубчатой кости крупного копытного животного¹. Его размеры: высота – 83 мм, диаметр в расширенной части – 48 × 39 мм, диаметр в зауженной части – 43 × 32 мм. Видимо, для крепления дна и крышки с противоположных сторон по длине окружности выполнено по два сквозных отверстия. Диаметр отверстий в расширяющейся части предмета около 2 мм; в более зауженной – крупнее, 3,5 мм. Толщина стенок футляра – около 2 мм. Поверхность футляра, возможно, была окрашена: большая часть предмета зеленого цвета, в углублениях – красного. Поверхность изделия искусно декорирована многофигурной композицией, состоящей из изображений животных, выполненных в технике художественной резьбы по кости.

По-видимому, центральным элементом сюжета является сцена терзания тремя хищниками сайгака (рис. 1) (Бейсенов и др., 2016). Изображение травоядного животного лаконично вписано в срединную часть предмета. Всего на футляре проработаны изображения 16 животных и вихревого знака. Из указанной группы зверей лишь один показан сокращенно – в виде головы, все остальные – целые фигуры. К числу травоядных отнесено девять животных – сайгак, олень, кабан, одно безрогое животное с длинным листовидным ухом, три зверя с ровными круто загнутыми назад рогами, копытное без головы, неопределимое травоядное животное.

В многофигурной композиции присутствует изображение шести хищников. Они все разные. Отличия проявляются в трактовке ушей, хвостов и лап. Классическая передача содержательных элементов, характерных для хищников, выяв-

¹ Определение выполнено археозоологами П. А. Косинцевым и Д. О. Гимрановым. Пользуясь случаем, выражаем им искреннюю благодарность.

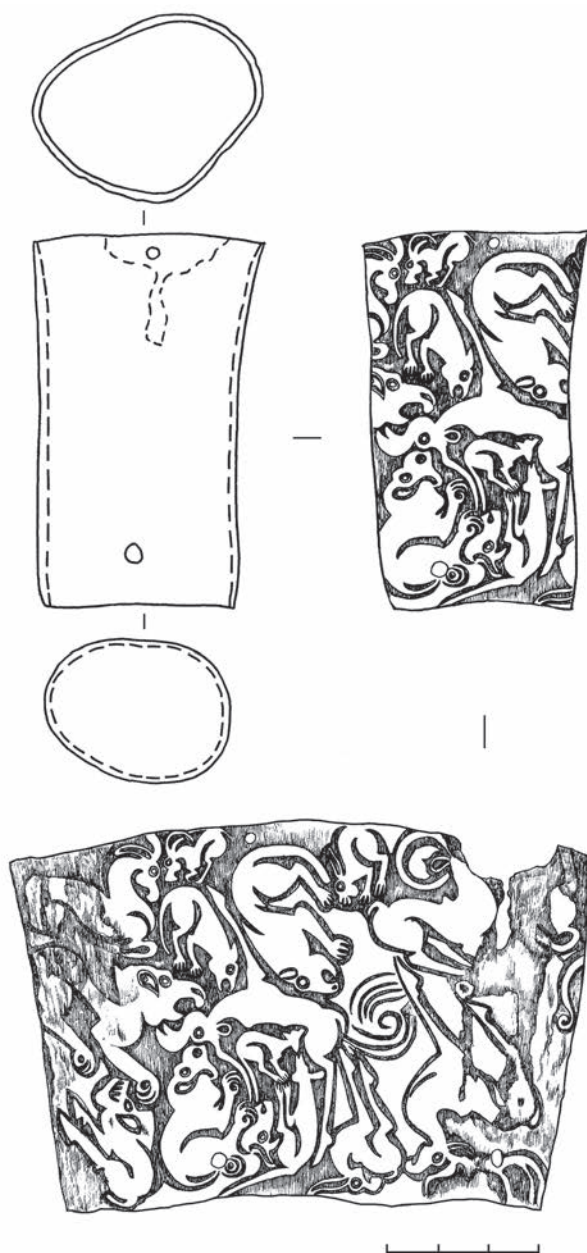

Рис. 1. Байке-2. Костяной футляр

лена всего лишь один раз – в трактовке зверя с каплевидным ухом. Более всего поражают изображения так называемых тонких хищников, показанных схематично, без детализации органов слуха и зрения.

Изображение одного из животных, с определенной долей сомнения, можно атрибутировать как зайца (?).

Вихревой знак, являющийся еще одним элементом композиции, требует специального изучения. Заметим лишь, что аналогичный декор – явление довольно распространенное в изобразительных памятниках тасмолинской культуры: см., например, оформление элементов уздечного набора из к. № 19 мог. Тасмола-1 (*Кадырбаев*, 1966), предметов из жертвенника, выявленного на могильнике Ба-кыбулак (*Бейсенов*, 2015а), а также из раскопок ограды 96Б могильника Акмустафа (*Бейсенов*, 2015б), изучавшегося экспедицией под руководством Ж. Курманкулова, и комплекса случайных находок из Баршатаса (фонды Центрального государственного музея РК) (*Бесетаев*, 2016).

Анализ стилистических особенностей и приемов

Относительно стиля и художественного оформления можно сказать, что изображения хищников выполнены с помощью художественных приемов, присущих раннескифским/раннесакским образам. К ним относится сама поза скребущего хищника, обозначение глаз, раскрытой пасти и ноздрей кружками, кольчатость лап и окончания хвоста.

Несмотря на стилизацию, изображения хищников на футляре можно считать реалистичными. В. А. Кисель считает, что между двумя направлениями образа хищника – реалистическим и схематическим – не существовало значительного хронологического разрыва. Оба варианта появились одновременно. В. А. Кисель определил характерные стилистические признаки схематических раннескифских изображений кошачьего хищника – трактовка головы в виде трех кружков (ухо, глаз, ноздря), пасть, похожая на «открытый полуовал», нижняя челюсть, плечо и бедро, выполненные в «округлом выпуклом рельефе», кольчатые окончания лап и хвоста, «характерный сердцевидный вырез бедра» (*Кисель*, 1994. С. 111).

Важно отметить, что кольцевидные стопы появляются почти одновременно с когтистыми лапами «реалистичных» образов, но постепенно вытесняют их, трансформируясь в подобия спиралей (Там же. С. 113). Кольцевидное окончание хвоста известно на самой ранней стадии развития звериного стиля (Там же. С. 114).

Футляр из Байке-2 более поздний (вероятно, VII в. до н. э.), но все же относится к раннескифскому этапу и демонстрирует удивительное сочетание так называемой загадочной картинки (композиции) и присутствие сюжета.

В первой части исследования (*Бейсенов и др.*, 2016) нами приводились мнения специалистов относительно признаков, присущих раннескифским/раннесакским изображениям (*Итина, Яблонский*, 1997; *Политович*, 2010а; 2014; *Богданов*, 2006; 2011; *Чугунов*, 2004; 2011; *Сигинов и. а.*, 2010).

В данном контексте интересны некоторые иные моменты. Так, на основе стилистического анализа изображений Н. А. Боковенко выделяет три этапа развития образа оленя (*Боковенко*, 2014): ранний (аржанский) этап (IX–VII вв. до н. э.);

средний (классический) этап (VI–III вв. до н. э.); поздний (переходный) этап (II–I вв. до н. э.).

Для изображений животных раннего этапа характерны: поза «внезапной остановки» (на цыпочках), закинутая вверх голова, спиральные завитки на бедрах у оленей; для среднего этапа – более динамичные позы: идущие – бегущие – лежащие животные, вывернутые крупы, стилизация рогов. В этот период олень также показан жертвой нападающего хищника или как часть синкретичного фантастического существа (Боковенко, 2014. С. 6). В композиции из Байке-2 изображение оленя демонстрирует принадлежность к раннему этапу, а другие копытные – признаки, видимо характерные для обоих этапов. В аспекте развития образа оленя в системе центральноазиатского изобразительного пласта, травоядное из Байке-2 входит в многофигурную композицию, где олень выступает жертвенным животным (Там же).

Вероятно, не случайно сайгака в композиции из Байке-2 окружают три наиболее крупных хищника. Ю. Б. Полидович также считает, что сцены нападения / терзания можно трактовать как символическое изображение жертвоприношения. К таковым автор относит бляху VI в. до н. э. из Павлодарского Прииртышья (Арсланова, 1963; Акишев, 1976) и бляху из Пьяноборского могильника в Прикамье. Если принять мнение, что в прииртышском изображении «воплощена идея понимания единства трехчастности, выраженная в хищниках, которые являются абсолютно тождественными между собой» (Полидович, 2006. С. 364), то в сцене на футляре мы наблюдаем созвучное мифологическое смысловое наполнение. Идея, выражающая «начальное единство мира и единство всего сущного в мире», ведическое представление о единстве, отражена, по мнению Ю. Б. Полидовича, в стилистике келермесской пантеры, в композиции на бляхе из Павлодарского Прииртышья и бляхах из могильников Илекшар-I и Пьяноборского (Полидович, 2010б. С. 238, 239). Он также считает, что сюжеты «загадочных картинок» являются примером раннескифской «композиционной формулы», выражающей мотив терзания (Полидович, 2006).

С актом терзания связано и положение хвоста хищников. По мнению Ю. Б. Полидовича, в случае, когда хвост «окружает лежащего зверя снизу, в изображение вносится кроме тематической многоплановости и временная многоплановость». Протянутая вперед лапа хищников или повернутая к шее оленя морда кошачьего хищника «связаны с последующим актом терзания» (Полидович, 2002. С. 187).

Две семантические группы, на которые Д. Г. Савинов делит раннескифские композиции, связаны с «идеями реинкарнации, “перехода”, жертвоприношения и умножения» и решением внутреннего «конфликта» (Савинов, 2012. С. 52). Выделение одной более крупной фигуры – характерная особенность первобытного искусства (Там же. С. 53).

Обращает на себя внимание разная стилистика изображений хищников в серии предметов из тасмолинских памятников.

В могильнике Талды-2 выявлены многочисленные бляшки в виде кошачьих хищников, но и внутри одного памятника они неоднородны (Бейсенов, 2014а; Bejsenov, 2013). На части бляшек у хищников мощный загривок выделен разными приемами (выемка в виде вытянутой капли, выпуклой складкой и т. п.),

ноги показаны как бы в складках, хвост закручен на кончике, морда тупая, уши не круглые, скорее – ложечковидные. Животные статичные, бездвижные, нет экспрессии.

Похожие (по тем или иным признакам) изображения хищников выявлены в м. 3 Обских Плесов-2, в кургане 1 Кош-Пея-1, курганах № 31 и 53 Тагискена. Возможно, здесь передан обобщенный образ кошачьего хищника, либо бляшки штамповал тот, кто никогда не видел этого животного. Предполагается, что образы из Талды-2 – наименее реалистичные. Стилистически близки талдинским изображения кошачьих хищников из элитного тасмолинского кургана № 10 м-ка Ашутасты (Бейсенов и др., 2015). Выявленные параллели маркируют возможные векторы связей раннесакских племен: Сарыарка – Восточный Казахстан – Тыва и Жетысу – Приаралье (Бейсенов и др., 2011). Датировка крупных курганов мог. Талды – VII–VI вв. до н. э. (Beisenov et al., 2016).

При таком стилистическом разнообразии воплощения образа хищника в раннесакское время Сарыарки возникают вопросы: нашла ли в нем отражение хронологическая дистанция или это просто разные виды животных; не оставили ли их какие-то разные группы населения и т. д.?

Д. Г. Савинов, перечисляя «персонажей» раннескифских многофигурных композиций, упоминает кошачьих и волкоподобных хищников, птиц (орлов или грифонов), а также копытных животных (оленей, лосей, горных козлов) (Савинов, 2012). Видимо, и образы на футляре также можно назвать кошачьими и волкоподобными.

Следует обратить внимание на то, что у хищников, изображенных на предмете из Байке-2, уши близки к каплевидной форме, в том числе в перевернутом виде. Можно заметить, что у животных с закрученными кончиками хвостов более мощная грудь и более когтистые лапы. Хвост на конце закручен только у двух хищников, у остальных – прямой. У хищников с прямым хвостом окончания лап скорее оформлены в виде мягких пальцев, а не когтей.

Абсолютная хронология Аржана-2 оказывается синхронной Келермесу (приблизительно 660–640 гг. до н. э.) (Там же. С. 36, 37). Распространение «скифских» традиций от Аржана-1 до Келермеса – 100–120 лет – время образования так называемого скифо-сибирского культурно-исторического единства. Если принять, что Байке-2 синхронен или немного предшествует Аржану-2, то это как раз время, когда складывались основные составляющие скифо-сибирской культуры (в т. ч. искусство), что, видимо, нашло отражение и в разных трактовках хищников.

Для нас представляет интерес замечание, что аржанская пантера сочетает в себе признаки нескольких самых сильных животных – кошачьего хищника, медведя и волка. Такие изображения составляют основной фонд нуклеарного искусства звериного стиля, не испытавшего еще влияния со стороны Передней Азии, и представляют изобразительную традицию Большой Степи (Там же. С. 37), органичной частью которой является и Центральный Казахстан.

К какой из выделенных Д. Г. Савиновым композиций раннескифского времени можно отнести сцену на футляре?

К круговым относятся композиции с животными на Бухтарминском зеркале, на лопастях крестовидных блях, на бронзовой пряжке из Павлодарского Прииртышья, ананьинской пряжке из Пьяного Бора.

Возможно, по спирали «закручены» изображения оленей на некоторых оленных камнях монголо-забайкальского типа из Монголии (Савинов, 2012. С. 50).

«Загадочные картинки» выделил, как известно, А. Д. Грач (1980). Сам композиционный прием («загадочная картинка»), расположенный в замкнутом пространстве, как бы сочетает и то и другое или содержит в себе круговую композицию.

Учитывая тезис о том, что помещение в центре композиции более крупной фигуры животного можно расценивать с позиции способа передачи отдельных планов изображения, где размеры фигур уже «работают» на передачу перспективы, можно все-таки предположить, что композиции на таких предметах, как футляр, имеют замкнутую организацию пространства. Композиционное решение «загадочных картинок» на футлярах позволяет совместить круговую композицию с ключевой фигурой и сюжетом в центре и организацию «загадочной картинке». В этом аспекте оленные камни также напоминают «загадочные картинке» на футлярах.

Кроме того, оленные камни и описываемый футляр объединяют также сходные стилистические приемы. На оленных камнях копытные животные показаны как с подогнутыми ногами, так и в позе внезапной остановки (правда, ноги часто как бы обрублены, но есть и свисающие). Несмотря на антропоморфность оленных камней, бросается в глаза то же стремление заполнить поверхность изображениями животных. Причем присутствуют как кошачьи хищники, так и олени, кони, кабаны, козлы.

На сегодняшний день оленные камни считают неотъемлемой частью раннескифских изобразительных комплексов Центральной Азии (ранние этапы становления и развития скифо-сибирского звериного стиля).

Обсуждение

Возвращаясь к изображениям кошачьих хищников и волкоподобных животных, обратим внимание на время, этап в истории – становление культуры кочевников. О воинах – псах, волках написано достаточно. Истоки традиции, особенно ясно проявляющейся в средневековье, заложены в эпоху ранних кочевников. Известно, что слово «Ашина» означало «волк», «благородный волк».

Китайские авторы считали понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами. Известно, что сяньбийская царица характеризовала своего мужа, хана Шаболио, так: «...хан по его свойствам есть волк». Но особенно примечательно выражение в инструкции о действиях при нападении на тюрков: «...гнать кочевых и нападать на волков» (Липец, 1981).

Сохранились военные прозвища-эпитеты в тюрко-монгольском эпосе. Р. С. Липец справедливо отмечает глубину поэтической традиции: «Еще в эпоху военной демократии внимание к волку... в творчестве слагателей эпоса переклюилось уже на воинскую тематику» (Там же. С. 129).

В наставлениях тюркским военачальникам перечисляются различные животные и птицы, определяющими свойствами которых должен обладать военачальник; прослеживается цепочка зооморфных образов – волк наряду с тигром и ловчими птицами (Липец, 1981).

Можно предположить, что на футляре изображен туранский тигр, обитавший в густых зарослях в горных местностях Малой и Передней Азии, где он населял леса – широколиственные, смешанные, арчевые – на высотах до 3–4 тыс. м над уровнем моря, летом поднимаясь до границы вечных снегов. В Закавказье – в густых зарослях леса и в непролазных камышах, по берегам лагун и речек. В Средней Азии – по побережьям крупных рек и озер, в огромных камышовых зарослях, часто перемежающихся с кустарниковой и древесной растительностью. Летом тигры поднимаются до 3000 м и выше. Уникальным ареалом каспийского тигра в Центральной Азии являлась тугайная растительность, расположенная вдоль больших рек, начинающихся высоко в горах и пересекающих пустыни, или вокруг озер.

Одной из отличительных черт тигра являлась его способность в период бескормицы и необходимости расселения совершать переходы до 50–100 км за сутки; за несколько дней с перерывами на короткий отдых взрослый самец мог пройти 200–400 км. Известны случаи, когда туранского тигра видели в XIX в. на Алтае, в районе Акмолинска и на территории современной Оренбургской области.

Излюбленный рацион туранского тигра – олени разных видов и дикие свиньи. Кабана в этом списке специалисты ставят на первое место. Тигр также нападает на медведей и особенно на волков.

О силе тигра говорит его способ охоты – настигнув жертву, тигр ломает ей ударом лапы позвоночник или прокусывает шею, после чего обычно оттаскивает к ближайшему укромному месту и приступает к еде. Среди его прямых конкурентов – леопард, волк (они чаще всего выступают как серьезные и неприимимые враги) (Царук, Чикин, 2017).

Казахское название тигра – «жолбарыс» (странствующий барс) – связывают с особенностями его поведения, с образом жизни. По заключению исследователей, казахи наделяли тигра мистическими свойствами за его силу, мощь, стремительность и ловкость. К настоящему времени уничтожен не только туранский тигр, но и тугайный олень, красный волк (Ванин, 2017). Последний тигр в камышах озера Балхаш был убит в 1948 г. (Казахстан..., 2002. С. 22).

Ареал леопарда на территории СНГ, который также имел честь стать объектом древнекочевнического искусства и мифологии – северная окраина видового ареала, – представлен тремя частями: кавказской, среднеазиатской (Иран, Афганистан, Туркмения, правобережье Амударьи и Пянджа) и дальневосточной.

В связи с присутствием волкоподобных хищников среди изображений на футляре коснемся характеристики волков. Волк евразийский (*Canis lupus lupus*; обыкновенный волк), основной добычей которого являются копытные животные средних размеров (муфлон, серне, сайгак, кабан, благородный олень, европейская косуля, домашний скот), всем известен (Евразийский волк..., 2017). Охарактеризуем вкратце и красных волков (*Cuon alpinus*). Обычно подчеркивается сочетание в них таких качеств, как волчья сила и дерзость, хитрость лисицы, жадность и осторожность шакала. В. Н. Шнитников и Г. И. Поляков описывают впечатления о встрече с этим хищником в Семиречье, Джунгарском Алатау, на Маркаколе, где он обитает в горах и всегда держится стаями (Маркаколь..., 2017). Вообще же Казахстан – периферийная (северная) часть ареала. Красный

волк встречался на Южном Алтае, Сауре, Тарбагатае, Джунгарском Алатау, Центральном и Северном Тянь-Шане, Киргизском хребте, Таласском Алатау, зафиксированы его заходы в безлесный гористый массив Чингизтау и в злаковую степь в 70 км южнее Павлодара.

Во внешнем виде этих животных также просматриваются черты шакала, лисицы и волка. Красный волк отличается, помимо окраса, более пушистой шерстью и длинным хвостом, более короткой и острой мордой с относительно большими стоячими ушами с закругленными вершинами. Даже подушечки средних пальцев передних ног соединены перемычкой и образуют подковообразную, открытую вперед фигуру. Среда обитания красных волков – горы, а также степи, лесостепи или пустыни (в поисках пищи). Это скалистые, платообразные и лесные участки в альпийском, субальпийском и лесном поясах гор, где обитали и копытные животные; остепненные склоны, прорезанные скалистыми ущельями. Красный волк охотился на горного козла, архара, косулю, кабана, марала, домашних овец. Враги – волк, снежный барс; конкуренты – волк, барс, рысь (*Супон alpinus...*, 2017). Косули и дикие свиньи особенно страдали от красного волка.

Туранский тигр (*Panthera tigris virgata*) в своем ареале истреблял волка, своего конкурента. Кстати, косули, сайгаки и джейраны составляли значительную часть рациона. Заяц также мог стать добычей тигра (Марков, 2017).

На футляре из Байке-2 можно увидеть большинство животных фауны «казахстанской» части сакского мира. Тигр и волк наделялись особыми качествами в мифологии казахов, кочевники преклонялись перед силой тигра.

Выводы

Футляр из Байке-2, судя по характеру декора, датируется VII в. до н. э. Он относится к раннескифскому этапу и демонстрирует наличие композиции и сюжета. Набор устойчивых стилистических и композиционных признаков, который выявляется для изображений из Байке-2, находит определенные параллели в восточных регионах скифского мира. Новая находка, возможно, дополняет (наряду с Шиликты и Бешатыром) круг памятников с территории Казахстана, относящихся к наиболее раннему пласту. Они демонстрируют сложившееся искусство (Шиликты, Байке-2). В то же время мы осознаем некоторую условность вывода о датировке Байке-2 началом VII в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А. К., 1976. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука. С. 183–195.
- Арсланова Ф. Х., 1963. Интересная находка из Прииртышья // Вестник АН КазССР. № 10. С. 100–101.
- Бейсенов А. З., 2014а. Древние сокровища Сарыарки: книга-альбом. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана: Бегазы-Тасмола. 196 с. (На каз., рус. и англ. яз.)
- Бейсенов А. З., 2014б. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана // Записки ИИМК. № 9. С. 92–102.

- Бейсенов А. З., 2015а. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. Сер.: История. № 36. С. 96–104.
- Бейсенов А. З., 2015б. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТомГУ. Сер.: История. № 3 (35). С. 112–122.
- Бейсенов А. З., 2015в. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: Бегазы-Тасмола. С. 11–38.
- Бейсенов А. З., 2015г. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 6, ч. 2. Краснодар. С. 22–31.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., 2011. Мир образов в искусстве населения Сарыарки (по материалам памятников I тыс. до н. э.) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Т. 2. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. С. 261–273.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., 2015. Искусство саков Сарыарки. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана: Бегазы-Тасмола. 180 с.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б., 2016. Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) [Электронный ресурс] // Tyragetia. Serie nouă. Vol. X (XXV), nr. 1. P. 225–236. Режим доступа: https://www.nationalmuseum.md/ro/press_releases/journal_tyragetia/naxodka_kostjanogo_futljara_v_kurgane_tasmolinskoi_kul_tury_central_nyi_kazaxstan/. Дата обращения: 23.07.2017.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., 2015. Исследования на могильнике Байке-2 // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: Бегазы-Тасмола. С. 71–76.
- Бесетаев Б. Б., 2016. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана // БААЭ. № 2 (33). С. 41–52.
- Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.
- Богданов Е. С., 2011. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя («на цыпочках») в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // «Terra Scythica»: материалы междунар. симп. (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 23–28.
- Боковенко Н. А., 2014. Образ оленя в искусстве ранних кочевников Центральной Азии: тенденции развития и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество. С. 5–7.
- Ванин Е., 2017. По следам туранского тигра [Электронный ресурс] // Тайна туранского тигра. Режим доступа: <https://camonitor.kz/878-.html/>. Дата обращения: 12.06.2017.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 256 с.
- Евразийский волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Евразийский_волк. Дата обращения: 12.06.2017.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Росспэн. 188 с.
- Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. С. 303–433.
- Кадырбаев М. К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука. С. 21–36.
- Казахстан: нац. энциклопедия. Т. 4. Алматы: Казахская энциклопедия, 2002. 718 с. (На каз. яз.)
- Кисель В. А., 1994. Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: Фонд фундаментальных исследований РАН. С. 111–119.
- Липец Р. С., 1981. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. № 1. С. 121–134.
- Мараков С. В., 2017. В джунглях Прибалхашья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://balkhash9.ru/forum/viewtopic.php?t=80&start=40>. Дата обращения: 12.06.2017.

- Маркаколл [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://markakoll.kz/vse-dalshe-vglub-teper-uxod-yat-zveri/krasnyj-volk/>. Дата обращения: 12.06.2017.
- Полидович Ю. Б., 2002. Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк: ДонНУ. С. 181–198.
- Полидович Ю. Б., 2006. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк: ДонНУ. С. 355–398.
- Полидович Ю. Б., 2010а. Келермесская пантера (опыт культурологического анализа) // Археологический альманах. № 21. Донецк. С. 225–250.
- Полидович Ю. Б., 2010б. Предметы торевтики из кургана Байгетобе (Восточный Казахстан): на стыке восточных и западных традиций // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: АлтГУ. С. 148–151.
- Полидович Ю. Б., 2014. Основные группы изображений оленей раннескифского времени (из восточных регионов Евразии) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. (12–14 ноября 2014 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 73–76.
- Савинов Д. Г., 2012. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово. С. 35–55. (Труды САИПИ; вып. IX.)
- Таиров А. Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ. 274 с.
- Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым. 170 с.
- Царук О. И., Чикин Ю. А. Туранский тигр – анализ современной ситуации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://new.wwf.ru/upload/iblock/7b9/obzornye_materialy_k_otqetu_po_tigru_uzbruss.pdf. Дата обращения: 12.06.2017.
- Чугунов К. В., 2004. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: матер. тематич. научн. конф. (1–4 декабря 2004 г.). СПб.: СПбГУ. С. 273–276.
- Чугунов К. В., 2011. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения–2011: материалы междунар. археол. конф. (20–22 апреля 2011 г.). Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. С. 177–182.
- Beisenov A., 2015. Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huhhot. P. 258–266.
- Beisenov A. Z., Svyatko S. V., Kassenalin A. E., Zhambulatov K. A., Duisenbai D. B., Reimer P. J., 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. Vol. 58, iss. 2. P. 179–191.
- Beisenov A., 2013. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhskishen zeit osteurasiens // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. T. II / Hrsg.: Z. Samashev, Th. Stoeilner. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum. S. 595–608.
- Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 330 s., 289 abb., 153 taf. (Archäologie in Eurasien; Bd 26.) (Steppenvölker Eurasiens, 3.)
- Cuon alpinus. Красный волк [Электронный ресурс] // Красная книга Казахстана. Режим доступа: <http://redbookkz.info/species.php?lang=ru&num=102>. Дата обращения: 24.07.2017.

Сведения об авторах

Бейсенов Арман Зияденович, Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, пр. Достык, 44, Алматы, 050100, Республика Казахстан; e-mail: azbeisenov@mail.ru;

Джумабекова Гульнара Саиновна, Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, пр. Достык, 44, Алматы, 050100, Республика Казахстан; e-mail: gdzhuma@mail.ru;

Базарбаева Галия Аппазовна, Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, пр. Достык, 44, Алматы, 050100, Республика Казахстан; e-mail: galiya2002@gmail.com;

Дуйсенбай Данияр Болатбекович, Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, пр. Достык, 44, Алматы, 050100, Республика Казахстан; e-mail: daniar_db88@mail.ru

A. Z. Beysenov, G. S. Jumabekova, G. A. Bazarbaeva, D. B. Duysenbay

ZOOMORPHIC DECORATION OF THE CASE FROM THE EARLY SAKA KURGAN (CENTRAL KAZAKHSTAN)

Abstract. The paper reviews a new find with a zoomorphic decoration originating from Central Kazakhstan discovered in the course of excavations at the Baike-2 burial ground (Karkaralinsk district, Karaganda region) during the 2015 field season (Fig. 1). The excavations were conducted by the Saryarka archaeological expedition of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology led by A. Z. Beysenov. Images of 16 animals and a symbol of whirlwind have been identified in the composition decorating a bone case from Baike-2. The site is attributed to the Tasmola archaeological culture of the Saka period. Judging by the decoration pattern, the case from Baike-2 is dated to the 7th century BC. It refers to the Early Scythian period and has a composition and a motif. The set of recurring stylistic and composition traits identified for Baike-2 images has certain parallels in eastern regions of the Scythian world. Probably, along with Shilikty and Besshatyr, the new find can be added to the circle of the sites in Kazakhstan attributed to the earliest stratum of the ancient nomads. These sites demonstrate a well-developed art (Shilikty, Baike-2). At the same time, we are aware that the conclusion on Baike-2 dating is provisional.

Keywords: Central Kazakhstan, Tasmola archaeological culture, case, zoomorphic decoration, art.

REFERECES

- Akishev A. K., 1976. Novye khudozhestvennye bronzovye izdeliya saksogo vremeni [New artistic bronze objects of the Saka time]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* [The past of Kazakhstan as reflected by archaeological sources]. Alma-Ata: Nauka, pp. 183–195.
- Arslanova F. Kh., 1963. Interesnaya nakhodka iz Priirtysh'ya [Fascinating find from Irtysh region]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [Bulletin of Academy of Sciences of Kazakh SSR], 10, pp. 100–101.
- Beisenov A., 2015. Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan. *Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Huhhot, pp. 258–266.
- Beisenov A. Z., Svyatko S. V., Kassenalin A. E., Zhambulatov K. A., Duisenbai D. B., Reimer P. J., 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). *Radiocarbon*, vol. 58, iss. 2, pp. 179–191.
- Beysenov A., 2013. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruksakischen zeit osteurasiens. *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens*, II. Z. Samashev, Th. Stoellner, hrsg. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, Ss. 595–608.
- Besetaev B. B., 2016. Sluchaynye nakhodka bronzovykh veshchey rannesakskogo vremeni iz Vostochnogo Kazakhstana [Isolated finds of bronze artefacts of early Saka time from Eastern Kazakhstan]. *VAAE*, 2 (33), pp. 41–52.
- Beysenov A. Z., 2014a. Drevnie sokrovishcha Saryarki: kniga-al'bom [Ancient treasures of Saryarka: album book]. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana: Begazy-Tasmola. 196 p. (In Kazakh, Russian and English.)

- Beysenov A. Z., 2014b. Poseleniya rannesakskogo vremeni Tsentral'nogo Kazakhstana [Settlements of early Saka time of Central Kazakhstan]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAS]*, 9, pp. 92–102.
- Beysenov A. Z., 2015a. Okolokurgannye zhertvenniki kak raznovidnost' pamyatnikov tasmolinskoy kul'tury [Funeral feasts remains near kurgans as a type of Tasmola culture sites]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tomsk State university. Ser. History]*, 36, pp. 96–104.
- Beysenov A. Z., 2015b. Pamyatniki verkhov'ev reki Atasu v Tsentral'nom Kazakhstane [Sites on upper reaches of Atasu River in Central Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tomsk State university. Ser. History]*, 3 (35), pp. 112–122.
- Beysenov A. Z., 2015g. Tsentral'nyy Kazakhstan v rannem zheleznom veke [Central Kazakhstan in Early Iron Age]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and social educational thought]*, vol. 7, no. 6, pt. 2. Krasnodar, pp. 22–31.
- Beysenov A. Z., 2015v. Poseleniya i mogil'niki sakskey epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Settlements and cemeteries of Saka epoch in Central Kazakhstan]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii: sbornik statey, posvyashchennykh pamyati arkheologa K. A. Akisheva [Saka culture of Saryarka in context of investigation of ethno-social-cultural processes in Steppe Eurasia: collection of articles in memory of the archaeologist K. A. Akishev]*. Almaty: Begazy-Tasmola, pp. 11–38.
- Beysenov A. Z., Duysenbay D. B., 2015. Issledovaniya na mogil'nike Bayke-2 [Investigations at cemetery Bayke-2]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii: sbornik statey, posvyashchennykh pamyati arkheologa K. A. Akisheva [Saka culture of Saryarka in context of investigation of ethno-social-cultural processes in Steppe Eurasia: collection of articles in memory of the archaeologist K. A. Akishev]*. Almaty: Begazy-Tasmola, pp. 71–76.
- Beysenov A. Z., Dzhumabekova G. S., Bazarbaev G. A., 2011. Mir obrazov v iskusstve naseleniya Saryarki (po materialam pamyatnikov I tys. do n. e.) [World of images in art of Saryarka population (based on materials from sites of I mill. BC)]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiyu Instituta arkheologii imeni A. Kh. Margulana [Archaeology of Kazakhstan in epoch of independence: results, perspectives: collected transactions of international scientific conference, devoted to 20th anniversary of independence of Republic of Kazakhstan and 20th anniversary of A. Kh. Margulan Institute of archaeology]*, 2. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana, pp. 261–273.
- Beysenov A. Z., Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., 2015. Iskustvo sakov Saryarki [Art of the Saka of Saryarka]. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana: Begazy-Tasmola. 180 p.
- Beysenov A. Z., Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Duysenbay D. B., 2016. Nakhodka kostyanogo futlyara v kurgane tasmolinskoy kul'tury (Tsentral'nyy Kazakhstan). Elektronnyy resurs [Find of bone case in kurgan of Tasmola culture (Central Kazakhstan). Electronic resource]. *Tyragetia. Serie nouă*, vol. X (XXV), no. 1. pp. 225–236. URL: https://www.nationalmuseum.md/ro/press_releases/journal_tyragetia/naxodka_kostjanogo_futljara_v_kurgane_tasmolinskoi_kul_tury_central_nyi_kazaxstan/.
- Bogdanov E. S., 2006. Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) [Image of predator in figurative art of nomad peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 240 p.
- Bogdanov E. S., 2011. Obrazy svernuvshegosya i pripavshego k zemle khishchnika, olenya «na tsypochkakh» v kontekste zarozhdeniya skifo-sibirskogo iskusstva [Images of coiled predator dropped to ground, deer «on tiptoes» in context of formation of Scythian-Siberian art]. «*Terra Scythica*»: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [«*Terra Scythica*»: transactions of international symposium]. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 23–28.
- Bokovenko N. A., 2014. Obraz olenya v iskusstve rannikh kochevnikov Tsentral'noy Azii: tendentsii razvitiya i interpretatsii [Image of deer in art of early nomads of Central Asia: trends of development and interpretations]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*. Kazan': Otechestvo, pp. 5–7.
- Chugunov K. V., 2004. Zverinyy stil' kurgana Arzhan-2: k postanovke problemy [Animal style of kurgan Arzhan-2: raising the problem]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii: materialy*

- tematicheskoy nauchnoy konferentsii [Monuments of figurative art: style, epoch, compositions: Transactions of special scientific conference].* St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 273–276.
- Chugunov K. V., 2011. Kul'turnye svyazi naseleniya Tuvy v ranneskifskoe vremya (po materialam kurgana Arzhan-2) [Cultural relations of Tuva population in early Scythian time (based on materials from kurgan Arzhan-2)]. *Margulanovskie chteniya–2011: materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii [Margulan readings–2011: transactions of international archaeological conference]*. Astana: Evraziyskiy natsional'nyy universitet imeni L. N. Gumileva, pp. 177–182.
- Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 330 s., 289 abb., 153 taf. (Archäologie in Eurasien, 26.) (Steppenvölker Eurasiens, 3.)
- Cuon alpinus. Krasnyy volk. Elektronnyy resurs [Cuon alpinus. Red wolf. Electronic resource]. *Krasnaya kniga Kazakhstana [Red book of Kazakhstan]*. URL: <http://redbookkz.info/species.php?lang=ru&num=102>.
- Evraziyskiy volk. Elektronnyy resurs [Eurasian wolf. Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Евразийский_волк.
- Grach A. D., 1980. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in centre of Asia]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken) [The Saka of Lower Syrdarya (based on materials from cemetery Southern Tagisken)]. Moscow: Rosspen. 188 p.
- Kadyrbaev M. K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Sites of Tasmola culture]. *Margulan A. Kh., Akishev K. A., Kadyrbaev M. K., Orazbaev A. M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient culture of Central Kazakhstan]*. Alma-Ata: Nauka, pp. 303–433.
- Kadyrbaev M. K., 1968. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannego zheleznoogo veka Kazakhstana [Some results and perspectives of investigation of Early Iron Age archaeology of Kazakhstan]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana [New in archaeology of Kazakhstan]*. Alma-Ata: Nauka, pp. 21–36.
- Kazakhstan: natsional'naya entsiklopediya [Kazakhstan: national encyclopedia], 4. Almaty: Kazakhskaya entsiklopediya, 2002, 718 p. (In Kazakh.)
- Khabdulina M. K., 1994. Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza [Ishim steppe region in Early Iron Age]. Almaty: Gylm. 170 p.
- Kisel' V. A., 1994. Neskol'ko zamechaniy ob obraze koshach'ego khishchnika v rannem skifskom iskusstve [Some notes on image of feline predator in early Scythian art]. *Elitnye kurgany stepey Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu [Elite kurgans of Eurasian steppes in Scythian-Sarmatian epoch]*. St. Petersburg: Fond fundamental'nykh issledovaniy RAN, pp. 111–119.
- Lipets R. S., 1981. «Litso volka blagoslovenno...». (Stadial'nye izmeneniya obraza volka v tyurko-mongol'skom epose i genealogicheskikh skazaniyakh) [«Blessed is wolf's face...» (stadial changes of wolf image in Turk-Mongol epos and genealogic legends)]. *SE*, 1, pp. 121–134.
- Marakov S. V., 2017. V dzhunglyakh Pribalkhash'ya. Elektronnyy resurs [In jungles of Balkhash region. Electronic resource]. URL: <http://balkhash9.ru/forum/viewtopic.php?t=80&start=40>.
- Markakol'. Elektronnyy resurs [Markakol'. Electronic resource]. URL: <http://markakoll.kz/vse-dalshe-vglub-teper-uxodyat-zveri/krasnyj-volk/>.
- Polidovich Yu. B., 2002. Prirodnoe i mifologicheskoe v skifskikh izobrazheniyakh (na primere pozitsiy khvosta khishchnikov) [Natural and mythological in Scythian images (based on example of positions of predators' tail)]. *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii [Structural-semiotic investigations in archaeology]*, 1. Donetsk: Donetskiiy natsional'nyy universitet, pp. 181–198.
- Polidovich Yu. B., 2006. Khishchnik i ego zhertva: vyrazhenie krugovorota zhizni i smerti sredstvami skifskogo zoomorfnoogo koda [Predator and its prey: life-death cycle expressed by means of Scythian zoomorphic code]. *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii [Structural-semiotic investigations in archaeology]*, 3. Donetsk: Donetskiiy natsional'nyy universitet, pp. 355–398.
- Polidovich Yu. B., 2010a. Kelermesskaya pantera (opyt kul'turologicheskogo analiza) [Kelermes panther (experience of culturological analysis)]. *Arkheologicheskiiy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 21. Donetsk, pp. 225–250.

- Polidovich Yu. B., 2010b. Predmety torevtiki iz kurgana Baygetobe (Vostochnyy Kazakhstan): na styke vostochnykh i zapadnykh traditsiy [Toreutic items from kurgan Baygetobe (Eastern Kazakhstan): at meeting point of oriental and western traditions]. *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 148–151.
- Polidovich Yu. B., 2014. Osnovnye gruppy izobrazheniy oleney ranneskifskogo vremeni (iz vostochnykh regionov Evrazii) [Main groups of deer images of early Scythian time (from eastern regions of Eurasia)]. *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoy i khudozhestvennoy interpretatsii: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii* [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation: transactions of All-Russian scientific conference (with foreign participation)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 73–76.
- Savinov D. G., 2012. Izobrazitel'nye pamyatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii [Figurative and technological monuments of early Scythian time: art of composition]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Figurative and technological traditions in art of North and Central Asia]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 35–55. (TSAIPI, IX.)
- Tairov A. D., 2007. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n. e. [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in VII–VI cc. BC]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet. 274 p.
- Tsaruk O. I., Chikin Yu. A. Turanskiy tigr – analiz sovremennoy situatsii. Elektronnyy resurs [Turan tiger – analysis of present situation. Electronic resource]. URL: http://new.wwf.ru/upload/iblock/7b9/obzornye_materialy_k_otqetu_po_tigru_uzbruss.pdf.
- Vanin E., 2017. Po sledam turanskogo tigra. Elektronnyy resurs [Following tracks of Turan tiger. Electronic resource]. *Tayna turanskogo tigra* [Mystery of Turan tiger]. URL: <https://camonitor.kz/878-.html>.

About the authors

Beysenov Arman Z., A. Kh. Margulan Institute of archaeology CS MES RK, pr. Dostyk, 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; e-mail: azbeisenov@mail.ru;

Jumabekova Gul'nara S., A. Kh. Margulan Institute of archaeology CS MES RK, pr. Dostyk, 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; e-mail: gdzhuma@mail.ru;

Bazarbaeva Galiya A., A. Kh. Margulan Institute of archaeology CS MES RK, pr. Dostyk, 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; e-mail: galiya2002@gmail.com;

Duysenbay Daniyar B., A. Kh. Margulan Institute of archaeology CS MES RK, pr. Dostyk, 44, Almaty, 050100, Republic of Kazakhstan; e-mail: daniar_db88@mail.ru

В. И. Гуляев

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧАШИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ЗОЛОТЫМИ ОБКЛАДКАМИ В ВИДЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ

Резюме. Статья посвящена анализу группы деревянных чаш скифского периода с золотыми аппликациями, украшенными изображениями хищных птиц. Характерные признаки этих пернатых позволяют считать, что большинство из них принадлежат представителям отряда соколообразных дневных хищных птиц (Falconiformes), т. е. прежде всего – соколам. На основании поразительного сходства сосудов-птиц из Приазовья, Среднего Дона и Южного Урала (Филипповка) ставится вопрос о тесных торговых и культурных связях этих трех весьма удаленных друг от друга областей. Учитывая ряд косвенных данных, высказывается предположение о появлении соколиной охоты в Евразии еще в скифское время, в I тыс. до н. э.

Ключевые слова: деревянные чаши, золотые обкладки, хищные птицы (соколы), соколиная охота.

Деревянные чаши с металлическими аппликациями встречаются в скифских курганах довольно часто, как в степных, так и в лесостепных областях Северного Причерноморья. Правда, целых экземпляров до нас дошло очень мало из-за плохой сохранности органики (т. е. дерева). В большинстве же случаев мы судим о деревянных сосудах по находкам украшавших их когда-то накладных металлических пластин (золотых и, реже, серебряных) с зооморфными и иными изображениями. Обычно эти пластины сохраняют изгибы деревянной поверхности, которую они покрывали, что позволяет частично или полностью реконструировать форму истлевшей деревянной основы. Форма золотых пластин довольно разнообразна, и их орнаментация тоже. Деревянные сосуды с металлическими накладками бытуют с начала V в. и до конца IV в. до н. э. на достаточно обширной территории (от Алтая (Туэкта) и Южного Приуралья (Филипповка) и до Придунавья (Добруджа) среди кочевых и полуоседлых ираноязычных племен.

Деревянные сосуды с золотым обрамлением не один раз привлекали в прошлом внимание исследователей, начиная с корифея скифо-сарматской археологии М. И. Ростовцева (1914) и заканчивая современными учеными России и Украины: А. П. Манцевич (1966), В. А. Ильинская (1973), Е. Е. Фиалко (1987; 1998; 2004), Е. Ф. Королькова (1998; 2003; Korolkova, 2000), В. А. Рябова (1984; 1991), В. К. Федоров (2006), А. Х. Пшеничнюк (2000; 2012), В. И. Гуляев (2006) и др.

Среди мотивов скифского звериного стиля, украшавших золотые обкладки деревянных сосудов, особенно популярными были образы хищных птиц. «На многочисленных пластинах-накладках, — пишет Е. Е. Фиалко, — этот сюжет, пожалуй, наиболее популярен. Пластины, как правило, выполнены в виде головы хищной птицы, переданной с различной степенью... стилизации и дополнены многочисленными мелкими орнаментальными деталями» (Фиалко, 1998. С. 82). Близкой точки зрения придерживается и Е. Ф. Королькова: «Хищная птица — один из основных мотивов скифо-сибирского звериного стиля. Образ хищной птицы играет большую роль в мировоззрении всех индоевропейских народов, что отражается в мифологических и религиозных представлениях, которые, в свою очередь, проявляются в изобразительной форме в виде отдельных персонажей и в сюжетных комбинациях. Позы, характерные для хищных птиц в природе, воспроизводятся в изобразительной трактовке и трансформируются в иконографические типы...» (Королькова, 1998. С. 166). Образ хищной птицы представлен в скифо-сибирском искусстве на чашах в двух видах: отдельных голов на золотых пластинах-оковках и в форме ручек из золота на краях деревянных чаш (целые фигуры). Чаше всего в сценах терзания хищная птица показана клюющей рыбу. Однако в скифском зверином стиле орел, сокол или «скифский грифон» встречаются как терзающие существа не только с рыбой, но и с другими жертвами, «в роли которых выступают заяц, олень, козел, водоплавающая птица...» (Фиалко, 1998).

Как правило, находки деревянных чаш с золотыми накладками связаны с погребальным инвентарем богатых мужских подкурганов Скифии. По свидетельству Геродота, правители округов у скифов («номархи») ежегодно устраивали празднества, на которых чествовали доблестных воинов (Геродот. IV, 66). По сути дела, для скифских мужчин это был праздник «утверждения в ранге» в соответствии с их боевыми заслугами: воины, убившие одного врага, получали право выпить одну чашу вина; тот, кто сразил в сражении много врагов, наделялся сразу двумя чашами вина. «Чаша здесь выступает, очевидно, как символ определенного воинского ранга...» (Бессонова, 1991. С. 87). Упоминание о (золотой) чаше присутствует в обеих легендах о происхождении скифов; чаша — один из главных атрибутов царской власти. Почитание и очень бережное отношение к деревянным чашам и долгое их употребление в жизни и культе подтверждаются следами починки (треснувшие чаши нередко стянуты золотой или серебряной проволокой, следы затертости краев и т. д.) (Королькова, 2003. С. 36). Деревянные чаши с золотыми обкладками, видимо, были эквивалентом или, точнее, выполняли функции золотого сосуда. В пользу этого говорит тот факт, что появившиеся позднее сосуды из золота и серебра повторяют форму двуручной деревянной чаши с золотым декором — см.: Солоха, Гайманова Могила, Чмырева Могила и др. (Фиалко, 1987. С. 163). «Весьма интересно, — отмечает Е. Ф. Королькова, — что индоиранская ритуальная практика характеризуется особым отношением именно к деревянной посуде... Ведийские арии, несмотря на существование каменной, металлической и глиняной посуды, в обрядах использовали исключительно деревянные сосуды...» (Королькова, 2003. С. 29).

Однако вернемся к деревянным чашам, украшенным золотыми аппликациями с изображениями хищных птиц — целых фигур или их наиболее важных

частей (головы с большим клювом). Хищные птицы, как считают многие исследователи, были наиболее популярным мотивом в скифском зверином стиле в целом и в оформлении золотого декора деревянных сосудов в частности. Но какова причина этого явления? Широко бытует мнение, что скифов, прежде всего, привлекали природные качества хищных птиц – необычайная зоркость их глаз, быстрота полета, острота и сила удара клюва, ценность огромных когтей. Все эти качества хотелось придать своему оружию и своему коню любому скифскому воину. Еще один повод состоит в том, что хищная птица, а именно – сокол Варган, имел прямое отношение к одной из инкарнаций Веретрагны, согласно «Авесте», божеству войны и победы (*Королькова*, 1998. С. 172). Известно также, что божественный сокол Варган был олицетворением священного «фарна». Судя по той же «Авесте», «фарн» не только приносил власть, могущество и богатство, но и выступал как добрый дух-охранитель своего владельца. В древности считалось, что амулет из птичьих перьев не только приносит уважение своему хозяину, но и дарит ему «фарн». Очевидно, тем же целям призваны были служить и деревянные чаши с золотыми накладками, украшенные изображениями хищных птиц (*Фиалко*, 1998. С. 83). Наконец, есть и еще одна весомая причина. В. К. Федоров предлагает интерпретировать все деревянные чаши с золотыми аппликациями в качестве главной культовой посуды при употреблении божественного напитка сомы (*Федоров*, 2006. С. 47).

Впервые этот сюжет подробно рассмотрела А. П. Манцевич (*Манцевич*, 1966. С. 25, 26). Она пишет, что в боковом («царском») погребении кургана Солоха были найдены золотые аппликации от двух деревянных чаш: одной с пластинками в форме рыб и горизонтальной ручкой с тремя птичьими головками и другой, украшенной головами хищных птиц с большими, сильно загнутыми клювами и фигурной ручкой в виде головы хищника (Там же. С. 25. Рис. 2, 2, 3, 4, 7). «Чаша с изображениями рыб лежала около головы погребенного вождя или царя, ближе всех других сосудов, находившихся в погребении, и, вероятно, занимала особо важное место в его погребальном инвентаре. От этой чаши сохранилась оболочка ручки и семь прямоугольных пластин, покрывавших венчик, из них одна с изображением оленя, остальные с изображениями рыб (и тремя стилизованными головами хищных птиц на горизонтальной ручке. – *В. Г.*). У всех по краям отверстия, в некоторых из них сохранились гвоздики с большими полусферовидными шляпками...» (Там же. С. 25). Далее она отмечает, что «изображение птицы на ручке чаши является типичным и широко распространенным». Аналогии золотым пластинам с головой хищной птицы исследовательница находит в скифских курганах Яблоновка, Острая Могила, Большая Знаменка (Там же. С. 31). В кургане № 9 у с. Оситняжка (раскопки В. В. Хвойко, 1900 г.) были обнаружены среди других вещей золотой обруч с дырочками и золотыми гвоздиками и остатки деревянного цилиндрического сосуда. На пластине обруча многократно повторен мотив головы хищной птицы. Дата кургана – вторая половина V в. до н. э. «По характеру орнаментации пластины из Оситняжки можно поставить в один ряд с пластинами из кургана 2 у с. Яблоновка, кургана 4 у с. Берестяги... Завадской Могилы, курганов у с. Великой Знаменки и Дарт-Оба... Все эти пластины украшает орнамент в виде стилизованного изображения головок хищных птиц с розеткой внутри закрученного зубчатого клюва...»

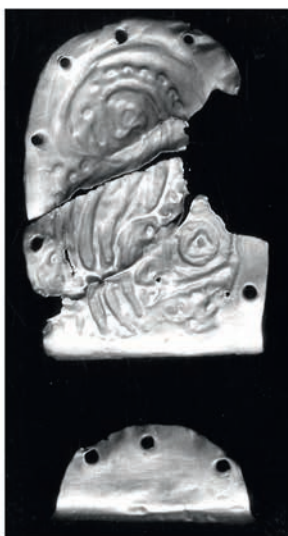
1

2

3

4

(Фялко, 1987. С. 159, 162, 163). При раскопках 1973 г. кургана Завадская Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (V в. до н. э.) были обнаружены остатки нескольких деревянных чаш с золотыми аппликациями, и одна из этих чаш была полностью реконструирована (Золото степу..., 1991. С. 308, 384) (рис. 1, 1). По венчику ее украшают семь золотых пластин «со штампованным изображением головы орла и пальметок» (Там же. С. 308). Золотую обивку венчика деревянной чаши с очень близким по стилю изображением головы хищной птицы с сильно загнутым клювом удалось обнаружить в пострадавшем от рук древних грабителей кургане № 8 у с. Терновое на Воронежщине (Гуляев, 2010. С. 113. Рис. 17, 4, 5) (рис. 1, 4). Еще одна золотая пластина – накладка деревянного сосуда с головой хищной птицы – происходит из кургана I у с. Мастюгино на Среднем Дону (раскопки А. А. Спицына) (Манцевич, 1973. С. 16. Рис. 1, 13).

К этой же группе деревянных сосудов с изображениями хищных птиц на золотых обивках можно с полным правом отнести и три великолепных экземпляра, где птичьи фигуры объемно представлены в полную величину на ручках чаш. Наиболее эффектно выглядит чашеобразный сосуд с золотой фигурной ручкой в виде спокойно сидящей («столбиком») хищной птицы – скорее всего, сокола (рис. 2, а, в); на противоположной стороне по венчику помещена золотая четырехугольная пластина с фигурой стоящего оленя (рис. 2, б, в). Изделие обнаружено в ходе раскопок 1954 г. П. Д. Либеровым в кургане № 11/II группы Частых Курганов под Воронежем (Пузикова, 2001. С. 30. Рис. 7, 1). «Размеры пластин: высота фигуры птицы – 9,5 см; пластина, в которую она была вмонтирована и при помощи которой крепилась на сосуде – 6 × 6,2 см; пластина с изображением оленя – 8 × 5 см. По образцу деревянного блюда из кургана Солоха из папьемаше была реконструирована полная форма сосуда. В реконструированном виде он имел форму невысокого блюда высотой 8 см и диаметром 21,5 см...» (Там же. С. 14). Судя по всему набору уцелевших после древнего ограбления вещей, курган № 11/II может быть датирован в пределах IV в. до н. э. (бронзовый котел, меч в деревянных с серебряной окантовкой ножнах, железные втульчатые наконечники стрел – с плоской треугольной головкой и трехлопастные, железный наконечник копья, золотые бляшки-«тройнички» и др.).

Вполне возможно, что в Частых Курганах в скифское время в одно из погребений был помещен еще один деревянный сосуд с золотой ручкой в виде хищной птицы. Речь идет о раскопках ВУАК знаменитого кургана № 3, где находился серебряный греческий сосуд с изображениями скифов, а также меч с золотой рукояткой (Замятнин, 1946. С. 21–26). «Золотая оковка в форме головы хищной птицы (рис. 10, 3), полая, из довольно толстого листа металла, который был

Рис. 1. Деревянные чаши с золотыми обкладками

1 – реконструкция чаши с семью пластинами-оковками в виде голов хищных птиц. Завадская Могила (Днепропетровская обл.), к-н, V в. до н. э.; 2 – чаша в виде хищной птицы с золотыми аппликациями. Бердянский скифский к-н (Приазовье), 380–370 гг. до н. э.; 3 – с ручкой – «скифским грифоном». Филипповский м-к (Оренбургская обл.), к-н № 1, тайник № 1, начало IV в. до н. э.; 4 – оковки в виде головы хищной птицы. М-к у с. Терновое (Воронежская обл.), к-н № 8, IV в. до н. э.

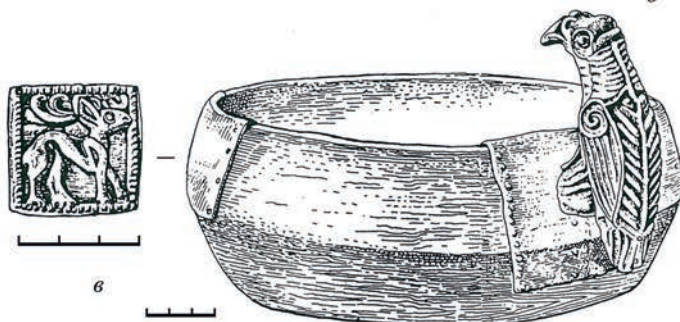
1–3 – фото; 4 – фото и рисунок

a

б

б

положен на, видимо, деревянное изображение, полностью истлевшее. Листок оковки был небрежно пригнан, вернее, обмят и недостаточно передает детали изображения. Оковка прикреплялась не гвоздиками, как обычно, а тонкой золотой же проволокой, местами припаянной. Размеры $5 \times 2,5$ см. Мартинович (один из членов ВУАК. – В. Г.) рассматривал оковку как украшение конской узды (налобник). Более вероятным является предположение А. П. Манцевич, что оковка украшала фигурную ручку деревянного сосуда» (Там же. С. 26). На приведенном в публикации С. Н. Замятнина рисунке детали изображения этой птицы плохо различимы: фотография некачественная и сильно зачернена. Однако даже беглого взгляда на эту золотую ручку-птицу достаточно, чтобы убедиться в полном ее сходстве с соколом, представленным на чаше из кургана № 11/II той же группы Частых Курганов: совпадают общие контуры головы, трактовка клюва с восковицей и большого круглого глаза. Это явно предметы одного порядка и оформления.

Не меньший интерес представляет деревянная с золотыми оковками чаша в форме хищной птицы, найденная в Бердянском кургане в Приазовье, в захоронении представителя скифской знати самого высокого социального ранга (рис. 1, 2). Курган содержал три гробницы, сильно пострадавшие от деятельности древних грабителей: центральную, восточную и южную (*Болтрик и др.*, 1994). Именно в центральной гробнице был обнаружен «сервиз» из трех деревянных чаш с золотыми аппликациями. Среди них одна выделяется своим оригинальным оформлением. «Чаша овальной формы украшена золотыми лентами-обивками с изображением череды грифо-баранов по венчику и двумя фигурными ручками. Одна из них в виде объемной головы хищной птицы с мощным загнутым вниз клювом; вторая плоская горизонтальная – в виде хвоста птицы. В целом эта бердянская чаша в сочетании всех деталей – птичьей головы, овального туловища и ручки-хвоста – представляет собой имитацию птицы» (*Фиалко*, 1998. С. 83). Далее Е. Е. Фиалко подчеркивает, что изображения хищных птиц довольно популярны у скифов. «С одной стороны, это, прежде всего, связано с тем, что, как следует из Геродота, чашей чествовали героя-воина. На пластинах-обивках изображались в первую очередь животные и птицы, обладавшие особенно ценившимися скифами качествами – силой, ловкостью, зоркостью, быстротой. Изображение животного (или наиболее характерной его черты) как бы передавало хозяину вещи свои черты, одновременно и оберегая его» (Там же).

Близкую точку зрения выражает Е. Ф. Королькова: «Деревянная чаша с золотыми обкладками из Бердянского кургана с двумя фигурными ручками-выступами, одна из них – в виде скульптурной головки хищной птицы с мощным клювом, другая сделана в виде птичьего хвоста. Таким образом, туловище чаши

**Рис. 2. Группа Частые Курганы. К-н № 11/II, IV в. до н. э.
Реконструкция деревянной чаши с золотыми обкладками**

а – ручка в виде сидящего сокола; *б* – пластина с фигурой оленя; *в* – эта же чаша в черно-белой прорисовке

а, б – фото; *в* – рисунки

представляет собой туловище птицы... Подобные примеры очевидного осмысления формы деревянного сосуда с золотыми накладками как тела и образа зверя обнаруживаются и в других памятниках: в кургане Солоха чаша-медведь... в 1-м Филипповском кургане – тоже чаша-медведь и два других деревянных сосуда с выступающими ручками в виде голов хищника и коня» (Королькова, 2003. С. 34).

Еще один деревянный сосуд – чаша с золотой фигурной ручкой в виде хищной птицы (или грифона) – был найден в тайнике № 1 кургана № 1 в Филипповском могильнике в Оренбургской области (рис. 1, 3) (Пшеничнюк, 2000. Рис. 9). Учитывая, что у данного пернатого персонажа имеется ухо в виде спирального завитка, есть основание считать выявленную ручку-птицу орлиноголовым грифоном, или «скифским грифоном». И, тем не менее, налицо большое сходство пернатых на ручке воронежской чаши (курган № 11/II группы Частых Курганов) и на сосуде из 1-го Филипповского кургана, особенно присутствие такого заметного элемента, как спиральный завиток на плечевом суставе, в основании сложенных крыльев.

Установив явно сходные черты у всех трех упомянутых сосудов-птиц, необходимо как-то объяснить это явление, учитывая большие расстояния между Приазовьем, Средним Доном и Южным Уралом. Кстати, все три предмета вполне укладываются в одни хронологические рамки: по заключению С. В. Полина (на основе анализа амфорных типов и клейм), дата Бердянского кургана определяется как 380–370 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 519); курган № 11/II группы Частых Курганов был возведен, судя по сохранившимся вещам (бронзовый котел, меч, золотые бляшки, набор железных втульчатых наконечников стрел, глиняный культовый сосуд на ножке и т. д.), в пределах IV в. до н. э., но не позже его середины (Пузикова, 2001. С. 14); и, наконец, весь погребальный комплекс грандиозного 1-го Филипповского кургана датируется самым началом IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87).

Открытие в двух тайниках элитного кургана № 1 в Филипповском могильнике на Южном Урале сразу нескольких сотен разнообразных золотых обкладок деревянных сосудов заставило вспомнить о ближайшем духовном и материальном родстве ираноязычных кочевников оренбургских степей (их по традиции называют обычно савроматами) и скифов Северного Причерноморья. Нет сомнения и в существовании постоянных торговых и культурных связей между племенами Геродотовой Скифии и населением, жившим к востоку от Дона-Танаиса, вплоть до Урала. В конце V – IV в. до н. э. в северопричерноморские области хлынул необычайно обильный поток золота, значительная часть которого имела, вероятно, именно восточное происхождение (уральские, алтайские, казахстанские источники).

Средний Дон, будучи пограничной зоной между скифами, с одной стороны, и финно-угорскими и савроматскими племенами – с другой, служил активным посредником в этих контактах. Например, такая специфическая черта местной культуры, как зооморфные металлические крючки-застежки, в IV в. до н. э. довольно широко проникает в Приуралье, в среду кара-абызского населения (Гуляев, 2016. С. 16). Деревянный сосуд с золотыми оковками, образующими целую фигуру медведя, найден в боковой «царской» гробнице скифского кургана

Солоха в Степном Приднепровье; и точно такой же «сосуд-медведь» из дерева с золотыми оковками происходит из 1-го Филипповского кургана на Южном Урале (Королькова, 2003. С. 34). Е. Ф. Королькова отмечает, что «не только 1-й Филипповский курган, но и другие памятники ранних кочевников Южного Урала дают находки разнообразных по форме зооморфных металлических накладок, свидетельствующие о распространении деревянной культовой посуды в культуре евразийских кочевников скифского времени. Так, в Переволочанском курганном могильнике... на юго-востоке Башкортостана (курган 10, погребение 1) обнаружены следы круглодонной деревянной чаши, украшенной одной маленькой золотой пластинкой в виде упрощенной и стилизованной схемы птичьей головки...» (Там же. С. 34, 35). Золотые накладки деревянных сосудов известны также из таких курганных погребений V–IV вв. до н. э. Южного Урала, как у с. Покровка, Пятимары 1 и др.

Явно «восточные» элементы прослеживаются и в элитном Бердянском кургане в Приазовье: костяное навершие нагайки с головой волка на конце (Болтрик и др., 1994. С. 149. Рис. 10), исполненное явно в «савроматском стиле». Примером использования «волчьих мотивов» могут служить, в частности, костяные находки из савроматских погребений: рукоять нагайки с волчьей головой на конце из кургана Черная гора у с. Абрамовка (Смирнов, 1964. С. 371. Рис. 80, 8) и ложечка с головой волка из погр. 1 кургана 4 могильника Пятимары 1 (Там же. Рис. 79, 2). Подобный костяной наконечник нагайки с волчьей головой происходит из Второго Башадарского кургана на Алтае (Руденко, 1960. Таб. I, 3). Другая необычная черта – наличие в богатом и разнообразном комплексе вооружения из центральной гробницы сразу пяти железных (один из них биметаллический с железным лезвием и бронзовым обушком, оформленным в виде человеческой головки) клевцов, висевших на крюке, вбитом в восточную стену могилы (Болтрик и др., 1994. С. 147. Рис. 7). Следует сказать, что боевые клевцы в IV в. до н. э. в степных и лесостепных областях Причерноморской Скифии встречаются крайне редко. С другой стороны, далеко на востоке от Дона этот вид оружия был распространен довольно широко – на Алтае, Южном Урале, в Казахстане, Северной Монголии.

Можно добавить здесь и рассуждения Е. Ф. Корольковой по поводу еще одного известного «царского» кургана Приднепровской Скифии – Александропольского (Луговая Могила): «Александропольский курган вообще выделяется из ряда скифских памятников самого высокого ранга своим ярко выраженным “восточным оттенком”, который проявляется не только в облике вещей, находящихся аналогии прежде всего в комплексах скифского времени Южного Приуралья, но и в антропологической характеристике погребенных...» (Королькова, 2003. С. 34). Исследовательница имела здесь в виду, прежде всего, поразительное сходство золотых оковок деревянных сосудов из Александрополя и Филипповки. Но еще больше сходных черт (о чем писал еще М. И. Ростовцев, а позднее, в 80-е гг. XX в., и А. Ю. Алексеев) наблюдается в александропольских находках со среднедонскими традициями культуры: упомяну хотя бы о двух великолепных (золотом и серебряном) крючках-застежках с оленями и грифонами из насыпи («тризны») гигантского кургана и многочисленных аналогиях им в древностях Воронежщины IV в. до н. э. В Скифии (кроме Среднего Дона) такие крючки

практически не встречаются, но они есть в Приуралье, в кара-абызских могилах (как импорт или местное подражание среднедонским изделиям).

Интересен и еще один факт. Во впускном захоронении знатной скифянки (погр. 2 кургана 18 у с. Колбино, Репьевского района Воронежской области) среди других вещей находилось бронзовое (в двух чехлах – кожаном и матерчатом) зеркало с боковой ручкой, широким валиком на оборотной стороне и точечным орнаментом в виде шестилепестковой розетки (Савченко, 2001. С. 108. Рис. 40, 11). В фундаментальной монографии Т. М. Кузнецовой о скифских зеркалах (Кузнецова, 2002; 2010) аналогий этому зеркалу обнаружить не удалось. Зато сразу несколько почти идентичных экземпляров было выявлено в курганах № 3 и 7 Филипповского могильника на Южном Урале (Пишеничнюк, 2012. С. 34, 43).

Таким образом, в будущем следует найти еще какие-то более весомые факты, которые бы подтвердили характер несомненно существовавших в скифскую эпоху широких контактов (по крайней мере, торговых и культурных) между населением Скифии и ее восточными соседями, вплоть до Урала, Алтая и Казахстана.

Но необходимо вновь вернуться к теме хищных птиц в скифском искусстве, представленных на золотых аппликациях деревянных чаш. Поразительно то, что до недавнего времени исследователи не обращали особого внимания на определение реальных прототипов изучаемых ими птичьих мотивов, подвергшихся, как правило, заметной стилизации и схематизации. В. А. Рябова всех хищных птиц на золотых обивках деревянных сосудов называет орлами (Рябова, 1984. С. 36, 37).

Мотив хищных птиц занимает заметное место и в недавно защищенной докторской диссертации А. Р. Канторовича (2015). «К мегаобразу птицы (включая вариацию “скифский грифон” – хищная птица с ушами) отнесены изображения, наделенные признаками скифского звериного стиля и природными признаками биологического класса птиц (*Aves*) – наличие крыльев и клюва, отсутствие передних ног. Всего выявлено 553 оригинальных изображений птиц (полнофигурных – 83, редуцированных – 470), что составляет более 25 % от общего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Этот образ существует на протяжении скифской эпохи VII – нач. III в. до н. э. и во всех регионах данного локального варианта скифо-сибирского звериного стиля...» И далее: «При этом абсолютное большинство птичьих изображений можно отождествить с отрядом *соколообразных* (курсив мой. – В. Г.), или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), подсемейством соколиных (*Falconidae*). Об этом свидетельствует характерная форма загнутого клюва. Возможно, впрочем, что некоторые изображения представляют хищных птиц семейства ястребиных (*Accipitridae*) – из рода орлов или из рода орланов, но в любом случае это таксон того же отряда соколообразных птиц...» (Канторович, 2015. С. 29, 30; Брем, 2004).

Итак, большинство изображений хищных птиц на золотых оковках деревянных сосудов – это образы соколов или соколообразных. Подобная популярность этих дневных хищных птиц в скифском искусстве (в том числе и такие сюжеты в качестве украшений деревянных чаш), помимо причин, упомянутых выше

(апотропеи, обереги, имитация сокола Варгана..., сосуды для сомы и др.), возможно, имеет прямое отношение и к охоте, которую так любили скифы.

Эллинские мастера-ювелиры оставили на своих изделиях, сделанных по заказу высшей скифской знати, прямые свидетельства об охоте конных скифов на львов, кабанов и каких-то фантастических зверей (например, серебряные двуручные сосуды из кургана Солоха).

В знаменитом кургане Куль-Оба среди золотых нашивных бляшек с изображениями зверей, в том числе зайцев (рис. 3, 1), особенно выделяется та, где простоволосый легко одетый конный варвар (безусловно, скиф) занес правую руку с коротким копьем для удара по сжавшемуся у ног скакуна, видимо, загнанному зайцу (рис. 3, 2). На некоторых предметах торевтики есть сцены охоты скифов с гончими собаками (те же сосуды из Солохи и др.), но нет ни одного явного примера участия в скифской охоте хищных птиц – соколов.

Между тем соколы с древнейших времен были приручены человеком и использовались для охоты на мелкую и среднюю дичь – зайцев, лис, оленей, волков и др. Такие свидетельства есть в древних письменных источниках и в искусстве Ассирии (барельеф VIII в. до н. э. из Дур-Шаррукина со сценой соколиной охоты) (рис. 4, 1). Скифы хорошо были знакомы с традициями и культурой Переднего Востока, поскольку они успешно воевали там в VII в. до н. э. (в том числе и в Ассирии). Представляется, что на открытых пространствах степей и гор конная охота с использованием ручных соколов (орлы также, в основном, относятся к семейству соколиных и могли быть издавна приручены) давала наибольший эффект, особенно при охоте на зайцев и лис.

Традиция конной охоты с помощью дневных хищных птиц была распространена в древности и в средневековье у многих племен и народов Евразии. Существует она на Кавказе, в Средней Азии и у арабских шейхов и в наши дни.

Если вернуться к Скифии, то трудно себе представить охоту скифского всадника, вооруженного метательным копьем или луком со стрелами и гонящегося на коне по открытому степному пространству за такими юркими и быстрыми зверями, как зайцы и лисы. Вероятнее всего, они использовали в подобных мероприятиях гончих собак. Но можно предположить, что у них имелись для этой цели и прирученные дневные хищные птицы – соколы и орлы. Ведь не зря же в скифских верованиях и в скифском искусстве дневная хищная птица (сокол, орел) всегда выступает в роли существа – терзателя жертвы, добычи, будь то рыба (очень частый сюжет), заяц, олень, козел, лиса и др. «Природные качества пернатых хищников, – отмечает Е. Ф. Королькова, – обусловили их роль в мифологических и религиозных представлениях, имеющую символическое значение – роль терзателя жертвы. Поэтому хищные птицы зачастую предстают не в виде одиночного изображения, а как часть композиции со сценой терзания. Для звериного стиля кочевников характерна не только непосредственная демонстрация сцены терзания, но и лишь подразумеваемый сюжет, представленный отдельными персонажами, которые, размещаясь на декорируемом предмете в определенном порядке, как бы мыслятся объединенными в сцене терзания и только в таком общем контексте выявляют свое содержание. Например, ручки сосудов в виде объемной фигурки спокойно сидящей птицы в сочетании

Рис. 3. Курган Куль-Оба (Крым). IV в. до н. э. Золотые бляшки. Фото
1 – с изображением зайцев; 2 – со сценой охоты конного скифа на зайца

с зооморфными накладками на тулове сосуда, бесспорно, демонстрируют терзание» (Королькова, 1998. С. 166)¹.

Таким образом, если хищные птицы в представлении кочевников Евразии (в том числе и скифов) всегда олицетворяют терзателей жертв, то человеку нетрудно было найти этому природному стремлению соколов и орлов вполне

¹ Е. Ф. Королькова, бесспорно, имеет здесь в виду деревянную чашу из кургана № 11/II группы Частых Курганов, на которой есть золотая ручка в виде спокойно сидящего сокола, а на противоположном краю сосуда – золотая пластина с оленем-жертвой (см. рис. 1).

1

2

3

Рис. 4. Сцены соколиной охоты. Фото

1 – ассирийский рельеф. Дур-Шаррукин (Хорсабад), Ирак, VIII в. до н. э.; 2 – мозаика из Аргоса (Пелопоннес, Греция) V в. н. э.; 3 – Чингисхан едет на охоту (на его руке сидит белый сокол), китайский рисунок XIII в. н. э.

практическое применение – приручить и использовать их для охоты. Кстати, традиции соколиной охоты существовали у евразийских кочевников и позже. Считается, что именно гунны и авары принесли ее в Западную и Южную Европу. Есть мозаика V в. до н. э. из города Аргоса (Пелопоннес, Греция), изображающая сцену соколиной охоты (рис. 4, 2). Этот вид охотничьей забавы был весьма популярен у монголов и татар. Есть великолепный китайский цветной рисунок XIII в., на котором показан Чингисхан верхом на коне и с белым соколом на руке (рис. 4, 3). Внук его, Хубилай (1215–1294 гг.), по сообщению Марко Поло, выезжал на охоту с 10 000 соколов и 500 кречетов. Видимо, традиция соколиной охоты появилась у кочевников Евразии еще, по меньшей мере, в скифские времена и, передаваясь из поколения в поколение, широко распространилась по всему евразийскому ареалу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова С. С., 1991. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере у скифов // *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев: Наукова думка. С. 84–96.
- Бидзия В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 752 с. 780 илл.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н., 1994. Бердянский курган // *РА*. № 3. С. 140–156.
- Брем А., 2004. Жизнь животных. М.: Алма-Пресс. 1191 с.
- Гуляев В. И., 2006. Деревянные чаши с золотыми обкладками из курганов скифского времени на Среднем Дону // *Древности скифской эпохи*. М.: Наука. С. 335–350.
- Гуляев В. И., 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН. 342 с.
- Гуляев В. И., 2016. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН. 104 с.
- Замятин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем // *СА*. Вып. VIII. М.; Л.: АН СССР. С. 9–51.
- Золото степу. Археологія України: каталог виставки. Київ; Шлезвиг: Інститут археології НАНУ, 1991. 440 с.
- Ильинская В. А., 1973. О священной чаше у скифов // *Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: краткие тез. докл. к науч. конф.* Л.: ГЭ. С. 13–15.
- Канторович А. Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: МГУ. 69 с.
- Королькова Е. Ф., 1998. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н. э. // *Проблемы археологии*. Вып. 4. СПб.: СПбГУ. С. 166–177.
- Королькова Е. Ф., 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // *АСГЭ*. Вып. 36. СПб.: ГЭ. С. 28–59.
- Кузнецова Т. М., 2002. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. I. М.: Индрик. 352 с.
- Кузнецова Т. М., 2010. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. II. М.: Таус. 428 с.
- Манцевич А. П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // *АСГЭ*. Вып. 8. Л.; М.: ГЭ. С. 23–38.
- Манцевич А. П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // *АСГЭ*. Вып. 15. Л.: Аврора. С. 12–46.
- Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 270 с.
- Пшеничнюк А. Х., 2000. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // *УАВ*. Вып. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 76–93.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 287 с.
- Ростовцев М. И., 1914. Воронежский серебряный сосуд // *МАР*. № 34. Петроград: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 79–93.

- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 360 с.
- Рябова В. О., 1984. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. Вип. 46. С. 31–44.
- Рябова В. О., 1991. Культурні посудини Скіфії // Золото степу. Археологія України: каталог виставки. Київ; Шлезвиг: ІА НАНУ. С. 153–156.
- Савченко Е. И., 2001. Могили скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М.: ИА РАН. С. 53–144.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 379 с.
- Федоров В. К., 2006. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем. С. 46–57.
- Фиалко Е. Е., 1987. О новом типе деревянных чаш у скифов // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология: сб. ст. молодых ученых. М.: ИА АН СССР. С. 159–167.
- Фиалко Е. Е., 1998. Символика образа птицы на скифских деревянных чашах // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб.: ГЭ. С. 82–83.
- Фиалко Е. Е., 2004. Деревянные чаши – знаки воинской доблести у скифов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. Запоріжжя. С. 269–272.
- Korolkova E., 2000. Ritual vessels of the nomads // The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. New York: The Metropolitan Museum of Art: Yale University Press. P. 61–64.

Сведения об авторе

Гуляев Валерий Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: viguliaev@yandex.ru

V. I. Gulyaev

WOODEN CUPS OF THE SCYTHIAN PERIOD
WITH GOLD APPLIQUES FEATURING BIRDS OF PREY

Abstract. The paper reviews a group of wooden cups of the Scythian period with gold appliques featuring birds of prey. Typical traits of these birds suggest that most of them are diurnal birds of prey (Falconiformes), predominantly, falcons. Striking similarity of vessels shaped as birds from the Sea of Azov region, the Middle Don and the Southern Urals (Filippovka) raises the issue of close trade and cultural links among these three regions, located at a rather long distance from each other. Given a number of indirect data, it is suggested that falconry was practiced in Eurasia as early as the Scythian period, which means in I millennium BC.

Keywords: wooden cups, gold appliques, birds of prey (falcons), falconry.

REFERENCES

- Bessonova S. S., 1991. «Muzhskoe» i «zhenskoe» v sakral'noy sfere u skifov [«Male» and «female» in sacral sphere of the Scythians]. *Dukhovnaya kul'tura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy* [Spiritual culture of ancient societies in territory of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka, pp. 84–96.

- Bidzilya V. I., Polin S. V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [Scythian royal kurgan Gaymanova Mogila]. Kiev: Skif. 751 p.
- Boltrik Yu. V., Fialko E. E., Cherednichenko N. N., 1994. Berdyanskiy kurgan [Berdyansk kurgan]. *RA*, 3, pp. 140–156.
- Brehm A., 2004. Zhizn' zhivotnykh [Life of animals]. Moscow: Alma-Press. 1191 p.
- Fedorov V. K., 2006. O prednaznachenii derevyannykh sosudov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala, ukrashennykh dragotsennymi obkladkami [On function of wooden vessels of early nomads of South Urals decorated with precious plates]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoye vremya* [South Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time]. Ufa: Gilem, pp. 46–57.
- Fialko E. E., 1987. O novom tipe derevyannykh chash u skifov [On new type of wooden cups among Scythians]. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye drevnykh obshchestv i arkhologii: sbornik statey molodykh uchenykh* [Social-economic development of ancient societies and archaeology: collected articles of young scientists]. Moscow: IA AN SSSR, pp. 159–167.
- Fialko E. E., 1998. Simvolika obraza ptitsy na skifskikh derevyannykh chashakh [Symbolism of image of bird on Scythian wooden cups]. *Skify. Khazary. Slavyane. Drevnyaya Rus': K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Artamonova* [Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Rus: Toward centenary of M. I. Artamonova]. St. Petersburg: GE, pp. 82–83.
- Fialko E. E., 2004. Derevyannye chashi – znaki voynskoy dobresti u skifov [Wooden cups – signs of military virtue among Scythians]. *Starozhitnosti stepovogo Prichernomora ya i Krimu* [Antiquities of Pontic steppe zone and Crimea], XI. Zaporizhzhya, pp. 269–272.
- Gulyaev V. I., 2006. Derevyannye chashi s zolotymi obkladkami iz kurganov skifskogo vremeni na Srednem Donu [Wooden cups with golden plates from kurgans of Scythian time on Middle Don]. *Drevnosti skifskoy epokhi* [Antiquities of Scythian epoch]. Moscow: Nauka, pp. 335–350.
- Gulyaev V. I., 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) [On eastern borders of Scythia (antiquities of Scythians of the Don)]. Moscow: IA RAN. 342 p.
- Gulyaev V. I., 2016. Zoomorfnye metallicheskie kryuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisanie. [Zoomorphic metal hooks of Scythian time in Eurasia: catalogue and description]. Moscow: IA RAN. 104 p.
- Il'inskaya V. A., 1973. O svyashchennoy chashe u skifov [On sacred cup among Scythians]. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomora ya i varvarskiy mir: kratkie tezisy dokladov k nauchnoy konferentsii* [Classical cities of North Pontic zone and barbarian world: brief abstracts of reports for scientific conference]. Leningrad: GE, pp. 13–15.
- Kantorovich A. R., 2015. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Abstract]. Moscow. 69 p.
- Korol'kova E. F., 1998. Ikonografiya obraza khishchnoy ptitsy v skifskom zverinom stile VI–IV vv. do n. e. [Iconography of image of a bird of prey in Scythian animal style of VI–IV cc. BC]. *Problemy arkheologii* [Problems of archaeology], 4. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 166–177.
- Korol'kova E. F., 2003. Ritual'nye chashi s zoomorfnym dekorom v kul'ture rannikh kochevnikov [Ritual cups with zoomorphic decoration in early nomads' culture]. *ASGE*, 36. St. Petersburg: GE, pp. 28–59.
- Korolkova E., 2000. Ritual vessels of the nomads. *The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: The Metropolitan Museum of Art: Yale University Press, pp. 61–64.
- Kuznetsova T. M., 2002. Zerkala Skifii VI–III vv. do n. e. [Mirrors of Scythia, VI–III cc. BC]. Vol. I. Moscow: Indrik. 352 p.
- Kuznetsova T. M., 2010. Zerkala Skifii VI–III vv. do n. e. [Mirrors of Scythia, VI–III cc. BC]. Vol. II. Moscow: Indrik. 428 p.
- Mantsevich A. P., 1966. Derevyannye sosudy skifskoy epokhi [Wooden vessels of Scythian epoch]. *ASGE*, 8. Leningrad; Moscow: GE, pp. 23–38.
- Mantsevich A. P., 1973. Mastjuginskie kurgany po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Mastyugino kurgans according to materials from collection of State Hermitage]. *ASGE*, 15. Leningrad: Aurora, pp. 12–46.

- Pshenichnyuk A. Kh., 2000. Derevyannaya posuda iz pogrebeniy rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Wooden ware from burials of early nomads of South Urals]. *Ufimskiy arkhеologicheskiiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, 2. Ufa: IYALI Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 76–93.
- Pshenichnyuk A. Kh., 2012. Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n. e. na Yuzhnom Urale [Filippovka. Necropolis of nomad nobility of IV c. BC in South Urals]. Ufa: IYALI Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 287 p.
- Puzikova A. I., 2001. Kurgannyye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Kurgan cemeteries of Scythian time of Middle Don region (Publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 270 p.
- Rostovtsev M. I., 1914. Voronezhskiy serebryannyi sosud [Voronezh silver vessel]. *Materialy po arkhеologii Rossii [Materials on Archaeology of Russia]*, 34. Petrograd: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 79–93.
- Rudenko S. I., 1960. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 360 p.
- Ryabova V. O., 1984. Derev'yani chashi z obbyvkamy z kurganiv skifs'kogo chasu [Wooden cups with plates from kurgans of Scythian time]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 46, pp. 31–44.
- Ryabova V. O., 1991. Kul'tovi posudyny Skifii [Cultic vessels of Scythia]. *Zoloto stepu. Arkheologiya Ukraïni [Gold of steppe. Archaeology of Ukraine]*. Kiev; Shlezvig: IA NANU, pp. 153–156.
- Savchenko E. I., 2001. Mogil'nik skifskogo vremeni «Ternovoe I – Kolbino I» na Srednem Donu (pogrebal'nyy obryad) [Cemetery of Scythian time «Ternovoe I – Kolbino I» on Middle Don (burial rite)]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch. Transactions of Podudan' archaeological expedition, IA RAS, 1993–2000]*. Moscow: IA RAN, pp. 53–144.
- Smirnov K. F., 1964. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov [Sauromatae. Early history and culture of Sarmatae]. Moscow: Nauka. 379 p.
- Zamyatnin S. N., 1946. Skifskiy mogil'nik «Chastye Kurgany» pod Voronezhem [Scythian cemetery «Chastye Kurgany» near Voronezh]. *SA, III*, pp. 9–50.
- Zoloto stepu. Arkheologiya Ukraïni [Gold of steppe. Archaeology of Ukraine]. Kiev; Shlezvig: IA NANU, 1991. 440 p.

About the author

Gulyaev Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: viguliaev@yandex.ru

Ю. Б. Полидович

ОДИН ИЗ МОТИВОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРНОГО КОЗЛА В РАННЕСКИФСКОМ ИСКУССТВЕ

Резюме. Образ горного козла был одним из ключевых в раннескифском «зверином стиле», хотя они никогда не водились на территории Северного Причерноморья и Прикубанья. Наиболее распространенным был мотив горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Наиболее ранними являются изображения на золотых пластинках из кург. 524 у с. Жаботин и кург. 346 у с. Теклино (рис. 1, 1–4). Они свидетельствуют о появлении собственной, скифской традиции изображения горных козлов, для которой характерно воспроизведение изогнутого рога, прижатого к шее. По всей видимости, горные козлы изображены и на роговых бляшках и пластине из архаического комплекса в кург. 2 у с. Жаботин (рис. 1, 5–7). Появление этих ранних изображений связано со знакомством местного населения с изобразительной традицией Древнего Востока и становлением своего собственного искусства. Во второй половине VII в. до н. э. появляется ряд изображений (Келермесские курганы в Прикубанье и Мельгуновский курган в Среднем Поднепровье) (рис. 1, 8–11), в той или иной степени связанных с древневосточным искусством. Развитие местной традиции, испытавшей влияние памятников келермесского круга, демонстрируют две серии изображений, представленных нашивными золотыми бляшками из различных комплексов лесостепного Поднепровья (рис. 2, 1–7) и бляшками на центральной ручке бронзовых зеркал, найденных в разных регионах юга Восточной Европы (рис. 2, 11–16). Известны также оригинальные единичные изображения (рис. 1, 12, 13; 2, 8–10). В целом же большинство из них демонстрируют достаточно устойчивую местную традицию «звериного стиля».

Ключевые слова: скифы, искусство, «звериный стиль», горный козел, образ, мотив, раннескифский период.

Среди многочисленных образов скифского «звериного стиля» образ горного козла занимает особое место. Изображения этого животного появились на ранних этапах скифского искусства и существовали практически весь скифский период, хотя вряд ли они основывались на реальных прототипах. Ведь Северное Причерноморье и Прикубанье никогда не были областями распространения этого животного. Представители рода *Capra* обитают только в южном смежном регионе – на Кавказе (безоаровые козлы и западно- и восточнокавказские козлы

или туры) (Кузнецов, 1975. С.179–181; Жизнь животных..., 1989. С. 498–503). Вместе с тем появление и распространение тех или иных образов в «зверином стиле», как правило, не имело прямой связи с ареалом реальных животных, их возможных прототипов. Показательным, например, является тот факт, что изображения горного козла почти не характерны для изобразительного искусства народов – носителей скифоидных культур Северного Кавказа (Виноградов, 1976. С. 149).

В раннескифском искусстве Северного Причерноморья, Прикубанья и Северного Кавказа образ горного козла представлен самыми разными мотивами – с подогнутыми ногами и повернутой назад или прямо поставленной головой, с прямыми ногами и опущенной или прямо поставленной головой. Преобладают полнофигурные изображения, но известны и редуцированные (головы). Как правило, они единичны, но есть и небольшие их серии, как, например, изображения «стоящих» козлов на ручках бронзовых котлов (Галанина, 1997. С. 226, 227, 229, 230. Табл. 41, 32, 43, 53; Шрамко, 1976. С. 197. Рис. 2, 1). При этом из учтенных 45 более 60 % составляют изображения горного козла с подогнутыми под туловище ногами и повернутой назад головой, которые и будут рассмотрены ниже.

По всей видимости, наиболее архаичными являются изображения на золотых пластинках из кург. 524 у с. Жаботин (Бобринский, 1916. Рис. 2, 3; Іллінська, 1971. Рис. 2, 26; Дараган, 2011. Рис. V.38, 9, 10; Рябова, 2014. С. 271, 272. Рис. VII, 1, 2) (рис. 1, 1, 2) и во многом аналогичные им из кург. 346 у с. Теклино (Орловец) (Бобринский, 1901. С. 20, 21. Табл. VI, 1, 3; Іллінська, 1971. Рис. 2, 22; Дараган, 2011. Рис. V.38, 11, 12) (рис. 1, 3, 4) в Правобережном лесостепном Поднепровье. Долгое время они датировались (исходя из общих представлений о комплексах, в которых они найдены) концом VII в. до н. э. (Вязьмитина, 1963. С. 167; Ильинская, 1973. С. 12, 14; 1975. С. 62). И. Н. Медведская вслед за Г. Коссаком отнесла комплекс кург. 524 у с. Жаботин к первому этапу раннескифской культуры (втор. половина VIII – начало VII в. до н. э.) (Медведская, 1992. С. 86–88). Детальный анализ всего вещевого комплекса Жаботинского кургана позволил М. Н. Дараган датировать его временем «не позднее конца VIII в. до н. э.» (Дараган, 2011. С. 571, 572), а Т. В. Рябковой – «ближе к середине VIII в. до н. э.» (Рябова, 2014. С. 276). Комплекс же кург. 346 у с. Теклино с учетом наличия в нем наконечников стрел келермесского типа (в отличие от Жаботинского кург. 524, где найдены только двулопастные асимметрично-ромбические наконечники эпонимного типа), исследователи считают несколько более поздним (Ильинская, 1973. С. 14).

Между жаботинскими и теклинскими бляшками существуют незначительные различия (рис. 1, 1–4): теклинские выполнены, судя по всему, на более тонких золотых пластинках, обрезанных после оттиска на матрице четко по контуру животных; на них отсутствуют отверстия для пришивания; фигура животного проработана не столь тщательно, несколько отличаются размеры головы и проработка рога (ср.: Рябова, 2014. С. 271). Однако, на наш взгляд, нет никаких оснований говорить о том, что между изготовлением этих двух комплексов пластинок прошел сколь-нибудь значительный промежуток времени. Оба комплекта одновременны, что позволяет ставить вопрос и о синхронности

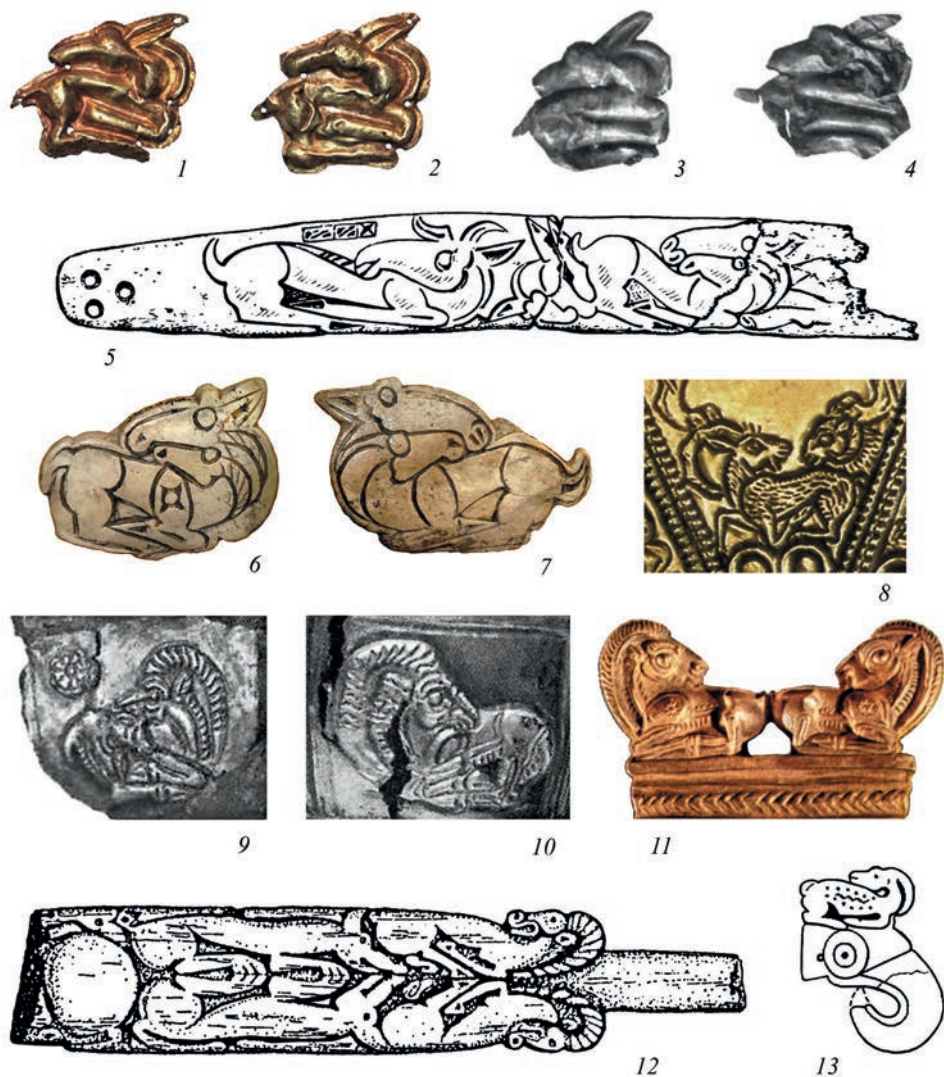

Рис. 1. Изображения горного козла

1, 2 – кург. 524 у с. Жаботин (по: Рябова, 2014); 3, 4 – кург. 346 у с. Теклино (Орловец) (по: Бобринский, 1901); 5–7 – кург. 2 у с. Жаботин (5 – по: Вязьмитина, 1963); 8 – Келермесский кург. 4/Ш (по: Галанина, 1997); 9 – Мельгуновский курган (по: Придик, 1911); 10, 11 – Келермесский кург. 1/Ш (по: Галанина, 1997; Артамонов, 1966); 12 – зольник № 28 Западного Бельского г-ща (по: Шрамко, 1995); 13 – кург. 6 у с. Нартан (по: Батчаев, 1985). Масштабы разные

6, 7 – фото С. А. Задникова

комплексов, из которых они происходят, или же предоставляет возможность говорить об особенностях формирования комплексов, содержащих архаичные изделия. Но даже если и предположить второй вариант, то хронологический разрыв между комплексами не может быть слишком большим.

Копытных животных на пластинках из Жаботина и Теклино определяли как козлов (Артамонов, 1968. С. 39, 40), ланей (Іллінська, 1971. С. 76; Ильинская, 1973. С. 14; 1975. С. 20, 41, 63; Рябкова, 2014. С. 281), «лосих» или «ланей» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 234). По нашему мнению, это именно козлы, главным признаком которых является «серповидный рог», «отчетливо отделенный от шеи, вдоль которой протянут с наружной стороны» (Артамонов, 1968. С. 39). Подобное расположение рога нехарактерно как для реальных животных, так и для изобразительных традиций Древнего Востока, или же восточных регионов скифского мира. Но именно такое расположение рога становится свойственным для нескольких серий изображений горных козлов раннескифского времени, распространенных в Северном Причерноморье, Прикубанье и на Северном Кавказе. И почти всегда это достаточно четко выраженный рог, массивный в основании, саблевидно изогнутый, остроконечный, гладкий или с выделенными рифлением годовыми кольцами. В. А. Ильинская, впрочем, не согласилась с определением данной части животного как рога, специально отметив, что на изображениях козлов «между внутренней стороной рога и шеей всегда имеется отчетливо выраженный промежуток» (Ильинская, 1965. С. 97). Между тем следует признать такую особенность (традицию) изображения рога зародившейся в лесостепном Поднепровье в начале скифской эпохи и бытовавшей здесь во второй половине VII – первой половине VI в. до н. э. Данный стилистический прием был связан с воплощением конкретного мотива: изображения горного козла с повернутой назад головой и ногами, подогнутыми под туловище. Возможно, именно эта очень компактная поза и стала основой появления столь необычной трактовки расположения рога.

Изобразительные истоки данного зооморфного мотива вполне правомерно выводить из изобразительной традиции Передней Азии, что довольно убедительно доказано многими исследователями (Артамонов, 1962; 1968. С. 38 сл.; Вязьмитина, 1963. С. 163, 164; Погребова, Раевский, 1992. С. 140 сл.; Канторович, 2016. С. 96). Однако пока остаются открытыми вопросы: какими путями этот мотив попал к жителям лесостепного Поднепровья и почему он появился не в виде «цитаты» из ближневосточного искусства, а уже в полностью переосмысленном иконографическом облике?

Жаботинские и теклинские изображения полностью соответствуют традициям скифского «звериного стиля» и, по всей видимости, являются одними из первых свидетельств его появления. Это строго профильные и компактные изображения, воспроизведенные при помощи характерных стилистических приемов. Среди последних показательным является положение подогнутых ног (см.: Погребова, Раевский, 1992. С. 139, 140; а также: Бандрівський, 2010. С. 152–154). Кроме того, свойственное жаботинским и теклинским изображениям козлов преувеличение некоторых частей тела или головы (непропорционально большое торчащее ухо и большой круглый глаз, выступающий над контуром головы)

также «является характерным признаком наиболее архаичных изображений животных в скифском зверином стиле» (Рябова, 2013. С. 79, 81; 2014. С. 271).

Хронологически близки рассмотренным изображения копытных животных на роговых бляшках и пластинках из кург. № 2 у с. Жаботин¹ (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Приложение: с. 6. Табл. LXI, 539; Вязьмитина, 1963. С. 162. Рис. 4; Артамонов, 1968. С. 39. Рис. 10) (рис. 1, 5–7). Прежде всего, это две парные уздечные бляшки (рис. 1, 6, 7) с выгравированным на щитках копытным с подогнутыми под туловище ногами и повернутой назад головой, на фоне которого воспроизведена голова еще одного животного, настолько органично вписанная в общие контуры, что в целом вся композиция воспринимается как изображение двух совмещенных туловищами животных. Изображения на бляшках зеркально симметричны (лево- и правосторонние), но каждое из них имеет свои особенности. Еще одно сдвоенное, подобное левостороннему на бляшке, но правостороннее изображение выгравировано на одной из 4 длинных роговых пластин из того же кургана (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. LXI, 540; Вязьмитина, 1963. Рис. 2, 1; Артамонов, 1968. Рис. 8) (рис. 1, 5). Отличительные признаки «бóльшего» животного – небольшой выступ над глазом², вытянутая голова и «горбатый, резко опущенный вниз конец морды» (Ильинская, 1965. С. 92) – позволяют некоторым исследователям видеть в нем лося или, точнее, лосиху, а всю композицию интерпретировать как изображение лосихи с лосенком (Вязьмитина, 1963. С. 162; Ильинская, 1975. С. 19, 20, 157, 158; см. также: Шрамко, 1971. С. 100, 102; Погребова, Раевский, 1999. С. 264, 265). Вместе с тем следует отметить, что подобный тип воспроизведения головы (удлиненная, с массивной выделенной щекой и округлым, как бы свисающим концом морды) – характерный стилистический признак изображения копытных животных в искусстве лесостепного Поднепровья раннескифского времени. Например, именно так воспроизведены головы у всех копытных на роговых бляшках и длинных пластинках из Жаботинского кург. 2 (в том числе и у животного с короткими серповидными рогами, более свойственными быкам (Артамонов, 1968. С. 39)³),

¹ В. А. Ильинская датировала их концом VII в. до н. э. (Ильинская, 1973. С. 12, 14) или же временем не ранее рубежа VII–VI вв. до н. э. (Ильинская, 1975. С. 157). Д. А. Мачинский предложил удревнить комплекс кург. 2 до времени не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Мачинский, 1989. С. 18). Согласно Г. Коссаку и И. Н. Медведской, комплексы Жаботинских кург. 524 и 2 хронологически близки и датируются в пределах 1-го этапа раннескифской культуры – конца VIII – начала VII в. до н. э. (Медведская, 1992. С. 87). Вместе с тем, как бы в абсолютных датах ни определялся данный комплекс (см. также: Зуев, 1993. Рис. 3), все исследователи едины в том, что предметы «звериного стиля» из Жаботинских курганов № 2 и 524 (а также из кург. 346 у с. Теклино) являются наиболее ранними образцами этого искусства (см.: Погребова, Раевский, 1999. С. 360).

² Изображение животного выполнено врезной линией с небольшим отступом от края пластинки, а данный выступ расположен над глазом животного и, возможно, дополнительно акцентирует его.

³ В. А. Ильинская категорически отрицала определение этого животного как быка, отмечая, что «развернутые в виде полумесяца рога... – не более чем один из приемов стилизации лосиных рогов, нередко трактованных в виде полумесяца или волют»

головы «коней» с длинным прижатым ухом на одном из концов роговых псалиев (Ильинская, 1965. С. 89–91. Рис. 1, 1, 2, 6, 9; Шкурко, 1976. С. 92. Рис. 1, 14, 15), головы баранов, также увенчивающих роговые псалии (Ильинская, 1965. Рис. 10, 1, 4). На наш взгляд, это был, по определению Я. А. Шера (1980. С. 28–32), своеобразный изобразительный инвариант, т. е. совокупность устойчивых стилистических признаков, повторяющихся на разных по содержанию изображениях. Существование изобразительных инвариантов в искусстве раннескифского времени подтверждается анализом изображений на рукояти келермесской секиры, где прослеживается определенная стройность и иерархия признаков, характерная для разных групп животных (Переводчикова, 1979). Анализ же признаков скифского «звериного стиля» позволяет даже говорить о существовании «понятия копытного животного вообще, которое выражалось рядом общих признаков, отличавших изображения всех копытных животных» (Переводчикова, 1986. С. 12; см. также: Погребова, Раевский, 1999. С. 265).

Итак, «бóльшие» животные, воспроизведенные на роговых жаботинских бляшках, на наш взгляд, не имеют четких видовых признаков. Вместе с тем шея меньшего животного на правосторонней бляшке (рис. 1, 6) украшена остроконечной полоской, заполненной косой штриховкой. Еще одна подобная полоска начинается от скулы бóльшего животного и выходит на внешнюю линию его шеи. Обе полоски очень напоминают козлиные рога, трактованные схематично и принадлежащие, судя по всему, обоим животным. На левосторонней бляшке (рис. 1, 7) также присутствует подобный элемент, но здесь полоска только одна, она – гладкая, начинается от глаза меньшего животного и идет вдоль внешнего контура его шеи. Подобные, но более короткие полоски обозначены и на шеях всех животных на длинной роговой пластине со сдвоенными фигурами (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. LXI, 540; Вязьмитина, 1963. Рис. 2; Артамонов, 1968. С. 39, Рис. 7; 8) (рис. 1, 5), в отличие от второй пластины, где изображены копытные с иными рогами – серповидными и ветвистыми. Таким образом, меньшее животное (а возможно, и оба сдвоенных) на жаботинских бляшках и одной из пластин (а также, не исключено, всех копытных на этой же пластине) можно определить как горного козла. Именно так определил животных на бляшках еще М. И. Ростовцев (1925. С. 479), а затем и М. И. Артамонов, который отметил, что поднятый вверх хвост (каким он воспроизведен на левосторонней бляшке) (рис. 1, 7) характерен только для козлов (Артамонов, 1968. С. 38). Поддержал такое определение и В. Ю. Зуев (1993. С. 41, 42. Рис. 1, п. 1, д; пр. 1, б; пр. 2, б). В частности, это касается изображения копытного с поднятым хвостом и короткими изогнутыми рогами, которые вряд ли могут быть истолкованы как лосиные (ср. иное мнение: Вязьмитина, 1963. С. 160; Ильинская, 1975. С. 20; Погребова, Раевский, 1999. С. 264).

Несколько изображений горных козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой происходят из Мельгуновского и Келермесских курганов. В этих комплексах найдено большое количество предметов импортных и/или выпол-

(Ильинская, 1975. С. 158). Этот тезис был поддержан М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским, которые привели соответствующие аналогии из переднеазиатского искусства XVIII в. до н. э. и искусства Приаралья (Погребова, Раевский, 1999. С. 264).

ненных в смешанном стиле, где присутствуют черты как собственно скифского «звериного стиля», так и разных древневосточных традиций.

Из Мельгуновского кургана происходит парадный меч с золотой обкладкой рукояти. На крыльях перекрестия с каждой стороны – два горных козла, фигуры которых направлены друг к другу, между ними, вероятно, стилизованное древо жизни (*Придик*, 1911. Рис. 1; 2. Табл. III, 2; *Черненко*, 1980. С. 19. Рис. 5, 1; 13) (рис. 1, 9). Из Келермесского кургана I/Ш происходит парадная секира с разнообразными изображениями козлов, среди которых изображения в обозначенной выше позе являются доминирующими. Это четыре упрощенные скульптурки на торце обуха секиры и профильное изображение животного на золотой обкладке ее проушины (*Артамонов*, 1966. Табл. 18; *Переводчикова*, 1979. С. 140, 141; *Галанина*, 1997. Табл. 10, бс, е; *Кисель*, 1997. С. 6, 7) (рис. 1, 10, 11). Всех их объединяют общие главные признаки. Они (даже скульптурки) выполнены на скифский манер строго в профиль, повернутая назад голова расположена над плечом, а положение подогнутых ног аналогично вышеописанной схеме. Массивный и длинный рог как бы поднимается над глазом, изогнут по овалу и спускается к передней ноге. Внешний контур рога показан ровной линией, а на нем рельефными рубчиками переданы многочисленные (до 21) годовые кольца, кончик рога – гладкий. Кроме того, у козлов рубчатой каймой обозначена шерсть на внешней линии шеи, внешней линии бедра и на животе (последние два приема встречаются не на всех изображениях).

Совсем иной внешний вид имеет козел в нижней части восьмого⁴ сектора электровой обкладки серебряного зеркала из Келермесского к-на 4/Ш (*Галанина*, 1997. Табл. 1) (рис. 1, 8). Здесь козел как бы встающий: его правая передняя нога согнута и выставлена вперед, левая передняя – подогнута так, что копыто оказалось в паху; круп приподнят; повернутая назад голова как бы обращена к расположенному сзади барану. Рог животного изогнут полукругом, он более утонченный и короткий, а на его верхнем контуре четырьмя выступами обозначены годовые кольца. На теле животного черточками показана шерсть. Изображение относительно реалистично и в нем однозначно угадывается безоаровый козел/эгагр (*Максимова*, 1954. С. 286, 288; *Кисель*, 1993. С. 119), широко распространенный в горных местностях Передней Азии и Кавказа (*Жизнь животных...*, 1989. С. 500). Изображение козла на зеркале (наряду с некоторыми другими) входит в группу, которую М. И. Максимова считала «чисто греческой» (*Максимова*, 1954. С. 286), а В. А. Кисель отнес к изображениям, где «преобладают черты восточноионийского искусства», отметив, что выполнено оно в «канонах родосско-ионийской вазописи», а «поза лежащего копытного с выставленной вперед и согнутой передней ногой была характерна как для искусства древнего Востока, так и для ионийской художественной традиции» (*Кисель*, 1993. С. 113, 119; см. также: *Максимова*, 1954. С. 288).

Продолжение развития местной традиции в Поднепровской Лесостепи, с одной стороны, и наложение на нее келермесско-мельгуновской – с другой,

⁴ По нумерации секторов, предложенной М. И. Максимовой (1954) и принятой другими исследователями (*Кисель*, 1993).

проявилось в появлении серии золотых бляшек с изображениями козлов⁵, происходящих из пяти комплексов: кург. 33 у с. Бобрица (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1899. Табл. LVIII, *т; Іллінська*, 1971. Рис. 2, 8; *Ковпаненко*, 1981. С. 13, 116. Рис. 10, 2; 63, 23) (рис. 2, 1), кург. I у с. Коцюбинчики (*Бандрівський*, 2010. С. 151–154. Рис. 6) (рис. 2, 2), кург. 1/2016 г. м-ка Скоробор (*Шрамко*, 2017. С. 375–777. Рис. 7, 1; 9; 10, 4) (рис. 2, 3), кург. 1 у с. Жаботин (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Приложение, С. 6. Табл. LXI, 470; *Іллінська*, 1971. Рис. 2, 10) (рис. 2, 4), кург. 449 у с. Гладковщина (*Іллінська*, 1971. Рис. 2, 14; *Галанина*, 1977. С. 38. Табл. 21, 3) (рис. 2, 5), курганов Роменской группы из раскопок С. А. Мазараки после 1886 г. (*Бобринский*, 1901. С. 62, Табл. VI, 5; *Іллінська*, 1971. Рис. 2, 18) (рис. 2, 6) и курганов у с. Аксютинцы из раскопок Т. В. Кибальчича в 1875–1876 гг. (*Ильинская*, 1954. Табл. II, 39; *Шрамко*, 2017. Рис. 10, 1) (рис. 2, 7)⁶. Каждое изображение индивидуально, но в то же время можно выделить и главные общие черты для всей серии. Изображения козлов очень компактны, имеют овальную форму. Голова воспроизведена с удлинённой мордой, круглым глазом и выделенной (рельефными бугорком или «точкой»⁷) щекой, от которой отходит листовидное ухо. Рог как бы выходит из задней части головы (отделяясь от нее рифленой поперечной полоской), прилегает к шее, полностью повторяя ее изгиб, и заканчивается возле запястного сустава. Он очень массивный, от основания до кончика покрыт многочисленными черточками, условно обозначающими годовые кольца. На шее аналогичными черточками, возможно, показана шерсть (Бобрица, Гладковщина) (рис. 2, 1, 5), полоска которой скомпонована так, что напоминает второй рог (Бобрица) (рис. 2, 1).

⁵ См. также: (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Приложение, С. 8; *Ростовцев*, 1925. С. 479). В. А. Ильинская (1965. С. 97) сравнила воспроизведенных животных с козлами и конями и пришла к выводу, что в данном случае изображены кони. Данная интерпретация была достаточно распространенной (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Приложение, С. 6; *Ковпаненко*, 1971. С. 118, 119. Рис. 2, 52; *Іллінська*, 1971. С. 74, 76; *Ильинская*, 1975. С. 19; *Галанина*, 1977. С. 38; но ср.: *Ковпаненко*, 1981. С. 13, 130, 116). На ошибочность такой интерпретации обратили внимание Я. А. Виноградская (*Виноградська*, 2000) и А. Р. Канторович (*Канторович*, 2016. С. 95, 96), детально обосновав интерпретацию животных на золотых пластинках как горных козлов, что было принято и другими исследователями (*Грибова*, 2011. С. 66; *Шрамко*, 2017. С. 375).

⁶ А. Р. Канторович объединяет эти и более поздние изображения в один изобразительный тип – бобрицко-ульский (*Канторович*, 2016. С. 96), что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку объединяются две серии изображений, различающиеся стилистически, бытовавшие в разное время и на разной территории и, возможно, имеющие разные истоки.

⁷ В данном случае имеется в виду круглый рельефный выступ, окруженный рельефным же кольцом, на «щеке» животного (кург. 1/2016 м-ка Скоробор) (рис. 2, 3). Он напоминает изображение глаза, в связи с чем трактуется И. Б. Шрамко как второй глаз, принадлежащий голове, вписанной в контур животного наподобие жаботинских изображений (*Шрамко*, 2017. С. 376). Однако подобная интерпретация все же сомнительна, т. к. иных элементов «второй головы» там, на наш взгляд, нет. Ср. также изображения из кург. 1 у с. Жаботин (рис. 2, 4) и кург. 449 у с. Гладковщина (рис. 2, 5), где на щеке животного также воспроизведен небольшой округлый выступ.

Плечо и бедро выделены округлым рельефом, нижние части сложенных ног непропорционально малы.

Большая часть изображений данной серии датируется в рамках келермесского горизонта, относимого ко второй половине VII – началу VI в. до н. э. (см., например: *Дараган*, 2011. С. 598). Наиболее позднюю дату среди них имеет, вероятно, изображение на золотой пластинке из кург. № 449 у с. Гладковщина, в составе инвентаря которого был античный килик второй (*Онайко*, 1966. С. 25, 60; *Галанина*, 1977. С. 38) или, согласно новым представлениям, первой половины (*Дараган*, 2010. С. 194) или же середины (*Гречко*, 2016. С. 53, 55) VI в. до н. э.⁸

Еще одна серия архаических изображений горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой связана с бронзовыми зеркалами с бортиком по краю, у которых образованная двумя столбиками центральная ручка украшена рельефной бляшкой, выполненной в виде копытного животного. Такие зеркала известны на довольно обширной территории Восточной Европы: погр. 5 кург. 19 Келермесского м-ка в Прикубанье (*Галанина, Алексеев*, 1990. С. 46. Рис. 9, б) (рис. 2, 14), кург. 18 у с. Нартан в Предкавказье (*Батчаев*, 1985. Табл. 45, 37) (рис. 2, 13), кург. 1 у с. Герасимовка⁹ (*Рабинович*, 1936. Рис. 3; *Ильинская*, 1968. С. 152. Табл. XLV, 1) (рис. 2, 15), кург. 1895 г. у с. Глинище (*Рабинович*, 1936. С. 82. Рис. 1) и курганов Роменской группы (*Бобринский*, 1901. С. 71. Табл. XII, 3; *Ильинская*, 1968. Рис. 41, 1) в лесостепном левобережном Поднепровье, Чипеу в Трансильвании (*Vasiliev*, 1980. Pl. 24, 1) (рис. 2, 16), Пусто-Морквашинского мог-ка в Волго-Камском регионе (*Васильев*, 2004. Рис. 9, 2) (рис. 2, 11). Копытных животных не всегда можно определить однозначно, часто в силу плохой сохранности бляшек. Именно поэтому исследователи, обращаясь

Рис. 2. Изображения горного козла

1 – кург. 33 у с. Бобрица; 2 – кург. I у с. Коцюбинчики (по: *Бандрівський*, 2010); 3 – кург. 1/2016 г. м-ка Скоробор (по: *Шрамко*, 2017); 4 – кург. 1 у с. Жаботин; 5 – кург. 449 у с. Гладковщина (по: *Галанина*, 1977); 6 – из к-нов Роменской группы (по: *Бобринский*, 1901); 7 – из к-нов, раскопанных Т. В. Кибальчицем в 1875–1876 гг. у с. Аксютинцы (по: *Шрамко*, 2017); 8, 9 – кург. Старшая Могила (по: *Іллінська*, 1951); 10 – кург. 2 у ст. Усть-Лабинской (по: ОАК за 1903..., 1906); 11 – Пусто-Морквашинский м-к (по: *Васильев*, 2004); 12 – из к-нов Роменской группы (по: *Бобринский*, 1901); 13 – кург. 18 у с. Нартан (по: *Батчаев*, 1985); 14 – погр. 5 кург. 19 Келермесского м-ка (по: *Галанина, Алексеев*, 1990); 15 – кург. 1 у с. Герасимовка (фото автора в экспозиции ГИМ); 16 – Чипеу (по: *Vasiliev*, 1980). Масштабы разные

1, 4 – фото Д. В. Клочко

⁸ Античная амфора находилась в составе инвентаря и кург. 1 у с. Жаботин (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Приложение: с. 6. Кат. 846), однако никаких сведений о ней, кроме общего описания, не сохранилось.

⁹ По мнению Б. З. Рабиновича, на бляшке центральной ручки зеркала из этого кургана изображена лошадь (*Рабинович*, 1936. С. 86), а по мнению В. А. Ильинской (1968. С. 152) и Т. М. Кузнецовой (2002. С. 64) – горный козел; С. В. Махортых (2016. С. 315) говорит о «копытном животном».

к изображениям на ручках данных зеркал, определяли животных обобщенно, как копытных, «чье видовое определение затруднительно из-за плохой сохранности бляшек» (*Махортых*, 2016. С. 315). Наиболее выразительными из них являются изображения горных козлов из Нартана, Роменской группы и Пусто-Морквашинского могильника (рис. 2, 11–13). К ним можно добавить и другие (Келермес, Герасимовка, Чипеу и, возможно, Глинище) (рис. 2, 14–16), в которых, несмотря на сильную затертость, все же угадываются черты копытного с повернутой назад головой.

Каждое изображение на бляшках центральных ручек зеркал, как и в предыдущей серии, во многом индивидуально, но в целом все они отличаются большей пропорциональностью частей тела и свободой в компоновке композиции (по сравнению с бобрицким типом изображений), выразившейся, в частности, в том, что ноги расположены более свободно, а рог находится на некотором расстоянии от шеи. Для большинства из них характерен акцентированный круглый глаз, выступающий над контуром головы.

Еще два изображения горных козлов в обозначенной позе связаны с ручкой костяной ложки из зольника 28 Западного Бельского городища (*Шрамко*, 1995. С. 70. Рис. 3; 4) и костяным навершием лука из кург. 6 у с. Нартан в Предкавказье (*Батчаев*, 1985. С. 24. Рис. 21, 23; *Махортых*, 1991. С. 52, 53, 78. Рис. 29, 1; *Шрамко*, 2015. Ил. 3, 6. Кат. 15). Они имеют свои особенности. Бельское изображение двух зеркально симметричных фигур (рис. 1, 12), отличается положением ног (задние ноги вытянуты, а не согнуты), длинным туловищем, удлинненной шеей и сравнительно небольшой головой. Расположение рога достаточно свободное, он также (как это характерно для большинства лесостепных изображений) «вырастает» из задней части головы. На нартановском же изображении (рис. 1, 13) положение ног животного более характерно для переднеазиатской традиции (задняя нога согнута под прямым углом и несколько отведена назад, согнутые части передней и задней ног находятся почти на одной линии, соприкасаясь лишь кончиками копыт).

Из архаического комплекса кургана Старшая Могила в левобережном лесостепном Поднепровье происходит 8 бронзовых пронизей, украшенных бляшками в виде копытного с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (*Рабинович*, 1936. Рис. 6, в; *Іллінська*, 1951. С. 206, 208. Табл. V, 1, 5; *Ільинская*, 1968. Табл. II, 41, 42) (рис. 2, 8, 9). В животном, как правило, видят коня (*Рабинович*, 1936. С. 92; *Іллінська*, 1951. С. 206; *Ільинская*, 1968. С. 25) или же козла (*Канторович*, 2016. С. 95, 96. Рис. 6, 5). Б. З. Рабинович сравнивал данное изображение с изображениями на ручках зеркал (*Рабинович*, 1936. С. 92).

По всей видимости, к данному типу относится и изображение на золотой круглой пластинке из кург. 2 у ст. Усть-Лабинской в Прикубанье (ОАК за 1903..., 1906. С. 69. Рис. 127; *Канторович*, 2016. С. 96. Прим. 2) (рис. 2, 10).

Таким образом, мотив горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой был представлен в раннескифское время несколькими достаточно значительными сериями изображений, что, безусловно, говорит о его востребованности (несмотря на чуждость этого животного местной фауне) и развитости изобразительной традиции. Отличительной чертой большинства изображений, прежде всего из лесостепного Поднепровья, является длинный изогнутый рог,

прижатый к шее животного. Эта черта проявилась уже на начальном этапе появления «звериного стиля», представленного изображениями на золотых пластинках из кург. 524 у с. Жаботин и кург. 346 у с. Теклино, а также на роговых бляшках и пластине из кург. 2 у с. Жаботин. По всей видимости, эти изображения относятся ко времени еще до мельгуновско-келермесского горизонта, хотя их появление каким-то образом связано со знакомством местного населения с изобразительной традицией Древнего Востока, откуда, на наш взгляд, и был заимствован рассматриваемый мотив, получивший в лесостепном Поднепровье оригинальное стилистическое воплощение. Следующий этап связан с комплексами Келермесских и Мельгуновского курганов. Развитие же местной традиции, испытывавшей влияние памятников келермесского круга, представляют две серии изображений: на золотых нашивных бляшках из различных комплексов лесостепного Поднепровья и на бляшках на центральной ручке бронзовых зеркал из разных регионов юга Восточной Европы. Известны также оригинальные единичные изображения. В целом же большинство изображений горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой демонстрируют достаточно устойчивую местную традицию «звериного стиля». Показательно, что данный мотив был совсем не известен в восточных регионах скифского мира, где доминировали изображения горного козла с прямыми ногами и опущенной вниз или прямо поставленной головой, а также редуцированные изображения их голов (см. подробнее: *Полидович*, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И.*, 1962. К вопросу о происхождении скифского искусства // АСГЭ. Вып. XXII. Л.: ГЭ. С. 30–35.
- Артамонов М. И.*, 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Аргия; Л.: Советское искусство. 120 с., ил.
- Артамонов М. И.*, 1968. Происхождение скифского искусства // СА. № 4. С. 27–45.
- Бандрівський М. С.*, 2010. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII – на початку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологічний альманах. № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк. С. 145–177.
- Батчаев В. М.*, 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н. э. – II в. н. э.) / Отв. ред. В. И. Марковин. Нальчик: Эльбрус. С. 7–134.
- Бобринский А. А.*, 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. XII, 174 с., ил., 21 л. ил., 2 л. карт.
- Бобринский А. А.*, 1916. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // ИАК. Т. 60. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 1–6.
- Васильев Ст. А.*, 2004. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. № 11. СПб.: ГЭ. С. 275–295.
- Виноградов В. Б.*, 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 147–152.
- Виноградська Я. О.*, 2000. До інтерпретації зображень на бляшках скіфського архаїчного головного убору // Музейні читання: матеріали наукової конференції (24 грудня 1999 р.) / Відп. ред. Ж. Г. Арустамян. Київ. С. 17–23.
- Вязьмитина М. И.*, 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. № 2. С. 158–170.

- Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука. 68 с. (САИ; вып. Д1-33.)
- Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф. 316 с., табл.
- Галанина Л. К., Алексеев А. Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып. 30. СПб.: ГЭ. С. 34–54.
- Гречко Д. С., 2016. От Архаической Скифии к Классической // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19): Старожитності раннього залізного віку / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 33–60.
- Грибова А. А., 2011. Типология аппликаций из курганов Днепровской Лесостепи из коллекции Музея исторических драгоценностей Украины // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Ред. В. Д. Березуцкий и др. Воронеж: Научная книга. С. 64–74.
- Дараган М. Н., 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховой Могилой // Античный мир и археология. Вып. 14 / Отв. ред. С. Ю. Монахов. Саратов: Научная книга. С. 175–202.
- Дараган М. Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев: КНТ. 848 с.
- Жизнь животных: В 7 т. Т. 7: Млекопитающие / Под ред. В. Е. Соколова. М.: Просвещение, 1989. 558 с., 32 л. ил.
- Зув В. Ю., 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р. Хр. // ПАВ. № 6: Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. С. 38–52.
- Ильинская В. А., 1954. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье // КСИА АН УССР. Вып. 3. С. 66–70.
- Ильинская В. А., 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. № 1. С. 86–107.
- Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка. 267 с.
- Ильинская В. А., 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА. № 3. С. 3–23.
- Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 224 с.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 380 с.
- Іллінська В. А., 1951. Курган Старша Могила – пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. Т. 5. С. 196–211.
- Іллінська В. А., 1971. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. Вип. 4. С. 73–79.
- Канторович А. Р., 2016. Образ «лосекозла» в скифском зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополя и Прикубанья // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19): Старожитності раннього залізного віку / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 89–99.
- Кисель В. А., 1993. Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. № 1. С. 111–125.
- Кисель В. А., 1997. Священная секира скифов: об одной находке из Келермеса. СПб.: МАЭ РАН. 110 с.
- Ковпаненко Г. Т., 1971. Памятники раннескифского времени Каневщины // Проблемы скифской археологии / Отв. ред.: П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука. С. 115–120. (МИА; № 177.)
- Ковпаненко Г. Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Роси. Киев: Наукова думка. 160 с.
- Кузнецов Б. А., 1975. Определитель позвоночных животных фауны СССР. Ч. 3: Млекопитающие. М.: Просвещение. 268 с.
- Кузнецова Т. М., 2002. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. I. М.: Индрик. 352 с.
- Макимова М. И., 1954. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. Т. XXI. С. 283–305.
- Махортых С. В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка. 134 с.
- Махортых С. В., 2016. Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. С. 297–323.

- Мачинский Д. А., 1989. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): материалы 2-го археологического семинара / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. С. 7–30.
- Медведская И. Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3. С. 86–107.
- ОАК за 1903 год. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1906. 245 с.
- Онайко Н. А., 1966. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Поднепровье // Культура античного мира / Отв. ред. А. И. Болтунов. М.: Наука. С. 159–176.
- Переводчикова Е. В., 1979. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М.: МГУ. С. 138–155.
- Переводчикова Е. В., 1986. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. Вып. 186. С. 8–14.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука. 261 с.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1999. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М. С. 260–274.
- Полидович Ю. Б., 2015. Изображения горного козла в сакском искусстве архаичного периода // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола. С. 215–232.
- Прудик Е. М., 1911. Мельгуновский клад 1763 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 1–28. (МАР; № 31.)
- Рабинович Б. З., 1936. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья // СА. № 1. С. 79–100.
- Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. Л.: РАИМК. 621 с.
- Рябкова Т. В., 2013. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // АСГЭ. Вып. 39. СПб.: ГЭ. С. 59–99.
- Рябкова Т. В., 2014. Курган 524 у с. Жаботин в кругу памятников периода скифской архаики // Российский археологический ежегодник. № 4. СПб.: ГЭ. С. 236–296.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899. Древности Поднепровья. Вып. II. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко. 44 с.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1900. Древности Поднепровья. Вып. III. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко. 22 с.
- Черненко Е. В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 7–30.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Шкурко А. И., 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 90–105.
- Шрамко Б. А., 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии / Отв. ред.: П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука. С. 92–102. (МИА; № 177.)
- Шрамко Б. А., 1976. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 194–209.
- Шрамко И. Б., 1995. Краткие итоги исследований на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // Полтавський археологічний збірник. Вип. 3 / Відп. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПА. С. 66–71.
- Шрамко И. Б., 2015. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Труды ГЭ. Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: ГЭ. С. 487–511.

Шрамко И. Б., 2017. Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Ско-
робор // Археологія і давня історія України. № 2: Старожитності раннього залізного віку / Гол.
ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 368–380.

Vasiliev V., 1980. Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca: Dacia. 213 p.

Сведения об авторе

Полидович Юрий Богданович, Музей исторических драгоценностей Украины – филиал Наци-
онального музея истории Украины, ул. Лаврская, 9, Киев, 01015, Украина; e-mail: yurkop@ukr.net

Polidovich Yu. B.

ONE OF THE MOTIFS OF IBEX IMAGES IN EARLY SCYTHIAN ART

Abstract. The image of ibex was one of key motifs in the Early Scythian animal style, though the ibex never inhabited the North Pontic region and the Kuban region. The most common was the motif of the ibex with folded legs and the reverted head. The earliest are images of the ibex on gold plates from kurgan 524 near the village of Zhabotin and kurgan 346 near the village of Teklino (Fig. 1, 1–4). They demonstrate development of a truly Scythian tradition of depicting the ibex characterized by rendering the ibex with a curved horn pressed to the neck. Apparently, the ibex is depicted on horn plaques and a plate from an archaic assemblage found in kurgan 2 at the village of Zhabotin (Fig. 1, 5–7). Appearance of these early images of the ibex is linked to the fact that the local population got familiar with an art tradition of the ancient East and developed its own art. A number of images, which are more or less linked to the ancient East art, appeared in the second half of the 7th century BC. These are images from the Kelermess kurgans in the Kuban region and the Melgunov kurgan in the Middle Dnieper region (Fig. 1, 8–11). Development of the local tradition which experienced influence of the Kelermess sites is revealed by two series of images represented by sewn on plaques from various assemblages discovered in the forest steppe Dnieper region (Fig. 2, 1–7) and appliques on the central handle of bronze mirrors found in various regions in the south of Eastern Europe (Fig. 2, 11–16). Distinctly unique images have been found as well (Fig. 1, 12–13; 2, 8–10). In general, most images demonstrate a rather strong local tradition of the animal style.

Keywords: Scythians, art, animal style, ibex, image, motif, Early Scythian period.

REFERECES

- Artamonov M. I., 1962. K voprosu o proiskhozhdenii skifskogo iskusstva [On problem of origin of Scythian art]. *ASGE*, XXII. Leningrad: GE, pp. 30–35.
- Artamonov M. I., 1966. Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Treasures of Scythian kurgans in collection of State Hermitage]. Praga: Artiya; Leningrad: Sovetskoe iskusstvo. 120 p., ill.
- Artamonov M. I., 1968. Proiskhozhdenie skifskogo iskusstva [Origin of Scythian art]. *SA*, 4, pp. 27–45.
- Bandrivs'kyi M. S., 2010. Obrazotvorchy tradytsii na zachodi Ukraïns'kogo Lisostepu u VII – na pochatku VI st. do nar. Khr.: vytoky i prychyny transformatsii [Imagery traditions in West of Ukrainian Forest-steppe in VII – beginning of VI cc. BC: sources and reasons of transfoamtion]. *Arkheologicheskii al'manakh [Archaeological miscellany]*, 21. *Izobrazitel'noe iskusstvo v arkheologicheskomo nasledii [Figurative art in archaeological heritage]*. Donetsk, pp. 145–177.

- Batchaev V. M., 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov [Antiquities of pre-Scythian and Scythian periods]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations in construction zones of Kabarda-Balkaria in 1972–1979], 2. Pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (IX–VII vv. do n. e. – II v. n. e.) [Sites of Late Bronze and Early Iron Ages (IX–VII cc. BC – II c. AD)]. V. I. Markovin, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 7–134.
- Bobrinskiy A. A., 1901. Kurgany i sluchaynye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely [Kurgans and isolated archaeological finds near town Smela], III. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. XII, 174 p., ill.
- Bobrinskiy A. A., 1916. Otchet o raskopkakh v Kievskoy gubernii v 1913 godu [Report on excavations in Kiev Province in 1913]. *Izvestiya IAK* [Bulletin IAK], 60. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 1–6.
- Chernenko E. V., 1980. Drevneyshie skifskie paradnye mechi (Mel'gunov i Kelermes) [Earliest Scythian ceremonial swords (Mel'gunov and Kelermes)]. *Skifiya i Kavkaz* [Scythian and Caucasus]. A. I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 7–30.
- Daragan M. N., 2010. O datirovke amfory iz pogrebeniya № 2 Repyakhovatoy Mogily [On dating an amphora from burial No. 2 of Repyakhovataya Mogila]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Antique world and archaeology], 14. S. Yu. Monakhov, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 175–202.
- Daragan M. N., 2011. Nachalo rannego zheleznoogo veka v Dneprovskoy pravoberezhnoy lesostepi [Beginning of Early Iron Age on Dnieper right bank forest-steppe]. Kiev: KNT. 848 p.
- Galanina L. K., 1977. Skifskie drevnosti Podneprov'ya. (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenbura) [Scythian antiquities of Dnieper region. (Hermitage collection of N. E. Brandenburg)]. Moscow: Nauka. 68 p. (SAI, D1-33.)
- Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [Kelermes kurgans. «Royal» burials of early Scythian epoch]. Moscow: Paleograf. 316 p., tabl.
- Galanina L. K., Alekseev A. Yu., 1990. Novye materialy k istorii Zakuban'ya v ranneskifskoe vremya [New materials for history of Transkuban' in early Scythian time]. *ASGE*, 30. St. Petersburg: GE, pp. 34–54.
- Grechko D. S., 2016. Ot Arkhaicheskoy Skifii k Klassicheskoy [From Archaic to Classical Scythia]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [Archaeology and ancient history of Ukraine], 2(19). *Starozhytnosti rann'ogo zaliznogo viku* [Antiquities of Early Iron Age]. S. A. Skoryy, ed. Kyiv: IA NANU, pp. 33–60.
- Gribkova A. A., 2011. Tipologiya aplikatsiy iz kurganov Dneprovskoy Lesostepi iz kollektsii Muzeya istoricheskikh dragotsennostey Ukrainy [Typology of appliqué plates from kurgans of Dnieper forest-steppe in collection of Museum of historic treasures of Ukraine]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi* [East-European antiquities of Scythian epoch]. V. D. Berezutskiy, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 64–74.
- Il'inskaya V. A., 1954. Iz neopublikovannykh materialov skifskogo vremeni na Posul'e [From unpublished materials of Scythian time in Sula region]. *KSIA Akademii nauk Ukrainskoy SSR* [KSIA of Academy of Sciences of Ukrainian SSR], 3, pp. 66–70.
- Il'inskaya V. A., 1965. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya [Some motifs of early Scythian animal style]. *SA*, 1, pp. 86–107.
- Il'inskaya V. A., 1968. Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya [The Scythians of Dnieper left bank forest-steppe]. Kiev: Naukova dumka. 267 p.
- Il'inskaya V. A., 1973. Otnositel'naya khronologiya ranneskifskikh kurganov basseyna reki Tyasmin [Relative chronology of early Scythian kurgans in Tyasmin River basin]. *SA*, 3, pp. 3–23.
- Il'inskaya V. A., 1975. Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin (VII–VI vv. do n. e.) [Early Scythian kurgans of Tyasmin River basin (VII–VI cc. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.
- Il'inskaya V. A., Terenozhkin A. I., 1983. Skifiya VII–IV vv. do n. e. [Scythia of VII–IV cc. BC]. Kiev: Naukova dumka. 380 p.
- Illins'ka V. A., 1951. Kurgan Starsha Mogyla – pam'yatka arkhaychnoi Skifii [Kurgan Starsha Mogila – site of archaic Scythia]. *Arkheologiya* [Archaeology], 5, pp. 196–211.
- Illins'ka V. A., 1971. Zoloti prykrasy skifs'kogo arkhaychnogo uboru [Golden ornaments of archaic Scythian attire]. *Arkheologiya* [Archaeology], 4, pp. 73–79.

- Kantorovich A. R., 2016. Obraz «losekozla» v skifskom zverinom stile v svete novykh nakhodok na territorii Stavropol'ya i Prikuban'ya [Image of «elk-goat» in Scythian animal style in light of new finds in territory of Stavropol' and Kuban' regions]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy* [Archaeology and ancient history of Ukraine], 2(19). *Starozhytnosti rann'ogo zaliznogo viku* [Antiquities of Early Iron Age]. S. A. Skoryy, ed. Kyiv: IANANU, pp. 89–99.
- Khanenko B. I., Khanenko V. N., 1899. Drevnosti Pridneprov'ya [Antiquities of Dnieper region], II. Kiev: Fototipiya i tipografiya S. V. Kul'zhenko. 44 p.
- Khanenko B. I., Khanenko V. N., 1900. Drevnosti Pridneprov'ya [Antiquities of Dnieper region], III. Kiev: Fototipiya i tipografiya S. V. Kul'zhenko. 22 c.
- Kisel' V. A., 1993. Stilisticheskaya i tekhnologicheskaya atributsiya serebryanogo zerkala iz Kelermesa [Stylistic and technological attribution of silver mirror from Kelermes]. *VDI*, 1, pp. 111–125.
- Kisel' V. A., 1997. Svyashchennaya sekira skifov: ob odnoy nakhodke iz Kelermesa [Sacred axe of Scythians: on one find from Kelermes]. St. Petersburg: MAE RAN. 110 p.
- Kovpanenko G. T., 1971. Pamyatniki ranneskifskogo vremeni Kanevshchiny [Sites of early Scythian time in Kanev region]. *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of Scythian archaeology]. P. D. Liberov, V. I. Gulyaev, eds. Moscow: Nauka, pp. 115–120. (MIA, 177.)
- Kovpanenko G. T., 1981. Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Rosi [Kurgans of early Scythian time in Ros' River basin]. Kiev: Naukova dumka. 160 p.
- Kuznetsov B. A., 1975. Opredelitel' pozvonochnykh zhivotnykh fauny SSSR [Determinant of vertebrates in fauna of the USSR], 3. Mlekopitayushchie [Mammals]. Moscow: Prosveshchenie. 268 p.
- Kuznetsova T. M., 2002. Zerkala Skifii VI–III veka do n. e. [Mirrors of Scythia of VI–III centuries BC], I. Moscow: Indrik. 352 p.
- Machinskiy D. A., 1989. Bospor Kimmeriyskiy i Tanais v istorii Skifii i Sredizemnomor'ya VIII–V vv. do n. e. [Bosporus Cimmerian and Tanais in history of Scythia and Mediterranean in VIII–V cc. BC]. *Kochevniki Evraziyskikh stepey i antichnyy mir (problemy kontaktov): materialy 2-go arkheologicheskogo seminar* [Nomads of Eurasian steppes and Antique world (problems of contacts): transactions of 2nd archaeological seminar]. B. A. Raev, ed. Novocherkassk: Muzei istorii donsogo kazachestva, pp. 7–30.
- Makhortykh S. V., 1991. Skify na Severnom Kavkaze [Scythian in North Caucasus]. Kiev: Naukova dumka. 134 p.
- Makhortykh S. V., 2016. Skifskie zerkala epokhi arkhaiiki na Severnom Kavkaze i v lesostepnom Podneprov'e [Scythian mirrors of archaic epoch in North Caucasus and Dnieper forest-steppe]. *Aktual'nyeproblemyarkheologiiEvrazii: sbornikmaterialovmezhdunarodnoynauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiyu Instituta arkheologii imeni A. Kh. Margulana* [Topical problems of Eurasian archaeology: transactions of international scientific-practical conference devoted to 25th anniversary of independence of Republic of Kazakhstan and 25th anniversary of A. Kh. Margulan Institute of Archaeology]. B. A. Baytanaev, ed. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, pp. 297–323.
- Maksimova M. I., 1954. Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa [Silver mirror from Kelermes]. *SA*, XXI, pp. 283–305.
- Medvedskaya I. N., 1992. Periodizatsiya skifskoy arkhaiiki i Drevniy Vostok [Periodization of Scythian archaic and the Near East]. *RA*, 3, pp. 86–107.
- Onayko N. A., 1966. O tsentrakh proizvodstva zolotykh obkladok nozhen i rukoyatok rannikh skifskikh mechey, naydennykh v Podneprov'e [On centers of production of early Scythian golden sheath and sword handle plates, found in Dnieper region]. *Kul'tura antichnogo mira* [Culture of antique world]. A. I. Boltunov, ed. Moscow: Nauka, pp. 159–176.
- Otchet IAK za 1903 god [Report of IAK for 1903]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1906. 245 p.
- Perevodchikova E. V., 1979. Kelermesskaya sekira i formirovanie skifskogo zverinogo stilya [Kelermes axe and formation of of Scythian animal style]. *Problemy istorii antichnosti i srednikh vekov* [Problems of history of Classical period and Middle Ages]. Yu. M. Saprykina, ed. Moscow: MGU, pp. 138–155.
- Perevodchikova E. V., 1986. Vosproizvedenie vida zhivotnogo v skifskom zverinom stile [Representation of animal species in Scythian animal style]. *KSIA*, 186, pp. 8–14.

- Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 1992. Rannie skify i drevniy Vostok. K istorii stanovleniya skifskoy kul'tury [Early Scythians and ancient Orient. Toward history of formation of Scythian culture]. Moscow: Nauka. 261 p.
- Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 1999. K kul'turno-istoricheskoy interpretatsii pamyatnikov zverinogo stilya iz Zhabotinskogo kurgana № 2 [On cultural-historical interpretation of monuments of animal style from Zhabotinskiy kurgan No. 2]. *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i [Eurasian antiquities. Centenary of B. N. Grakov: archive materials, publications, articles]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. A. Bashilov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 260–274.
- Polidovich Yu. B., 2015. Izobrazheniya gornogo kozla v saksom iskusstve arkhaichnogo perioda [Images of mountain goat in Saka art of archaic period]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii [Saka culture of Saryarka in context of investigation of ethno-social-cultural processes in Steppe Eurasia]*. A. Z. Beysenov, ed. Almaty: Begazy-Tasmola, pp. 215–232.
- Pridik E. M., 1911. Mel'gunovskiy klad 1763 g. [Mel'gunovskiy hoard of 1763]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 1–28. (Materialy po arkheologii Rossii, 31.)
- Rabinovich B. Z., 1936. O datirovke nekotorykh skifskikh kurganov Srednego Podneprov'ya [On dating some Scythian kurgans in Middle Dnieper region]. *SA*, I, pp. 79–100.
- Rostovtsev M. I., 1925. Skifiya i Bospor [Scythia and Bosphorus]. Leningrad: RAIMK. 621 p.
- Ryabkova T. V., 2013. Pamirskaya I, kurgan 10: kul'turno-khronologicheskaya pozitsiya kompleksa [Pamirskaya I, kurgan 10: cultural-chronological position of complex]. *ASGE*, 39. St. Petersburg: GE, pp. 59–99.
- Ryabkova T. V., 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v krugu pamyatnikov perioda skifskoy arkhaiki [Kurgan 524 near village Zhabotin in the circle of sites of the Scythian archaic period]. *Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 4. St. Petersburg: GE, pp. 372–432.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Shkurko A. I., 1976. O lokal'nykh razlichiyakh v iskusstve lesostepnoy Skifii [On regional differences in art of forest-steppe Scythia]. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 90–105.
- Shramko B. A., 1971. K voprosu o znachenii kul'turno-khozyaystvennykh osobennostey stepnoy i lesostepnoy Skifii [On problem of significance of cultural-economic features of steppe and forest-steppe Scythia]. *Problemy skifskoy arkheologii [Problems of Scythian archaeology]*. P. D. Liberov, V. I. Gulyaev, eds. Moscow: Nauka, pp. 92–102. (MIA, 177.)
- Shramko B. A., 1976. Novye nakhodki na Bel'skom gorodishche i nekotorye voprosy formirovaniya i semantiki obrazov zverinogo stilya [New finds at Bel'skoe fortified settlement and some problems of formation and semantics of images in animal style]. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 194–209.
- Shramko I. B., 1995. Kratkie itogi issledovaniy na Zapadnom ukreplenii Bel'skogo gorodishcha v 1994 g. [Brief results of investigations at Western fortification of Bel'skoe fortified settlement in 1994]. *Poltavskiy arkheologicheskii zbirnik [Poltava collection of archaeological articles]*, 3. O. B. Suprunenko, ed. Poltava: Tsentral'no-ukrainskyy ta doslidzhen' pam'yatok arkheologii, pp. 66–71.
- Shramko I. B., 2015. Rogovye nakonechniki lukov s Zapadnogo Bel'skogo gorodishcha [Antler bow finials from Western Bel'skoe fortified settlement]. *TGE*, 77. *Arkheologiya bez granits: kolleksii, problemy, issledovaniya, gipotezy [Archaeology without borders: collections, problems, investigations, hypotheses]*. St. Petersburg: GE, pp. 487–511.
- Shramko I. B., 2017. Novyy pogrebal'nyy kompleks ranneskifskogo vremeni v mogil'nike Skorobor [New burial complex of early Scythian time in cemetery Skorobor]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2. *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [Antiquities of Early Iron Age]*. S. A. Skoryy, ed. Kiev: IANANU, pp. 368–380.
- Vasil'ev St. A., 2004. Anan'inskiy zverinyy stil'. Istoki, osnovnye komponenty i razvitiye [Anan'ino animal style. Origins, main components, and development]. *AV*, 11. St. Petersburg: GE, pp. 275–295.

- Vasiliev V., 1980. Sciții agatîrși pe teritoriul României. Cluj-Napoca: Dacia. 213 p.
- Vinogradov V. B., 1976. K kharakteristike kobanskogo varianta v skifo-sibirskom zverinom stile [On characteristic of Koban variant in Scythian-Siberian animal style]. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 147–152.
- Vinogrodskaya Ya. O., 2000. Do interpretatsii zobrazhen' na blyashkakh skifs'kogo arkhaichnogo golovnogo uboru [On interpretation of images on plates in archaic Scythian headdress]. *Muzeyni chitannya: materialy naukovoi konferentsii (1999)* [Museum readings: transactions of scientific conference (1999)]. Zh. G. Arustamyan, ed. Kyiv, pp. 17–23.
- Vyaz'mitina M. I., 1963. Rannie pamyatniki skifskogo zverinogo stilya [Early monuments of Scythian animal style]. *SA*, 2, pp. 158–170.
- Zhizn' zhivotnykh [Animal life], 7. Mlekopitayushchie [Mammals]. V. E. Sokolov, ed. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 558 p., 32 l. ill.
- Zuev V. Yu., 1993. Izuchenie zhabotinskiikh gravirovok i problema razvitiya zverinogo stilya v evropeyskoy Skifii na rubezhe VII–VI vv. do R. Xr. [Research of Zhabotin engravings and problem of development of animal style in European Scythia at turn of VII–VI cc. BC]. *Peterburgskiy arkhologicheskii vestnik* [Petersburg archaeological bulletin], 6. Skify. Sarmaty. Slavyane. Rus', pp. 38–52.

About the author

Polidovich Yuriy B., Museum of Historical Treasures of Ukraine – Branch of National Museum of History of Ukraine, ul. Lavrska, 9, Kiev, 01015, Ukraine; e-mail: yurkop@ukr.net

Е. А. Миклашевич

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НАСКАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРАХ ОГЛАХТЫ (ХАКАСИЯ)*

Резюме. Представлены некоторые результаты исследований памятников наскального искусства горного массива Оглахты (рис. 1) в 2015–2016 гг. Публикуется несколько композиций раннего железного века, выявленных на памятниках Абрашкин Лог (рис. 2; 3) и Бадалажкин Лог (рис. 4); характеризуются их особенности, соотношение с известными стилистическими группами того же периода. Особое внимание уделено сценам с характерными для Оглахты образами коней, «отмеченных» особой разрисовкой корпуса. Традиционно эта серия относилась к раннему либо развитому этапу скифо-сибирского звериного стиля, чему есть убедительные доказательства. Однако некоторые из фигур заполнены извилистыми линиями, характерными для более поздней тесинской культуры, и сопровождаются антропоморфными фигурами, также имеющими тесинские признаки. Более внимательное документирование ранее опубликованных композиций показывает, что и в них имеются детали, свидетельствующие о более позднем возрасте (рис. 5). Высказано предположение, что первые композиции с «отмеченными» конями появились на скалах Оглахты на раннем этапе тагарской культуры, а в более поздние периоды яркий образ и понятный сюжет воспроизводились в подражание, видоизменяясь в соответствии с иконографией своего времени.

Ключевые слова: Оглахты, Хакасия, наскальные изображения, тагарская культура, скифо-сибирский звериный стиль.

Горный массив Оглахты с прилегающими степными участками – одна из самых известных в культурно-историческом и природном отношениях территорий Республики Хакасия – находится на левом берегу Енисея (ныне Красноярского водохранилища) ниже устья впадающей справа р. Тубы и разделяет собственно Минусинскую (Южно-Минусинскую) и Сыда-Ербинскую (Средне-Минусинскую) котловины обширной Минусинской впадины в горах Южной Сибири. Часть территории входит в состав Государственного природного заповедника «Хакасский» как «участок Оглахты», состоящий из двух кластеров (рис. 1, 1), и характеризуется своеобразным сочетанием лесных, лесостепных, степных

* Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 15-01-00240а.

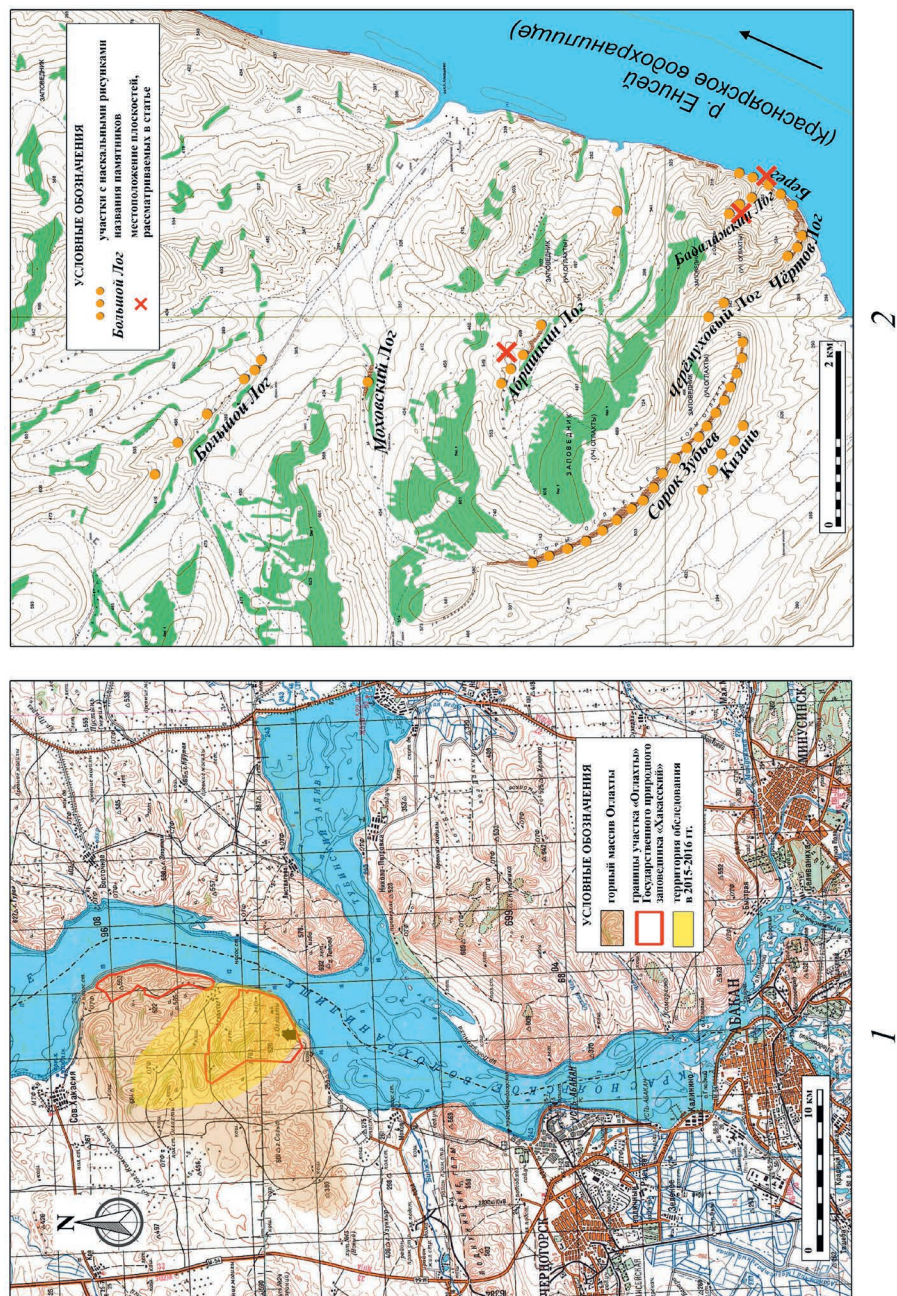

Рис. 1. Памятники наскального искусства в горном массиве Оглахты

1 – местоположение комплекса; 2 – карта южной и центральной части массива с указанием памятников наскального искусства

и прибрежных ландшафтов, наличием эндемичных, редких и исчезающих видов растений и животных, уникальными сообществами степной растительности (*Девяткин и др.*, 2000). Еще большую ценность этой территории придает насыщенность природного ландшафта следами его культурного освоения на протяжении многих исторических эпох. Здесь имеются многочисленные курганы, а также другие виды археологических и исторических памятников, среди которых наиболее хорошо представлены памятники наскального искусства. Особенности рельефа обеспечили огромное количество удобных «полотен» древним художникам: выходы красноцветного девонского песчаника здесь повсюду. Большинство рисунков нанесены на вертикальные плоскости, но встречаются они и на скальных блоках и плитах, лежащих на склонах, а также на камнях, использованных для строительства курганов. Изображения, нанесенные на скалы, концентрируются большими скоплениями в разных частях хребта (рис. 1, 2). Обследование территории далеко еще не закончено, но даже известные к настоящему времени местонахождения, вместе взятые, образуют самый крупный в Хакасско-Минусинской котловине комплекс наскального искусства, имеющий исключительную ценность с точки зрения охвата хронологических периодов, разнообразия изобразительных стилей, высоких художественных качеств, репрезентативности репертуара образов и сюжетов (*Миклашевич*, 2015; 2016).

Исходя из этих особенностей, по инициативе руководства Государственного природного заповедника «Хакасский» была подготовлена заявка на включение объекта «Горный хребет Оглахты» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО от Российской Федерации. Заявка успешно прошла экспертизу, и в декабре 2016 г. «Горный хребет Оглахты» включен в список кандидатов как объект смешанного (природного и культурного) наследия. Еще до этого события нами проводилось планомерное обследование территории на предмет выявления всех объектов наскального искусства и их документирование. Сейчас эти работы продолжаются уже в рамках подготовки номинационного досье. Открытие новых памятников, плоскостей и отдельных изображений, их документирование в соответствии с современными требованиями и возможностями приводят к важным уточнениям культурно-хронологической атрибуции, стилистики, иконографии и семантики наскального искусства хребта Оглахты, а порой и к полному пересмотру сложившихся концепций.

В статье представлены некоторые новые материалы по наскальному искусству одной из эпох – ранний железный век (т. н. скифское время), – полученные в ходе изучения комплекса в 2015–2016 гг., поставившие перед нами ряд вопросов, на которые пока нет ответов, но тем самым стимулирующие к дальнейшему поиску. Вообще, «скифский пласт» в наскальном искусстве Оглахты давно является объектом изучения многих исследователей, очень представительен, довольно хорошо введен в научный оборот и проанализирован (*Шер*, 1980; 1993; *Членова*, 1981; *Sher et al.*, 1994; *Советова*, 1987; 2005; *Советова*, *Миклашевич*, 1999; и др.). Тем неожиданнее оказались находки последних лет.

Новые изображения выявляются как в пределах ранее исследованных памятников, так и в ходе документирования «новых» местонахождений. Так, весьма интересная группа петроглифов скифского времени (в числе изображений других эпох) документирована в одном из крупных внутренних логов горного

1

2

Рис. 2. Оглахты Абрашкин Лог.
Участок II, плоскость 3, фотография (1) и прорисовка (2) многофигурной композиции

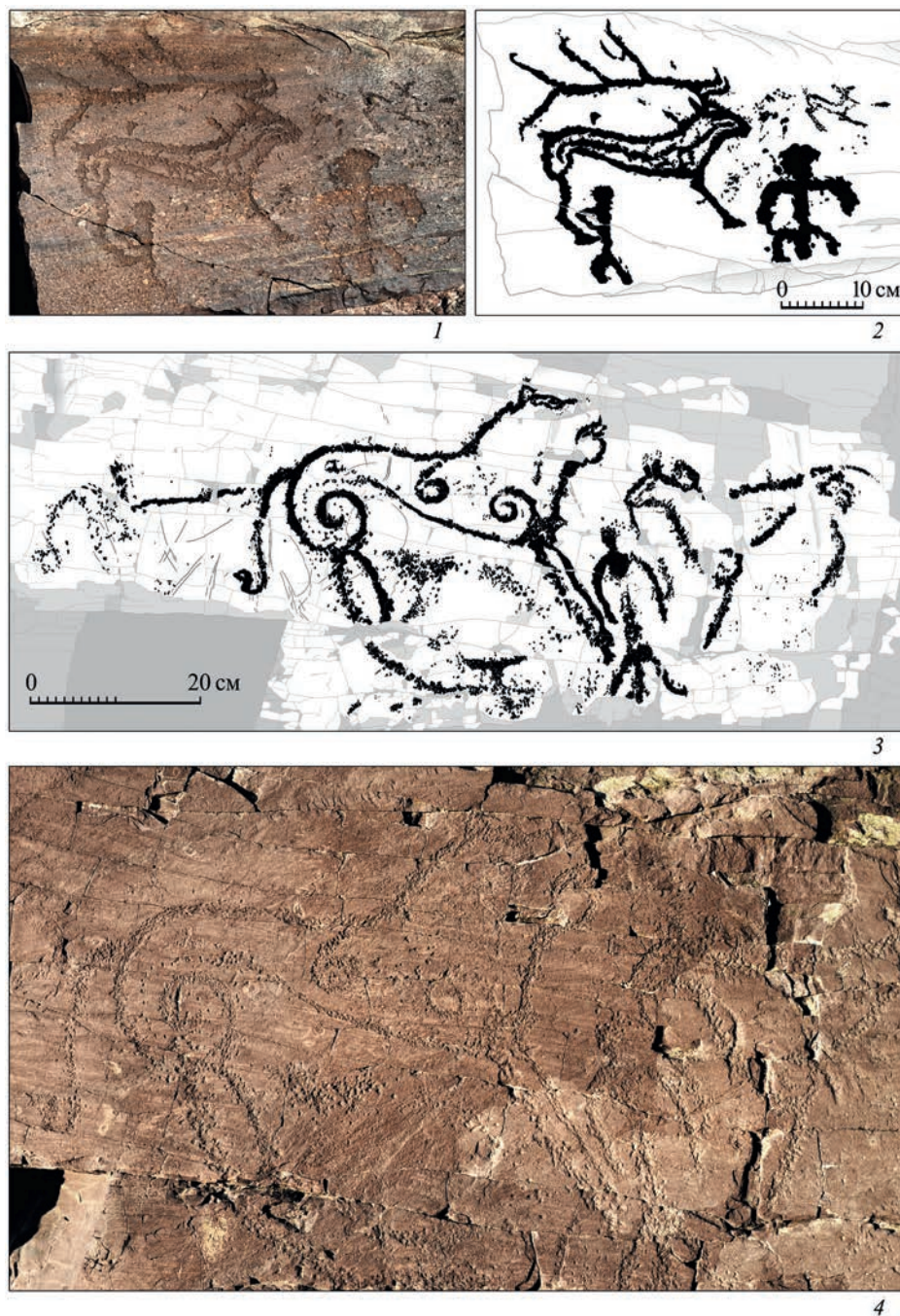

Рис. 3. Оглахты Абрашкин Лог. Фотография (1) и прорисовка (2) плоскости 6 участка II; прорисовка (3) и фотография (4) плоскости 9 участка III

массива. Памятник получил название «Оглахты Абрашкин Лог» по названию лога, который изгибами протянулся почти на 5 км с северо-запада (от северной оконечности горы Сорок Зубьев) на юго-восток (до береговой линии). Северный борт лога представляет собой череду гор, склоны каждой из которых состоят из нескольких ярусов скальных выходов. Первое упоминание о петроглифах Абрашкина Лога принадлежит Л. Р. Кызласову, обнаружившему несколько плоскостей в его северо-западной части и отметившему, что здесь «имеется огромное множество наскальных рисунков, которые нужно изучать внимательно и стационарно» (Кызласов, 1973. С. 40). Обследование этой и прилегающих частей лога уже выявило более 30 плоскостей с петроглифами, хотя пока нами пройдено лишь около половины его протяженности.

Среди них есть несколько сцен с изображениями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 2; 3), которые можно отнести к тагарской культуре по общей стилистике и сходству отдельных элементов с объектами мелкой пластики и рисунками на плитах тагарских курганов. Это украшенные завитками-волутиками контурные фигуры оленей, козорогов и других копытных, волков и неопределенных хищников. В тех случаях, когда показан глаз, он примыкает к контуру лба. Одни животные показаны с подогнутыми ногами, другие – стоящими. У одних стоящих показано по четыре ноги, у других – по две. В композициях присутствуют и антропоморфные фигуры: большей частью это поздние дополнения, но в сцене на плоскости 9 участка III (рис. 3, 3) помещенный между животными человек, держащий за повод лошадь (?), противостоящую хищнику, явно был выполнен одновременно с ними. В других композициях, включающих фигуры оленей и козорогов в скифо-сибирском стиле, имеются схематичные линейные изображения лучников и невооруженных людей. Что касается изображений животных, то они представляют развитый этап звериного стиля (Шер, 1980. С. 249–251) и имеют аналогии в наскальном искусстве Минусинской котловины, но при этом выявленная в Абрашкином Логу группа стилистически отличается от изображений несомненно той же эпохи, известных на других памятниках горного массива Оглахты. Пока не совсем ясно, чем это можно объяснить. Индивидуальные особенности мастера, выполнявшего рисунки? Но тогда почему есть аналогии на других территориях? Возможно, дальнейшее документирование поможет прояснить этот вопрос. Отметим, кроме того, что изображение хищника с головой «льва» (рис. 3, 3), которому можно найти некоторые аналогии в торовике, в наскальном искусстве этого региона ранее не встречалось, так же как и сцены противостояния хищного и копытного животных.

Новое обследование местонахождения «Оглахты Бадалажин Лог» (лог, начинающийся от берега и разделяющий местонахождения Оглахты I и II – по индексации Я. А. Шера) показало, что к нему относятся как обнаруженный в 1968 г. комплекс Оглахты III (Шер, 1980. С. 158. Рис. 91; Sher et al., 1994), так и обнаруженный в 1983 г. пункт Оглахты VIII (Советова, Миклашевич, 1999. С. 50; Советова, 2005. Рис. 13, 30А). Между этими пунктами выявлен еще ряд плоскостей, не фиксировавшихся ранее. Среди них встречаются сцены (рис. 4, 1–3) с характерными для многих местонахождений в горах Оглахты изображениями «отмеченных» коней (Советова, 1987; 2005. С. 36–44), выполненных в специфическом, хорошо узнаваемом стиле. Стиль этот вполне можно называть

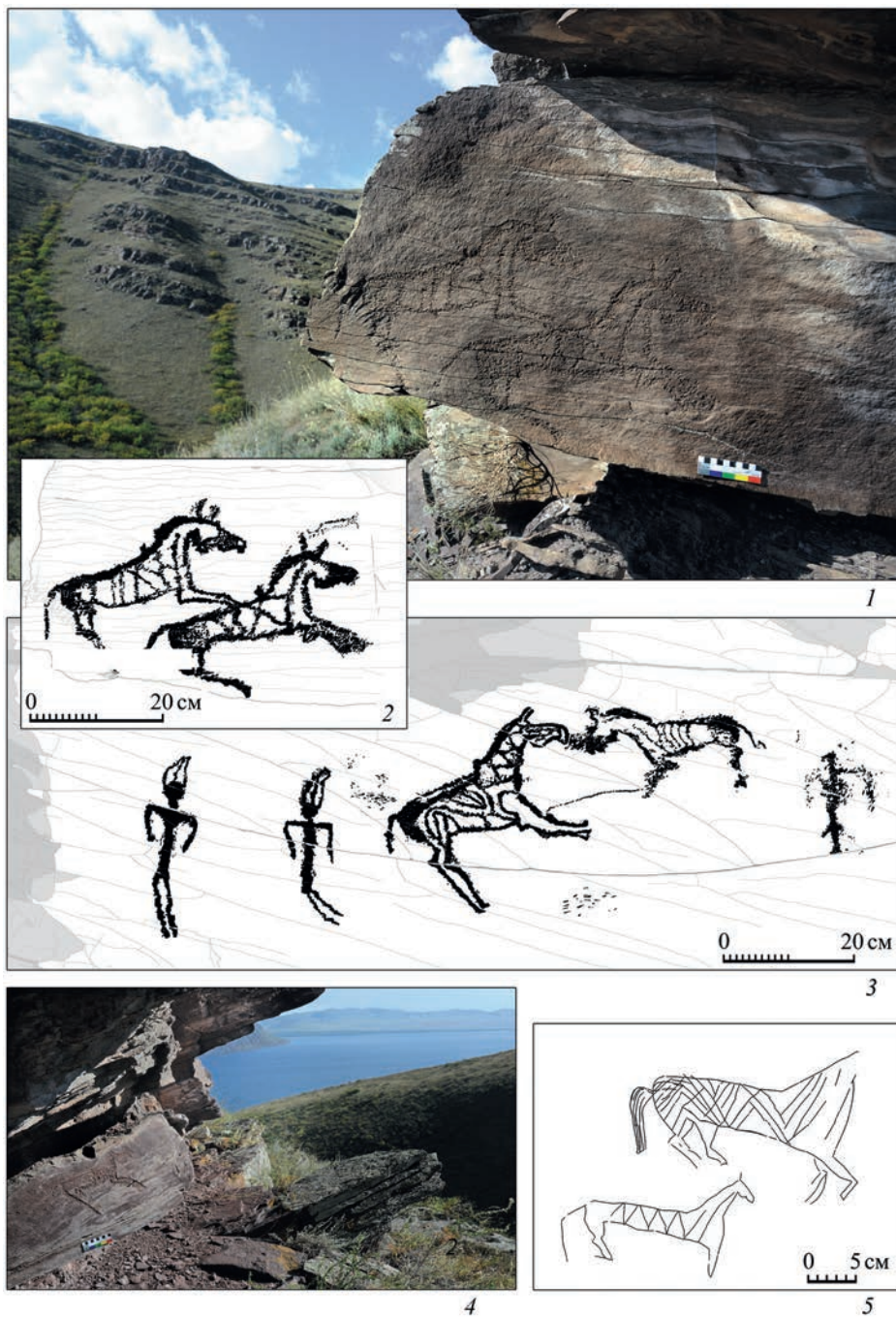
«оглахтинским», так как подобные изображения встречены только в горном массиве Оглахты (за немногими исключениями на соседних горах Куня и Тепсей): на разных памятниках в его пределах, в большом количестве и вариациях.

Анализу изображений этой группы посвящены публикации многих авторов. Еще А. М. Тальгрэн отметил сходство специфических ажурных рисунков коней на береговых скалах Оглахты, зарисованных в XIX в. финской экспедицией Аспелина (*Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 133; 134; 138), с изображением коня на бронзовом кельте из Минусинской котловины (*Tallgren*, 1933. P. 206. Fig. 50; 52). Исследование семантики «отмеченных» коней Оглахты было предпринято О. С. Советовой (1987; 2005. Гл. 3.1). Что касается датировки, то Я. А. Шер отнес их к раннему этапу звериного стиля, сравнив по некоторым признакам с изображениями аржано-майэмирской серии, для которой предположил даты X–VIII вв. до н. э. (*Шер*, 1980. С. 243–249). Н. Л. Членова отнесла оглахтинских коней с разрисованными туловищами к концу VI – V вв. до н. э. по сходству с такими же на тагарском кельте, орнаментами и фигурами на тагарских ножах и по изображению котлов «скифского типа» вместе с подобными конями на Апкашевской писанице (*Членова*, 1981. С. 86, 87)¹.

Фигуры коней в некоторых композициях на памятнике Бадалажкин Лог, при общем сходстве с другими изображениями оглахтинской серии, заполнены не такими правильными клетками, зигзагами, треугольниками и «солярными знаками» на бедре, как в известных изображениях Оглахты I (*Sher et al.*, 1994. Oglakhty I, 10, 45, 56a, 100) и Апкашевской писаницы (*Членова*, 1981. Рис. 6), а извилистыми линиями (рис. 4, 3; см. также: *Советова*, 2005. Рис. 13), больше напоминающими заполнение туловищ животных и «лабиринты» в изображениях тесинской культуры (*Шер*, 1980. Рис. 123; *Савинов*, 1995; *Русакова*, 2016; и др.). Антропоморфные фигуры в композиции с этими конями также имеют некоторые черты, присущие изображениям человека на плитах тесинских курганов. Это представляется довольно странным, так как многие «классические» изображения серии обладают, несомненно, очень ранними признаками, включая даже нахождение в одной композиции с типично «карасукскими» фигурами (*Sher et al.*, 1994. Oglakhty III, 5). При этом для некоторых подобных фигур коней убедительной выглядит датировка, предложенная Н. Л. Членовой.

Выявленные недавно изображения заставляют вновь обратиться к вопросу о культурно-хронологической принадлежности оглахтинских «отмеченных» коней. Очевидно, что надо продолжать источниковедческий анализ этой интереснейшей и очень важной серии, тщательно уточняя детали каждого изображения и каждой композиции, сравнивая технику разных изображений, чтобы выявить нужное ядро в композициях-палимпсестах, и т. д. К сожалению, большинство самых выразительных сцен с такими конями находилось на береговых скалах, и после затопления Красноярским водохранилищем они утрачены. Однако есть возможность уточнить хотя бы некоторые из них, используя эстампажи и фотографии А. В. Адрианова, копировавшего памятник в 1907 г. (*Адрианов*, 1908; *Миклашевич*, *Ожередов*, 2008. С. 170–176), фотографии 1960-х гг. Я. А. Шера,

¹ Обнаруженная Н. Л. Членовой в 1958 г. Апкашевская писаница также входит в комплекс памятников наскального искусства в горах Оглахты.

а также фрагменты скальных блоков (выпиленных в 1966 г. А. Н. Липским), хранящиеся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова (см., напр.: рис. 5, 6). Рассмотрение этих материалов показывает, что прорисовки некоторых из опубликованных изображений не совсем точны, а значит – и при анализе их какие-то значимые детали не были учтены.

Приведем в качестве примера одну из композиций участка IV памятника Оглахты Берег (Оглахты I, по Я. А. Шеру) (рис. 5, 1–4). Некие линии над крупом левого коня были отмечены на копиях и финской экспедиции (*Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 134), и Каменского отряда (*Sher et al.*, 1994. Oglakhty I, 56a), но, видимо, из-за фрагментарности этого изображения не были поняты. На эстампаже А. В. Адрианова (рис. 5, 1, 2), представляющем собой оттиск со скальной поверхности, отчетливо видно, что это морда с оскаленной пастью и передние лапы с когтями хищника, выполненного в хорошо узнаваемой стилистической манере (и манера эта не раннескифская!). Конечно, нельзя исключать возможности, что изображение хищника было добавлено к фигурам коней позднее, тем более что в других сценах с такими конями хищников нет. Однако этот факт надо принять во внимание. На эстампаже видно, что и антропоморфная фигура отличается от представленной на прорисовке: одна рука согнута в локте, в другой руке – лук.

Во многих сценах с орнаментированными конями показаны антропоморфные фигуры, чаще всего это «повелители коней» (*Шер*, 1993), в характерных «скифских» головных уборах, с присогнутыми ногами и другими устойчивыми иконографическими признаками, что позволяет уверенно соотносить их с рассматриваемой серией изображений коней, даже когда они показаны отдельно. Одна из таких фигур – хорошо известный лучник, вывезенный Я. А. Шером из Оглахты перед затоплением водохранилища и экспонируемый в Эрмитаже (рис. 5, 5). Обращает на себя внимание, что у него показан ярусный (!) наконечник стрелы. Кроме того, общий абрис головы, показанной в профиль с выделенной бородкой, характерен для более позднего пласта наскальных изображений Минусинской котловины (типа лыжника на памятнике Сундуки и «человечков» с султанами на голове, с бородками, с оружием в руках, во множестве выбитых на скалах и плитах оград тагарских курганов), что подметила и О. С. Советова, поместив оглахтинского лучника в таблицу изображений «бородачей» (*Советова*, 2005. Табл. 27). Сейчас уже ясно, что подобные изображения относятся не к тагарской культуре, как считалось ранее, а к хунно-сяньбийскому времени.

Таким образом, серия оглахтинских коней с сопутствующими им изображениями каким-то парадоксальным образом сочетает в себе и признаки, которые представляются раннескифскими, и те, которые говорят об этапе развитого звериного стиля, и те, которые относятся уже к послескифскому времени. Совершенно непонятно соотношение этой серии с другими группами петроглифов раннего железного века в горах Оглахты, в том числе с вышеописанными рисунками памятника Абрашкин Лог. Непонятно, с чем связана такая ограниченная локализация

Рис. 4. Оглахты Бадалажкин Лог

1, 2 – плоскость 2016/3, фотография и прорисовка; 3 – плоскость 2016/2, прорисовка; 4 – плоскость 2016/5, фотография; 5 – плоскость 2016/4, прорисовка: хакасские рисунки – подражание петроглифам скифского времени

Рис. 5. Оглахты Берег

1 – эстампаж А. В. Адрианова, выполненный в 1907 г. (МАЭ РАН колл. № 2777/180); 2 – увеличенный фрагмент эстампажа с изображением хищника и лучника; 3 – эта же композиция: копия, выполненная в 1960-х гг. (по: *Sher et al.*, 1994. *Oglakhty I*, 56a); 4 – эта же композиция: рисунок, выполненный в экспедиции И. Р. Аспелина, 1888 г. (по: *Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 134); 5 – камень с лучником (ГЭ, колл. № 2564/2) и фрагмент прорисовки с изображением ярусного наконечника стрелы; 6 – фрагменты плоскости с изображением коня из фондов ХНКМ; 7 – это же изображение: рисунок, выполненный в экспедиции И. Р. Аспелина, 1888 г. (по: *Appelgren-Kivalo*, 1931. Abb. 138)

этой серии. Неясен генезис подобного стиля. Возникают и другие вопросы. Есть надежда, что при дальнейшем обследовании комплекса будут выявлены другие подобные композиции, которые, может быть, помогут найти и ответы. Пока же можно высказать следующее предположение. Возможно, первые сцены с «отмеченными» конями действительно появились на скалах Оглахты на самом раннем этапе развития тагарской культуры. Это были крупные по размерам, привлекающие внимание своей необычностью фигуры. И, видимо, их было очень много. Вполне вероятно, что они производили сильное впечатление на «художников» тагарской культуры более поздних этапов ее развития, а также других последующих эпох, и те продолжали воспроизводить яркий образ и понятный сюжет, несколько видоизменяя их в соответствии с канонами своего времени. На скалах Бадалажкина Лога мы встретили петроглифы явно более поздние (рис. 4, 4, 5), включая даже хакаские рисунки, в которых совершенно отчетливо выражено подражание классическим образцам разрисованных коней. Много подобных подражаний и среди хакаских народных рисунков (*Кызласов, Леонтьев*, 1980), найденных на отдельных плитках на памятнике «Оглахты Кизань».

В целом комплексные (экспедиционно-полевые и музейно-архивные) изыскания, связанные с изучением памятников наскального искусства в горном массиве Оглахты, даже на примере только одного хронологического пласта показывают перспективность такого подхода и лишний раз подтверждают, что чем более тщательно и полно проведено документирование, тем ближе к истине наши предположения о хронологии и значении наскальных рисунков.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов А. В.*, 1908. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Вып. 8. СПб. С. 37–46.
- Девяткин Г. В., Кустов Ю. И., Липаткина О. О., Окаемов С. А., Прокофьев С. М., Рогачева Э. В., Санникова И. В., Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р.*, 2000. Хакаский заповедник // Заповедники Сибири. Т. II. М.: Логата. С. 129–143.
- Кызласов Л. Р.*, 1973. Отчет о работе Хакаской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5096.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.*, 1980. Народные рисунки хакасов. М.: Наука. 176 с.
- Миклашевич Е. А.*, 2015. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. № 1 (9). С. 54–77.
- Миклашевич Е. А.*, 2016. Памятники наскального искусства Оглахтинского хребта: перспективы номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 268–273.
- Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И.*, 2008. Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова // Тропую тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 156–187. (Труды САИПИ; вып. IV.)
- Русакова И. Д.*, 2016. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 гг. // Археология Южной Сибири. Вып. 27. Кемерово: КемГУ. С. 101–114.
- Савинов Д. Г.*, 1995. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ. С. 22–32.
- Советова О. С.*, 1987. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука. С. 139–143.
- Советова О. С.*, 2005. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 140 с.

- Советова О. С., Миклашевич Е. А., 1999. Хронологические и стилистические особенности среднеэнеолитских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ. С. 47–74.
- Членова Н. Л., 1981. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука. С. 80–94.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Шер Я. А., 1993. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. № 6. С. 17–22.
- Appelgren-Kivalo H., 1931. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft. 47 S., 72 Taf.
- Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D., 1994. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibirie du Sud 1. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard. 156 p.
- Tallgren A. M., 1933. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // ESA. Vol. VIII. P. 175–210.

Сведения об авторе

Миклашевич Елена Александровна, Музей-заповедник «Томская Писаница», ул. Томская, 5а, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

E. A. Miklashevich

NEW MATERIALS ON ROCK ART OF THE SCYTHIAN PERIOD
IN THE OGLAKHTY MOUNTAINS (REPUBLIC OF KHAKASIA)

Abstract. The paper presents some results of investigations of rock art sites within the Oglakhty mountainous massif (Fig. 1) in 2015–2016. Several compositions dated back to the Early Iron Age are published, which have been revealed at the sites of Abrashkin Log (Fig. 2; 3) and Badalazhkin Log (Fig. 4); their peculiarities are being discussed, as well as the relationship with known stylistic groups of the same period. Special attention is paid to the scenes with specific for Oglakhty images of the so called «marked» horses (with distinctive decoration of the body). Traditionally, this series is attributed to the early or developed stages of the Scythian-Siberian animalistic style, and this has credible evidences. However, some of the revealed horse figures are filled with sinuous lines, which are characteristic for the later Tes' culture, and are accompanied by anthropomorphic figures, also having Tes' features. More thorough recording of some previously published petroglyphs also shows that they have details, proving a later age (Fig. 5). A suggestion is proposed to explain this, that the very first scenes with «marked» horses have actually appeared on the Oglakhty rocks at the early stage of the Tagar culture, while during the later periods the striking image and understandable subject would be replicated in imitation, with some alterations in accordance with the iconography of the time.

Keywords: Oglakhty, Khakasia, rock art, Tagar culture, Scythian-Siberian animalistic style.

REFERENCES

- Adrianov A. V., 1908. Obsledovanie pisanits v Minusinskom krae letom 1907 g. [Survey of rock-paintings in Minusinsk region in summer of 1907]. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Bulletin of Russian Committee for research of Central and Eastern Asia], 8. St. Petersburg, pp. 37–46.

- Appelgren-Kivalo H., 1931. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft. 47 S., 72 Taf.
- Chlenova N. L., 1981. Tagarskie loshadi (o svyazyakh plemen Yuzhnoy Sibiri i Sredney Azii v skifskuyu epokhu) [Tagar horses (on relations of tribes of South Siberia and Central Asia in Scythian epoch)]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [Caucasus and Central Asia in antiquity and Middle Ages (history and culture)]. Moscow: Nauka, pp. 80–94.
- Devyatkin G. V., Kustov Yu. I., Lipatkina O. O., Okaemov S. A., Prokof'ev S. M., Rogacheva E. V., Sannikova I. V., Syroechkovskiy E. E., Shtil'mark F. R., 2000. Khakasskiy zapovednik [The Khakas reserve]. *Zapovedniki Sibiri [Reserves of Siberia]*, II. Moscow: Logata, pp. 129–143.
- Kyzlasov L. R., 1973. Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii MGU v 1973 g. [Report on activity of Khakas archaeological expedition of MGU in 1973]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Kyzlasov L. R., Leont'ev N. V., 1980. Narodnye risunki khakasov [Popular drawings of the Khakas]. Moscow: Nauka. 176 p.
- Miklashevich E. A., 2015. Kompleks pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Oglakhty: informatsionnyy potentsial i perspektivy issledovaniya [The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya. Arkheologiya [Scientific review of Sayan-Altai. Archaeology]*, 1 (9), pp. 54–77.
- Miklashevich E. A., 2016. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Oglakhtinskogo khrebt: perspektivy nominirovaniya v Spisok vseмирного naslediya YuNESKO [Rock art sites of the Oglakhty ridge: perspectives for its inscription on the UNESCO World Heritage List] *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 268–273.
- Miklashevich E. A., Ozheredov Yu. I., 2008. Fotografii sibirskikh pisanits v nasledii A. V. Adrianova [Photographs of Siberian rock art sites in A.V. Adrianov's heritage]. *Tropoyu tysyacheletiy. K yubileyu M. A. Devlet [By the path of millennia. Toward jubilee of M. A. Devlet]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 156–187. (SAPAR Occasional publications.)
- Rusakova I. D., 2016. Predvaritel'nye rezul'taty obsledovaniya petroglifov Boyarskogo khrebt v 2011–2014 gg. [Preliminary results of survey of petroglyphs of Boyarskiy range in 2011–2014]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*, 27. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 101–114.
- Savinov D. G., 1995. Tesinskie «labirinty» (po materialam mogil'nika Esino III) [Tes' «labyrinths» (based on materials of cemetery Esino III)]. *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify [Ancient art of Asia. Petroglyphs]*. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 22–32.
- Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D., 1994. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, 1. Sibirie du Sud 1. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard. 156 p.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Sher Ya. A., 1993. «Gospodin koney» na beregu Eniseya [«Lord of horses» on Yenisei bank]. *Peterburgskiy arkheologicheskiiy vestnik [Petersburg archaeological bulletin]*, 6, pp. 17–22.
- Sovetova O. S., 1987. O svoeobraznykh izobrazheniyakh koney so skal Oglakhty [On specific images of horses from Oglakhty rocks]. *Skifo-sibirskiy mir. Iskustvo i ideologiya [Scythian-Siberian world. Art and ideology]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 139–143.
- Sovetova O. S., 2005. Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy) [Petroglyphs of Tagar epoch on Yenisei (subjects and images)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 140 p.
- Sovetova O. S., Miklashevich E. A., 1999. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov [Chronological and stylistic features of Middle Yenisei petroglyphs]. *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo [Archaeology, ethnography and museum work]*. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 47–74.
- Tallgren A. M., 1933. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. *ESA*, VIII, pp. 175–210.

About the author

Miklashevich Elena A., «Tomskaya Pisanitsa» Museum-reserve, ul. Tomskaya, 5a, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Е. Г. Дэвлет

КОНВЕРГЕНТНО ВОЗНИКАЮЩИЕ СОЗВУЧИЯ ЗООМОРФНЫМ ПЕРСОНАЖАМ С ДЕКОРИРОВАННЫМ ТУЛОВИЩЕМ: ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ИЛИ СВОБОДНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ?*

Резюме. Рассматриваются примеры зооморфных изображений с декорированным корпусом, известные в декоративно-прикладном искусстве и в искусстве петроглифов различных территорий – Саяно-Алтая и Нижнего Амура. Такие изображения называли выполненными в орнаментальном, сквозном, прозрачном, ажурном, рентгеновском стиле. Сходство стилистических решений в искусстве удаленных территорий рассматривается как проявление конвергентного сходства, имеющего фундаментальную основу в архаической картине мира. Подчеркивается, что формирование изображительных предпочтений в наскальном искусстве складывается на основе визуальных предпочтений, определявшихся долговременными традициями работы с материалами, легко позволявшими изготавливать ажурные изображения, – как на Алтае, так и на Нижнем Амуре ярко представлено искусство аппликации. Историко-культурная и художественная среда активно воздействовала на востребованность изображительных приемов и выбор центральных образов на протяжении различных эпох.

Ключевые слова: скифо-сибирский мир, наскальное искусство.

Изображения животных в скифо-сибирском зверином стиле в вариантах, имеющих декорированный или орнаментированный корпус, во многом являются «визитной карточкой» эпохи и своего рода маркерами распространения культурной традиции. В атмосфере повышенного интереса к изображениям с декорированным туловищем, которые также называли и выполненными в орнаментальном, сквозном, прозрачном, ажурном, рентгеновском стиле (в материалах семинара немало внимания уделено именно этой тематике¹ (Королькова, 2017; Советова, 2017) как в наскальном искусстве, так и в предметах, изготовленных

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00511.

¹ Первый блок докладов международного научного семинара «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.», проходившего в ИА РАН 13–14 декабря 2016 г., представлен в 247-м выпуске КСИА.

из металла и органических материалов), хотелось бы еще раз обратиться к некоторым значимым аспектам проявлений подобных изобразительных решений и сопряженной с этим интерпретацией сходства в стилистических, а нередко и технологических приемах как конвергентных или заимствованных.

Обращает на себя внимание, что существуют кластеры традиций, использующих в наскальном и декоративно-прикладном искусстве вычурные и гипертрофированные черты орнаментализма, в том числе и в изображении животных (*Иванов, 1954*). Примером независимого сложения таких долговременных художественных традиций могут служить материалы искусства Алтая и Нижнего Амура (рис. 1). Яркие изобразительные решения, подобные орнаментализму, а также некоторые декоративные элементы (см., например: *Король, 2017а*) могут быть локально актуальны на протяжении длительных временных интервалов, зачастую переходя из культуры в культуру, генетически не связанную с ранее существовавшей на территории. Если на Алтае акцентированный интерес к орнаментализму, который так широко востребован в декоративно-прикладном и наскальном искусстве раннего железного века, по всей видимости, может быть связан с теми предпочтениями, которые формировались преимущественно при работе с войлоком, кожей, а также другими материалами, позволяющими выполнять сквозные отверстия и придавать изображениям ажурность, то на Нижнем Амуре независимо формировалась и складывалась аналогичная корреляция тенденции к орнаментализму в наскальном и декоративно-прикладном искусстве. Ее основой также могли послужить навыки работы с кожей (в данном случае – рыбьей), корой, берестой. Искусство аппликации и вышивки у племен Приамурья приобретает особое значение, на это указывал А. П. Окладников (1971).

На Алтае материал замерзших могил позволяет выстраивать синхронные аналогии между наскальными изображениями и художественными изделиями, изготовленными из материалов, которые в других регионах не попадают в поле зрения археологов. В отличие от Алтая на Нижнем Амуре эти аналогии носят в большей мере диахронный характер, по художественной культуре нанайцев мы можем судить о региональном изобразительном орнаментализме и ретроспективно предполагать его древние корни. Этнографические свидетельства мощной традиции орнаментализма прослеживаются в одежде из рыбьей кожи с аппликацией, в декоре бытовых изделий (*Иванов, 1954; Кочешков, 1979*). В то же время для района Нижнего Амура не менее важен и архаический компонент орнаментализма: в керамическом материале эпохи неолита на разных этапах популярны интенсивно декорированные сосуды преимущественно с криволинейным орнаментом, а также с интегрированными в эту сложную изобразительную систему антропоморфными образами. Эффектный стиль наскального искусства, в котором используются многочисленные дуги, спирали, завитки и пр., формировался на Нижнем Амуре в этом изобразительном пространстве (рис. 2–4).

Наблюдение, что весьма сходные элементы декора представлены в культурах, не имевших территориально и хронологически отношение к формированию и распространению скифо-сибирского звериного стиля, не ново, как и идея об общих мировоззренческих основах подобных сходных проявлений. Образ космического животного (оленья, лося и др.) может быть рассмотрен в качестве

Рис. 1. Изображения животных с декорированным телом

1, 6 – Бейская стела (по: Дэвлет, Дэвлет, 2005); 2 – второй Туэктинский курган (по: Руденко, 1960); 3 – Сикачи-Алян (по: Окладников, 1971); 4, 5 – Ортаа-Саргол (по: Дэвлет, 1982)

1

2

**Рис. 2. Изображение оленя с декорированным туловищем (1, 2)
на центральном камне святилища Сикачи-Алян, Нижний Амур**

1 – фото И. Ю. Георгиевского; 2 – фотограмметрическая модель А. С. Пахунова

примера универсального мифологического мотива, находившего сходные изобразительные воплощения, – фигура, украшенная спиралями, кругами, завитками и пр., выполняется с большей или меньшей изысканностью в различных культурах. Можно обратиться к образам животных с корпусом, декорированным завитками, каплевидными элементами, окружностями и пр., которые представлены как в петроглифах Амура, так и в наскальном и декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая.

Произведения наскального искусства, в отличие от большинства археологических объектов, не подлежат перемещению или перемещаются в исключительных случаях (например, при переиспользовании), поэтому наскальные изображения – прекрасный материал для диагностирования конвергентно возникающего сходства,

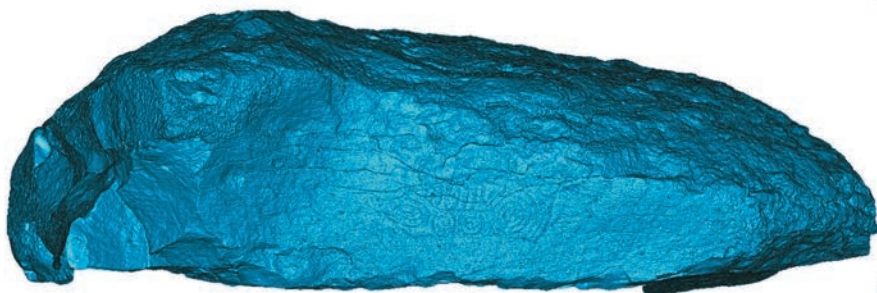
Рис. 3. Общий вид камня, на верхней плоскости которого выполнено изображение лося с декорированным туловищем, Сикачи-Алян (фото И. Ю. Георгиевского)

связанного с символикой отмеченного, посвященного богам животного. В искусстве скифо-сибирского звериного стиля образ оленя представлен многими изобразительными вариантами, в том числе плечо и бедро животного нередко подчеркивали спиралевидными фигурами, используя вихревые линии, концентрические окружности. Лось в искусстве нижнеамурских племен показан с использованием сходного набора изобразительных декоративных элементов: концентрических окружностей, завитков, других криволинейных мотивов. Исключительность, значение двух изображенных лосей в петроглифах Нижнего Амура подчеркивается их местоположением. Особенно примечателен массивный камень подпрямоугольной формы, который вплоть до сегодняшнего дня является центральным для святилища Сикачи-Алян, которому продолжают совершать приношения (рис. 2; 3). Семантическая интерпретация позволяет высказать суждение, что здесь представлен космический солнечный зверь.

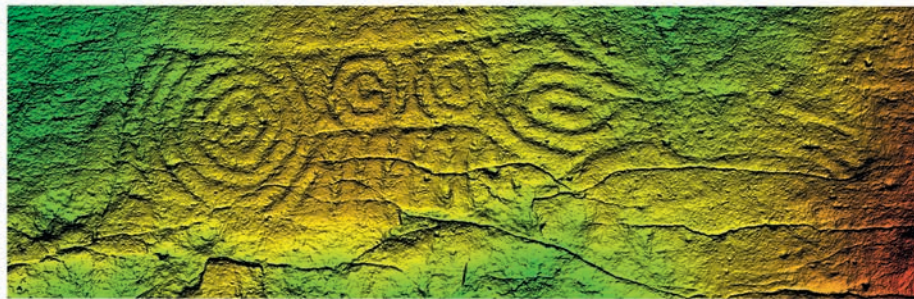
К проблеме сходства элементов различных изобразительных традиций не раз обращался А. П. Окладников (1971; 1981). С. И. Руденко обращал внимание, что своеобразная манера расчленения тела системой завитков особенно ярко проявилась при изображении разных животных, вырезанных на крышке саркофага-

1

2

3

Рис. 4. Изображение плывущего (?) оленя с декорированным туловищем на перевернутом камне святилища Сикачи-Алян, Нижний Амур

1 – фото А. С. Пахунова; 2, 3 – фотограмметрическая модель А. С. Пешкова

колоды из Второго Башадарского кургана, и благородных оленей на саркофаге из второго Туэктинского кургана (*Руденко*, 1960).

Раскрашивание и выстригание мотивов на теле посвящаемого зверя, выбор в этом качестве животного особой раскраски сохраняется у многих народов. Среди посвящаемых животных большинство было белыми (хотя возможна и инверсия) или с белыми пятнами. Выбиралось светлое животное, «поскольку оно посвящалось верхнему божеству, культ которого связывался с солнцем, и посвящаемый олень становился солнечным, выступая посредником между человеком и духом-хозяином верхнего мира» (*Ермолова*, 1993. С. 162–163). Например, кровью принесенного в жертву дикого оленя или охрой/суриком эвенский шаман раскрашивал посвящаемого домашнего: проводил полосу вдоль спины и две поперек через тазовые кости и лопатки. Такой олень назывался «божий олень», «божество», «посвященный», «небесный олень» (*Василевич*, 1957. С. 170). Знаки в виде спиралей, завитков, концентрических окружностей, скобок могли маркировать жертвенных или посвященных реальных животных. Нганасаны приносили в жертву солнцу белого оленя, у которого над лопаткой на шерсти вырезали изображение дневного светила. Посвященных солнцу оленей отмечали особой солярной тамгой и отпускали на волю. «Солнечным оленем» могло стать лишь лучшее упряжное животное (*Попов*, 1984. С. 47). После посвящения их не использовали в хозяйственных целях, они жили свободно в стаде вплоть до естественной смерти.

Долговременная зависимость предпочтений от художественной среды, удерживающей, сохраняющей и наследующей определенные изобразительные элементы как доминантные, отмечается на самом разном материале. В торевтике малых форм Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. многочисленны разнообразные личины, ставшие декором ременных украшений воина-всадника. Так, Г. Г. Король обращает внимание, что появление в средневековые украшений с миниатюрными личинами, передающими мифологический образ Киртимукхи, нашло благоприятную почву, а средневековая торевтика «воскресила» и продолжила «традицию почитания антропоморфных личин населением края», где по-прежнему создавали историко-культурную среду каменные окуневские изваяния (эпоха бронзы) с антропоморфными личинами, разновременные наскальные изображения и пр. (*Король*, 2017б. С. 70). О. С. Советова отмечает всплески интереса к декорированию туловища животных в петроглифическом искусстве Минусинской котловины в разные временные интервалы от древности до средневековья (*Советова*, 2017). Относительно наследуемых предпочтений в искусстве раннего железного века С. И. Руденко писал, что «у племен, в быту которых были распространены многокрасочные художественные изделия, выполненные в технике аппликации, эта многокрасочность нашла свое отражение и в ювелирных изделиях с вставками из самоцветов, цветной пасты или эмали» (*Руденко*, 1960. С. 311). Исследователь видел в востребованности изделий с цветными вставками и интересе к ним значимую подоснову, связанную с орнаментализмом, акцентом на декоративных элементах. Изобразительные свидетельства, представляющие в петроглифах имитацию каплевидных ячеек для цветных вставок на художественных изделиях из металла, единичны, например Ортаа-Саргола в Туве (*Дэвлет*, 1982; *Дэвлет*, *Дэвлет*, 2005), а изображения именно с декорированным туловищем многочисленны.

В заключение следует обозначить в качестве существенных факторов возникновения конвергентно возникающих синонимичных решений сквозные представления о мироздании и историко-культурную среду. Именно они формировали художественный язык разных традиций, активно воздействовали на изобразительные проявления, определяли предпочтительность в выборе сюжетов и выразительных средств, которые получали востребованность и при отсутствии прямой преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Баркова Л. Л., 1990. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 30. Л.: Искусство. С. 55–66.
- Василевич Г. М., 1957. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. Л.: Изд-во АН СССР. С. 151–185.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетея. 472 с.
- Дэвлет М. А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука. 128 с.
- Ермолова Н. В., 1993. Олень в традиционных представлениях эвенков // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб.: РЭМ. С. 152–167.
- Иванов С. В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 838 с. (Труды Института этнографии. Нов. сер.; т. XXII.)
- Король Г. Г., 2017а. Истоки зооморфного кода в средневековом искусстве Саяно-Алтая // КСИА. Вып. 247. С. 104–118.
- Король Г. Г., 2017б. Реалистичные образы-«личины» в средневековой Центральной Азии: портрет или символ // Вестник ТомГУ. История. № 49. С. 70–75.
- Королькова Е. Ф., 2017. О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля // КСИА. Вып. 247. С. 49–59.
- Кочешков Н. В., 1979. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. М.: Наука. 205 с.
- Окладников А. П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 334 с.
- Окладников А. П., 1981. Петроглифы Монголии. Л.: Наука. 228 с.
- Попов А. А., 1984. Нганасаны: социальное устройство и верования. Л.: Наука. 150 с.
- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 360 с.
- Советова О. С., 2017. Декорированные изображения и «алтайский» стиль в наскальном искусстве Минусинской котловины в скифскую эпоху // КСИА. Вып. 247. С. 131–148.

Сведения об авторе

Дэвлет Екатерина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail:eketek@yandex.ru

E. G. Devlet

CONVERGENT SIMILARITIES TO ZOOMORPHIC CHARACTERS WITH A DECORATED BODY: ANIMAL STYLE OR FREE STYLIZATION?

Abstract. The paper discusses examples of zoomorphic images with a decorated body, known in the decorative-applied art and in the rock art of various territories in Sayan-Altai and the Lower Amur. Such images are known as ornamental transparent, or X-ray

style zoomorphes. The similarity of stylistic features in the art of remote territories is regarded as a manifestation of convergent similarity, which rests upon a fundamental basis in the archaic world view. The author emphasizes that the preferences in rock art styles and imagery develop on the background of visual preferences determined by long-term traditions of openwork crafts from organic materials. The openwork art of applique is brightly represented both in Altai and the Lower Amur. The historical, cultural and artistic environment actively shaped the demand for specific depictive devices and the choice of central characters throughout various epochs.

Keywords: Scythian-Siberian world, rock art.

REFERENCES

- Barkova L. L., 1990. *Obraz olenya v iskusstve drevnego Altaya (po materialam Bol'shih Altajskikh kurganov)* [Deer image in the art of ancient Altai (based on the materials from the Great Altai Kurgans)]. *ASGE*, 30, pp. 55–66.
- Devlet E. G., Devlet M. A., 2005. *Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva* [Myths in stone: World of rock art]. Moscow: Aletya. 472 p.
- Devlet M. A., 1982. *Petroglify na kochevoy trope* [Petroglyphs on a nomad trail]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Ermolova N. V., 1993. *Olen' v traditsionnykh predstavleniyakh evenkov* [Deer in traditional views of the Evenkis]. *Traditsionnye verovaniya v sovremennoy kul'ture etnosov* [Traditional beliefs in the contemporary culture of ethnic groups]. St. Petersburg: REM, pp. 152–167.
- Ivanov S. V., 1954. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v.* [Materials on the figurative art of the peoples of Siberia in XIX – early XX century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 838 p. (Trudy IE. Nov. ser.), XXII.
- Kocheshkov N. V., 1979. *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX veka* [Decorative art of Mongolian-speaking peoples of XIX – mid XX century]. Moscow: Nauka. 205 p.
- Korol' G. G., 2017a. *Istoki zoomorfного koda v srednevekovom iskusstve Sayano-Altaya* [The origin of the zoomorphic code in medieval art of the Sayan-Altai region]. *KSIA*, 247, pp. 104–118.
- Korol' G. G., 2017b. *Realisticheskiye obrazy-«lichiny» v srednevekovoy Tsentral'noy Azii: portret ili simbol* [Realistic “face mask” images in medieval Central Asia: a portrait or a symbol]. *Vestnik TomGU* [Bulletin of TomGU]. *Istoriya* [History], 49, pp. 70–75.
- Korol'kova E. F., 2017. *O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sibirskogo zverinogo stilya* [Origin of some specific traits of the Siberian animal style]. *KSIA*, 247, pp. 49–59.
- Okladnikov A. P., 1971. *Petroglify Nizhnego Amura*. [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 334 p.
- Okladnikov A. P., 1981. *Petroglify Mongolii* [Petroglyphs of Mongolia]. Leningrad: Nauka. 228 p.
- Popov A. A., 1984. *Nganasany: Sotsial'noe ustroystvo i verovaniya* [The Nganasans: social order and beliefs]. Leningrad: Nauka. 150 p.
- Rudenko S. I., 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of Central Altai population in Scythian epoch]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 360 p.
- Sovetova O. S., 2017. *Dekorirovannyye izobrazheniya i «altaiskiy» stil' v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny v skifskuyu epokhu* [Decorated images and “Altai style” in Minusinsk basin rock art of the Scythian epoch]. *KSIA*, 247, pp. 131–148.
- Vasilevich G. M., 1957. *Drevnie okhotnich'i i olenevodcheskie obryady evenkov* [Ancient rituals of the Evenki hunters and deer breeders]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Annual of Museum of Anthropology and Ethnography], 27. Leningrad: AN SSSR, pp. 151–185.

About the author

Devlet Ekaterina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: eketek@yandex.ru

О. В. Двуреченский

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

Резюме. В публикации рассматривается серия бронзовых наконечников стрел, происходящих с территории крепости Узундара. Данное укрепление являлось опорным пунктом северо-западной пограничной линии обороны территории Бактрии, функционировавшим с конца IV по середину II в. до н. э. Типологический анализ состава узундаринских бронзовых наконечников стрел позволяет датировать их VII – началом III в. до н. э. Более широкие хронологические рамки рассмотренной серии бронзовых наконечников могут объясняться тем фактом, что еще до возведения крепости Узундара могли происходить боевые столкновения на данной территории.

Ключевые слова: Древняя Бактрия, восточный эллинизм, крепость Узундара, наконечники стрел, оружие Греко-Бактрии.

Бронзовые наконечники стрел Казахстана, Средней Азии вообще и Древней Бактрии в частности не раз затрагивались в работах отечественных и зарубежных исследователей (Аванесова, 1975. С. 38; Акишев, Кушаев, 1963; Маргулан и др., 1966; Вишневская, 1973. С. 79–90; Воробьева, 1973. С. 197, 204, 205; Итина, Яблонский, 1997. С. 53; Литвинский, 1968; 2001. С. 59–77; Медведская, 1972. С. 80, 81, 87; Усманова, 1963. С. 64–68; Ягодин, 1984; Grenet et al., 1980. С. 55). В настоящее время существует ряд систематизаций, посвященных материальной культуре среднеазиатских кочевников (Вишневская, 1973. С. 79–90; Итина, Яблонский, 1997. С. 53; Литвинский, 1968; 1972), и непосредственно две работы, рассматривающие серии бронзовых наконечников, происходящих с территории Бактрии и отдельного, выдающегося памятника Тахти-Сангин (Литвинский, 2001. С. 59–77; Ягодин, 1984). В этой связи следует отметить последнюю публикацию всего комплекса вооружения и бронзовых наконечников стрел из храма Окса, где была дана блестящая историографическая подборка, затрагивающая эволюцию вооружения Древней Бактрии в ее генезисе и развитии (Литвинский, 2001. С. 59–77).

Фундаментальные работы, посвященные изучению бронзовых наконечников стрел Евразии, затрагивающие, прежде всего, скифский и савромато-сарматский комплексы вооружения, стали эталонными для исследователей в соседних регионах и, в частности, в Средней Азии. Именно в этих работах рассмотрены

вопросы генезиса и эволюции основных типов во взаимосвязи с общим комплексом вооружения и исторических процессов, протекавших на территории древней Ойкумены. Основная серия этих наконечников происходила из курганных погребений (закрытые комплексы) и датировалась по сопутствующему инвентарю, выстраивая общую хронологию древностей. Фактически все последующие работы отталкивались от типологий скифских и савроматских бронзовых наконечников (Мелюкова, 1964; Смирнов, 1961; Мошкова, 1963). В связи с крупными исследованиями в сельскохозяйственных районах Средней Азии и Северного Афганистана появились специфические серии бронзовых наконечников. Если вышеописанные среднеазиатские систематизации, основанные на материальной культуре кочевых народов, в вопросе хронологии строились по тем же принципам, что и систематизации, затрагивающие степной пояс Евразии, то серии наконечников стрел, происходящие из городищ и поселений, не рассматривались как закрытый комплекс и потому датировались по сопутствующим аналогиям, комплексу керамики и нумизматики и прочих индивидуальных находок.

В этой связи следует отметить, что на материалах Средней Азии у ряда исследователей сформировалось представление о том, что многие типы бронзовых наконечников, в отличие от степного пояса, продолжают бытовать в более позднее время, в частности, гипотеза о переживании в Средней Азии «раннескифских» наконечников стрел была высказана в ряде работ (Усманова, 1963. С. 64–68; Массон, 1959. С. 47–48). Позднее данные представления подверглись обоснованной критике (Медведская, 1972. С. 87; Воробьева, 1973. С. 197, 205). Однако и в настоящее время мнение о переживании ряда типов бронзовых наконечников стрел для территории Средней Азии все еще сохраняется. Рассматривая этот вопрос, В. Н. Ягодин высказал соображение о том, что разработка хронологии бронзовых и железных наконечников должна основываться на гомогенных комплексах, поскольку сложностратифицированная сырцовая архитектура предполагает значительное перемещение индивидуальных находок в культурном слое. Поэтому исследователь базировал свою работу по южнобактрийским наконечникам на трех наборах, происходящих с таких (как он считал) гомогенных комплексов, как Кутлуг-тепе (первый период, датированный доахеменидским временем), Алтын-10 – объект 2 (середина I тыс. до н. э.) и арсенал Ай-Ханума (II в. до н. э.), где, по мнению исследователей, располагался колчан с 23 бронзовыми наконечниками (Ягодин, 1984. С. 34, 35). Признавая общую правильность выбранного подхода, следует, однако, помнить, что ряд интерпретаций и датировок гомогенных комплексов, не обладающих свойствами закрытого комплекса, сохраняет вероятность ошибки при датировании наконечников по сопутствующему материалу.

В этой связи серия бронзовых наконечников из пограничной бактрийской крепости Узундара обладает рядом специфических свойств. Как показали исследования 2013–2016 гг., крепость Узундара являлась опорным пунктом северо-западной пограничной линии обороны территории Бактрии, функционировавшей с конца IV по середину II в. до н. э. По всей видимости, гарнизон крепости охранял линии крепостных стен, перекрывавших проходы через сквозные ущелья горы Сусизтаг в долинные районы Северной Бактрии. Эта линия обороны, как

предполагается, должна была предотвратить проникновение кочевников с прилегающих северо-западных территорий, представлявших непосредственную опасность для Бактрии (*Dvurechenskaya*, 2016).

На сегодняшний день комплекс вооружения памятника насчитывает свыше двухсот наконечников стрел, более двухсот каменных ядер для пращи, серию втоков и наконечников дротиков (17 экз.), несколько фрагментов бронзовых и железных панцирных пластин и детали конской упряжи.

Вся серия предметов вооружения и конского снаряжения может быть разделена на две группы – по характеру обнаружения. Первая группа (около 250 находок) происходит непосредственно из слоев крепости. Вторая группа находок получена при сплошных планшетных сборах преимущественно за пределами крепостных стен. К этой группе в основном относятся наконечники стрел, которые можно рассматривать и как боеприпасы защитников крепости, и как снаряжение их противников. Многочисленные наконечники стрел, обнаруженные за пределами стен, имеют характерную деформацию в виде согнутого кончика острия, что могло быть вызвано их попаданием в каменные стены укреплений при обстреле. Первая и вторая группы имеют четкую стратиграфическую и планиграфическую привязку.

Кроме того, предметы вооружения, обнаруженные при планшетном сборе за пределами крепости, могут быть разделены на три хронологических этапа. К первому этапу следует отнести бронзовые наконечники стрел VIII–IV вв. до н. э., хорошо известные по аналогиям степного круга и древних среднеазиатских историко-культурных областей и иллюстрирующие военную активность в период до возведения крепостных стен. Второй период характеризуется материальной культурой времени функционирования крепости Узундара (т. е. конец IV – середина II в. до н. э.). Это преимущественно мелкие черешковые железные наконечники стрел и фрагменты дротиков, часть из которых обнаружена как в крепости, так и в ее окрестностях.

Третья группа предметов вооружения относится к средневековому периоду (IX–XIII вв. н. э.) и может свидетельствовать, что ущелье Узундара (и непосредственно территория некогда существовавшей крепости) и в этот период воспринималось как ключевой пункт обороны долины Сурхандарьи от потенциальной внешней опасности. В этой связи хочется отметить, что среди обнаруженных при планшетном сборе предметов были также многочисленные гильзы и пули конца XIX и первой трети XX в. от гладкоствольного и нарезного огнестрельного оружия.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что Узундара в силу своей топографии являлась во все времена осознано удобным участком обороны и зоной ведения боевых действий. Следовательно, возведение здесь крепости было не случайным.

В крепости и на прилегающей к ней территории обнаружено 203 наконечника стрел и арбалетных болта. В статье будут рассмотрены бронзовые наконечники стрел.

Как следует из вышесказанного, лишь несколько бронзовых наконечников, происходящих из стратифицированных слоев, надежно перекрытых вышележащими полами и культурными напластованиями, могут рассматриваться как

находки из условно закрытого комплекса и имеют достоверную дату, а остальные, обнаруженные при планшетных сборах, датировались на основе сравнительно-типологического анализа. Общее рассмотрение узундаринских бронзовых наконечников стрел показало, что по своему набору они наиболее близки южнобактрийскому комплексу. В связи с этим мы провели систематизацию на основании типологии В. Н. Ягодина, в том числе и потому, что она наиболее хронологически аргументирована¹. Существующая систематизация тахти-сангинских наконечников, имеющих зачастую неясную стратиграфическую ситуацию, будет использована как вспомогательная.

Группа II. Черешковые. Представлена одним наконечником.

Тип 1, 2 (?) (по В. Н. Ягодину), с листовидной головкой и жилкой через все перо. Черешок округлый, изломан (рис. 1, 1). Наконечник имел высоту пера 27 мм, ширину пера – 13 мм. Длина сохранившегося фрагмента черешка – 4 мм. Был обнаружен за пределами южной стены крепости при планшетном сборе.

Черешковые бронзовые наконечники характерны для эпохи бронзы и раннежелезного века. Известны небольшие серии в Южной и Юго-Западной Туркмении (сл. 6 пос. Намазга-тепе) и в Приаралье (*Кузьмина*, 1966. С. 33; *Ягодин*, 1984. С. 36). Прямых аналогий нашему образцу нам не известно. По мнению ряда исследователей, данный тип сложился у оседлых земледельцев юга Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. и продолжал бытовать до начала раннежелезного века. Известны они и в Южной Бактрии, где появляются под влиянием передневносточной традиции изготовления бронзовых наконечников стрел (Там же).

Группа I. Втульчатые.

Отдел I, двухлопастные наконечники.

Тип 1 (по В. Н. Ягодину). Втульчатые двухлопастные наконечники с лавролистной головкой и выступающей втулкой (рис. 1, 2). Наконечник имел высоту 29 мм, ширину – 9 мм, диаметр втулки – 6,5 мм.

Представлен в одном экземпляре, обнаружен под юго-восточной башней при планшетном сборе.

Наконечники данного типа хорошо известны на территории Южной Бактрии, где они относятся к варианту 1д (*Ягодин*, 1984. С. 42, 43). Аналогичные образцы известны в Согде в слоях Афрасиаб I, датирующихся VII–VI вв. до н. э. (*Кобанов*, 1969. С. 184). Также они известны в Хорезме – на поселении Кой-Крылган-кала (*Вайнберг*, 1977. С. 43. Рис. 2, 32; *Медведская*, 1972. С. 89). В савроматской культуре подобные наконечники датируются второй половиной VI в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 38, 39. Рис. 14)

Тип 2 (по В. Н. Ягодину). С овальной головкой и обрезанной или слабо выступающей втулкой (рис. 1, 3). Наконечник этого типа отлит в двусоставной

¹ В основу классификации В. Н. Ягодина была положена четырехчленная схема, использованная К. Ф. Смирновым для классификации савроматских наконечников стрел. Наконечники, выполненные в разных материалах, были разделены на группы – по характеру насада, на отделы – по характеру сечения боевой части, на типы – по форме головки наконечника и характеру втулки, на варианты – по форме острия, наличию шипов и прочих добавочных элементов.

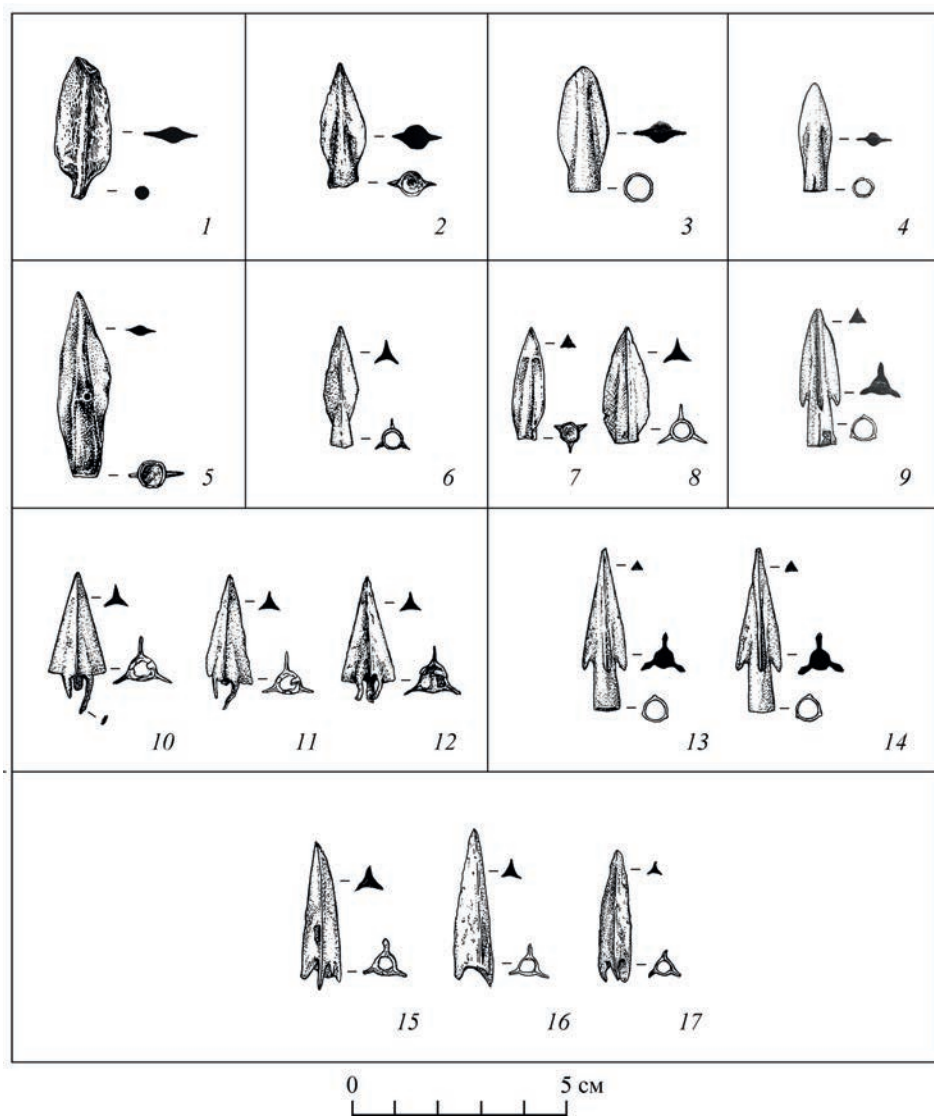

Рис. 1. Крепость Узундара. Бронзовые наконечники стрел

разъемной форме, представлен одним экземпляром. Был обнаружен при планшетном сборе в 30 м от северо-восточной башни, за пределами площади городища. Имел высоту пера 32 мм, ширину 13 мм, диаметр втулки 8 мм.

Эволюция данных типов восходит к эпохе поздней бронзы Средней Азии и Южного Приуралья (Воробьева, 1973. С. 195. Табл. 1, 5; Вишневецкая, 1973. С. 86; Смирнов, 1961. С. 40. Табл. 12). Аналогичные образцы происходят из Южной Бактрии, где они датируются VI–V вв. до н. э. (Ягодин, 1984. С. 43).

Тип 3 (по В. Н. Ягодину). Представлен втульчатыми двухлопастными наконечниками с узкой ланцетовидной головкой и чуть выступающей втулкой (рис. 1, 4). Изготавливались они при помощи разъемных двусоставных форм. Острие пера имеет небольшое утяжеление. Длина пера наконечника – 27 мм, ширина – 9 мм, диаметр втулки – 6 мм. Был обнаружен при планшетном сборе за пределами городища – в 30 м от северо-восточной башни.

Аналогичные наконечники хорошо известны на территории Южной Бактрии, Южной Туркмении, в сакских могильниках Памира и датируются VI–V вв. до н. э. (Массон, 1959. Табл. XXXIV, 3; Литвинский, 1968. С. 91, 92. Табл. 7–9). Так же датируются аналогичные типы у савроматов (Смирнов, 1961. С. 40, 41).

Тип 4 (по В. Н. Ягодину). Двухлопастные наконечники с пером асимметрично-ромбовидной формы (рис. 1, 5). Втулка этих наконечников срезана по основанию пера и переходит в узкий валик, проходящий через все перо до острия. Данный образец обнаружен в ущелье Узундара, к югу от юго-западной башни. Имел высоту пера 45 мм, ширину 14 мм, диаметр втулки 6 мм.

Подобные наконечники хорошо известны по материалам скифских могильников, где они датируются VII–VI вв. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 18. Табл. 1, 1, 5). Наш наконечник относится (по типологии К. Ф. Смирнова) к типу Va – с так называемой асимметричной боевой головкой (Смирнов, 1961. С. 41, 42. Табл. 1, 19). Они широко распространены и бытуют от эпохи поздней бронзы до начала VI в. до н. э. Характерно, что на территории Южной Бактрии они представлены четырьмя экземплярами (1 экз. из Кутлуг-тепе, VIII–VII вв. до н. э.) и их происхождение также связывают со степным евразийским поясом (Ягодин, 1984. С. 44). Известны подобные образцы в сакских курганах VII в. до н. э. на Восточном Памире (Литвинский, 1972. С. 94. Табл. 34, 1, 3, 5). Они также встречаются в могильнике Уйгарак и в Чуйской долине и датируются там VIII–VI вв. до н. э. (Вишневецкая, 1973. С. 88. Табл. XIII, 5, 6; XXV, 14; Бернштам, 1950. Табл. XLI, 10; XCV, 48). Один такой образец был обнаружен в Тахти-Сангине (Литвинский, 2001. С. 68). Данные наконечники широко распространены в Приуралье, Поволжье, на Кавказе и в Передней Азии (Черников, 1965. С. 46–49, 178–183).

Отдел II. Трехлопастные.

Тип 1 (по В. Н. Ягодину). Втульчатые, трехлопастные наконечники стрел с сильно выступающей втулкой (рис. 1, 6). Форма пера лавролистная. Представлен одним экземпляром, обнаруженным при планшетном сборе к северу от северо-восточной башни (вниз по склону). Высота пера – 29 мм, ширина пера между лопастями – 8 мм, длина втулки – 4 мм, диаметр втулки – 5 мм. В Южной Бактрии они встречаются в наборе (объект 2) из ахеменидского городища Алтын 10, датирующемся серединой I тыс. до н. э. (Ягодин, 1984. С. 45, 46).

Примечательно, что подобные типы не характерны для доахеменидских наборов из слоев Кутлуг-тепе (Северный Афганистан). Они также отсутствуют на доахеменидских памятниках Хорезма (поселение Куюсай) и Маргианы (Яз 1 в Южной Туркмении) и характерны для культурных отложений Кюзели-гыр, Дингильдже и Эрк-калы, где они датируются рубежом VII–VI вв. и началом V в. до н. э. (Воробьева, 1973. С. 196; Вайнберг, 1977. С. 43). Такую же или чуть более широкую хронологическую ситуацию мы наблюдаем для подобных наконечников, распространенных на огромной территории от Переднего Востока до Южной Сибири. На сакских стоянках Кайрак-кумов в Северном Таджикистане они датированы VI–IV вв. до н. э. (Литвинский, 1968. С. 94. Табл. 4, 15). На Нижней Сырдарье они найдены в так называемых «шлаковых» курганах Иркандарьи, где датированы VI–V вв. до н. э. (Толстов, 1962. С. 181, 182. Рис. 104). На городище Телль Рифат в Ираке подобные наконечники находят в слоях IX–VII вв. до н. э. Наибольшее количество трехлопастных наконечников первого типа обнаружено в иранских памятниках, где они встречаются в слоях VII–V вв. до н. э. (Медведская, 1972). В Прикубанье в скифскую эпоху они характерны преимущественно для VI в. до н. э. и изредка встречаются в комплексах перв. пол. V в. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 19, 21). По классификации К. Ф. Смирнова, подобные наконечники отнесены также к типу 1 отдела трехлопастных и представлены немногочисленной серией у савроматов Поволжья и Южного Приуралья, где они датируются концом VII – нач. V в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 44, 45. Рис. 11, б). Существенным отличием кочевнических стрел этого типа от тех, что происходят из ранних земледельческих оазисов Ирана и Средней Азии, является наличие шипа-отростка, вытянутого от нижней кромки втулки. Примечательно, что нет такого элемента и у кочевников Хорезма.

Тип 2 (по В. Н. Ягодину). Втульчатые трехлопастные наконечники стрел со срезанной или слабо выступающей втулкой (рис. 1, 7, 8). Форма пера листовидная. Представлен 2 экземплярами. Один был обнаружен при планшетном сборе за южной крепостной стеной. Второй оказался в развале крепостной стены цитадели – к северу от помещения 4. Высота пера – 27–28 мм, ширина пера – 8,5–10 мм, диаметр втулки – 6 мм.

В Южной Бактрии серия таких наконечников происходит из ахеменидского памятника Алтын 10 (объект 2) и датируется VI–V вв. до н. э. (Ягодин, 1984. С. 47). В Средней Азии подобные образцы известны в Маргиане (городище Эрк-кала), в Хорезме (урочище Дингильдже) и Согде (городище Афрасиаб), где все они также датированы в пределах VI–V вв. до н. э. (Усманова, 1963. С. 64–66. Рис. 3а; Воробьева, 1973. С. 197, 205. Табл. 1а, 13–19; 16, 18, 39, 64, 68, 77, 93; Тереножкин, 1972. С. 93, 94. Рис. 1, 2–4). Этим же временем датируется наконечник, обнаруженный в кургане 76 Актамского могильника (Литвинский, 1968. С. 95, 96). В степном поясе Евразии, как на Западе, так и на Востоке, подобные наконечники известны в единичных экземплярах и датируются концом VI – перв. пол. V в. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 19; Смирнов, 1961. С. 46). Как показали исследования, данный тип наконечников имеет довольно характерный круг аналогий, которые территориально привязаны к владениям Ахеменидской державы и наиболее широко распространены на памятниках Ирана, Ближнего Востока и юга Средней Азии и Афганистана (Членова, 1967. С. 48, 49).

Тип 4, вариант б (по В. Н. Ягодину). Наконечники с выступающей втулкой, сводчатой головкой, переходящей в ребра-лопасти, заостренные и опущенные на концах (рис. 1, 9). Представлен одним экземпляром, обнаруженным при планшетном сборе к востоку от северо-восточной угловой башни. Высота пера – 34 мм, ширина пера – 10 мм, высота выступающей втулки – 12 мм, диаметр втулки – 6 мм.

Данный тип (по В. Н. Ягодину) характеризуется двумя вариантами: наконечниками с примыканием лопастей под тупым углом (4а) и заостренными (4б) (Ягодин, 1984. С. 47, 48). По классификации Б. А. Литвинского, подобные нашему наконечники были отнесены к типу Пб, где он объединил все трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и сводчатой головкой вне зависимости от оформления боевой части или угла примыкания к втулке выступающих лопастей. К этому же типу отнесены и наконечники из Храма Окса, имеющие явный треугольный абрис пера (Литвинский, 2001. С. 71, 72). По систематизации К. Ф. Смирнова, разработанной для территорий савроматской культуры, подобные наконечники были отнесены к типу 6, бытующему с начала VI в. до н. э. (Мелюкова, 1961. С. 19–23, тип 3). Для Самарско-Уральской территории подобные типы особенно характерны в VI–IV вв. до н. э., причем именно в это время – наконечники, обрез лопастей которых делался в виде шипов или примыкал под острым углом к втулке. Позднее они получают тупоугольное окончание или обрез под прямым углом. Встречаются они и в раннепрохоровское время, но на излете своего существования (Смирнов, 1961. С. 46, 47. Табл. II. Рис. 33, 1–27; 34, Г1–6; 35А, 1–14; 36, 1–37). Их также довольно много в Средней Азии и Северном Афганистане. Семь таких наконечников известны в Уйгараке, в комплексах VI–V вв. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 89, 90. Табл. V, 4; XIII, 36–44; XXV, 1, 4, 5). Этим же периодом датируются тагискенские наконечники и большая серия из Дингильдже (Итина, Яблонский, 1997. С. 53. Табл. 706, 30–32; Воробьева, 1973. С. 198, 199. Табл. 1, 23–37).

Известны подобные образцы и в Маргиане (Усманова, 1963. С. 65. Рис. 33а, Пб). На территории самой Бактрии они отмечены в слоях VI–V вв. до н. э. городища Алтын-10.

Тип 5 (по В. Н. Ягодину). Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и внутренней втулкой, с характерными опускающимися лапками, которые не являются продолжением лопастей, а отходят от нижнего среза центральной части головки (рис. 1, 10–12). Представлен тремя экземплярами. Высота пера – 27–30, ширина пера – 10–12, диаметр втулки – 5 мм. Обнаружены в развалах крепостных стен цитадели и городища, обращенных в сторону ущелья Узундара.

Наконечники этого типа впервые были обнаружены Н. Г. Горбуновой и Б. А. Литвинским в Фергане и на Памире и датированы VI–IV вв. до н. э. (Литвинский, 1972. С. 97. Рис. 34, 11). Такие же наконечники происходят из Актамского могильника, который был датирован авторами V–IV вв. до н. э. (Горбунова, 1962. С. 100. Рис. 3, 44, 46). Аналогичные наконечники VI–V вв. до н. э. найдены на Алае в могильнике Шарт (Литвинский, 1972. С. 97). Б. А. Литвинский, опираясь на вышеперечисленные аналогии, выделил их в особый тип Пж и высказал мысль, что это исключительно сакский тип памиро-ферганских наконечников (Литвинский, 1972. С. 97). Позднее он пересмотрел свою точку зрения, т. к. были найдены аналогичные образцы II в. до н. э. на городище Ай-Ханума и в храме

Окса, а также на Кой-Крылган-кале (*Литвинский*, 2001. С. 77; Кой-Крылган-кала..., 1967. С. 134. Рис. 53; *Gouin*, 1973. С. 195. Рис. 41, 026; *Grenet et al.*, 1980. С. 55. Табл. XXI). В. Н. Ягодин, рассматривая данный тип наконечников, высказал предположение, что столь поздняя его датировка в Ай-Хануме может свидетельствовать о наличии сакского контингента на территории Греко-Бактрии (*Ягодин*, 1984. С. 48). В крепости Узундара нашли наконечники этого типа, что, возможно, свидетельствует о их использовании как защитниками крепости, так и их сакскими противниками.

Тип 6 (по В. Н. Ягодину). Наконечники с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 1, 13, 14). Основания лопастей примыкают к втулке под острым углом, тем самым образуя шипы. Высота пера – 39, ширина пера – 11, высота выступающей втулки – 11, диаметр втулки – 5 мм. В крепости Узундара найдено два наконечника данного типа. Оба обнаружены в цитадели: в комплексе с монетой Антиоха I на нижнем полу помещения 1, примыкающего к южной крепостной стене.

В Европейской Скифии и ареале савроматских племен распространение подобного типа наконечников стрел относится к VI в. до н. э. (*Мелюкова*, 1961. С. 21). В IV – начале III в. до н. э. подобные наконечники являются преобладающими в колчаных наборах савроматов (*Смирнов*, 1961. С. 48, 49). В Средней Азии наконечники рассматриваемого типа известны на городище Эрк-кала и в усадьбе Дингельджи, где они датированы V в. до н. э. (*Усманова*, 1963. С. 65; *Воробьева*, 1973. С. 199. Табл. 1А, 37; 1Б, 22, 24, 43). На территории Бактрии они известны по арсеналу Ай-Ханума, где они датированы II в. до н. э. Подобные наконечники из Храма Окса были выделены в тип IIв и датировались IV–II вв. до н. э. (*Литвинский*, 2001. С. 72. Табл. 18; *Ягодин*, 1984. С. 48, 49). Близкие аналогии рассматриваемым наконечникам были обнаружены в Согде на Афрасиабе, где они датированы IV–III вв. до н. э. (*Тереножкин*, 1972. С. 95. Рис. 1, 8).

Тип 7 (по В. Н. Ягодину). Трехлопастные вертикально вытянутые наконечники со сводчатой или треугольной головкой и скрытой втулкой (рис. 1, 15–17). Представлен тремя экземплярами. из развалов крепостных стен южной и восточной частей крепости Узундара. Высота пера – 31–36, ширина пера – 10, диаметр втулки – 5 мм.

В. Н. Ягодин выделил два варианта таких наконечников. Все наши образцы относятся к варианту б, имевшему три симметрично вытянутых шипа. Появление данного типа в скифских комплексах относят ко второй половине VI – первой половине V в. до н. э., и доживает он до III в. до н. э. (*Мелюкова*, 1964. С. 21, 23. Рис. 1). По савроматской классификации К. Ф. Смирнова, этот тип появляется в VI в. и достигает максимального распространения в V в. до н. э. В IV–II вв. до н. э. эти наконечники довольно редки и изменяются в сторону уменьшения в пропорциях (*Смирнов*, 1961. С. 50, 51). На территории Средней Азии и Северного Афганистана древнейшими находками этого типа являются находки VI в. до н. э. из Алтын-тепе (*Ягодин*, 1984. С. 39, 40). Примечательно, что (как и у вышеописанных типов) самыми поздними для них являются находки из арсенала Ай-Ханума, относящиеся ко II в. до н. э. Шестнадцать экземпляров наконечников этого типа происходят из Храма Окса, где они датируются IV–II вв. до н. э. (*Литвинский*, 2001. С. 74, 75). В Приаралье, Хорезме и Северо-

Западной Туркмении этот тип наконечников бытовал в VI–V вв. до н. э. (*Ягодин*, 1984. С. 49).

Рассмотренные выше типы бронзовых наконечников стрел из крепости Узундара демонстрируют нам значительное сходство (как в наборе типов, так и в массо-размерных характеристиках) с сериями наконечников из Южной Бактрии. Выделяется группа ранних типов, датированных VII–VI вв. до н. э. Все они были обнаружены при планшетном сборе за пределами крепости. Отдельно следует упомянуть группу наконечников V – нач. III в. до н. э., выявленных как за пределами крепости, так и в ее культурных напластованиях. Отдельно следует отметить, что наконечники типа 6 найдены на полу помещения, датированного монетой Антиоха I. В этой связи следует указать, что мелкие железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, представлявшие собой основную массу находок, иллюстрирующих арсенал защитников крепости, в культурных напластованиях крепости характерны, как правило, для греко-бактрийских слоев.

Более широкие хронологические рамки рассмотренной серии бронзовых наконечников, чем время функционирования крепости, могут объясняться тем фактом, что еще до ее возведения здесь могли происходить боевые столкновения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А.*, 1975. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи // Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 270. Самарканд: Самаркандский государственный ун-т. С. 27–60.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А.*, 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР. 300 с.
- Бернштам А. Н.*, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». М.; Л.: АН СССР. 160 с. (МИА; № 14.)
- Вайнберг Б. И.*, 1977. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // Каракумские древности. Вып. 5. Ашхабад: Илим. С. 25–45.
- Вишневская О. А.*, 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М.: АН СССР. 160 с. (ТХАЭЭ; вып. VIII.)
- Воробьева М. Г.*, 1973. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М.: Наука. 220 с. (Материалы Хорезмской экспедиции; вып. 9.)
- Горбунова Н. Г.*, 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. Л.: ГЭ. С. 91–122.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т.*, 1997. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 186 с.
- Кобанов С. К.*, 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. № 1. С. 183–198.
- Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука, 1967. 348 с. (ТХАЭЭ; вып. V.)
- Кузьмина Е. Е.*, 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука. 150 с. (САИ; вып. В4-9.)
- Литвинский Б. А.*, 1968. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе: До-ниш. С. 69–115.
- Литвинский Б. А.*, 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука. 269 с.
- Литвинский Б. А.*, 2001. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. М.: Восточная литература. 528 с.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаева М. К., Орозбаев А. М.*, 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 435 с.

- Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: АН СССР. 216 с. (МИА; № 73.)
- Медведская И. Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. № 3. С. 76–89.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. 91 с. (САИ; вып. Д1-4.)
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники Прохоровской культуры. М.: АН СССР. 56 с. (САИ; вып. Д1-10.)
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: АН СССР. 162 с. (МИА; № 101.)
- Тереножкин А. И., 1972. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. № 3. С. 90–99.
- Толстов С. П., 1962. По древним руслу Окса и Яксарта. М.: Восточная литература. 324 с.
- Усманова З. И., 1963. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.) // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад: АН Туркменской ССР. С. 20–94.
- Черников С. С., 1965. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука. 188 с.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 299 с.
- Ягодин В. Н., 1984. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука. С. 33–57.
- Dvurechenskaya N. D., 2016. The Hellenistic fortress Uzundara // Urban culture of Central Asia conference. Bern: The University of Bern.
- Gouin Ph., 1973. Les petits objets // Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris: Klincksieck. (MDAFA; t. XXI.)

Сведения об авторе

Двуреченский Олег Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nigoraoleg@mail.ru

O. V. Dvurechenskiy

BRONZE ARROWHEADS FROM THE UZUNDARA FORTRESS

Abstract. The paper explores a series of bronze arrowheads originating from the Uzundara fortress. This fortification was an outpost of the northwest border defense line in Bactria which was in operation from the end of the 4th century to the middle of the 2nd century BC. The typological analysis of the composition of the Uzundara bronze arrowheads helps date them to the 7th – early 3rd centuries BC. A broader chronological framework of the bronze arrowheads analyzed may be explained by the fact that some military clashes had taken place in this area before the Uzundara fortress was constructed.

Keywords: Ancient Bactria, Hellenistic period in the east, Uzundara fortress, arrowheads, Greco-Bactrian weapon.

REFERECES

- Akishev K. A., Kushaev G. A., 1963. Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili [Ancient culture of Saka and Usun in River Ili valley]. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR. 300 p.
- Avanesova N. A., 1975. K voprosu o bronzovykh strelakh stepnykh plemen epokhi bronzy [On problem of bronze arrowheads of Bronze Age steppe tribes]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya* [Transactions of Samarkand State university. New series], 270, Samarkand: Samarkandskiy gos. universitet, pp. 27–60.

- Bernshtam A. N., 1950. Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii «Chuyskaya dolina» [Works of Semirech'e archaeological expedition «Chuy valley»]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 160 p. (MIA, 14.)
- Chernikov S. S., 1965. Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo» [Riddle of Zolotoy kurgan. When and where «Scythian art» was formed]. Moscow: Nauka. 188 p.
- Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origin and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 299 p.
- Dvurechenskaya N. D., 2016. The Hellenistic fortress Uzundara. *Urban Cultures of Central Asia Conference*. Bern: The University of Bern.
- Gorbunova N. G., 1962. Kul'tura Fergany v epokhu rannego zheleza [Culture of Fergana in Early Iron Age]. *ASGE*, 5. Leningrad: GE, pp. 91–122.
- Gouin Ph., 1973. Les petits objets. *Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum, I, Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968*. Paris: Klincksieck. (MDAFA, XXI).
- Grenet F., Liger J.-C., Valence R., 1980. L'arsenal. *BEFEO*, LXVIII. Paris, pp. 51–63.
- Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken) [The Saka of Lower Syrdarya (based on materials of cemetery South Tagisken)]. Moscow: ROSSPEN. 186 p.
- Kobanov S. K., 1969. Izuchenie stratigrafii gorodishcha Afrasiab (Drevniy Samarkand) [Research of stratigraphy Afrasiab fortress (Ancient Samarkand)]. *SA*, 1, pp. 183–198.
- Koy-Krylgan-kala – pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n. e. – IV v. n. e. [Koy-Krylgan-kala – monument of culture of ancient Khorezm, IV c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka, 1967. 348 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, V.)
- Kuz'mina E. E., 1966. Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii [Metal artefacts of Eneolithic and Bronze Age in Central Asia]. Moscow: Nauka. 150 p. (SAI, V4-9.)
- Litvinskiy B. A., 1968. Oruzhie naseleniya Pamira i Fergany v sakscoe vremya. Boevye topory. Kinzhaly. Nakonechniki strel [Weapons of Pamir and Fergana population in Saka time. Battle axes. Daggers. Arrowheads]. *Material'naya kul'tura Tadzhikistana [Material culture of Tajikistan]*, 1. Dushanbe: Donish, pp. 69–115.
- Litvinskiy B. A., 1972. Drevnie kochevniki «Kryshi mira» [Ancient nomads of «Roof of the World»]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Litvinskiy B. A., 2001. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) [Oxus temple in Bactria (South Tajikistan)], 2. Moscow: Vostochnaya literatura. 528 p.
- Margulan A. Kh., Akishev K. A., Kadyrbaeva M. K., Orozbaev A. M., 1966. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. 435 p.
- Masson V. M., 1959. Drevnezemel'del'cheskaya kul'tura Margiany [Ancient farming culture of Margiana]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 216 p. (MIA, 73.)
- Medvedskaya I. N., 1972. Nekotorye voprosy khronologii bronzovykh nakonechnikov strel Sredney Azii [Some problems of chronology of bronze arrowheads in Central Asia]. *SA*, 3, pp. 76–89.
- Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [Scythians' weapons]. Moscow: Nauka. 91 p. (SAI, D1-4.)
- Moshkova M. G., 1963. Pamyatniki Prokhorovskoy kul'tury [Sites of Prokhorovka culture]. Moscow: AN SSSR. 56 p. (SAI, D1-10.)
- Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Savromatians' weapons]. Moscow: AN SSSR. 162 p. (MIA, 101.)
- Terenozhkin A. I., 1972. Voprosy periodizatsii i khronologii drevneyshego Samarkanda [Problems of periodization and chronology of earliest Samarkand]. *SA*, 3, pp. 90–99.
- Tolstov S. P., 1962. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [Over ancient estuaries of Oxus and Yaxartes]. Moscow: Vostochnaya literatura. 324 p.
- Usmanova Z. I., 1963. Erk-kala (po materialam Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii 1955–1959 gg.) [Erk-kala (based on materials of South Turkmenistan complex archaeological expedition of 1955–1959)]. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South Turkmenistan complex archaeological expedition]*, XII. Ashkhabad: AN Turkmenskoy SSR, pp. 20–94.
- Vaynberg B. I., 1977. Pamyatnik rannego zheleznogo veka v Severnoy Turkmenii [Early Iron Age site in North Turkmenia]. *Karakumskie drevnosti [Karakumy antiquities]*, 5. Ashkhabad: Ilym, pp. 25–45.

- Vishnevskaya O. A., 1973. Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n. e. Po materialam Uygaraka [Culture of Saka tribes of Lower Syrdarya reaches in VII–V cc. BC. Based on Uigarak materials]. Moscow: AN SSSR. 160 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, VIII.)
- Vorob'eva M. G., 1973. Dingil'dzhe. Usad'ba I tys. do n. e. v drevnem Khorezme [Dingil'dzhe. Estate of I mill. BC in ancient Khorezm]. Moscow: Nauka. 220 p. (Materialy Khorezmskoy ekspeditsii, 9.)
- Yagodin V. N., 1984. Bronzovye nakonechniki strel iz Yuzhnoy Baktrii [Bronze arrowheads from South Bactria]. *Drevnyaya Baktriya: materialy Sovetsko-Afganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Ancient Bactria: transactions of Soviet-Afghan archaeological expedition], 3. Moscow: Nauka, pp. 33–57.

About the author

Dvurechenskiy Oleg V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nigoraoleg@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

С. В. Сотникова

ПАМЯТНИКИ С РАДИАЛЬНО-КРУГОВОЙ ПЛАНИРОВКОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (ОТ СИНТАШТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ К ЭПОХЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА)

Резюме. Наиболее яркие памятники с радиально-круговой планировкой были созданы синташтинским населением эпохи средней бронзы. Выдающимся сооружением является Синташтинский большой курган (СБ), состоящий из двух компонентов – погребального комплекса и храма-святилища. В. И. Стефанов в 2009 г. высказал сомнение в безусловной принадлежности СБ к массиву синташтинских древностей, так как единственный реконструируемый сосуд имеет черкаскульский облик. Этого недостаточно для полного пересмотра культурной и хронологической принадлежности СБ. Вместе с тем традиция радиально-круговой планировки погребальных комплексов в эпоху поздней бронзы охватывает достаточно широкий ареал, включающий черкаскульскую, карасукскую культуры, возможно, «культуру херексуров». Передатировка СБ (полностью или частично) значительно сокращает хронологический разрыв между Аржаном и СБ, что позволяет по-новому подойти к вопросу об определенном типологическом сходстве между ними. Радиально-круговую конструкцию автор интерпретирует как образ колеса со спицами, который в ведийской традиции выступал как символ Года и возрождения.

Ключевые слова: бронзовый век, радиально-круговая планировка, памятники синташтинского типа, черкаскульская культура, карасукская культура, ранний железный век.

Наиболее яркие памятники с радиально-круговой планировкой были созданы синташтинским населением эпохи средней бронзы. Радиально-круговая планировка была характерна как для укрепленных городищ, так и для погребальных комплексов синташтинского населения.

Поселение Аркаим представляло собой сложную архитектурно-планировочную структуру, которая включала два концентрических кольца оборонительных стен из заливного грунта, два круга жилищ – внешний и внутренний, и центральную площадь. Торцы жилищ вплотную примыкали к внутренней стороне оборонительных стен. Длинные стороны жилищ располагались строго радиально

по отношению к дуге оборонительных укреплений, что придавало поселению четкую радиально-кольцевую планировку (Зданович Г., 1995. С. 24–27).

Укрепленное **Синташтинское поселение** (СП) значительно разрушено изменившимся руслом реки. В древности оно имело кольцо оборонительных сооружений, которые окружали сплошные кварталы крупных жилых построек. Исследователи предполагают, что Синташтинское поселение также имело радиально-круговую планировку (Генинг и др., 1992. С. 13).

Радиально-круговая конструкция нашла отражение в архитектурно-планировочном решении синташтинских погребальных сооружений.

Могильник Восточно-Курали I (Актюбинская область Республики Казахстан). В могильнике исследован курган, планировка которого имеет радиальную структуру. Курган был окружен кольцевым рвом шириной до 2 и глубиной до 1 м. С внутренней стороны рва была выявлена каменная конструкция круглой формы, представлявшая собой кромлех из вертикально поставленных плит. Диаметр оградки составлял 12,5 м. В центре кургана располагалась могильная яма, окруженная внутренним кромлехом, сохранившимся только в юго-восточном секторе. Между двумя кромлехами зафиксировано пять радиальных выкладок-«лучей». Автор раскопок отмечает, что в плане каменная конструкция имела вид колеса, и считает, что она символизировала Солнце. Умерший, захороненный в центре радиально-круговой конструкции, сопровождался бронзовым теслом и двумя ножами, которые исследователь рассматривает как орудия для совершения жертвоприношений (Ткачев, 1992. С. 158, 160–162).

Большекараганский могильник (Южный Урал). Погребальный комплекс синташтинского кургана 25 представлял собой круглое (диаметр около 19 м) могильное поле, окруженное широким и достаточно глубоким рвом. Ров был не сплошной, во многих местах между стенками рва имелись узкие, радиально ориентированные грунтовые перемычки. По мнению исследователей, ров прерывался 12 раз (Зданович Д., 1995. С. 45, 51).

Синташтинский большой курган (СБ) (Южный Урал). Наиболее грандиозным, но и «наиболее загадочным» погребальным сооружением с радиально-круговой конструкцией является храм-святилище Синташтинского большого кургана. В составе кургана «представляется возможным выделить два составляющих компонента, различных по своей функции, – это погребальный комплекс, в котором основным было захоронение умершего вождя, и **храм-святилище** (выделено авторами. – С. С.) – когда над погребальным комплексом было возведено грандиозное сооружение, служившее местом совершения определенных обрядов, связанных с культом умерших, причем не только вождя» (Генинг и др., 1992. С. 360). Погребальный комплекс включал три объекта: собственно камеру из бревен, толос с погребальной платформой и подкурганную подсыпку. «По истечении некоторого времени..., когда погребальное сооружение утратило первоначальные очертания, на его площади был возведен храм-святилище, причем также не одновременно...» (Там же. С. 365). По завершении строительных работ сооружение приобрело вид ступенчатой усеченной пирамиды. Радиально расходящиеся деревянные клетки образовывали 9 ярусов, храм имел высоту более 9 м. На поверхности площадок каждого яруса совершались обряды и разводились «священные огни», от которых сохранились прокалы. Наверху располагалась

площадка, на которой был выложен бревенчатый накатник и сооружен круглый купол с основанием в 18 м. На вершине, возможно, было установлено «древо жизни» (Генинг и др., 1992. С. 367). Исследователи Синташтинского комплекса отнесли все сооружения большого кургана к синташтинскому времени.

В 2009 г. В. И. Стефанов, исходя из результатов анализа вещественных остатков из Большого Синташтинского кургана, полевой документации, данных из отчетов и опубликованных материалов, приходит к выводу, что заключение о безусловной принадлежности памятника СБ к массиву древностей синташтинской культуры представляется «по меньшей мере очень и очень сомнительным» (Стефанов, 2009. С. 23). Исследователь обращает внимание на то, что единственный сосуд, форму и, отчасти, орнаментацию которого удалось восстановить, имеет черкаскульский или черкаскульско-федоровский облик. Более того, в отчете за 1973 г. о раскопках данного кургана В. Ф. Генинг предположил его связь с позднебронзовой черкаскульской культурой. Однако В. И. Стефанов считает, что, опираясь только на материалы раскопок 1972 и 1976 гг., «нельзя удовлетворительно обосновать и черкаскульскую принадлежность Большого кургана в целом... равно как и любую другую. К сожалению, таково качество источников» (Там же). В то же время он полагает, что поскольку памятник СБ состоит из двух различных по своей функции компонентов, то, рассматривая «их в качестве самостоятельных, отстоящих друг от друга во времени и не связанных между собой археологических объектов, возможно, мы найдем ключ к решению загадки Большого Синташтинского кургана. При этом нельзя утверждать, что образующие этот памятник компоненты... будут иметь отношение к синташтинскому культурно-хронологическому комплексу» (Там же. С. 24).

Значимым представляется утверждение о двух самостоятельных комплексах (погребальном и храме-святилище) Синташтинского большого кургана. Вопрос о том, связаны ли они друг с другом культурно и хронологически, пока носит спорный характер. В то же время культурно-хронологическое определение этого кургана как позднебронзового черкаскульского имеет дополнительное подтверждение. В период поздней бронзы в Южном Зауралье радиально-круговая планировка культовых сооружений встречается и на других черкаскульских памятниках. В черкаскульском кургане 5 могильника Приплодный Лог I под насыпью обнаружены две вписанные друг в друга ограды. Внешняя ограда подпрямоугольной формы (8,0 × 7,5 м) была ориентирована по сторонам света. Она сооружена из вертикально установленных камней. Внутренняя ограда отделена от внешней галереей шириной 2,0–0,7 м. Стены внутренней ограды сложены горизонтальной кладкой в два-три ряда. Ограда сохранилась отдельными участками. На кладку внутренней ограды опиралась шести- или семиугольная конструкция, сложенная из трех-четырёх «венцов» бревен. Деревянная конструкция, вероятно, повторяла форму внутренней оградки. По мнению Т. С. Малютиной, конструкция имела вид усеченной пирамиды, высота которой вместе с каменным основанием составляла не менее 1,3–1,5 м. В центре сооружения располагалась яма в форме креста, ориентированного по странам света. Размеры камеры по осевым линиям – 3,3 и 3,5 м, ширина лопастей – 0,9–1,2 м, глубина – 0,75 м. Заполнение ямы составляли мощные слои угля и прокалы. На полу ямы обнаружено семь сосудов в разных отсеках. Все сосуды сильно обожжены. В западном

отсеке на материковом выступе найдено несколько кальцинированных костей. На уровне погребенной почвы яма была перекрыта двумя рядами взаимно перпендикулярных бревен, концы которых опирались на торцовые стенки «креста». С восточной стороны в погребальную камеру вел коридорообразный вход шириной 1 м, он был обозначен каменной кладкой, которая соединяла стенки внутренней и внешней оград. Т. С. Малютина полагает, что наличие входа, его детальное и надежное оформление свидетельствуют о неоднократном посещении крестообразной камеры, что было связано, прежде всего, с отправлением культа огня. Огонь неоднократно горел как в самой камере, так и внутри полой пирамидальной конструкции. В конечном итоге вся конструкция погибла от огня (Малютина, 1984. С. 63, 64, 71, 72).

В период поздней бронзы радиально-круговая конструкция культовых сооружений встречается не только у черкаскульского населения Южного Урала, но и у карасукского Южной Сибири. Следует отметить, что в генезисе того и другого населения в качестве одного из компонентов принимало участие андроновское (федоровское) население. В Хакасии радиально-круговая конструкция погребального сооружения прослежена на памятнике Анчил чон, который относится к карасукской культуре (XII–XI вв. до н. э.). Погребальный комплекс состоял из центральной круглой ограды диаметром 7,5 м, сооруженной из вертикально вкопанных плит, от которой радиально отходили восемь «лучей», образующих стенки других каменных оград. В центре вкопан каменный ящик, где было сооружено основное захоронение. Между вертикальными лучами, отходящими от центральной круглой ограды, в древности было произведено еще семь захоронений взрослых и детей в каменных ящиках. Характерной особенностью конструкций и погребений Анчил чона является их четкая ориентация на восход и заход солнца, Полярную звезду. Н. А. Боковенко, анализируя материалы этого памятника, пришел к выводу о возможной генетической связи с андроновской культурой и привел параллели с Аркаимом и Синташтой (Боковенко, 1999).

В период поздней бронзы имелась еще одна область, где были представлены погребальные сооружения с радиально-круговой конструкцией. Это – Центральная Азия, где получили широкое распространение курганы-херексуры. Это своеобразные курганы с округлой каменной насыпью в центре, обнесенной кольцевой или квадратной оградой, соединенной с насыпью радиальными перемычками из камней. Подобные сооружения изучены на территории Монголии, Забайкалья, Алтая и Тувы. Ю. С. Худяков выделил самостоятельную «культуру херексуров и оленных камней» и отнес ее к периоду развитой бронзы (Худяков, 1987). Большинство исследователей относят херексуры к периоду поздней бронзы. К. В. Чугунов отмечает, что «понятие “культура херексуров”, вероятно, включает множество родственных культурных образований, которые пока не могут быть дифференцированы внутри большой общности» (Чугунов, 2002. С. 149). В статье, посвященной выяснению истоков традиции строительства херексуров, он сопоставляет их с Синташтинским курганом-храмом, с круглоплановыми городищами типа Синташты и Аркаима, с погребальным комплексом кургана 25 Большекараганского могильника, с курганом могильника Восточно-Курайли I. Он считает, что в основе концепции радиальных погребальных конструкций находится индоиранская модель мира, восходящая к синташтинскому населению.

В то же время исследователь отмечает, что андроновские памятники, генезис которых связан с синташтинским и несколько более поздним петровским населением, не столь ярко демонстрируют традицию радиальной планировки погребальных сооружений. Однако этот перерыв в развитии традиции строительства радиальных погребальных конструкций он объясняет тем, что «идеология индо-иранских племен – носителей андроновской культуры – в своей основе не претерпела существенных изменений. Именно они в процессе своего расселения по степным просторам Евразии были проводниками традиций, фиксируемых на огромной территории» (Чугунов, 2002. С. 144, 146). По его мнению, в пользу версии, что транслировались не идеи, а имела место миграция носителей определенных традиций, свидетельствует ряд фактов. Прежде всего, то, что в период поздней бронзы фиксируются находки андроновских (или андронидных) вещей и керамики на территории Северного Китая. Кроме того, на могильнике Гумугоу (Синьцзян) выявлен протоевропеоидный антропологический комплекс II тыс. до н. э. и первоначально внутри него – даже андроновский компонент, коррелирующий с определенным типом погребальных конструкций в виде радиально расходящихся от могилы линий деревянных столбов. Появление колесниц в иньском Китае также связывают со степными культурами (Там же. С. 146, 147).

Д. Г. Савинов придерживается другой точки зрения, согласно которой в районах Центральной Азии, не затронутых андроновской экспансией, складывается особый (наряду со срубным и андроновским) «третий» мир культур эпохи бронзы. Для него в основном были характерны безынвентарные захоронения – херексуры и погребения монгун-тайгинского типа. В то же время население Центральной Азии, находившееся между двумя потоками движения андроновских племен, испытало определенное влияние с их стороны (Савинов, 1994. С. 172).

В период раннего железного века традиция радиально-круговых погребальных конструкций нашла наиболее яркое воплощение в кургане Аржан. Д. Г. Савинов сравнивал деревянные конструкции Аржана с курганом-храмом в Синташте, представлявшим собой своеобразный «зиккурат». Он отмечает, что деревянная платформа Аржана – это как бы «спрессованная проекция» большого кургана-храма из Синташты. По мнению Д. Г. Савинова, это свидетельствует, с одной стороны, о преемственности между ними, с другой – о происшедшей трансформации культурной традиции. Возможно, это объясняет, почему абсолютное большинство камер-клетей на площади Аржана (кроме тех, в которых находились сопроводительные захоронения коней) оказались «пустыми»: строителями кургана они осмыслились, в первую очередь, как семантически значимая конструктивная основа сооружения. Оленный камень из Аржана, найденный над камерой 34а внешнего яруса платформы, по условиям своего нахождения соответствует столбам, обнаруженным на площадках ярусов кургана-храма из Синташты. Сама идея ряда, характерная для расположения оленных камней, как обозначение пути в «верхний мир», в многоступенчатом варианте синташтинского храма пространственно отражена наиболее выразительно. «Во всем этом, – отмечает Д. Г. Савинов, – можно видеть проявление единого пласта мировоззрения и его наиболее значимых атрибутов» (Там же. С. 171, 172).

В то же время он отмечает, что памятники, материалы которых типологически предшествовали бы Аржану, в Центральной Азии неизвестны, а этносоциальная среда, «подготовившая» появление такого мегакомплекса, как Аржан, остается неопределенной. В русле решения этой проблемы он обращает внимание на достаточно четко выраженные элементы андроновской культурной традиции, представленные в обряде погребения и конструктивных особенностях кургана Аржан, связанных с ним погребениях шанчигского типа и алдыбельской культуры в Туве (наземные сооружения в виде цисты, юго-западная ориентировка, положение погребенных скорченно на левом или правом боку со сложенными перед лицом руками). Соответственно, он приходит к выводу, что традиция совершения «элитных» курганов была воспринята «древнейшими скифами» в определенном конструктивном решении и семантическом значении составляющих их компонентов от предшествующего индоиранского населения андроновской этнокультурной общности. Именно в этой среде происходили процессы социогенеза, «подготовившие» появление больших курганов в восточной части Евразийских степей. Для объяснения приведенных параллелей из памятников, имеющих значительный хронологический разрыв, он ссылается на то, что «культурные традиции дольше всего сохраняются в сфере идеологических представлений» (Савинов, 1994. С. 170, 173, 174).

Передатировка Синташтинского большого кургана и отнесение его (полностью или частично) к эпохе поздней бронзы, к черкаскульской культуре, переводит проблему значительного типологического сходства между Аржаном и Синташтинским курганом-храмом в совершенно иную плоскость. Значительный хронологический разрыв между ними существенно сокращается. Отпадает необходимость объяснять сходство радиальной конструкции Аржана и Синташтинского большого кургана исключительно консервативностью идеологических представлений. Традиция радиально-круговой планировки погребальных комплексов в эпоху поздней бронзы предстает охватывающей достаточно широкий ареал, включающий черкаскульскую, карасукскую культуры, возможно, «культуру херексуров». Появляется возможность проследить некую культурную преемственность с андроновской, хотя, безусловно, этот вопрос требует дополнительного изучения.

В то же время следует согласиться с К. В. Чугуновым, что собственно андроновские памятники не столь ярко демонстрируют традицию радиальной планировки погребальных сооружений. Не исключено, что эта идея имела какие-то иные формы выражения. В алакульских могильниках традиция радиально-круговой планировки погребальных сооружений могла проявляться в планиграфическом расположении могил под курганной насыпью. Представляют интерес наблюдения А. В. Матвеева над планиграфическим распределением погребений в многомогильных курганах алакульского Чистолебяжского могильника. Центральную часть подкурганной площадки занимала крупная гробница, на периферии по окружности располагались малые и, реже, большие могильные ямы. Головные части периферийных могильных ям были обращены, в большинстве случаев, по линии окружности в одну и ту же сторону – либо в направлении хода часовой стрелки (курганы 8, 10, 16, 17), либо против хода часовой стрелки (курганы 19, 21). По мнению А. В. Матвеева, многомогильные курганы сооружались по заранее определенному плану, и расположение основных структурных

элементов – центральной гробницы и периферийных могил – было заранее предопределено. Половозрастной состав погребенных восстановить сложно из-за разграбленности могил, но не приходится сомневаться, что малые периферийные могилы предназначались для погребения детей, большие периферийные – для захоронения подростков, центральные содержали как захоронения взрослых, так и взрослых с детьми (Матвеев, 1998. С. 185–188, 222–237).

Памятники с радиально-круговой планировкой и реконструкция представлений

Многие исследователи сопоставляли круглоплановые городища типа Синташты и Аркаима с авестийской Варой (Jettmar, 1981. Р. 226; Пьянков, 1999. С. 281; Медведев, 1999. С. 283–285; и др.). И. В. Пьянков высказал предположение, что такие памятники, как Аркаим, являлись культовыми объектами, посвященными Йиме / Яме. Он обратил внимание на такую деталь: в Аркаиме обнаружены следы металлургического производства. Известно, что металлургия у индоиранцев часто носила характер культового действия и ее возводили к Йиме, а кузнецы занимали высокое положение и были связаны с воинской кастой и с царской властью (Пьянков, 1999. С. 281). Ю. И. Михайлов сравнивал с Варой курган-храм Синташтинского большого кургана (Михайлов, 2000).

Для интерпретации конструкций с радиально-круговой планировкой несомненный интерес представляет второй фрагмент Видевдата, где дается описание крепости, возведенной мифическим царем Йимой для спасения всего живого от грядущих катастроф – долгих зим со смертельными холодами и сильными снегопадами, наводнений от таяния снегов. Это описание содержит указания на конкретные черты сооружения, что позволило исследователям сравнивать его с различными археологическими объектами. В первых переводах «Авесты» Вара (Вар) описывалась как ограда «длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам» (Залеман, 1880. С. 179, 180. Цит. по: Авеста..., 1998. С. 83), поэтому в Варе видели квадратное в плане укрепление (Лелеков, 1976. С. 12–15; 1997а. С. 215 и т. д.). Л. Л. Гуревич обратил внимание на то, что схема «квадратной Вары» обнаруживает несоответствия с текстом Видевдата (Гуревич, 1983. С. 31). Для выяснения деталей И. М. Стеблиным-Каменским был выполнен новый перевод второго фрагмента (Авеста..., 1993. С. 176–180) и, соответственно, внесены уточнения в описание Вары (Вид. II. 33): «И вот Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны и принес туда семя мелкого и крупного рогатого скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней. И Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота». Согласно примечаниям, сделанным И. М. Стеблиным-Каменским к уточненному переводу, Вар состоял из трех концентрических кругов стен. Бег (имеется в виду «лошадиный бег») – мера длины, равная двум хатрам, т. е. около двух тысяч шагов (Авеста..., 1993. С. 196, 197. Прим. 5, 6). Л. Л. Гуревич отмечает, что нет оснований утверждать, что сооружение было квадратным, так как «Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны», т. е. ограда возводилась на постоянном удалении от центра и потому

могла быть и ломаного контура, и круглой (Гуревич, 1983. С. 31). К этому следует добавить, что новый перевод в большей степени соответствует традициям мифологического мировоззрения, согласно которому творение пространства вообще, а тем более сакрального пространства, всегда происходит из центра.

Представления о Варе тесно связаны с культом Йимы/Ямы. Во втором фрагменте, по мнению Л. А. Лелекова, нашла отражение глубочайшая индоиранская архаика. Йима здесь выступает как первопредок человечества, культурный герой, владыка мира в эпоху тысячелетнего золотого века. Важнейшее отличие второго фрагмента от остальных частей «Авесты» в том, что Йима здесь божество, демиург, а не простой смертный, место действия которого разворачивается на земле, среди людей (Лелеков, 1979. С. 180, 181; 1997б. С. 599). В индийской мифологии ему соответствует Яма. Л. А. Лелеков неоднократно отмечал, что описание обители Ямы в одном из гимнов «Ригведы» (РВ IX. 113. 7–8) является определенным аналогом Вары (Лелеков, 1976. С. 13–15; 1997а. С. 215). Яма – господин над Питарами – обожествляемыми умершими предками, пребывающими на небе. К Питарам относили первых, древних прародителей, проложивших путь, по которому следуют и недавно умершие (Топоров, 1997. С. 316).

Для выяснения роли индоиранской крепости типа Вары, построенной первопредком Йимой/Ямой, значительный интерес представляет мифология кафиров Гиндукуша, в которой сохранились многие черты древних индоиранских верований. Йима/Имра был верховным божеством в пантеоне кафиров Гиндукуша. В мифологии кафиров сохранилось представление о божественной крепости, предназначенной, однако, не для богов, а для душ – вероятнее всего, для душ умерших. Эта крепость упоминается не в связи с Имрой, а в связи с женским божеством Дизани/Дисни. Но Дизани тесно связана с Имрой – она появилась на свет из правой стороны его груди. Дизани построила золотой замок с четырьмя углами и семью воротами. Согласно другому тексту, она воздвигла башню, от которой расходилось 7 улиц. По мнению К. Йеттмара, если сопоставить эти тексты, то можно реконструировать план центральной крепости и план окружающей ее территории с радиально расходящимися улицами. К. Йеттмар сравнивал постройку Йимы с деревней кафиров Гиндукуша, в центре которой хранят останки предков и празднуют Навруз (Новый год), а также с сооружением эпохи бронзы Дашлы III в трех концентрических стенах и с курганом раннего железного века Аржан. Он считает комплексы такого рода церемониальными центрами для празднования Навруза (Jettmar, 1981. P. 223–227; Йеттмар, 1986. С. 191–193). В центральной ограде празднующие в экстатических песнях и танцах достигали состояния общения с душами предков (Гуревич, 1983. С. 32).

Мнение К. Йеттмара о связи сооружений, имеющих радиально-круговую конструкцию, с празднованием Нового года имеет дополнительное подтверждение. В «Ригведе» содержится знаменитый «Гимн-загадка» (I, 64), который представляет собой собрание так называемых брахмодья (*brahmodya*) – аллегорий и загадок о происхождении Вселенной, о времени, о богах, человеческой жизни. Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров считают, что *brahmodya* по своему происхождению связаны с ритуалами, приуроченными к стыку старого и нового года, началу нового солнечного цикла и т. д. (Елизаренкова, Топоров, 1997. С. 327). В этом гимне содержится ряд загадок о времени, как о годе (РВ I, 64.

11–13, 48), причем год загадывается через образ колеса со спицами (Ригведа..., 1999. С. 200–205, 646).

Примечательно, что в загадках о годе используется исключительно образ колеса со спицами, а не простого дисковидного колеса. Более того, количество спиц в колесе имеет самостоятельное семантическое значение. Ставится цель путем перечисления деталей колеса и их количества воссоздать не реальный образ, а космический символ.

Можно предположить, что укрепленные поселения типа Синташты и Аркаима, культовые сооружения типа храма-святилища Синташтинского большого кургана и кургана 5 могильника Приплодный Лог I являлись церемониальными центрами, которые соответствовали мифической крепости типа Вары. Они воспроизводили образ колеса со спицами, как символа Колеса Времени, равного Году, который должен был возродиться в новогоднем ритуале.

Вероятно, рассмотренные погребальные комплексы также воспроизводили образ колеса со спицами. Можно предположить, что такая конструкция надмогильного сооружения была связана с представлениями о возрождении жизни человека (вероятно, имевшего высокий социальный статус), подобно тому как происходило возрождение Времени в ходе новогоднего ритуала, проводимого в церемониальных центрах.

ЛИТЕРАТУРА

- Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. 2-е изд., испр. СПб.: Журнал «Нева», Летний Сад, 1998. 480 с.
- Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест., предисл, примеч. и словарь И. М. Стеблина-Каменского. М.: Дружба народов: КРАМАС – Ахмед Ясови, 1993. 207 с.
- Боковенко Н. А., 1999. Новые памятники радиальной конструкции эпохи поздней бронзы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к конф. / Ред.: Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 175–176.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.
- Гуревич Л. Л., 1983. Авестийская «Вара» (О взаимоотношениях мифопоэтического образа и формы сооружения) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: тез. докл. конф., посвящ. 10-летию Южно-Таджикистанской археол. экспедиции / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 31–32.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., 1997. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. М. Николаева. М.: Языки русской культуры. С. 303–338.
- Зданович Г. Б., 1995. Аркаим. Арии на Урале, или Несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Каменный пояс. С. 21–42.
- Зданович Д. Г., 1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Каменный пояс. С. 43–53.
- Йеттмар К., 1986. Религии Гиндукуша. М.: Восточная литература. 524 с.
- Лелеков Л. А., 1976. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века) / Ред.: Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 7–18.
- Лелеков Л. А., 1979. Ранние формы иранского эпоса // НАА. № 3. С. 173–188.
- Лелеков Л. А., 1997а. Вара // Мифы народов мира. Т. 1 / Глав. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 215.

- Лелеков Л. А., 1997б. Йима // Мифы народов мира. Т. 1 / Глав. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 599.
- Малютина Т. С., 1984. Могильник Приплотный Лог 1 // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: Башкирский ун-т. С. 58–79.
- Матвеев А. В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука. 417 с.
- Медведев А. П., 1999. Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к конф. / Ред.: Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 283–287.
- Михайлов Ю. И., 2000. Авестийская Вара и архитектурная композиция Большого Синташтинского кургана // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский гос. ун-т. С. 90–92.
- Пьянков И. В., 1999. Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к конф. / Ред.: Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 280–283.
- Ригведа. Мандалы I–IV / Пер., коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 767 с.
- Савинов Д. Г., 1994. Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: материалы заседаний «круглого стола» (22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург) / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Фонд фундаментальных исследований РАН. С. 170–175. (Археологические изыскания; вып. 18.)
- Стефанов В. И., 2009. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. № 1. С. 18–24.
- Ткачев В. В., 1992. Погребение жреца в Актюбинской области (к вопросу о социальной структуре арийского общества) // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А. Т. Синюк. Оренбург: Оренбургский пед. ин-т. С. 156–165.
- Топоров В. Н., 1997. Питары // Мифы народов мира. Т. 2 / Глав. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 316.
- Худяков Ю. С., 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука. С. 136–162.
- Чугунов К. В., 2002. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 142–149.
- Jettmar K., 1981. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / Ред. М. С. Асимов и др. М.: Наука. С. 220–229.

Сведения об авторе

Сотникова Светлана Владимировна, Тобольский педагогический институт – филиал Тюменского государственного университета, ул. Знаменского, 58, Тобольск, 626150, Россия; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

S. V. Sotnikova

SITES WITH RADIAL / CIRCULAR PLANNING: DEVELOPMENT OF THE MODEL OF SACRAL SPACE AND RECONSTRUCTION OF CONCEPTS (FROM THE SINTASHTA TRADITION TO THE EARLY IRON AGE PERIOD)

Abstract. The most spectacular sites with radial / circular planning were created by the Sintashta population in the Middle Bronze period. The Sintashta Large Kurgan (SLK) composed of two components, namely, a funeral site and a temple / sanctuary, is

an outstanding construction. V. I. Stefanov questioned the unconditional attribution of the SLK to the array of Sintashta antiquities because the only reconstructed vessel possesses Cherkaskul traits. It is not sufficient for complete revisiting of the cultural and chronological attribution of the SLK. At the same time, the tradition of radial / circular planning of funeral sites in the Late Bronze period encompasses a large area, which includes the Cherkaskul culture, the Karasuk culture, and, possibly, the so called culture of kherekurs. Repeated dating of the SLK (full or partial) reduces the chronological gap between Arzhan and the SLK, offering an opportunity to tackle the issue of typological similarity of the two cultures from a different angle. The author interprets the radial / circular layout as an image of a spoked wheel, which was used in the Vedic tradition as a symbol of the Year and rebirth.

Keywords: Bronze Age, radial / circular planning, Sintashta type sites, Cherkaskul culture, Karasuk culture, Early Iron Age.

REFERENCES

- Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996) [Avesta in Russian translations (1861–1996)]. I. V. Rak, ed., comp. 2nd Edition, revised. St. Petersburg: Zhurnal «Neva», Letniy Sad, 1998. 480 p.
- Avesta: Izbrannyye gimny; Iz Videvdata [Avesta: Selected hymns; From Videvdata]. I. M. Steblin-Kamenskiy, ed., trans. Moscow: Druzhba narodov: KRAMAS – Akhmed Yasovi, 1993. 207 p.
- Bokovenko N. A., 1999. Novye pamyatniki radia'noy konstruktssii epokhi pozdney bronzy v Tsentral'noy Azii [New Late Bronze Age sites with radial construction in Central Asia]. *Kompleksnyye obshchestva Tsentral'noy Azii v III–I tys. do n. e.: regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley: materialy k konferentsii [Complex societies of Central Asia in III–I mill. BC: regional specifics in light of universal models: materials for conference]*. D. G. Zdanovich, N. O. Ivanova, I. V. Predeina, eds. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 175–176.
- Chugunov K. V., 2002. Kherekursy Tsentral'noy Azii (k voprosu ob istokakh traditsii) [Kherekursy of Central Asia (on problem of origins of tradition)]. *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura [North Eurasia in Bronze Age: space, time, culture]*. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 142–149.
- Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N., 1997. O vediyskoy zagadke tipa brahmodya [On Veda riddle of brahmodya type]. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga [From works of Moscow semiotic circle]*. T. M. Nikolaeva, comp. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 303–338.
- Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V., 1992. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes of Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 408 p.
- Gurevich L. L., 1983. Avestiyskaya «Vara» (O vzaimootnosheniyakh mifopoeticheskogo obraza i formy sooruzheniya) [Avesta «Vara» (On interaction mythic poetic image and construction shape)]. *Baktriya–Tokharistan na drevnem i srednevekovom Vostoke: tezisy dokladov konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu Yuzhno-Tadzhikistanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Bactria–Toharistan in ancient and medieval Orient: abstracts of conference, devoted to 10th anniversary of South Tajikistan archaeological expedition]*. B. A. Litvinskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 31–32.
- Jettmar K., 1981. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians. *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti [Ethnic problems of history of Central Asia in antiquity]*. M. S. Asimov, ed. Moscow: Nauka, pp. 220–229.
- Khudyakov Yu. S., 1987. Kherekursy i olennyye kamni [Kherekursy and deer stones]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii [Archaeology, ethnography and anthropology of Mongolia]*. A. P. Derevyanko, Sh. Natsagdorz, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 136–162.
- Lelekov L. A., 1976. Otrazhenie nekotorykh mifologicheskikh vozzreniy v arkhitekture vostochnoiranskikh narodov v pervoy polovine I tys. do n. e. [Reflection of some mythological beliefs in architecture of East-Iranian peoples in first half of I mill. BC]. *Istoriya i kul'tura narodov Sredney Azii (Drevnost' i srednie veka) [History and culture of peoples of Central Asia (Antiquity and Middle Ages)]*. B. G. Gafurov, B. A. Litvinskiy, eds. Moscow: Nauka, pp. 7–18.

- Lelekov L. A., 1979. Rannie formy iranskogo eposa [Early forms of Iranian epic]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 3, pp. 173–188.
- Lelekov L. A., 1997a. Vara [Vara]. *Mify narodov mira* [Myths of peoples of the world], 1. S. A. Tokarev, ed. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 215.
- Lelekov L. A., 1997b. Yima [Yima]. *Mify narodov mira* [Myths of peoples of the world], 1. S. A. Tokarev, ed. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 599.
- Malyutina T. S., 1984. Mogil'nik Priplodnyy Log 1 [Cemetery Priplodnyy Log 1]. *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of Ural-Irtysh interfluv]. S. Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy universitet, pp. 58–79.
- Matveev A. V., 1998. Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya [First Andronovo people in Transural forests]. Novosibirsk: Nauka. 417 p.
- Medvedev A. P., 1999. Avestiyskiy «Gorod Yimy» v istoriko-arkheologicheskoy perspektive [Avesta «City of Yima» in historic-archaeological perspective]. *Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Azii v III–I tys. do n. e.: regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley: materialy k konferentsii* [Complex societies of Central Asia in III–I mill. BC: regional specifics in light of universal models: materials for conference]. D. G. Zdanovich, N. O. Ivanova, I. V. Predeina, eds. Chelyabinsk: Chelyabinskii gos. universitet, pp. 283–287.
- Mikhaylov Yu. I., 2000. Avestiyskaya Vara i arkhitekturnaya kompozitsiya Bol'shogo Sintashtinskogo kurgana [Avesta Vara and architectural composition of Big Sintashta kurgan]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova* [Fifth historic readings in memory of M. P. Gryaznov]. V. I. Matyushchenko, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 90–92.
- P'yankov I. V., 1999. Arkaim i indoiranskaya vara [Arkaim and Indo-Iranian Vara]. *Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Azii v III–I tys. do n. e.: regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley: materialy k konferentsii* [Complex societies of Central Asia in III–I mill. BC: regional specifics in light of universal models: materials for conference]. D. G. Zdanovich, N. O. Ivanova, I. V. Predeina, eds. Chelyabinsk: Chelyabinskii gos. universitet, pp. 280–283.
- Rigveda. Mandaly I–IV [Rigveda. Mansalas I–IV]. T. Ya. Elizarenkova, ed., trans. Moscow: Nauka, 1999. 767 p.
- Savinov D. G., 1994. Sintashta i Arzhan [Sintashta and Arzhan]. *Elitnye kurgany stepey Evrazii v skifosarmatskuyu epokhu: materialy zasedaniy «kruglogo stola»* [Elite kurgans of steppes of Eurasia in Scytho-Siberian epoch: transactions of round table meetings]. A. Yu. Alekseev, ed. St. Petersburg: Fond fundamental'nykh issledovaniy RAN, pp. 170–175. (Arkheologicheskie izyskaniya, 18.)
- Stefanov V. I., 2009. O kul'turnoy prinadlezhnosti Bol'shogo Sintashtinskogo kurgana [On cultural attribution of Big Sintashta kurgan]. *RA*, 1, pp. 18–24.
- Tkachev V. V., 1992. Pogrebenie zhretsa v Aktyubinskoy oblasti (k voprosu o sotsial'noy strukture ariyskogo obshchestva) [Priest's burial in Aktyubinsk region (on problem of social structure of Arian society)]. *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepey* [Ancient history of population of Volga-Ural ssteppe]. A. T. Sinyuk, ed. Orenburg: Orenburgskiy pedagogicheskii institut, pp. 156–165.
- Toporov V. N., 1997. Pitary [Pitars]. *Mify narodov mira* [Myths of peoples of the world], 2. S. A. Tokarev, ed. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 316.
- Yettmar K., 1986. Religii Gindukusha [Religions of Gindukush]. Moscow: Vostochnaya literatura. 524 p.
- Zdanovich D. G., 1995. Mogil'nik Bol'shekaraganskiy (Arkaim) i mir drevnikh indoevropeytsev Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Cemetery Bol'shekaraganskiy (Arkaim) and world of ancient Indo-Europeans of Ural-Kazakhstan steppes]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya* [Arkaim: Investigations. Search. Discoveries]. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, pp. 43–53.
- Zdanovich G. B., 1995. Arkaim. Aarii na Urale ili nesostoyavshayasya tsivilizatsiya [Arkaim. Arians in Urals or failed civilization]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya* [Arkaim: Investigations. Search. Discoveries]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, pp. 21–42.

About the author

Sotnikova Svetlana V., Tobolsk Pedagogical Institute – Branch of The Tyumen State University, ul. Znamenskogo, 58, Tobol'sk, 626150, Russian Federation; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Э. А. Хайрединова

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII в. С ПАЛЬЧАТЫМИ ФИБУЛАМИ ДНЕПРОВСКОГО КРУГА ИЗ МОГИЛЬНИКА У СЕЛА ЛУЧИСТОЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ*

Резюме. В статье публикуется найденная в Юго-Западном Крыму, на раннесредневековом участке могильника у с. Лучистое, детская могила 152а. Дается описание инвентаря, определяется его назначение, выявляется круг аналогий и обосновывается датировка. По зафиксированному *in situ* расположению предметов в погребении реконструируется детский убор. По аналогичным находкам из могильника у с. Лучистое прослеживаются особенности детского костюма с вещами круга «древностей антов», анализируются его отличия от традиционного женского костюма крымских готов.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, могильник у с. Лучистое, крымские готы, пальчатые фибулы, детский костюм.

Для характеристики материальной культуры раннесредневекового гото-аланского населения Юго-Западного Крыма большое значение имеют находки из могильника у с. Лучистое, расположенного в Алуштинском городском округе, у юго-западного подножия горного массива Демерджи. Могильник относится к группе памятников, расположенных от низовьев реки Черная до Алушты, т. е. в регионе, где исследователи локализуют описанную Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках» страну Дори, населенную готами (Айбабин, 2015. С. 315, 317). Это единственный известный на сегодняшний день крымский некрополь, функционировавший на протяжении долгого периода – с конца IV и до третьей четверти XVIII в., погребальные сооружения которого не были разграблены. Благодаря многочисленным, зафиксированным *in situ* находкам из закрытых комплексов, памятник стал эталоном для разработки хронологии средневековых древностей Крыма (Айбабин, 1990; Айбабин, Хайрединова, 2008) и дает богатый материал для реконструкции костюма.

* Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (0832-2015-0007), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

Описание погребения

В 2000 г. на нижней террасе северо-западного раннесредневекового участка могильника, под 2,0–2,55-метровым натечным слоем открыта могила 152а. Она сооружена над камерой склепа 152, вырытого ниже по склону. После обрушения свода в камере склепа большая часть могилы 152а просела на 0,05–0,15 м, а ее северо-западный борт разрушился (рис. 1, Л). Овальная в плане могила (длина – 1,35 м; ширина – 0,37 м; борта прослежены на высоту – 0,4 м) ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад. На дне могилы зачищены остатки погребения ребенка, похороненного вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутой вдоль туловища правой рукой и со слегка согнутой в локте левой. Погребение прослежено по костному тлену и темно-коричневому тлену от савана (рис. 1, М).

В захоронении найдены: в области правой височной кости – сохранившаяся фрагментарно бронзовая серьга (рис. 2, 1); в области шеи – бусы из стекла, янтаря, белого металла (рис. 2, 2) и железная застежка (рис. 2, 3); вдоль плечевых костей – лежавшие головками вниз бронзовые пальчатые фибулы (рис. 2, 4, 6); под левой фибулой – бронзовая пронизь (рис. 2, 5); в области пояса – бронзовые пронизи-трубочки, трапециевидные подвески (рис. 2, 8–11) и шесть колокольчиков (рис. 2, 7), стеклянные бусы (рис. 2, 12) и фрагменты подвески-лунницы из белого металла (рис. 2, 13), а также – железная пряжка (рис. 2, 14); на костях обоих предплечий – по два бронзовых браслета (рис. 2, 16, 17); под левой локтевой костью – железный нож с остатками деревянных ножен и рукояти (рис. 2, 15); на фаланге одного из пальцев правой руки – фрагменты бронзового перстня (рис. 2, 18).

Характеристика инвентаря

Фибулы с полукруглой головкой с пятью выступами – пальцами, прогнутой спинкой и ромбической ножкой с овальным выступом на завершении (рис. 3, 2, 8) отлиты из бронзы. Головка и ножка украшены концентрическими кружками с точкой в центре. Фибулы различаются размерами и некоторыми элементами декора. Так, лежавшая на правой стороне грудной клетки фибула с двумя клювовидными выступами у основания спинки (один из них утрачен в древности) и широкой головкой с небольшими выступами-пальцами (рис. 2, 6; 3, 2) покрыта концентрическими кружками (по три в каждом декоративном элементе), расположенными на расстоянии друг от друга, а овальный выступ на завершении ножки украшен стилизованным изображением личины: глаза переданы двумя кружками с точкой в центре, рот обозначен небольшой горизонтальной линией (рис. 3, 2а). Над личиной прорезаны две горизонтальные линии, обозначающие прическу или головной убор. Длина фибулы – 13,7 см, ширина головки – 7,7 см. Вторая фибула с широкими выступами-пальцами, лежавшая на левой стороне грудной клетки, украшена близко расположенными друг к другу и занимающими почти всю поверхность головки и ножки концентрическими кружками (по два или по три в каждом декоративном элементе) (рис. 2, 4; 3, 8). Длина фибулы –

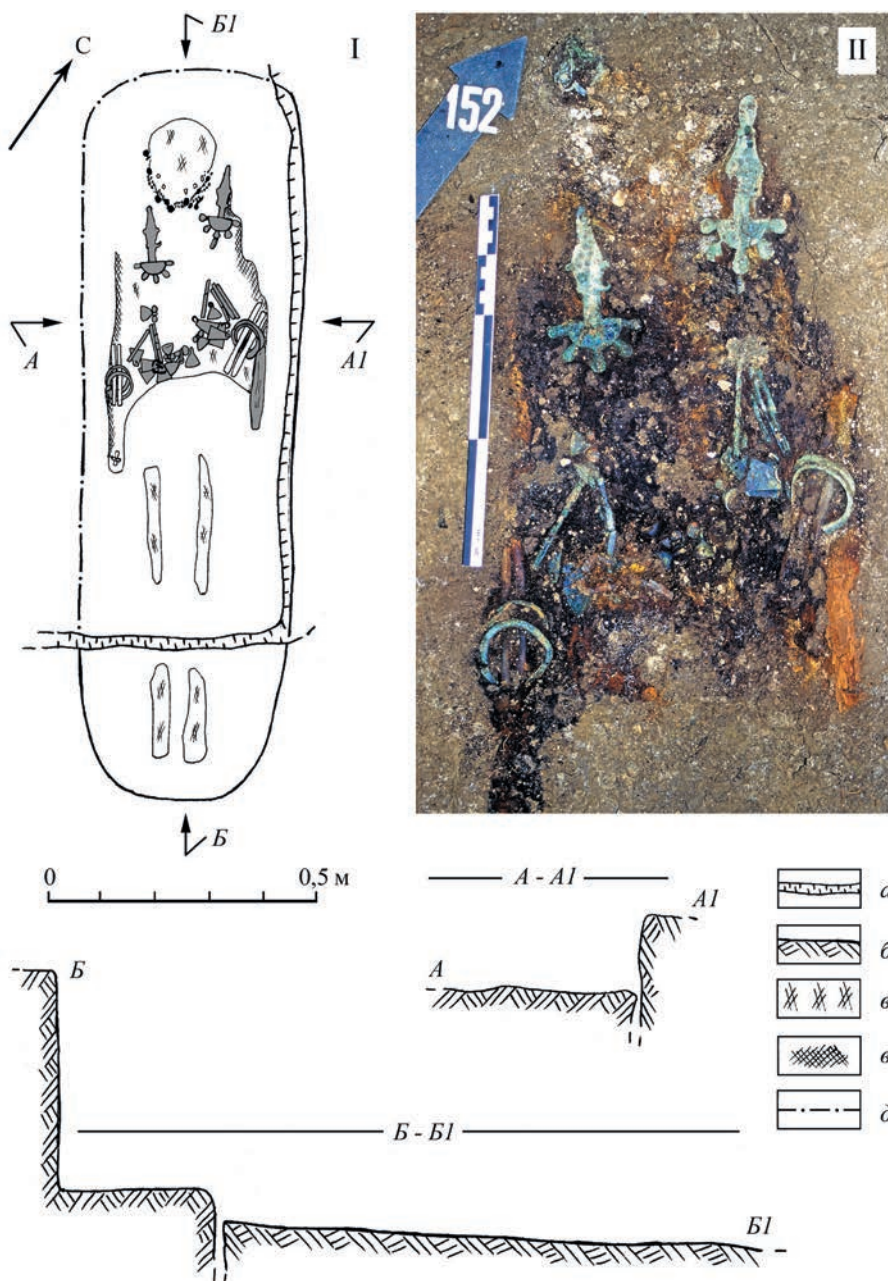

Рис. 1. Могильник у с. Лучистое. Могила 152а

I – план, разрезы; *II* – фото, вид с юго-востока.

Условные обозначения: *а* – трещины; *б* – материковый глинистый грунт; *в* – костный тлен; *г* – темно-коричневый органический тлен; *д* – разрушенный борт могилы (рисунок и фото автора)

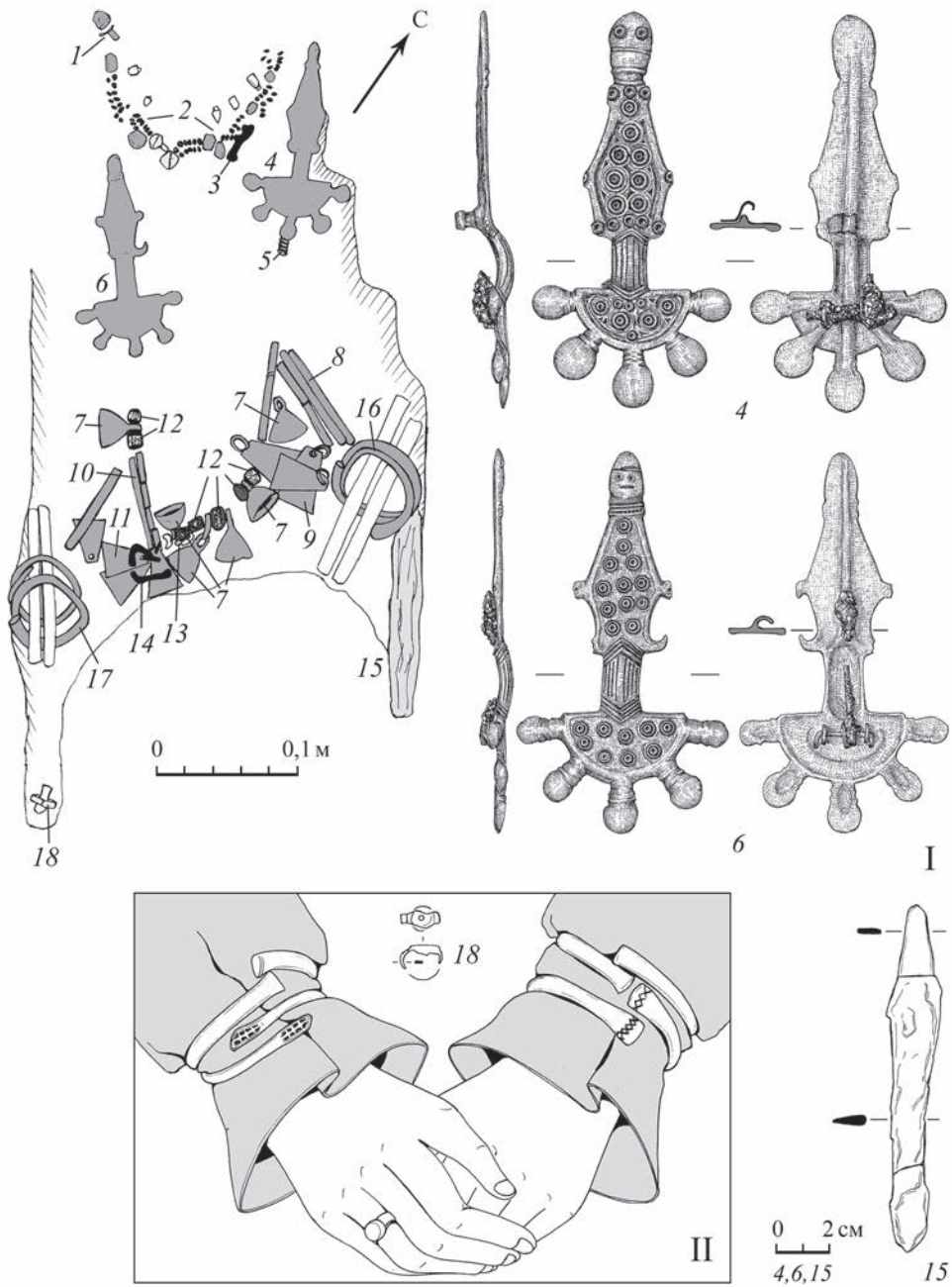
14,2 см; ширина головки – 7,1 см. Фибула ремонтировалась: на месте сломанного приемника иглы была напаяна узкая согнутая пластина. Иглы и пружины обеих фибул выполнены из железной, круглой в сечении проволоки.

Фибулы относятся к группе наплечных застежек днепровского круга. По декору в виде концентрических кружков с точкой в центре они выделены в тип I (*Айбабин*, 1990. С. 22–25). В Юго-Западном Крыму однотипные пальчатые фибулы найдены в Суук-Су и Артеке (*Репников*, 1906. Табл. VI, 1, 9; VII, 3, 7; 1907. Табл. XIII, 3), на склоне Эски-Кермена (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2008. Рис. 29, 16), в окрестностях Мангупа (*Maczyńska et al.*, 2016. Taf. 387) и в Баклинском Овраге. Обломок такой фибулы был прикреплен с обратной стороны большой пряжки с ромбическим щитком (вторая половина VII в.) из склепа 98 на склоне Чуфут-Кале (*Кропоткин*, 1965. Рис. 44, 7; 45, 5). В могильнике у с. Лучистое обнаружено более сорока фибул типа I. Самые ранние из них происходят из комплексов первой четверти VII в., поздние – из погребений второй половины VII в. (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2008. Рис. 13, 7, 25; 2014. Рис. 6, 34). Две фибулы типа I, по форме и декору близкие публикуемым, выявлены в Лучистом: в склепе 240 – в женском погребении с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта первой четверти VII в.

В VII в. в Юго-Западном Крыму наряду с фибулами типа I пользовались популярностью и другие застежки днепровского круга: пальчатые с S-видными завитками (тип II) и с бордюром из птичьих головок (тип III), а также антропоморфные разных типов (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2008. С. 28–31). Многие из этих фибул, скорее всего, были привезены из Поднепровья, где известны многочисленные находки однотипных изделий (*Корзухина*, 1996; *Гавритухин*, *Обломский*, 1996. С. 36–38). Не исключено, что некоторые фибулы делали ремесленники Юго-Западного Крыма из привозного сырья. Находка пары бракованных пальчатых фибул типа I в Лучистом (погребение первой четверти VII в. из склепа 54) подтверждает возможность производства подобных изделий местными мастерами (*Айбабин*, 1990. С. 25).

Бронзовая серьга сохранилась фрагментарно. Она состоит из кольца из круглой в сечении проволоки и подвески из тонкой пластины со штампованным декором в виде полусферических выступов, имитирующих зернь (длина – 2,6 см; рис. 4, 16). Аналогичные серьги в Лучистом обнаружены в склепе 35, в слое с погребениями первой половины VII в. (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2008. Табл. 105, 4–7).

В состав *ожерелья*, обнаруженного в области шеи, входили: 225 сферических бисерин из черного глухого стекла с продольной структурой ядра (диаметр – 0,4 см); 12 янтарных бочковидных уплощенных бусин (длина – 0,8–1,4 см); бусины из белого металла (свинца или олова): одна в виде трех объединенных шариков (длина – 1,3 см) и четыре полые биконические плохой сохранности, образованные двумя усеченно-коническими деталями, соединенными широкими основаниями (диаметр – 1,4–1,5 см, длина – 1,0–1,5 см; рис. 4, 11). Уплощенные янтарные бусы вместе с черным стеклянным бисером часто использовались в ожерельях второй половины VI – первой половины VII в. Нередко такие ожерелья носили дети (*Хайрединова*, 2007. Рис. 10, 2; 11, 1, 2; 2015. Рис. 10, 5–7; 11, 1; 12, 1, II). Находки полых металлических биконических составных бус единичны в Юго-Западном

Крым. В Лучистом найдено две подобные бусины. Одна из них, выполненная из бронзы, обнаружена в склепе 59 – в детском погребении перв. половины VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014. Табл. 103, 10, 11), фрагмент второй, отлитой из свинца или олова, выявлен в склепе 38 – в детском захоронении втор. половины VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008. Табл. 137, 9). Аналогичные по форме и размерам изделия, определяемые исследователями как ворворки, широко распространены среди вещей круга «древностей антов» (Щеглова, 1999. С. 300). Многочисленные литейные формы для их изготовления найдены в Поднестровье, на Бернашевском поселении пражской культуры (Винокур, 1997. С. 91–96. Рис. 39–41). Обычно исследователи относят эти предметы к деталям конской сбруи или к украшениям женского головного убора, служившим для оттягивания концов полотнища (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 16. Рис. 33, 18–65; 34, 2–99; Щеглова, 1999. С. 300). Не отрицая указанного назначения свинцовых полых усеченных конусов, обратим внимание на то, что, судя по находкам из Лучистого, однотипные изделия небольших размеров, соединенные широкими основаниями, могли использоваться и в качестве бус (рис. 5, 2).

Железная застежка выполнена в виде геральдического щитка с крючком, завершающимся сферическим выступом (размеры 1,4 × 3,1 см; рис. 4, 12). На обратной стороне щитка сохранились фрагменты двух петель для крепления на ремне или для пришивания к ткани. Такая же по форме, но более крупная застежка найдена в Лучистом, в склепе 294, в погребении второй половины VII в.

Спиралевидная пронизь скручена из подтреугольной в сечении проволоки (длина – 4,3 см; диаметр – 0,6 см; рис. 4, 9). Аналогичные пронизи многочисленны в захоронениях VII в. из Лучистого (Айбабин, Хайрединова, 2008. Табл. 102, 20; 137, 5–8, 13; 2014. Табл. 39, 3) и известны в днепровских раннесредневековыхкладах (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 21, 8–19). Пластинчатая трехрогая с петелькой для подвешивания и небольшими полусферическими выступами по краю, имитирующими декор из зерни или скани (размеры 2,9 × 3,0 см; рис. 4, 8), отлита из белого металла (свинца или олова). Подобные подвески в Лучистом найдены в склепе 100, в женском погребении с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. По форме и декору лунница близка литым изделиям пражской культуры из Бернашевского поселения (Поднестровье) (Винокур, 1997. С. 57–59. Рис. 18; 19).

Бронзовые конические колокольчики с граненой петелькой для подвешивания украшены по центру и вдоль нижнего края тулова врезными горизонтальными линиями (рис. 4, 1–3; 5–7). Высота колокольчиков – 2,3–2,5 см, диаметр основания – 2,0–2,2 см. Один из них подвешен к кольцу из круглой в сечении проволоки

Рис. 2. Могильник у с. Лучистое. Могила 152а

I – план погребения с зафиксированным *in situ* расположением инвентаря; II – реконструкция украшений рук погребенного ребенка (реконструкция и рисунок автора)

1 – серьга; 2 – ожерелье; 3 – застежка; 4, 6 – пальчатые фибулы; 5 – пронизь; 7 – колокольчики; 8–11 – детали шумящей подвески; 12 – бусины; 13 – лунница; 14 – пряжка; 15 – нож с остатками деревянных ножен; 16, 17 – браслеты; 18 – перстень

1, 4–11, 16–18 – бронза; 2 – стекло, янтарь, белый металл; 12 – стекло; 13 – белый металл; 3, 14, 15 – железо

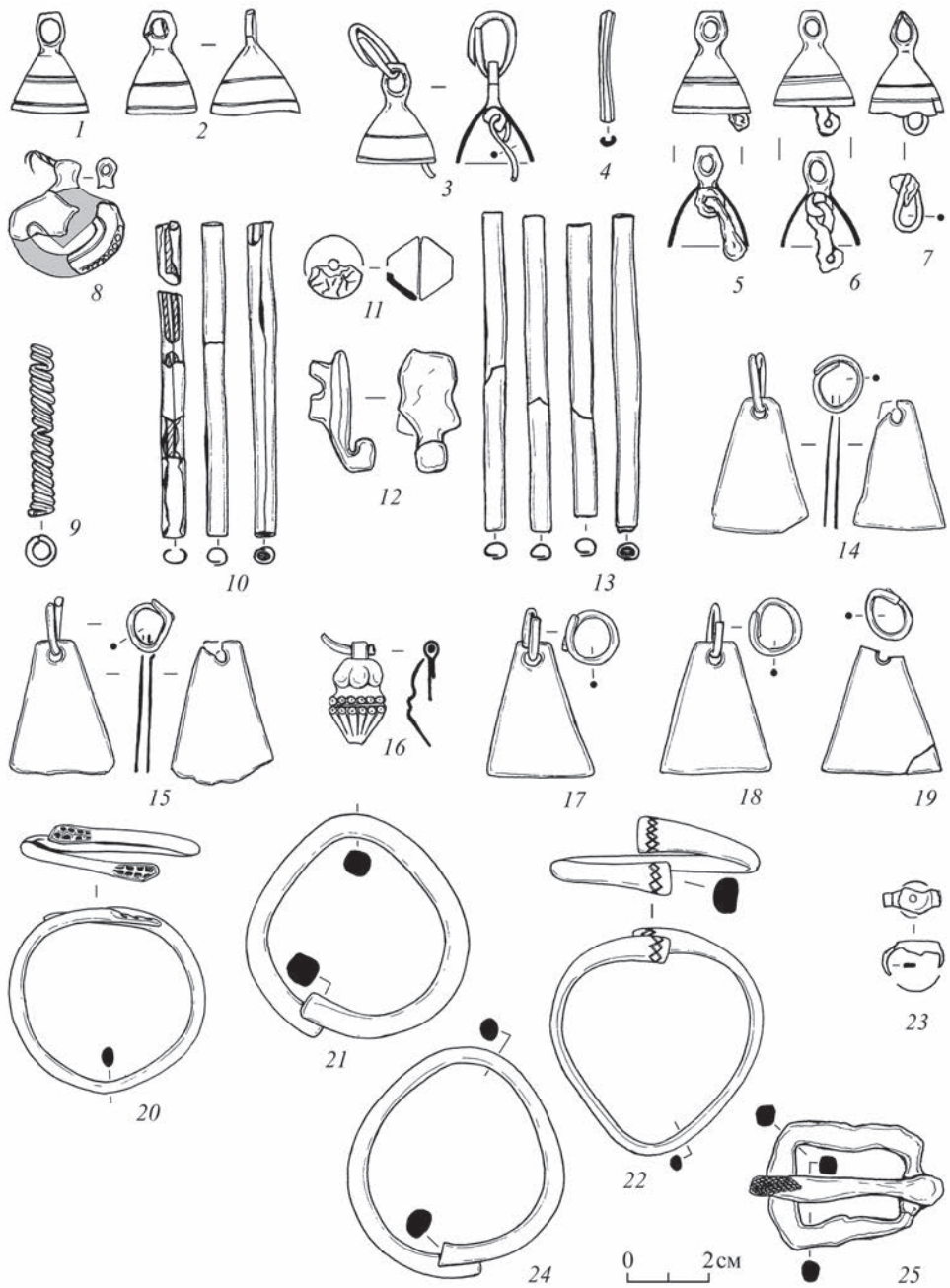
Рис. 3. Могильник у с. Лучистое. Находки из могилы 152а (фото автора)

1, 7 – трубочки-пронизы; 2, 8 – пальчатые фибулы днепровского круга типа I; 3–6 – трапециевидные пластинчатые подвески

с заходящими друг за друга концами (рис. 4, 3). Внутри четырех колокольчиков сохранились язычки, выполненные из железной (рис. 4, 5, 6) или бронзовой проволоки (рис. 4, 3, 7). Колокольчики этого типа бытовали в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в., в Керчи они выявлены в детских захоронениях из плитовых могил VII в. (Хайрединова, 2013. С. 295). Аналогичные по форме и декору колокольчики известны в женских погребениях VI–VII вв. у гепидов, лангобардов и меровингов, в византийских крепостях в Подунавье (Uense, 1992. S. 197, 198) и распространены среди вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (Корзухина, 1996; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 12). Они также широко представлены на византийских памятниках Малой Азии, в слоях VI–VII вв. (Waldbaum, 1983. P. 43. Pl. 8, 92, 100; Ferrazzoli, 2012. Pl. 2, 21).

Вместе с колокольчиками в области пояса погребенного в могиле 152а ребенка лежали семь бусин (рис. 5, 4): одна сферическая из желтого прозрачного стекла (диаметр – 1,4 см); одна сферическая из зеленого прозрачного стекла с мелкими пятнышками красного, голубого и белого глухого стекла (диаметр – 1,5 см); две 14-гранные из синего полупрозрачного стекла с четырьмя глазками из красного, белого и синего стекла (длина – 1,1 см); три бочковидные мозаичные, ядро которых сварено из 4 чередующихся заготовок – синих с бело-красным глазком или зеленых с желтым четырехлистником (длина – 1,0, 1,1 и 1,3 см). Описанные полихромные бусины бытовали в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. В Крым они поступали из Восточного Средиземноморья, где исследователи локализуют центры их производства (Мастыкова, 1996. С. 46).

Пронизы-трубочки скручены из тонкой бронзовой пластины (длина – 7,2–7,9 см, диаметр – 0,5 см; рис. 3, 1, 7; 4, 10, 13). Внутри нескольких экземпляров сохранились остатки крученой нити или кожаного шнура (рис. 4, 4, 10). Трапециевидные подвески, размерами 2,2 × 3,2 – 3,0 × 3,5 см, вырезаны из бронзовой пластины, в верхней части пробито круглое отверстие. У трех подвесок в отверстие вставлено по колечку диаметром 1,3–1,4 см из круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами. Четыре других подвески скреплены колечками попарно (рис. 3, 3–6; 4, 14, 15). Трубочки вместе с пластинчатыми подвесками образовывали шумящее украшение, соединенное кожаным шнурком или толстой нитью (рис. 5, 5, 6). В Лучистом идентичные изделия найдены еще в 11 погребениях второй половины VI – VII в., из которых 8 – детские. Составные шумящие подвески характерны для круга «древностей антов» (Корзухина, 1996; Щеглова, 1999. С. 301, 302). Украшения из пронизей-трубочек и пластинчатых трапециевидных подвесок известны в аварских могильниках, в погребениях раннеаварского периода (Kiss, 1977. P. 41, 43; Pl. IX, 72; Garam, 2001. S. 45, 46). По мнению О. А. Щегловой, составные шумящие подвески использовались в качестве наконечников (Щеглова, 1999. С. 301, 302). В Лучистом в большинстве случаев подвески найдены *in situ* рядом с фибулами – большими двупластинчатыми, пальчатыми типа Арчар-Истрия и днепровскими типа I (в женских погребениях), днепровскими типов I и III (в детских захоронениях). Следы кожаного шнура и крученой нити от подвесок сохранились на пружинном механизме многих фибул. По расположению подвесок в могиле 152а также видно, что они относились к украшениям фибул (рис. 2, 8, 10). В двух захоронениях младенцев из склепов 38 и 238 фибулы отсутствовали, а детали подвесок

**Рис. 5. Могильник у с. Лучистое. Могила 152а.
Реконструкция нагрудного украшения (1, 3–6) и ожерелья (2)
(реконструкция, фото и рисунок автора)**

Рис. 4. Могильник у с. Лучистое. Находки из могилы 152а

1–3, 5–7 – колокольчики; 4 – фрагмент кожного шнура; 8 – лунница; 9 – пронизь; 10, 13 – пронизи-трубочки; 11 – полая биконическая бусина; 12 – застежка-крючок; 14, 15, 17–19 – пластинчатые подвески; 16 – серьга; 20–22, 24 – браслеты; 23 – перстень; 25 – пряжка (рисунок автора)

1–3, 5–7, 9, 10, 13–24 – бронза; 8, 11 – белый металл; 12, 25 – железо

лежали в области шеи или в верхней части грудной клетки. Однако, учитывая возраст погребенных, в этих случаях говорить о наконечниках также нет оснований. Скорее всего, составные шумящие подвески женщины и дети привязывали к фибулам, младенцам их прикрепляли к одежде в области шеи или груди.

Железная трапецевидная поясная пряжка изготовлена из прямоугольного в сечении стержня (длина – 4,2 см; ширина – 3,4 см; рис. 4, 25). На поверхности язычка сохранился отпечаток ткани полотняного переплетения. Железные пряжки подобной формы появились в Крыму в начале VII в. и бытовали вплоть до IX в. (Хайрединова, 2013. С. 287).

Четыре бронзовых браслета сделаны из овального в сечении стержня и различаются формой концов. У пары браслетов гладкие концы чуть утолщены (размеры – 5,4 × 5,6 и 5,5 × 5,6 см; рис. 4, 21, 24). Третий браслет – с сильно утолщенными концами, украшенными врезным декором из пересекающихся косых линий (размеры – 5,3 × 5,6 см; рис. 4, 22), четвертый – с концами, расплюснутыми штампом с рельефным орнаментом «елочкой» (размеры – 4,6 × 4,8 см; рис. 4, 20). Браслеты с орнаментом в виде «елочки» пользовались популярностью в Юго-Западном Крыму на протяжении всего VII в. (Хайрединова, 2000. С. 104), в Керчи они найдены в одновременном погребении из плитовой могилы на участке городского некрополя в Босфорском переулке (Хайрединова, 2013. Рис. 10, 12). Подобные браслеты распространены среди вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (Корзухина, 1996). Бронзовый *перстень* вырезан из тонкой пластины с расширяющейся центральной частью, на которой сохранился след припоя от рассыпавшегося щитка (диаметр – 1,6 см; рис. 2, 18).

Датировка погребения

Большинство находок из могилы 152а датируются широко: колокольчики и составные шумящие украшения – второй половиной VI – VII в.; пальчатые фибулы типа I и браслеты с декором в виде «елочки» – VII в.; железные трапецевидные пряжки – VII–IX вв. При этом наборы бус, включающие несколько сотен черных стеклянных бисерин и небольшие уплощенные янтарные бусины, не известны в Юго-Западном Крыму позже середины VII в. (Khairédinova, 2007. P. 23). Лунницы из свинца или олова, помимо могилы 152а, в Лучистом найдены только в комплексе конца VI – первой четверти VII в., а серьги со штампованной подвеской – в погребениях первой половины VII в. Таким образом, время совершения захоронения в могиле 152а можно ограничить первой половиной VII в.

Реконструкция детского убора

В эпоху раннего средневековья жители Юго-Западного Крыма зачастую хоронили умерших в праздничной одежде вместе с различными аксессуарами и украшениями. Зафиксированное *in situ* расположение вещей в могиле 152а позволяет реконструировать погребальный убор девочки и вместе с тем дает представление о детском парадном прижизненном костюме. Платье девочки опоясывалось

узким ремешком с железной трапецевидной пряжкой. Судя по расположению пряжки, ремешок застегивался справа налево – так же, как и пояса взрослых (Хайрединова, 2000. С. 94; 2013. С. 290). Слева к ремешку были подвешены деревянные ножны с небольшим (12,4 см) железным однолезвийным ножом с прямой спинкой и деревянной рукоятью, служившим для разрезания пищи. По существу, это был столовый прибор, единственный для той эпохи.

Девочка носила украшения: одну серьгу в правом ухе, ожерелье на шее, четыре браслета – по два разных – на каждой руке и перстень на правой руке (рис. 2, II). В эпоху раннего средневековья жительницы Крыма часто в качестве украшения использовали только одну серьгу (Хайрединова, 2013. С. 292; 2015. С. 104, 105). При этом одиночные серьги в равной степени характерны как для женского, так и для девичьего костюма. Присутствие нескольких браслетов в сочетании с перстнем на правой руке отмечено в нескольких детских погребениях VII в. из могильника у с. Лучистое. На внутренней стороне публикуемых браслетов отпечатались истлевшая ткань рукавов платья. Видимо, браслеты плотно обхватывали у запястья собранный в складки длинный рукав платья. Ожерелье из могилы 152а, набранное из черного стеклянного бисера, янтарных и металлических бусин, имело длину около 40 см. Удалось зафиксировать в нем порядок бус (рис. 2, 2; 5, 2). Основу ожерелья составляли две параллельные нити черного сферического бисера, которые объединялись через каждые 1,5 см янтарными уплощенными или металлическими биконическими бусинами. В центре располагались металлические бусины – две биконические и фигурная.

Поверх платья девочка носила накидку, край которой фиксировался у левой ключицы железным крючком (рис. 4, 12). На груди накидка пристегивалась к платью двумя пальчатыми фибулами днепровского круга, отличающимися размером и декором. Фибулы, размещенные головкой вниз, соединялись толстой крученой нитью, на которую были нанизаны бусы, чередующиеся с колокольчиками и подвеской-лунницей (рис. 5, 4). Около левой фибулы низка завершалась спиралевидной пронизью. Концы нити привязывались к пружинам фибул. Ее остатки сохранились внутри спиралевидной пронизи, в петельках для подвешивания колокольчиков и лунницы (рис. 4, 2, 8). Ожерелья, соединяющие фибулы, характерны для женского и детского костюма втор. половины VI – VII в. Юго-Западного Крыма. Обычно в них использовались крупные бусины из полихромного стекла и природных материалов, редко встречающиеся в ожерельях, носившихся на шее. По этнографическим данным, такие бусины наделялись оберегающими свойствами от различных бед и болезней, а также от «сглаза» (Иерусалимская, 2012. С. 318, 319).

В фибульных ожерельях часто присутствуют колокольчики. С античного времени колокольчики известны в качестве амулетов. Звон металла, особенно бронзы, считался «отвращением от скверны» (Кагаров, 1913. С. 83). Об апотропейных свойствах колокольчиков свидетельствуют выгравированные на них фразы. В Риме найден колокольчик с греческой надписью «Я защищаю от дурного глаза» (Russell, 1995. Р. 42, 43). В древности колокольчики пришивали или подвешивали на цепочке к одежде, использовали в качестве детских игрушек. На рельефах римского времени из Пальмиры встречаются изображения женщин, руки которых украшены браслетами с прикрепленным колокольчиком. В одной

из гомилий Иоанн Златоуст (IV в.) сетует на то, что сразу после рождения ребенка к его руке привязывали амулеты и колокольчики (*Барабанов*, 2002. С. 218). На византийских колокольчиках прочерчивались кресты и Трисагион – стандартная формула против злого духа, характерная для раннесредневековых христианских амулетов (*Хайрединова*, 2014. С. 166, 167). В раннесредневековое время в Юго-Западном Крыму колокольчики носили женщины и дети. В женском костюме колокольчики использовались по одному или набором из двух – пяти штук, в нагрудных ожерельях, подвешиваемых к фибулам. Дети носили колокольчики по-разному: в ожерельях на шею и на фибулах, на цепях, соединявших фибулы, на запястьях – привязанными к браслету, и даже на обуви – укрепленными на ремешке. В детских погребениях часто встречаются наборы из 6–9 колокольчиков.

Помимо низки бус с колокольчиками к каждой фибуле из могилы 152а были привязаны шумящие подвески из пронизей-трубочек с трапезиевидными пластинами на завершении (рис. 5, 5, 6). Крепившаяся к правой фибуле подвеска включала три трубочки, скрепленные нитью; конструкция у левой фибулы – четыре трубочки, соединенные кожаным шнурком. Разное число трубочек отмечено почти во всех парных шумящих подвесках, найденных в Лучистом.

Низка бус и колокольчиков, соединявшая фибулы, и свисавшие составные подвески образовывали единое нагрудное украшение. Наряду с декоративными функциями оно наделялось защитными свойствами, выполняя роль своеобразного амулета. При хождении эта сложная конструкция должна была производить много шума, «отгоняя» тем самым злых духов от ребенка.

Заключение

Набор вещей, зафиксированный в могиле 152а, не уникален. В могильнике у с. Лучистое выявлено почти два десятка детских погребений VII в. с фибулами и украшениями круга «древностей антов». Обилие находок этого типа позволило некоторым исследователям говорить даже о переселении в Крым населения из Поднепровья (*Приходнюк*, 2005. С. 76, 77). Для интерпретации места и роли «днепровских» вещей в материальной культуре населения Юго-Западного Крыма следует учитывать контекст находок. Большинство названных детских захоронений выявлено в склепах – семейных усыпальницах, использовавшихся на протяжении столетий. Три погребения зачищено в грунтовых могилах, расположенных над камерами склепов. И в склепах, и в могилах дети захоронены в соответствии с местным погребальным обрядом – вытянуто на спине, головой на северо-запад; а в склепах еще и рядом с женскими погребениями, содержащими металлические аксессуары, характерные для традиционного костюма крымских готов.

Детский костюм, реконструируемый по находкам из указанных захоронений, состоял из тех же элементов, что и женский костюм крымских готов второй половины VI – VII в.: пояса, накидки с парой фибул и украшений – серег, ожерелий, браслетов, перстней. Способ ношения фибул – на плечах, головкой вниз, с подвешенными шумящими элементами и соединенными между собой специальным ожерельем – также характерны для местного женского костюма. При этом типологический состав украшений и металлических аксессуаров

в костюме разных возрастных групп отличался. Женщины носили исключительно широкие пояса с большими серебряными пряжками – с прямоугольным, ромбическим или орлиноголовым щитком, прототипами для которых послужили остготские и гепидские поясные застёжки (Хайрединова, 2000). Детское платье подвязывалось пояском без застёжки или узким ремнем с небольшой железной или бронзовой пряжкой (чаще всего – типа «Сиракузы»). Такие же поясные застёжки использовались и в мужском костюме, причем не только в Крыму, но и на широкой территории от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа (Хайрединова, 2016. С. 242, 251, 252).

В детских погребениях отсутствуют характерные для женского костюма серебряные фибулы – большие двупластинчатые и пальчатые типов Арчар-Истрия или Удине-Планис. Накидку на плечах девочки пристегивали, в основном, небольшими бронзовыми или железными фибулами, зачастую привозными. Во второй половине VI – первой четверти VII в. это были пальчатые фибулы керченского типа или широкопластинчатые подвязные застёжки из византийских провинций Подунавья. В VII в. основным типом наплечной застёжки в детском костюме стали бронзовые пальчатые и антропозооморфные фибулы днепровского круга. Девочки часто носили по две разные фибулы, а иногда использовали по одной или по три наплечных застёжки. В пару объединялись как однотипные, но отличающиеся декором и размерами фибулы, так и совершенно разные по происхождению застёжки. Например, в одном из детских погребений первой четверти VII в. (склеп 268) на левой стороне грудной клетки лежала пальчатая фибула с концентрическими ромбами на ножке типа 2/2, а на правой – антропо-зооморфная типа I–2. Взрослые женщины носили платья с расшитой золотыми треугольными бляшками и черным бисером горловиной, а также золотые серьги с многогранником и серебряные парные браслеты с утолщенными концами, декорированными поперечными бороздками. Украшения девочек были, в основном, бронзовыми. Часто в одном детском гарнитуре встречаются разные серьги и непарные браслеты. Детский костюм изобиловал амулетами – подвесками из природных материалов и шумящими изделиями различных форм.

Во второй половине VI – VII в. женщины гото-аланского населения Юго-Западного Крыма носили своеобразный костюм, выделявший их из общей массы народов, живших на границах Восточной Римской империи. Металлические аксессуары и украшения для него делали на заказ местные ювелиры, которые, взяв за образцы форму и декоративные элементы восточногерманских изделий VI в., выработали свой стиль. Детский костюм, в отличие от женского, был лишен этого этнического своеобразия. Дети носили вещи массового производства, изготовлявшиеся или в местных мастерских, или в других ремесленных центрах. В детском костюме сочетались византийские пряжки, бусы, украшения с поступавшими из Поднепровья фибулами и подвесками, которые носили в соответствии с местной традицией.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: Таврия. С. 3–86.

- Айбабин А. И.*, 2015. О локализации области Дори // МАИЭТ. Вып. XX. Симферополь: Таврия. С. 311–332.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.*, 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I: Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина. 336 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.*, 2014. Могильник у села Лучистое. Т. II: Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь; Керчь: Майстер Книг. 400 с.
- Барабанов Н. Д.*, 2002. Византийские филактерии. Специфика арсенала // Античная древность и средние века. Вып. 33. С. 214–227.
- Винокур І. С.*, 1997. Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський: Оіум. 199 с.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. 296 с. (ПСМ; вып. 3.).
- Иерусалимская А. А.*, 2012. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб: ГЭ. 384 с.
- Кагаров Е. Г.*, 1913. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография. 326 с.
- Корзухина Г. Ф.*, 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия. С. 352–435.
- Кропоткин В. В.*, 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100. С. 108–115.
- Мастыкова А. В.*, 1996. Бусы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 42–46. (ПСМ; вып. 3.).
- Приходнюк О. М.*, 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.
- Репников Н. И.*, 1906. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. Вып. 19. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума. С. 1–80.
- Репников Н. И.*, 1907. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. Т. XXVII. Одесса: Экономическая тип. и литография. С. 101–148.
- Хайрединова Э. А.*, 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь: Таврия. С. 91–133.
- Хайрединова Э. А.*, 2007. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. XIII. Симферополь: Таврия. С. 151–182.
- Хайрединова Э. А.*, 2013. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Вып. XXVIII. Симферополь: Демера. С. 286–317.
- Хайрединова Э. А.*, 2014. Медальоны с изображением святого всадника // МАИЭТ. Вып. XIX. Симферополь: Таврия. С. 147–210.
- Хайрединова Э. А.*, 2015. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Вып. XX. Симферополь: Таврия. С. 95–132.
- Хайрединова Э. А.*, 2016. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. Вып. XXXIII. Керчь: Керченская гор. тип. С. 242–265.
- Щеглова О. А.*, 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // SP. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 287–312.
- Ferrazzoli A. F.*, 2012. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // Byzas. No. 15. P. 289–307.
- Garam É.*, 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Budapest: Kanai Nyomda. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica; 5.)
- Khairédinova E.*, 2007. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople / Eds.: A. Aibabin, Hl. Ivakin. Kiev; Simferopol'; Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies. P. 11–44.
- Kiss A.*, 1977. Avar Cemeteries in County Baranya. Budapest: Akadémiai KIADÓ. 174 p.
- Maczyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I.*, 2016. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz. 260 S. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseum; 115.)
- Russell J.*, 1995. The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period // Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Washington: Dumbarton Oaks Research Library. P. 35–50.
- Uense S.*, 1992. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 600 s. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; 43.)

Waldbaum J. C., 1983. Metalwork from Sardis. London; Cambridge: Harvard University Press Cambridge. 216 p.

Сведения об авторе

Хайрединова Эльзара Айдеровна, Институт археологии Крыма РАН, пр-т Академика Вернадского, 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия; e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

E. A. Khairedinova

THE CHILD'S GRAVE OF THE FIRST HALF OF THE 7th CENTURY BC
WITH BOW-SHAPED FIBULAS OF THE DNIEPER CULTURE TYPE
FROM THE BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE OF LUCHISTOE
IN THE SOUTHWESTERN CRIMEA

Abstract. The paper publishes data on child's grave 152a found in an early medieval section of the burial ground near the village of Luchistoe in the Southwestern Crimea. It provides description of funeral offerings, their functions, identified analogues and justifies dating. The clothes the child wore are reconstructed based on the position of the items recorded *in situ* in the grave. Using similar finds in the burial ground near Luchistoye, specific traits of children's clothes are singled out; the clothes are associated with «the Antes antiquities», and their differences from traditional female garments of the Crimean Goths are analyzed.

Keywords: Southwestern Crimea, burial ground near the village of Luchistoe, bow-shaped fibulas, child clothes.

REFERECES

- Aybabin A. I., 1990. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean cemeteries of Late Roman and early medieval time]. *MAIET*, 1, pp. 3–86.
- Aybabin A. I., 2015. O lokalizatsii oblasti Dori [On location of Dori land]. *MAIET*, 20, pp. 311–332.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2008. Mogil'nik u sela Luchistoe [Cemetery near village Luchistoe]. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina. 336 p.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2014. Mogil'nik u sela Luchistoe, II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg. [Cemetery near village Luchistoe, II. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol'; Kerch': Mayster Knig. 400 p.
- Barabanov N. D., 2002. Vizantiyskie filakterii. Spetsifika arsenala [Byzantine philakterions. Specific of armoury]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical antiquity and Middle Ages], 33, pp. 214–227.
- Ferrazzoli A. F., 2012. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste. *Byzas*, 15, pp. 289–307.
- Garam É., 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Budapest: Kanai Nyomda. 432 p. (Monumenta Avarorum Archaeologica, 5.)
- Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard in cultural-historical context]. Moscow: IA RAN. 296 p. (RSM, 3.)
- Ierusalimskaya A. A., 2012. Moshchevaya Balka: neobychnyy arkheologicheskiy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti [Moshchevaya Balka: unusual archaeological site on North Caucasian Silk road]. St. Petersburg: GE. 384 p.
- Kagarov E. G., 1913. Kul't fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii [Fetishes, plants and animals cult in Ancient Greece]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya. 326 p.

- Khairédinova E., 2007. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles). *Kiev – Cherson – Constantinople*. A. Aibabin, Hl. Ivakin, eds. Kiev; Simferopol; Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, pp. 11–44.
- Khayredinova E. A., 2000. Zhenskiy kostyum s yuzhnokrymskimi orlnogolovnymi pryazhkami [Women's costume with South Crimean eagle-head shaped buckles]. *MAIET*, VII, pp. 91–133.
- Khayredinova E. A., 2007. Rannesrednevekove kresty iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Early medieval crosses from South-western Crimea]. *MAIET*, XIII, pp. 151–182.
- Khayredinova E. A., 2013. Kostyum gorodskogo naseleniya Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolya v Bosforskom pereulke) [Costume of urban population of Bosphorus in VII–VIII cc. (based on finds from necropolis in Bosforskiy lane)]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporan studies]*, XXVIII. Simferopol': Demera, pp. 286–317.
- Khayredinova E. A., 2014. Medal'ony s izobrazheniem svyatogo vsadnika [Medallions with image of a saint rider]. *MAIET*, XIX, pp. 147–210.
- Khayredinova E. A., 2015. Ser'gi s litym nepodvizhnym mnogogrannikom iz Kryma [Earrings with cast fixed polyhedron from Crimea]. *MAIET*, XX, pp. 95–132.
- Khayredinova E. A., 2016. Pryazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi [Buckles of «Syracuse» type from Kerch']. *Bosporskie issledovaniya [Bosporan studies]*, XXXIII. Kerch': Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, pp. 242–265.
- Kiss A., 1977. Avar Cemeteries in County Baranya. Budapest: Akadémiai Kiadó. 174 p.
- Korzukhina G. F., 1996. Klady i sluchaynye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'e. Katalog pamyatnikov [Hoards and isolated finds of «Antes' antiquities» in Middle Dnieper region. Catalogues of sites]. *MAIET*, V, pp. 352–435.
- Kropotkin V. V., 1965. Mogil'nik Chufut-Kale v Krymu [Cemetery Chufut-Kale in Crimea]. *KSIA*, 100, pp. 108–115.
- Maczyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz. 260 p. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 115.)
- Mastykova A. V., 1996. Busy [Beads]. Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst [Gaponovo hoard in cultural-historical context]. Moscow: IARAN, pp. 42–46. (RSM, 3.)
- Prikhodnyuk O. M., 2005. Pastyrs'ke gorodishche [Pastyrsk fortified settlement]. Kyiv; Chernivtsi: Zelená Bukovina. 244 p.
- Repnikov N. I., 1906. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov [Some cemeteries of Crimean Goths' region]. *IAK*, 19. St. Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, pp. 1–80.
- Repnikov N. I., 1907. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov [Some cemeteries of Crimean Goths' region]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Odessa Society for history and antiquities]*, XXVII. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, pp. 101–148.
- Russell J., 1995. The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period. *Byzantine Magic*. H. Maguire, ed. Washington: Dumbarton Oaks Research Library, pp. 35–50.
- Shcheglova O. A., 1999. Zhenskiy ubor iz kladov «drevnostey antov»: got'skoe vliyanie ili got'skoe nasledie? [Women's attire from hoards with «Antes' antiquities»: Goth's influence or Goth's heritage?]. *SP*, 5, pp. 287–312.
- Uense S., 1992. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 600 p. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 43.)
- Vinokur I. S., 1997. Slov'yans'ki yuveliri Podnistrov'ya [Slavic jewelers of Dniester region]. Kam'yanets'-Podil's'kiy: Oium. 199 p.
- Waldbaum J. C., 1983. Metalwork from Sardis. London; Cambridge: Harvard University Press Cambridge. 216 p.

About the author

Khairédinova El'zara A., Institute of archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences, Vernadsky prosp., 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Е. В. Волкова, Е. В. Суханов

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ФОРМ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ

Резюме. Статья посвящена апробации возможностей метода геометрической морфометрии на примере анализа 99 целых форм сосудов из Балановского могильника балановской культуры. Предварительное изучение этих сосудов с позиций историко-культурного подхода позволило выявить особенности культурных традиций двух близкородственных групп населения (балановского и атликасинского), оставившего могильник. Возможности метода геометрической морфометрии исследовались путем описания формы сосуда с помощью, во-первых, 50 меток, нанесенных на равном расстоянии друг от друга, и, во-вторых, точек наибольшей локальной кривизны. Хотя оба способа дали сходную обобщенную информацию о формах, во втором случае она была более детальной и близкой к результатам, полученным при историко-культурном подходе. Однако без предварительного историко-культурного анализа форм применение метода геометрической морфометрии не позволяет прийти к доказательной исторической интерпретации выявленных особенностей древней керамики. Поэтому использование данного метода при анализе форм сосудов возможно только в качестве дополнительного.

Ключевые слова: формы сосудов, историко-культурный подход, метод геометрической морфометрии, Балановский могильник, балановская культура, эпоха бронзы.

Постановка проблемы. В последние несколько лет для изучения форм различных сложных объектов начал достаточно широко применяться статистический метод геометрической морфометрии. Сначала он получил распространение в биологических науках, а недавно стал использоваться также применительно к палеоантропологическим (Медникова, Тарасова, 2014) и археологическим материалам (Wilczek et al., 2014; Громов, Казарницкий, 2014; Казарницкий, Туркина, 2015; Тарасова, 2015). В связи с этим представляется целесообразным обсудить на конкретном примере возможности этого метода, пределы применимости и необходимость его использования, в частности, для анализа целых форм древних глиняных сосудов, добытых при археологических раскопках.

Источники. Источником для написания данной работы послужили целые и реставрированные сосуды из Балановского могильника балановской культуры,

хранящиеся в ГИМе и Государственном Эрмитаже¹. Одному из авторов более 20 лет назад удалось зафиксировать и подготовить для специального, но предварительного, изучения 99 форм сосудов, 80 из которых относятся к категории «горшки» и 19 – к категории «амфоры» (Волкова, 1996), а недавно пришлось вновь вернуться к этому материалу с целью его более углубленного анализа (Волкова, в печати). Изучение проводилось с позиций историко-культурного подхода к анализу древней керамики, разработанного А. А. Бобринским (1986; 1988; 1999) и развиваемого в последнее время применительно к формам глиняной посуды Ю. Б. Цетлиным (2012; 2014).

В ходе этого более углубленного анализа было выяснено, что к балановским горшкам относятся 44 формы, к атликасинским – 32; к балановским амфорам – 8, к атликасинским – 10 сосудов; культурную принадлежность 5 сосудов однозначно определить не удалось. Также были выявлены гончарные традиции в области форм сосудов и орнаментов, свойственные балановской и атликасинской группам населения, использовавшим Балановский могильник в качестве общего кладбища. Помимо этого, установлено, что, во-первых, атликасинские сосуды (и горшки и амфоры) «ниже» балановских по общей пропорциональности; во-вторых, для атликасинских горшков характерна такая функциональная часть, как «щека» и частично сформированная «шея», а у балановских – в основном нет «щеки», и «шея» находится в несформированном состоянии; в-третьих, удалось выделить смешанные балановско-атликасинские традиции на разных уровнях анализа как форм сосудов, так и орнаментов.

Таким образом, мы изначально уже располагали конкретной информацией об историко-культурном содержании данных объектов исследования, с которой могли сопоставляться результаты анализа форм сосудов, полученные с помощью метода геометрической морфометрии.

Методика. Геометрическая морфометрия представляет собой комплекс количественных и основанных на них графических методов анализа форм различных объектов (Bookstein, 1991). Она базируется на статистическом анализе координат «меток» или «точек», нанесенных на контур изучаемого объекта, а математический аппарат этого метода позволяет анализировать форму изучаемых объектов как таковую, отвлекаясь от их конкретных размерных характеристик. Это существенно отличает ее от традиционной морфометрии, где в качестве предмета анализа используются интересующие исследователя линейные параметры, в результате чего изучаются не сами формы объектов, а их размерные характеристики. Данные о координатах меток могут анализироваться с помощью различных статистических методов – метода главных компонент, дискриминантного анализа, канонического анализа и проч. Выбор определенных методов зависит от конкретных задач, стоящих перед исследователем, а также от требуемой детальности конечных результатов. В данной работе был использован метод главных компонент. Учитывая поставленную цель, связанную с попыткой выявления разных групп форм керамической посуды, применение описываемого метода представляется наиболее целесообразным. Он основан на определении

¹ Пользуясь случаем, приносим благодарность сотрудникам Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа за помощь в работе с коллекциями.

структуры взаимосвязей между переменными, в качестве которых используются какие-либо характеристики изучаемых объектов (в случае с геометрической морфометрией – координаты меток, нанесенных на контур объекта). Главные компоненты, в свою очередь, представляют собой наборы тесно коррелируемых переменных, наиболее полно описывающих разнообразие форм сравниваемых объектов.

Процедура исследования. В программе tpsDig на контуры анализируемых сосудов были нанесены метки (landmarks), каждая из которых имела координаты по осям X и Y. Полученные данные были преобразованы в TPS-файл, пригодный для компьютерного статистического анализа. Были использованы два способа нанесения точек, характеризующие как бы два этапа знаний о конкретном содержании исследуемых объектов.

Первый способ подразумевал формальное описание конфигурации усредненного контура сосуда, посредством нанесения на него 50 меток², расположенных на равном расстоянии относительно друг друга (инструмент draw background curves) (рис. 1, А).

Второй способ заключался в нанесении меток в соответствии с расположением на контуре сосуда точек наибольшей локальной кривизны (далее НЛК) и критических точек, определенных ранее для выделения разных функциональных частей форм. Необходимо напомнить, что эти точки отражают применение так называемых акцентированных усилий гончара при лепке сосуда, т. е. его конкретные навыки труда. Формы сосудов могут иметь разное количество функциональных частей: от трех (губа, тулово, основание тулова) – наиболее простые формы – до семи (губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово, основание тулова) – наиболее сложные по своей естественной структуре (Бобринский, 1988; Цетлин, 2012. С. 154–160).

Следует еще раз подчеркнуть, что для анализа форм объектов с помощью метода геометрической морфометрии необходимо строгое соблюдение правила об одинаковом числе меток на всех сравниваемых объектах. Это создавало определенные сложности при описании контуров сосудов Балановского могильника, где прослежены различные варианты естественных структур форм, начиная от четырехчастных (губа + плечо, + тулово + основание тулова) и заканчивая наиболее сложными, имеющими семь теоретически возможных функциональных частей, перечисленных выше. Кроме того, большая часть балановских сосудов имеет сложную губу, состоящую из двух частей, отмечаемых также точками НЛК, т. е. в данном случае не каждая точка НЛК определяет границы между разными функциональными частями.

Для соблюдения правила об одинаковом числе точек, описывающих контур сосуда, было решено наносить на каждую форму семь максимально возможных меток (именно 7, а не 8, поскольку основание тулова всех сосудов находится

² При выборе числа меток, посредством которых описываются формы объектов, рекомендуется использовать такое их количество, которое как минимум в два раза меньше количества анализируемых объектов. Исходя из необходимости апробации способа максимально детального описания форм, а также учитывая, что в нашем распоряжении находится 99 сосудов, выбор был остановлен на 50 метках.

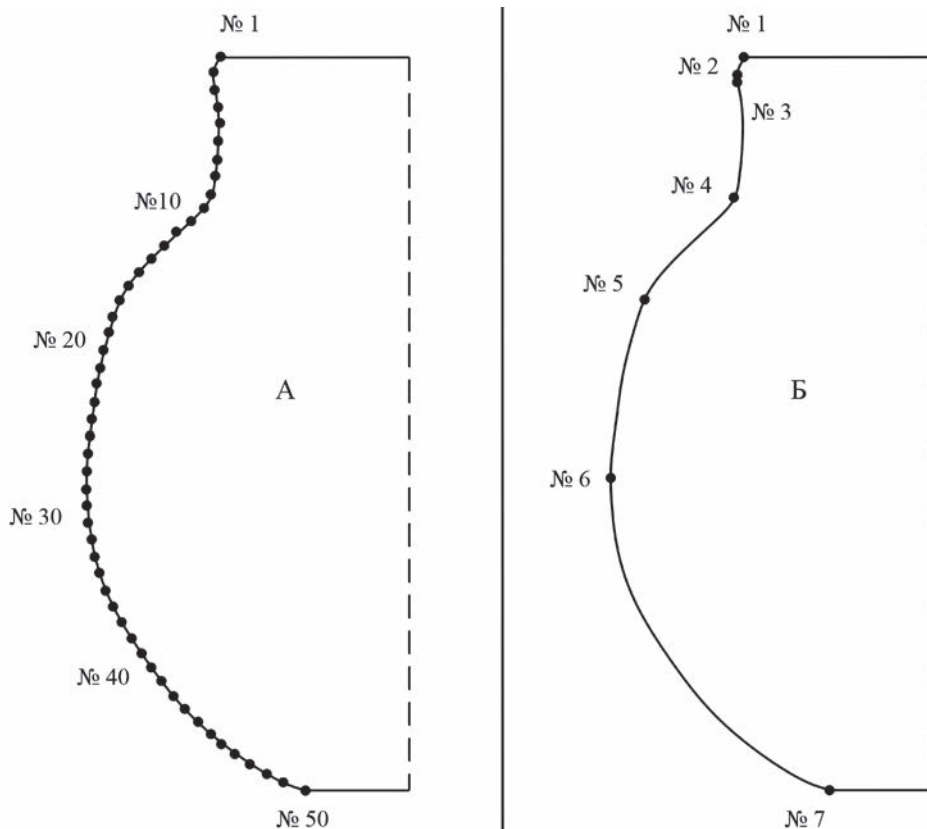

Рис. 1. Схема нанесения меток на контуры сосудов

А – первый способ; Б – второй способ

в несформированном состоянии), причем все точки, кроме метки № 2, имеют определенную и постоянную смысловую нагрузку. Метка № 2 может определять либо нижний край простой губы, либо середину сложной губы. В первом случае пространство между точками № 2 и 3 будет щекой, а во втором случае – составной частью сложной губы. Метка № 1 указывает на верхний край губы (верхнее окончание контура сосуда), метки № 3 и 4 маркируют начало и конец шеи, между метками № 4 и 5 находится плечо, между метками № 5 и 6 – предплечье, между метками № 6 и 7 – туловище сосуда. Метка № 7 маркировала нижнее окончание контура сосуда (основание туловища). В том случае, если одна или несколько функциональных частей отсутствовали в структуре формы, две метки, маркирующие их границы, ставились рядом друг с другом (рис. 1, Б).

Полученные этими двумя способами формализованные описания контура сосудов были подвергнуты анализу с помощью метода главных компонент в программе MorphoJ. Ниже рассматриваются основные результаты проведенного анализа.

Результаты анализа форм сосудов по 50 меткам, нанесенным через равное расстояние на контуре сосуда

По итогам анализа методом главных компонент (далее ГК) был получен график с двумя осями координат, характеризующий дифференциацию изученной серии сосудов в двухмерном пространстве (рис. 2). На нем прослежено два множества скоплений форм, которые хорошо отличаются по ГК 1 и практически неотличимы друг от друга по ГК 2. ГК 1 ответственна за 88,4% изменений форм в серии, она определяет сочетание координат точек, влияющих как на общую пропорциональность сосудов, так и на их очертания, в частности – на высоту и детали профилировки верхней части сосуда, степень изгиба линии плеча. Анализ состава выделенных скоплений позволяет зафиксировать в левом скоплении горшки, а в правом – амфоровидные сосуды. Таким образом, первый способ изучения форм позволил разделить изучаемую серию на две заметно различающиеся морфологические группы, представляющие собой две основные категории форм посуды Балановского могильника: шаровидные горшки с выделенной шеей и амфоровидные сосуды («амфоры») (Волкова, 1996. С. 59–61). Более детальные отличия внутри выделенных морфологических групп слабо заметны.

С целью более детального анализа, направленного на выявление балановских и атликасинских сосудов был проведен анализ методом главных компонент внутри каждой из категорий форм: горшков и «амфор».

Горшки. В результате анализа форм горшков выяснилось, что изменилась нагрузка на первые две главные компоненты. В данном случае ГК 1 и ГК 2 ответственны за изменения, связанные с высотой и очертаниями контура верхней части сосудов. ГК 1 определяет 59,4% разнообразия форм. Описываемые этой компонентой изменения фиксируют изменения геометрии контура сосудов от слабо профилированной верхней части емкости и высокой шеи к сильно профилированной верхней части емкости и низкой шее. ГК 2 (вклад 24,1%) описывает изменения линии контура сосуда от слабо профилированной верхней

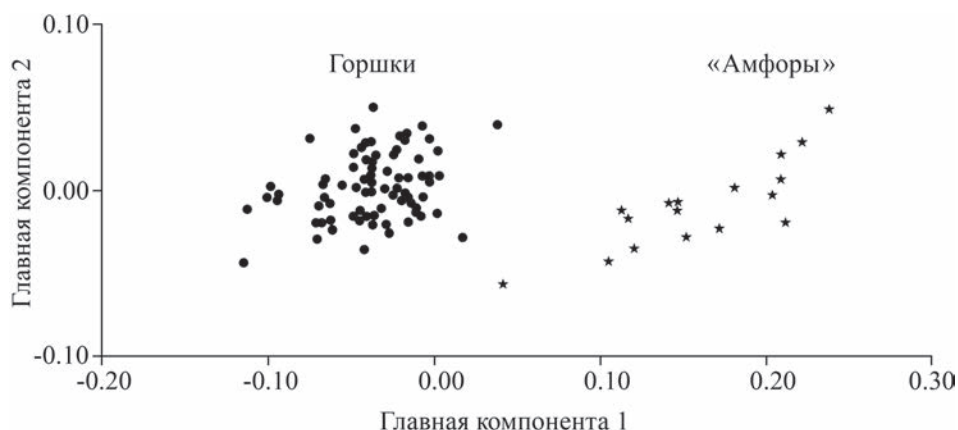

Рис. 2. Результаты анализа форм сосудов методом главных компонент (первый способ)

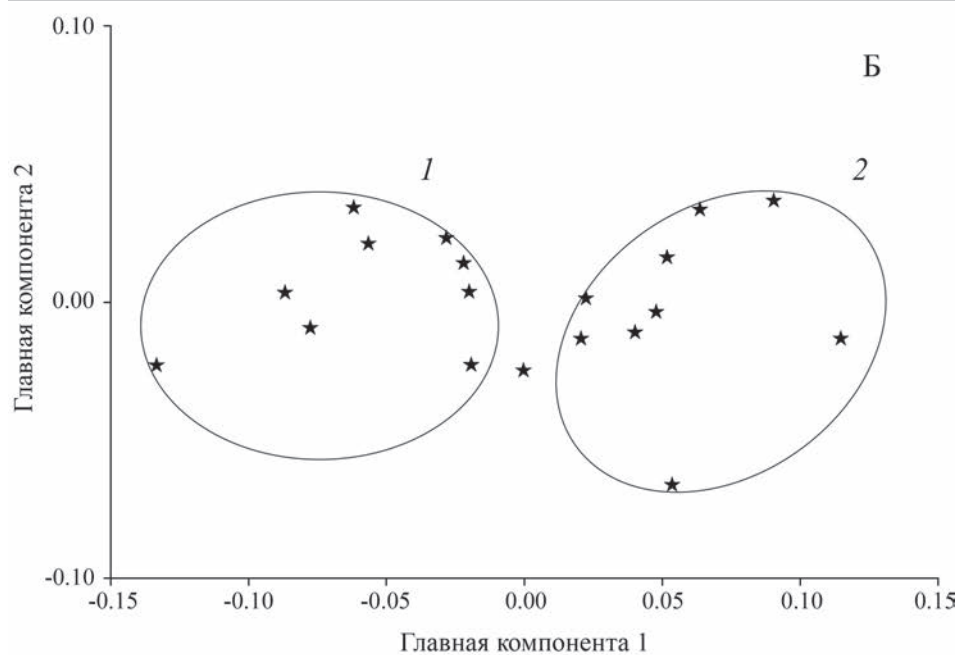
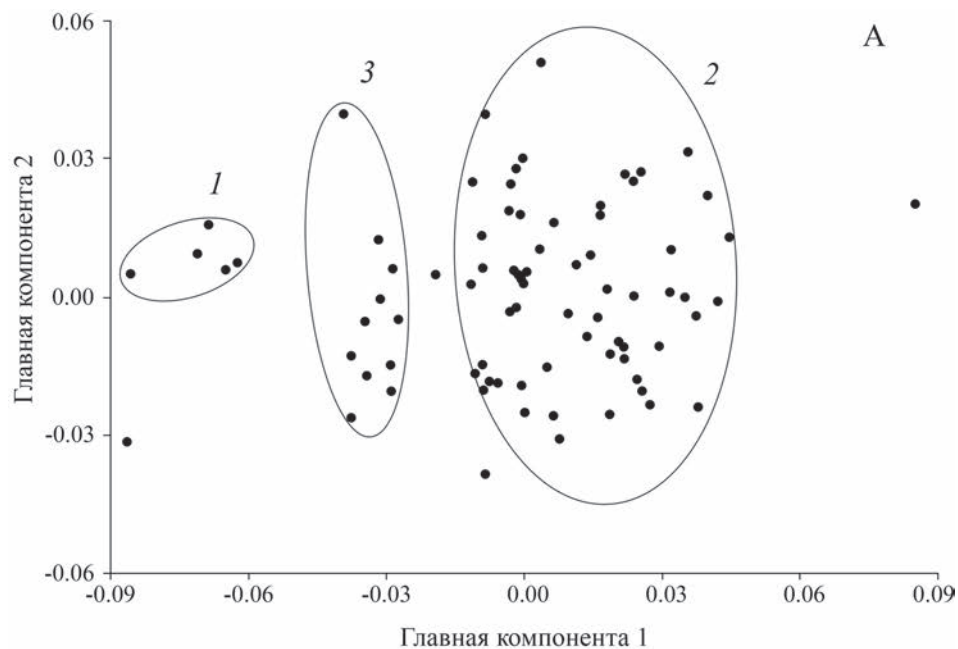

Рис. 3. Результаты анализа форм сосудов методом главных компонент внутри категорий (первый способ)

А – горшки; *Б* – амфоры

части емкости и низкой шеи к заметно профилированной верхней части емкости и высокой шее. По ГК 1 на графике более или менее уверенно выделяются три группы сосудов. В левой части графика (рис. 3, А) располагается относительно обособленная группа, состоящая из пяти сосудов (группа 1). Судя по данным ГК 1, это формы со слабо профилированной верхней частью емкости и высокой шеей. 3 сосуда из этой группы атликасинские (60 %), один – балановский (20 %) и один – неясной культурной принадлежности (20 %). В правой части графика находится подавляющее большинство точек, характеризующее весьма представительную группу из 60 горшков. Это формы с выраженной профилировкой верхней части емкости и укороченной шеей. В данную группу (группа 2) попали как балановские, так и атликасинские сосуды (балановских – 53 %, атликасинских – 42 % и неясной культурной принадлежности – 5 %). Между этими двумя группами, в средней части графика, выделяется еще одна группа (группа 3) из 10 сосудов, представляющих, вероятно, промежуточный относительно двух крайних множеств (групп 1 и 2) морфологический вариант форм. Интересно, что в этой группе преобладают балановские горшки (80 %), есть один атликасинский (10 %) и один неясной культурной принадлежности (10 %).

Амфоры. Рассмотрим результаты анализа форм внутри группы амфоровидных сосудов. ГК 1 отвечает за 81,6 % изменчивости форм в данной серии и, судя по всему, определяет различия форм по общей пропорциональности (рис. 3, Б). ГК 2 фиксирует только 12,5 % изменчивости. Легко заметить, что группировка сосудов на графике в визуально воспринимаемые множества не является однозначной. Если обозначить формальную границу между группами на уровне значения около 0,00 коэффициента ГК 1, то мы получим две группы. В состав первой из них (левая часть графика) входят 9 форм, 7 из которых балановские (78 %), одна – атликасинская (11 %) и одна – неясной культурной принадлежности. В состав второй группы (правая часть графика) входят также 9 форм, 8 из которых атликасинские (89 %) и одна – балановская.

Таким образом, анализ форм горшков позволил выделить три группы (одна преимущественно с атликасинскими сосудами, вторая – преимущественно с балановскими и третья – с балановскими и атликасинскими в равной мере), а анализ форм амфоровидных сосудов – две группы, более четко различающиеся по своей культурной принадлежности. Кроме того, подтвердилось, что атликасинские амфоры по общей пропорциональности «ниже», чем балановские.

Результаты анализа форм по точкам наибольшей локальной кривизны и критическим точкам

В данном случае анализ ведется по меткам, расставленным на контуре сосуда с учетом естественной структуры форм сосудов. По итогам анализа методом главных компонент был получен график с двумя осями координат, графически характеризующий дифференциацию изученной серии в двухмерном пространстве (рис. 4). Ось ГК 1 отражает 61 % общей изменчивости, ГК 2 – 23,9 %. ГК 1 демонстрирует различия форм по комплексу морфологических параметров,

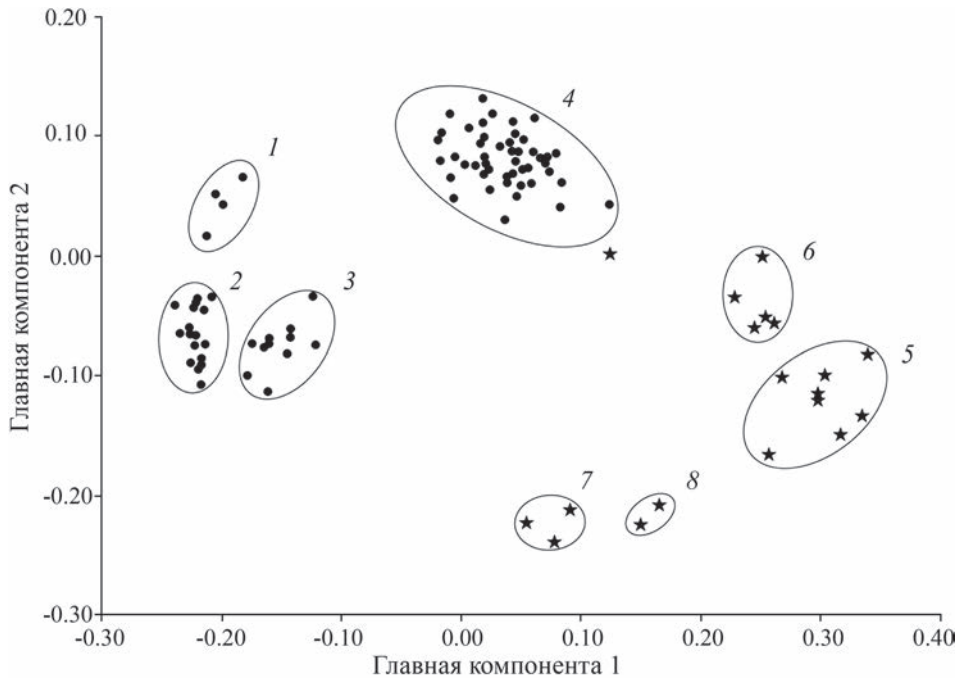

Рис. 4. Результаты анализа форм сосудов методом главных компонент (второй способ)

включающего соотношение высоты плеча и предплечья, а также общую пропорциональность сосуда в целом.

В левой части графика представлены формы высокой общей пропорциональности, в естественной структуре которых предплечье занимает большую часть, чем плечо; в правой части графика – противоположный вариант: формы низкой пропорциональности, в структуре которых предплечье занимает меньшую часть по сравнению с плечом или же предплечье отсутствует совсем. Линия изменчивости по ГК 2 в основном складывается из тех же морфологических параметров – доли плеча и предплечья в общей структуре формы, высоты шеи и общей пропорциональности сосуда, однако фактические отличия форм описываются другой комбинацией их параметров. В частности, в нижней части графика представлены формы низкой общей пропорциональности, с низкой шейей, в структуре которых хорошо выражено предплечье. По мере продвижения к верхней части графика они сменяются формами более высокой пропорциональности, с высокой шейей, в структуре которых отсутствует предплечье.

Соответственно, можно заключить, что горшки и амфоровидные сосуды отличаются друг от друга как по ГК 1, так и по ГК 2. На графике это выражено в концентрации маркеров горшков в левом верхнем углу и маркеров амфоровидных сосудов в правом нижнем углу. При этом внутри некоторых множеств хорошо заметны более мелкие локальные скопления. Так, представляется возможным выделить по четыре скопления и в группе горшков, и в группе амфоровидных сосудов.

Для удобства последующего описания и анализа каждому из скоплений мы присвоили отдельный номер от 1 до 8: № 1–4 соответствуют горшкам, а № 5–8 – амфоровидным сосудам.

В множестве горшков более близкими друг к другу оказываются группы 1, 2 и 3. Все они отличаются от группы 4 наличием у форм предплечья. В группе 1 представлены сосуды с наиболее высокой шеей и низким предплечьем. Сюда входят 4 горшка: три атликасинских (75 %) и один балановский (25 %). В группе 2 наблюдаем формы с низкой шеей и высоким предплечьем. К ней относятся 16 горшков: 13 балановских (81 %), два атликасинских (13 %) и один – неясной культурной принадлежности (6 %). В группе 3 присутствуют формы, в структуре которых появляется невысокое плечо, а по высоте шеи они практически неотличимы от форм группы 2. Сюда входят 11 горшков: 7 балановских (64 %), 3 атликасинских (43 %) и один – неясной культурной принадлежности (9 %). Группа 4 сформирована горшками, в структуре которых вместо предплечья присутствует плечо. В ней 48 горшков: 23 атликасинских (48 %), 22 балановских (46 %) и три – неясной культурной принадлежности (6 %).

У амфоровидных сосудов выделяются четыре группы: 5, 6, 7 и 8. В группах 5 и 6 (всего 13 сосудов) находятся амфоры без предплечья, а в группах 7 и 8 (всего 5 сосудов) – с предплечьем. К группе 5 относятся 8 амфор, и все они атликасинские (100 %). В составе группы 6 имеется 5 амфор, из которых 4 балановские (80 %) и одна – неясной культурной принадлежности (20 %). Группа 7 включает 3 амфоры, и все они балановские (100 %). В состав группы 8 вошли только две атликасинские амфоры (100 %). Формы группы 7 в целом более «высокие» по общей пропорциональности, чем формы группы 8.

Таким образом, горшки первой группы преимущественно атликасинские, второй и третьей – преимущественно балановские, в четвертой, наиболее представительной, группе присутствуют горшки в равной мере как балановские, так и атликасинские. Амфоры в группах 5 и 8 только атликасинские, в группе 6 – в основном балановские, а в группе 7 – только балановские.

Завершая описание технических и процессуальных аспектов исследования форм с помощью метода геометрической морфометрии, резюмируем основные полученные данные.

Анализ форм сосудов первым способом, связанным с описанием очертаний контура 50 точками, позволил выделить две группы форм. Нужно, однако, заметить, что различия между ними были вполне очевидны даже без применения специальных математических процедур. Более детальная характеристика разнообразия форм оказалась возможна лишь путем дополнительного анализа сосудов внутри каждой из выделенных групп: шаровидных горшков с выделенным горлом и амфоровидных сосудов. По формальной концентрации точек на графике горшковидные сосуды могут быть разделены на три группы, одна из которых – атликасинская, другая – балановская, а третья содержит в равной мере и балановские, и атликасинские сосуды. У амфоровидных сосудов выделились две группы: атликасинская и балановская. Объективные культурные особенности изучаемых форм в полной мере проследить не удалось.

Более детальную картину продемонстрировали результаты анализа форм сосудов по точкам НЛК и ТК, отражающим их естественную структуру. У горшков

выделились 4 группы (одна преимущественно атликасинская, две преимущественно балановские и одна в равной степени балановская и атликасинская), у амфор также 4 группы (две атликасинские и две балановские). Эти группы характеризуются различием форм по их естественной структуре и общей пропорциональности сосудов.

Особое значение имеет вопрос о сопоставимости результатов, полученных путем применения двух принципиально разных способов описания очертаний контура сосудов. Для его решения выделенные разными способами анализа группы форм были сопоставлены между собой. Оказалось, что две группы горшков, выделившиеся по 50 точкам и точкам НЛК, по составу форм почти полностью совпадают – это группы 1 и 3 (по 50 точкам) и 2 (по точкам НЛК). Группы 3 и 4 горшковидных сосудов, выделенные путем анализа по точкам НЛК, при первом способе изучения форм образовали нерасчлененную группу 2. Выше мы уже отмечали, что группа 3 отличается от группы 4 присутствием в составе естественной структуры небольшого по высоте плеча. Соответственно, при анализе по точкам НЛК эти два множества форм продемонстрировали дискретность. Компонентный анализ форм, описанных 50 точками, этих особенностей выявить не позволил.

Близкой к вышеописанной оказалась ситуация внутри группы амфоровидных сосудов. Состав группы 2, выделившейся по 50 точкам, оказался почти идентичным группе 5, полученной по точкам НЛК. Но при этом в состав группы 1, выделенной первым способом (по 50 точкам), примерно в равном соотношении вошли формы, оказавшиеся в разных множествах при анализе по точкам НЛК (группы 6, 7 и 8).

Выводы

Проведенный сравнительный анализ результатов, полученных при изучении форм сосудов Балановского могильника методами историко-культурного подхода и двумя способами метода геометрической морфометрии, позволил прийти к следующим выводам.

1. В результате применения для анализа форм археологических сосудов метода геометрической морфометрии с разной степенью формализации контура (полной формализации при его описании 50 метками и частичной формализации при использовании для этого точек НЛК, характеризующих особенности естественной структуры форм) были получены хотя и близкие, но не полностью тождественные друг другу данные. Обоими способами удалось выделить балановские и атликасинские амфоры и частично балановские и атликасинские горшки. Второй способ (по точкам НЛК) дал более дробное деление внутри групп балановских и атликасинских сосудов, что, впрочем, и ожидалось.

2. Конкретизируя этот общий вывод, мы можем заключить, что в результате применения первого способа подтвердилась, во-первых, более низкая общая пропорциональность амфоровидных сосудов по сравнению с горшковидными; во-вторых, более высокая общая пропорциональность балановских «амфор», чем атликасинских. Применение второго способа анализа приводит к тем же

выводам, что и первого, но позволяет заметить, что отдельная группа атликасинских горшков имеет более высокую шею.

Что же показывают полученные с помощью метода геометрической морфометрии результаты по сравнению с теми, что дало применение к этим объектам методов историко-культурного подхода изучения форм глиняной посуды?

Напомним, что ранее методами историко-культурного подхода к анализу форм сосудов было установлено, что атликасинские сосуды (и горшки и амфоры) «ниже» балановских по общей пропорциональности, что для атликасинских горшков характерна такая функциональная часть, как «щека» и частично сформированная «шея», что часть сосудов характеризуется смешанными балановско-атликасинскими традициями на разных уровнях анализа их форм. Оставляем в стороне полученные данные о смешанных традициях в области орнаментации этих двух групп населения, т. к. в данной статье они не являются предметом изучения.

Итак, при историко-культурном подходе к изучению форм сосудов сначала выявляются навыки труда древних гончаров по приданию глиняным сосудам определенных очертаний, наиболее устойчивые из этих навыков характеризуют культурные традиции как гончаров, так и потребителей сосудов в конкретных группах древнего населения, которые закономерным образом изменяются и развиваются в ходе процессов культурного смешения носителей разных традиций. Эти процессы мы и улавливаем, изучая культурные традиции и их изменения.

Применение же метода геометрической морфометрии в обоих случаях, во-первых, дало аналогичную, но все-таки более обобщенную информацию о группах форм; во-вторых, позволило выделить некие множества форм сосудов по формальному сходству их контуров. В некоторых случаях полученные множества совпали с ранее выделенными двумя группами сосудов разной культурной принадлежности. Однако в случае отсутствия в нашем распоряжении этих данных вряд ли оказалось бы возможным обеспечить полученные с помощью метода геометрической морфометрии множества достоверным историко-культурным объяснением. Изложенные результаты указывают на допустимость применения геометрической морфометрии при анализе форм сосудов лишь как дополнительного, но не основного метода исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 137–157.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 5–21.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 181–198.
- Волкова Е. В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука. 123 с.
- Волкова Е. В. Морфология сосудов Балановского могильника. ГИМ. (В печати.)
- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред.: А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 140–142.

- Казарницкий А. А., Туркина И. С., 2015. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии // КСИА. Вып. 238. С. 277–287.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А., 2014. Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 338–352.
- Тарасова А. А., 2015. Геометрическая морфометрия как метод сравнительного количественного анализа формы археологических объектов // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы III Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 196–198.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 380 с.
- Цетлин Ю. Б., 2014. Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. Вып. 236. С. 374–378.
- Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.
- Wilczek J., Monna F., Barral P., Burlet L., Chateau C., Navarro N., 2014. Morphometrics of Second Iron Age ceramics – strengths, weaknesses, and comparison with traditional typology // JAS. Vol. 50. P. 39–50.

Сведения об авторах

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volk_h@mail.ru;

Суханов Евгений Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sukhانov_ev@mail.ru

E. V. Volkova, E. V. Sukhanov

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS IN APPLYING
THE GEOMETRIC MORPHOMETRICS METHOD
FOR ANALYSIS OF THE CLAY POT SHAPE

Abstract. The paper focuses on testing possibilities of the geometric morphometrics method taking the analysis of the shape of 99 intact pots from the Balanovo burial ground attributed to the Balanovo archaeological culture as an example. A preliminary examination of these pots from the positions of the historical and cultural approach provided an opportunity to identify distinctive features of cultural traditions associated with two closely related population groups (the Balanovo and the Atlikasy groups), which left behind this burial ground. The possibilities of the geometric morphometrics method were studied by describing the shape of the pots with the help of, first, 50 marks made equally apart; and, second, the points where the local curvature was maximum. Whereas both methods produced similar general information on the shapes, it was more detailed and close to the results obtained with the use of the historical and cultural approach in the second case. However, without preliminary historical and cultural analysis of the shape, the employment of the geometric morphometrics method does not result in evidence-based historical interpretation of the identified features of the earliest ceramics. For this reason, the method can be applied for analysis of pot shapes only as a secondary method.

Keywords: pot shapes, historical and cultural approach, geometric morphometrics method, Balanovo burial ground, Balanovo archaeological culture, Bronze Age.

REFERECES

- Bobrinskiy A. A., 1986. O metodike izucheniya form glinyanoy posudy iz arkhеologicheskikh raskopok [On methodics of studies of shapes of clay pottery from archaeological excavations]. *Kul'tury Vostochnoy Evropy I tysyacheletiya* [Cultures of Eastern Europe of I millennium]. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 137–157.
- Bobrinskiy A. A., 1988. Funktsional'nye chasti v sostave emkostey glinyanoy posudy [Functional parts in structure of clay pottery volume]. *Problemy izucheniya arkhеologicheskoy keramiki* [Problems of research of archaeological ceramics]. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 5–21.
- Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historic-cultural studies]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical problems of research of ancient pottery-making]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 181–198.
- Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.
- Gromov A. V., Kazarnitskiy A. A., 2014. Primenenie metodov geometricheskoy morfometrii pri izuchenii form keramicheskoy posudy [Application of methods of geometric morphometry for investigation of shapes of ceramic ware]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s"ezda v Kazani* [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan'], IV. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 140–142.
- Kazarnitskiy A. A., Turkina I. S., 2015. Forma mogil'noy yamy i polozhenie skeleta: opyt analiza izmenchivosti metodami geometricheskoy morfometrii [Burial pit shape and skeleton positions: experiment to analyse the variability of geometric morphometry]. *KSIA*, 238, pp. 277–287.
- Mednikova M. B., Tarasova A. A., 2014. Opyt primeneniya metoda geometricheskoy morfometrii v opredelenii stepeni skhodstva i biologicheskogo rodstva pogrebennykh v Pepkinskom kurgane epokhi sredney bronzy [A case study of applying the method of geometric morphometry for determination of similarity and biological relationship of the buried in the Middle Bronze Age Pepkino burial-mound]. *KSIA*, 234, pp. 338–352.
- Tarasova A. A., 2015. Geometricheskaya morfometriya kak metod sravnitel'nogo kolichestvennogo analiza formy arkhеologicheskikh ob'ektov [Geometric morphometry as method of comparative quantitative analysis of shapes of archaeological objects]. *Novye materialy i metody arkhеologicheskogo issledovaniya: materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: Transactions of III International conference of young scientists]. Moscow: IA RAN, pp. 196–198.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of historic-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 380 p.
- Tsetlin Yu. B., 2014. Formy sosudov kak ob'ekt analiza i istochnik istoricheskoy informatsii [Vessels' shapes as an object of analysis and source of historical information]. *KSIA*, 236, pp. 374–378.
- Volkova E. V. Morfologiya sosudov Balanovskogo mogil'nika [Morphology of vessels from Balanovo cemetery]. GIM. (In print.)
- Volkova E. V., 1996. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery-making of Fat'yanovo tribes]. Moscow: Nauka. 123 p.
- Wilczek J., Monna F., Barral P., Burlet L., Chateau C., Navarro N., 2014. Morphometrics of Second Iron Age ceramics – strengths, weaknesses, and comparison with traditional typology. *JAS*, 50, pp. 39–50.

About the authors

Volkova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru;

Sukhanov Evgeniy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sukhhanov_ev@mail.ru

М. Е. Клемешова

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ И НЕКРОПОЛЯ ВЕСТНИК-1 ИЗ РАСКОПОК 2010–2012 гг. (ПО ДАННЫМ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Резюме. В статье излагаются результаты исследования исходного пластичного сырья и формовочных масс лепной керамики кон. VI – нач. III в. до н. э. поселения Вестник-1 методами технико-технологического анализа, разработанного А. А. Бобринским. Выделяются группы керамики, изготовленные в различных культурно-исторических гончарных традициях. Определяется традиция изготовления керамики, предположительно принадлежащая местному населению.

Ключевые слова: поселение Вестник-1, VI–III вв. до н. э., меотская лепная керамика, технико-технологический анализ.

В данной работе излагаются некоторые результаты исследования лепной керамики античного времени, обнаруженной при раскопках поселения и некрополя Вестник-1, расположенных у хутора Вестник, близ г. Анапа Краснодарского края. Исследования памятника проводились в 2010–2012 гг. Восточно-Боспорской экспедицией Института археологии РАН под руководством к. и. н. Н. И. Сударева.

Время существования поселения – середина VI – начало III в. до н. э. На нем были исследованы два участка общей площадью 1130 кв. м, на которых обнаружены фундаменты двух каменных зданий греческой постройки (Чевелев и др., 2011. С. 405–407; Чевелев, Сударев, 2012; Сударев, 2013). Одно было предположительно интерпретировано как святилище богинь Деметры и Коры-Персефоны. Рассматриваемая керамика происходит из раскопок поселения, а также находящегося к югу от него грунтового некрополя, на котором было вскрыто 7 погребений. Два лепных сосуда (миска и горшок, рис. 1, 2; 2, 13), включенные в данное исследование, были обнаружены в одном из них (погр. 1, 2010 г.), датированном вт. четв. V в. до н. э. В остальных погребениях лепная керамика отсутствовала.

Полученные материалы исследованы методами технико-технологического анализа, разработанного А. А. Бобринским для получения информации о куль-

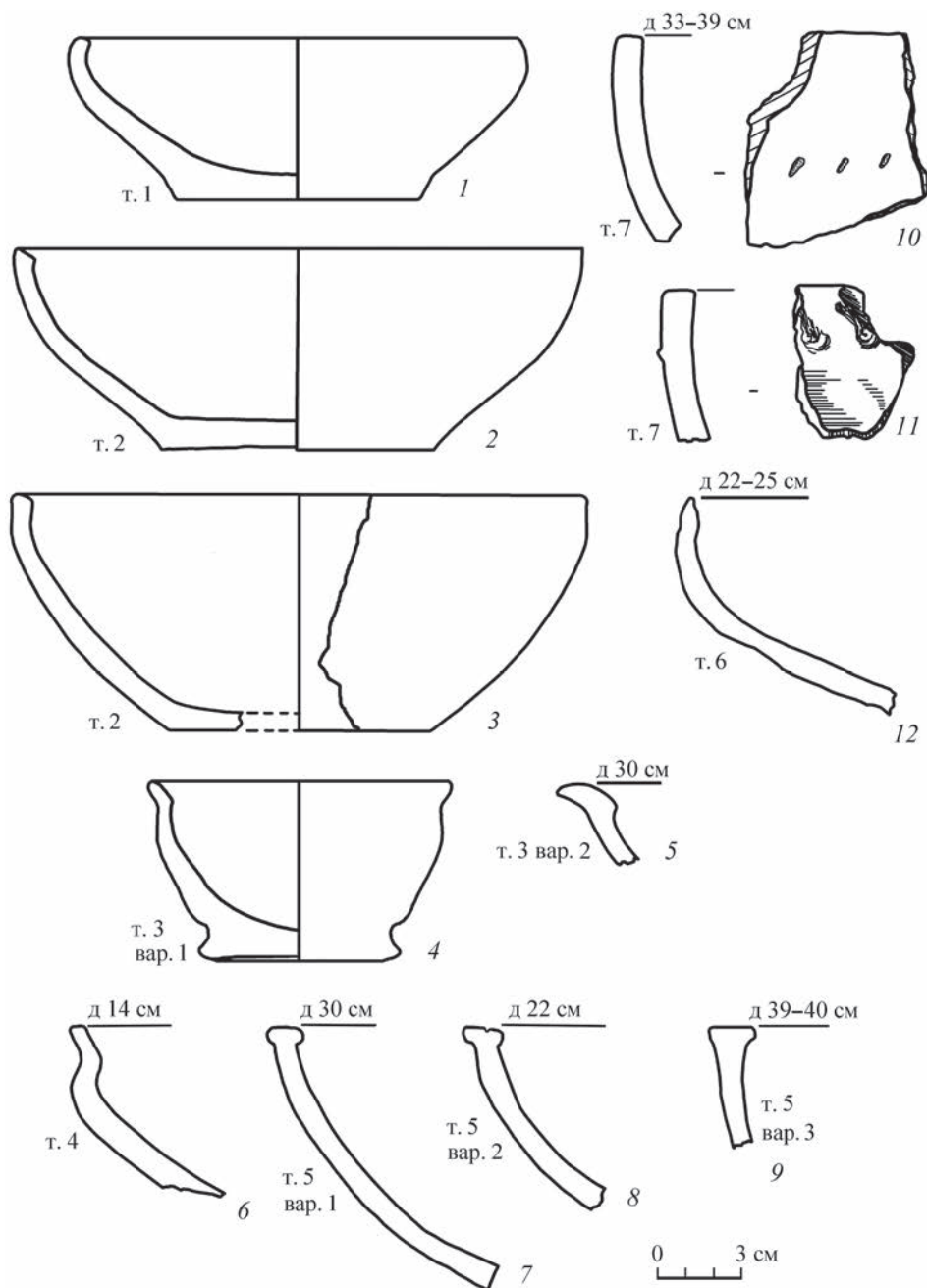

Рис. 1. Поселение и некрополь Вестник-1. Лепные миски

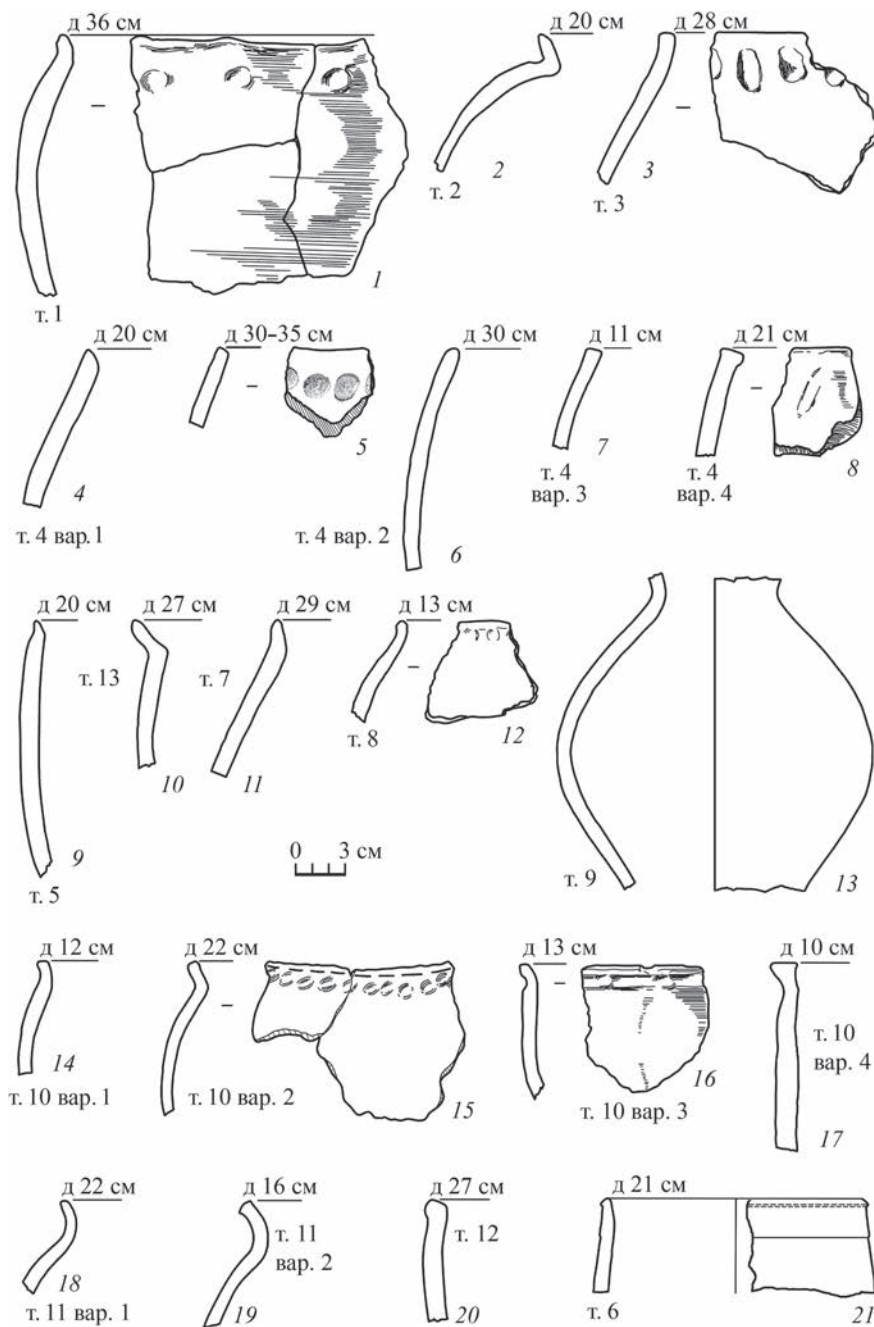

Рис. 2. Поселение и некрополь Вестник-1. Лепные горшки

турных традициях производства керамики у различных групп древнего населения (*Бобринский*, 1978; 1999). Были получены данные об отборе и подготовке исходного пластичного сырья и составлении формовочных масс. Эти методы впервые применяются при изучении керамического материала античного времени. Исследование образцов керамики проводилось по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10. Изучение исходного пластичного сырья включало в себя определение его вида, степени ожелезненности глины и ее пластичности, состава и количества естественных минеральных и органических примесей. Ожелезненность глины определялась по цвету черепка путем сравнения небольших кусочков исследуемой керамики, нагретых в муфельной печи в окислительной среде до 850 °С, с эталонными образцами глины различной степени ожелезненности, обожженными при той же температуре, хранящимися в лаборатории истории керамики Института археологии РАН. Степень запесоченности глины, необходимая для определения степени ее пластичности (т. е. количество естественной примеси песка, один из критериев отбора сырья для изготовления керамики у гончаров), определялась по шкале запесоченности, разработанной О. А. Лопатиной (*Лопатина, Каздым*, 2010. С. 48–55). Способы обработки сырья (использовалась ли гончаром при составлении формовочной массы глина во влажном или в сухом дробленном состоянии) устанавливались по признакам, выявленным и описанным А. А. Бобринским (*Бобринский*, 1978. С. 108; 1999. С. 33). При исследовании состава формовочной массы определялись виды минеральных и органических примесей (шамот, дресва, песок, раковина, навоз и др.), введенных туда гончаром, способы обработки примеси, размерность отдельных частиц и их концентрация. Для уточнения минерального состава сырья использованы данные петрографического и рентгенографического фазового анализа (РФА) отдельных образцов керамики¹.

А. А. Бобринский установил, что рецепты составления формовочных масс обладают способностью быстро изменяться в условиях смешения населения, выявил закономерности этих изменений, поэтому при изучении их состава возможно фиксировать изменения в составе населения в рамках истории отдельных памятников (*Бобринский*, 1978. С. 73, 84–99).

С целью создания общего представления о керамическом комплексе памятника в статье представлена предварительная характеристика приемов обработки поверхностей, техники нанесения орнамента и обжига.

Результаты технико-технологического анализа донных частей предполагается изложить в отдельной работе.

Выделить более узкие хронологические группы по контексту находок, за исключением сосудов из некрополя, к сожалению, не удалось, т. к. и в слое поселения, и в ямах, и в постройках датирующий материал (в основном начала V – IV в. до н. э. и меньше – конца VI и начала III в. до н. э.) обнаружен совместно. То же явление в соотношении датирующих фрагментов наблюдается

¹ Минералого-петрографический анализ керамики произведен ведущим научным сотрудником ВИМС С. В. Соколовым, определение минерализованной флоры и фауны сделано главным научным сотрудником Геологического института РАН Т. Н. Херасковой.

и в перемешанном слое, поэтому можно предположить, что основной объем лепной керамики датируется V–IV вв. до н. э. и небольшая часть – концом VI и началом III в. до н. э.

Были исследованы фрагменты 131 сосуда (4 археологически целые формы и 127 венчиков от разных сосудов), что составляет около 70 % всех обнаруженных на памятнике верхних профильных частей лепной посуды.

Объем лепной керамики равен 50 % всего керамического комплекса (без учета амфорной тары).

При этом 23 экз. (17,6 %) орнаментированы, 4 (3 %) имеют лощение. Орнамент состоит из вдавлений и полос, сделанных подушечками пальцев, полос и вдавлений (иногда с протаскиванием), оставленными концом круглого или подтреугольного в сечении твердого предмета, и так называемых ногтевых вдавлений.

Орнаментальные зоны – под венчиком, по краю венчика с внешней стороны, на тулове. При использовании одних и тех же орнаментов зоны расположения орнамента могут быть различны. Разные способы нанесения орнамента никогда не смешаны на одном сосуде. Стенки в основном толстые, 8–10 мм, лишь менее 10 % всей керамики имеют стенки толщиной 5–7 мм. Большинство фрагментов керамики имеют неровную бугристую поверхность, часто с неравномерной толщиной стенок. Цвет поверхности различен: темно-серая, светло-бежевая, серо-коричневая, светло-рыжая, часто пятнистая серо-светло-рыжая.

Сосуды относятся к следующим категориям: столовые, кухонные и тарные (хозяйственные, для хранения припасов). К столовой керамике относятся миски. Фрагментов керамики других видов этой категории не обнаружено. К кухонной керамике относятся фрагменты небольших горшков различной формы и, возможно, небольших корчаг, к тарной – фрагменты больших горшков и корчаг. Часть небольших горшков и корчаг могла иметь смешанное кухонно-хозяйственное назначение. Своеобразие данного керамического комплекса состоит в полном отсутствии фрагментов каких-либо других видов столовой посуды, помимо мисок – кружек, ковшей, кувшинов. Не обнаружено также вазочек, курильниц и светильников, хотя все эти категории встречаются среди местной лепной керамики античного времени данного региона.

По исследованным материалам выделено 7 типов мисок (рис. 1), 13 типов горшков (рис. 2) и 6 типов корчаг (рис. 3).

Все они, за исключением фрагментов лепных кастрюль², являющихся подражаниями греческим формам (рис. 2, 10), и фрагмента горшка (рис. 2, 19), имеющего ближайшие соответствия в материалах Танаиса и городища у ст. Елизаветовской, находят аналогии в меотской керамике различных памятников правобережья и левобережья Кубани, Закубанья, Нижнего Дона и Восточного Приазовья, Горгиппии и ее округа и Таманского полуострова вт. пол. VI в. до н. э. – первых веков н. э., в основном V–IV вв. до н. э. Все виды орнаментов также находят аналогии в меотской керамике³.

² Кастрюли (тип 13) включены в общую классификацию горшковидных сосудов.

³ Подробное описание типов сосудов и ссылки на аналогии к ним даны в работе, готовящейся сейчас к публикации.

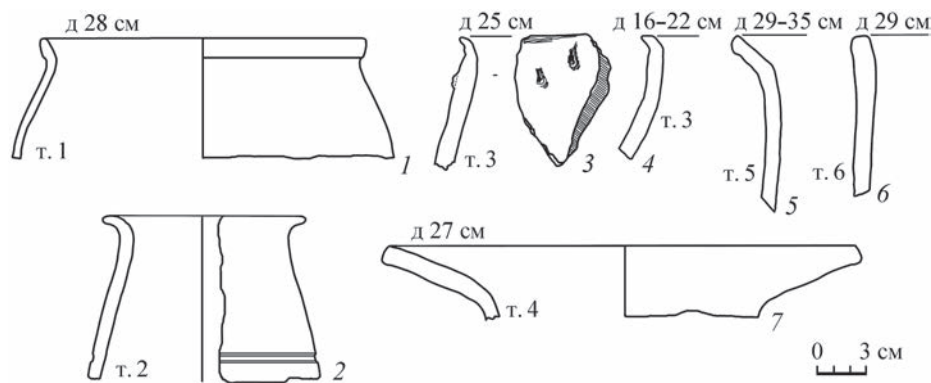

Рис. 3. Поселение и некрополь Вестник-1. Ленные корчаги

Исследование исходного пластичного сырья позволило установить, что на памятнике присутствует керамика, изготовленная из двух различных его видов – глины и илистой глины, что, по заключениям А. А. Бобринского, означает наличие разных представлений об исходном сырье, разных традиций отбора мастерами исходного пластичного сырья для изготовления посуды и изначальную неродственность этих групп населения – носителей данных традиций (Бобринский, 1978. С. 69, 71). Из первого вида сырья изготовлено 18 сосудов (13,7% общего количества исследуемых сосудов), из второго – 113 сосудов (86,3% общего количества).

Илистая глина представляет собой специфическое сырье, отличающееся от классических глин составом и, в меньшей степени, местами залегания и условиями формирования. Впервые она была выделена на материалах энеолитических памятников Поволжья (Васильева, 1999. С. 191–202; 2002). По особенностям качественного состава она занимает промежуточное положение между илами и глинами, и, по мнению выделившей и описавшей его И. Н. Васильевой, ее использование было следующим эволюционным шагом в традиции отбора исходного пластичного сырья у населения, которое ранее изготавливало керамику из ила (Васильева, 2005. С. 83; 2006. С. 435, 436; 2009. С. 69–77). Образуется она на краях берега непроточных водоемов, в местах, недавно освобожденных от заливания водой, и состоит из смеси ила, в котором прекратились процессы новообразования, и прибрежной глины с песком и частицами осадочных пород, присутствующих берегам данных водоемов. В силу непродолжительного по геологическому времени периода смешения это сырье сохраняет некоторые черты, присущие илам: наличие большего или меньшего количества обломков раковины, детрита – измельченных и полусгнивших остатков водных и подводных растений, незначительного количества остатков животной органики подводного происхождения (костей и чешуи рыб). Прежде всего, наличие именно этих примесей – фрагментов раковины и сильно измельченных остатков растительности – отличает илистые глины от обычных глин. К настоящему времени изучена керамика целого ряда культур от эпохи неолита до раннего железного века различных регионов России

и Украины, где существовала традиция отбора илистых глин в качестве исходного пластичного сырья. На материале античных памятников Северного Причерноморья керамика из такого вида сырья выделяется и описывается впервые.

В ходе экспериментальной проверки путем сбора образцов илов, глин и илистых глин на территории Таманского полуострова и сравнения их с образцами археологической керамики было установлено, что залежи такого сырья с естественной примесью морской раковины располагаются в топких и пересыхающих местах по берегам залива и лиманов с морской и смешанной пресно-соленой водой (*Клемешова, 2017*).

При изучении традиций отбора исходного пластичного сырья было определено, что на поселении Вестник-1 преобладает керамика, сделанная из слабооже-лезненного сырья (77,9 %), 20,6 % приходится на долю среднеоже-лезненного и 1,5 % – на долю высокооже-лезненного. Высокооже-лезненное глинистое сырье вообще не характерно для окрестностей данного памятника, поэтому можно предположить, что два сосуда из высокооже-лезненных илистых глин изготовлены не на этом поселении. Для изготовления керамики отбирались жирные (высокопластичные и слабозапесоченные) глины и илистые глины с небольшой примесью пылевидного кварцевого песка, которые использовались во влажном состоянии. Особенностью формовочных масс керамики из илистых глин поселения Вестник-1 является очень значительная примесь мелких, 0,1–0,3 мм, включений оолитового и обломочного известняка, которые по результатам петрографического анализа оказались скелетными остатками известковых водорослей, раковин фораминифер и оолитов цианобактериального происхождения, связанных, скорее всего, с залежами органогенного известняка в окрестностях поселения.

При определении культурных традиций составления формовочных масс выделены следующие группы рецептов:

I. Илистая глина

1. Ил. глина без примесей (6,9%)
2. Ил. глина + орграствор (67,2%)

II. С шамотом

3. Ил. глина + шамот (0,8%)
4. Ил. глина + шамот + орграствор (6,1%)
5. Глина + шамот + орграствор (0,8%)

III. С дресвой

6. Ил. глина + дресва из кальцита + орграствор (0,8%)
7. Глина + дресва из кальцита (3,8%)
8. Глина + дресва из кальцита + орграствор (0,8%)
9. Глина + дресва из полевых шпатов (0,8%)
10. Глина + дресва из полевых шпатов + орграствор (0,8%)

IV. С шамотом и дресвой

11. Ил. глина + дресва из кальцита + шамот + орграствор (4,6 %)

12. Глина + дресва из кальцита + шамот (0,8 %)

13. Глина + дресва из кварца + шамот (0,8 %)

14. Глина + дресва из кальцита + шамот + орграствор (3,8 %)

15. Глина + дресва из полевых шпатов + шамот + орграствор (0,8 %)

V. С шамотом, дресвой и навозом

16. Глина + шамот + дресва из кальцита + навоз (0,8 %)

Их количественное соотношение приводится в табл. 1.

Таблица 1. Соотношение видов исходного сырья и составов формовочных масс

Состав формовочных масс	Исходное сырье		Всего
	Илистая глина	Глина	
Без примесей	9 (6,9 %)	–	9 (6,9 %)
Органический раствор	88 (67,2 %)	–	88 (67,2 %)
Шамот	1 (0,8 %)	–	1 (0,8 %)
Шамот + орг.раствор	8 (6,1 %)	1 (0,8 %)	9 (6,9 %)
Дресва кальцитовая	–	5 (3,8 %)	5 (3,8 %)
Дресва кальцит. + орг.р-р	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)	2 (1,6 %)
Дресва кальцит. + шамот	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Др. кальцит. + Ш + орг.р-р	6 (4,6 %)	5 (3,8 %)	11 (8,4 %)
Дресва п/ш	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Дресва п/ш + орг.р-р	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Дресва п/ш + Ш + орг.р-р	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Дресва кальцит. + Ш + Н	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Дресва кварц. + шамот	–	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)
Всего	113 (86,3 %)	18 (13,7 %)	131 (100 %)
<i>Примечания:</i> Др. – дресва; Ш – шамот; Н – навоз; п/ш – полевой шпат; Др. кварц. – дресва кварцевая.			

Каждый из выделенных внутри этих групп видов рецептов означает наличие различных культурных групп древнего населения, т. е. каждый из этих рецептов принадлежит отдельной группе населения, которой была присуща соответствующая культурная традиция приготовления формовочной массы. Рецепты

из илистой глины (группа I), с глиной и шамотом, глиной и дресвой (№ 5, 7–10) несмешанные⁴, т. е. не носят следов смешения с другими гончарными традициями. И соответственно, принадлежат группам населения, не смешанного с носителями других традиций составления формовочной массы. Рецепты групп IV и V (№ 11–16) смешанные, отражают процессы смешения различных гончарных традиций и принадлежат смешанному населению (*Бобринский*, 1978. С. 70–73, 93, 96–99, 247–255). Рецепты «илистая глина + шамот», «илистая глина + дресва», «илистая глина + шамот + орграстор» (№ 3, 4, 6) в данном случае являются, вероятнее всего, смешанными, образовавшимися при смешении традиций изготовления керамики из илистой глины без примесей или с примесью органического раствора и из глины и шамота и глины и дресвы, т. е. при смешении отдельных групп населения – носителей соответствующих традиций.

Рецепт «илистая глина + шамот + дресва», предположительно, отражает смешение носителей трех вышеуказанных традиций; сложный смешанный рецепт «глина + шамот + дресва + навоз» образовался в результате смешения населения с традициями изготовления керамики из глины с шамотом, дресвой и навозом соответственно.

По всем этим рецептам видно значительное преобладание тех, в основе которых лежат традиции использования илистой глины морских или приморских водоемов.

По результатам анализа количественной представленности данных рецептов можно заключить следующее:

1. На памятнике присутствует керамика различных в культурном отношении групп населения.

2. Количественно преобладает керамика носителей традиции изготовления керамики из илистой глины с примесью органического раствора (рецепт 2 – 67,2 % керамики). Возможно, родственными им являются носители близкой традиции, изготавливавшие керамику из чистой илистой глины (рецепт 1 – 6,9 % керамики). Обе эти группы не носят следов смешения с носителями других традиций составления формовочных масс. На их долю приходится 74 % исследованной керамики. Значительное ее количество позволяет говорить о том, что ее изготовители непосредственно входили в состав населения данного памятника, т. е. данная керамика, вероятно, является местной. Происхождение носителей этих гончарных традиций можно предположительно связывать с имеющими лиманы и заливы морскими побережьями (*Клемешова*, 2017).

⁴ Несмешанными называются рецепты составления формовочных масс керамики, в которые входит исходное пластичное сырье и один вид искусственной примеси или же одно только исходное пластичное сырье, смешанными – состоящие из исходного пластичного сырья и двух или более видов примесей (*Бобринский*, 1978. С. 71, 72, 91, 93; *Цетлин*, 2012. С. 68–75). Кроме того, к смешанным, вероятно, можно относить и рецепты, в состав которых входит илистое сырье и один вид искусственной примеси, образовавшиеся при смешении традиций использования илов или илистых глин как моносырья и традиций составления формовочной массы из глины с какими-либо примесями. Подобные смешанные формовочные массы подробно в литературе еще не описаны.

3. Керамика носителей традиций «илистая глина + шамот» и «илистая глина + шамот + орграствор» (группа II, рецепты 3–4 – 6,9 % керамики), предположительно, была изготовлена на основе смешения культурных традиций изготовления керамики из илистой глины как моносырья и из глины с шамотом. Нельзя однозначно утверждать, входили ли носители данных культурных традиций непосредственно в состав населения данного памятника, или эта керамика попала сюда в результате каких-либо межкультурных контактов, поскольку она представлена не очень большим количеством сосудов (9 экз.). Но при этом важно отметить, что если речь идет все же о части населения памятника, то оно присутствовало на поселении уже в смешанном, сложившемся состоянии. Практически полное отсутствие керамики рецепта «глина + шамот» позволяет предположить, что процессы смешения происходили когда-то ранее и не на этом памятнике.

4. Керамика носителей несмешанной традиции изготовления керамики из глины с дресвой из кальцита (группа III, рецепт 7 – 3,8 % керамики) принадлежит группе населения, не носящей следов смешения с носителями других традиций составления формовочных масс. Возможно, родственными ей являются носители традиции «глина + дресва из кальцита + органический раствор» (рецепт 8 – 0,8 % керамики). Наличие керамики, изготовленной по смешанному рецепту «илистая глина + дресва из кальцита + орграствор» (рецепт 6 – 0,8 % керамики), говорит о том, что между носителями традиций изготовления керамики из глины и кальцитово-дресвы и носителями местной традиции использования илистой глины происходили процессы смешения.

5. Керамика, изготовленная в смешанных традициях «глина + дресва из кальцита + шамот» (группа IV, рецепт 12 – 0,8 % керамики), и то же с примесью орграствора (рецепт 14 – 3,8 % керамики) принадлежит, возможно, родственным группам населения смешанного происхождения. Данные традиции возникли при смешении рецептов «глина + шамот» и «глина + дресва из кальцита». Если носители этих традиций являлись частью населения памятника, то, вероятнее всего, присутствовали на нем в уже сложившемся состоянии, поскольку на поселении очень слабо представлена керамика с исходными рецептами.

6. Керамика, изготовленная по рецепту «илистая глина + дресва из кальцита + шамот + органический раствор» (рецепт 11 – 4,6 % керамики), появилась в результате смешения местных традиций изготовления керамики из илистой глины и традиций использования глины, шамота, дресвы и органического раствора, и отражает наличие процессов смешения их носителей.

7. Единично представлена керамика рецептов «глина + шамот + орграствор» (№ 5 – 0,8 % керамики), «глина + дресва из полевых шпатов» (№ 9, 10 – 1,6 % керамики), «глина + дресва из кварца + шамот» (№ 1 – 0,8 % керамики), «глина + дресва из полевых шпатов + шамот + орграствор» (№ 15 – 0,8 % керамики) и «глина + шамот + дресва из кальцита + навоз» (№ 16 – 0,8 % керамики). Это позволяет предположить, что носители этих традиций непосредственно не входили в состав населения поселения Вестник-1, но с ними существовали какие-то контакты.

Анализ количественного содержания искусственных примесей в составе формовочных масс изученной керамики дает следующие результаты:

1. В группе рецептов с шамотом (группа II) содержание его в керамике, сделанной по смешанному рецепту «илистая глина + шамот (+ органический раствор)», в основном (за одним исключением) очень незначительно. В ней присутствует примесь мелкого или среднего шамота в концентрациях от 1:6 до 1:10 (табл. 2). Лишь один фрагмент сосуда из глины сделан с примесью среднего шамота в концентрации 1:4. По наблюдениям А. А. Бобринского, наиболее часто в исследовательской практике встречаются формовочные массы с содержанием искусственных примесей не менее 1 части примеси на 4 части исходного пластичного сырья (концентрация 1:4) (Бобринский, 1978. С. 109, 113). Использование некоторых из них (шамот, дресва и др.) позволяет решать узкие технологические задачи, возникающие при изготовлении керамики: увеличение огнестойкости изделий и уменьшение усадки при сушке и обжиге (Там же. С. 90). В концентрациях же менее 1:5 примеси уже не оказывают такого воздействия. Незначительное содержание их в формовочных массах и, в частности, при смешанных рецептах их составления наиболее часто можно объяснять двумя причинами. Во-первых, такое явление наблюдается в ситуациях, когда смешение различных групп населения относится к отдаленному времени и с тех пор не подкрепляется постоянными контактами между ними, т. е. гончарная технологическая традиция не получает обновления. Во-вторых, это может происходить в начале процесса смешения двух групп населения, использующих различные виды примесей, например шамот и дресву. В данном случае наиболее вероятной представляется первая ситуация, поскольку на памятнике практически отсутствует керамика носителей несмешанной шамотной традиции.

Таблица 2. Концентрация шамота в образцах керамики из глины и илистой глины

тип сосуда	ИГ + Ш	тип сосуда	Гл + Ш
миска, т. 2	Ш м 1:6–1:7 + ОР	горшок, т. 11	Ш ср 1:4 + ОР
миска, т. 2	Ш м 1:7–1:8 + ОР (?)		
миска, т. 4	Ш ср 1:7–1:8 + ОР		
миска, т. 2	Ш м 1:5 + ОР		
кастрюля, т. 13	Ш ср 1:8–10 + ОР		
кастрюля, т. 13	Ш ср 1:7–1:8 + ОР		
горшок, т. 8	Ш ср менее 1:8 + ОР		
горшок, т. 4	Ш м 1:7–1:8 + ОР		
горшок, т. 12	Ш ср 1:7		
Примечания: Гл – глина; ИГ – илистая глина; Ш м, ср – шамот мелкий, средний; ОР – органический раствор.			

2. По керамике из илистой глины с дресвой и из глины с дресвой (табл. 3) видна, наоборот, очень развитая устойчивая традиция использования этой примеси у этих групп населения (концентрации в основном 1:3–1:4). Это касается как групп с дресвой из кальцита, так и из полевого шпата. Фрагмент корчаги из илистой глины содержит примесь кальцитовый дресвы в концентрации 1:5. Видно также, что населению, использующему глину и дресву, мало свойственна традиция использования органического раствора.

Таблица 3. Концентрация дресвы в образцах керамики из глины и илистой глины

тип сосуда	ИГ + Др	тип сосуда	Гл + Др
корчага, т. 3	Др (кальцит) ср 1:5 + ОР	горшок, т. 8	Др (пол. шпат) ср 1:3 + ОР
		горшок, т. 4	Др (пол.шпат) ср 1:3
		горшок, т. 6	Др (кальцит) ср 1:3-1:4
		горшок, т. 4	Др (кальцит) ср 1:4
		корчага, т. 3	Др(кальцит) ср 1:4
		горшок, т. 10	Др (кальцит) кр 1:5 + ОР
		горшок, т. 4	Др (кальцит) ср 1:4
		миска, т. 7	Др (кальцит) ср 1:4
<i>Примечания:</i> Гл – глина; ИГ – илестая глина; Др ср, кр – дресва средняя, крупная; ОР – органический раствор.			

По керамике, сделанной по смешанным рецептам с использованием и дресвы, и шамота (табл. 4), как и у фрагмента с примесью навоза, также наблюдаются как развитые, так и угасающие традиции добавления этих примесей у соответствующих групп населения. При этом в целом заметно преобладание развитой традиции использования дресвы из кальцита (концентрации 1:3–1:5) при слабой или совсем угасающей традиции добавления шамота (концентрации 1:6–1:10), что также может говорить о давних и с тех пор малочисленных или не возобновляющихся контактах с носителями шамотной традиции.

Таблица 4. Концентрация дресвы и шамота в образцах керамики из глины и илистой глины, содержащих оба вида примесей

тип сосуда	ИГ + Др + Ш	тип сосуда	Гл + Др + Ш
горшок, т. 9	Др (кальцит) ср 1:7 + Ш ср 1:6 + ОР	горшок, 11	Др (кварц) кр 1:6 + Ш кр 1:4
горшок, т. 7	Др (кальцит) ср 1:3 + Ш ср 1:10 + ОР	горшок, т. 4	Др (кальцит) ср 1:5 + Ш ср 1:8-10 + ОР
горшок, т. 4	Др (кальцит) ср 1:3 + Ш ср 1:10 + ОР	горшок, т. 11	Др (пол. шпат) ср 1:7 + Ш ср 1:5 + ОР

Окончание таблицы 4			
тип сосуда	ИГ + Др + Ш	тип сосуда	Гл + Др + Ш
миска, т. 2	Др (кальцит) ср 1:5 + Ш кр 1:8–1:10 + ОР	миска, т. 5	Др (кальцит) м 1:4 + Ш ср 1:6 + ОР (?)
миска, т. 1	Др (кальцит) м 1:8–1:10 + Ш ср 1:9–1:10 + ОР	корчага, т. 4	Др (кальцит) ср 1:3 + Ш ср 1:6–1:7
корчага, т. 4	Др (кальцит) ср 1:5 + Ш ср 1:5–6 + ОР	корчага, т. 4	Др (кальцит) ср 1:4 + Ш м 1:6 + ОР
		корчага, т. 2	Др (кальцит) м 1:5 + Ш м 1:5 + ОР
		корчага, т. 3	Др (кальцит) ср 1:4 + Ш ср 1:7 + ОР
		Гл + Др + Ш + Н	
		горшок, т. 10	Др (кальцит) 1:4 ср + Ш м 1:10 + Н менее 1:5
Примечания: Гл – глина; ИГ – илистая глина; Ш м, ср, кр – шамот мелкий, средний, крупный; Др м, ср, кр – дресва мелкая, средняя, крупная; Н – навоз.			

Интересен состав формовочной массы горшка из погребения вт. четв. V в. до н. э. (рис. 2, 13). Он сделан из илистой глины с очень небольшим содержанием естественной примеси раковины, примеси шамота 1:6 и кальцитовой дресвы 1:7. При этом шамот в нем содержится двух видов: из слабозапесоченной глины и из илистой глины с большим содержанием естественной примеси раковины, т. е. на шамот были использованы черепки сосудов, сделанных из разных видов сырья, а в качестве исходного пластичного сырья была отобрана илистая глина, но очень напоминающая по составу обычную. Такое явление характерно для начальных этапов смешения различных групп населения, позднее наблюдается обычно уже использование шамота из сосудов, сделанных в смешанных традициях (Гей, 1986. С. 26, 27). Таким образом, можно констатировать, что во вт. четв. V в. до н. э. происходили процессы смешения населения, использовавшего илистую глину, шамот и дресву.

Проведенный анализ показал присутствие на поселении Вестник-1 лепной керамики, изготовленной в 16 различных гончарных традициях. Наиболее массово представленная («илистая глина + органический раствор», 67,2 % керамики) принадлежит, вероятно, местному меотскому населению памятника. Остальные относятся к различным культурным группам смешанного и несмешанного населения. В основе смешения гончарных традиций лежат две: местная «илистая глина + органический раствор» и «глина + дресва из кальцита», большинство остальных являются производными от них, смешанными на их основе. Можно предполагать, что непосредственно в состав населения памятника могли входить носители традиций «илистая глина без примесей» (6,9 %), «илистая глина + шамот + орграствор» (6,1 %), «глина + дресва из кальцита» (3,8 %), «илистая глина + дресва из кальцита + шамот + орграствор» (4,6 %). Носители остальных

семи групп (использующие глину с примесью полевых шпатов, навоза, кварца и рецепт «глина + шамот»), вероятнее всего, не являлись частью населения поселения Вестник-1, поскольку каждая традиция представлена одним сосудом (по 0,8 %), а их керамика, возможно, попадала на поселение в результате каких-либо межпоселенческих контактов. Такое значительное количество единичных сосудов, изготовленных различными неместными группами населения, на поселении, относящемся к сельской территории, позволяет предполагать связь этого явления с какими-то специфическими функциями этого поселения или обнаруженными на нем каменными постройками (святилищем). Исследование рецептов формовочных масс показывает наличие процессов смешения носителей представленных гончарных традиций и дает возможность предполагать более ранние процессы смешения между частью местного населения и носителями шамотной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Самарский гос. пед. университет. С. 5–109.
- Васильева И. Н., 1999. Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. III / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Димур. С. 191–216.
- Васильева И. Н., 2002. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // ВАП. № 2. С. 15–49.
- Васильева И. Н., 2005. Сравнительный анализ технологии керамики Съезжинского и I–II Хвалынских могильников // РА. № 3. С. 76–84.
- Васильева И. Н., 2006. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // ВАП. № 4. С. 426–439.
- Васильева И. Н., 2009. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ. С. 65–77.
- Гей И. А., 1986. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты // КСИА. Вып. 185. С. 22–27.
- Клемешова М. Е., 2017. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ. Вып. 21. М.: ИА РАН.
- Лопатина О. А., Каздым А. А., 2010. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред.: Ю. Б. Цетлин, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева. М.: ИА РАН. С. 46–57.
- Сударев Н. И., 2013. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2012 г. (Анапский район Краснодарского края) // Архив ИА РАН. Р-1. № 36127.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 380 с.
- Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И., 2011. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения, посвящ. 185-летию Керченского музея / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Ин-т востоковедения НАНУ. С. 403–411.
- Чевелев О. Д., Сударев Н. И., 2012. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2010–2011 гг. (Анапский район Краснодарского края) // Архив ИА РАН. Р-1. № 30639.

Сведения об авторе

Клемешова Марина Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: marinaklem@mail.ru

M. E. Klemeshova

RESULTS OF THE STUDY OF HANDMADE CERAMICS FROM 2010–2012
EXCAVATIONS AT THE VESTNIK-1 SETTLEMENT AND NECROPOLIS

Abstract. The paper spells out results of studying original ceramic paste and molding compounds of handmade ceramics dating to the end of the 6th – early 3rd centuries BC found at the Vestnik-1 settlement. The author uses methods of technical and technological analysis developed by A. A. Bobrinskiy. Several groups of ceramics made in different cultural and historical traditions are singled out. The tradition of pottery making developed by the local population is defined.

Keywords: Vestnik-1 settlement, 6th – 3rd centuries BC, Maeotian handmade ceramics, technical and technological analysis.

REFERENCES

- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob»ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historic-cultural research]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kollektivnaya monografiya* [Topical problems of investigation of ancient pottery-making]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.
- Chevelev O. D., Kashaev S. V., Sudarev N. I., 2011. Novye issledovaniya v Anapskom rayone Krasnodarskogo kraya [New investigations in Krasnodar region, Anapa district]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniye kul'tur. XII Bosporiskie chteniya, posvyashchennye 185-letiyu Kerchenskogo muzeya* [Bosporus Cimmerian and barbaric world in period of Antiquity and Middle Ages. Mutual influence of cultures. XII Bosporus readings devoted to 185th anniversary of Kerch' museum]. V. N. Zin'ko, ed. Kerch': Institut vostokovedeniya NANU, pp. 403–411.
- Chevelev O. D., Sudarev N. I., 2012. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy na poselenii Vestnik-1 v 2010–2011 gg. (Anapskiy rayon Krasnodarskogo kraya) [Report on results of archaeological investigations at settlement Vestnik-1 in 2010–2011 (Krasnodar region, Anapa district)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Gey I. A., 1986. Tekhnologicheskoe izucheniye keramiki tripol'skogo poseleniya Starye Kukoneshty [Technological research of ceramics from Tripol'e settlement Starye Kukoneshty]. *KSIA*, 185, pp. 22–27.
- Klemeshova M. E., 2017. O syr'e dlya izgotovleniya lepnoy keramiki poseleniya i nekropolya Vestnik-1 [On raw material for shaping hand-made pottery of Classical time from settlement and necropolis Vestnik-1]. *DB*, 21. Moscow: IA RAN.
- Lopatina O. A., Kazdym A. A., 2010. O estestvennoy primesi peska v drevney keramike (k obsuzhdeniyu problemy) [On natural admixture of sand in ancient ceramics (discussing the problem)]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery-making: results and research perspectives]. Yu. B. Tsetlin, N. P. Salugina, I. N. Vasil'eva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 46–57.
- Sudarev N. I., 2013. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy na poselenii Vestnik-1 v 2012 g. (Anapskiy rayon Krasnodarskogo kraya) [Report on results of archaeological investigations at settlement Vestnik-1 in 2012 (Krasnodar region, Anapa district)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 380 p.
- Vasil'eva I. N., 1999. Tekhnologiya keramiki mogil'nika u s. S'ezzhee [Technology of ceramics from cemetery near village S'ezzhee]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of Orenburg region], III. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Dimur, pp. 191–216.
- Vasil'eva I. N., 2002. O tekhnologii keramiki I Khvalynskogo eneoliticheskogo mogil'nika [On technology of ceramics from Khvalynsk I Eneolithic cemetery]. *VAP*, 2, pp. 15–49.
- Vasil'eva I. N., 2005. Sravnitel'nyy analiz tekhnologii keramiki S'ezzhinskogo i I–II Khvalynskikh mogil'nikov [Comparative analysis of technology of ceramics from S'ezzhinsk and Khvalynsk I–II cemeteries]. *RA*, 3, pp. 76–84.
- Vasil'eva I. N., 2006. K voprosu o zarozhdenii goncharstva v Povolzh'e [On problem of origin of pottery-making in Volga region]. *VAP*, 4, pp. 426–439.
- Vasil'eva I. N., 2009. Ob evolyutsii predstavleniy o plastichnom syr'e v srede neoliticheskogo naseleniya stepnogo Povolzh'ya (po materialam Varfolomeevskoy stoyanki) [On evolution of ideas of plastic raw material in milieu of Neolithic population of steppe Volga region (based on materials of Varfolomeevka station)]. *Problemy izucheniya kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy* [Problems of research of Early Bronze Age cultures in steppe zone of Eastern Europe]. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 65–77.

About the author

Klemeshova Marina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: marinaklem@mail.ru

Вл. В. Седов

САРКОФАГ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ (ПО ДАННЫМ Н. Н. ВОРОНИНА)

Резюме. В работе приводятся новые данные о расположении и характере каменного саркофага князя Всеволода Большое Гнездо, исследованного Н. Н. Ворониным в 1934 г. в Успенском соборе во Владимире. Сообщаются также данные об устройстве в 1180-е гг. княжеской усыпальницы в северо-восточном углу этого собора. На основании этих данных и приведенных аналогий можно выделить тип саркофага, характерный для Владимиро-Суздальской Руси.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, древнерусская архитектура, некрополь собора, саркофаги, местная традиция, топография погребений, архитектурная археология.

Гробницы князей и церковных иерархов во владимирском Успенском соборе почти совсем не исследованы, существует довольно обширная литература, касающаяся расположения и времени появления этих гробниц, но они практически не изучались как памятники материальной культуры, как археологические памятники. Единственное исключение – исследование гробницы князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, проведенное в 1934 г. Н. Н. Ворониным.

Результаты вскрытия гробницы князя Всеволода были частично опубликованы Н. Н. Ворониным в 1941 г. (Археологические исследования... С. 98–101); здесь были даны самые краткие сведения о расположении гробницы и наличии второго, пустого саркофага, использованного в качестве крышки. Н. Н. Воронин писал о том, что нижняя гробница была «доверху наполнена человеческими костями (останки 15 человек, из них 2 ребенка), прикрытыми сверху истлевшим покровом XIX в.; черепа были сложены в западной части гробницы, на некоторых костях не вполне истлела мышечная ткань». Далее ученый сообщал, что от самого княжеского погребения сохранились три фрагмента истлевшей шелковой ткани, тут же были приведены графические изображения орнаментов двух фрагментов. В заключение было сказано, что «гробница Всеволода открывалась неоднократно в связи с попытками канонизировать князя. Вскрытия имели место в XVI и XVII вв. и наконец в 1869 г., после чего кандидатура Всеволода в феодалный пантеон была окончательно снята, и его гробница послужила местом свалки костей, потревоженных при ремонтах собора».

Краткое сообщение Н. Н. Воронина о вскрытии и исследовании гробницы было в публикации проиллюстрировано, помимо упомянутых двух рисунков фрагментов ткани, двумя чертежами: на одном чертеже (обозначенном как рис. 24) изображен торец саркофага, на который поставлен другой саркофаг с крышкой; частично показаны подходящие к саркофагу прослойки, а на втором (обозначенном как рис. 25) – показаны контуры нижнего саркофага в плане и выкладка костей нескольких (как мы знаем из публикации Н. Н. Воронина – пяти) индивидов. Эти материалы дают возможность понять кое-что о формах белокаменных саркофагов в южной части восточного отделения северной галереи, но они явно отрывочны.

Дополнительные данные об исследовании Н. Н. Ворониным гробницы Всеволода Большое Гнездо мы обнаружили в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге. В данной статье мы публикуем обнаруженные материалы, пытаюсь соотнести данные об этой гробнице с известными нам сведениями о княжеских саркофагах Владимиро-Суздальской Руси.

В архиве ИИМК нами был обнаружен документ, сообщающий о вскрытии Н. Н. Ворониным гробницы князя Всеволода 20 июля 1934 г., явившемся следствием археологических работ в районе гробницы (РО НА ИИМК РАН, Фонд 2. 1934. № 161. л. 25; сохранился черновик акта – л. 26). Публикуем полностью написанный рукой Н. Н. Воронина и сохранивший подписи других лиц текст Акта о вскрытии (с некоторыми исправлениями орфографии).

«Акт.

20.VII. 1934. Мы нижеподписавшиеся:

ученый секретарь Института || Истории Феодалного Общества ГАИМК Н. Н. Воронин, директор || Влад. Музея Н. Г. Остроумова, представитель Владимирского ГПУ || т. Губин, представитель Горздрава т. Остроумова, представитель || Горсовета т. Шулякова составили Настоящий акт о нижеследующем: ||

1) Археологические работы, производимые т. Ворониным (открытый || лист № 47) по раскопке гробницы князя Всеволода Георгиевича в || Успенском соборе 20.VII, были доведены до вскрытия гробницы, каковое || осуществлено в присутствии указанных представителей.||

2) Гробница, находящаяся в северном приделе собора у южной его || стены, была закрыта вместо крышки пустой каменной гробницей. ||

3) По удалении верхней гробницы обнаружено: в нижней гробнице || почти вровень с краями несколько разрозненных скелетов, || покрытых хорошо сохранившейся тонкой парчой позднего || времени (XVIII в.); из-под нее видны в западной части три || черепа, под тканью намечается еще один. По южной стенке || гробницы большой слой строительного мусора, на поверхности || которого пуговица от ризы в виде колечка, обвитого золоченой || канителью. В восточной оконечности гробницы видны || смешанные кости ног, рук, позвонки и проч. ||

4) Содержимое гробницы показывает, что она была наполнена || костями в последнее время, кости свалены в полном || беспорядке и перемешаны со щебнем и землей. ||

5) К моменту вскрытия никаких материальных ценностей || не обнаружено.||

Ученый секретарь ИИФО ГАИМК (подпись) ||
 Директор Музея (подпись) ||
 Представитель ГПУ (подпись) ||
 ... Горсовета (подпись) ||
 ... Горздрава (подпись) ||».

Этот документ сообщает важные сведения о времени исследования гробницы князя Всеволода, о найденных костяках, а также о том, что гробница была сверху покрыта как крышкой еще одной гробницей, но без дополнительных сведений и дополнительного графического материала многое осталось бы непонятным.

В том же архиве ИИМК обнаружился и лист ватмана с выполненным тушью чертежом, который послужил основой для описанных выше двух опубликованных рисунков, выкопированных из этого общего чертежа (рис. 1). Этот чертеж, выполненный или самим Н. Н. Ворониным, или одним из его сотрудников, имеет большое значение для понимания открытого в 1934 г. комплекса. Опишем размещенные на едином листе четыре чертежа, два из которых были напечатаны в 1941 г., а два – публикуются впервые.

Вверху чертежа, озаглавленного «Гробница Всеволода III во Владимирском Успенском соборе», находится план восточной части северной галереи собора. На восточной стене располагается устроенная в стене апсиды мятой формы, очевидно несколько раз переделывавшаяся. В северной стене показана прямоугольная в плане ниша аркосолия с гробницей, а в южной стене, почти напротив первого, но со сдвигом к востоку, расположен еще один аркосолий с гробницей внутри, перед гробницей открыт раскопками пол из квадратных плит, уложенных косо по отношению к осям собора, «елочкой». На плане аркосолия показаны оси двух «разрезов» самой гробницы, приведенных ниже: ось А-Б (северный фасад) и ось В-Г (западный фасад).

Под планом части собора помещен план гробницы или саркофага с показанием покоящихся в нем костей. Саркофаг имеет в плане трапециевидную форму, расширяясь к западу, к изголовью, но незначительно, так что трапеция со стороны должна казаться почти прямоугольником (внешние размеры саркофага 603 мм с востока и 650 мм с запада, боковые стороны 2015 (южная) и 2026 (северная), стенки имеют толщину от 42 до 58 мм. Отметим тонкие стенки саркофага и переданную на чертеже тщательность его обработки.

На помещенном внизу листа слева «Разрезе по А-Б» (фактически – северном фасаде с показом стратиграфии) видно, что гробница князя Всеволода, расположенная внизу и имевшая высоту стенок 659–660 мм (на чертеже показана горизонтальная трещина, отделившая верхнюю часть стенки), была буквально накрыта несколько более длинной гробницей с невысокими стенками высотой 402 мм и двускатной каменной крышкой. Западный торец обоих саркофагов показан на помещенном внизу справа листа «Разрезе по В-Г», где видно, что нижний саркофаг был не только выше, но и уже верхнего (ширина нижнего 651 мм, верхнего – 715 мм).

На показанной стратиграфической ситуации, отраженной на обоих «разрезах», видно, что нижняя гробница (саркофаг князя Всеволода Юрьевича) поставлена на песчаную подсыпку (10–15 см) и чуть углублена относительно

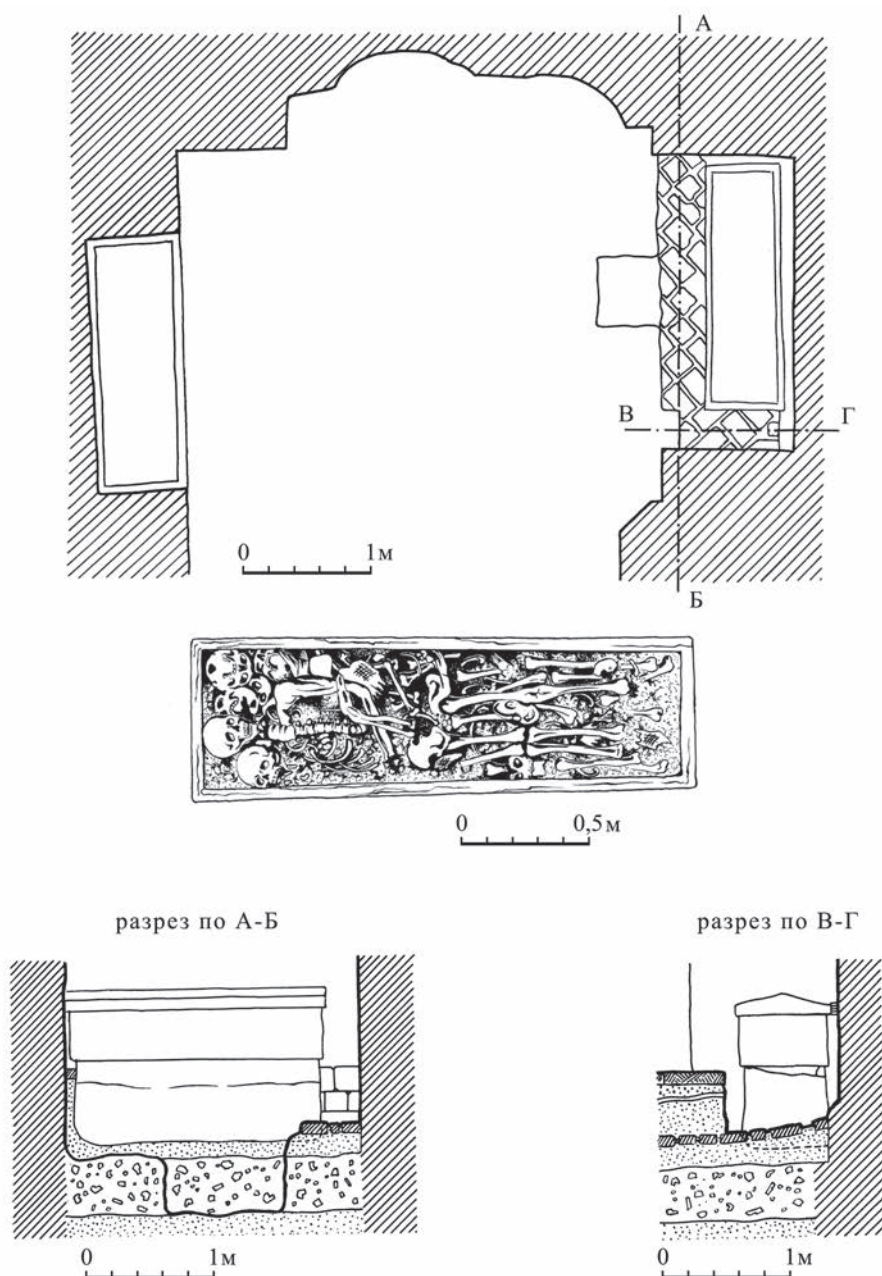

Рис. 1. Чертеж Н. Н. Воронина с изображением местоположения, плана и фасадов саркофага князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе во Владимире

древнего (может быть, первоначального) каменного пола. Ниже этой подсыпки под полом и саркофагом залегает довольно мощный (более 50 см) слой строительного мусора, относящийся, видимо, ко времени сооружения галерей Успенского собора в 1185–1189 гг. (Воронин, 1961. С. 354–377), а ниже идет песчаный слой. Над древним полом на «разрезах» видна песчаная подсыпка (или две подсыпки – показана граница в песчаном слое) под существующий ныне пол (или последовательно повышавшиеся полы – в подсыпке показана граница двух напластований).

Описанная в публикации Н. Н. Воронина и отраженная на его чертеже картина иллюстрирует фрагмент описания Успенского собора Н. Н. Ушакова (Ушаков, 1913. С. 62): «Всех восстановленных гробниц в соборе десять; ряд их начинается гробницею строителя собора, благоверного князя Андрея Боголюбского. 1) Эта гробница, в которой мощи князя почивали до вскрытия их, установлена в северной стене собора, в придельном алтаре, который в 1774 г. посвящен имени св. князя мученика. Гробница белокаменная – имеет вид пустого продолговатого ящика без крышки. 2) Против опустевшей гробницы строителя собора, вел. кн. Андрея, в том же алтаре находится гробница брата его, великого князя Всеволода Георгиевича. Над этой гробницей, вместо крышки, поставлена другая гробница, в которой до вскрытия почивали мощи св. князя Глеба».

Можно думать, что саркофаг в северной стене был устроен в 1180-е гг. для перезахоронения князя Андрея Боголюбского, первоначально погребенного в старом соборе, ставшем ядром нового в 1180-е гг. Белокаменный саркофаг без крышки в северной стене до 1702 г. содержал в себе останки великого князя Андрея Юрьевича, убитого в 1174 г.

Напротив перенесенного в сооруженную в 1180-е гг. северную галерею гроба старшего брата была устроена (возможно, еще при его жизни) гробница с саркофагом князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо, умер в 1212 г.), бывшего заказчиком расширения собора и устройства новой гробницы (или только нового места для саркофага) своего старшего брата и предшественника на княжеском столе.

В какой-то момент (в 1702 г.?) на саркофаг князя Всеволода Юрьевича поставили в виде крышки (очевидно, расколовшейся) другой саркофаг, принадлежавший, по соборным известиям, князю Глебу Андреевичу, сыну Андрея Боголюбского; этот князь не упоминается в летописях, по поздним житийным источникам, он умер в 1175 г. Впервые князь Глеб упоминается в описании почитаемых погребений в Успенском соборе в середине XVI в., в 1701 г. его мощи были открыты, а в 1755 г. – были переложены в серебряную раку, поставленную у восточного окончания южной галереи собора (Карсанов, 1994. С. 253–254; Порфирий, 1903. С. 6–7; Сиренов, 2010. С. 54, 416–418, 427–428; Ушаков, 1913. С. 61). Где первоначально размещался каменный саркофаг легендарного князя Глеба и кому он принадлежал – неясно. Вот как описаны в середине XVII в. в «Описании во граде Владимире, где положены святые мощи в соборной церкви» княжеские гробницы в северо-восточной части храма: «...у северных дверей опочивает благоверный и великий князь Андрей Егорьевичь Благолюбьской, создатель святых соборных церкви, что во Владимире. В том же приделе одесную

страну брат его родной Дмитрий Всеволод Георевич. ...Подле их всех во углу (очевидно – северо-западном углу галерей. – В. С.) святей благоверный и великий князь Глеб Андреевич Боголюбской во плоти» (Путь... С. 37–38).

Расположение саркофагов двух братьев, Андрея Юрьевича Боголюбского и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, показано нами на чертеже Успенского собора во Владимире, они находились в особом замкнутом приделе Благовещения. Положение придела и гробниц «в стене» в нем хорошо видно из описаний соборных гробниц XVII в.: «Вшедъ въ церковь на лѣвой странѣ придѣль Благовѣщение Пресвятыя Богородицы и въ томъ придѣлѣ въ олтарѣ въ стѣнѣ къ жертвеннику лежать мощи благовѣрнаго великаго князя Андрея Георгиевича Боголюбскаго. Къ олтарной стѣнѣ большаго олтаря лежать мощи благовѣрнаго великаго князя Дмитирия – Всеволода» (*Виноградов*, 1905. С. 66; см. также: *Сиренов*, 2016. С. 408–410). Этот придел размещался в восточном окончании северной галереи собора, пристроенной при князе Всеволоде Юрьевиче в 1180-х гг. и освещенном северо-восточной световой главой этой галереи (рис. 2). Два аркосолия с саркофагами располагались друг напротив друга, с южной стороны был поставлен каменный гроб князя Всеволода Юрьевича (рис. 2, 1), а с севера – перенесенный из старого собора саркофаг князя Андрея Боголюбского (рис. 2, 2).

Интересно, что этот погребальный придел, созданный при князе Всеволоде и поначалу включавший только погребение князя Андрея и пустой гроб или даже только место погребения заказчика (аркосолий, два десятилетия ждавший его смерти), расположен с северной стороны собора: с этой стороны реже, чем с юга, помещались погребения в древнерусских храмах (*Макаров*, 1980. С. 72). Очень важно устройство усыпальницы ктиторов собора в отдельном придельном храмике, созданном в восточной оконечности северной галереи и освещенном световой главой. Такие придельные храмы, называвшиеся «божницы» или «гробницы», к моменту постройки галерей Успенского собора во Владимире составляли уже целую цепочку в древнерусской архитектуре (*Седов*, 2003. С. 461–465).

Вряд ли можно сомневаться в древности представленных на чертеже Н. Н. Воронина белокаменных саркофагов, сохранившихся до нашего времени, но не доступных сейчас для подробного археологического изучения. Перед нами памятники XII – начала XIII в., характерные, судя по всему, для местной Владимиро-Суздальской традиции. Это цельные саркофаги, вырубленные из глыб белого камня, имеющие слабо выраженный трапециевидный характер в плане, вертикальные борта (без уклона) и тонкие стенки. Судя по верхнему саркофагу (так называемому саркофагу Глеба Андреевича, не имеющему точной датировки), эти «каменные гробы» закрывались каменными же двускатными крышками. Саркофаги ставились в аркосолии, или заранее предусмотренные и подготовленные (в процессе строительства), или вырубленные в стенах и потом обработанные вставленной аркой.

Мы видим, что во время достройки Успенского собора князем Всеволодом тело князя Андрея Боголюбского было перенесено в северную стену восточного окончания галереи, где для него был устроен каменный саркофаг, вставленный в аркосолий. Этот саркофаг может относиться как к 1174 г. (если его перенесли

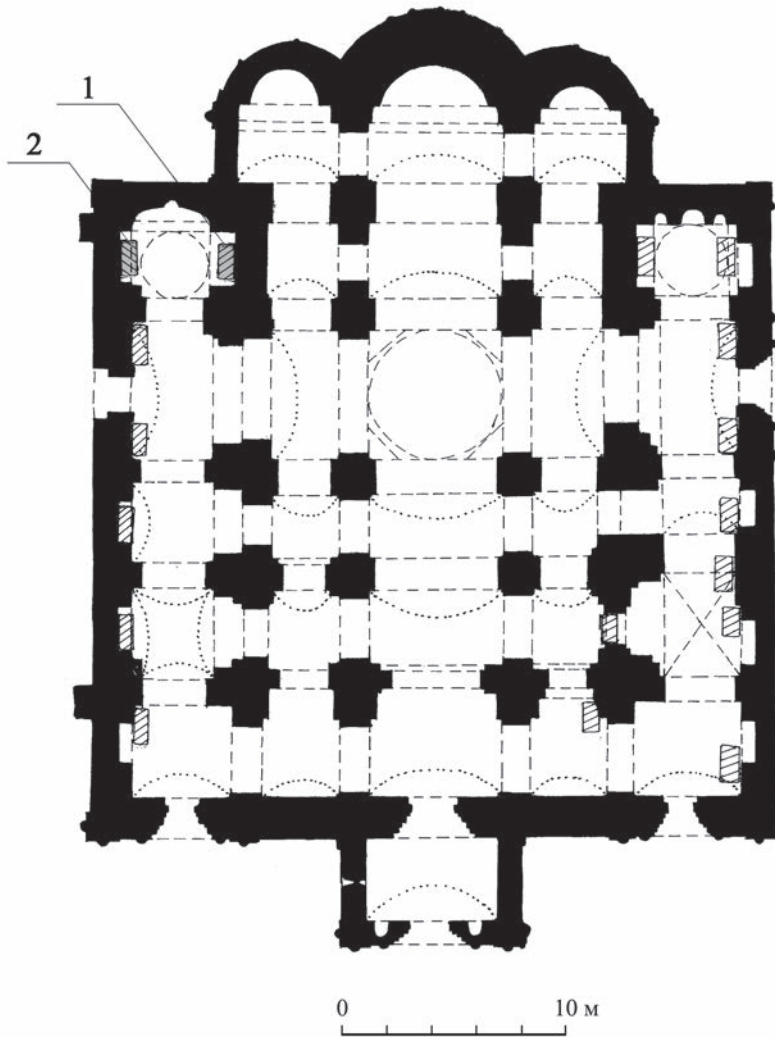

Рис. 2. План Успенского собора во Владимире с древними гробницами (реконструкция автора, чертеж Ю. С. Фомичевой).

На плане выделен погребальный придел в восточном торце северной галереи

1 – саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо; 2 – саркофаг князя Андрея Боголюбского

вместе с телом князя), так и к 1180-м гг. (если для тела князя Андрея был во время перенесения его останков устроен новый саркофаг).

Саркофаг в южном аркосолии был устроен, по всей видимости, самим князем Всеволодом Юрьевичем или еще в 1180-е гг., когда по его воле был достроен собор, или, что вероятнее, незадолго до смерти этого князя в 1212 г., хотя пустой аркосолий мог тут находиться с момента достройки галерей. Во всяком случае, этот саркофаг – памятник конца XII – начала XIII в.; он может составлять некий эталон каменного княжеского саркофага владимирского типа.

К этому же типу относится и верхний южный саркофаг, сохранивший крышку. Этот саркофаг ниже по высоте, чем саркофаг князя Всеволода; мы высказываем догадку, что более низкие («мелкие») саркофаги относятся к несколько более позднему времени.

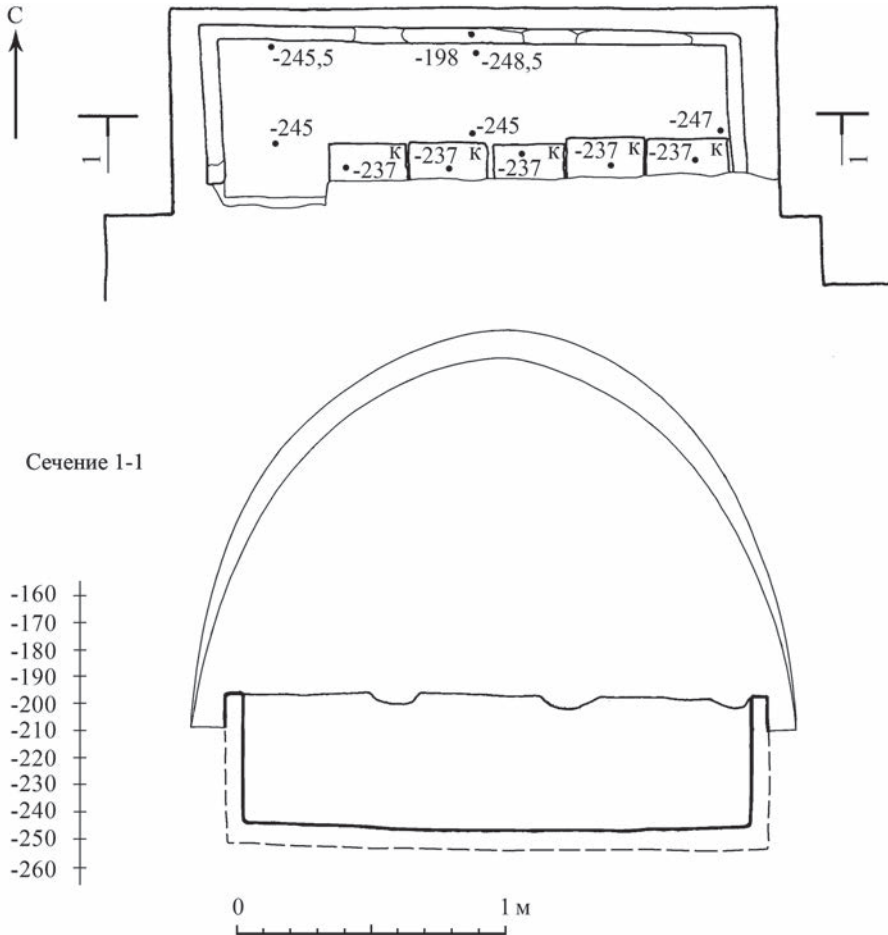
Отметим, что каменные саркофаги Владимиро-Суздальской земли изучены пока крайне недостаточно. Писавшая о древнерусской погребальной традиции Т. Д. Панова указывает только два «монолитных саркофага ящика трапиевидной формы» (Вид 2, подвид А – по классификации исследовательницы): рассматриваемый нами саркофаг князя Всеволода Юрьевича в Успенском соборе и два саркофага в аркосолиях Кидекши (даны по наблюдениям Н. Кургановой), относящиеся к середине XII в. (Панова, 2004. С. 83–84). Л. А. Беляев выделил местную, Владимиро-Суздальскую традицию на примере саркофагов владимирского Успенского собора, саркофага св. Леонтия Ростовского (по исследованию О. М. Иоаннисяна) и саркофага, найденного в кургане близ Иворово (Беляев, 1996. С. 66–70).

Два саркофага в аркосолиях северной (рис. 3) и южной стен церкви Бориса и Глеба в Кидекше были подробно изучены нами во время археологических работ 2011–2012 гг. (Седов и др., 2015. С. 269–272); в настоящее время мы готовим подробную публикацию этих памятников.

Помимо этих двух саркофагов, принадлежащих той же традиции, что и описанные саркофаги во Владимире, мы знаем еще ряд подобных белокаменных трапиевидных цельных саркофагов в соборе Рождества Богородицы в Суздале, сооруженном в 1222–1224 гг.; здесь они помещены в аркосолии, позднее в них были положены князья из суздальской ветви (памятники эти до сих пор не изданы). Два цельных белокаменных саркофага XII – начала XIII в. известны в Ростове Великом: остатки одного с двускатной крышкой были открыты при раскопках деревянной церкви Иоанна Предтечи, сохранились также сведения о саркофаге святого Леонтия Ростовского, от которого до нас дошли фрагменты двускатной крышки (Леонтьев, Иоаннисян, 2008. С. 47–51). Четыре белокаменных саркофага были открыты А. Д. Варгановым в северной галерее в Успенском соборе во Владимире в 1951 г. (Варганов, 2013. С. 120–125).

Еще один белокаменный саркофаг с двускатной крышкой был найден в 1967 г. в кургане у деревни Иворово близ города Старица (то есть в пределах Владимиро-Суздальской земли); размеры этого трапиевидного саркофага 205 на 82 (в головах) и 68 (в ногах), глубина 43 см, толщина стенок и днища 9–10 см (Крайнов, Гадзяцкая, 1967. С. 23–25; Комаров, Елкина, 1976. С. 226–230).

Новые данные о саркофаге князя Всеволода Большое Гнездо (конец XII – начало XIII в., до 1212 г.) позволяют внимательнее рассмотреть тип цельного

**Рис. 3. Саркофаг в северном аркосолии церкви Бориса и Глеба в Кидекше.
План и разрез. Исследования автора, 2011 г. Чертеж Ю. С. Фомичевой**

белокаменного саркофага с гладкими стенками и скатной крышкой, который был, по всей видимости, характерен именно для Владимиро-Суздальской Руси. Отметим, что для выделения местного типа важно сочетание четырех признаков саркофагов: материала (белый камень), трапециевидной (почти прямоугольной) формы, цельного характера каменного гроба (в отличие, например, от киевских и новгородских составных саркофагов), а также гладких стенок (без выступов на поверхностях). Пока мы не видим внутри этого типа эволюции, не знаем и хронологических указателей, но внимательное изучение сохранившихся саркофагов даст, вероятно, новое понимание этих важнейших памятников погребальной культуры древнерусского Северо-Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 327 с.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити. 563 с.
- Варганов А. Д., 2013. Отчет по производству ремонтно-реставрационных работ в памятнике архитектуры «Успенский собор» в гор. Владимире за период 1950–1954 гг. Археологическое наблюдение при производстве земляных работ в 1951 г. // Тимофеева Т. П. Исследования по истории Владимирского Успенского собора. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 120–140.
- Виноградов А. И., 1905. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир: Типо-лит. Губ. правл. 95 с., 8 л. ил.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Карсанов А. Н., 1994. Князь Глеб Андреевич, его гробница и «житие» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7, ч. I. М.: Наследие. С. 252–263.
- Комаров К. И., Елкина А. К., 1976. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 226–238.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1967. Исследования в Верхнем Поволжье // АО 1967 г. М.: Наука. С. 23–25.
- Леонтьев А. Е., Иоаннисян О. М., 2008. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: К 60-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН. С. 43–51.
- Макаров Н. А., 1980. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука. С. 71–73.
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 180 с.
- Порфирий, 1903. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгинином девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. Владимир: Тип. Губ. правл. 132 с.
- Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подгот. текстов и исслед. А. В. Сиренова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 227 с.
- РО НА ИИМК РАН (Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН), Фонд 2. 1934. № 161. Л. 25–26.
- Седов Вл. В., 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 447–481.
- Седов Вл. В., Папин И. В., Шполянский С. В., Милованов С. И., Федорина А. Н., 2015. Церковь свв. Бориса и Глеба в Кидекше по результатам работ 2011–2012 гг. // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН. С. 269–272.
- Сиренов А. В., 2010. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео. 545 с.
- Сиренов А. В., 2016. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.: Рос. нац. б-ка. С. 399–414.
- Ушаков Н. Н., 1913. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Губ. тип. 497 с.

Сведения об авторе

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru

VI. V. Sedov

THE SARCOPHAGUS OF THE PRINCE VSEVOLOD
THE BIG NEST IN THE ASSUMPTION CATHEDRAL
(BASED ON N. N. VORONIN'S DATA)

Abstract. The paper provides new data on the location and the traits of the stone sarcophagus of the Prince Vsevolod the Big Nest examined by N. N. Voronin in the Assumption Cathedral in Vladimir in 1934. The paper also contains information on a princely family vault constructed in the north-eastern corner of the cathedral. These data and analogues provided help identify the type of sarcophagi typical for the Vladimir–Suzdal' Rus.

Keywords: North-Eastern Rus, ancient Russian architecture, cathedral necropolis, sarcophagi, regional tradition, topography of burials, architectural archaeology

REFERENCES

- Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya [Archaeological investigations in RSFSR. 1934–1936. Brief reports and information]. V. V. Gol'msten, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1941. 327 p.
- Beliaev L. A., 1996. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval gravestones. Whitestone slabs of Moscow and North-Eastern Rus of XIII–XVII cc.]. Moscow: Modus Graffiti. 563 p.
- Karsanov A. N., 1994. Knyaz' Gleb Andreevich, ego grobnitsa i «zhitie» [Prince Gleb Andreevich, his tomb and «Life»]. *Germenevika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of medieval Russian literature], book 7, part I. Moscow: Nasledie, pp. 252–263.
- Komarov K. I., Elkina A. K., 1976. Kurgannyi mogil'nik v okrestnostyakh g. Staritsy [Kurgan cemetery in vicinity of town Staritsa]. *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy* [Eastern Europe in Stone and Bronze Ages]. Moscow: Nauka, pp. 226–238.
- Kraynov D. A., Gadzyatskaya O. S., 1967. Issledovaniya v Verkhnem Povolzh'e [Investigations in Upper Volga region]. *AO 1967*. Moscow: Nauka, pp. 23–25.
- Leont'ev A. E., Ioannisyan O. M., 2008. Pogrebeniya XI v., tserkov' Ioanna Predtechi v Rostove i istoriya sarkofaga sv. Leontiya Rostovskogo [Burials of XI c., church of John Precursor in Rostov and history of sarcophagus of St. Leontiy of Rostov]. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury: K 60-letiyu L. A. Belyaeva* [Muscovite Rus. Problems of archaeology and history of architecture: Toward 60th anniversary of L. A. Beliaev]. Moscow: IAN RAN, pp. 43–51.
- Makarov N. A., 1980. Topografiya pogrebeniy v drevnerusskikh khramakh XI–XIII vv. [Topography of burials in ancient Russian churches of XI–XIII cc.]. *Tezisy dokladov sovetskoy delegatsii na IV mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii* [Abstracts of Soviet delegation in IV international congress of Slavic archaeology]. Moscow: Nauka, pp. 71–73.
- Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [Kingdom of death. Burial rite of medieval Rus in XI–XVI centuries]. Moscow: Radunitsa. 180 p.
- Porfiry, 1903. Drevnie grobnitsy vo Vladimirskom kafedral'nom Uspenskom sobore i Uspenskom Knyaginino devich'em monastyre i pogrebennye v nikh knyaz'ya, knyagini i svyatiteli [Ancient tombs in the Vladimir Assumption cathedral and Assumption Knyagininnunery, and princes, princesses and church hierarchs buried in them]. Vladimir: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 132 p.
- Put' k gradu Kitezh: Knyaz' Georgiy Vladimirskiy v istorii, zhitiyakh, legendakh [Road to the town of Kitezh: Prince Georgiy of Vladimir in history, lives of Saints, legends]. A. V. Sirenov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 227 p.
- RO NA IIMK RAN (Rukopisnyy otdel nauchnogo arkhiva IIMK RAN) [RO NA IIMK RAS (Manuscript department of scientific archive of IIMK RAS)]. 1934. (In Russian, unpublished.)

- Sedov V. V., 2003. Pogrebeniya «svyatykh knyazey» i arkhitektura knyazheskikh usypal'nits Drevney Rusi [Burials of «Saint princes» and architecture of princely tombs in Ancient Rus]. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian relics]. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 447–481.
- Sedov V. V., Papin I. V., Shpolyanskiy S. V., Milovanov S. I., Fedorina A. N., 2015. Tserkov' svv. Borisa i Gleba v Kidekshe po rezul'tatam rabot 2011–2012 gg. [Church of Sts. Boris and Gleb in Kidekshe according to results of works in 2011–2012]. *AO 2010–2013*. Moscow: IA RAN, pp. 269–272.
- Sirenov A. V., 2010. Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. [Book of Grades and Russian historic thought of XVI–XVIII cc.]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. 545 p.
- Sirenov A. V., 2016. Opisi drevnikh grobnits v rukopisnykh sbornikakh XVII veka [Inventories of ancient tombs in collections of manuscripts of XVII century]. *Istoriya v rukopisyakh i rukopisi v istorii. Sbornik nauchnykh trudov k 200-letiyu Otdela rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki* [History in manuscripts and manuscripts in history. Collection of scientific works toward bicentenary of Manuscript department of Russian national library]. St. Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, pp. 399–414.
- Ushakov N. N., 1913. Sputnik po drevnemu Vladimiru i gorodam Vladimirskoy gubernii [Guide for ancient Vladimir and cities of Vladimir Province]. Vladimir: Gubernskaya tipografiya. 497 p.
- Varganov A. D., 2013. Otchet po proizvodstvu remontno-restavratsionnykh rabot v pamyatnike arkhitektury «Uspenskiy sobor» v gor. Vladimire za period 1950–1954 gg. Arkheologicheskoe nablyudenie pri proizvodstve zemlyanykh rabot v 1951 g. [Report on carrying out renovation restoration works in architecture monument «Assumption cathedral» in city of Vladimir for period of 1950–1954. Archaeological supervision during carrying out ound works in 1951]. *Timofeeva T. P. Issledovaniya po istorii Vladimirskogo Uspenskogo sobora* [Investigations on history of Vladimir Assumption cathedral]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, pp. 120–140.
- Vinogradov A. I., 1905. Istoriya kafedral'nogo Uspenskogo sobora v gub. gor. Vladimire [History of Assumption cathedral in Vladimir, capital city of the province]. Vladimir: Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya. 95 p., 8 l. ill.
- Voronin N. N., 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov [Architecture of North-Eastern Rus of XII–XV centuries], I. XII stoletie [XII century]. Moscow: AN SSSR. 583 p.

About the author

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru

А. А. Кудрявцев

СКАНДИНАВСКИЙ АМУЛЕТ ИЗ РАСКОПОК ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ

Резюме. В 2016 г. во время архитектурно-археологических исследований церкви Благовещения на Городище при разборе перемешанных напластований у южной стены храма 1103 г. был найден скандинавский амулет. Он представляет собой железное кольцо с нанизанными на него молотовидной привеской (молоточком Тора) и миниатюрным пробоем. Аналогичные изделия выявлены в некрополе Бирки и Гнездовском археологическом комплексе. Наличие пробоя в составе амулета указывает на то, что он прибывался к ларцу или сундуку, выполняя при этом функцию апотропея или оберега имущества, то есть служил как для охраны, так и для приумножения имущества. Амулет следует датировать рубежом IX–X вв. Он мог быть как привезен скандинавскими переселенцами, так и быть изготовленным на месте. В целом подобные находки маркируют роль и распространение определенных культов, которые сохраняли свое значение у скандинавской составляющей полиэтничной среды Верхнего Поволжья во второй половине IX – X в.

Ключевые слова: Новгородское (Рюриково) городище, Новгород, амулет, церковь Благовещения, Скандинавия, культ Тора, язычество.

Во время архитектурно-археологических исследований церкви Благовещения на Городище в 2016 г., проведенных под руководством Вл. В. Седова, был найден скандинавский амулет, представляющий собой железное кольцо с нанизанными на него молотовидной привеской (молоточком Тора) и миниатюрным пробоем (рис. 1)¹.

Указанное изделие выявлено у южной стены каменного храма 1103 г. при разборе перемешанных нестратифицированных слоев (темно-серая супесь, строительный мусор, кирпичный бой), образование которых связано с раскопками М. К. Каргера в 1966–1970 гг. (*Каргер*, 1970. С. 82–85). Очевидно, что при этих работах были затронуты напластования, относящиеся к раннему этапу существования Новгородского (Рюрикова) городища.

¹ Реставрация археологического предмета произведена в ГОСНИИР реставратором 1-й категории к. и. н. М. П. Гайдуковым; рисунок выполнен Е. И. Шишковой.

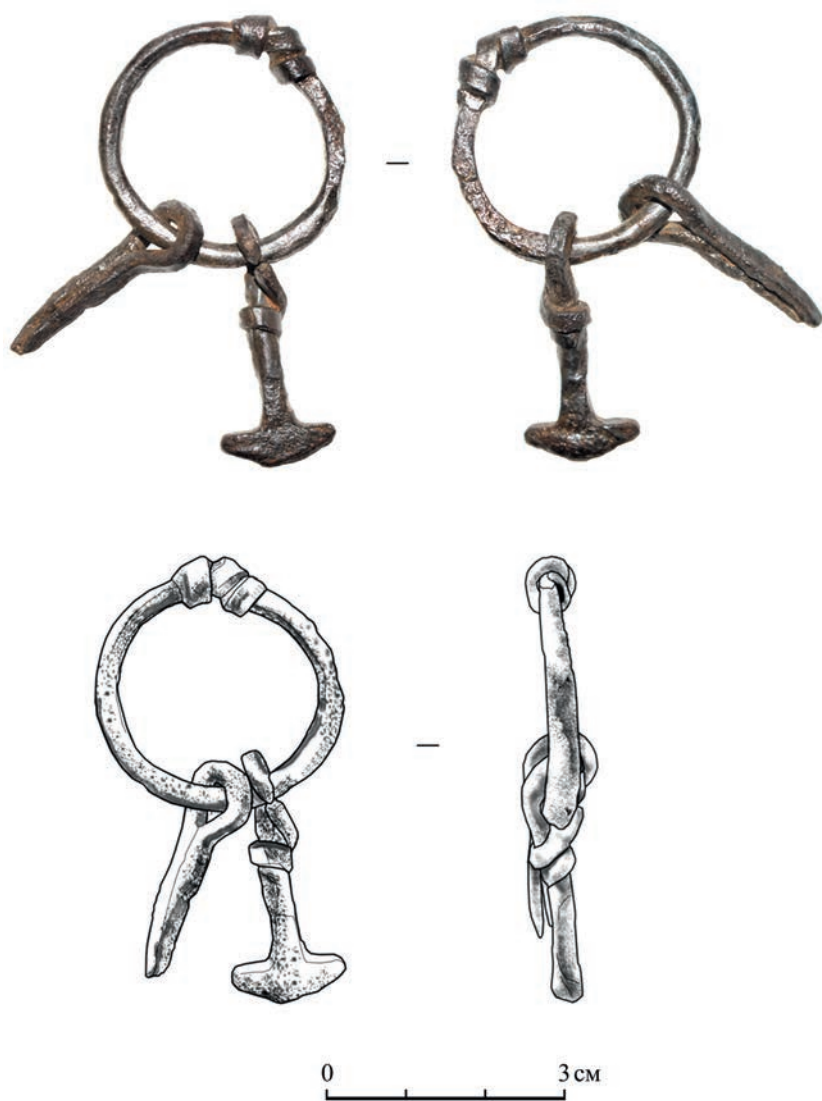

Рис. 1. Скандинавский амулет из раскопок церкви Благовещения на Городище

Отметим, что данные стратиграфии шурфов Вл. В. Седова 2012 г., заложенных для установления глубины залегания фундамента церкви Благовещения 1342–1343 гг. (Седов, 2014. С. 87–92. Рис. 12), уже показали, что фундаментные ленты храма начала XII в. фактически законсервировали культурный слой этого торгово-ремесленного поселения.

Кольцо амулета проволочное, круглое в сечении ($D = 2,5$ см), в одном из его секторов присутствует своеобразный прокованный узел, имитирующий завязанные концы. Молотовидная привеска имеет треугольную форму ($2,4 \times 0,4$ см, ширина «рабочей части» молоточка 1,4 см), она относится к типу С по классификации К. Штрёма (Ström, 1984. S. 128. Abb. 15:1.e) – одному из наиболее распространенных на территории Древней Руси (Мусин, 2012. С. 560).

К кольцу привеска крепится посредством незамкнутой петли в завершении «рукояти» молоточка, которая «завязывается» у ее основания, что более характерно для гривен Гнездова (Новикова, 1991. С. 180).

Культ Тора – бога-громовника, покровителя небесных стихий и плодородия, а также защитника асов и людей от великанов – наиболее характерен для территории Швеции и Дании (Мусин, 2012. С. 557). Указанные привески традиционно связывают с чудесным молотом Тора Мьёллниром, который всегда возвращается к владельцу как бумеранг, что подтверждается рунической иконографией и более поздним письменным источником, Старшей Эддой (Fuglesang, 1989. P. 18).

В Скандинавии основная масса находок изображений символов этого божества, выполненная из серебра, бронзы или железа, датируется X – началом XI в. (Пушкина, 1981. С. 287). Помимо железных обручей с молоточками Тора, встречаются и отдельные находки указанных молотовидных привесок. На территории Древней Руси они выявлены при археологических исследованиях древнерусских торгово-ремесленных поселений и городов, в которых отмечено норманнское присутствие: в Старой Ладогe, Пскове, Гнездове, на Супрутском городище. В значительном количестве они представлены и в погребениях синхронных древнерусских некрополей.

Наборы амулетов на кольце, к категории которых принадлежит рассматриваемое изделие, встречаются в Скандинавии значительно реже, в довольно небольшом количестве они выявлены и на древнерусских памятниках (Новикова, 1991. С. 193).

Они предназначались для привешивания к поясу, по материалам погребений установлено, что их также носили в кошельках и прикрепляли к сундукам или ларцам.

Изготовление амулетов носило индивидуальный характер, о чем свидетельствует высокая степень вариативности размеров кольца, состава привесок, среди которых могут быть также миниатюрные копии предметов вооружения, быта и сельскохозяйственных орудий, связанных с различными скандинавскими культами (Fuglesang, 1989. P. 16). В связи с этим наличие в их составе молотовидных привесок не является обязательным фактором. Вероятно, с культом Тора также связаны привески в виде миниатюрных стерженьков-посохов. Два амулета с ними выявлены на Новгородском (Рюриковом) городище (Дорофеева, 2010. С. 28. Рис. 2, 14–15).

Три наиболее близкие аналогии рассматриваемому изделию из раскопок церкви Благовещения (наличие только одной молотовидной привески, привешенной к железному кольцу) представлены в Гнездовском археологическом комплексе. Две из них происходят из богатого по своему инвентарю погребения кургана Серг. 16 (74) и Западного селища. Характерно, что они также характеризуются сложной широкой петлей для крепления и завязанными концами кольца (Новикова, 1991. С. 196. Рис. 5, 9–10; Спицын, 1905а. С. 46–47. Рис. 19). Другой аналогичный набор выявлен на Центральном городище Гнездова (Ениосова, 2009. С. 257. Рис. 2, 2).

В некрополе Бирки подобный по своему устройству амулет, но из серебра и с более массивным молоточком, выявлен в погребении № 750, датирующемся X в. (Arbman, 1940. Taf. 104, 4; 1943. S. 267–272). Железное кольцо с одним молоточком Тора выявлено при археологических исследованиях торгово-ремесленного поселения Трусо (Jagodziński, 2015. P. 87–88. Fig. 73).

На Новгородском (Рюриковом) городище собрана значительная коллекция различных скандинавских амулетов (Дорофеева, 2011. С. 26), которая уступает по количеству находок этой категории вещей только Гнездовскому археологическому комплексу.

Общее количество молотовидных привесок, найденных как вместе с шейными гривнами, так и отдельно от них, составляет 14 экземпляров (Дорофеева, 2013. С. 207). В их число входят три амулета, найденные на Центральном раскопе, расположенном в 28 м южнее церкви Благовещения и представляющие собой молоточек, нанизанный на железное кольцо.

Один из них является миниатюрной копией гривны (D – 5,6 см), перекрученной в нескольких местах и характеризующейся довольно массивной привеской. Даже способ скрепления ее концов (застежка) более характерен для идентичных изделий, что несколько выделяет ее из общего числа подобных амулетов. Изделие происходит из комплекса № 13 (постройка), в заполнении которого найдена исключительно лепная керамика (Носов, 1990. С. 98. Рис. 46, 4).

Следующий амулет отличается небольшим диаметром кольца (2,3 см) и миниатюрным размером привески (2,5 × 0,8 см). Он происходит из верхней части раннего комплекса и датируется не ранее второй половины IX в., но и не позднее третьей четверти X в. (Дорофеева, 2013. С. 204. Рис. 2, 6).

Еще одно аналогичное изделие происходит из мешаных напластований. При диаметре кольца в 3,5 см длина молотовидной привески составляет 7,1 см (Там же. С. 206. Рис. 2, 8).

В Новгороде выявлена всего одна тордированная гривна с молоточком Тора, кроме того, найдена отдельная свинцовая молотовидная привеска и ее бракованная свинцовая отливка, а также железное, перекрученное в нескольких местах кольцо с четырьмя молоточками. Все эти предметы происходят из предметниковых напластований Троицкого раскопа, расположенного на территории Людина конца, и датируются серединой X в. (Мусин, 2012. С. 562. Рис. 2, 1–3; Покровская, 2007. С. 280–281; Рыбина, Хвоцинская, 2010. С. 74. Рис. 4, 8).

Форма пробоя в составе амулета из раскопок церкви Благовещения (два стержня прямоугольного сечения, образующие петлю в своем завершении) является классической для подобной категории находок, имеющей весьма ши-

рокие хронологические рамки бытования. Как правило, подобные изделия использовались для применения задвижек и привешивания к дверям навесных замков.

Рассматриваемый пробой характеризуется миниатюрным размером (2,9 × 0,3 см). Представляется, что его наличие не имеет символического значения, а предназначено для прикрепления кольца к сундуку или ларцу. Пробои присутствуют в аналогичных изделиях, найденных в Гнездове (Новикова, 1991. С. 196. Рис. 5, 5), а также в погребении № 60 некрополя Бирки (Arbman, 1943. S. 24. Abb. 19, 4–5).

В этом случае указанный амулет с молоточком Тора мог играть роль некоего апомропей или оберега, то есть он мог служить как для охраны, так и для приумножения имущества.

С учетом материалов с синхронных памятников Восточной Европы и Скандинавии рассматриваемое изделие следует датировать рубежом IX–X вв. или просто X в. Оно могло быть привезено варяжскими переселенцами, но могло быть также изготовлено на месте.

Из всего корпуса скандинавских амулетов, найденных на Новгородском (Рюриковом) городище, оно имеет сходство по своему устройству только с тремя аналогичными изделиями из Центрального раскопа, что только подтверждает редкий характер подобных находок на данном торгово-ремесленном поселении. При этом данные предметы не идентичны в полной мере, что позволяет представить классификацию этой категории вещей и выделить два типа:

1. Амулеты стационарного размещения малых размеров (D – 2,3–3,5 см), характеризующиеся проволочным кольцом с завязанными концами. Очевидно, что они использовались для привешивания к сундукам или ларцам, притолокам дверных проемов, внутренней поверхности стен домов в качестве оберегов или апомропеев, о чем свидетельствуют наличие пробоя у некоторых экземпляров и небольшой диаметр кольца.

К этой группе относятся рассматриваемый амулет из раскопок церкви Благовещения, две привески, найденные на Центральном раскопе, кольцо с четырьмя молоточками, найденное на Троицком раскопе, аналогичное ему изделие из кургана у с. Городище Ярославской области (Спицын, 1905б. С. 108. Рис. 33), указанные выше амулеты из Гнездовского археологического комплекса.

2. Амулеты – миниатюрные гривны средних размеров (более 5 см), выделяющиеся тордированным в нескольких местах кольцом и более массивной молотовидной привеской. При археологических исследованиях в Бьоркгордет миниатюрная гривна с молоточком Тора была найдена у материковой ямы возле большого дома 840–1020 гг. (Мусин, 2012. С. 565). На территории Древней Руси к этой группе можно отнести аналогичные изделия из кургана № 138 Шестовицкого могильника (Блифельд, 1977. С. 185. Табл. XXXV, 6) и из Центрального раскопа на Новгородском (Рюриковом) городище.

Находки миниатюрных гривен, связанные с жилыми комплексами, позволяют предположить, что подобные амулеты могли использоваться также и в качестве оберегов обитаемого пространства.

Различие по назначению амулетов, относящихся к одному конкретному божеству, можно объяснить универсальностью культа Тора, на что указывает

использование его символов при самых разнообразных обрядовых практиках, в том числе и погребальных.

В целом подобные находки маркируют роль и распространение определенных культов, которые сохраняли свое значение у скандинавской составляющей полиэтнической среды Верхнего Поволжья во второй половине IX – X в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бліфельд Д. І., 1977. Давньоруські пам'ятники Шестовиці. Київ: Наукова думка. 233 с.
- Дорофеева Т. С., 2010. Скандинавский амулет с городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 28–34.
- Дорофеева Т. С., 2011. Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.: Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН. С. 25–26.
- Дорофеева Т. С., 2013. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗ. Вып. 27: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 200–207.
- Ениосова Н. В., 2009. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. М.: ЛеопАрт. С. 255–275.
- Каргер М. К., 1970. Памятники древнерусского зодчества (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестник АН СССР. Вып. 9. С. 79–85.
- Мусин А. Е., 2012. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. СПб. № 2. С. 555–602.
- Новикова Г. Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ. С. 175–199.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 212 с.
- Покровская Л. В., 2007. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред.: Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 280–284.
- Пушкина Т. А., 1981. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. № 3. С. 285–290.
- Рыбина Е. А., Хвошинская Н. В., 2010. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 66–78.
- Седов Вл. В., 2014. Архитектурно-археологические исследования церкви Благовещения на Городище в 2000 и 2012 гг. // ННЗ. Вып. 28: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 77–93.
- Спицын А. А., 1905а. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 6–70.
- Спицын А. А., 1905б. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 84–172.
- Arbman H., 1940. Birka. 1: Die Gräber: Tafeln. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien. 292 taf.
- Arbman H., 1943. Birka. 1: Die Gräber: Text. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien. 529 s.
- Fuglesang S. H., 1989. Viking and medieval amulets in Scandinavia // Fornvännen. Vol. 84. P. 15–27.
- Jagodziński M., 2015. Truso – the legend of the Baltic Sea: Exhibition catalogue. Elbląg: Muzeum Archeologiczno-Historyczne w Elblągu. 111 p.

Ström K., 1984. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // Birka. II, 1: Sistematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell. S. 127–140.

Сведения об авторе

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

A. A. Kudryavstev

A SCANDINAVIAN AMULET FROM EXCAVATIONS OF THE ANNUNCIATION CHURCH AT GORODISHCHE NEAR NOVGOROD

Abstract. A Scandinavian amulet was found during architectural and archaeological investigations of the Annunciation Church at Ryurikovo Gorodishche (hillfort) when disturbed deposits near the south wall of the church built in 1103 were excavated (2016). The amulet is an iron ring with a hammer-shaped pendant (Thor's hammer) strung onto to it and a miniature clamp. Similar items have been found at the Birka necropolis and in the Gnezdovo archaeological complex. The presence of the clamp as a part of the amulet implies that it was nailed to a casket or a trunk as a kind of an apotropaia or an amulet, which means it was used to protect and boost fortune. The amulet should be dated to the turn of the 9th–10th or the 10th century. It was, probably, brought by Scandinavian settlers or made locally. On the whole, such finds are used as markers of the function and the spread of certain cults that were still practiced by the Scandinavian populations forming part of the polyethnic milieu of the Upper Volkhov region in the second half of the 9th–10th centuries.

Keywords: Novgorod (Rurikovo) Gorodishche hillfort, amulet, Annunciation Church, Scandinavia, the Thor cult, paganism.

REFERENCES

- Arbman H., 1940. Birka, 1. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien. 292 tabl.
- Arbman H., 1943. Birka, 1. Die Gräber. Text. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien. 529 p.
- Blifel'd D. I., 1977. Davn'orus'ki pam'yatniki Shestovitsy [Ancient Russian sites Shestovitsy]. Kiev: Naukova dumka. 233 p.
- Dorofeeva T. S., 2010. Skandinavskiy amulet s Gorodishcha pod Novgorodom [Scandinavian amulet from Gorodishche near Novgorod]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe: Toward 60th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov]*. A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 28–34.
- Dorofeeva T. S., 2011. Amulety X–XIII vv. s Gorodishcha pod Novgorodom [Amulets of X–XIII cc. from Gorodishche near Novgorod]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s'ezda [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress]*, II. N. A. Makarov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: IIMK RAN, pp. 25–26.
- Dorofeeva T. S., 2013. Sheynye grivny i priviski-«molotochki Tora» s Gorodishcha pod Novgorodom (po materialam raskopok 1975–2012 gg.) [Neck-rings and «Thor's hammer» pendants from Gorodishche near Novgorod (based on materials of excavations of 1975–2012)]. *NNZ*, 27, pp. 200–207.

- Eniosova N. V., 2009. Noveye nakhodki skandinavskikh amuletov v Gnezdove [New finds of Scandinavian amulets in Gnezdovo]. *Khoroshie dni: Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* [Good days: In memory of Aleksandr Stepanovich Khoroshev]. Moscow: LeopArt, pp. 255–275.
- Fuglesang S. H., 1989. Viking and medieval amulets in Scandinavia. *Fornvännen*, 84, pp. 15–27.
- Jagodziński M., 2015. Truso – the legend of the Baltic Sea: Exhibition catalogue. Elbląg: Muzeum Archeologiczno-Historyczne w Elblągu. 111 p.
- Karger M. K., 1970. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva (Novye arkhitekturno-arkheologicheskie otkrytiya v Novgorode) [Monuments of ancient Russian architecture (New architecture archaeological discoveries in Novgorod)]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of AS of the USSR], 9, pp. 79–85.
- Musin A. E., 2012. Skandinavskoe yazychestvo na Vostoke po dannym arkheologii: obshchee i osobnoe [Scandinavian paganism in the East based on data of archaeology: common and special]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian archaeological annual], 2. St. Petersburg, pp. 555–602.
- Nosov E. N., 1990. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche [Novgorod (Ryurikovo) fortified settlement]. Leningrad: Nauka. 212 p.
- Novikova G. L., 1991. Skandinavskie amulety iz Gnezdova [Scandinavian amulets from Gnezdovo]. *Smolensk i Gnezdovo* [Smolensk and Gnezdovo]. Moscow: MGU, pp. 175–199.
- Pokrovskaya L. V., 2007. Metallicheskie predmety skandinavskogo proiskhozhdeniya iz raskopok na Troitskom raskope [Metal items of Scandinavian origin from excavations at Troitskiy excavation trench]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [At sources of Russian statehood: historical-archaeological collection of articles: transactions of international scientific conference]. E. N. Nosov, A. E. Musin, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 280–284.
- Pushkina T. A., 1981. Skandinavskie veshchi iz Gnezdovskogo poseleniya [Scandinavian items from Gnezdovo settlement]. *SA*, 3, pp. 285–290.
- Rybina E. A., Khvoshchinskaya N. V., 2010. Eshche raz o skandinavskikh nakhodkakh iz raskopok Novgoroda [Once again on Scandinavian finds from excavations of Novgorod]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova* [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe: Toward 60th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov]. A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 66–78.
- Sedov V. I., 2014. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v 2000 i 2012 gg. [Architecture-archaeological investigations of Annunciation church at Gorodishche in 2000 and 2012]. *NNZ*, 28, pp. 77–93.
- Spitsyn A. A., 1905a. Gnezdovskie kurgany v raskopkakh S. I. Sergeeva [Gnezdovo kurgans in excavations of S. I. Sergeev]. *IAK*, 15. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 6–70.
- Spitsyn A. A., 1905b. Vladimirske kurgany [Vladimir kurgans]. *IAK*, 15. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 84–172.
- Ström K., 1984. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults. *Birka, II, 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. G. Arwidsson, ed. Stockholm: Almqvist & Wiksell, pp. 127–140.

About the author

Kudravytsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: a-kudravytsev@yandex.ru

О. Н. Глазунова, С. А. Денисов

БОНДАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОМПЛЕКСА ПОГРЕБОВ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВОИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. Статья посвящена бондарным изделиям, найденным при раскопках погребов Новоиерусалимского монастыря в 2011 и 2014 гг. Цель работы заключалась в атрибуции предметов, датировке и установлении их функционального назначения за счет сопоставления с уже известными аналогами. Точное определение возможно для трех сосудов: одна бочка служила для хранения воска или меда, две являлись водовозными бочками. Остальные сосуды (33 фрагмента) являлись бочками или кадками, используемыми для хранения продуктов. Помимо этого, бондарные изделия использовались вторично для ремонта пола в погребях.

Ключевые слова: бондарные изделия, погреб, бочка, кадка, диаметр, утор, Новоиерусалимский монастырь.

В 2014 г. в ходе исследования монастырских погребов, проведенного Новоиерусалимской археологической экспедицией Института археологии РАН¹ (руководитель – д. и. н. Л. А. Беляев²), были обнаружены 53 фрагмента бондарной посуды – сосудов, собранных из отдельных клепок-планок, скрепленных в обхват обручами (Колчин, 1968. С. 24). Исследуемое сооружение состояло из трех камер с наземными палатами и располагалось вплотную к западной стене монастыря, между Елизаветинской и Иноплеменничьей башнями. Погребов были возведены в одно время со стеной, в 1690–1694 гг., и пострадали в ходе пожаров 1727 и 1792 гг. (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 16. Оп. 29. Д. 67. Л. 1 об.). После 1792 г. были разобраны северная и центральная наземные палаты, а расположенные под ними камеры засыпаны. К 1910 г. осталась только южная палата с расположенной под ней камерой (Российский гос. исторический архив. Ф. 799. Оп. 33. Д. 969. Л. 8).

¹ Экспедиция ведет работы в связи с восстановлением монастыря с 2009 г. Предварительные публикации многочисленны. См. основные: Беляев, 2013 (в том же номере – серия статей по работам 2009–2012 гг.); 2014а; 2014б; 2016; Беляев, Глазунова, 2015 (там же список ранее опубликованного).

² Благодарим руководство экспедиции за разрешение опубликовать артефакт со своими комментариями.

Археологическое исследование северной и центральной камер сооружения производилось Ю. А. Лихтер в 1982 г., Е. Л. Хворостовой в 1996 г., Л. А. Беляевым в 2011 г. Основной целью работ было выявление сохранившихся фундаментов погребов для их дальнейшей реставрации (*Лихтер*, 1984. С. 3–4; *Хворостова*, 1996. С. 40; *Беляев*, 2012. С. 63–68). В всех случаях не было обнаружено каких-либо фрагментов деревянной посуды.

В 2014 г. при расчистке фундаментов под обвалившимися сводами погребов были выявлены деревянные перекрытия пола, представлявшие собой лаги, на которые были настелены доски (половицы). Перекрытия были выявлены в юго-западном углу центральной камеры погребов и в северо-западном углу северной камеры сооружения на уровне от -3,8 м до -4,5 м от современной дневной поверхности (рис. 1). Их площадь составила: в центральной камере 16 кв. м, в северной камере – 13 кв. м. Слой, в котором располагались перекрытия, обладал высокой влажностью, что обеспечило хорошую сохранность органики, в частности дерева: сохранились расположенные на половицах и лагах фрагменты бондарной посуды, большое количество щепы, а также деревянный чекмарь. При разборе слоя в северной камере погребов была найдена медная монета, деньга 1713 г., позволяющая датировать напластования периодом не ранее 1710-х гг. В то же время наличие большого количества угля позволяет связать слой с периодом после пожара 1727 г. Фрагменты бондарных сосудов практически не пострадали от огня, однако часть из них (15) была покрыта расплавленным воском и нагаром с двух сторон, что могло произойти после перемещения уже пострадавших в огне предметов. Все это позволяет датировать слой периодом 1713–1792 гг.

Большинство из собранных фрагментов (52) было обнаружено в центральной камере погребов. Они были расположены компактно, занимая площадь около 4 кв. м. Еще одна часть бондарного сосуда была найдена в северной камере постройки. Все сосуды были сделаны из лиственных и хвойных пород деревьев. Определимыми являются 36 фрагментов, большинство из которых (28) представляют днища. Их длина составила от 10 до 65,5 см, ширина – от 3,5 до 15,3 см, толщина – от 1 до 2 см. Хорошая сохранность дерева позволила вычислить диаметр, который составил от 18,9 до 65,5 см. Точно идентифицировать с конкретным типом сосудов можно три фрагмента, благодаря расположенным на них владельческому знаку и вертикальным чертам (рис. 2, 1, 5). Эти признаки позволяют отнести их к днищам бочек. Диаметр фрагмента, имевшего знак, составил 45,5 см. Сосуды, имевшие аналогичный диаметр, встречены в Новгороде и относятся к десятиведерным бочкам (*Колчин*, 1968. С. 25–26)³. Высота таких бочек по днищу составляет 65 см, общая длина клепки – 70–75 см. Владельческий знак сделан в виде вертикальной черты, от концов которой под углом в 45 градусов в разные стороны отходили две короткие черты. Схожие знаки зарегистрированы в писцовых книгах XVI–XVII вв., имеют название «орик» и символизируют тип оральных сох (*Антилогов*, 1964. С. 157. Рис. 1. № 47). Согласно упомянутым источникам, «орик» обозначал право собственности на бортные деревья (*Соболев*, 1934. С. 16;

³ Коллекция новгородских бондарных изделий датируется X–XV вв. (*Колчин*, 1968. С. 24). Их сопоставление с рассматриваемыми изделиями, датируемыми XVIII в., возможно на основании типологического сходства предметов.

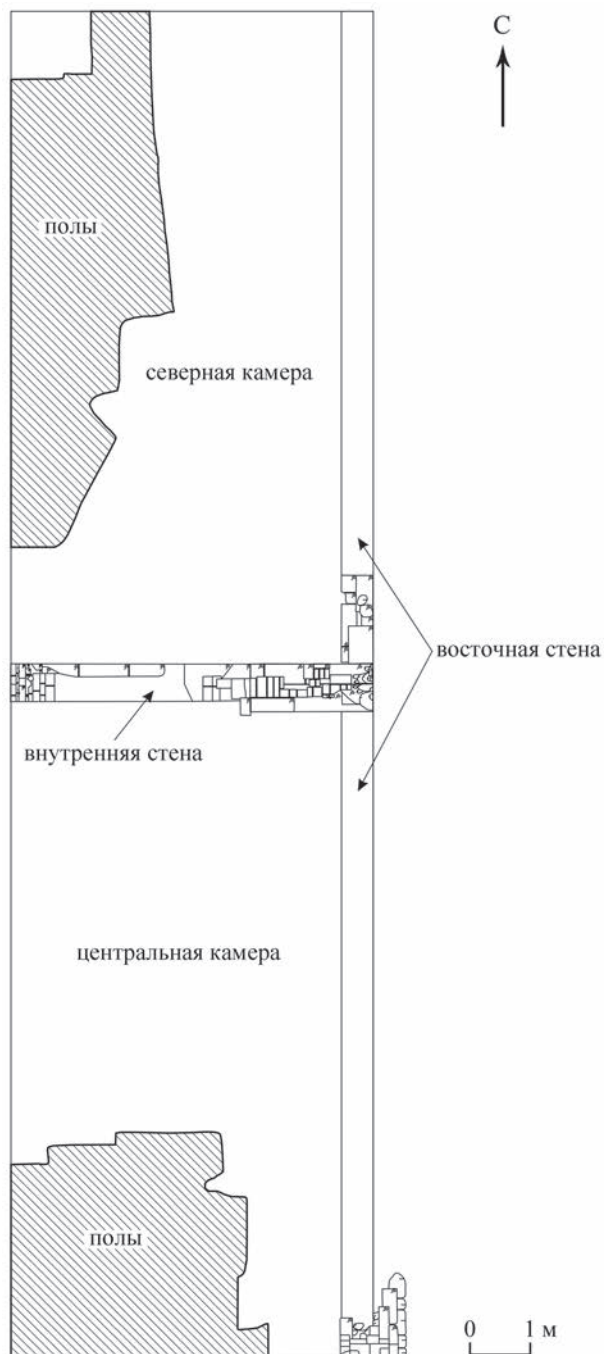

Рис. 1. План расположения деревянных полов в погребках

Рис. 2. Бондарные изделия

Анпилогов, 1964. С. 153), хотя, скорее всего, это являлось частным выражением его функции как владельческого знака⁴. Размещение такого знака на днище бочки являлось характерным для новгородской посуды (Колчин, 1968. С. 30–31). Диаметр двух других фрагментов, имевших насечки, составил 55,1 и 62 см. Аналогичные по размеру сосуда также встречены в Новгороде и относятся к водовозным бочкам (Там же. С. 25). Их высота достигала 135 см.

Остальные изделия можно идентифицировать более общим образом, отнеся их по диаметрам к нескольким группам: 33–38,6 см, 43,7–48 см, 50–65,5 см. Судя по размерам, они относились к бочкам или кадкам. Отдельную группу образуют два сосуда, имевшие диаметр 18,9 и 24,5 см и относившиеся к небольшим изделиям (маленьким бочонкам или жбанам).

Большинство фрагментов (24) имели уторные соединения, относящиеся к типам Б и В (рис. 2, 2, 4, 5) по Б. А. Колчину (Колчин, 1968. С. 28–29). Остальные

⁴ Разнообразные по форме владельческие знаки располагались на различных деревянных предметах: поплавках, пральниках и др. (Колчин, 1968. С. 19–22).

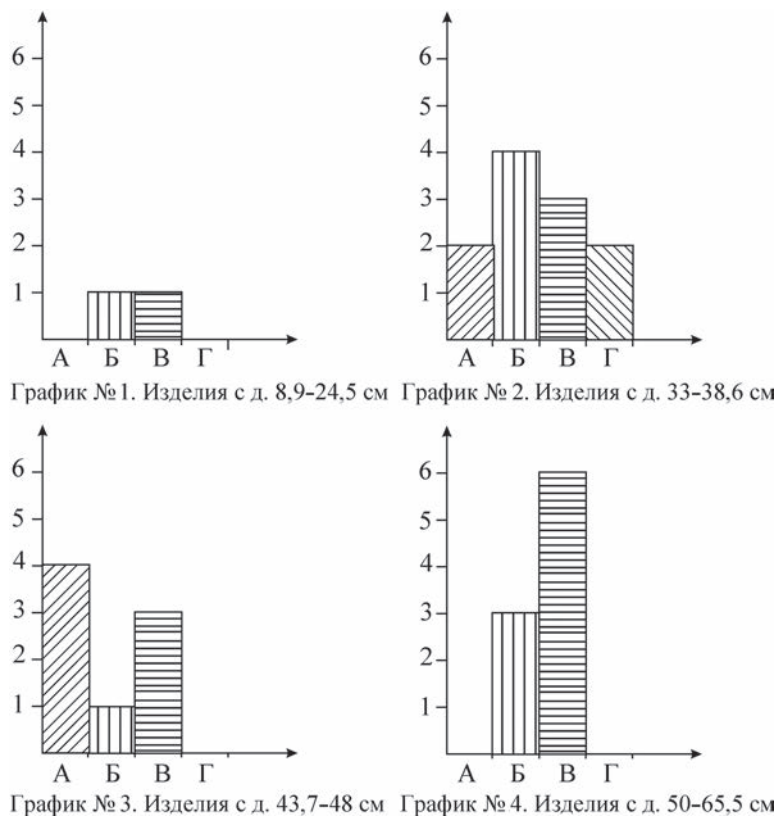

Рис. 3. Распределение типов уторных соединений по группам диаметров сосудов

фрагменты (рис. 2, 1, 3) имели уторы типа А (6) и Г (2). При этом 5 фрагментов были подтесаны вторично и имели утор типа Б. Возможно, они были использованы после разбора бочки для создания другого изделия. Для новгородской посуды характерно иное распределение типов уторных соединений, из которых большинство составляют соединения типа А, далее следуют уторы типов Б и В (Колчин, 1968. С. 28–29).

Помимо днищ, были обнаружены два фрагмента деревянных обручей, скреплявших клепки бондарных изделий. Один обруч имел размер $\frac{1}{2}$ прута (рис. 2, 6), второй – прут (рис. 2, 7). При этом второй обруч имел выступ для скрепления лозы. Аналогичные изделия найдены в Новгороде (Там же. С. 29).

Помимо бочек, было найдено 2 фрагмента крышек от открытых сосудов, которые имели на краях углубления для ушек (рис. 2, 2, 4) и относились к типу 2 по Б. А. Колчину (Там же. С. 29). Диаметр первой крышки составил 34,4 см, диаметр второй крышки – 38 см. Вероятнее, эти фрагменты относились к ушатам, диаметр которых составлял от 35 до 40 см (Там же. С. 28).

Распределение уторов внутри группы показывает, что наиболее распространенными были уторы типов Б и В, остальные уторы встречаются реже (рис. 3,

1–4). Такое соотношение связано, по всей видимости, с тем, что уторы Б и В являлись универсальными, т. е. подходили для любых типов изделий.

Бондарная посуда активно использовалась в монастырском хозяйстве. В частности, в книгах за 1665 г. упоминаются ушата, ведра и шайки, используемые кузنيшным монахом Тимофеем (*Леонид*, 1875. С. 586). В документах упоминаются также бочки как средство транспортировки извести (Там же. С. 667, 743).

Однако большинство обнаруженных сосудов, относимых к бочкам и кадкам, служило для традиционного хранения продуктов в погребе (*Александров*, 1981. С. 189. Рис. 1). Об этом свидетельствуют найденные вместе с бондарными изделиями фрагменты засоленной рыбы, приготовление и хранение которой осуществлялось в кадках и бочках. Помимо этого, в документах говорится о производстве напитков (кваса, пива и бражек), происходившем в монастыре. Так, перед приездом царя Алексея Михайловича в 1678 и 1679 гг. из Москвы были присланы чиновники для организации такого производства (*Леонид*, 1875. С. 550, 551).

Помимо своей непосредственной функции, бондарные изделия в нашем случае были использованы вторично для ремонта пола погребов, проваливавшихся после пожара 1727 г. Об этом свидетельствует компактное расположение большинства фрагментов на деревянных перекрытиях, а также их состав: в ходе работ не было найдено ни одной боковой стенки бондарной посуды, так как ее длина или искривление не подходили для целей ремонта.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В. А.*, 1981. Этнография русского крестьянства Сибири (XVIII – середина XIX в.). М.: Наука. 274 с.
- Антипов Г. Н.*, 1964. Бортные знамена как исторический источник (По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI в. и 20-х годов XVII в.) // СА. № 4. С. 151–169.
- Беляев Л. А.*, 2012. Научно-исследовательские археологические работы, включающие археологические раскопки и шурфовки на объекте: Воскресенский Ново-Иерусалимский Ставропигиальный мужской монастырь, расположенный по адресу: 143500, Московская обл., Истринский р-н, г. Истра, ул. Советская, д. 2. Т. 10 // Архив ИА РАН. М. № 30220.
- Беляев Л. А.*, 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. С. 30–41.
- Беляев Л. А.*, 2014а. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица / Отв. ред. М. А. Орлова. М.: Гос. ин-т искусствознания. С. 48–61.
- Беляев Л. А.*, 2014б. Фляга патриарха Никона и ее европейские аналоги // Живая старина. № 4. С. 2–5.
- Беляев Л. А.*, 2016. Новый Иерусалим и другие эталонные памятники Нового времени в России // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: тез. докл. науч. конф. (Москва, 20–22 ноября 2013 г.). М.: Древности Севера. С. 5–6.
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н.*, 2015. Маркёры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН. С. 147–154.
- Колчин Б. А.*, 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. 182 с. (САИ; вып. Е1-55.)

- Леонид (Кавелин), 1875. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря... // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Т. 3. М.: Унив. тип. С. 545–767.
- Лихтер Ю. А., 1984. Ново-Иерусалимский монастырь. Отчет по археологическим раскопкам // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 9997.
- Соболев Н. Н., 1934. Русская народная резьба по дереву. М.: Полиграфкнига. 477 с.
- Хворостова Е. Л., 1996. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Ново-Иерусалимского монастыря в 1995 г. // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 19886.

Сведения об авторах

Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Денисов Сергей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: densera@yandex.ru

O. N. Glazunova, S. A. Denisov

COOPERAGE FROM THE SET OF CELLARS
IN THE NOVO-IERUSALIMSKIY MONASTERY

Abstract. The paper describes cooperage found in the course of excavations of the Novo-Ierusalimskiy Monastery in 2011 and 2014. The aim of the exploratory work was to perform attribution and dating of the items as well as identify their functional purpose through comparison with known analogies. The exact attribution is possible only for three vessels: one barrel was used to store wax or honey; two barrels were used to carry water. The remaining vessels (33 fragments) were either barrels or tubs for storing food products. Besides, the secondary use of cooperage to repair the floor in the cellars was established.

Keywords: cooperage, cellar, barrel, tub, diameter, chime, Novo-Ierusalimskiy Monastery.

REFERENCES

- Aleksandrov V. A., 1981. Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri (XVIII – seredina XIX vv.) [Ethnography of Russian peasantry in Siberia (XVIII – mid XIX cc.)]. Moscow: Nauka. 274 p.
- Anpilogov G. N., 1964. Bortnye znamena kak istoricheskiy istochnik (Po Putivl'skim i Ryl'skim perepisnym materialam kontsa XVI v. i 20-kh godov XVII v.) [Beehive signs as historic source (Based on Putivl' and Ryl'sk census materials of late XVI c. and 20-s of XVII c.)]. *SA*, 4, pp. 151–169.
- Belyaev L. A., 2012. Nauchno-issledovatel'skie arheologicheskie raboty, vklyuchayushchie arheologicheskie raskopki i shurfovki na ob'ekte: Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy Stavropigial'nyy muzhskoy monastyr', raspolozhenny po adresu: 143500, Moskovskaya obl., Istrinskiy r-n, g. Istra, ul. Sovetskaya, d. 2. Tom 10 [Scientific-research archaeological works, including archaeological excavations and sounding at object: Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy Stavropegic monastery, address: 143500, Moscow region, Istra district, Istra, Sovetskaya str., 2. Vol. 10]. *Arkhive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Belyaev L. A., 2013. Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy monastyr' kak pamyatnik arheologii nachala Novogo Vremeni [The Voskresenskiy (Resurrection) New Jerusalem monastery as an archaeological site from the early modern period]. *RA*, 1, pp. 30–41

- Belyaev L. A., 2014a. Flyaga patriarkha Nikona i ee evropeyskie analogi [Patriarch Nikon's flask and its European analogies]. *Zhivaya starina [Living antiquity]*, 4, pp. 2–5.
- Belyaev L. A., 2014b. Keramicheskie ikony Khrista v Novo-Ierusalimskom monastyre [Ceramic icons of Christ in Novo-Ierusalimskiy monastery]. *V sozvezdii L'va: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu v chest' L'va Isaakovicha Lifshitsa [In constellation Leo: collection of articles in ancient Russian art in honour of Lev Isaakovich Lifshits]*. M. A. Orlova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya, pp. 48–61.
- Belyaev L. A., 2016. Novyy Ierusalim i drugie etalonnnye pamyatniki Novogo vremeni v Rossii [Novyy Ierusalim and other reference sites of Modern time in Russia]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii [From Time of troubles to Empire. New discoveries in the field of archaeology and history of Russia of XVI–XVIII cc.: abstracts of scientific conference]*. Moscow: Drevnosti Severa.
- Belyaev L. A., Glazunova O. N., 2015. Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Markers of West: new elements of European artistic and technological tradition in archaeological materials of Novo-Ierusalimskiy monastery]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiума RAN [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental researches of Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow: IEA RAN, pp. 147–154.
- Khvorostova E. L., 1996. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Novo-Ierusalimskogo monastyrya v 1995 g. [Report on architectural-archaeological investigations in territory of Novo-Ierusalimskiy monastery in 1995]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Kolchin B. A., 1968. Novgorodskie drevnosti. Derevyannye izdeliya [Novgorod antiquities. Wooden artefacts]. Moscow: Nauka. 182 p. (SAI, E1-55.)
- Leonid (Kavelin), 1875. Istoricheskoe opisanie stavropigial'nogo Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuemogo, monastyrya... [Historic description of stavropegic Voskresenskiy monastery, called Novyy Ierusalim...]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universite [Readings in Imperial Society for Russian History and Antiquities at Moscow University]*, 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 545–767.
- Likhter Yu. A., 1984. Novo-Ierusalimskiy monastyr'. Otchet po arkheologicheskim raskopkam [Novo-Ierusalimskiy monastery. Report on archaeological excavations]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Sobolev N. N., 1934. Russkaya narodnaya rez'ba po derevu [Popular Russian wood carving]. Moscow: Poligrafkniga. 477 p.

About the authors

Glazunova Olga N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Denisov Sergey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: densera@yandex.ru

В. Л. Державин

ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТЫ ШПИЦБЕРГЕНА

Резюме. XVIII в. по праву считается периодом расцвета поморской колонизации Шпицбергена. К этому времени относится большая часть становищ, а также крестов, выполнявших различные функции, практически не сохранившихся, но которые тогда были неотъемлемой частью арктического ландшафта. В настоящее время на севере архипелага в заливе Мерчисон-фьорд на 80° с. ш. стоят два пятиметровых православных креста – последние на архипелаге. Характер надписей позволяет по крайней мере один крест считать старообрядческим. Письменные, изобразительные и археологические источники дают основания прийти к заключению, что в XVIII в. значительную роль в организации становищ на Шпицбергене сыграли поморы-старообрядцы, которые всегда рядом с ними устанавливали кресты.

Ключевые слова: Шпицберген, архипелаг, становище, крест, остров, поморы, старообрядцы, православный.

Роли православия в истории архипелага раньше мало уделялось должного внимания, поскольку поморов, осваивавших Шпицберген или Новую Землю, а также другие районы Арктики, не различали по конфессиональной принадлежности. Да и в целом вопросы, связанные с христианством, в научных работах до последнего времени практически не затрагивались. Что касается духовной культуры поморов Шпицбергена, то в публикациях отечественных «полярных» историков совершенно не придавалось значения религиозному фактору в процессе колонизации архипелага. Такие ключевые понятия, как «православие», «староверы» или «старообрядчество», в их работах почти не встречались. Все они подменялись общими словами о духовной культуре поморов с перечислением некоторых артефактов («культовых предметов»), как бы подтверждающих ее высокий уровень. Но в таком случае невозможно понять, какие же мотивы побуждали жителей Русского Севера с огромным риском и неизбежными жертвами осваивать далекие и мало приспособленные для нормального существования арктические архипелаги.

Сравнительно недавно тема православия на Шпицбергене стала осторожно подниматься в работах норвежских исследователей Валинга и Анастасии Гортер, Йенса Нильсена, а также архангельского историка Т. С. Минаевой. Несомненно, вклад староверов в развитие звериных промыслов в XVIII в., судя

по письменным и археологическим источникам, был весьма значительным. Однако умалять достижения и самоотверженность представителей официальной церкви также не следует (Минаева, 2014. С. 30). В качестве примера достаточно вспомнить, пожалуй, самого знаменитого помора Груманта (Шпицбергена) Ивана Старостина, начавшего девятилетним зуйком (так поморы называли мальчиков-подростков в промысловых артелях на отхожих промыслах) ходить вместе с отцом на промыслы по заданию братии Соловецкого монастыря и проведенного на архипелаге 39 зимовок. Причем последние 15 лет он вообще не покидал остров, завершив свой жизненный путь в становище Руссекейла на 78° северной широты (Сопвай, 1906. Р. 272). В знак глубокого уважения к Старостину знаменитый шведский исследователь Н. А. Норденшельд в 1864 г. поклонился могиле легендарного помора и в память о нем назвал его именем мыс, а небольшой залив, где располагалось становище, Соловецкой бухтой.

Зимовавшие не по своей воле более шести лет (1743–1749) на острове Эдж четыре мезенских промышленника также не были староверами. Вместе с тем история русских «робинзонов», как их называли, настолько поразила европейскую читающую публику того времени, что книга об их злоключениях вскоре была быстро переведена на многие языки. Подвиг мезенцев вообще не имеет аналогов в истории освоения Арктики (Ле Руа, 1975).

На XVIII в. приходится расцвет поморской деятельности на архипелаге Шпицберген, а также на Новой Земле. На берегах архипелага возвышались сотни величественных православных крестов, имевших различное функциональное назначение и придававших суровому арктическому ландшафту особый неповторимый облик, который не оставлял равнодушным ни одного европейского путешественника.

Поморские кресты

Как ни странно, но на старообрядческий фактор колонизации Шпицбергена сначала обратили внимание скандинавские исследователи. Норвежский геолог Бальтасар Кейльхау, совершивший два плавания к архипелагу, в 1827 и 1828 гг., стал первым из них (Keilhau, 1831). Во время посещения острова Эдж (Восточный Шпицберген) он дал подробное описание крупного русского становища, известного теперь как Хабеннихтбукта, проиллюстрировав свое сообщение собственноручным рисунком. Над входом в одну из построек Кейльхау смог прочесть надпись, что «сія изба староверска», из которой понял, что «дом принадлежал людям старой веры». Аналогичная табличка с надписью была прибита и над входом в избу, в которой поселились мезенские поморы, проведенные на том же острове долгие шесть лет.

Вблизи жилищного комплекса, как писал Кейльхау, стояли пять крестов высотой 3,5–4,0 м, покрытых резьбой и надписями, «некоторые из которых были славянскими, а другие – русскими». Как известно, при написании чисел старообрядцы старались не использовать арабские цифры в отличие от представителей официальной церкви, поэтому наблюдение Кейльхау крайне важно. При этом он дословно привел надпись на одном из крестов, установленных

«православным христианином во славу Божию кормщиком Иваном Рогачевым в год 1809» (*Keilhau*, 1831. S. 156). На самом позднем из крестов стоит дата – 1826 год. Еще один крест Иван Рогачев воздвиг на мысе Богемана на северном берегу Ис-фьорда (Западный Шпицберген). В 1864 г. на этот крест обратил внимание А. Э. Норденшельд, прочитавший на нем и надпись, которая гласила, что этот крест был «воздвигнут в честь Христа для верующих старой веры предводителем Иваном Рогачевым в 1809 г.». Из архивных документов достоверно известно, что Рогачев был «онежанин», т. е. уроженцем карельского берега. Кормщиком он ходил на Шпицберген и Новую Землю по заданию старообрядческой Даниловой пустыни, которую еще называли Выгорецким (Выговским) общежительством (ГАОО. Фонд 4. Опись 9. Дело 91).

Старообрядцы, как известно, не признавали петровскую календарную реформу, предписывавшую вести летоисчисление не от Сотворения мира, как до реформ патриарха Никона, а от Рождества Христова. И в этом аспекте надписи на крестах Ивана Рогачева выглядят не совсем каноническими. Вероятно, они свидетельствуют о том, что в начале XIX в. некоторые ревнители старой веры уже не так строго держались «древлего благочестия», но не только из-за жесткого прессинга государственной власти, а из-за часто возникавших разногласий в самой старообрядческой среде.

Кресты Мерчисон-фьорда

Шведский геолог Вильгельм Карлхейм-Гюлленшельд в интересной работе «På åttionde breddgraden», опубликованной в 1900 г., также обратил внимание на староверов Шпицбергена. В 1898 г. он, будучи участником русско-шведской меридиональной экспедиции, на севере архипелага в Мерчисон-бухте, которую норвежцы именовали Русской губой, а расположенные там острова – Русскими (*Conway*, 1906. P. 261), произвел любительские раскопки поморского становища и описал стоящие на островах (Северный Русский и Кроссойя) два поклонных креста, а также произвел их первую фотосъемку.

Однако первую информацию о кресте на одном из островов привел в своих записках А. Э. Норденшельд, посетивший остров Кроссойя в 1861 г. в составе шведской научной экспедиции О. Торелля.

В 50-х гг. прошлого столетия в Мерчисон-фьорде побывал североамериканский геолог Уэстон Блейк, который сделал фотографии крестов (*Blake*, 1961. P. 104), а в 1978 г. остров посетил инспектор по культуре Свальбарда (Шпицбергена) П.-К. Рюймерт.

В 2000 г. исторические памятники на обоих островах были осмотрены шведским исследователем Урбаном Урокбергом, который обратил внимание на изменение в положении деревянных деталей постройки после раскопок Карлхейм-Гюлленшельда 1898 г. Несмотря на большую удаленность островов от обитаемых мест, они, как считает Урокберг, все же посещаются редкими туристами и промысловиками, которые, по его мнению, постепенно разбирают культурно-исторический объект на «сувениры» (*Урокберг*, 2006. С. 121).

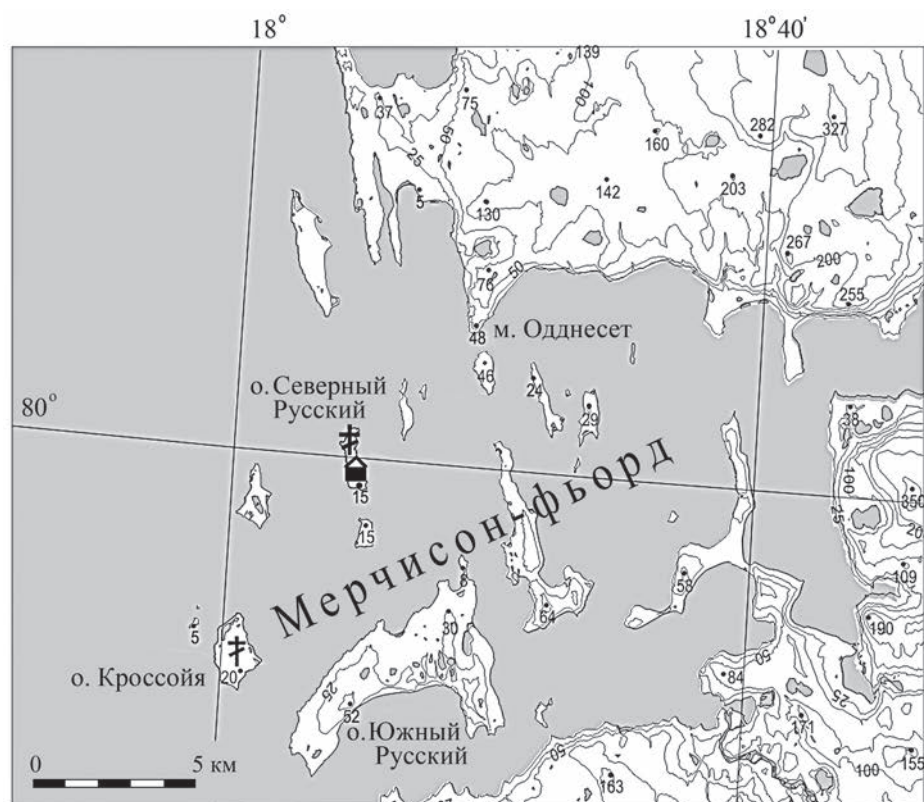

Рис. 1. Карта островов в Мерчисон-фьорд

Рис. 2. Крест на Северном Русском острове. Фото У. Урокберга. 2000 г.

В 2005 г. на острове Кроссой проводил исследования российский геолог В. В. Шарин с целью изучения четвертичных отложений в этом труднодоступном районе архипелага (Шарин, Державин, 2012. С. 251).

Спустя четыре года на островах побывал норвежский исследователь Валинг Гортер, а результатом его поездки стала публикация статьи «Памятники промысловой поморской культуры на 80° северной широты» (Гортер и др., 2011).

К настоящему времени на Шпицбергене уцелели только эти два поклонных креста высотой около 5 метров. Но точных замеров их никто не производил (рис. 1).

Крест на Северном Русском острове, укрепленный в основании небольшой каменной наброской, стоит под некоторым наклоном недалеко от поморского становища, раскопанного Карлхейм-Гюлленшельдом (рис. 2). А крест на острове Кроссой, мощная вертикальная стойка которого вытесана из крупного ствола дерева (плавника), в основании был закреплен мощной каменной крепидой конусовидной формы (рис. 4).

Из сохранившихся на первом кресте надписей можно прочесть следующее (рис. 3).

На верхней короткой перекладине нанесена «пилатова титла»: **І... ЦІ** (т. е. «Исус Назарей Царь Иудейский»), а на основной – **ІС ХС**. Имя Спасителя староверы, как известно, писали через одно «и» в отличие от нововведенного – «Иисус Христос». Нижняя косая перекладина (подножие) не сохранилась, но

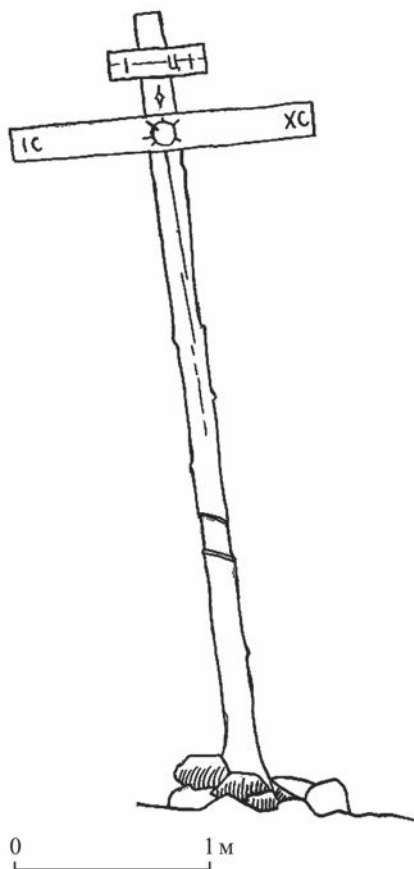

Рис. 3. Северный Русский остров.
Прорисовка надписей В. Гортера.
2009 г.

на кресте остался выруб, к которому она крепилась. Обычно на нее наносилась монограмма **ИИ КА** («Победа»).

На самом верху креста острова Кроссоя (рис. 5) можно прочитать **ЦРЬ СЛВЫ**, а ниже на планке **ИН ЦИ** («Исус Назарей Царь Иудейский»). Орфография этой надписи несколько отлична, чем на кресте соседнего острова. На средней перекладине читается **ИС СЫНЬ БОЖИИ ХС** («Исус Сын Божий Христос»). Подножие (**ИИ КА**) также не сохранилось, но выруб намечен отчетливо. Между подножием и большой перекладиной изображены Копие и Трость – орудия Страстей Христовых, которые обычно обозначались по первым буквам этих слов: **К** и **Т**, но здесь они отсутствуют. Причину несохранившихся нижних перекладин на обоих крестах Карлхейм-Гюлленшельд усмотрел в том, что их основания оказались сильно исцарапаны когтями медведей.

Крест на Северном Русском острове исследователи сначала считали старообрядческим, а крест на Кроссоя – «никонианским» (Гортер и др., 2011. С. 94). Но ведь на обоих крестах читается «пилатова титла», т. е. **ИН ЦИ**, отвергнутая большинством старообрядцев-безпоповцев, что позже дало основание Т. С. Минаевой пересмотреть высказанную в коллективной статье точку зрения и оба креста отнести к представителям официальной церкви (Минаева, 2015. С. 96). Вместе

с тем наличие подобной надписи далеко не во всех случаях свидетельствует о принадлежности таких крестов исключительно «никонианам». Крест на Кроссоя мог быть установлен староверами федосеевского согласия, признавшими «**ИН ЦИ**», но, правда, отказавшимися от этих «литер» после продолжительных дискуссий с поморцами лишь в самом конце XVIII в. Это тем более очевидно, что остальные надписи на этом кресте полностью соответствуют старообрядческой традиции. Федосеевцы представляли один из основных толков староверов-безпоповцев, отказавшихся окончательно от «пилатовой дщицы» только в 1791 г. Но именно по этой причине от федосеевцев откололись так называемые «титловцы», продолжавшие придерживаться надписи «**ИН ЦИ**» и в XIX в. (Ивановский, 1887. С. 94). Можно также отметить, что староверы, принявшие священство (поповцы), были весьма далеки от этих острополюемических споров,

Рис. 4. Крест на острове Кроссой. Фото В. В. Шарина. 2005 г.

хотя сами использовали пилатову надпись («**ин ци**»), но не придавали ей принципиального значения, как безпоповцы.

Карлхейм-Гюлленшельд, изучая крест на острове Северный Русский, обратил внимание на процарапанную дату, ныне не сохранившуюся, «1798», а вот надписи **І...ЦИ** и **ІС ХС**, как ни странно, не зафиксировал в отличие от исследователей нашего времени (*Гортер и др.*, 2011. Рис. 7). Крест на острове Северный Русский, с учетом не полностью сохранившихся на нем надписей, можно причислить как к старообрядцам, так и «никонианам», а дата, которую зафиксировал шведский геолог, могла быть нанесена другими промысловиками, в т. ч. и норвежскими, позже.

Исходя из своих наблюдений, Карлхейм-Гюлленшельд сделал важный вывод о том, что «большая часть русских промышленников на Шпицбергене относилась... к секте староверов» (*Старков*, 2011. С. 109). Видимо, он интуитивно догадывался о старообрядческом факторе, сыгравшем важную роль в колонизации архипелага, выразив в художественной форме личное отношение к этому процессу, отметив при этом, что «для этих несчастных Шпицберген представлялся землей обетованной, где они могли жить в мире и покое и выполнять свои духовные обряды так, как они пожелают, и где они могут жить практически так же, как и раньше у себя дома, а может быть, даже лучше, поскольку их жизнь давала им то, чего им так не хватало дома» (Там же. С. 110). Информацию о русских промышленниках ему предоставили не только норвежские трапперы,

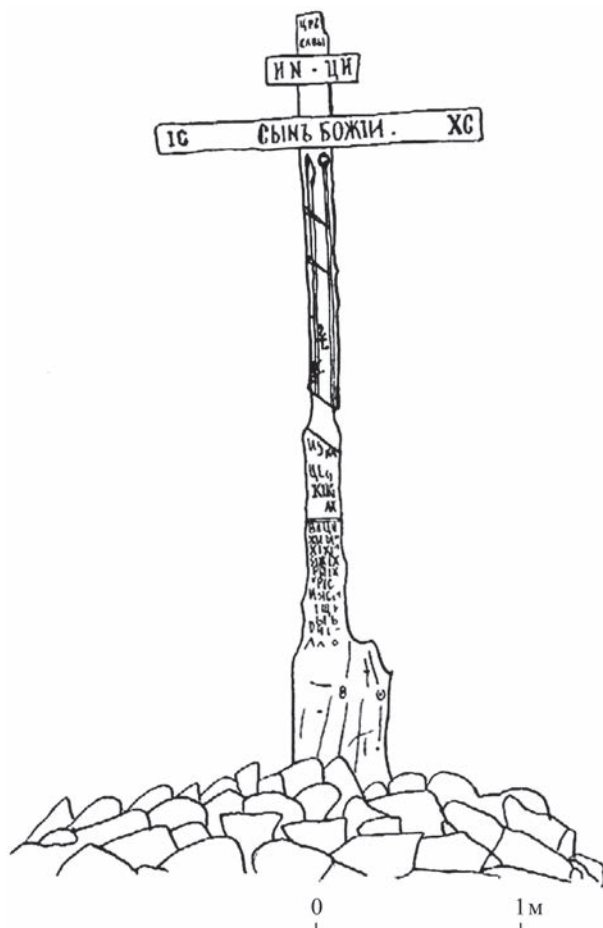

Рис. 5. Крест на Кроссой. Прорисовка надписей В. Гортера. 2009 г.

но и сотрудники русского консульства северной Норвегии, которые для него переводили надписи на русских крестах.

В конце 90-х гг. прошлого столетия еще один из последних стоявших на Шпицбергене крестов высотой около 3 м из-за угрозы обрушения был вывезен из района Вейде-фьорда и в настоящее время выставлен в музее Свальбарда в Лонгиербюене – административном центре архипелага. Судя по надписям, он «никонианский», поскольку имя Спасителя передано посредством титлы как «ИСЪ», т. е. через два «и».

Заключение

Таким образом, оба креста в Мерчисон-фьорде, напомним, являются последними уцелевшими на архипелаге православными крестами, а в то же время и самыми северными в мире подобными археологическими объектами (80° с. ш.).

О наличии старообрядческого пласта на Шпицбергене можно судить не только по православным крестам, которые запечатлены на рисунках и описаны в записках европейских путешественников XVIII – начала XX в. Сюда относятся предметы мелкой металлопластики, эпиграфические данные, уникальные находки деревянных предметов религиозного назначения, свидетельства отечественных и зарубежных авторов прошлого. Вместе с тем полный анализ всех этих данных выходит за рамки настоящей статьи. Только рассмотрев все вышеперечисленные источники, можно будет найти ответ на поставленный в начале статьи вопрос о мотивах и целях колонизации арктических островов поморами. Из письменных источников хорошо известно, что история освоения Шпицбергена и Новой Земли была часто связана с судьбами одних и тех же промышленников-мореплавателей, многие имена которых история, к счастью, все же сохранила (*Визе*, 1948).

С ответом на вышепоставленный вопрос, безусловно, связан и следующий: о причинах упадка русских промыслов и ухода поморов со Шпицбергена к середине XIX в. Но это тема для отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Визе В. Ю.*, 1948. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII–XIX вв. М.; Л.: Главсевморпуть. 72 с.
- ГАОО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 91.
- Гортер А. А., Гортер В. Т., Минаева Т. С.*, 2011. Памятники поморской культуры на 80° с. ш. // Соловецкое море. № 10. С. 86–96.
- Ивановский Н.*, 1887. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Ч. I. 2-е изд. Казань: Тип. Ун-та. 254 с.
- Ле Руа П. Л.*, 1975. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесенных. М.: Мысль. 56 с.
- Минаева Т. С.*, 2014. Мифы и реальность в жизни русских промышленников на Шпицбергене в XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая история. М. № 4. С. 26–31.
- Минаева Т. С.*, 2015. Языческие и христианские традиции поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – первой половине XIX в. // Рябининские чтения – 2015: материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи». С. 95–96.
- Старков В. Ф.*, 2011. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М.: Таус. 127 с.
- Урокберг У.*, 2006. Время пионеров и любителей // Архипелаг Шпицберген в исторических исследованиях. М.: Научный мир. С. 88–134.
- Шарин В. В., Державин В. Л.*, 2012. Острова Кроссоя и Руссоя – геологические и археологические памятники Шпицбергена // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии к археотуризму: материалы междунар. конф. (Москва – Смоленск, 20–24 августа 2012 г.). М.; Смоленск: Универсум. С. 251–255.

- Blake W., 1961. Russian settlement and rise in Nordaustlandet, Spitsbergen // *Journal of the Arctic Institute of North America*. Vol. 14, no. 2. P. 101–111.
- Conway M., 1906. *No Man's Land*. Cambridge: At the University Press. 378 p.
- Keilhau B. M., 1831. *Reise i Øst- og Vest-Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen, i Aarene 1827 og 1828*. Christiania: Johan Krohn. 247 s.

Сведения об авторе

Державин Виктор Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: derzh@yandex.ru

V. L. Derzhavin

LAST CROSSES OF SPITSBERGEN

Abstract. The eighteenth century is the period when the Pomor colonization of Spitsbergen reached its peak. Most temporary camps and wooden crosses dated to this period. The crosses performed various functions; however, most of them have not survived, though in the past these crosses were an integral feature of the Arctic landscape. Presently, two five-meter high Orthodox Church crosses, the last remaining crosses on the archipelago, stand high in the northern part of the archipelago in the Murchison Bay fjord at 80° north latitude. The characteristics of the inscriptions allow the scholars to attribute at least one cross to the Old believers' tradition. Written, figurative and archaeological sources provide ample evidence to conclude that Pomors who were Old rite believers played an important role in arranging temporary camps on Spitsbergen; they always erected crosses near such camps.

Keywords: Spitsbergen, archipelago, temporary camp, cross, island, Old believers, Orthodox.

REFERENCES

- Blake W., 1961. Russian settlement and rise in Nordaustlandet, Spitsbergen. *Journal of the Arctic Institute of North America*, vol. 14, no. 2, pp. 101–111.
- Conway M., 1906. *No Man's Land*. Cambridge: At the University Press. 378 p.
- Gorter A. A., Gorter V. T., Minaeva T. S., 2011. Pamyatniki pomorskoy kul'tury na 80° s. sh. [Pomor culture sites at 80° North latitude]. *Solovetskoe more [Solovki Sea]*, 10, pp. 86–96.
- Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State archive of Archangel Region]. F. 4, Op. 1, D. 91. (In Russian, unpublished.)
- Ivanovskiy N., 1887. Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedeniy o sektakh ratsionalisticheskikh i misticheskikh [Manual on history and exposure of Old-believers' split with additional data on sects rational and mystical], I. 2nd edition. Kazan': Tipografiya Universiteta. 254 p.
- Keilhau B. M., 1831. *Reise i Øst- og Vest-Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen, i Aarene 1827 og 1828*. Christiania: Johan Krohn. 247 p.
- Le Roi P. L., 1975. Priklyucheniya chetyrekh rossiyskikh matrosov, k ostrovu Shpitsbergenu bureyu prinesennykh [Adventures of four Russian sailors, to the island of Svalbard in a storm brought]. Moscow: Mysl'. 56 p.
- Minaeva T. S., 2014. Mify i real'nost' v zhizni russkikh promyshlennikov na Shpitsbergene v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Myths and reality in life of Russian hunters on Spitsbergen in XVIII – first half of XIX c.]. *Ekonomicheskaya istoriya [Economy history]*, 4. Moscow, pp. 26–31.

- Minaeva T. S., 2015. Yazycheskie i khristianskie traditsii pomorskikh promyslov na Shpitsbergene v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [Pagan and Christian traditions of Pomor fisheries on Spitsbergen in XVIII – first half of XIX cc.]. *Ryabininskie chteniya–2015: materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabinin readings – 2015: transactions of VII conference for research and actualization of cultural heritage of Russian North]. Petrozavodsk: Muzei-zapovednik «Kizhi», pp. 95–96.
- Sharin V. V., Derzhavin V. L., 2012. Ostrova Krossoyya i Russoyya – geologicheskie i arkheologicheskie pamyatniki Shpitsbergena [Islands of Krossoyya and Russoyya – geological and archaeological sites of Spitsbergen]. *Geomorfologicheskie protsessy i geoarkheologiya: ot landshaftnoy arkheologii k arkheoturizmu: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Geomorphologic processes and geo-archaeology: from landscape archaeology to archaeo-tourism: transactions of international conference]. Moscow; Smolensk: Universum, pp. 251–255.
- Starkov V. F., 2011. Pervye arkheologicheskie raskopki na arhipelage Shpitsbergen [First archaeological excavations in Spitsbergen archipelago]. Moscow: Taus. 127 p.
- Urokberg U., 2006. Vremya pionerov i lyubiteley [Time of pioneers and connoisseurs]. *Arhipelag Shpitsbergen v istoricheskikh issledovaniyakh* [Spitsbergen archipelago in historic investigations]. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 88–134.
- Vize V. Yu., 1948. Russkie polyarnye morekhody iz promyshlennykh, torgovykh i sluzhilykh lyudey XVII–XIX vv. [Russian polar seafarers from the industrial, trade and service people of XVII–XIX cc.]. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'. 72 p.

About the author

Derzhavin Viktor Leonidovich, Institute of Archaeology of RAS, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia E-mail: derzh@yandex.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

СТАНОВЛЕНИЕ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА В СТЕПНОЙ СКИФИИ (НА ПРИМЕРЕ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА)*

Резюме. Особое значение в истории развития железообрабатывающего производства Северной Евразии занимает скифский период. Именно в это время железо начинает входить в повседневный обиход местного населения. В контексте общей истории развития железообрабатывающего ремесла существенную роль сыграл переход кочевого степного населения к оседлости. Наиболее ярким центром этого периода в степной Скифии является Каменское городище. Археометаллографическое исследование материалов памятника позволяет понять процесс формирования ремесла у кочевых народов в период перехода к оседлому образу жизни. Приведенные данные свидетельствуют, что ключевую роль при этом играют контакты кочевников с носителями технологических знаний.

Ключевые слова: археометаллография, Каменское городище, скифы, технологическая схема, железообрабатывающее производство, истоки технологических знаний.

Особое значение в истории развития железообрабатывающего производства Северной Евразии занимает скифский период. Именно в это время железо начинает входить в повседневный обиход местного населения. Значимость скифской эпохе придает и тот факт, что в это время происходит становление первого государственного образования на территории Восточной Европы – Скифского царства. Отражением этого процесса является появление ремесленных центров на территории степной Скифии.

Архаичный период в истории степных скифов характеризуется непрерывным кочеванием, когда ведущая роль в хозяйстве принадлежала экстенсивному скотоводству. Ремесленными товарами степные скифы обеспечивались за счет обмена и военной добычи (Гаврилюк, 1989. С. 94). По мнению исследователей, изделия из металла поступали к скифам, главным образом, из поселений скифоидных племен Лесостепи. Кардинальные изменения в степной Скифии происходят

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00051.

на рубеже V–IV вв. до н. э., что было связано со сменой основ хозяйственной деятельности – освоением земледелия и, как следствие, перехода к оседлому образу жизни. Период перехода кочевых степного населения к оседлости сыграл существенную роль в контексте общей истории развития железообрабатывающего производства. Изучение материалов этого периода позволяет выяснить, каким образом происходило становление железообработки у кочевых племен, не имевших опыта работы с металлом. Надежным и объективным инструментом для решения этой проблемы является археометаллографический метод исследования, позволяющий говорить о технологии производства.

Наиболее ярким центром в степной Скифии является Каменское городище, расположенное у г. Каменка-Днепровская (Украина) на левом берегу Днепра. В результате многолетних (1938–1940, 1944–1946, 1949–1950) исследований памятника Борисом Николаевичем Граковым накоплен значительный и разнообразный материал, характеризующий в том числе получение и обработку черного металла. Эти материалы были обобщены исследователем в монографии «Каменское городище на Днепре» (1954). В работе приведены данные о многочисленных находках железной руды, железных шлаков, кусков кричного железа, фрагментов глиняных горнов с отверстиями для сопел, кузнечного инструментария (зубил, пробойников), полуфабрикатов и заготовок (Граков, 1954. С. 115, 124). Это позволило автору сделать вывод о том, что «Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников» (Там же. С. 123).

Позднее ряд положений Б. Н. Гракова некоторыми исследователями был подвергнут сомнению. Так, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин считали Каменское городище поселением ремесленников-металлургов, отрицая его значение как административного центра Скифии и датировку V в. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 188). С. Я. Ольговский высказал предположение, что Каменское городище было не постоянным, а сезонным городищем-торжищем и что здесь отсутствовал полный металлургический цикл (Ольговский, 1987. С. 48–52). Он отрицает существование на Каменском городище металлургического производства и считает, что источником сырья в виде готовых криц для кузнечных мастерских были горно-металлургические центры Криворожского бассейна (Там же. С. 49). Что же касается железообработки, то исследователь полагает (правда, без достаточной аргументации), что мастерские Каменского городища «носили сезонный характер, где работали заезжие (бродячие) мастера...» (Ольговский, 2005. С. 180). Должны заметить, что обнаруженные на Каменском городище многочисленные **металлургические** шлаки¹ (Граков, 1954. С. 218) являются прямым доказательством существования на памятнике черной металлургии, требовавшей в силу особенностей процесса стационарного производства. Что касается возможности использования железных руд Криворожского бассейна, то приводимые группой Б. А. Шрамко данные спектрального

¹ С. Я. Ольговский подвергает сомнению утверждение, что эти шлаки являются металлургическими, допуская возможность отнесения их к отходам кузнечного производства. Поясним, что кузнечный шлак представляет собой или просто окалину, или мелкие каплевидные фракции, получившиеся в результате проковки крицы.

анализа этого не подтверждают, поскольку «железо Каменского городища не содержит основных микропримесей, характерных для руд Криворожского бассейна» (*Шрамко и др.*, 1986. С. 166).

В 1987 г. работы на Каменском городище продолжила Н. А. Гаврилюк (раскопки продолжались до 2010 г.). Исследователь склонна рассматривать памятник как конгломерат разновременных поселков (*Гаврилюк*, 2004. С. 254), не снижая его значимости в истории Скифии в период перехода номадов к оседлости (*Гаврилюк, Котова*, 1999. С. 39). Как видно из приведенных точек зрения, мнения о роли и значении Каменского городища разнообразны. Но, что показательно, ни один исследователь не отрицает наличия на памятнике собственного железообрабатывающего производства.

Первым, кто использовал результаты металлографического анализа кузнечных артефактов из скифских памятников, был Б. А. Шрамко, который в соавторстве с металловедом Л. А. Солнцевым и Л. Д. Фоминым опубликовал целую серию статей, посвященных железообработке в Скифии (*Шрамко и др.*, 1963; 1971). В 1986 г. он обратился к материалам Каменского городища (*Шрамко и др.*, 1986). Проведен анализ 17 предметов (ножи, серпы, шилья, зубильца, пробойники, стамески, долота, предметы конской упряжи, рыболовные крючки, гвозди, заготовки) (табл. 1). Сопоставляя полученные результаты с технологическими данными по кузнечному ремеслу лесостепной Скифии, исследователи пришли к выводу о различии в технологии изготовления кузнечной продукции в этих двух регионах. Различия, по их мнению, заключались в том, что на изделиях из Каменского городища не было зафиксировано использования таких приемов, как цементация и термообработка, известных в лесостепи. По мнению авторов, можно говорить о самостоятельном развитии кузнечного ремесла в степной Скифии (*Шрамко и др.*, 1963. С. 55; 1986. С. 167, 168). Позднее к этому выводу присоединилась И. Б. Шрамко (1994. С. 54).

Что касается отсутствия термообработанных изделий среди материалов из Каменского городища, то на этом хотелось бы остановиться специально, поскольку данный вопрос имеет принципиальное значение с точки зрения уровня развития железообработки. В материалах, исследованных группой Б. А. Шрамко, присутствуют два предмета (нож и зубильце), в металле которых зафиксирована такая структура, как сорбитообразный (сфероидизированный) перлит – структура нормализованной стали (*Шрамко и др.*, 1986. С. 162, 163), т. е. стали, подвергнутой определенному виду термообработки (нормализации).

Однако исследователи сочли, что в данном случае «нормализацию нельзя считать специальной термической обработкой, так как она происходила естественно при остывании изделий на воздухе послековки» (*Шрамко и др.*, 1963. С. 55). С этим положением никак нельзя согласиться, поскольку структура сорбитообразного перлита могла получиться только в результате сознательного выполнения ряда последовательных операций: нагрева готового изделия до определенной температуры (свыше 900 °С), выдержке при этой температуре и только после этого остывания на открытом воздухе. Можно сослаться на авторитет польского историка металлургии Й. Пясковского, который рассматривает структуру сорбитообразного (сфероидизированного) перлита как получающуюся в результате термообработки. Это было продемонстрировано им именно на скифском материале (*Piaskowski*,

1959). Заметим, кстати, что если согласиться с мнением Б. А. Шрамко, то структура нормализованной стали должна была бы наблюдаться гораздо чаще.

Таким образом, даже среди материалов, исследованных группой Б. А. Шрамко, присутствуют изделия, изготовленные с использованием термической обработки.

К материалам Каменского городища и его округи из раскопок Н. А. Гаврилюк 1993–1999 гг. обращался киевский исследователь Д. П. Недопако (2005). Были изучены предметы (21 экз.), происходящие непосредственно с Каменского городища (табл. 1). Среди них Д. П. Недопако также обнаружил изделия со структурой сорбитообразного перлита, которую рассматривает как признак термообработки. Наряду с этим он зафиксировал и другие виды термообработки – мягкую закалку и закалку с отпуском (Недопако, 2005. С. 415, 416).

Таблица 1. Распределение железных изделий Каменского городища, исследованных металлографически

Категория	Исследователь			Всего
	Б. А. Шрамко	Д. П. Недопако	Н. Н. Терехова	
Ножи	4	6	21	31
Серпы	1		2	3
Долота	1		3	4
Зубила	1			1
Пробойники	1		1	2
Стамески	1			1
Шилья	2	10	3	15
Псалий	1			1
Кольцо от удил	1			1
Иглы			1	1
Рыболовные крючки	2			2
Гвозди	1	1		2
Подвеска		1		1
Булавка	1	2		3
Заготовка	1			1
Неопределимые фрагменты		3	8	11
Всего	18	23	39	80

Учитывая разногласия в интерпретации аналитических данных и исключительную важность материалов крупного ремесленного центра скифского мира, мы решили вновь обратиться к материалам Каменского городища. Благодаря любезности сотрудников отдела археологии ГИМ, удалось отобрать коллекцию в 39 предметов из раскопок Б. Н. Гракова 1949–1950 гг. (табл. 1)². Изделия

² В целях минимизации ущерба музейным предметам для металлографического анализа отбирались только обломки.

происходят из раскопа IX, культурный слой которого датируется Б. Н. Граковым серединой IV – III в. до н. э. (Граков, 1954. С. 229). Дополнительно для анализа были отобраны семь ножей, происходящих, судя по паспортам, из погребений (№ 11, 13, 21, 26, 27, 32, 33). По всей видимости, это погребальный инвентарь из некрополя, раскопанного на противоположном берегу Днепра на Никопольском курганном поле в 1931–1937 и 1945–1946 гг. Основная часть погребений датируется IV–III вв. до н. э. (Граков, 1962. С. 98) и, таким образом, синхронна материалам из Каменского городища. Б. Н. Граков подчеркивал и сходство инвентаря погребений с находками на Каменском городище (Там же. С. 100).

В исследованную коллекцию включены следующие категории: ножи (21 экз.), серпы (2 экз.), шилья (3 экз.), иглы (1 экз.), долота (3 экз.), пробойник (1 экз.), неопределимые фрагменты (8 экз.).

Принимая во внимание важность исследованного материала, рассмотрим подробнее основные технологические схемы. Как свидетельствуют данные археометаллографического анализа артефактов из раскопа IX, при изготовлении кузнечных изделий применялись четыре технологические схемы: ковка изделий целиком из железа, целиком из сырцової стали, из цементованной стали, поверхностная цементация готового изделия.

Целиком из кричного железа отковано восемь предметов. Среди них нож, два серпа, два шила и три неопределенных артефакта. Следует оговориться, что нож (*ан. 11486*) и один из серпов (*ан. 11458*) сильно корродированы и не сохранили лезвия, вследствие чего можно предполагать более сложную схему их изготовления (например, локальную цементацию). Отметим также, что среди ножей цельножелезным оказалось всего одно изделие (из 21 исследованного).

Большинство предметов отковано из стали. При изготовлении 15 из них использована сырцовая сталь – непосредственный продукт металлургического производства (рис. 1, *ан. 11475, 11477, 11483, 11487*; рис. 2, *ан. 11461, 11470, 11488*). В этой группе встречены предметы всех категорий. Содержание углерода колеблется от 0,2 до 0,7%, но по преимуществу сырцовая сталь была малоуглеродистой (0,2–0,3%). Металл тщательно прокован – структуры мелкозернистые, с небольшим содержанием шлаковых включений. На единичных предметах встречена структура видманштетта, свидетельствующая о перегреве изделия во времяковки (рис. 1, *ан. 11472*).

Особое внимание обращает на себя значительная доля изделий (13 экз.), откованных из специально полученной цементованной стали, зафиксированной на таких категориях орудий труда, как ножи (рис. 1, *ан. 11463*; рис. 2, *ан. 11459, 11493, 11498*), долота, пробойники. Подавляющее большинство изделий из цементованной стали подвергнуто термической обработке (11 экз.). Использовались разнообразные виды термообработки: закалка с самоотпуском, мягкая закалка и нормализация (рис. 1, *ан. 11478*; рис. 2, *ан. 11480, 11490, 11492, 11494*).

Прием поверхностной цементации готового изделия зафиксирован на трех экз.: двух ножах (рис. 1, *ан. 11485*) и долоте. Во всех трех случаях заключительной операцией была термообработка (ножи – закалка с самоотпуском, долото – резкая закалка).

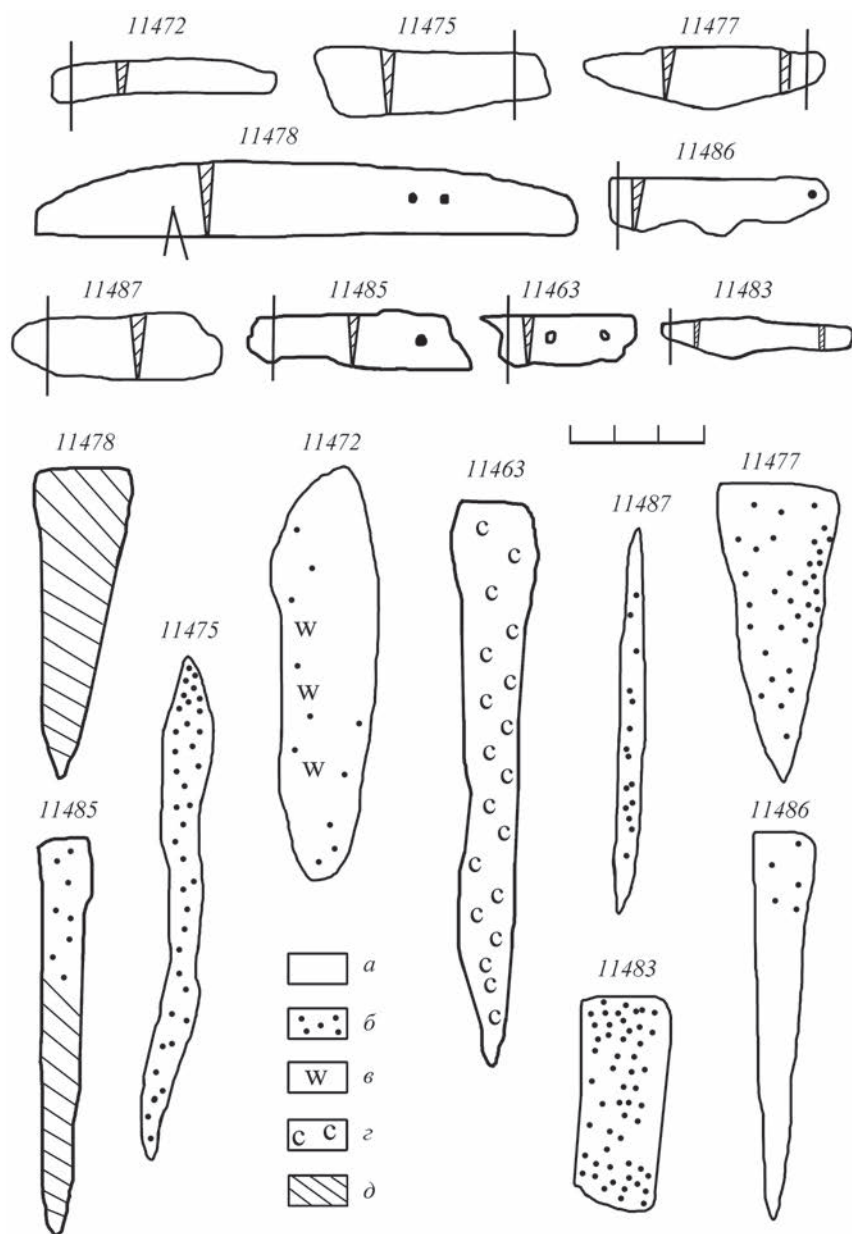

Рис. 1. Каменское городище.

Железные ножи и технологические схемы их изготовления

Условные обозначения: а – железо; б – сталь; в – видманштетт; г – цементованная сталь; д – термообработанная сталь

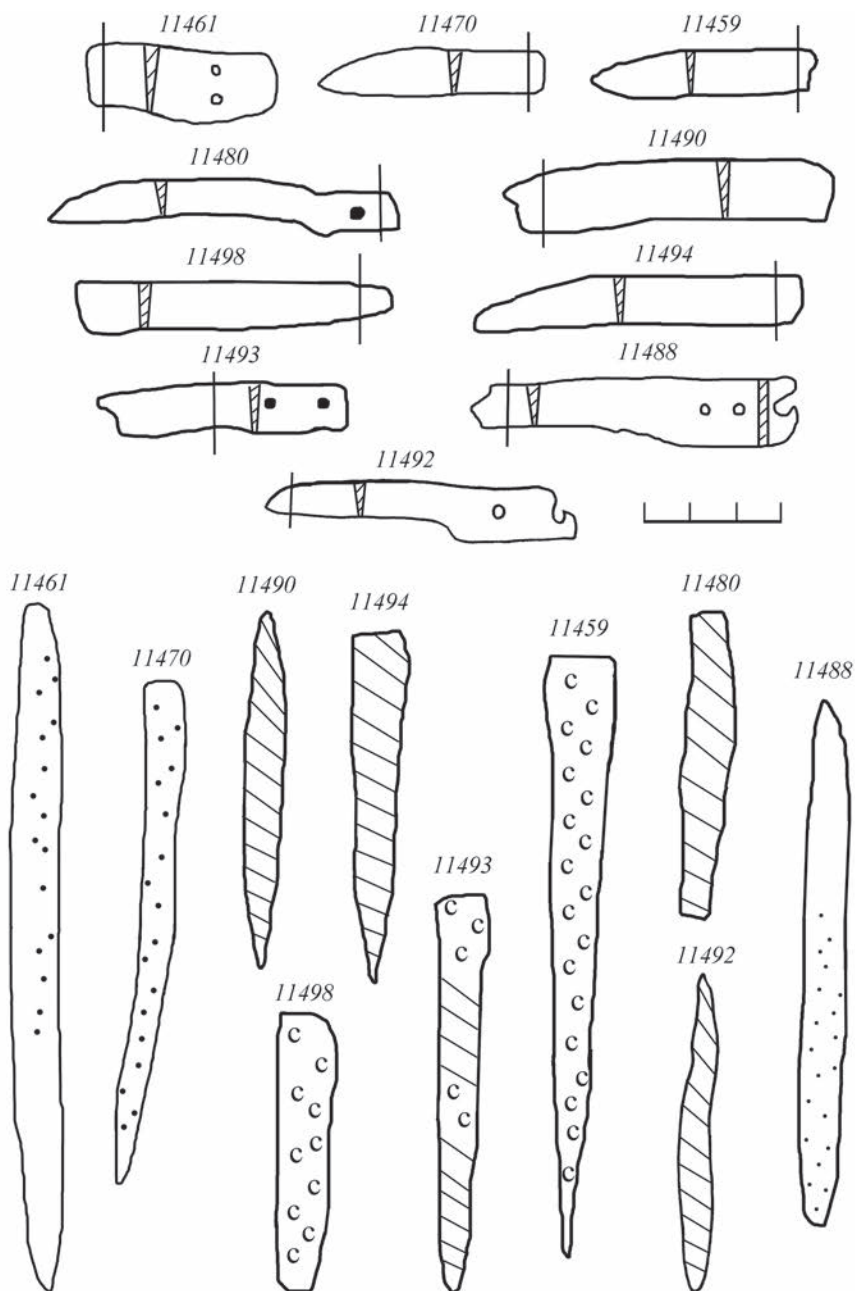

Рис. 2. Каменское городище.
Железные ножи и технологические схемы их изготовления.
Условные обозначения см. на рис. 1

Подчеркнем, что при изготовлении такого важного универсального орудия, как нож, всегда целенаправленно использовались материал и приемы, повышающие его рабочие качества.

В результате проведенных аналитических исследований материала из IX раскопа удалось установить широкое применение при изготовлении изделий из Каменского городища специально полученной цементованной стали. Заметим, что цементация (науглероживание) заготовок представляет достаточно сложный и трудоемкий процесс. Так, по данным Р. Маддина, на проникновение углерода на глубину до 1,5 мм требуется не менее одного часа, и лишь после девяти часов углерод проникает на глубину около 4 мм (*Maddin*, 1984. Р. 8).

Обращает на себя внимание, вопреки распространенному ранее мнению, высокая доля термообработанных изделий (более 38 %). Показательно, что на таких универсальных орудиях, как ножи, этот прием составляет около 60 %.

Особое значение имеет не только сам факт распространенности термической обработки, но и использование разнообразных ее видов. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что мастера прекрасно разбирались в сортах используемой стали. Например, твердую сталь целенаправленно подвергали либо мягкой закалке (структура сорбита), либо нормализации (структура сорбитообразного перлита), либо такому специфическому приему, как закалка с самоотпуском. Последний вариант интересен как редко встречающийся в древней железообработке. Суть его заключается в следующем. Нагретое под закалку изделие кратковременно погружалось в закалочную среду, а после извлечения аккумулярованное в предмете тепло вновь нагревало закаленную часть, подвергая ее отпуску. Структурно это выражается в последовательном переходе от мартенсита (на лезвии) к трооститу и затем к сорбиту. Перечисленные виды термообработки направлены на то, чтобы исключить возможные негативные последствия (хрупкость) при термообработке твердой цементованной стали, сохраняя высокие механические свойства изделия.

Обратимся к материалам из могильника. Всего исследовано семь предметов, представленных ножами, причем невыразительными обломками, поэтому типологический анализ их невозможен (рис. 3). Как показало металлографическое исследование образцов, взятых с полного поперечного сечения изделий, все они, за исключением одного (погр. 26; рис. 3, *ан. 11496*), выполнены в простых технологиях: откованы из металлургического сырья (либо из железа, либо из сырцовой малоуглеродистой стали). В сложной технологии изготовлен только один экземпляр (*ан. 11496*). Изделие отковано из сырцово-углеродистой стали. Затем лезвие ножа подвергли локальной цементации. Заключительной операцией была закалка с самоотпуском. Структурным выражением проведенных операций является последовательный переход от мартенсита (на острие) к сорбито-трооститу и далее – к феррито-перлиту (0,2–0,3 % С).

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что коллекция кузнечных артефактов из могильника технологически резко отличается от материалов из раскопа IX. Так, при изготовлении ножей из могильника не использовалась цементованная сталь. Соответственно, не использовалась и термообработка. В то время как среди ножей из культурного слоя поселения орудия из цементованной стали составляли более половины.

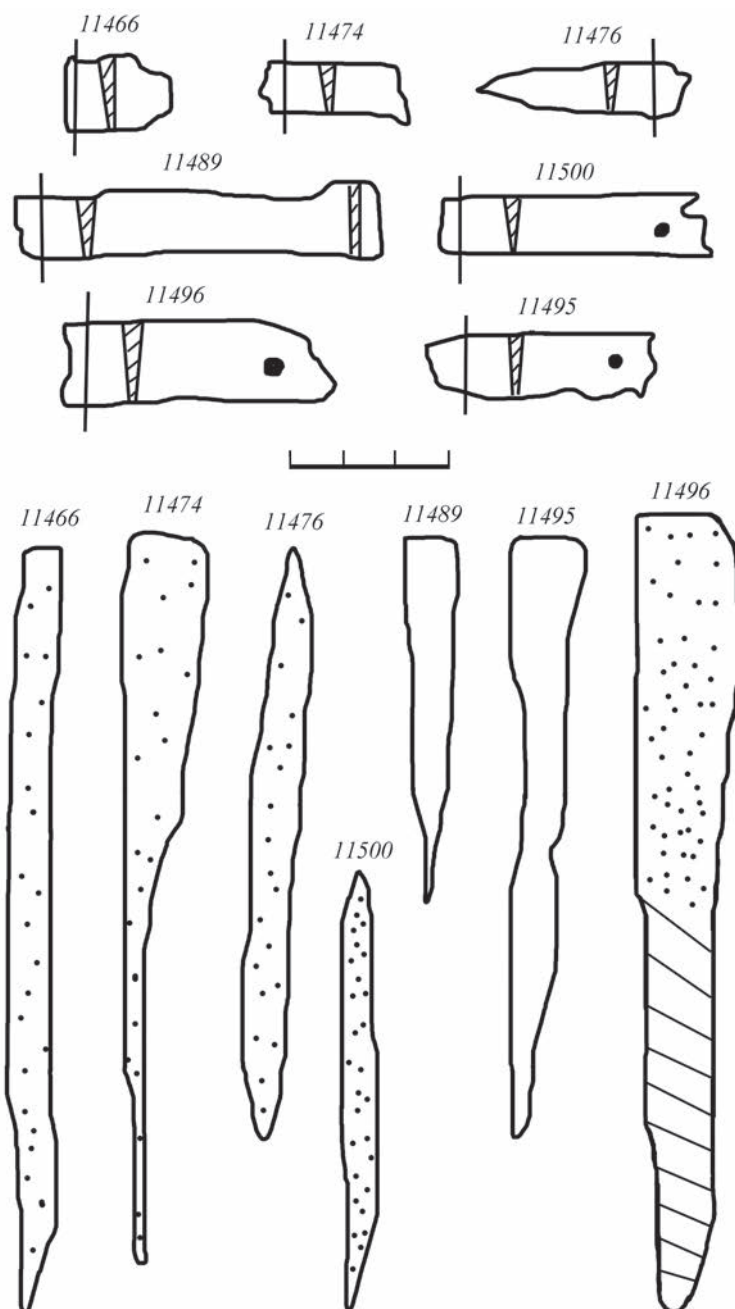

Рис. 3. Каменское городище.
Железные ножи из погребений и технологические схемы их изготовления.
Условные обозначения см. на рис. 1

К сожалению, представительность выборки из погребений слишком мала, чтобы прийти к каким-то однозначным выводам о причинах столь явных различий. Возможно, использование технологически простых изделий в погребениях является свидетельством невысокого статуса погребенных. Это подтверждает мысль Б. Н. Гракова о том, что могильник принадлежал рядовым воинам (*Граков*, 1954. С. 123; 1962. С. 100).

Рассмотренные аналитические материалы позволяют составить представление об уровне развития технологии кузнечного производства в степной Скифии в IV–III вв. до н. э. Совершенно определенно можно говорить о существовании здесь в это время высокоразвитой техники обработки черных металлов. Об этом свидетельствуют такие приемы, как цементация заготовок (получение цементованной стали) и готового изделия, а также дифференцированное применение термообработки (мягкая закалка, закалка с самоотпуском, нормализация). Расхождения с технологическими характеристиками, полученными группой Б. А. Шрамко, объясняются, возможно, разной представительностью, как количественной, так и качественной, исследованных коллекций. В частности, в коллекции Б. А. Шрамко такая технологически информативная категория, как ножи, представлена всего четырьмя экземплярами.

Нельзя не отметить, что наряду с высококачественными кузнечными изделиями в материалах Каменского городища присутствуют и изделия, выполненные в простых технологиях – откованные целиком из железа или сырцової стали. Можно допустить, что это была продукция непосредственно металлургов, которые наряду с получением металла занимались и ковкой из него отдельных изделий.

Что касается высокотехнологичных артефактов, изготовление которых предполагает длительный опыт работы с черным металлом, то требует объяснения факт их широкого распространения в культуре кочевников в период перехода к оседлости. Накопленные за последнее время археометаллографические данные указывают на то, что все перечисленные технологические приемы были уже известны не позднее VI в. до н. э. мастерам Бельского городища (*Шрамко*, 1994), входящего в Ворсклинскую группу лесостепной Скифии. По мнению И. Б. Шрамко, Ворсклинский центр начал формироваться в условиях тесных связей с Кавказом. Объясняется это не только торговым обменом, но и продвижением части населения из областей Северного Кавказа и Прикубанья на север в лесостепь (Там же. С. 43).

Есть все основания полагать, что именно Северный Кавказ послужил источником знаний о высокотехнологичных для раннего железного века приемах обработки черного металла, поскольку здесь эти приемы были распространены уже в VIII в. до н. э. (*Вознесенская*, 1975). Известно, что скифы широко пользовались услугами северокавказских кузнецов. В качестве примера можно привести кузнечные изделия из Ульских курганов (*Терехова*, 2015. С. 82).

Обратим внимание на такой специфический прием термообработки, как нормализация. Он был широко распространен в технологии железообработки у племен кобанской культуры (*Вознесенская*, 1975; *Терехова*, 1983; 1990; 2002). Подобный прием зафиксирован и в материалах лесостепных памятников, таких как Бельское городище (*Шрамко и др.*, 1963. С. 40, 42), Трахтемировское

городище (*Вознесенская, Недопако*, 1978. С. 22, 23), Коломакское городище (*Гопак, Радзиевская*, 1990. С. 206). Этот факт можно рассматривать как еще одно доказательство внедрения в местную практику железообработки приемов, традиционных для кавказских мастеров.

Возвращаясь к материалам Каменского городища, подчеркнем, что существование здесь местного железообрабатывающего производства археологами под сомнение не ставится. Археометаллографические данные позволяют конкретизировать технологические особенности железообрабатывающего производства и указать на истоки технологических знаний. Достаточно определенно можно говорить о том, что исследованные нами артефакты являются **продукцией мастеров, работавших в кавказских производственных традициях**.

Пока невозможно однозначно ответить на вопрос, были ли кузнецы Каменского городища выходцами из лесостепных центров или непосредственно с Северного Кавказа. Но источником распространения в Скифии таких инновационных технологических приемов, как цементация и термообработка, являются именно кавказские центры железообработки.

Подведем итоги. Полученные нами аналитические данные по материалам Каменского городища значительно расширили представления о кузнечном ремесле одного из ключевых производственных центров Скифии. Количественная представительность исследованной нами коллекции превышает опубликованные ранее аналитические данные, что усиливает обоснованность предлагаемых выводов. С технологической точки зрения есть все основания рассматривать Каменское городище как крупный железообрабатывающий центр, работающий с использованием высокоразвитых технологий. Технологические особенности кузнечной продукции позволили наметить истоки производственных традиций, указывающие на кавказские производственные центры.

Требуют корректировки некоторые высказанные ранее положения об уровне развития кузнечного ремесла в степной Скифии. Так, позволим себе не согласиться с мнением Б. Н. Гракова о том, что цветная и черная металлообработка были сосредоточены в руках одного мастера: «одни и те же руки выплавляли металл из руды, лили бронзовые предметы и ковали железо» (*Граков*, 1954. С. 122). Особенности обработки черных металлов, требующие знания температурных режимов, различных для разных видов сырья, трудоемкость некоторых операций, существенные энерго- и временные затраты на производство изделий, невозможность тиражирования артефактов, как в бронзолитейном производстве, и т. д. — все это исключает совмещение двух этих производств.

Не представляется правомерным и вывод Б. А. Шрамко о том, что на Каменском городище изготавливались только технологически простые изделия из железа и стали, а «потребность в высококачественных изделиях из черных металлов удовлетворялась, видимо, за счет продукции ремесленников античных городов Северного Причерноморья и ремесленников лесостепной Скифии» (*Шрамко и др.*, 1986. С. 168). Во-первых, в материалах Каменского городища слишком высок процент изделий, изготовленных из высококачественного сырья (цементованная сталь). Особенно показательна в этом отношении такая категория, как ножи. Трудно представить, что в постоянно действующем железообрабатывающем центре значительную часть продукции составляли импортные

изделия. Во-вторых, даже если предположить, что такое сырье, как цементованная сталь, поступало на Каменское городище из какого-то другого центра, местные мастера должны были иметь определенные навыки работы с подобным материалом (знание температурных режимовковки и специфических приемов термообработки). И наконец, среди артефактов, откованных из такого ценного сырья, как цементованная сталь, есть предметы (рыболовные крючки, гвозди и т. п.), для изготовления которых вполне могло пойти обычное железо. Маловероятно, что подобные изделия являлись предметом импорта, тогда как местные мастера вполне могли отковать их из остатков сырьевого материала. То есть, на наш взгляд, есть все основания считать, что высококачественные изделия из черных металлов на Каменском городище изготавливались на месте.

Полученные нами археометаллографические материалы позволяют понять процесс формирования ремесла у кочевых народов в период перехода к оседлому образу жизни. Приведенные данные свидетельствуют, что ключевую роль при этом играют контакты номадов с носителями технологических знаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Вознесенская Г. А.*, 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука. С. 76–116.
- Вознесенская Г. А., Недопако Д. П.*, 1978. Технология производства металлических изделий Трахтемировского городища // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наукова думка. С. 21–27.
- Гаврилюк Н. А.*, 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка. 112 с.
- Гаврилюк Н. А.*, 2004. Каменское городище – городище, торжище или конгломерат разновременных поселков? // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб.: ГЭ. С. 248–255.
- Гаврилюк Н. А., Котова О. И.*, 1999. Б. Н. Граков и 100 лет раскопок Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. М.: ИА РАН. С. 37–39.
- Гопак В. Д., Радзиевская В. Е.*, 1990. Кузнечное ремесло Коломакского городища в VI–III вв. до н. э. // СА. № 1. С. 199–212.
- Граков Б. Н.*, 1954. Каменское городище на Днепре. М.: АН СССР. 240 с. (МИА; № 36.)
- Граков Б. Н.*, 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. М.: АН СССР. С. 56–113. (МИА; № 115.)
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 378 с.
- Недопако Д. П.*, 2005. Технологічні дослідження залізних виробів зі скіфського Кам'янського городища // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя: Дике Поле. С. 412–416.
- Ольговский С. Я.*, 1987. Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 48–53.
- Ольговский С. Я.*, 2005. Скифо-античная металлообработка архаического времени. Киев: Укрпресс-полиграфэкспо. 202 с.
- Терехова Н. Н.*, 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в ранний скифский период // СА. № 3. С. 110–128.
- Терехова Н. Н.*, 1990. Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нарган (Кабардино-Балкария) // СА. № 4. С. 169–181.
- Терехова Н. Н.*, 2002. Технологические традиции в обработке черного металла из могильника Сержень-Юрт // *Козенкова В. И.* У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли. С. 151–154. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; вып. 3.)

- Терехова Н. Н., 2015. Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // Иванчик А. И., Лесков А. М. Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. С. 77–86.
- Шрамко И. Б., 1994. Развитие кузнечного ремесла у племени бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1994. Харьков: Бизнес Информ. С. 43–57.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. № 4. С. 36–57.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1986. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. № 2. С. 156–169.
- Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1971. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // СА. № 4. С. 140–153.
- Maddin R., 1984. The Early Blacksmith // The Crafts of the Blacksmith. Belfast: the Ulster Museum. P. 7–17.
- Piaskowski J., 1959. Technologia wyrobów żelaznych u dawnych Scytów // Przegląd techniczny. R. 18. S. 26–27.

Сведения об авторах

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Терехова Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: net

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

EVOLVEMENT OF BLACKSMITH CRAFT IN STEPPE SCYTHIA

Abstract. The Scythian period occupies a special place in the history of iron production in Northern Eurasia. It was the time when the local population started using iron in everyday life. In the context of overall iron production development, transition of nomadic steppe population to a sedentary lifestyle played an important part. The Kamenskoe hillfort is the most outstanding center in steppe Scythia of that time. Archaeometallographic studies of the site provide an insight into the process of this craft development among nomadic groups during this transition to sedentary life. The obtained data demonstrate that contacts between nomads and population groups which possessed technological knowledge played a key role in this process.

Keywords: archaeometallography, Kamenskoe hillfort, Scythians, technological pattern, iron production, roots of technological knowledge.

REFERENCES

- Gavrilyuk N. A., 1989. Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Home production and everyday life of steppe Scythians]. Kiev: Naukova dumka. 112 p.
- Gavrilyuk N. A., 2004. Kamenskoe gorodishche – gorodishche, torzhishche ili konglomerat razno-vremennykh poselkov? [Kamenskoe fortified settlement – fortress, market-place or conglomerate of settlements of different age?]. *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporus phenomenon: problems of chronology

- and dating of sites: transactions of international scientific conference*], 2. St. Petersburg: GE, pp. 248–255.
- Gavrilyuk N. A., Kotova O. I., 1999. B. N. Grakov i 100 let raspokop Kamenskogo gorodishcha [B. N. Grakov and centenary of excavations of Kamenskoe fortified settlement]. *Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII–IV vv. do n. e. [Scythians of North Pontic zone in VII–IV cc. BC]*. Moscow: IA RAN, pp. 37–39.
- Gopak V. D., Radzievskaya V. E., 1990. Kuznechnoe remeslo Kolomakskogo gorodishcha v VI–III vv. do n. e. [Blacksmith's craft of Kolomakskoe fortified settlement in VI–III cc. BC]. *SA*, 1, pp. 199–212.
- Grakov B. N., 1954. Kamenskoe gorodishche na Dnepre [Kamenskoe fortified settlement on the Dnieper]. Moscow: AN SSSR. 240 p. (MIA, 36.)
- Grakov B. N., 1962. Skifskie pogrebeniya na Nikopol'skom kurgannom pole [Scythian burials at Nikopol' kurgan field]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury [Sites of Scythian-Sarmatian culture]*. Moscow: AN SSSR, pp. 56–113. (MIA, 115.)
- Il'inskaya V. A., Terenozhkin A. I., 1983. Skifiya VII–IV vv. do n. e. [Scythia of VII–IV cc. BC]. Kiev: Naukova dumka. 378 p.
- Maddin R., 1984. The Early Blacksmith. *The Crafts of the Blacksmith*. Belfast: the Ulster Museum, pp. 7–17.
- Nedopako D. P., 2005. Tekhnologichni doslidzhennya zaliznikh virobiv zi skifs'kogo Kam'yans'kogo gorodishcha [Technological investigations of iron items from Kamenskoe Scythian fortified settlement]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2003–2004 rr. [Archaeological investigations in Ukraine in 2003–2004]*. Zaporizhzhya: Dyke Pole, pp. 412–416.
- Ol'govskiy S. Ya., 1987. Sotsial'no-ekonomicheskaya rol' Kamenskogo gorodishcha [Social-economic role of Kamenskoe fortified settlement]. *Skify Severnogo Prichernomor'ya [Scythians of North Pontic zone]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 48–53.
- Ol'govskiy S. Ya., 2005. Skifo-antichnaya metalloobrabotka arkhaischeskogo vremeni [Scythian-antique metalworking of archaic period]. Kiev: Ukrpresspoligrafekspo. 202 p.
- Piaskowski J., 1959. Technologia wyrobów żelaznych u dawnych Scytów. *Przegląd techniczny*, 18, ss. 26–27.
- Shramko B. A., Fomin L. D., Solntsev L. A., 1971. Novye issledovaniya tekhniki obrabotki zheleza v Skifii [New investigations of ironworking technique in Scythia]. *SA*, 4, pp. 140–153.
- Shramko B. A., Solntsev L. A., Fomin L. D., 1963. Tekhnika obrabotki zheleza v lesostepnoy i stepnoy Skifii [Ironworking technique in forest-steppe and steppe Scythia]. *SA*, 4, pp. 36–57.
- Shramko B. A., Solntsev L. A., Fomin L. D., 1986. K voprosu o zhelezoobrabatyvayushchem remesle v stepnoy Skifii [On problem of ironworking craft in forest Scythia]. *SA*, 2, pp. 156–169.
- Shramko I. B., 1994. Razvitiye kuznechnogo remesla u plemen basseynov Vorskly i Psla v skifskuyu epokhu [Development of blacksmith's craft among tribes of Vorskla and Psel basins in Scythian epoch]. *Drevnosti. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskyy ezhegodnik [Antiquities. Kharkov historic-archaeological annual]*, 1994. Khar'kov: Biznes Inform. C. 43–57.
- Terekhova N. N., 1983. Kuznechnaya tekhnika u plemen kobanskoy kul'tury Severnogo Kavkaza v ranniy skifskiy period [Blacksmith's technique among tribes of Koban culture of North Caucasus in early Scythian period]. *SA*, 3, pp. 110–128.
- Terekhova N. N., 1990. Tekhnologicheskaya kharakteristika zheleznykh izdeliy iz kurgannogo mogil'nika skifskogo vremeni u seleniya Nartan (Kabardino-Balkariya) [Technological characteristic of iron items from kurgan cemetery of Scythian time near village Nartan (Kabardino-Balkaria)]. *SA*, 4, pp. 169–181.
- Terekhova N. N., 2002. Tekhnologicheskie traditsii v obrabotke chernogo metalla iz mogil'nika Serzhen'-Yurt [Technological traditions in ferrous metalworking in cemetery Serzhen'-Yurt]. *Kozenkova V. I. U istokov gorskogo mentaliteta: Mogil'nik epokhi pozdney bronzy – rannego zheleza u aula Serzhen'-Yurt, Chechnya [At the origins of mountain-dwellers' mentality: Late Bronze Age – Early Iron Age cemetery near village Serzhen'-Yurt, Chechnya]*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 151–154. (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, 3.)
- Terekhova N. N., 2015. Zheleznye izdeliya iz Ul'skikh kurganov v kontekste kuznechnogo remesla skifskoy epokhi [Iron items from Ul'skii kurgans in context of blacksmith's craft of Scythian epoch]. *Ivanchik A. I., Leskov A. M. Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na*

Severnom Kavkaze [Ul'skiy kurgans. Ritual-burial complex of Scythian time in North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf, pp. 77–86.

Voznesenskaya G. A., 1975. Tekhnologiya proizvodstva zheleznykh predmetov Tliyskogo mogil'nika [Technology of production of iron items in Tli cemetery]. *Ocherki tekhnologii drevneyshikh proizvodstv [Essays on technology of earliest crafts]*. Moscow: Nauka, pp. 76–116.

Voznesenskaya G. A., Nedopako D. P., 1978. Tekhnologiya proizvodstva metallicheskih izdeliy Trakhtemirovskogo gorodishcha [Technology of production of metal items at Trakhtemirovo fortified settlement]. *Ispol'zovanie metodov estestvennykh nauk v arkheologii [Using methods of natural sciences in archaeology]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 21–27.

About the authors

Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Terekhova Natalia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: n/a

Е. В. Добровольская, А. Н. Сорокин

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛЬНО-ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО – РАННЕГОЛОЦЕНОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОАРХЕОЛОГИИ*

Резюме. В статье публикуются предварительные результаты изучения фаунистических остатков двух уникальных многослойных геоархеологических объектов – Замостье 5 и Минино 2, располагающихся на территории Заболотского торфяника в центре Русской равнины. Как показывают наблюдения, сохранность костей животных и артефактов из них зависела, прежде всего, от обвоженности культурных слоев и всей свиты культуросодержащих прослоев, а также их химического состава. Не менее важная роль принадлежала скорости и характеру седиментации напластований (водные или суходольные отложения), активности и длительности процессов тафономизации (археологизации) заключенных в них материалов. И наконец, состав изделий из органических материалов прямо зависел от функциональной нагрузки конкретных участков геоархеологических объектов.

Ключевые слова: Русская равнина, Московская область, Заболотский торфяник, Замостье 5, Минино 2, геоархеология, каменный век, фауна, органические материалы, седиментация, тафономизация.

Вступление

Болотные геоархеологические объекты представляют собой в силу определенных свойств один из наиболее наукоемких видов источников. Данное обстоятельство вызвано прежде всего тем, что многие из них обладают особой исследовательской ценностью из-за их высочайшей информативности и уникальности. Среди наиболее весомых признаков необходимо упомянуть четкую стратиграфию напластований, присутствие ярко выраженных погребенных почв, хорошую сохранность органических остатков, включая древесину, растительные волокна, кость и рог. Свита погребенных почв и мощная торфяная толща

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ: проект № 16-06-00078 «Естественнонаучные методы исследования геоархеологических объектов Европейской России».

служат важнейшими источниками сведений о природной среде и ее изменениях в течение длительного периода времени. Уникальная природная составляющая в значительной мере повышает информативность и самих археологических источников. Немаловажно и то, что на торфяниках встречаются захоронения людей, что позволяет получать объективные сведения как об их облике, антропологических особенностях, погребальном обряде, так и данные о палеодиетах.

В статье предпринимается попытка ввода в научный оборот некоторых результатов исследований, которые были проведены Окской экспедицией Института археологии РАН на одном из наиболее перспективных и многообещающих мест Европейской России – Заболотском торфянике. Он располагается в 100 км к северу от Москвы, на границе Сергиево-Посадского и Талдомского районов Московской области (Сорокин, 2009). Современный торфяник возник, по-видимому, лишь в голоцене в котловине Заболотского палеоозера, являющегося одним из реликтов Тверского приледникового озера, существовавшего в Валдайское время на месте Верхневолжской зандровой низины. Судя по имеющимся данным, Заболотское палеоозеро сформировалось в процессе дегляциации Валдайского ледника на его вепсовской стадии (Квасов, 1975). Таким образом, в геоморфологическом отношении изучаемый полигон приурочен к южной окраине Верхневолжской низменности, дислоцируясь в среднем течении р. Дубна – правого притока р. Волга.

Процессы педотурбации и болотного оруденения, характерные для Заболотского и других торфяников Европейской России, привели к активизации диагенетических процессов, которые существенно изменили органическую составляющую костной ткани. Данное обстоятельство, в свою очередь, вызвало значительные повреждения фаунистических остатков, костяных и роговых изделий. Однако и в таком виде они представляют значительный источниковедческий интерес.

Данная статья посвящена сравнительному изучению остеологических коллекций и особенностям распределения артефактов геоархеологических объектов Замостье 5 и Монино 2, относящихся к финально-палеолитическому и мезолитическому времени.

Материалы и обсуждение

В ходе полевых изысканий Окской экспедиции ИА РАН, проводившихся в 1996–2002 и 2006–2008 гг. на Заболотском торфянике, основное внимание было уделено исследованию двух комплексных многослойных геоархеологических объектов – Монино 2 и Замостье 5, на территории которых, помимо поселенческих слоев, располагаются еще и грунтовые могильники эпохи каменного века (Сидоров, Сорокин, 1997; 1998; 2001; Sorokin, 1998; Sidorov, Sorokin, 2000; Vandenberghe et al., 2010; Сорокин, 2000; 2014; Dobrovolskaya, Sorokin, 2012; Сорокин, Хамакава, 2014; Gracheva et al., 2015).

В Замостье 5 изучено не менее девяти культурных слоев, пять из которых суходольные и четыре – водно-аккумулятивного генезиса, которые содержат остатки поселений и артефакты от финального палеолита до эпохи бронзы

включительно. Помимо этого на памятнике также было найдено пять захоронений волосовской культуры. Колонка древностей охватывает возраст от 3,0 до 10,5 тыс. л. н. В суходольных слоях, помимо керамики и каменных изделий, присутствуют артефакты из кости и рога, фауна, а в водных напластованиях, помимо каменных, костяных и роговых изделий и фаунистических остатков, отменно сохраняется и в изобилии представлена древесина, как со следами обработки, так и без них (Сорокин, Хамакава, 2014).

Особый интерес к Менино 2, возраст которого оценивается в диапазоне от 8/8,5 до 10,5 тыс. л. н., вызван тем, что здесь, кроме поселенческих слоев рессетинской и заднепилевской культур, впервые в Центральной России был открыт грунтовый могильник рубежа плейстоцена – голоцена, в котором было изучено четыре захоронения (Сорокин, 2011).

Предметом конкретного исследования служат, как отмечалось, остеологические коллекции и костяные изделия финально-палеолитического и мезолитического времени геоархеологических объектов Замостье 5 и Менино 2.

Видовое определение костей млекопитающих и птиц проводилось с использованием сравнительно-анатомической коллекции лаборатории исторической экологии под рук. д. б. н. А. Б. Савинецкого в ИПЭЭ им. А. Н. Северцова РАН. Подробного определения костных фрагментов рыб не проводилось. Фиксировалось также наличие следов обработки и наличие следов термического воздействия. Следует уточнить, что нами отмечались только безусловные следы обработки, а большинство осколков кости с неясной природой раздробленности не учитывалось. Возраст определялся в основном по зубам, черепу и трубчатым костям.

Все используемые в данной работе количественные показатели основаны на подсчете общего числа костных фрагментов конкретных видов. Минимальное число особей не подсчитывалось из-за недостоверности этой количественной характеристики (Антипина, 2000).

В процессе изысканий были изучены две остеологические коллекции – это Менино 2 (Сорокин, 2014; Сорокин, Хамакава, 2014) и Замостье 5 (Сорокин, 2009; Сорокин, Хамакава, 2014). К сожалению, отсутствие средств не позволило еще в процессе раскопок обработать добываемые фаунистические материалы полностью, и мы вынуждены производить их обработку поэтапно по мере поступления финансов.

Менино 2

Всего из трех раскопов памятника общей площадью 525 кв. м (Сорокин, 2011) было проанализировано 6 642 костных фрагмента, что составляет около 82 % выборки. Информация о фаунистических материалах памятника уже была представлена в печати (Добровольская, 2012; 2014а; 2014б; Сорокин, 2014), однако для понимания дальнейшего целесообразно привести краткое изложение основных сведений. Сохранность остеологического материала относительно удовлетворительная, раздробленность костей достаточно высокая, процент делимых фрагментов колеблется от 34,4 (раскоп 3) до 40,12 (раскоп 1). В данной

работе анализируется остеологическая коллекция, происходящая из культурного слоя с квадратов, а костей, залежавших в ямах, для математической обработки оказалось явно недостаточно. Всего было определено 2 849 костных фрагментов, принадлежащих к трем классам позвоночных животных – это Млекопитающие (*Mammalia*), Птицы (*Aves*) и Костные рыбы (*Osteichthyes*).

На раскопе 1 кости, несущие следы обработки, составили 0,8 %, со следами термического воздействия 1,0 %; соответственно на раскопе 2 эти показатели составили 1,7 % и 0,4 %, на раскопе 3 – 2,9 % и 1,5 %.

На долю млекопитающих приходится 2 317 экземпляров костей, на долю птиц – 71 и костные рыбы представлены 356 фрагментами. Как можно заметить из приведенных показателей, костные остатки млекопитающих значительно преобладают над костями животных других классов. Такая же картина наблюдается и по видовому составу – млекопитающие представлены 13 видами 5 отрядов, птицы – 11 видами 4 отрядов (табл. 1).

Таблица 1. Видовое разнообразие животных, представленных в остеологической коллекции Минино 2

Отряд	Русское название вида	Латинское название вида	Общее количество костных фрагментов
Класс Млекопитающие (<i>Mammalia</i>)			
Насекомоядные <i>Insectivora</i>	Ёж обыкновенный	<i>Erinactuseuropaeus</i>	1
Хищные <i>Carnivora</i>	Волк	<i>Canuslupus</i>	67
	Лисица обыкновенная	<i>Vulpesvulpes</i>	27
	Медведь бурый	<i>Ursusarctos</i>	14
	Куница лесная	<i>Martesmartes</i>	36
	Выдра	<i>Lutralutra</i>	1
Парнокопытные <i>Artyodactyla</i>	Кабан	<i>Susscrofa</i>	130
	Косуля европейская	<i>Capreoluscapreolus</i>	27
	Лось	<i>Alcesalces</i>	771
	Олень северный	<i>Rangifertarandus</i>	48
Зайцеобразные <i>Lagomorpha</i>	Заяц-русак	<i>Lepuseuropaeus</i>	3
Грызуны <i>Rodentia</i>	Бобр речной	<i>Castor fiber</i>	1140
	Полёвка водяная	<i>Arvicolaterrestris</i>	52
Класс Птицы (<i>Aves</i>)			
Гагаобразные <i>Gaviiformes</i>	Гагара чернозобая	<i>Gaviaarctica</i>	1
Гусеобразные <i>Anseriformes</i>	Гусь серый	<i>Anseranser</i>	11

Окончание таблицы 1			
	Гусь белолобый	Anseralbifrons	8
	Кряква	Anasplatyrhynchos	5
	Чирок-свиистунок	Anascrecca	19
	Связь	Anaspenelope	6
	Шилохвость	Anasacuta	4
	Чернеть хохлатая	Aythyafuligula	2
Соколообразные Falconiformes	Скопа	Pandionhaliaetus	3
Курообразные Galliformes	Тетерев	Lyrurustetrix	1
	Рябчик	Tetrastesbonasia	11
Класс Костные рыбы (Osteichthyes)			
			356

На всех трех раскопах основное количество костей млекопитающих приходится на три отряда – это парнокопытные, грызуны и хищные.

Замостье 5

Для корректности исследования и сопоставимости с данными Милино 2 мы ограничили не всей выборкой, происходящей с памятника, а только сведениями, полученными из слоев 6–9, датируемых финально-палеолитическим и мезолитическим временем (в диапазоне 10500 – 7200/7500 тыс. л. н.). Морфологически это напластования водного генезиса¹. Всего из слоев 6–9 раскопа № 1 площадью 60 кв. м стоянки Замостье 5 было проанализировано 592 костных фрагмента. Среди остеологических остатков, происходящих с квадратов (567 фрагментов), на первом месте находятся кости рыб (69,7%), затем следуют кости млекопитающих и птиц (табл. 2). Доля неопределимых фрагментов достаточно мала (13,7%). Прежде всего, обращает на себя внимание высокая доля костей рыб, что косвенно отражает водный генезис изученных напластований. А если к этому прибавить еще и тот факт, что все они залегают ниже меженного уровня воды в р. Дубна, неудивительна и их лучшая сохранность по сравнению со всеми раскопами Милино 2.

¹ В отличие от верхних суходольных напластований (слои 1–5), это не культурные слои, а культуросодержащие прослойки или шлейфы, сформировавшиеся в водных отложениях. Эта свита включает переотложенный с суходолов археологический материал и фауну, а также остатки организмов, обитавших в водной среде. Фаунистические остатки и артефакты, происходящие из суходольных слоев 1–5 Замостья 5, относящиеся к неолиту – бронзе, выходят за рамки темы исследования, и их анализ будет произведен отдельно.

Таблица 2. Видовое разнообразие животных, представленных в остеологической коллекции Замостье 5

Отряд	Русское название вида	Латинское название вида	Общее количество костных фрагментов
Класс Млекопитающие (Mammalia)			
Хищные Carnivora	Лисица обыкновенная	Vulpesvulpes	3
Парнокопытные Artiodactyla	Кабан	Susscrofa	24
	Олень благородный	Cervuselaphus	8
	Косуля европейская	Capreoluscapreolus	4
	Лось	Alcesalces	73
Грызуны Rodentia	Бобр речной	Castor fiber	9
	Мышевидный грызун		1
Класс Птицы (Aves)			
Аистообразные Ciconiiformes	Цапля	Ardeasp	1
Гусеобразные Ansereiformes	Лебедь	Cygnussp	2
	Гусь серый	Anseranser	5
	Гусь белолобый	Anseralbifrons	6
	Кряква	Anasplatyrhynchos	3
	Утка	Anassp	2
Курообразные Galliformes	Рябчик	Tetrastesbonasia	7
Птицы			14
Класс Костные рыбы (Osteichthyes)			
			372

При сравнении между собой видовых спектров Минино 2 и Замостье 5 (табл. 3) можно констатировать, что видовой состав обоих памятников довольно близок. Однако существуют и известные отличия. Если основой «бытия» древних людей на стоянке Минино 2 был бобр, то на стоянке Замостье 5 – это, по-видимому, лось. Также хотелось бы отметить, что диета населения финально-плейстоценового – раннеголоценового времени в Подмосковном регионе была достаточно разнообразна. Населявшие эту территорию люди потребляли мясо и зверей, и птицы, и рыбы. Здесь следует сделать небольшое уточнение, что, как отмечалось, коллекция первого памятника происходит с жилой площадки и берегового склона. А собрание Замостье 5 добыто из водных напластований, и это могло внести существенные коррективы в ее состав, прежде всего это касается числа рыб.

Судя по всему, преобладание в выборке Замостья 5 среди фаунистических остатков костей рыб вызвано, вероятно, не гастрономическими предпочтениями древнего человека, а отражает естественный состав пресноводного водоема, на берегу которого обитали люди. К сожалению, о местоположении суходолов финально-плейстоценового – раннеголоценового времени в Замостье 5 реально достоверных данных в ходе работ получено не было. Поэтому степень использования рыбных ресурсов на этом памятнике еще предстоит выяснить, и эту задачу надо рассматривать как неотложную и актуальную на ближайшую перспективу полевых изысканий.

Таблица 3. Видовые спектры животных, представленных в остеологической коллекции двух археологических памятников Заболотского торфяника (% определимых фрагментов)

Отряд	Название вида	Минино 2	Замостье 5
Класс Млекопитающие (Mammalia)			
Насекомоядные Insectivora	Ёж обыкновенный <i>Erinactus europaeus</i>	0,04	–
Хищные Carnivora	Волк <i>Canus lupus</i>	2,4	–
	Лисица обыкновенная <i>Vulpes vulpes</i>	1,0	0,6
	Медведь бурый <i>Ursus arctos</i>	0,5	–
	Куница лесная <i>Martes martes</i>	1,2	–
	Выдра <i>Lutra lutra</i>	0,04	–
Парнокопытные Artyodactyla	Кабан <i>Sus scrofa</i>	4,8	4,5
	Олень благородный <i>Cervus elaphus</i>	–	1,4
	Косуля европейская <i>Capreolus capreolus</i>	1,0	0,7
	Лось <i>Alces alces</i>	28,2	13,7
	Олень северный <i>Rangifertarandus</i>	1,8	–
Зайцеобразные Lagomorpha	Заяц-русак <i>Lepus europaeus</i>	0,1	–
Грызуны Rodentia	Бобр речной <i>Castor fiber</i>	41,5	1,7
	Полёвка водяная <i>Arvicola terrestris</i>	1,9	0,2

Окончание таблицы 3			
Отряд	Название вида	Минино 2	Замостье 5
Класс Птицы (Aves)			
Гагарообразные Gaviiformes	Гагара чернозобая <i>Gavia arctica</i>	0,04	–
Гусеобразные Anseriformes	Гусь серый <i>Anser anser</i>	0,4	0,9
	Гусь белолобый <i>Anser albifrons</i>	0,3	1,1
	Лебедь <i>Cygnus sp.</i>	–	0,4
	Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	0,2	0,6
	Чирок-свиистунок <i>Anas crecca</i>	0,7	–
	Свиязь <i>Anas penelope</i>	0,2	–
	Шилохвость <i>Anas acuta</i>	0,1	–
	Чернеть хохлатая <i>Aythya fuligula</i>	0,1	–
	Утка <i>Anas sp.</i>	–	0,4
Соколообразные Falconiformes	Скопа <i>Pandion haliaetus</i>	0,1	–
Курообразные Galliformes	Тетерев <i>Lyrurus tetrix</i>	0,04	–
	Рябчик <i>Tetrastes bonasia</i>	0,4	1,3
Класс Костные рыбы (Osteichthyes)			
		13,0	69,7

На современный момент на памятнике Минино 2 обнаружено большее число видов животных, чем в Замостье 5, также хотелось бы подчеркнуть, что среди остеологических фрагментов из Замостья 5 почти отсутствуют кости хищных животных и очень мало костей бобра. Эти факты, безусловно, требуют своего осмысления.

Если говорить в целом об органических артефактах, на обоих памятниках было выявлено относительно большое количество изделий из кости и рога, а также их частей. В Минино 2 таких изделий и их фрагментов было проанализировано **608** (Сорокин, 2014), из них на долю костей лося приходится 48,2 %, на долю оленя 8,6 %, на долю кабана – 2,5 %. Достаточно велика и доля неопределяемых фрагментов (40,7 %), но, по нашему мнению, большинство этих фрагментов также может принадлежать костям лося.

В георхеологическом объекте Замостье 5 было обнаружено 97 орудий из кости и рога, а также частей этих изделий. Доля неопределяемых фрагментов еще выше, чем на предыдущем памятнике, и составляет 56 %. Здесь тоже наблюдается похожая тенденция – из определяемых фрагментов на первом месте находятся кости лося (36,0 %), а кости кабана составляют 8 %. Но, как сказано выше, велика вероятность того, что большинство этих фрагментов может принадлежать к остеологическим фрагментам лося.

Сравнивая костные остатки трех раскопов Менино 2, можно констатировать их несомненное сходство между собой, несмотря на существенные различия в объемах собранных коллекций (Сорокин, 2014). Это сходство проявляется в одинаковом видовом составе и в соотношении наиболее многочисленных видов. Что же касается раздробленности костей, то Замостье 5 дает существенно меньшие значения, что хорошо объяснимо характером напластований и скоростью тафономизации фауны. Анализ показывает, что имеются и другие несомненные отличия даже в пределах одного памятника. Например, наименее насыщенный костными фрагментами раскоп 3 Менино 2 содержал наибольшее количество костей медведя, в то время когда в раскопе 1 их практически не было. В раскопе 1 было обнаружено наибольшее количество костей птиц, в раскопе 2 – рыб, а раскопе 3 эти категории животных вообще отсутствовали. На данном памятнике не обнаружено разрозненных костей собак, но был найден целый скелет животного. Возможно, что собак было очень мало или они содержались в каком-то ином месте. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что была обнаружена всего одна кость лося со следами собачьих погрызов.

К сожалению, сделать более детальные выводы для георхеологического объекта Замостье 5 из-за объема коллекции пока не представляется возможным. Тем не менее по видовому составу и соотношению наиболее многочисленных видов мы наблюдаем картину, аналогичную Менино 2. Оба этих факта неувидительны, ведь оба памятника были заселены в одни и те же хронологические отрезки, что и определило одинаковый фаунистический состав выборки при условии отсутствия их целенаправленной сортировки. Кроме того, речь идет, по-видимому, о разных стоянках одних и тех же групп рессетинского и заднепильевского населения, что тоже могло придать распределению неизбежный отпечаток. А вот на разное состояние раздробленности костей могли влиять как степень и характер утилизации, так и разные условия консервации и сохранности материалов в разнотенетических напластованиях обоих памятников. Не вызывает, однако, сомнения, что необходимы целенаправленные изыскания, позволяющие определить, что и в какой степени вызвало зафиксированное состояние источников.

Принимая во внимание результаты проведенного исследования, можно утверждать, что важной и неотъемлемой частью питания населения, обитавшего в Менино 2, было мясо таких животных, как бобр, лось и, в меньшей степени, кабан, северный олень и косуля. Мясо птиц и рыба также входили в палеорацион. Что же касается георхеологического объекта Замостье 5, подобный вывод делать рано, ибо нам пока не известны жилые площадки, то есть собственно места поселений. А этот факт мог внести существенные коррективы в фаунистический набор памятника (-ов). Это означает, что необходимо его дальнейшее предметное изучение.

Теперь несколько слов о типе (-ах) обоих памятников и о характере тех участков, откуда происходят артефакты. Это важно для понимания общей ситуации. В Менино 2 мы имеем типичные суходольные напластования (раскопы 1 и 3) и также суходольные отложения берегового склона (раскоп 2). Несмотря на эти топографические нюансы, во всех раскопах присутствуют нормальные культурные слои с сопутствующими им погребенными почвами (Сорокин, 2011; Gracheva et al., 2015). Не вызывает сомнения, что вся вскрытая в Менино 2 площадь – это суходол, то есть собственно место (-а) поселения (-ий). Многочисленность артефактов и характер их распределения во всех трех раскопах указывает, по-видимому, на то, что это летние стоянки (Сорокин, 2011; 2014). В зимних поселениях береговая кромка обычно не бывает замусорена отходами жизнедеятельности (Сидоров, 2001; 2009). В то же время разница в количественном составе фаунистических остатков между раскопами 1–3 Менино 2 существует, и она частично объяснима. Лучше всего фауна сохранялась в раскопе 2, где из-за падения напластований в сторону русла Пра-Дубны они были значительно более обожжены, что и определило, в конечном счете, лучшие условия для консервации органики (кости и рога). Однако это не объясняет ни в малой степени тех различий, о которых говорилось выше, и им следует искать объяснения иного рода. Но этот вопрос требует отдельного предметного изучения.

В Замостье 5, напротив, оказались вскрыты исключительно водные напластования, сформированные сапропелем, ракушечником и растительным детритом. Если в Менино 2 археологические материалы залегают преимущественно *in situ*, то в Замостье 5 они, без всякого сомнения, переотложены с мест поселений (суходолов) в водные отложения, что должно было неизбежно отложить свой отпечаток на их состав.

Практика показывает, что состав находок из водных слоев резко отличается от суходольных участков. В первых из них доминируют изделия, связанные с рыбной ловлей (крючки, остроги, зубчатые острия, грузила, поплавки и пр.), а также артефакты, используемые для других разнообразных «занятий на воде». Например, это могло быть «инженерное» обустройство береговых склонов и акваторий водоемов для лучшего подхода к воде (мостики, гати, помосты, настилы и пр.); причалы для лодок и плотов; «вешала» и другие устройства для сушки сетей и складирования снастей. Вполне логичны здесь и находки деревообрабатывающих орудий, предназначенных для изготовления и починки плавательных средств, сооружения заколов, гатей, причалов и т. д.

Все это и наблюдается в Замостье 5, где в ряде культуросодержащих прослоев зафиксировано изобилие древесины, а также встречены весьма выразительные орудия лова, среди которых разного рода крючки, гарпуны, зубчатые острия и другие предметы рыболовного назначения (Сорокин, Хамакава, 2014). Присутствуют здесь и острия с углом заострения под 45°, функция которых до сих пор вызывает споры (Жилин, 2001; Сидоров, 2009; Лозовская, 1997; Сорокин, 2014). В случае их использования, однако, для колки льда или лучения крупной рыбы они вполне уместны и в «водном наборе».

Небезынтересно отметить и полное отсутствие в Замостье 5 пазовых оправ и другого составного инвентаря (Сорокин, Хамакава, 2014). В самом деле, вкладышевые изделия стандартно рассматриваются исследователями в качестве

охотничьего вооружения, что исключает их прямую взаимосвязь с водными напластованиями. Зато в Минино 2 это не просто основной вид охотничьего, но и боевого вооружения (Сорокин, 2014). Все перечисленное резко оттеняет специфику обоих геоархеологических объектов Заболотского торфяника.

К этому же следует добавить и присутствие в нижних слоях Замостья 5 разнообразных, правда немногочисленных, галек, которые служили, судя по всему, грузилами для сетей и другой рыболовной оснастки, а наиболее крупное из них, по-видимому, использовалось в качестве якоря для лодки или плота. Имеется там и крупное тесло, а также деревянная муфта для тесла, что вполне уместно при обработке древесины, производстве кольев и досок, изготовлении или ремонте тех же лодок.

В то же время на местах поселений «рыболовецкий комплекс» представлен обычно в минимальной степени. Напротив, здесь изобилуют орудия охоты, разделки и переработки охотничьей продукции, артефакты «сухопутного жизнеобеспечения», обработки продуктов зоо- и фаунособирательства, разнообразная бытовая утварь, votивные предметы, сакральные и погребальные комплексы и т. д. В этой связи достаточно указать, что в Минино 2 среди более чем 600 орудий имеется всего один фрагмент крючка и два обломка гарпунов (Там же), а основная масса изделий представлена предметами охотничьего вооружения, разделки охотничьей добычи, домашней утварью и другими предметами бытового назначения.

Разумеется, в водные отложения в процессе жизнедеятельности, дистурбации напластований и переотложения артефактов, а также из-за иных причин попадали и сугубо «сухопутные» изделия, впрочем, как и на суходолы могли частично транспортироваться орудия и предметы, используемые при работе на воде. Все эти нюансы для объективности реконструкции требуется знать и обязательно отслеживать. Не будет излишним заметить, что отсутствие ясного понимания специфики раскопанных участков и их функциональной нагрузки делает в значительной мере беспредметной всю дальнейшую аналитическую и прежде всего интерпретационную и реконструктивную деятельность с материалом. И составу фаунистических остатков здесь отводится важная, если не решающая роль.

Разумеется, в качестве сырья для охотничьего вооружения и рыболовных принадлежностей наряду с костью ничуть не меньшую роль играл рог. Однако куда как большее значение при их производстве имели древесина и разнообразные растительные волокна, лыко, береста и кора. К сожалению, последние крайне редко встречаются археологически и об изделиях из них (всевозможных силках, капканах, ловушках, леске, поплавках, сетях, мордах, вершах и т. д.) можно судить почти исключительно по данным этнологии. Кроме того, этот живописный сюжет явно находится вне рамок темы данной статьи.

Заключение

На данный момент геоархеологические объекты Минино 2 и Замостье 5 на территории Заболотского торфяника в Подмосковье являются разновеликими памятниками, как по вскрытой площади и количеству обнаруженных археологических находок, так по археозоологическим показателям. Наблюдения,

сделанные в процессе их изучения, позволили прийти к ряду важных выводов. Необходимо отметить, что состояние фаунистических остатков и артефактов из органических материалов зависело, прежде всего, от обвоженности культурных слоев, всей свиты культуросодержащих напластований и их химического состава. Не менее важная роль принадлежала и характеру седиментации (водные или суходольные отложения), скорости формирования напластований и тафономизации в них материалов. Немаловажно и то, что состав и распределение артефактов прямо зависели от функциональной нагрузки конкретных участков геoarхеологических объектов. Все это означает, что прямолинейное сопоставление материалов разных геoarхеологических объектов друг с другом без понимания генезиса органогенных и органосодержащих напластований, скорости их формирования и тафономизации органических остатков, функциональной нагрузки конкретных изученных участков, а также факторов, влияющих на сохранность предметов из органических материалов, не имеет смысла.

Не вызывает сомнения, что требуется продолжать изучение фаунистических материалов обоих памятников для получения более полной и точной картины жизни людей финально-плейстоценового – раннеголоценового времени в достаточно суровых условиях обитания средней полосы Европейской России. Прежде всего, это касается распределения фаунистических остатков по разным культурным слоям и выявления динамики видового состава в зависимости от принадлежности к типу разнoгенетических напластований, из которых они происходят. Однако и уже сделанные выводы представляют известный интерес для объективной реконструкции и развития принципов геoarхеологии.

Благодарность. Авторы выражают свою признательность кандидату биологических наук Е. Е. Антипиной за полезные советы и критические замечания, сделанные при подготовке рукописи к печати.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., 2000. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН. С. 80–86.
- Добровольская Е. В., 2012. Животные Минино 2 // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А. Н. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 299–306.
- Добровольская Е. В., 2014а. Археозоологические материалы Минино 2 // Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмоскoвье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН. С. 41–51.
- Добровольская Е. В., 2014б. Минино 2: Опись фауны // Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмоскoвье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН. С. 365–447.
- Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 328 с.
- Квасов Д. Д., 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 278 с.
- Лозовская О. В., 1997. О функциональном назначении орудий 45° из мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края: материалы к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г.) Сергиев Посад. С. 74–85.
- Сидоров В. В., 2001. Прибрежные участки неолитических поселений // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение

- человеческой культуры: материалы междунар. конф. (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г.). Сергиев Посад: Подкова. С. 224–226.
- Сидоров В. В., 2009. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус. 216 с.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 1997. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края: материалы к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г.). Сергиев Посад. С. 144–163.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 1998. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // ТАС. Вып. 3: Доклады 3-го и 4-го заседаний научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (26–28 марта 1996 г. и 24–27 марта 1997 г.) / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объедин. музей-заповедник. С. 226–237.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 2001. Многослойная стоянка Замостье 5 // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: материалы междунар. конф. (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г.). Сергиев Посад: Подкова. С. 142–146.
- Сорокин А. Н., 2000. Заболотский торфяник: что сделано, что делать? // ТАС. Вып. 4, т. 1: Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объедин. музей-заповедник. С. 131–136.
- Сорокин А. Н., 2009. Заболотский торфяник: находки и проблемы // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 82–94.
- Сорокин А. Н., 2011. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: каменный инвентарь. М.: Гриф и К. 264 с.
- Сорокин А. Н., 2014. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН. 448 с.
- Сорокин А. Н., Хамакава М., 2014. Геоархеологические объекты Заболотского торфяника на территории Европейской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 10. С. 50–93.
- Dobrovolskaya M. V., Sorokin A. N., 2012. Early Holocene Burials at Minino 2 (Moscow region, Russia): Humans and Surrounding // European Association of Archaeologists–2012: 18th Annual Meeting (29th August – 1st September 2012, Helsinki, Finland): Abstracts. Helsinki. P. 113.
- Gracheva R., Vandenberghe J., Sorokin A., Malyasova E., Uspenskaya O., 2015. Mesolithic–Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia) [Electronic resource] // Quaternary International. Vol. 370. P. 29–39. Access mode: (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618215000762>). Date of access: 11.08.2017.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 2000. The Discovery and Investigation of a multi-layer Settlement at Zamostje 5 on Russian Plain // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects / Eds.: T. Darvill, G. Afanas'ev, E. Wilkes. Bournemouth: Bournemouth University; Moscow: Russian Academy of Sciences. P. 5–9.
- Sorokin A., 1998. Zamostje, Moscow Region, Russia: A wet landscape // Theoretical Archaeology Group: Annual conference, 1997 (Bournemouth, 16th–18th December 1997): Abstracts. Bournemouth: Bournemouth University. P. 54–56.
- Vandenberghe J., Gracheva R., Sorokin A., 2010. Postglacial floodplain development and Mesolithic–Neolithic occupation in the Russian forest zone // Proceedings of the Geologists' Association. Volume 121, iss. 2. P. 229–237.

Сведения об авторах

Добровольская Елена Всеволодовна, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский проспект, 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: evdobrovolskaya@mail.ru;

Сорокин Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ansorokin@rambler.ru

E. V. Dobrovolskaya, A. N. Sorokin

ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS ON FAUNAL ASSEMBLAGES OF
THE LATE PLEISTOCENE – EARLY HOLOCENE PERIOD
IN THE MOSCOW REGION AND SOME ISSUES OF GEOARCHAEOLOGY

Abstract. The paper presents preliminary results of studying faunal remains from two unique multi-layer geoarchaeological sites, namely, Zamostye 5 and Minino 2, located in Zabolotsky peat-bog in the Center of the Russian Plain. It has been noted that the preservation conditions of animal bones and artifacts made from such bones depended, primarily, on inundation of occupation layers and the entire sequence of occupation interlayers as well as their chemical composition. Speed and nature of sedimentation of beddings (aqueous or upland deposits), the activity level and duration of taphonomization processes (archaeologization) of materials these layers contain play a similarly important role. And, finally, the composition of the items made from organic materials was directly dependent on function stress of specific sections at geoarchaeological sites.

Keywords: Russian Plain, Moscow Region, Zabolotsky peat-bog, Zamostye 5, Minino 2, geoarchaeology, Stone Age, fauna, organic materials, sedimentation, taphonomization.

REFERENCES

- Antipina E. E., 2000. Problemy obrabotki i interpretatsii arkhoeozoolicheskikh materialov iz pamyatnikov skifskogo vremeni na territorii Severnogo Prichernomor'ya [Problems of working and interpretation of archaeozoological materials from sites of Scythian time in territory of North Pontic zone]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya* [Scythians and Sarmatae in VII–III cc. BC: palaeoecology, anthropology and archaeology]. Moscow: IA RAN, pp. 80–86.
- Dobrovol'skaya E. V., 2012. Zhivotnye Minino 2 [Animals from Minino 2]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiyu Aleksey Nikolaevicha Sorokina* [Prehistoric antiquities of Eurasia: Toward 60th anniversary of A. N. Sorokin]. Moscow: IA RAN, pp. 299–306.
- Dobrovol'skaya E. V., 2014a. Arkheozoolichesknie materialy Minino 2 [Archaeozoological materials from Minino 2]. *Sorokin A. N. Stoyanka i mogil'nik Minino 2 v Podmoskov'e: kostyanoy i rogovoy inventar'* [Station and cemetery minion 2 in Moscow region: bone and antler inventory]. Moscow: IA RAN, pp. 41–51.
- Dobrovol'skaya E. V., 2014b. Minino 2: Opis' fauny [Minino 2: Fauna inventory]. *Sorokin A. N. Stoyanka i mogil'nik Minino 2 v Podmoskov'e: kostyanoy i rogovoy inventar'* [Station and cemetery minion 2 in Moscow region: bone and antler inventory]. Moscow: IA RAN, pp. 365–447.
- Dobrovolskaya M. V., Sorokin A. N., 2012. Early Holocene Burials at Minino 2 (Moscow region, Russia): Humans and Surrounding. *European Association of Archaeologists–2012: 18th Annual Meeting: Abstracts*. Helsinki, p. 113.
- Gracheva R., Vandenberghе J., Sorokin A., Malyasova E., Uspenskaya O., 2015. Mesolithic–Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia). Electronic resource. *Quaternary International*, 370, pp. 29–39. (URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618215000762>)
- Kvasov D. D., 1975. Pozdnechetvertichnaya istoriya krupnykh ozer i vnutrennikh morey Vostochnoy Evropy [Late Quaternary history of large lakes and inland seas of Eastern Europe]. Leningrad: Nauka. 278 p.
- Lozovskaya O. V., 1997. O funktsional'nom naznachenii orudiy 45° iz mezoliticheskikh sloev stoyanki Zamost'e 2 [On function of tools 45° from Mesolithic layers of station Zamost'e 2]. *Drevnosti Zaleskogo kraia: materialy k mezhdunarodnoy konferentsii «Kamennyy vek Evropeyskikh ravnin: ob"ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury»* [Antiquities of Zaleskiy land: materials for international conference «Stone Age of European

- plains: items from organic materials and settlement structure as reflection of human culture»]. Sergiev Posad, pp. 74–85.
- Sidorov V. V., 2001. Pribrezhnye uchastki neoliticheskikh poseleniy [Coastal areas of Neolithic settlements]. *Kamennyy vek Evropeyskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (1997)* [Stone Age of European plains: items from organic materials and settlement structure as reflection of human culture: transactions of international conference (1997)]. Sergiev Posad: Podkova, pp. 224–226.
- Sidorov V. V., 2009. Rekonstruktsii v pervobytnoy arkheologii [Reconstructions in prehistoric archaeology]. Moscow: Taus. 216 p.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 1997. Mnogosloynnoe poselenie Zamost'e 5 [Multilayer settlement Zamost'e 5]. *Drevnosti Zalesskogo kraya: materialy k mezhdunarodnoy konferentsii «Kamennyy vek Evropeyskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury»* [Antiquities of Zalesskiy land: materials for international conference «Stone Age of European plains: items from organic materials and settlement structure as reflection of human culture»]. Sergiev Posad, pp. 144–163.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 1998. Raskopki mnogosloynnogo poseleniya Zamost'e 5 [Excavations of multilayer settlement Zamost'e 5]. *TAS*, 3, pp. 226–237.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 2000. The Discovery and Investigation of a multi-layer Settlement at Zamostje 5 on Russian Plain. *Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects*. T. Darvill, G. Afanas'ev, E. Wilkes, eds. Bournemouth: Bournemouth University; Moscow: RAS, pp. 5–9.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 2001. Mnogosloynnaya stoyanka Zamost'e 5 [Multilayer station Zamost'e 5]. *Kamennyy vek Evropeyskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (1997)* [Stone Age of European plains: items from organic materials and settlement structure as reflection of human culture: transactions of international conference (1997)]. Sergiev Posad: Podkova, pp. 142–146.
- Sorokin A. N., 2000. Zabolotskiy torfyanik: chto sdelano, chto delat'? [Zabolotskiy peat-bog: what has been done, what must be done?]. *TAS*, 4, vol. 1, pp. 131–136.
- Sorokin A. N., 2009. Zabolotskiy torfyanik: nakhodki i problemy [Zabolotskiy peat-bog: finds and problems]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya* [Archaeological discoveries 1991–2000. European Russia]. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 82–94.
- Sorokin A. N., 2011. Stoyanka i mogil'nik Minino 2 v Podmoskov'e: kamennyy inventar' [Settlement and cemetery Minino 2 in Moscow region: stone inventory]. Moscow: Grif i K. 264 p.
- Sorokin A. N., 2014. Stoyanka i mogil'nik Minino 2 v Podmoskov'e: kostyanoy i rogovoy inventar' [Settlement and cemetery Minino 2 in Moscow region: bone and antler inventory]. Moscow: IA RAN. 448 p.
- Sorokin A. N., Khamakava M., 2014. Geoarkheologicheskie ob'ekty Zabolotskogo torfyanika na territorii Evropeyskoy Rossii [Geoarchaeological objects of Zabolotskiy peat-bog in territory of European Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gosuniversiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Bulletin of Irkutsk State university. Ser. «Geoarchaeology, Ethnology. Anthropology»], 10, pp. 50–93.
- Sorokin A., 1998. Zamostje, Moscow Region, Russia: A wet landscape. *Theoretical Archaeology Group: Annual conference (1997): Abstracts*. Bournemouth: Bournemouth University, pp. 54–56.
- Vandenberghe J., Gracheva R., Sorokin A., 2010. Postglacial floodplain development and Mesolithic-Neolithic occupation in the Russian forest zone. *Proceedings of the Geologists' Association*, vol. 121, iss. 2, pp. 229–237.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of Mesolithic in forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Editorial URSS. 328 p.

About the authors

Dobrovolskaya Elena V., A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution Russian Academy of Sciences, Leninskiy prosp., 33, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: evdobrovolskaya@mail.ru;
Sorokin Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ansorokin@rambler.ru

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Е. А. Армарчук, Т. Н. Трунаева

О РАБОТЕ ЛЯЙЛЯКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН

Памяти Галины Анатольевны Брыкиной

Резюме. С 1959 по 1987 г. в ИА РАН работала Ляйлякская археологическая экспедиция, которую все годы возглавляла Г. А. Брыкина. Ее раскопки охватили разнообразные памятники в предгорьях Юго-Западной Ферганы – поселения, городища, могильники, – относящиеся к раннему и развитому средневековью. В итоге были получены материалы для изучения одной из многочисленных областей Средней Азии, которые легли в основу ряда научных монографий. В очерке рассматривается вклад Г. А. Брыкиной во все сферы деятельности этой экспедиции и в отечественную археологию, а также приводятся воспоминания о ней ее коллег-учениц.

Ключевые слова: Институт археологии, Ляйлякская экспедиция, Юго-Западная Фергана, Киргизия, археологические памятники, Галина Анатольевна Брыкина, научные контакты, личностные качества.

Датой образования Ляйлякской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР (совр. ИА РАН) можно считать 1959 г. На протяжении всего ее существования до 1987 г. включительно ее возглавляла старший научный сотрудник института кандидат исторических наук Галина Анатольевна Брыкина. Весь этот период экспедиция работала на территории Киргизии в предгорьях Юго-Западной Ферганы, на разнообразных памятниках средневековой эпохи.

На первом этапе работ экспедиции в центре ее внимания было средневековое городище Карабулак в Ляйлякском районе Баткенской области Киргизии. Результаты активных раскопок легли в основу одноименной книги «Карабулак», вышедшей из печати в 1974 г., автором которой и явилась Галина Анатольевна. Кроме того, на том этапе параллельно изучались городище Майда-тепе и земледельческие поселения Юго-Западной Ферганы, в том числе в сотрудничестве с известными среднеазиатскими археологами Ю. Д. Баруздиным и Д. Ф. Винником. В итоге в 1962 г. во Фрунзе вышла коллективная монография «Археологические памятники Баткена и Ляйляка», написанная Ю. Д. Баруздиным и Г. А. Брыкиной.

Чтобы не возвращаться к этой стороне деятельности экспедиции, заметим, что и в дальнейшем ее научные контакты с коллегами-медиевистами из Института истории АН Киргизстана никогда не прерывались. В частности, Г. А. Брыкина в 1980-е гг. нередко выступала рецензентом или оппонентом научных работ и кандидатских диссертаций как из этой, так и из других среднеазиатских республик. Для примера назовем такие, как «Ранние кочевники Тянь-Шаня и Алая» К. И. Ташбаевой, «Поливная керамика Чача и Илака» Л. Г. Брусенко, «Северо-Восточная Фергана в древности и раннем средневековье» Б. Абдулгазиевой, «Неполивная керамика Ахсыкета» Г. Мирзалиева и «Средневековые поселения Семиречья» Б. Аманбаевой. Это показывает широкий тематический охват профессиональных интересов руководителя экспедиции и уважение к национальным научным кадрам, в становлении которых, когда это нужно было, она участвовала.

Средневековые поселения всегда были в центре внимания экспедиции. Это подтверждают последующие за Карабулаком многолетние раскопки ранне-средневекового комплекса возле старого живописного кишлака Кайрагач, раскинувшегося на берегах горной реки Ляйляк (по-тюрк. «Аист»), стекающей с Туркестанского хребта. Этот комплекс памятников включал крупную богатую усадьбу, а также могильник и редкое, но в данном случае хорошо сохранившееся погребальное сооружение – наус. Раскопки в Кайрагаче охватили период с 1969 по 1980 г., а полученные благодаря им материалы наряду с другими вошли в книгу Г. А. Брыкиной «Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э.», опубликованную в 1982 г.

На заключительном этапе работы экспедиции в 1980-е гг. ее полевые сезоны проходили в урочище Таш-рават, где копались преимущественно могильники. В научном плане это нашло отражение в цикле статей. Последний полевой сезон состоялся тридцать лет назад, в 1987 г., когда Ляйлякская экспедиция работала на курганном могильнике в урочище Оут-сай (рис. 1; 2) и средневековом поселении караханидского времени возле аула Моргун, базируясь по-прежнему в Кайрагаче.

Завершить полевые работы в предгорьях Юго-Западной Ферганы Г. А. Брыкину заставили не возраст или болезни, которые она никогда не принимала во внимание. В мае – июне 1989 г. в Ферганской долине (Ферганской области Узбекской ССР) неожиданно произошли т. н. ферганские погромы, связанные с межэтническим конфликтом между турками-месхетинцами и узбеками. Из-за накаленной обстановки находиться в этом регионе стало опасно, и по распоряжению дирекции ИА выезд экспедиции отменили. Больше работа Ляйлякской экспедиции не возобновлялась.

Это было тяжелым решением для начальника экспедиции, так как за долгую археологическую жизнь не был пропущен ни один полевой сезон. Если бы не названные обстоятельства, экспедиция продолжала бы работать: Галина Анатольевна еще не один год выезжала бы в любимую Ферганскую долину, набирала рабочих, вникала во все экспедиционные мелочи и целые дни проводила на раскопе наравне с гораздо более молодыми коллегами-археологами.

Какой итог можно подвести работам Ляйлякской экспедиции? Помня о датах ее функционирования, надо констатировать, что в период существования СССР было начато и планомерно проводилось археологическое изучение одной

Рис. 1. Разборка курганного погребения в Оут-сае, сентябрь 1987 г.
Г. А. Брыкина и М. В. Ладыгин. Фото В. В. Борисенко

из многих точек-областей на его карте – Юго-Западных предгорий Ферганской долины. Был уточнен ряд вопросов истории этой области Средней Азии; раскопаны и исследованы разнообразные археологические памятники и постройки, относящиеся к жилой, культовой и монументальной архитектуре, а на свет извлечены многочисленные артефакты – предметы материальной культуры здешнего населения раннесредневекового времени, которые нашли место в различных музеях. Все это организовывалось руководителем экспедиции Г. А. Брыкиной и выполнялось при непосредственном ее участии в качестве подлинного профессионала высокого уровня.

Биографические данные Г. А. Брыкиной: родилась в семье рабочего и учительницы начальной школы 15 января 1929 г. в г. Ельце Липецкой области, где проживала и училась до 1937 г. Осенью 1937 г. с семьей переехала в Москву, где

Рис. 2. На раскопе в Оут-сае, перерыв. 1987 г. Слева направо: архитектор Ольга (фамилия – ?), Г. А. Брыкина, архитектор Татьяна Тягунова, рабочие Валерий (фамилия – ?) и М. В. Ладыгин. Фото В. В. Борисенко

продолжила школьное обучение. В 1941–1942 гг. находилась в эвакуации в Чкаловской (Оренбургской) области, в январе 1943 г. вернулась в Москву, где жила до последнего дня. В 1948 г. после окончания школы поступила на исторический факультет МГУ, который успешно закончила в 1953 г.

Обучаясь в МГУ, со второго курса выбрала специализацию «Археология Средней Азии». Три полевых сезона, с 1950 по 1952 г., проходила полевую практику в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (совр. Институт этнологии и антропологии РАН), которой руководил С. П. Толстов. Итогом стала ее дипломная работа 1953 г. «Ткани и одежда античного Хорезма». Декан истфака А. В. Арциховский в завершение так охарактеризовал студентку Брыкину: «Любит свою специальность и много уделяет ей времени и внимания».

В июне 1953 г. была принята на временную работу в Киргизскую археолого-этнографическую экспедицию ИИМК (Института истории материальной культуры Академии наук СССР), где вела самостоятельные раскопы: 1953–1956 гг. – в Чуйском отряде, 1957–1958 гг. – в Южно-Киргизском отряде. В ноябре 1953 г. зачислена в его штат на должность старшего лаборанта. С июня 1954 г. переведена на должность младшего научного сотрудника. В декабре 1969 г. защитила кандидатскую

диссертацию «Юго-Западные предгорья Ферганы в VI–XII вв. н. э.». Осенью 1979 г. назначена на должность старшего научного сотрудника отдела скифо-сарматской археологии. В этом отделе проработала до июня 2008 г.

Полевая деятельность: 1950–1952 гг. – студенческая практика в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции;

1953–1958 гг. – работа в Киргизской археолого-этнографической экспедиции, где Г. А. Брыкина вела самостоятельные раскопы: в 1953–1956 гг. – в Чуйском отряде, в 1957–1958 гг. – в Южно-Киргизском отряде;

1959–1987 гг. – руководитель Ляйлякской экспедиции в Юго-Западной Фергане;

1960 г. – работа в Оренбургской экспедиции, которой руководил К. Ф. Смирнов;

1961 г. – работа в Эйлатанском отряде Ферганской экспедиции под рук. Т. Г. Оболдуевой;

1999–2000 гг. – участие в раскопках городища Ак-Буурк в связи с подготовкой юбилея города Ош (Киргизстан).

Таким образом, краткая биографическая справка показывает, что с ИИМК, переименованным в 1959 г. в ИА АН СССР, связана вся трудовая жизнь Г. А. Брыкиной. Благодаря длительной и успешной полевой деятельности и кропотливой научной работе в стенах института ею в общей сложности было подготовлено и опубликовано более 60 научных работ. Из их числа выделяется книга «Средняя Азия в раннем средневековье» из многотомной фундаментальной серии «Археология» (бывшая «Археология СССР»). Г. А. Брыкина выступила ответственным редактором этой коллективной научной монографии. Работа над томом потребовала от нее много сил и заняла много лет, что диктовалось обобщающим характером и большим объемом издания, которое увидело свет в 1999 г. Данная книга – плод труда 18 авторов из академий наук и ведущих музеев России и бывших союзных республик, а также итоговый труд ее редактора Г. А. Брыкиной. Ценой огромных усилий она сумела собрать и скомпоновать воедино под одной обложкой значительный массив яркого и разнопланового материала IV–VIII вв. Добавляло проблем и затрудненное общение с коллегами, почти полное отсутствие связи с удаленными среднеазиатскими регионами после распада Советского Союза, особенно в первой половине 90-х гг. Однако и редактор, и авторы успешно преодолели эти трудности.

Никто из тех, кто близко знал Галину Анатольевну Брыкину, не мог относиться к ней безразлично. Она была очень эмоциональным человеком, что не могло не рождать ответа при общении с ней. Она восхищала и возмущала, одновременно могла вызывать негодование, умиление и восторг. Порой с ней было непросто контактировать: она была прямолинейной, не умела закрывать глаза на неблагоприятные поступки, не умела прощать. Практически безразличная к материальным благам жизни, совершенно невзыскательная, а порой и безалаберная в домашнем быту, она категорически не переносила разгильдяйства в работе. Каждый, кто копал с ней, наверняка запомнил, как она выверяла каждый миллиметр на чертежах, как требовала идеального порядка на раскопе. Она доводила до иступления дежурных по кухне, требуя полной стерильности кухонной утвари и стола. Только позже становилось понятным, что благодаря именно

этой требовательности в течение многих лет ни один сотрудник экспедиции, проживая не в самых благоприятных бытовых условиях среднеазиатского кишлака, не подвергся пищевому отравлению.

За десятилетия работы в Ляйлякском районе Галина Анатольевна завела обширный круг друзей и знакомых среди местного населения (рис. 3), ее хорошо знало и уважало местное и районное руководство. Это давало возможность экспедиции продолжать работать даже в трудных обстоятельствах и в условиях временного безденежья, которые иногда случались. Под одно ее честное слово экспедиции выдавались бензин, техника, продукты. Она выступала своего рода гарантом безопасности всех членов экспедиции: никому из местных не могло прийти в голову совершить какое-либо хулиганство по отношению к ним. Экспедиция никогда не испытывала проблем с рабочими – местные мальчишки в возрасте от 14 до 17 лет толпами приходили наниматься на земляные работы. Помимо привычного труда, для них это было интересное времяпрепровождение и неплохой заработок, в котором они были уверены. Многие из них на ее глазах вырастали и обзаводились своими семьями. А она всех помнила по именам и всегда рада была видеть при встрече не только на пыльных кишлачных улочках, но и у себя дома в Москве, где они в случае необходимости всегда могли рассчитывать на уют.

Рис. 3. Г. А. Брыкина в окружении жителей кишлака Кайрагач. Осень 1987 г.
Фото М. В. Ладыгина

Какой в жизни была Галина Анатольевна? Невысокого роста, темноволосая, с живыми карими глазами и частой улыбкой на лице. По характеру деятельная, любознательная, живая и «заводная», как сейчас говорят. Вместе с тем порой проявлялись ее вспыльчивость и взрывной характер, но эти недостатки быстро гасились отходчивостью и, по сути, миролюбивым нравом. В работе она была совершенно неустойчивой, способной ради дела прошагать по горам десятки километров на больных в последнее время ногах. Все эти качества оба автора наблюдали лично во время работы в Ляйлякской экспедиции и пребывания в аспирантуре под научным руководством Г. А. Брыкиной.

Она умела помогать. В ней была так называемая активная доброта, которая выражается не в словах, но в делах. Галина Анатольевна не имела своей семьи, но любила принимать у себя гостей, нередко встречая их вкусными домашними пирогами. В ее небольшой квартире постоянно кто-то жил – коллеги-археологи из Средней Азии, знакомые из ее любимого Кайрагача, собирающиеся к ней в экспедицию студенты. Каждый, так или иначе причастный к делу ее жизни, становился для нее близким человеком, фактически родственником.

Г. А. Брыкина принадлежала к поколению археологов, для которых работа составляла главный смысл и суть жизни. Они не уходили на пенсию, их работа прекращалась, только если обрывалась их жизнь. Галина Анатольевна была предана археологии безраздельно и до последнего. Она скончалась 9 апреля 2011 г. в Москве, в возрасте 82 с небольшим лет. Похоронена на кладбище села Селятино Наро-Фоминского района Московской области рядом с могилами своих родителей.

Когда вспоминаешь Ляйлякскую экспедицию, в памяти сразу всплывают красивые горы, своенравные чистые реки и азиатское солнце, ярко высвечивающее окружающих людей.

Сведения об авторах

Армарчук Екатерина Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: katherine-arm@yandex.ru;

Трунаева Татьяна Николаевна, Федеральная служба судебных приставов, Кузнецкий Мост, д. 16/5, Москва, 107031, Россия; e-mail: trunaeva@fssprus.ru

Е. А. Armarchuk, T. N. Trunaeva

ON THE ACTIVITY OF THE LYAILYK EXPEDITION OF IA RAS

Abstract. The paper presents a review of the works of the Lyailyak expedition organized in the Institute of Archaeology, RAS. The expedition was active from 1959 till 1987 in Central Asia. During this period it was headed by G. A. Brykina. The field works covered numerous sites of various types investigated in the hilly regions of South-West Fergana: open and fortified settlements and cemeteries dating from the early and high Middle Ages. The works have yielded abundant materials which characterize one of numerous regions of Central Asia and form the base for a series of scientific books. The authors consider G. A. Brykina's contribution in various aspects of the activity of the expedition

and Russian archaeology in general. The publication contains personal memoirs of the scholar provided by her colleagues and apprentices.

Keywords: Institute of Archaeology RAS, Lyailyak expedition, South-west Fergana, Kirghizia, archaeological sites, Galina Anatol'evna Brykina, scientific contacts, personal qualities.

About the authors

Armarchuk Ekaterina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: katherine-arm@yandex.ru;

Trunaeva Tatyana N., The Federal service of court bailiffs, Kuznetsky Most, 16/5, bld. 1, Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: trunaeva@fssprus.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН – Академия наук
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БИ – Боспорские исследования
ВAAЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВАП – Вопросы археологии Поволжья. Самара
ВВ – Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИМС – Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья. М.
ВО – Восточное обозрение
ВУАК – Воронежская Ученая Архивная Комиссия
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЕНУ им. Л. Н. Гумилева – Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана (Казахстан)
ЗИАН – Записки Императорской Академии наук
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев
КТб – Большая надпись на стеле Кюль-тегина
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НАА – Народы Азии и Африки
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы (Казахстан)
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии

- ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
 РА – Российская археология
 РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
 РСМ – Раннеславянский мир. М.
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
 СНВ – Страны и народы Востока
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СТОЭ – Сборник трудов Орхонской экспедиции.
 СТШ – Синь Тан-шу
 СЭ – Советская этнография
 ТАС – Тверской археологический сборник
 ТомГУ – Томский государственный университет
 Тр. СамГУ – Труды Самаркандского государственного университета
 ТСАИПИ – Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 УАВ – Уфимский Археологический Вестник
 ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова
 ЦТШ – Цзю Тан-шу
 ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
- AltGU – Altaiskiy gosudarstvennyy universitet [Altai State university]
 AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
 ASGE – Arkheologicheskiiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]
 AV – Arkheologicheskkiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg
 BEFEO – Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Paris
 BI – Bosporskie issledovaniya [Bosporus investigations]
 CS MES RK – Committee of Science Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
 DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
 DonNU – Donetskii natsional'nyy universitet [Donetsk national university]
 ENU – L.N. Gumilev Eurasian national university. Astana (Republic of Kazakhstan)
 ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua
 GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy Muзей [State Historic Museum]. Moscow
 IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
 IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
 IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
 IAK – Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial Archaeological commission]
 IEA RAN (RAS) – Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS]
 IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
 IYaLI – Institut istorii, yazyka i literatury [Institute for history, language and literature]
 IYaLI – Institut yazyka, literatury i istorii [Institute for language, literature and history]
 JAS – Journal of Archaeological Science
 KemGU – Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet [Kemerovo state university]

- KhKM – Khakasskiy natsional’nyy kreavedcheskiy muzey im. L.R. Kyzlasova [L.R. Kyzlasov Khakassian national museum of local lore]
- KN MON RK – Komitet nauki Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan [Committee for science of the Ministry of education and science, Republic of Kazakhstan]
- KSlA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSlAAN UkrSSR – Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainiskoy SSR [Brief communications of Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Ukrainian . SSR]. Kiev
- KTb – Big inscription on Kul-tegin stele
- MAIET - Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol’
- MAR – Materialy po arkheologii Rossii [Materials for archaeology of Russia]. St. Petersburg
- MAE RAN - Muzei antropologii i etnografii RAN (Kunstkamera) [Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstammer); St. Petersburg
- MDAFA – Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova [M.V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations on archaeology of the North Caucasus]
- NAA – Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]
- NITsIA “Begazy-Tasmola” – Nauchno-issledovatel’skiy tsentr istorii i arkheologii “Begazy-Tasmola”. Almaty (Republic of Kazakhstan)
- NNZ – Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and archaeology]. Velikiy Novgorod
- OAK – Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Report of Imperial Archaeological commission]
- OGPU – Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy univcrsitet [Orenburg State pedagogical university]
- PAV – Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik [Petersburg archaeological bulletin]. St. Petersburg
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul’tury [Problems of history, philology, culture]
- QI – Quaternary International
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAIMK – Rossiyskaya akademiya istorii material’noy kul’tury [Russian academy for the history of material culture]
- RSM – Ranneslavianskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SAIPI – Sibirskaya assotsiatsiya issledovateley pervobytnogo iskusstva [Siberian association of researchers of primitive art]
- SE – Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]
- SNV – Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of the Orient]
- SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
- SP – Stratum Plus
- STOE – Sbornik trudov Orkhonskoy ekspeditsii [Collected works of Orkhon expedition]
- TAS – Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver’ archaeological collection of articles]
- TGE – Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [State Hermitage Transactions]
- TKhAEE – Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of Khorezm archaeological ethnographic expedition]
- TomGU – Tomskiy gosudarstvennyy universitet [Tomsk State university]
- TrSamGU – Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta [Works of Samarkand State university]
- TSAPI – Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Works of Siberian association of researchers of primitive art]

- TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South Turkmenistan archaeological complex expedition]. Ashkhabad
- UAV – Ufimskiy arkheologicheskij vestnik [Ufa archaeological bulletin]
- VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. Tyumen'
- VAP – Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Problems of archaeology of the Volga region]. Samara
- VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
- VIMS – Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut mineral'nogo syr'ya [All-Russian scientific research institute of mineral raw materials]. Moscow
- VO – Vostochnoe obozrenie [Oriental review]
- VUAK – Voronezhskaya uchenaya arkhivnaya komissiya [Voronezh scientific archival commission]. Voronezh
- VV – Vizantiyskiy vremennik [Byzantine bulletin]
- YuUrGU – Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet [South Urals State university]. Chelyabinsk
- ZIAN – Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk [Proceedings of Imperial Academy of Sciences]
- ZOOID – Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Odessa Society for history and antiquities]

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age Levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 248

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Корректор О. Круподер
Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 29.09.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 29,02. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № госрегистрации 1147746155325
Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57. itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks